A. BAÏKOFF. LA CAPACITÉ INTERNATIONALE ACTUELLE DU SAINT-SIÈGE ET LES PERSONNES DU DROIT DES GENS.

СОВРЕМЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ПАПСТВА

ВЪ СВЯЗИ СЪ УЧЕНІЕМЪ

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ВООБЩЕ.

«Reddite quae sunt Caesaris Caesari, et quae sunt Dei Deo» (Matth. XXII, 21. Marc. XII. 17. Luc. XX, 25).

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Л. БАЙКОВА,

ПРИВ.-ДОЦ. ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1904.

3862

По опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Спб. Университета печатать разрѣшается.

Спб., 27 января 1903 г.

Деканъ *Д. Гриммъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящее сочиненіе, мы считаемъ долгомъ принести нашу глубокую благодарность бывшему Россійскому Министру Резиденту при Св. Престолѣ (нынѣ Чрезвычайному Посланнику въ Бѣлградѣ), Константину Аркадьевичу Губастову, за его любезное содѣйствіе, намъ оказанное при собираніи въ Римѣ нѣкоторыхъ матеріаловъ по предмету предпринятаго изслѣдованія. Въ равной мѣрѣ приносимъ мы сердечную благодарность Монсиньору Бранди и профессору Римскаго университета Чіамполи, облегчившимъ намъ ознакомленіе съ цѣнными матеріалами библіотеки «Civiltà Cattolica» и Римской національной библіотеки Виктора Эммануила.

Мы сочтемъ нашу задачу выполненной, если предлагаемый трудъ обратитъ болѣе серьезное вниманіе русской юридической литературы на вопросъ о совре-

менной международной правоспособности папства, не получившій, до настоящаго времени, надлежащаго разрѣшенія.

А. Байковъ.

Май 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.
Предисловіе v
Введеніе xxix

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Историческій очеркъ развитія элементовъ международной правоспособности папства.

§ 1. Классификація періодовъ. . . . . 1—3

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Со времени эдикта 313 г., оффиціально признавшаго христіанскую церковь, до понтификата Григорія VII.

Характеристика 4
1. Совокупность благопріятныхъ историческихъ факторовъ подготовляетъ политическую эмансипацію папства. . . . . 4—16
§ 2. 2. Политическая эмансипація папства, обусловливаясь развитіемъ религіознаго авторитета Св. Престола до степени суверенной власти, оказалась въ эту эпоху недостижимой.
1) Не обладая религіознымъ суверенитетомъ, Св. Престолъ не въ силахъ былъ освободиться изъ-подъ опеки имперіи.
a) Религіозный авторитетъ папства служитъ мотивомъ сближенія съ нимъ государей . . . . . 16—19
b) Религіозный авторитетъ служитъ папству главнѣйшимъ средствомъ огражденія его политической независимости. . . . . 19—21

стр.

с) Религіозный авторитетъ Св. Престола, не достигнувъ въ эту эпоху степени суверенаго властвованія, не въ силахъ былъ обезпечить папству политической независимости. . . . . 21—22

2) Не обладая религіознымъ суверенитетомъ, Св. Престолъ нуждался въ опекѣ имперіи.—Заключеніе . . . . . 22—26

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

Со времени понтификата Григорія VII до авиньонскаго плѣна.

стр.

§ 3. Характеристика 27

1. Существенные интересы церкви способствуютъ развитію элементовъ международной правоспособности папства.

1) Режимъ епископальной аристократіи вредно отражался на благосостояніи западной церкви.

а) Независимость церкви, построенной на началахъ епископально-аристократическаго режима, обусловливалась политической эмансипаціей мѣстнаго духовенства. . . . . 27—30

b) Феодальная зависимость мѣстнаго духовенства пагубно отражалась на его нравственномъ уровнѣ . . . . . 30—32

с) Политическая эмансипація мѣстнаго духовенства являлась недостижимой . . . . . 32—33

§ 4. 2) Недостатки епископальнаго режима способствуютъ развитію религіознаго суверенитета Св. Престола . . . . . 33—41

§ 5. 3) Развитіе религіознаго суверенитета Св. Престола обусловливалось его независимостью, тѣсно связанной съ политической эмансипаціей папства.

а) Религіозный суверенитетъ Св. Престола обусловливался независимостью послѣдняго . . . . . 41—42

b) Независимость Св. Престола обусловливалась политической эмансипаціей (свободой) папства . . . . . 42—51

§ 6. 2. Развитіе элементомъ международной правоспособности папства обусловливалось господствомъ духовной власти надъ свѣтскою.

1) Стремленіе папства къ всемірному господству являлось результатомъ, а не причиной столкновенія церкви съ государствомъ. Коллизія между ними обусловливалась взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: абсолютно-монархической формы средневѣковаго государственнаго устройства и религіознаго суверенитета Св. Престола.

а) Стремленіе папства къ всемірному господству являлось результатомъ, а не причиной столкновенія церкви съ государствомъ. . 51—53

b) Коллизія церкви съ государствомъ—результатъ двухъ факто-

стр.
ровъ: религіознаго суверенитета Св. Престола и абсолютно-монархической формы средневѣковаго государственнаго режима . . . . 53—55
2) По степени интенсивности идея главенства духовной власти надъ свѣтскою выражалась въ двоякой формѣ:
а) Религіозный суверенитетъ Св. Престола ограничиваетъ свѣтскій суверенитетъ государей. . . . . 55—56
b) Религіозный суверенитетъ Св. Престола ограничиваетъ независимость государей (теорія гармоническаго сосуществованія властей) 59—62
§ 7. 3. Господство духовной власти надъ свѣтскою коренилось въ абсолютно-монархическомъ строѣ средневѣковаго режима, съ одной стороны, и религіозномъ верховенствѣ папы—съ другой.
а) Абсолютная монархія, построенная на патріархальныхъ началахъ, съ одной стороны, и религіозное верховенство Св. Престола, съ другой, таковы два фактора, воздѣйствіе которыхъ грозило водвореніемъ всемірной папской монархіи . . . . . 62—68
b) Конституціонный режимъ гарантируетъ независимость свѣтской власти по отношенію къ духовной . . . . . 68—74
4. Господство папы надъ государствомъ не заключало въ себѣ существенныхъ элементовъ теократіи . . . . . 74—77
5. Водвореніе всемірной папской монархіи оказалось недостижимымъ.
1) Возвышеніе папства способствуетъ развитію самодѣятельности народа въ области политической . . . . . 77—81
2) Самодѣятельность народа въ области политической эмансипируетъ государства изъ-подъ опеки Св. Престола.—Заключеніе . 81—86

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Съ авиньонскаго плѣна до французской революціи 1789 года.

стр.
§ 8. Характеристика 87
1. Государства пріобрѣтаютъ элементы международной правоспособности по отношенію къ Св. Престолу.
1) Стремленіе къ всемірному господству пагубно отражается на нравственномъ уровнѣ папства . . . . . 87—91
2) Нравственный упадокъ папства умаляетъ его независимость по отношенію къ государству . . . . . 91—93
3) Политическая зависимость папства приводитъ къ великой католической схизмѣ. . . . . 93—96
4) Великая католическая схизма умаляетъ религіозно-нравственный авторитетъ папства . . . . . 96—97
5) Умаленіе религіозно-нравственнаго авторитета папства влечетъ за собой ограничительныя постановленія Констанцкаго и Ба-

стр.

зельскаго соборовъ въ духѣ епископально-аристократическаго режима. Возстановленіе послѣдняго, въ связи съ реформаціей, эмансипируетъ государства изъ-подъ опеки папства, слабость котораго принуждаетъ его искать поддержки у свѣтской власти, что, въ свою очередь, возвышаетъ значеніе послѣдней:

a) Умаленіе религіозно-нравственнаго авторитета папства влечетъ за собой ограничительныя постановленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ . . . . . 97—102

b) Реставраціи епископально-аристократическаго режима эмансипируетъ католическія государства изъ-подъ опеки папства . . 102—103

c) Вскорѣ наступившая реформація окончательно освобождаетъ протестантскія государства отъ подчиненія Ватикану . . . . 103—104

d) Слабость папства принуждаетъ его искать поддержки у свѣтской власти, что, въ свою очередь, возвышаетъ значеніе послѣдней 104—108

§ 9. 2. Св. Престолъ сохраняетъ элементы международной правоспособности.

1) Папство возстановляетъ религіозное верховенство Св. Престола. Ограниченіе авторитета послѣдняго въ пользу епископальной аристократіи вскорѣ вызываетъ реакцію.

a) Радикальная политика собора дискредитируетъ его въ глазахъ католическаго міра . . . . . 108—110

b) Радикальное направленіе собора обрекаетъ его на бездѣятельность . . . . . 110—111

c) Возстановленіе Констанцкимъ и Базельскимъ соборами епископальнаго режима грозило ограничить независимость духовной власти отъ свѣтской. . . . . 111—114

2) Папство сохраняетъ свободу и независимость по отношенію къ государству . . . . . 114—116

3. Развитію международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній церкви и государства препятствуетъ абсолютно-монархическая форма государственнаго устройства.

1) Тридентскій соборъ доказалъ устойчивость религіознаго верховенства Св. Престола.

2) Въ условіяхъ абсолютно-монархической, патріархальной формы государственнаго устройства, религіозное верховенство Св. Престола угрожаетъ независимости государства.

3) Угроза со стороны Св. Престола, нарушая равноправность обѣихъ властей, духовной и свѣтской, препятствуетъ развитію международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній церкви и государства.—Заключеніе. . . . . 116—120

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Со времени французской революціи 1789 года до паденія церковнаго государства 20 сентября 1870 г.

СТР.

§ 10. Характеристика 120

1. Французская революція 1789 г., провозглашая идею народной свободы, эмансипируетъ католическія государства изъ подъ опеки папства.

1) Центробѣжная, по отношенію къ Риму, политика католическихъ государей способствуетъ развитію религіознаго индифферентизма . . . . . 120—122

2) Развитіе религіознаго индифферентизма облегчаетъ революціи 1789 г. ниспроверженіе абсолютно-монархическаго строя.

3) Провозглашеніе парламентскаго режима эмансипируетъ католическія государства изъ подъ опеки папства . . . . . 122—124

2. Идея народной свободы влечетъ за собою паденіе церковнаго государства.

1) Идея народной свободы вызываетъ на очередь итальянскій вопросъ.

a) Народная (конституціонная) свобода въ Италіи обусловливалась ея политической независимостью . . . . . 124—127

b) Политическая независимость Италіи обусловливалась объединеніемъ послѣдней. . . . . 127—129

2) Итальянскій вопросъ, органически связанный съ народной свободой, угрожаетъ папской монархіи.

a) Идея народной свободы влечетъ за собой оккупацію Рима французскими войсками въ эпоху первой республики и имперіи 129—131

b) Идея народной свободы угрожаетъ абсолютному строю папской монархіи . . . . . 131—133

c) Конституціонныя ограниченія свѣтской власти папы угрожаютъ религіозному суверенитету послѣдняго . . . . . 133—137

3) Радикальный характеръ итальянскаго вопроса вызываетъ реакціонную политику папства . . . . . 137—142

4) Реакціонная политика папства влечетъ за собою паденіе папской монархіи . . . . . 142—145

3. Паденіе папской монархіи, возвышая авторитетъ Св. Престола, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ за нимъ элементы международной правоспособности.

1) Паденіе папской монархіи возвышаетъ авторитетъ Св. Престола.

2) Паденіе церковнаго государства не повлекло за собой умаленія международной правоспособности папства.—Заключеніе . 145—152

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Конструкція международной правоспособности вообще.

СТР.

§ 11. Характеристика 155

1. Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собою, элементами международной правоспособности, поскольку совокупность основныхъ и производныхъ международныхъ правъ и обязанностей, въ свою очередь, органически связана съ ними.

I. Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собою, элементами международной правоспособности.

A) Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными элементами международной правоспособности.

I. Суверенитетъ есть власть, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Недѣлимая по существу, но сложная по содержанію, эта власть выражается въ двухъ формахъ господства: территоріальной и личной.

1) Суверенитетъ есть власть, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

a) Суверенитетъ есть власть, господство которой не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ . . . 156—158

b) Суверенитетъ есть власть, господство которой не обусловливается въ своемъ бытіи согласіемъ подчиняемыхъ . . . . . 158—160

c) Суверенная власть ограничивается въ своей дѣятельности предѣлами принадлежащей ей компетенціи . . . . . 160—161

2) Суверенитетъ недѣлимъ по существу, но сложенъ по содержанію . . . . . 161—164

§ 12. 3) Суверенитетъ выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ, формахъ власти: территоріальной и личной.

1) Суверенитетъ выражается въ двухъ формахъ власти: территоріальной и личной.

a) Территоріальная власть, въ свою очередь, выражается въ трехъ, органически между собою связанныхъ, формахъ: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, экстерриторіальной и детерриторіальной.

стр.

аа) Территоріальная власть выражается въ трехъ формахъ: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, экстерриторіальной и детерриторіальной.

α) Территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію присвоенной ему власти, подчиняетъ всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, не обусловливаясь, при этомъ, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

αα) Территоріальная власть есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ подчиняетъ всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи.

ββ) Господство надъ лицами, находящимися на территоріи даннаго организма, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

γγ) Степень господства опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей господствующему организму . . . . . 164—167

β) Экстерриторіальная власть есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ, въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, исключаетъ аналогичное по содержанію господство другихъ организмовъ, не обусловливаясь, при этомъ, властью послѣднихъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

αα) Экстерриторіальная власть есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ исключаетъ въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, господство другихъ организмовъ, публичныхъ и частныхъ, физическихъ и юридическихъ.

ββ) Степень исключенія господства другихъ организмовъ опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей данному организму.

γγ) Экстерриторіальная власть есть форма верховенства, поскольку право исключенія власти не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ . 167—169

γ) Детерриторіальная власть есть форма господства, въ силу которой эвентуально недостающія данному общественному организму территоріальныя формы верховенства возстановляются въ его пользу «ipso iure» по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе послѣдними.

αα) Детерриторіальная власть есть форма господства, предметомъ которой служитъ возстановленіе управомоченнымъ организмомъ недостающихъ ему элементовъ господства въ предѣлахъ данной мѣстности.

ββ) Возстановленіе недостающихъ данному общественному организму территоріальныхъ формъ власти наступаетъ «ipso iure» по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе послѣдними.

γγ) Детерриторіальная власть есть форма верховенства, поскольку самое право возстановленія даннымъ общественнымъ организмомъ

стр.
недостающихъ ему территоріальныхъ формъ власти не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. . . . . 169—171

bb) Территоріальныя формы верховенства органически между собою связаны:

α) Территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова обусловливается экстерриторіальнымъ верховенствомъ.

β) Территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова не обусловливается детерриторіальнымъ верховенствомъ.

γ) Экстерриторіальность не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова.

δ) Экстерриторіальность не обусловливается детерриторіальнымъ верховенствомъ.

ε) Детерриторіальное верховенство не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова.

ζ) Детерриторіальная власть не обусловливается экстерриторіальною . . . . . 171—179

§ 13. b) Личная форма власти. Послѣдняя, въ свою очередь, выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ, формахъ господства: положительной и отрицательной.

aa) Личная форма власти выражается въ двухъ формахъ господства: положительной и отрицательной.

α) Положительная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію принадлежащей ему власти, господствуетъ надъ опредѣленными лицами безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой они находятся, и не обусловливаясь, при этомъ, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

αα) Положительная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный организмъ господствуетъ надъ опредѣленными лицами безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой они находятся.

ββ) Степень господства опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей данному организму.

γγ) Положительная форма личнаго властвованія выражаетъ собою верховенство, поскольку господство надъ подчиняемыми не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. . . . . 179—181

β) Отрицательная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію принадлежащей ему власти, исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ надъ опредѣленными лицами, подчиненными ему безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой они находятся.

αα) Отрицательная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный организмъ исключаетъ

стр.

господство другихъ организмовъ надъ опредѣленными лицами безотносительно къ мѣстонахожденію послѣднихъ.

ββ) Степень исключенія господства другихъ организмовъ опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей данному организму надъ подчиненнымъ ему населеніемъ.

γγ) Подобное право не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. . . . . 181—183

bb) Положительная и отрицательная формы личнаго верховенства органически связаны между собою.

α) Положительная форма обусловливается отрицательной.

β) Отрицательная форма обусловливается положительной.

2) Территоріальная и личная формы верховенства органически связаны между собою.

a) Территоріальная власть обусловливается личнымъ верховенствомъ.

b) Личная власть не обусловливается территоріальнымъ верховенствомъ . . . . . 183—185

§ 14. II. Свобода есть юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, властвуя въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной. Подобное состояніе, недѣлимое по существу, но сложное по содержанію, выражается въ двухъ формахъ свободы: объективной и субъективной.

1) Свобода есть состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной.

2) Право исключенія господства надъ собою другихъ организмовъ ограничивается содержаніемъ опредѣленной компетенціи.

3) Въ границахъ принадлежащей ему компетенціи свободный организмъ исключаетъ господство надъ собою другихъ организмовъ безотносительно къ компетенціи послѣднихъ.

4) Свобода выражается въ двухъ формахъ: объективной и субъективной.

5) Обѣ формы свободы органически связаны между собою:

a) Субъективная свобода обусловливается объективной.

b) Объективная свобода не обусловливается субъективной.

6) Свобода недѣлима по существу, но сложна по содержанію.

a) Свобода недѣлима по существу.

b) Свобода дѣлима по содержанію.

7) Свобода есть юридическое состояніе . . . . . 185—190

§ 15. III. Независимость есть юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпе-

стр.
тентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ.

1) Предметомъ независимости служитъ осуществленіе власти.

2) Независимый организмъ не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ.

3) Независимость, ограничивается содержаніемъ компетенціи, принадлежащей данному организму.

4) Независимость, недѣлимая по существу, сложна по содержанію.

5) Независимость есть юридическое состояніе . . . . . 190—193

B) Суверенитетъ, свобода и независимость органически связаны между собою.

1) Суверенитетъ обусловливается объективной свободой.

2) Суверенитетъ не обусловливается субъективной свободой.

3) Суверенитетъ не обусловливается независимостью.

4) Свобода, какъ объективная, такъ и субъективная, обусловливается суверенитетомъ.

5) Свобода, какъ объективная, такъ и субъективная не обусловливается независимостью.

6) Независимость обусловливается объективной и субъективной свободою.

7) Независимость обусловливается суверенитетомъ. . . . 193—200

§ 16. 2. Совокупность международныхъ правъ и обязанностей, основныхъ и производныхъ, органически связанныхъ между собою, въ свою очередь органически связана съ элементами международной правоспособности: суверенитетомъ, свободой и независимостью.

A) Совокупность международныхъ правъ и обязанностей слагается изъ двухъ категорій правъ и обязанностей: основныхъ и производныхъ.

AA) Основныя международныя права слагаются изъ права договора, права представительства и права принужденія, необходимо присущихъ всякому суверенному, свободному и независимому организму.

1) Право договора есть право, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, становится субъектомъ обязанностей, руководствуясь, независимо отъ компетенціи контрагента, исключительно собственной волею.

a) Право договора выражается въ правѣ быть субъектомъ обязанностей не иначе, какъ въ силу собственной воли.

b) Согласіе обязуемаго ограничивается содержаніемъ принадлежащей ему компетенціи.

c) Согласіе обязуемаго остается существеннымъ независимо отъ компетенціи контрагента.

2) Право представительства есть право, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему

стр.

компетенціи, выражаетъ свою волю при посредствѣ собственныхъ органовъ въ области взаимныхъ сношеній съ другими, равноправными ему, организмами, безотносительно, при этомъ, къ компетенціи послѣднихъ.

a) Предметомъ права представительства является выраженіе воли при посредствѣ собственныхъ органовъ.

b) Выраженіе воли при посредствѣ собственныхъ органовъ относится къ области взаимныхъ сношеній даннаго организма съ другими, ему равноправными.

c) Право выраженія воли при посредствѣ собственныхъ органовъ представительства ограничивается компетенціей, принадлежащей данному организму.

d) Въ области собственной компетенціи, право представительства осуществляется независимо отъ компетенціи другихъ организмовъ.

3) Право принужденія выражается въ правѣ вторженія въ компетенцію организмовъ, господство которыхъ, хотя бы въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи, нарушаетъ компетенцію даннаго организма.

a) Предметомъ права принужденія является вторженіе въ компетенцію другихъ организмовъ.

b) Право вторженія въ компетенцію принуждаемаго обусловливается фактомъ нарушенія послѣднимъ компетенціи принуждающаго.

c) Право вторженія въ компетенцію другихъ организмовъ не обусловливается, однако, фактомъ превышенія послѣдними принадлежащей имъ компетенціи . . . . . 201—206

BB) Основныя международныя обязанности, ограничивая субъектовъ международнаго права принадлежащей имъ компетенціей, не налагаютъ на нихъ обязательства воздерживаться, при этомъ, отъ нарушенія компетенціи другихъ организмовъ.

1) Основныя международныя обязанности ограничиваютъ субъектовъ международнаго права принадлежащей имъ компетенціей

2) Основныя международныя обязанности не налагаютъ на субъектовъ международнаго права обязательства воздерживаться въ осуществленіи власти отъ нарушенія компетенціи другихъ организмовъ 206 208

CC) Производныя международныя права слагаются изъ совокупности правъ, предметомъ которыхъ являются положительныя и отрицательныя дѣйствія, выступающія за предѣлы абсолютной компетенціи даннаго организма или же, хотя и входящія въ ея составъ, но ограниченныя въ осуществленіи производными обязанностями управомоченнаго организма . . . . . 208—209

DD) Производныя международныя обязанности опредѣляются совокупностью положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію даннаго организма или производныя права, ему принадлежащія, предметомъ которыхъ являются дѣйствія, выступающія за предѣлы послѣдней . . . . . 209—210

СТР.

B) Основныя и производныя международныя права и обязанности органически связаны съ элементами международной правоспособности.

AA) Основныя международныя права органически связаны съ элементами международной правоспособности:

1) Основныя права обусловливаются элементами международной правоспособности:

a) Право договора обусловливается свободой.

b) Право договора обусловливается независимостью.

c) Право договора обусловливается суверенитетомъ.

d) Право представительства обусловливается свободой.

e) Право представительства обусловливается независимостью.

f) Право представительства обусловливается суверенитетомъ.

g) Право принужденія обусловливается свободой.

h) Право принужденія обусловливается независимостью. . 210—214

2) Международная правоспособность обусловливается основными правами.

a) Независимость обусловливается правами договора, представительства и принужденія.

b) Суверенитетъ и свобода, въ отличіе отъ независимости, не обусловливаются основными правами. . . . . 214—216

BB) Основныя международныя обязанности органически связаны съ элементами международной правоспособности.

1) Основныя обязанности обусловливаются элементами международной правоспособности.

2) Международная правоспособность обусловливается основными обязанностями:

a) Независимость, существенный элементъ международной правоспособности, обусловливается основными обязанностями.

b) Суверенитетъ и свобода не обусловливаются основными обязанностями . . . . . 216—219

CC) Производныя права и обязанности органически связаны съ элементами международной правоспособности.

C) Основныя и производныя права и обязанности органически связаны между собою:

1) Основныя и производныя права органически связаны между собою:

a) Производныя права обусловливаются основными.

b) Основныя права не обусловливаются производными.

2) Основныя права органически связаны между собою.

3) Основныя и производныя обязанности органически связаны между собою:

4) Права и обязанности органически связаны между собою. 219—221

§ 17. 2. Всякій суверенный, свободный и независимый организмъ опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи—абсолютной и относительной—международно-правовыми началами. Обяза-

СТР.

тельныя по природѣ, они ограничиваютъ произволъ субъектовъ международнаго права, не посягая, однако, на элементы международной правоспособности послѣднихъ—суверенитетъ, свободу и и независимость.

1) Всякій суверенный свободный и независимый организмъ опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи — абсолютной и относительной—международно-правовыми началами:

a) Компетенція суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ слагается изъ двухъ категорій — абсолютной и относительной компетенціи.

aa) Абсолютная компетенція опредѣляется элементами международной правоспособности — суверенитетомъ, свободой и независимостью — и совокупностью основныхъ правъ и обязанностей даннаго организма.

bb) Относительная компетенція опредѣляется совокупностью производныхъ правъ и обязанностей, характеризующихъ положительныя отношенія даннаго организма къ прочимъ членамъ международнаго общенія.

b) Абсолютная и относительная компетенція опредѣляются международно-правовыми началами.

2) Международно-правовыя начала являются обязательными, поскольку ихъ нарушеніе связано съ превышеніемъ полномочій, врученныхъ правительству — реальному носителю власти — идеальнымъ субъектомъ послѣдней: суверенным, свободнымъ и независимымъ организмомъ.

3) Международно-правовыя начала ограничиваютъ произволъ субъектовъ международнаго права.

4) Международно-правовыя начала не нарушаютъ элементовъ международной правоспособности . . . . . 227—227

3. Совмѣстное бытіе суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, ограничивая ихъ естественную независимость, вызываетъ необходимость гарантій, могущихъ имъ обезпечить осуществленіе правъ въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи.

1) Совмѣстное бытіе суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, ограничиваетъ ихъ естественную независимость.

2) Ограниченіе естественной независимости, неизбѣжное въ условіяхъ международно-правовыхъ отношеній, вызываетъ необходимость гарантій, могущихъ ее обезпечить . . . . . 227—230

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Конструкція современной международной правоспособности папства.

стр.

§ 18. Характеристика 233

1. Св. Престолъ, обладая суверенитетомъ, свободой и независимостью, органически связанными между собою элементами международной правоспособности, долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права.

А) Св. Престолъ обладаетъ суверенитетомъ, свободой и независимостью.

АА) Св. Престолъ является суверенным, будучи носителемъ власти, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Недѣлимая по существу, но сложная по содержанію, эта власть выражается въ двухъ формахъ господства: территоріальной и личной.

1. Св. Престолъ является носителемъ власти, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

а) Св. Престолъ является носителемъ власти, господство которой не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ.

Б) Св. Престолъ является носителемъ власти, господство которой не обусловливается, въ своемъ бытіи, согласіемъ подчиняемыхъ.

с) Господство Св. Престола ограничивается составомъ принадлежащей ему компетенціи . . . . . 234—239

2. Всякая власть, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ, является суверенной, независимо отъ содержанія осуществляемыхъ ею актовъ господства (см. выше).—Ergo:

3. Св. Престолъ является субъектомъ верховенства.

4. Верховенство Св. Престола, недѣлимое по существу, сложно по содержанію . . . . . 239—244

§ 19. 5. Верховенство Св. Престола выражается въ двухъ, органически связанныхъ между собою, формахъ: территоріальной и личной.

1) Верховенство Св. Престола выражается въ двухъ формахъ власти: территоріальной и личной.

а) Территоріальное верховенство Св. Престола, въ свою оче-

стр.

редь, выражается въ формахъ: экстерриторіальной и детерриторіальной.—Капитуляція Рима 20 Сентября 1870 г., уничтоживъ территоріальное. въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство куріи, повлекла за собой паденіе церковнаго государства — Юридическое значеніе военной оккупаціи . . . . . 244—256

§ 20. аа) Капитуляція Рима 20 Сентября 1870 г., уничтоживъ территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство Св. Престола, повлекла за собой паденіе церковнаго государства.

1) Капитуляція Рима утвердила абсолютное стратегическое господство Италіи въ предѣлахъ церковнаго государства и относительное стратегическое господство послѣдней надъ Ватиканомъ.

2) Абсолютное и относительное стратегическое господство Италіи уничтожили территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство Св. Престола на всемъ протяженіи церковнаго государства, не исключая и Ватикана.

3) Территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство является необходимымъ элементомъ всякаго вообще государственнаго организма.—Ergo·

4) Капитуляція Рима, уничтоживъ данную форму верховенства Св. Престола, повлекла за собой разложеніе церковнаго государства . . . . . 256—258

bb) Въ предѣлахъ Ватикана, не оккупированнаго итальянскою арміей. Св. Престолъ сохранилъ экстерриторіальную форму верховенства.

1) Въ предѣлахъ Ватикана, Италія до настоящаго времени не обладаетъ территоріальнымъ верховенствомъ.

2) Въ предѣлахъ Ватикана, Св. Престолъ исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ.

3) Право, согласно которому данный общественный организмъ исключаетъ, въ границахъ опредѣленной мѣстности, аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ, характеризуетъ экстерриторіальность управомоченнаго.

4) Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія экстерриторіальности Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана . . . . . 258—261

5) Экстерриторіальность Св. Престола есть форма власти, верховенства, а не простыхъ полномочій, дарованныхъ папѣ Италіей.

a) Въ силу соображеній религіознаго и политическаго характера, католическій міръ заинтересованъ сохранить за Св. Престоломъ экстерриторіальную форму верховенства . . . . . 261—267

b) Относительное стратегическое господство Италіи является, тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ, поскольку мы имѣемъ въ виду осуществленіе Св. Престоломъ въ предѣлахъ Ватикана территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова . . . . . 267—270

§ 21. Юрисдикція Св. Престола. Дѣло Теодоли-Мартинуччи. Теорія Скадуто, Пальмы, Габиба и Орландо. Теорія Содерини, Оли-

стр.

вара и Джюббю. Теоріи Каллиссе, Бонги, Габбы, Бруніальти, Леруа-Больё и Гефкена.—Наша теорія:

1) Св. Престолъ, экстерриторіальный въ предѣлахъ Ватикана, вправѣ осуществлять полицейскія функціи, необходимыя для огражденія, въ предѣлахъ данной мѣстности, безопасности вообще и, въ частности, личной безопасности папы, а также—свободнаго осуществленія куріей актовъ религіознаго управленія.

2) Св. Престолъ вправѣ осуществлять всѣ функціи власти, относящіяся къ административному и хозяйственному управленію Ватикана.

3) Св. Престолъ вправѣ осуществлять судебную власть по вопросамъ гражданской юрисдикціи.

4) Св. Престолъ не обладаетъ судебною властью по уголовнымъ вопросамъ. . . . . 270—278

§ 22. cc) Св. Престолъ является субъектомъ детерриторіальной формы верховенства, поскольку недостающая ему, въ предѣлахъ Ватикана, территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова возстановляется въ пользу куріи «ipso iure» по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе данною формой верховенства.

1) Территоріальная власть Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана, недостающая ему въ настоящее время, возстановляется въ пользу куріи «ipso iure» по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе ею.

2) Право, согласно которому недостающія данному организму территоріальныя формы верховенства возстановляются въ его пользу «ipso iure» по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе ими, служитъ предметомъ детерриторіальной формы верховенства.—Ergo:

3) Капитуляція 20 сентября не уничтожила детерриторіальной власти Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана. . . . . 278—286

§ 23. Юридическое значеніе Римскаго плебисцита 2 октября 1870 г. . . . . 286—293

§ 24. Взаимное отношеніе различныхъ формъ территоріальнаго властвованія Св. Престола.

1) Экстерриторіальность Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова.

2) Экстерриторіальность Св. Престола не обусловливается детерриторіальною формой верховенства.

4) Детерриторіальная власть Св. Престола не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова.

4) Детерриторіальная власть Св. Престола не обусловливается экстерриторіальною властью . . . . . 293—297

§ 25. b) Личное верховенство Св. Престола выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ, формахъ власти: положительной и отрицательной.

стр.

аа) Личная власть Св. Престола выражается въ двухъ формахъ власти: положительной и отрицательной.

α) Положительная форма личной власти Св. Престола выражается въ правѣ господства надъ паствою безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой пребываетъ послѣдняя; степень господства опредѣляется содержаніемъ управомоченной власти.

αα) Положительная форма личной власти Св. Престола выражается въ правѣ господства надъ паствою.

ββ) Господство Св. Престола надъ паствою не обусловливается мѣстонахожденіемъ подчиняемыхъ.

γγ) Степень господства Св. Престола надъ паствою опредѣляется содержаніемъ власти, присущей религіозному организму.

β) Отрицательная форма личной власти Св. Престола выражается въ исключеніи аналогичнаго, по содержанію, господства другихъ организмовъ надъ католической паствою, безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой пребываетъ послѣдняя

αα) Отрицательная форма личной власти Св. Престола выражается въ правѣ исключенія господства другихъ организмовъ надъ паствою, подчиненной католической церкви.

ββ) Исключеніе господства другихъ организмовъ надъ паствою, подчиненной Св. Престолу, не обусловливается мѣстонахожденіемъ вѣрующихъ.

γγ) Степень исключенія господства другихъ организмовъ опредѣляется содержаніемъ власти принадлежащей Св Престолу.

bb) Положительная и отрицательная формы личной власти присущія Св. Престолу, органически связаны между собою.

α) Положительная форма обусловливается отрицательной.

β) Отрицательная форма обусловливается положительной . 297 - 312

§ 26. 2) Территоріальная и личная формы власти, присущія Св Престолу, органически связаны между собою.

a) Территоріальная власть Св. Престола обусловливается личнымъ господствомъ надъ паствою.

b) Личная власть Св. Престола надъ паствою не обусловливается территоріальною формой господства . . . . . 312—315

§ 27. BB) Св. Престолъ, исключая въ границахъ принадлежащей ему компетенціи господство надъ собою какой бы то ни было власти, является свободнымъ по отношенію къ государству и прочимъ религіознымъ и политическимъ организмамъ.

1) Св. Престолъ исключаетъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти.

a) Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собой государственной власти въ вопросахъ религіознаго характера. . . . . 315—320

b) Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собою государственной власти въ вопросахъ не только религіознаго, но также и политическаго характера, поскольку глава католической церкви является

стр.

экстерриторіальнымъ по отношенію къ государству и пользуется прерогативой внѣподданства,

aa) Въ предѣлахъ Ватикана папа является экстерриторіальнымъ по отношенію къ Италіи и прочимъ государствамъ.

bb) Экстерриторіальный въ предѣлахъ Ватикана, папа пользуется прерогативой внѣподданства.

cc) Въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папы, Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собою государственной власти въ вопросахъ не только религіознаго, но также политическаго характера . . . . . 320—323

c) Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собою государственной власти лишь въ границахъ принадлежащей ему компетенціи.

2) Свобода, въ качествѣ самостоятельнаго элемента международной правоспособности, представляетъ собой юридическое состояніе, въ силу котораго управомоченный организмъ, оставаясь въ границахъ присущей ему компетенціи, исключаетъ господство надъ собою власти другихъ организмовъ.

3) Отсюда слѣдуетъ, что Св. Престолъ является объективно и субъективно свободнымъ по *отношенію къ государству, поскольку*, при этомъ, самое право *исключенія господства другихъ организмовъ*, религіозныхъ и свѣтскихъ, въ *границахъ принадлежащей курія* компетенціи, не обусловливается въ своемъ *бытіи властью* послѣднихъ, но коренится въ одной лишь волѣ папы.

4) Свобода Св.Престола недѣлима по существу, но сложна по содержанію . . . . . 323—325

5) Субъективная свобода католической церкви обусловливается ея абсолютно-монархическимъ строемъ.

6) Абсолютно-монархическая конструкція католической церкви обусловливается ея субъективной свободой.

7) Свобода Св. Престола представляетъ собой юридическое состояніе и, въ этомъ смыслѣ, должна быть отличаема отъ свободы естественной.

8) Объективная и субъективная свобода Св. Престола органически связаны между собою.

a) Субъективная свобода Св. Престола обусловливается объективною свободою католической церкви . . . . . 325—331

b) Объективная свобода католической церкви не обусловливается субъективной свободой Св. Престола.

9) Объективная свобода католической церкви—идеальнаго носителя религіознаго верховенства — и субъективная свобода реальнаго носителя духовной власти, папы, гарантируемая экстерриторіальностью и внѣподданствомъ послѣдняго, являются двумя, одинаково необходимыми, элементами международной правоспособности Св. Престола.

a) Объективная свобода католической церкви является необходимымъ элементомъ международной правоспособности Св. Престола.

обусловливая субъективную свободу послѣдняго по отношенію къ государству.

b) Субъективная свобода Св. Престола, наряду съ объективной свободой католической церкви, какъ религіознаго организма, является существеннымъ элементомъ международной правоспособности папства.

§ 28. cc) Престолъ, субъективно свободный по отношенію къ государству, является независимымъ, не обусловливаясь, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ

1) Св. Престолъ не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ.

2) Источникъ подобнаго права коренится въ экстерриторіальности и внѣподанствѣ папы, гарантирующихъ католической церкви субъективную свободу по отношенію къ государству.

a) Экстерриторіальность и внѣподанство папы изъемлютъ католическую церковь изъ подчиненія государству.

b) Не будучи обязаннымъ признавать господства надъ собой государства, Св. Престолъ вправѣ осуществлять свою власть надъ католической паствою не обусловливаясь отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ государственной власти.

3) Юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ вправѣ осуществлять свою власть, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливаясь отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ характеризуетъ собой независимость, какъ элементъ международной правоспособности.

4) Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія независимости Св. Престола по отношенію къ государству.

5) Независимость Св. Престола ограничивается составомъ принадлежащей ему компетенціи. . . . . 331—336

§ 29. B) Суверенитетъ, свобода и независимость Св. Престола органически связаны между собою.

1) Суверенитетъ Св. Престола, религіозный и свѣтскій, обусловливается объективной свободой католической церкви.

2) Религіозный суверенитетъ Св. Престола, въ отличіе отъ свѣтскаго, не обусловливается субъективной свободой папства.

a) Религіозный суверенитетъ Св. Престола не обусловливается субъективной свободою папства.

b) Свѣтскій суверенитетъ Св. Престола обусловливается субъективной свободою папства.

3) Суверенитетъ Св. Престола не обусловливается независимостью католической церкви.

стр.

4) Свобода Св. Престола—объективная и субъективная—обусловливаются суверенитетомъ послѣдняго.

5) Объективная свобода Св. Престола не обусловливается его независимостью.

6) Независимость Св. Престола обусловливается объективной и субъективной свободой католической церкви.

a) Независимость Св. Престола обусловливается объективной свободой католической церкви.

b) Независимость Св. Престола обусловливается субъективной свободою католической церкви.

7) Независимость Св. Престола обусловливается суверенитетомъ католической церкви . . . . . 336—348

C) Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собою элементами, международной правоспособности.—Ergo:

D) Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права въ области церковно-государственныхъ отношеній.

§ 30. Контроверзы: 1) Теорія, отрицающая международную правоспособность Св. Престола. 2) Теорія, отрицающая «de iure»; но признающая и оправдывающая «de facto» международную правоспособность Св. Престола. 3) Теоріи, признающія международную правоспособность Св. Престола. . . . . 349—361

§ 31. 2. Совокупность международныхъ правъ и обязанностей Св. Престола, основныхъ и производныхъ, органически связанныхъ между собою, въ свою очередь органически связана съ элементами международной правоспособности царства: суверенитетомъ, свободой и независимостью.

A) Совокупность международныхъ правъ и обязанностей Св. Престола слагается изъ двухъ категорій правъ и обязанностей—основныхъ и производныхъ.

AA) Основныя международныя права Св. Престола слагаются изъ трехъ правъ—договора, представительства и принужденія, необходимо присущихъ всякому суверенному, свободному и независимому организму.

I. Св. Престолъ является субъектомъ международнаго договорнаго права, обязуясь, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не иначе, какъ въ силу собственной воли . . . . . 361—367

II. Св. Престолъ является субъектомъ права международнаго представительства, выражая свою волю, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ, въ области взаимныхъ сношеній католической церкви съ другими, равноправными ей, организмами, безотносительно, при этомъ, къ компетенціи послѣднихъ . . . . . 367—372

III. Св. Престолъ является субъектомъ международнаго права принужденія, будучи управомоченнымъ нарушать компетенцію организмовъ, господство которыхъ, осуществляемое хотя бы въ грани-

стр.

цахъ принадлежащей имъ компетенціи, нарушаетъ компетенцію католической церкви . . . . . 373 - 380

BB) Основныя международныя обязанности, ограничивая Св. Престолъ, въ осуществленіи власти, принадлежащей ему компетенцией, не обязуютъ его воздерживаться, при этомъ, отъ нарушенія компетенціи государства. 380 382

CC) Производныя международныя права Св. Престола слагаются изъ совокупности правъ, предметомъ которыхъ являются положительныя и отрицательныя дѣйствія, выступающія за предѣлы абсолютной компетенціи куріи или же, хотя и входящія въ ея составъ, но ограниченныя въ осуществленіи производными обязанностями Ватикана . . . . . 382 – 383

DD) Производныя международныя обязанности Св. Престола по отношенію къ государству слагаются изъ совокупности положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію куріи или производныя права, выступающія за предѣлы послѣдней . . . . . 383 - 384

B) Основныя и производныя международныя права и обязанности Св. Престола органически связаны съ элементами его международной правоспособности.

AA) Основныя права Св. Престола органически связаны съ элементами международной правоспособности послѣдняго:

I. Основныя права Св. Престола обусловливаются элементами его международной правоспособности:

a) Договорное право Св. Престола обусловливается объективной и субъективной свободой католической церкви.

b) Договорное право Св. Престола обусловливается территоріальнымъ и личнымъ верховенствомъ папства.

c) Договорное право Св. Престола обусловливается его независимостью.

d) Право представительства, осуществляемое Св. Престоломъ въ области взаимныхъ сношеній съ иностранными государствами, обусловливается объективной и субъективной свободою католической церкви.

e) Международное представительство Св. Престола обусловливается суверенитетомъ послѣдняго.

f) Международное представительство Св. Престола обусловливается его независимостью.

g) Право принужденія, посредствомъ котораго Св. Престолъ ограждаетъ компетенцію церкви, обусловливается суверенитетомъ, свободой и независимостью послѣдней 384 389

2) Международная правоспособность Св. Престола обусловливается основными правами послѣдняго, поскольку независимость—ея существенный элементъ—въ свою очередь обусловливается, въ

СТР.

отличіе отъ суверенитета и свободы, правами договора, представительства и принужденія.

a) Независимость Св. Престола обусловливается основными правами послѣдняго:

aa) Независимость Св. Престола обусловливается международно-договорнымъ правомъ.

bb) Независимость Св. Престола обусловливается правомъ принужденія.

cc) Независимость Св. Престола обусловливается правомъ международнаго представительства.

b) Суверенитетъ и свобода (объективная) не обусловливаются основными правами.

aa) Объективная свобода Св. Престола не обусловливается правами договора, представительства и принужденія.

bb) Суверенитетъ Св. Престола не обусловливается основными правами. . . . . 389—394

BB) Основныя международныя обязанности Св. Престола органически связаны съ элементами его международной правоспособности.

1) Основныя международныя обязанности Св. Престола обусловливаются элементами его международной правоспособности.

a) Основныя международныя обязанности Св. Престола обусловливаются независимостью католической церкви по отношенію къ государству.

b) Основныя международныя обязанности Св. Престола обусловливаются суверенитетомъ и свободой послѣдняго по отношенію къ государству.

2) Международная правоспособность Св. Престола обусловливается его основными обязанностями по отношенію къ государству.

a) Независимость Св. Престола—существенный элементъ международной правоспособности—обусловливается международно-правовою конструкціей его основныхъ обязанностей.

b) Суверенитетъ и свобода (объективная) Св. Престола не обусловливаются международно-правовою конструкціей его основныхъ обязанностей по отношенію къ государству . . . . . 395—397

CC) Производныя права и обязанности Св. Престола органически связаны съ элементами его международной правоспособности.

C) Основныя и производныя права и обязанности Св. Престола органически связаны между собою:

1) Основныя и производныя права Св. Престола органически связаны между собою.

2) Основныя права Св. Престола органически связаны между собою.

3) Основныя и производныя обязанности Св. Престола органически связаны между собою.

стр.

4) Права и обязанности Св. Престола органически связаны между собою. . . . . 397—399

§ 32. 3. Св. Престолъ, суверенный, свободный и независимый по отношенію къ государству, опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи — абсолютной и относительной — международно-правовыми началами.—Обязательныя по природѣ, они ограничиваютъ произволъ государства и церкви въ области ихъ взаимныхъ отношеній, не посягая, однако, на элементы международной правоспособности послѣднихъ: суверенитетъ, свободу и независимость.

1) Св. Престолъ, суверенный, свободный и независимый по отношенію къ государству, опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи—абсолютной и относительной—международно-правовыми началами.

a) Компетенція Св. Престола, суверенаго, свободнаго и независимаго по отношенію къ государству, слагается изъ двухъ категорій, абсолютной и относительной компетенціи.

b) Абсолютная и относительная компетенція Св. Престола опредѣляются международно-правовыми началами.

2) Обязательныя по природѣ, начала международнаго права ограничиваютъ произволъ государства и церкви въ области ихъ взаимныхъ отношеній, не посягая, однако, на элементы международной правоспособности послѣднихъ. . . . . 399—404

§ 33. 4. Совмѣстное бытіе государства и церкви (католической), взаимно ограничивая независимость обѣихъ властей—духовной и свѣтской — вызываетъ необходимость международныхъ гарантій, могущихъ имъ обезпечить осуществленіе правъ въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи.

1) Совмѣстное бытіе государства и католической церкви взаимно ограничиваетъ независимость обѣихъ властей, духовной и свѣтской.

2) Коллизія государства и церкви въ вопросахъ смѣшанной компетенціи вызываетъ необходимость гарантій международно-правового характера. Противоположныя построенія несовмѣстимы съ верховенствомъ, свободой и независимостью государства и католической церкви . . . . . 404—407

3) Международно-правовыми гарантіями, направленными къ устраненію коллизіи между государствомъ и Св. Престоломъ въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, являются: самоограниченіе обѣихъ властей (духовной и свѣтской) основными и производными обязанностями, участіе церкви въ бытіи государства, и обратно, и право принужденія:

a) Взаимныя отношенія Св. Престола и государства, за исключеніемъ Италіи.—Независимость религіознаго и политическаго организмовъ обезпечивается: основными и производными—общими и особенными—обязанностями духовной и свѣтской властей, участіемъ церкви въ бытіи государства, и обратно, и правомъ принужденія. 407—415

§ 34. b) Взаимныя отношенія Св. Престола и Италіи.—Юридическая

СТР.

независимость религіознаго и политическаго организмовъ обезпечивается: основными и общими производными обязанностями Квиринала и Куріи, а также правомъ принужденія 415–423

§ 35. c) Взаимныя отношенія Италіи и прочихъ державъ по поводу римскаго вопроса опредѣляются основными и производными—общими и особенными — обязанностями данныхъ сторонъ, а также правомъ принужденія.—Заключеніе . . . . . 423—437

Законъ о гарантіяхъ 13 мая 1871 г. . . . . . 439—447

Библіографическій указатель . . . . . 448—461

ВВЕДЕНІЕ.

Паденіе церковнаго государства въ 1870 г. не умалило, вопреки противоположному ожиданію, международнаго положенія папства. Истекшіе годы сохранили безъ существенныхъ измѣненій условія, созданныя капитуляціей Рима. Не будучи болѣе свѣтскимъ монархомъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, папа продолжаетъ по прежнему пользоваться правами, органически связанными съ обладаніемъ международною личностью. Съ точки зрѣнія господствующей доктрины, разсматривающей государство въ качествѣ единственнаго субъекта международнаго права, подобное положеніе представляется въ высшей степени ненормальнымъ.

Въ первые годы оккупаціи Рима объединенной Италіей можно было еще надѣяться, что подобное исключеніе изъ общаго правила явится преходящимъ, что послѣ смерти послѣдняго папы, носившаго корону свѣтскаго государя, прерогативы лично сохраненныя Піемъ IX отойдутъ въ область отжившихъ преданій.

Вступленіе Льва XIII на Св. Престолъ дѣйствительно внесло значительныя измѣненія въ международное положеніе папства, но не въ томъ направленіи, котораго

ожидали. Блестящій понтификатъ новаго папы ознаменовался радикальнымъ поворотомъ въ традиціонной политикѣ куріи. Не отрекаясь отъ историческихъ завѣтовъ католической церкви и, въ этомъ смыслѣ, продолжая работу своихъ предшественниковъ, Левъ XIII сумѣлъ освободиться отъ узкихъ національныхъ тенденцій, умалявшихъ религіозно-нравственный авторитетъ Св. Престола.

Возстановленіе космополитическаго значенія папства, во многомъ обязанное личнымъ качествамъ Льва XIII, тѣсно связано, однако, съ паденіемъ церковнаго государства, дальнѣйшее существованіе котораго являлось непреодолимымъ препятствіемъ къ возвышенію папства. То, чего не могъ достигнуть Пій IX, несомнѣнно выдающійся папа, стало осуществимымъ при его ближайшемъ преемникѣ.

Какъ бы то ни было, остается неопровержимымъ, что международное положеніе папства за время понтификата Льва XIII не только не умалилось, но даже упрочилось. Исторія создала фактъ, съ которымъ волей-неволей приходится считаться наукѣ международнаго права.

Какъ объяснить этотъ фактъ? Если правильны начала господствующей доктрины, Св. Престолъ не можетъ пользоваться въ настоящее время, послѣ паденія церковнаго государства, правами, связанными съ международною личностью. Дѣйствительность противорѣчитъ, однако, подобному выводу. Св. Престолъ продолжаетъ по прежнему оставаться субъектомъ международнаго права.

Попытки отрицать этотъ фактъ, искажая дѣйствительное положеніе вещей, не могутъ считаться удачными. То же должно сказать относительно теорій, пытавшихся оправдать исключительное положеніе папства соображеніями цѣлесообразности. Историческія справки,

ссылки на прошлое папства не въ состояніи примирить противорѣчія между *практикой* и *теоріей*.—Папа не можетъ и не долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права, а между тѣмъ таковымъ онъ является и останется, вѣроятно, еще долгое время, по крайней мѣрѣ нѣтъ основаній надѣяться на обратное.

При такихъ условіяхъ естественно возникаетъ вопросъ: не скрывается ли источникъ подобнаго противорѣчія въ принципѣ, согласно которому государство является единственнымъ субъектомъ международнаго права? Не должно ли вмѣсто того, чтобы закрывать глаза на дѣйствительность, подвергнуть переоцѣнкѣ господствующую доктрину, создать конструкцію международной правоспособности, могущую объяснить современное положеніе папства, его участіе въ составѣ международнаго общества, непонятное съ точки зрѣнія традиціонной теоріи?

Отсюда становится яснымъ существенное значеніе римскаго вопроса для науки международнаго права:

1) Выясненіе современнаго международнаго положенія папства обусловливается правильнымъ построеніемъ международной правоспособности.

2) Внимательное разсмотрѣніе событій 1870 г. и послѣдующихъ годовъ, въ связи съ предшествующей эволюціей папства, въ значительной мѣрѣ способствуетъ выясненію существенныхъ элементовъ международной правоспособности—этой основы международнаго права. Такимъ образомъ, римскій вопросъ представляется для юриста интереснымъ не только въ качествѣ одного изъ наиболѣе характерныхъ явленій въ области международно-правовыхъ отношеній, но также въ силу присущихъ ему элементовъ, разработка которыхъ облегчаетъ болѣе точную и всестороннюю конструкцію международной правоспособности.

Соотвѣтственно съ этимъ, наше изслѣдованіе распадается на три отдѣла:

1) Исторія развитія элементовъ международной правоспособности Св. Престола.

2) Конструкція международной правоспособности вообще, и

3) Конструкція современной международной правоспособности папства.

Въ историческомъ очеркѣ мы старались воспроизвести главнѣйшіе моменты въ исторіи папства, характеризующіе процессъ постепеннаго пріобрѣтенія Св. Престоломъ и западно-европейскими державами, въ сферѣ ихъ взаимныхъ отношеній, существенныхъ элементовъ международной правоспособности.

Второй отдѣлъ, исключительно догматическаго содержанія, посвященъ ученію о международной правоспособности вообще. Въ этомъ отдѣлѣ имѣлось въ виду, во 1-хъ, формулировать руководящія начала послѣдней и, во 2-хъ, дать болѣе точную обработку понятій, непосредственно относящихся къ современной международной правоспособности папства въ той формѣ, въ которую она воплотилась подъ вліяніемъ исторической эволюціи. Данный отдѣлъ распадается, въ свою очередь, на три подраздѣленія:

Первое посвящено опредѣленію *суверенитета*, *свободы* и *независимости*, какъ существенныхъ элементовъ международной правоспособности. Мы старались отмѣтить, что трудность конструкціи суверенитета (верховенства), наличность котораго является необходимымъ условіемъ участія въ составѣ международнаго общества, въ значительной мѣрѣ коренится въ смѣшеніи верховенства съ понятіями свободы и независимости, имѣющими вполнѣ самостоятельное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы обратили вниманіе на различіе между су-

ществомъ и содержаніемъ власти (верховенства), обыкновенно опускаемое изъ виду, что, въ свою очередь, крайне затрудняетъ дальнѣйшую оцѣнку религіознаго верховенства папства. Конструкція суверенитета дополнена опредѣленіемъ внѣшнихъ формъ его выраженія. Разсматривая территоріальныя формы, мы расчленили ихъ на три — территоріальную въ тѣсномъ смыслѣ слова, экстерриторіальную и детерриторіальную — расходясь, въ этомъ отношеніи, съ господствующимъ ученіемъ, не проводящимъ между ними различія.

Второе подраздѣленіе характеризуетъ *основныя права* договора, представительства и принужденія, органически связанныя съ элементами международной правоспособности.

Послѣдній раздѣлъ посвященъ выясненію значенія международной правоспособности, какъ средства устраненія коллизіи суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ въ сферѣ ихъ взаимныхъ отношеній.

Согласно той же системѣ построено ученіе о современной международной правоспособности папства. Выводы общей части послужили намъ основаніемъ для разрѣшенія вопроса: насколько Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права? На этотъ вопросъ мы не колеблясь отвѣчаемъ въ утвердительномъ смыслѣ, поскольку событія 1870 г. не уничтожили верховенства, свободы и независимости Св. Престола. Имѣя въ виду различіе между понятіями существа и содержанія власти, мы позволяемъ себѣ формулировать духовную власть папы въ качествѣ суверенной по существу, поскольку *авторитетность* и *самобытность* господства, осуществляемаго Св. Престоломъ надъ католической паствою опредѣляютъ собою *сущность* верховенства, безотносительно къ его *содер-*

жанію. Государственный суверенитетъ является лишь видомъ родового понятія верховенства, характерные признаки коего несомнѣнно запечатлѣлись въ исторически сложившемся авторитетѣ Св. Престола. Этическая оцѣнка послѣдняго, степень его соотвѣтствія съ началами Евангельскаго ученія не входятъ въ разсмотрѣніе настоящаго труда. Мы беремъ папство, какъ опредѣленное историческое явленіе и, подвергая тщательному анализу его дѣйствительное содержаніе, отвлекаемъ присущіе ему элементы, необходимые для международно-правовой конструкціи церковно-государственныхъ отношеній.

Для признанія международной личности папства мы не считаемъ достаточнымъ религіозное верховенство Св. Престола. Католическая церковь, сама по себѣ, не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ субъекта международнаго права. Въ этомъ отношеніи мы рѣшительно расходимся съ крайними выводами куріалистовъ. Международная личность Св. Престола обусловливается его *политической эмансипаціей*, гарантирующей церкви, въ лицѣ папы, свободу и независимость по отношенію къ государству. Только въ этихъ условіяхъ международный *договоръ* заступаетъ мѣсто *закона.* Съ другой стороны, мы не считаемъ необходимымъ для признанія международной правоспособности папства, какъ это полагаютъ сторонники господствующей доктрины, дальнѣйшее существованіе церковнаго государства. Лишь внѣшнимъ образомъ связанное со Св. Престоломъ, оно являлось для него опредѣленной, но отнюдь не единственной, формой субъективной свободы по отношенію къ государству. Событія 1870 года не уничтожили *экстерриторіальности* и *внѣподданства* папы, эмансипирующихъ, въ политическомъ отношеніи, главу католической церкви. Изъятый, въ этихъ условіяхъ, изъ

сферы территоріальнаго и личнаго—на началахъ подданства—воздѣйствія закона, Св. Престолъ является равноправнымъ государству и, въ качествѣ такового, опредѣляетъ свои публично-правовыя обязанности по отношенію къ послѣднему силою договора. Необходимо, при этомъ, отмѣтить, что экстерриторіальность папы въ предѣлахъ Ватикана, не оккупированнаго до настоящаго времени Италіей, существенно отличается отъ экстерриторіальности дипломатическихъ представителей. Абсолютная по природѣ, не обусловленная въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ, въ томъ числѣ и государства, экстерриторіальность Св. Престола въ этой мѣстности представляетъ собою территоріальную форму верховенства - источникъ различныхъ правъ свѣтскаго характера. Капитуляція Рима, положивъ конецъ дальнѣйшему существованію церковнаго государства, не уничтожила свѣтской власти папства ограничивъ, однако, послѣднюю по содержанію и внѣшнимъ формамъ ея выраженія.

Дальнѣйшее изложеніе посвящено доказательству и развитію этихъ тезисовъ, положенныхъ въ основу настоящаго труда.

Историческій очеркъ развитія элементовъ международной правоспособности папства.

---

§ 1.

Классификація періодовъ. Международно-правовая конструкція взаимныхъ отношеній церкви и государства покоится на началахъ равенства, которое, въ свою очередь, обусловливается наличностью у обоихъ организмовъ,— религіознаго и политическаго,— существенныхъ элементовъ международной правоспособности,—суверенитета, свободы и независимости.—Согласно указанному принципу, исторія папства распадается на четыре періода:

1) Періодъ первый, со времени признанія христіанства императоромъ Константиномъ въ 313 г. до понтификата Григорія VII, характеризуется господствомъ государства надъ церковью.

2) Періодъ второй; начиная съ Григорія VII-го до авиньонскаго плѣна, первенство свѣтской власти смѣняется главенствомъ духовной.—Папа возвышается надъ государемъ, низводя его власть до степени простыхъ полномочій, дарованныхъ ему Святѣйшимъ Престоломъ. Идея равенства обоихъ организмовъ чужда этой эпохѣ въ одинаковой мѣрѣ, какъ и предшествующей. Пріобрѣтая элементы между-

народной правоспособности, папство вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ наличность послѣднихъ у государства.

3) Авиньонскій плѣнъ открываетъ собою третій періодъ: онъ тянется вплоть до французской революціи 1789 г. Наступившій въ эту эпоху глубокій упадокъ папства приводитъ къ великой католической схизмѣ, которая, въ свою очередь, вызываетъ къ жизни Констанцкій и Базельскій соборы, постановленія коихъ, ограничивая религіозную власть Св. Престола, эмансипируютъ государство изъ подъ опеки Ватикана. Но, вскорѣ, нежизнеспособность собора, одновременно съ угрожающими успѣхами реформаціи, вновь вызываетъ реакцію въ пользу папства. Тридентскій соборъ направляетъ дальнѣйшую эволюцію католицизма въ духѣ централизаціи церкви, которая окончательно завершается на Ватиканскомъ соборѣ 1870 г. Въ эту эпоху, отношенія обѣихъ властей впервые начинаютъ конструироваться на началахъ равенства. Тѣмъ не менѣе, это равенство неустойчиво. Реставрированный религіозный суверенитетъ папства, при абсолютно-монархической формѣ государственнаго устройства, постоянно угрожаетъ господствомъ духовной власти надъ свѣтскою, и если подобное господство оказалось неосуществимымъ на практикѣ, то лишь благодаря пробужденію національнаго самосознанія въ народѣ.

4) Періодъ четвертый начинается со времени французской революціи 1789 г. и завершается взятіемъ Рима итальянскими войсками 20 сентября 1870 г. Въ эту эпоху, идея народной свободы, замѣняя абсолютный режимъ конституціоннымъ, уничтожаетъ тѣмъ самымъ одинъ изъ двухъ факторовъ господства духовной власти надъ свѣтскою, что окончательно эмансипируетъ католическія государства изъ подъ опеки Св. Престола. Одновременно съ этимъ, объединеніе Италіи, вызванное къ жизни той же идеей народной свободы, влечетъ за собой оккупацію Рима, въ силу которой территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство Папы превращается въ форму экстерриторіальнаго. Подобное превращеніе, не лишая папства необходимой свободы и

независимости, возстановляетъ его прежній космополитическій характеръ и окончательно конструируетъ взаимныя отношенія обѣихъ властей, церкви и государства, на началахъ международно-правового равенства.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Со времени эдикта 313 г., официально признавшаго христіанскую церковь, до понтификата Григорія VII.

Характеристика.

1) Совокупность благопріятныхъ историческихъ факторовъ подготовляетъ политическую эмансипацію папства.

2) Политическая эмансипація папства, обусловливаясь развитіемъ религіознаго авторитета Св. Престола до степени суверенаго властвованія, оказалась въ эту эпоху недостижимой.

1. Совокупность благопріятныхъ историческихъ факторовъ подготовляетъ политическую эмансипацію папства.

Св. Престолъ уже издавна владѣлъ богатыми землями расположенными въ предѣлахъ Италіи, а также южной Франціи, Корсики, Сардиніи, Сициліи и Далмаціи [1]). Постепенно нароставшія благодаря щедрости государей и пожертвованіямъ частныхъ лицъ, эти владѣнія, извѣстныя подъ

[1]) Wattenbach, Geschichte des Römischen Papstthums, S. 18. Schwarzlose, Die Patrimonien der Römischen Kirche bis zur Gründung des Kirchenstaates, S. 16 ff. Hamel, Untersuchungen zur älteren Territorialgeschichte des Kirchenstaates, S. 4 ff. Baxmann, Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII, Bd. I, Ss. 42, 87 ff.

названіемъ Patrimonia S. Petri, служатъ основой послѣдующему территоріальному верховенству папы.

Въ эпоху зависимости Италіи отъ византійской имперіи, папство обладало лишь правомъ частной собственности по отношенію къ своимъ землямъ.—Несмотря на свой санъ, римскій епископъ оставался подданнымъ императора [1]). Господство Остготовъ не измѣняетъ подчиненнаго положенія папы; фактически онъ находится во власти Остготовъ [2]), номинально же продолжаетъ зависѣть отъ имперіи [3]). Въ такомъ видѣ status qui сохраняется вплоть до вторженія Лонгобардовъ, положившихъ начало освобожденію папства изъ подъ власти восточной имперіи.

Великое переселеніе народовъ служитъ господствующимъ факторомъ возникновенія свѣтской власти папы. Въ эту эпоху, зависимость Св. Престола становится двойственной. Съ востока ему угрожаетъ Византія, съ сѣвера—германскія племена, со времени паденія западно-римской имперіи перемѣнно властвующія въ Италіи. На первый взглядъ, подобное положеніе между молотомъ и наковальней врядъ ли могло содѣйствовать политической эмансипаціи папства. Въ дѣйствительности, однако, получилось обратное. Борьба двухъ властей, имперіи и варваровъ, въ концѣ концовъ парализуетъ господство каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Положеніе Византіи въ Италіи характеризуется въ эту эпоху слѣдующими признаками:

1) Византія стремится сохранить за собою Италію.

2) Это стремленіе иногда вѣнчается успѣхомъ, но не на долго.

---

[1]) Diehl, Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne, p. 380 ss. Lavisse, L'Entrée en scène de la Papauté (Revue des Deux Mondes, 15 Septembre 1886), p. 846 ss.

[2]) Lorenz, Papstwahl und Kaiserthum, S. 17 ff.

[3]) Geffcken, Staat und Kirche in ihrem Verhältniss geschichtlich entwickelt, S. 109. Wattenbach, l. c. S. 15. Hamel, l. c. S. 4 ff. Dopffel, Kaiserthum und Papstwechsel unter den Karolingen, S. 2 ff. Lavisse, l. c., p. 846 ss.

3) Наиболѣе существеннымъ тому препятствіемъ служатъ постоянныя вторженія воинственныхъ германскихъ племенъ, сепаратныя тенденціи итальянскаго, особенно римскаго, населенія, и, наконецъ, честолюбивые замыслы папства.

4) При такихъ условіяхъ, Византіи, въ видѣ общаго правила, приходится довольствоваться по отношенію къ Риму почти номинальнымъ, призрачнымъ правомъ верховенства. Положеніе офиціальнаго представителя императора, экзарха Равеннскаго, крайне безцвѣтно [1]). Мы видимъ его скорѣе въ качествѣ скромнаго свидѣтеля, чѣмъ энергичнаго участника событій, волновавшихъ Италію. То же должно сказать и относительно имперскаго магистрата въ Римѣ, дѣятельность котораго, если можно вообще говорить о его дѣятельности, затмевалась авторитетомъ и популярностью римскаго епископа.

Великое переселеніе народовъ существенно отразилось на политической жизни Италіи:

1) Постоянныя нашествія варваровъ еще болѣе ослабили и безъ того непрочную связь между востокомъ и западомъ.

2) Германскія племена оказались неспособными сохранить въ своей власти Италію. Въ концѣ концовъ, они лишь помогаютъ папству сбросить иго восточной имперіи.

3) При такихъ условіяхъ, упроченіе свѣтской власти папы въ Римѣ становится вполнѣ понятнымъ и неизбѣжнымъ.

Различныя племена, вторгавшіяся въ предѣлы Италіи, могутъ быть разбиты на три группы, въ зависимости отъ той спеціальной роли, которую имъ пришлось играть въ дѣлѣ подготовки политической эмансипаціи папства:

1) Вестготы, Гунны, Вандалы и Остготы приводятъ къ паденію западно-римской имперіи.

2) Лонгобарды способствуютъ освобожденію римскаго епископа изъ подъ власти восточной имперіи.

---

[1]) Diehl, l. c. Ss. 319 ff. 337 ff. Ему принадлежало право утвержденія вновь избраннаго папы, см. Lorenz, l. c. 27 ff.

3) При помощи Франковъ, папству удается избѣгнуть владычества Лонгобардовъ.

Политическая эмансипація папства зависѣла, прежде всего, отъ дальнѣйшей судьбы западно-римской имперіи. Пока существованіе послѣдней было обезпечено, самый вопросъ о подобной эмансипаціи являлся преждевременнымъ. Въ эту эпоху папство еще недостаточно окрѣпло, чтобы на свой собственный рискъ открыто ополчиться противъ имперіи. Пока въ Римѣ пребывалъ императоръ, до тѣхъ поръ папа не могъ сдѣлаться государемъ. Нашествіе Вестготовъ [1]), въ 410 г. завладѣвшихъ Римомъ, служитъ начальнымъ моментомъ, опредѣлившимъ дальнѣйшую судьбу политической эмансипаціи папства. Вслѣдъ за ними вторгаются Гунны подъ предводительствомъ Аттилы [2]). Разбитый на голову римскимъ полководцемъ Аэціемъ въ 451 году, въ сраженіи при Шалонѣ, Аттила вновь собираетъ свои разсѣянныя войска и въ слѣдующемъ году появляется въ предѣлахъ Италіи. Еще на малое время судьба щадитъ древнюю столицу имперіи. Опустошивъ сѣверную Италію, Гунны неожиданно отступаютъ. Вскорѣ ихъ смѣняютъ Вандалы. Въ 456 году, во главѣ съ Гензерихомъ, они появляются въ Италіи и занимаютъ Римъ. Наступаютъ послѣдніе дни западно-римской имперіи. Остготы доканчиваютъ ея разрушеніе [3]).

Такимъ образомъ, великое переселеніе народовъ, прежде всего, привело къ паденію западно-римской имперіи. Византія, Германцы и папство отнынѣ соперничаютъ за обладаніе Римомъ. Господство Остготовъ въ Италіи продолжалось недолго. Въ свою очередь, положеніе Византіи на западѣ было крайне непрочно. Подчиненіе Рима Востоку не

---

[1]) Ranke, Weltgeschichte, Bd. IV[1], S. 233 ff. Wattenbach, l. c. S. 9 ff. Giesebrecht, Geschichte der Kaiserzeit, Bd. I, S. 54 ff. Grisar, Geschichte Roms und der Päpste im Mittelalter, Bd. I, S. 64 ff.

[2]) Ranke, l. c. Bd. IV[1], S. 286 ff. Grisar, l. c. Bd. I, S. 72 ff. Giesebrecht, l. c. Bd. I, S. 58 ff. Balbo, Histoire d'Italie, T. I, p. 98.

[3]) Baxmann, Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII, Bd. I, S. 15 ff.

могло, конечно, вызвать сочувствія папы, который ждалъ лишь удобнаго случая окончательно эмансипировать его въ пользу Св. Престола. На помощь послѣднему вскорѣ появляются Лонгобарды [1]). Занявши сѣверную Италію, они стремятся подчинить своей гегемоніи весь полуостровъ, съ Римомъ во главѣ, и такимъ образомъ служатъ противовѣсомъ восточной имперіи. Въ это время борьба между Римомъ и Византіей велась не только на почвѣ политической, но также религіозной, по вопросу о почитаніи иконъ. Во главѣ иконоборческаго движенія становится императоръ. При такихъ условіяхъ, рознь между востокомъ и западомъ, съ одной стороны, и солидарность римскаго населенія съ папствомъ, съ другой—становятся еще болѣе рельефными [2]). Вскорѣ римляне открыто ополчаются противъ Византіи[3]). Между тѣмъ Ліутпрандъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся королей лонгобардскихъ, давно мечтаетъ о римской коронѣ. Въ надеждѣ завоевать симпатіи населенія, онъ принимаетъ его сторону въ борьбѣ съ Византіей. Одновременно съ этимъ, чтобы расположить къ себѣ папу, онъ спѣшитъ обогатить его территорію новыми пріобрѣтеніями [4]). Содѣйствовать подобнымъ замысламъ Ліутпранда не входило, однако, въ расчеты папской политики. Господство Лонгобардовъ угрожало гораздо сильнѣе отразиться на независимости Рима, чѣмъ слабая, почти номинальная связь съ Византіей [5]). Въ виду этого

---

[1]) Sugenheim, Geschichte der Entstehung und Ausbildung des Kirchenstaates, S. 4 ff.

[2]) Ranke, l. c. Bd. V[1], S. 303 ff. Diehl, l. c. S. 335. Baxmann, l. c. Bd. I, S. 204 ff. Lavisse, l. c., p. 875 ss. Cantù, Hist. des Italiens, T. IV, p. 115 ss. Корелинъ, Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства, стр. 30 сл.

[3]) Diehl, l c., S. 357 ff.

[4]) Sugenheim, l. c., S. 9 ff. Shwarzlose, Die Patrimonien der Römischen Kirche bis zur Gründung des Kirchenstaates, S. 24.

[5]) Ланфрэ, Политическая исторія папъ (русск. перев.), стр. 26 сл. Diehl, l c., S. 364, 414 ff. Lavisse, l. c., p. 876. Cantù, Histoire des Italiens, T. IV, p. 104. Корелинъ, l. c., стр. 40 сл.

Григорій III спѣшитъ подготовиться къ неизбѣжной борьбѣ и вступаетъ въ союзъ съ возставшими вассалами Ліутпранда, герцогами сполетскимъ и беневентскимъ, а также съ византійскимъ намѣстникомъ въ Равеннѣ. Провѣдавъ о вѣроломствѣ папы, Ліутпрандъ быстро занимаетъ бо́льшую часть папскихъ владѣній и вскорѣ угрожаетъ Риму. Попытка папы склонить на свою сторону Франковъ удалась лишь отчасти. Карлъ Мартеллъ ограничился предложеніемъ своихъ услугъ въ роли посредника. Тѣмъ временемъ умираетъ Григорій III и на Св. Престолъ вступаетъ Захарія. Заключивъ миръ съ Ліутпрандомъ, онъ не только успѣваетъ добиться отъ него возвращенія утерянныхъ папствомъ владѣній, но, кромѣ того, получаетъ въ подарокъ нѣсколько городовъ, завоеванныхъ Лонгобардами у византійской имперіи [1]) Перемиріе между Св. Престоломъ и Лонгобардами длится, однако, не долго. Вскорѣ ихъ отношенія вновь обостряются. Въ 751 году Аистульфъ, мечтавшій овладѣть всей Италіей, во главѣ многочисленнаго войска двигается на югъ. Равеннскій экзархатъ, а также сѣверная и средняя Италія вскорѣ переходятъ въ его руки [2]). При такихъ условіяхъ, Стефанъ II, преемникъ Захаріи, обращается къ Франкамъ, съ которыми папство за за послѣднее время успѣло значительно сблизиться [3]). Двумя походами противъ Лонгобардовъ въ 754 и 756 гг. Пипинъ Короткій принуждаетъ Аистульфа вернуть папству всѣ отвоеванныя у него земли. Вскорѣ послѣ воцаренія Карла Великаго, лонгобардская монархія окончательно разлагается. Въ 774 г. капитулируетъ Павія, осажденная франкскими войсками. Послѣдній лонгобардскій король Дезидерій постригается и умираетъ въ монастырѣ Корвей [4]).

Содѣйствуя политической эмансипаціи папства, великое переселеніе народовъ не привело къ упроченію въ

---

[1]) Diehl, l. c., S. 333, 336.

[2]) Sugenheim, l. c., S. 15 ff.

[3]) Ranke, Weltgeschichte, Bd. V [2], S. 27 ff.

[4]) Ibid., S. 39.

Римѣ германцевъ, что̀ объясняется не только ихъ постояннымъ соперничествомъ, которымъ папство умѣло пользуется въ своихъ интересахъ, но также той нравственной связью, которая за это время сблизила его съ населеніемъ Рима. Эта связь обнаруживается въ троякомъ отношеніи:

1) Папство восполняетъ недостатки византійскаго правленія въ Римѣ.

Отдаленность Византіи затрудняла учрежденіе правильнаго контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ магистратовъ, что̀, конечно, печально отражалось на благосостояніи края. При такихъ условіяхъ, единственной опорой населенія являлся папа, принимавшій подъ свое покровительство угнетаемыхъ. Помимо этого, ему нерѣдко приходилось выступать активно по различнымъ вопросамъ внутренняго управленія, дополняя своей личной иниціативой бездѣятельность византійскаго правительства. „Магистраты“, замѣчаетъ по этому поводу Ваттенбахъ [1]), „отвѣтственные за исполненіе полученныхъ предписаній, находились въ крайне печальномъ положеніи; дѣло дошло до того, что самое вступленіе въ курію, занятіе правительственной должности, назначалось въ качествѣ наказанія... Въ случаѣ непріятельскаго нашествія, всѣ должностныя лица, разумѣется, исчезали, и населеніе, уже давно отвыкшее отъ самопомощи, совершенно терялось“. При такомъ положеніи, народу приходилось возлагать надежды на одного лишь папу. Справедливость требуетъ при этомъ отмѣтить, что римскій епископъ не обманывалъ довѣрія населенія [2]). Въ теченіе долгаго времени, церковь кормила го-

---

[1]) Wattenbach, l. c., S. 9.

[2]) О соціально-культурной роли папства въ эту эпоху см. De Maistre, Du Pape, Livre II, p. 182 ss. Goyau, Vue générale de l'histoire de la Papauté (le Vatican, les Papes et la civilisation), p. 25 ss. Melchior de Vogüé, Le Vatican etc., p. 756 ss. Laurent, La Papauté et l'Empire (Etudes sur l'histoire de l'humanité), p. 43 ss. Guizot, Histoire de la civilisation en Europe, leçon 5. Schwarzlose, l. c., S. 9 ff. Bompard, Le Pape et le droit des gens, p. 3. Grisar, l. c., Bd. I, S. 303 ff. Hergenröther (Cardinal), Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Bd. I, 654 ff. 707 ff. Diehl,

лодныхъ, призрѣвала больныхъ и безпріютныхъ. У подножія Авентина, на берегахъ Тибра, находились богатыя папскія житницы. Въ случаѣ общественныхъ бѣдствій, церковь не жалѣла своихъ сбереженій нуждающимся: словомъ, дѣйствительное управленіе Римомъ сосредоточивалось въ рукахъ папы, а не византійскихъ чиновниковъ.

2) Папство служитъ Риму оплотомъ отъ варваровъ, нахлынувшихъ въ предѣлы Италіи въ эпоху великаго переселенія народовъ.

Въ минуту крайней опасности, когда средства обороны были исчерпаны, папѣ нерѣдко удавалось, при помощи своего нравственнаго авторитета, достигнуть гораздо бо́льшихъ результатовъ, чѣмъ силою оружія. Въ V-мъ вѣкѣ Италіи пришлось перенести нашествіе Гунновъ. Левъ I выѣзжаетъ на встрѣчу Аттилѣ и спасаетъ Римъ отъ погрома [1]). Вскорѣ онъ выступаетъ вторично въ подобной же роли защитника, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Италія подверглась нападенію не менѣе страшныхъ враговъ въ лицѣ Вандаловъ. Гензерихъ склоняется передъ нравственнымъ величіемъ папы и торжественно обѣщаетъ ему пощадить „вѣчный городъ", не предавая его огню и мечу, — обычной въ эту эпоху расправѣ побѣдителя съ побѣжденными [2]). Примѣру Льва I слѣдуетъ Григорій II во время нашествія Лонгобардовъ. Въ полномъ облаченіи, онъ выѣзжаетъ на встрѣчу Ліутпранду, и король

---

l. c., S. 319 ff. Lavisse, l. c., 872 ss. Cantù, Histoire des Italiens, T. IV, p. 67 ss. Ланфрэ, l. c., стр. 17 сл. Корелинъ, l. c., стр. 1 сл., 23 сл. и 34 сл. Петровъ, Лекціи по всемірной исторіи, II, стр. 36 сл., 51 сл.

[1]) Легенда повѣствуетъ при этомъ, что на вопросъ—неужели онъ испугался папы, Аттила отвѣтилъ: не его, но того, кто стоялъ за нимъ,— это былъ Св. Петръ. — Вопросъ объ исторической достовѣрности явленія Апостола не умаляетъ, конечно, самоотверженнаго поступка папы. См. Wattenbach, l. c., стр. 10. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 60. Grisar, l. c. Bd. I, S. 73 ff., 319 ff. Ranke, l. c, Bd. IV [1], S. 301. Корелинъ, l. c., стр. 13., Еще ранѣе, когда Римъ былъ разграбленъ Аларихомъ, церковь служила единственнымъ убѣжищемъ беззащитному населенію, см. Gebhardt, Die Bedeutung Innocenz I für die Entwickelung der Päpstlichen Gewalt, S. 31 ff.

[2]) Grisar, l. c., Bd. I, S. 75.

не только отступаетъ назадъ, не причинивъ вреда Риму, но даже подноситъ въ даръ Св. Петру свою корону и различныя драгоцѣнности [1]).

3) Тяготѣніе Рима къ папству крѣпнетъ подъ вліяніемъ сепаратныхъ по отношенію къ Византіи и варварамъ тенденцій итальянскаго населенія [2]).

Связь между востокомъ и западомъ была крайне непрочной. Стремленіе Византіи закрѣпить за собою Италію встрѣчаетъ противодѣйствіе не только со стороны германскихъ племенъ, но также самого итальянскаго, особенно римскаго населенія. Вѣчный городъ, великій своимъ историческимъ прошлымъ, служитъ предметомъ зависти и раздоровъ. Византія и варвары соперничаютъ за обладаніе Римомъ; между тѣмъ, римляне, въ свою очередь, хотятъ сохранить его за собою. Значительнымъ факторомъ обособленности Рима отъ Византіи служитъ романскій характеръ его населенія, чуждаго эллинизму восточной имперіи [3]). Самое прошлое Рима,— столицы имперіи, нѣкогда властвовавшей надъ міромъ, не допускаетъ его примириться съ уничижительнымъ положеніемъ второстепеннаго провинціальнаго города Византіи. Пространственная отдаленность Рима отъ Константинополя и, наконецъ, религіозный антагонизмъ въ эпоху иконоборческаго движенія, еще болѣе ослабляютъ связь между востокомъ и западомъ. Не тяготѣя къ Византіи, Римъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждался германцевъ. Національная непріязнь, а, главное, аріанство варваровъ служили препятствіемъ сліянію обѣихъ народностей [4]). Правда, Теодорихъ Великій, во время господства Остготовъ, пытался создать извѣстный modus vivendi, установить равновѣсіе между обоими враждебными элементами: германцы должны были вѣдать дѣла войны, рим-

---

[1]) Baxmann, l. c., Bd. I, S. 197.

[2]) См. Diehl, l. c., Ss. 319 ff., 335 ff., 356 ff., Корелинъ, l. c., стр. 22 сл. Петровъ, l. c., II. стр. 18 сл., 52.

[3]) Ranke, l. c., Bd. V², S. 189. Lavisse, l. c, p. 858 ss.

[4]) Grisar, l. c., Bd. I, S. 86 ff., 467 ff. Giesebrecht, l. c, Bd. I, S. 70 ff. Петровъ, l. c. II, стр. 18 сл, 52.

ляне—предметы гражданскаго порядка. Подобное разрѣшеніе вопроса, остроумное въ теоріи, на практикѣ оказалось, однако, совершенно несостоятельнымъ [1]).

Значительнымъ факторомъ политической эмансипаціи папства послужила выдающаяся миссіонерская дѣятельность его представителей [2]). Въ эпоху великаго переселенія народовъ, различныя германскія племена, осѣвшія въ Галліи, соприкасаясь съ мѣстнымъ населеніемъ, уже ранѣе обращеннымъ въ христіанство, постепенно подчиняются вліянію новой религіи. Такимъ образомъ, въ началѣ V вѣка принимаютъ крещеніе Бургунды. — Вскорѣ, однако, они впадаютъ въ аріанство и только въ VI вѣкѣ, благодаря талантливой проповѣди епископа Авита, принимаютъ Никейскій символъ вѣры. Гораздо сильнѣе отразилось на дальнѣйшей судьбѣ папства крещеніе Франковъ, чему значительно содѣйствовалъ бракъ Клотильды, ревностной христіанки, дочери бургундскаго короля Гундобада, съ Хлодвигомъ, королемъ салическихъ Франковъ, а, главное, просвѣтительная дѣятельность знаменитаго епископа—миссіонера Мартина Турскаго, популярность котораго еще болѣе возросла съ его смертью. Въ народѣ о немъ ходила слава, какъ о великомъ чудотворцѣ. Могила его, на которой, по преданію, происходили многочисленныя чудеса, служила мѣстомъ паломничества не только христіанъ, но также язычниковъ. Уваженіе, которымъ пользовался Мартинъ Турскій, слава о его чудесахъ, производили глубокое впечатлѣніе на народъ, постепенно подготовляя его къ воспріятію христіанства. Вскорѣ послѣ сраженія съ Аллеманами при Цюльпихѣ (Tolbiacum) въ 496 г. [3]), происходитъ торжественное креще-

---

[1]) Wattenbach, l. c., S. 14.

[2]) См. Neander, Allgemeine Geschichte der Christlichen Religion und Kirche, Bd. III, S. 4 ff. Gfrörer, Geschichte der Christlichen Kirche, Bd. II. Hergenröther, l. c., Bd. I, S. 666 ff. Spittler, Grundriss der Geschichte der Christlichen Kirche, S. 83 ff., 175 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 72 ff., 95 ff. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Bd. I, S. 702 ff.

[3]) Говорятъ, что въ самый разгаръ битвы, когда счастье, казалось, измѣнило Хлодвигу, онъ обращается съ молитвой къ христіанскому Богу и одер-

ніе Хлодвига, примѣру коего слѣдуетъ бо́льшая часть народа [1]). Вѣкъ спустя, Григорію Великому удается положить начало обращенію въ христіанство Англо-Саксовъ. Въ 596 г. онъ посылаетъ въ Британію римскаго аббата Августина, удачная проповѣдь котораго вскорѣ приводитъ къ крещенію короля Кентскаго Этельберта. Еще болѣе содѣйствуетъ возвышенію папства обращеніе въ христіанство Германіи.—Особенно важно, при этомъ, что Григорію II, при содѣйствіи Бонифація, удалось построить новую германскую церковь на началахъ подчиненія Риму [2]). Въ 718 году Бонифацій, желая посвятить себя миссіонерской дѣятельности, отправляется въ Римъ и получаетъ отъ папы благословеніе на Евангельскую проповѣдь въ Германіи. Въ 722 году мы видимъ его уже успѣшно обращающимъ въ христіанство многихъ язычниковъ въ Богеміи и Тюрингіи. Отсюда дѣло крещенія быстро распространяется далѣе, проникая въ самые глухіе, отдаленные уголки Германіи. Вскорѣ Бонифацій, назначенный епископомъ германской церкви, приноситъ присягу на вѣрность Св. Престолу. Какъ видно изъ формулы этой присяги [3]), религіозный авторитетъ папы получаетъ выдающееся

живаетъ побѣду надъ врагомъ. Вызванное этимъ событіемъ впечатлѣніе значительно содѣйствовало крещенію Хлодвига. См. Neander, l. c., Bd. III, S. 9 ff. Gieseler, l. c., Bd. I, S. 702.

[1]) Обрядъ крещенія былъ совершенъ въ день Рождества Христова епископомъ Ремигіемъ Реймскимъ.

[2]) См. Neander, l. c., Bd. III, S. 62 ff.

[3]) „Promitto ego Bonifatius, gratia Dei episcopus, vobis beato Petro apostolorum principi vicarioque tuo beato papae Gregorio successoribusque eius per Patrem et Filium et Spiritum sanctum, trinitatem inseparabilem, et hoc sacratissimum corpus tuum: me omnem fidem et puritatem sanctae fidei catholicae exhibere et in unitate eiusdem fidei Deo operante persistere, in qua omnis christianorum salus esse sine dubio comprobatur; nullo modo me contra unitatem communis et universalis ecclesiae, suadente quopiam, consentire, sed ut dixi fidem et puritatem meam atque concursum tibi et utilitatibus tuae ecclesiae, cui a domino Deo potestas ligandi solvendique data est, et praedicto vicario tuo atque successoribus eius per omnia exhibere; sed et, si cognovero antistites contra instituta antiqua sanctorum patrum con-

значеніе. Св. Петръ, этотъ „первый изъ апостоловъ“, какъ его именуетъ Бонифацій, признается по преимуществу блюстителемъ чистоты и цѣлости христіанской церкви, а папа—его намѣстникомъ и преемникомъ. Онъ служитъ выразителемъ и толкователемъ ея воли, а также высшимъ контролирующимъ органомъ, коему должно доносить о проступкахъ прочихъ предстоятелей церкви, противорѣчащихъ древнимъ отеческимъ постановленіямъ.

Такимъ образомъ, совокупность благопріятныхъ историческихъ факторовъ подготовляетъ политическую эмансипацію папства. Главнѣйшими изъ нихъ слѣдуетъ признать великое переселеніе народовъ и постепенное распространеніе религіознаго авторитета Св. Престола, чему значительно содѣйствуетъ просвѣтительная дѣятельность его представителей. Религіозное и политическое прошлое вѣчнаго города еще болѣе способствуетъ возвышенію папства [1]). Память о прежнемъ величіи Рима свѣжа въ народѣ. Къ этому античному элементу присоединяется христіанскій: Римская община, по преданію, непосредственно основана Святыми Апостолами, Петромъ и Павломъ [2]).

---

versari, cum eis nullam habere communionem aut coniunctionem. Sed magis, si voluero prohibere, prohibeam; si minus ne (nae) fideliter statim domno meo apostolico renuntiabo“. См. Mirbt, Quellen zur Geschichte des Papsttums, S. 31 сл.; см. также Neander, l. c., Bd. III, S. 66 ff. Goyau, l. c., p. 37 ss. Baxmann, l. c., Bd. I, S. 202.

[1]) Фриманъ, Методы изученія исторіи (Главные періоды Европейской исторіи), стр. 290 сл., русск. перев. Николаева, Москва 1893 г. Goyau, l. c., p. 10. Grisar, l. c., Bd. I, Ss. 70, 241 ff. Schwarzlose, l. c., S. 14. Lavisse, l. c., p. 852 ss.

[2]) Обыкновенно принято отрицать историческую достовѣрность этого преданія (см., напр., Geffcken, Staat und Kirche, S. 99 ff. Wattenbach, l. c., S. 3). — Справедливость требуетъ, однако, не обойти молчаніемъ его крайне древняго происхожденія; оно возникло въ эпоху, когда никто еще не думалъ, какъ справедливо замѣчаетъ Неандеръ (l. c., Bd. I, S. 209, Anmerk. 1), воспользоваться имъ въ видахъ возвышенія папской власти.

§ 2.

2. Политическая эмансипація папства, обусловливаясь развитіемъ религіознаго авторитета Св. Престола до степени суверенной власти, оказалась въ эту эпоху недостижимой.

1) Не обладая религіознымъ суверенитетомъ, Св. Престолъ не въ силахъ былъ освободиться изъ подъ опеки имперіи.

а) Религіозный авторитетъ папства служитъ мотивомъ сближенія съ нимъ государей. Пипинъ Короткій и Карлъ Великій прекрасно понимали, насколько былъ выгоденъ для нихъ союзъ съ папствомъ. Съ теченіемъ времени, династія Меровинговъ приходитъ въ полный упадокъ. Потомки могущественнаго Хлодвига теряютъ всякое значеніе въ странѣ, ими управляемой, и вскорѣ попадаютъ въ руки своевольныхъ вассаловъ [1]). Среди нихъ особенно возвышаются представители будущей династіи Карловинговъ. Пипинъ Геристальскій и Карлъ Мартеллъ успѣли обезпечить себѣ фактическое господство въ странѣ. Своей пассивностью, отчужденностью отъ государственной жизни, меровингская династія сама себя устранила отъ власти. Не хватало лишь санкціи новаго порядка вещей, достаточно авторитетной въ глазахъ народа, чтобы легитимировать переворотъ, назрѣвшій уже задолго до вступленія на франкскій престолъ Пипина Короткаго. Вполнѣ естественно, что послѣдній прежде всего обращаетъ свой взоръ на папу, авторитетное слово котораго могло значительно содѣйствовать упроченію новой династіи [2]). Въ свою очередь, тѣснимый Лонгобардами, папа принужденъ искать содѣйствія Франковъ. При такихъ усло-

---

[1]) Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 86 ff. Ranke, l. c., Bd. V², S. 3 ff. Петровъ, l. c., II, стр. 23.

[2]) Ranke, Weltgeschichte, Bd. V², S. 20 ff.

віяхъ, союзъ между ними становится неизбѣжнымъ. Еще до вступленія на Св. Престолъ Стефана II, Пипинъ Короткій пускаетъ пробный шаръ, обращаясь къ его предшественнику, папѣ Захарію, съ коварнымъ вопросомъ: Кто обладаетъ бо́льшимъ правомъ на корону,—тотъ, кто фактически осуществляетъ въ странѣ верховную власть, несетъ на себѣ всю тягость государственнаго управленія, или же фактивный обладатель одного лишь королевскаго титула, въ своей праздности позабывшій заботиться о нуждахъ государства [1])? Захарія отдаетъ предпочтеніе первому. Заручившись благопріятнымъ отвѣтомъ, Пипинъ Короткій, какъ и слѣдовало ожидать, провозглашаетъ себя королемъ и окончательно устраняетъ меровингскую династію въ лицѣ ея послѣдняго представителя, Хильперика III. Обрядъ священнаго коронованія совершается, по приказанію папы Захаріи, Св. Бонифаціемъ, личнымъ другомъ Пипина. Вскорѣ послѣ этого, Стефанъ II, преемникъ Захаріи, отправляется, по настоятельной просьбѣ Пипина, во Францію и вторично коронуетъ его въ Сенъ-Дени въ 754 г. [2]). Въ награду за это, Пипинъ Короткій расширяетъ владѣнія папства [3]). При Карлѣ Великомъ связь между франкской монархіей и папствомъ становится еще болѣе прочной. Въ 800 году Левъ III кладетъ основаніе новой имперіи. Въ день Рождества Христова, во время богослуженія, когда Карлъ Великій скромно стоялъ на колѣняхъ, погруженный въ молитву, Левъ III внезапно къ нему приближается, возлагаетъ на него корону и торжественно, при кликахъ народа, провозглашаетъ его римскимъ императоромъ. Карлъ Великій, говоритъ Ваттенбахъ [4]), остался не-

[1]) Sugenheim, l. c., S. 16. Baxmann, l. c., Bd. I, S. 230 ff. Ranke. Weltgeschichte, Bd. V², S. 21 ff. Ланфрэ, l. c., стр. 32 сл.

[2]) Wattenbach, l. c., S. 37.

[3]) См. Liber pontificalis y Theiner'a. Codex diplomaticus dominii temporalis S. Sedis, T. I, № 1, pag. 1, и Mirbt'a, Quellen etc., S. 36, см. также по этому вопросу Lindner, Die sogenannten Schenkungen Pippins, Karls des Grossen und Ottos I an die Päpste, S. 12 ff. Lamprecht, Die Römische Frage von König Pippin bis auf Kaiser Ludwig den Frommen.

[4]) Wattenbach, l. c., S. 50 ff.

доволенъ этимъ поступкомъ и высказалъ даже, что, несмотря на торжественный праздникъ, онъ отказался бы отъ посѣщенія храма, если бы заранѣе зналъ о намѣреніяхъ папы. Весьма вѣроятно, продолжаетъ далѣе Ваттенбахъ, что онъ уже тогда предчувствовалъ, какія притязанія могутъ быть пріурочены къ подобному прецеденту. Удивленіе Карла, будто бы неожиданнымъ для него, поступкомъ Льва III, Зугенгеймъ [1]) относитъ къ области чистѣйшаго вымысла, указывая, что, еще при жизни Адріана I, Карлъ Великій весьма откровенно намекалъ о своемъ желаніи получить императорскую корону. Особый престижъ и обаяніе, связанные съ достоинствомъ римскаго императора, безспорно облегчали ему осуществленіе его завоевательныхъ замысловъ [2]). Самъ Ваттенбахъ, на слѣдующихъ страницахъ, сознается, что положеніе Карла, въ общемъ, было не вполнѣ прочно, и что, при тѣхъ взглядахъ, которые господствовали въ данную эпоху, существовали препятствія, едва ли устранимыя безъ содѣйствія папы. Спустя болѣе полутораста лѣтъ, когда монархія Карла Великаго успѣла уже окончательно разложиться, папство вновь воскрешаетъ имперію. Въ 962 году Іоаннъ XII возводитъ на императорскій тронъ саксонскаго короля Оттона I, какъ нѣкогда Левъ III—Карла Великаго [3]). Такимъ образомъ, важнѣйшіе историческіе моменты этой эпохи не обходятся безъ участія папства, съ религіознымъ авторите-

---

[1]) Sugenheim, l. c., S. 47, см. также Baxmann, l. c., Bd. I, S. 313 ff. Быть можетъ, въ глубинѣ души, Карлъ Великій и былъ недоволенъ необходимостью искать содѣйствія папы; тѣмъ не менѣе, это содѣйствіе было несомнѣнно существенно, см. Dopffel, Kaiserthum und Papstwechsel unter den Karolingen, S. 28.—Во всякомъ случаѣ, союзъ съ церковью возвышалъ имперію. Ranke, Weltgeschichte, Bd. V², S. 176 ff., Bd. VI¹, S. 19. Lavisse, l. c., p. 842 ss. Петровъ, l. c., II, стр. 25.

[2]) Къ этому античному элементу присоединяется христіанскій; Карлъ Вел. является носителемъ религіозно-политической идеи, см. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 113 ff.

[3]) Hefele, Beiträge zur Kirchengeschichte, Archäologie und Liturgik, Bd. I, S. 253 ff.

томъ котораго приходится несомнѣнно считаться даже сильнымъ міра сего.

b) Религіозный авторитетъ служитъ папству главнѣйшимъ средствомъ огражденія его политической независимости. Мы указали выше, что земельная собственность, постепенно нараставшая въ рукахъ римскаго епископата, послужила основой послѣдующему территоріальному верховенству папства. Этимъ имуществомъ оно безспорно обязано благотворительности государей и частныхъ лицъ,—результатъ выдающагося религіознаго значенія папства. Нравственная связь его съ римлянами покоится на той же почвѣ духовнаго авторитета, при помощи котораго папству не разъ удавалось выручать изъ бѣды беззащитное населеніе. Религіозное прошлое вѣчнаго города, въ свою очередь, способствуетъ его закрѣпленію за римскимъ епископомъ, преемникомъ Апостола Петра. Просвѣтительная дѣятельность папства распространяетъ его вліяніе въ самые отдаленные уголки Европы.—Наконецъ, крещеніе франковъ вводитъ въ лоно католической церкви народъ, который послужитъ папству оплотомъ со стороны Лонгобардовъ и въ будущемъ окажетъ ему еще не мало услугъ. Но помощь нерѣдко приводитъ къ господству. Содѣйствіе франковъ необходимо, но столь же опасно [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что папство сознавало эту опасность. Опираясь на духовный авторитетъ Св. Престола, оно стремится построить свое отношеніе къ Франкамъ на началахъ политической независимости. Стефанъ II спѣшитъ формулировать положеніе и права могущественнаго сосѣда по отношенію къ Риму.—Съ этою цѣлью онъ подноситъ Пипину Короткому, невинное и вмѣстѣ почетное, званіе римскаго патриція, съ коимъ связано право, вѣрнѣе, обязанность, служить защитникомъ папскихъ владѣній отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Это, исключительно охранительное, право не должно было, однако, принимать характера верховной власти по отношенію къ

[1]) Dopffel, l. c., Ss. 7, 10 ff.

Риму. Правильность подобнаго толкованія, какъ указываетъ на это Зугенгеймъ [1]), подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что Стефанъ II опирался въ этомъ вопросѣ на прецеденты: званіе римскаго патриція, исключительно въ качествѣ почетнаго титула, нерѣдко даровалась Византіей нѣкоторымъ иностраннымъ государямъ, а также выдающимся сановникамъ имперіи, т.-е. собственнымъ подданнымъ, что, конечно, особенно въ послѣднемъ случаѣ, исключало возможность пріурочивать къ нему элементы верховной государственной власти. Разумѣется, однако, что толкованіе папою правъ и обязанностей римскаго патриція не предрѣшало вопроса о дальнѣйшей политикѣ франкской монархіи въ отношеніи къ Риму. Такимъ образомъ, естественно возникаютъ вопросы: 1) удовлетворятся ли франкскіе государи скромною ролью защитниковъ папскихъ владѣній или же пожелаютъ бо̀льшаго и, слѣдуя примѣру Лонгобардовъ, будутъ стремиться къ господству надъ Римомъ; 2) въ послѣднемъ случаѣ, въ состояніи ли папство и какимъ образомъ противодѣйствовать завоевательнымъ замысламъ Франковъ? Что касается перваго вопроса, то не подлежитъ сомнѣнію, что могущество карловинговъ угрожало политической независимости Св. Престола [2]). Весь вопросъ сводился, такимъ образомъ, къ отысканію достаточно надежнаго противовѣса этой угрозѣ. Открытая борьба была слишкомъ опасна и, во всякомъ случаѣ, не цѣлесообразна, даже при благопріятномъ исходѣ. Папство безспорно нуждалось въ содѣйствіи Франковъ. Оставался лишь одинъ выходъ: опираясь на религіозный авторитетъ Св. Престола, возвыситься надъ государ-

---

[1]) Sugenheim, l. c., S. 25 ff., см. также Baxmann. l. c., Bd. I, S. 242 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. I. S. 98 ff., Dopffel, l. c., S. 7 ff., Wattenbach, l. c., S. 43. Zorn, Lehrbuch des Kirchenrechts, S. 79 ff. Патриціатъ носилъ болѣе отвлеченный характеръ и самое право утвержденія папскихъ выборовъ успѣло къ этому времени значительно умалиться, см. Lorenz, Papstwahl und Kaiserthum, S. 33 ff.

[2]) Lapôtre, L'Europe et le Saint-Siège à l'époque Carolingienne, I, p 209.

ствомъ; принять на себя роль верховнаго судьи не только въ религіозныхъ, но также свѣтскихъ вопросахъ; заставить другихъ государей искать у папы поддержки; словомъ, дополнить свои недостающія матеріальныя средства силой духовнаго воздѣйствія. Мы видѣли выше, что признаніе Св. Престоломъ правомѣрности новой франкской династіи являлось актомъ величайшаго значенія для дальнѣйшей судьбы папства [1]). То же должно сказать и относительно коронованія Карла Великаго Львомъ III [2]). Провозглашая имперію, папство создаетъ прецедентъ, на который оно будетъ неоднократно ссылаться впослѣдствіи, въ эпоху великой борьбы съ германской имперіей [3]).

с) Религіозный авторитетъ Св. Престола, не достигнувъ въ эту эпоху степени суверенаго властвованія, не въ силахъ былъ обезпечить папству политической независимости. — Замѣна епископальнаго режима абсолютно-монархическимъ еще не завершилась въ эту эпоху. Носителемъ религіознаго верховенства являлся соборъ, а не папа. Процессъ возвышенія духовной власти послѣдняго уже начался, но не успѣлъ достигнуть необходимой степени развитія. Политическое значеніе папства было безспорнымъ, но недостаточнымъ, чтобы избѣгнуть господства имперіи. При Карлѣ Великомъ Св. Престолъ находится въ вассальной зависимости отъ императора [4]). Послѣдній щедрою рукою увеличиваетъ владѣнія папства [5]),

[1]) Neander, l. c., Bd. III, S. 165. Dopffel, l. c., S. 7 ff. Zorn, l. c., S. 78 ff. Петровъ, l. c., II, стр. 36.

[2]) Geffcken, Staat und Kirche, S. 129. Lavisse, l. c., p. 843.

[3]) Lavisse, l. c., p. 843.

[4]) Lapôtre, l. c., I, p. 203 ss. Lorenz, l. c., S. 38 ff. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Bd. II[1], S. 46. Giesebrecht, l. c., Bd. I, Ss. 117, 120. Zorn, l. c., S. 80. Sugenheim, l. c., S. 45 ff. Baxmann, l. c., Bd. I. S. 305 ff. Dopffel, l. c., Ss. 18 ff., 36 ff. Cantù, Histoire des Italiens, T. IV, p. 154 ss. Ланфрэ, l. c., стр. 50 сл.

[5]) См. Liber pontificalis. Theiner, Codex diplomaticus, T. I, Nr. 2, pag. 2. Mirbt, Quellen, S. 36 ff. Hamel, Untersuchungen zur älteren Territorialgeschichte des Kirchenstaates, S. 13 ff. Lindner, Die sogenannten

но сохраняетъ надъ ними главенство. Эта зависимость не исключала, конечно, значительной автономіи папства въ предѣлахъ принадлежавшей ему территоріи [1]). Тѣмъ не менѣе, верховная власть надъ Римомъ находилась въ рукахъ императора. Ниже мы увидимъ, что развитіе элементовъ международной правоспособности папства, его суверенитета, свободы и независимости, было органически связано съ паденіемъ епископальнаго режима. По мѣрѣ расширенія политической эмансипаціи папства, его свободы и независимости, крѣпнетъ религіозный авторитетъ Св. Престола, и, одновременно съ этимъ, падаетъ значеніе собора. Съ другой стороны, возвышеніе религіознаго авторитета Св. Престола, этого могучаго средства борьбы съ государствомъ, способствуетъ развитію свободы и независимости папы, что, въ свою очередь, облегчаетъ централизацію церковнаго управленія въ пользу Рима, во имя независимости духовной власти отъ свѣтской.

2) Не обладая религіознымъ суверенитетомъ, Св. Престолъ нуждался въ опекѣ имперіи.

Послѣ смерти Карла Великаго императорская корона становится предметомъ борьбы и раздоровъ. Гибель имперіи, единство которой поддерживалось лишь геніемъ великаго государя, неминуема при его слабыхъ преемникахъ. Разложеніе монархіи Карла Великаго, прежде всего, привело къ ослабленію зависимости Св. Престола отъ имперіи. При Карлѣ Лысомъ (французскомъ), который, въ союзѣ съ Іоанномъ VIII, побѣждаетъ своего противника Людовика Германскаго, власть императора надъ Римомъ становится призрачной [2]). Разложеніе франкской имперіи, умаляя угрозу со сторо-

---

Schenkungen Pippins, Karls des Grossen und Ottos I an die Päpste, S. 43 ff. Lamprecht, Die Römische Frage von König Pippin bis auf Kaiser Ludwig den Frommen. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 105.

[1]) Goyau, l. c., p. 41.

[2]) Lapôtre, l. c., I, p. 232 ss. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 139 ff. Hefele, l. c., Bd. I, S. 229 ff. Dopffel, l. c., S. 148 ff. Карлъ Лысый получаетъ императорскую корону, какъ подарокъ, милость Св. Престола, см.

ны свѣтской власти, тѣмъ не менѣе отразилось крайне печально на положеніи папства въ Италіи, что, въ свою очередь, объясняется двоякой причиной:

a) Папство очевидно не могло относиться пассивно къ соперничеству различныхъ претендентовъ на императорскій тронъ. Ему приходилось невольно принимать сторону одного изъ нихъ, тѣмъ самымъ подвергая себя всѣмъ превратностямъ политической распри [1]).

b) Предоставленное собственнымъ силамъ, папство оказалось лицомъ къ лицу съ могущественной итальянской аристократіей. Вскорѣ Св. Престолъ становится игрушкой въ рукахъ партій, вырывавшихъ другъ у друга тіару, чтобы украсить ею своего претендента [2]). Не расчитывая болѣе на поддержку безсильной имперіи, папство должно было само озаботиться изысканіемъ средствъ для охраненія своей территоріи отъ безпокойныхъ сосѣдей. Съ этою цѣлью оно раздаетъ свои земли вассаламъ на началахъ феодальнаго права и тѣмъ окончательно себя обезсиливаетъ [3]). Въ эту эпоху анархіи, особенно отличались своей предпріимчивостью графы тускуланскіе, герцоги сполетскіе и маркграфы тосканскіе, распоряжавшіеся Св. Престоломъ, какъ своею собственностью. Выборомъ средствъ устраненія нежелательныхъ папъ не стѣснялись [4]). Такъ, Іоаннъ VIII умираетъ отъ руки своего родственника, наущеннаго къ тому герцогомъ сполетскимъ. Бенедиктъ IV кончаетъ свои дни точно такъ же насильственной смертью. Левъ V, его преемникъ, заключенъ въ тюрьму собственнымъ капелланомъ Христофоромъ, который, сдѣлавшись папою, въ свою очередь, умираетъ въ заточеніи. Безпомощность папства особенно проявляется при Іоаннѣ XI, когда графъ Альберикъ Тускуланскій, за-

---

Baxmann, l. c., Bd. II, S. 41. Ranke, Weltgeschichte, Bd. VI[1], S. 215 ff. Ланфрэ, l. c., стр. 69 сл. Корелинъ, l. c., стр. 65 сл.

[1]) Hefele, l. c., Bd. I, S. 229 ff.

[2]) Giesebrecht, l. c., Bd. I. S. 148. Корелинъ, l. c., стр. 68 сл.

[3]) Sugenheim, l. c., S. 55. Корелинъ, l. c., стр. 67 сл.

[4]) Hefele, l. c., Bd. I, S. 230 ff. Sugenheim, l. c., S. 57.

ключивъ его въ 933 г. въ замокъ Св. Ангела, захватываетъ въ свои руки господство надъ Римомъ [1]). Порабощеніе Св. Престола не могло не отразиться на нравственномъ уровнѣ его представителей. Въ эту эпоху, продолжавшуюся около полутораста лѣтъ, мы рѣдко видимъ на Св. Престолѣ достойнаго папу. Грубость нравовъ, доходящая до цинизма, становится зауряднымъ явленіемъ [2]). Эта печальная въ исторіи папства эпоха стояла несомнѣнно въ связи съ паденіемъ монархіи Карла Великаго, лишившимъ еще недостаточно окрѣпшее папство надежной поддержки извнѣ [3]).

Не будучи въ силахъ водворить порядокъ въ Италіи, Іоаннъ XII шлетъ легатовъ къ могущественному саксонскому королю Оттону I, слава о которомъ уже успѣла долетѣть до Рима, съ просьбой о помощи и обѣщаньемъ, въ награду за нее, возвести короля въ достоинство императора. Оттонъ, уже давно мечтавшій объ этомъ, не заставляетъ себя долго упрашивать, и въ 962 г. коронуется въ Римѣ. Призывая Оттона, Іоаннъ XII полагалъ, что послѣдній согласится оказать ему помощь, удовлетворившись почетною ролью защитника Св. Престола, какъ это было при послѣднихъ карловингахъ. Въ его виды не входило, однако, возстановленіе господства императорской власти надъ Римомъ въ духѣ Карла Великаго [4]). Вскорѣ, однако, папѣ пришлось

---

[1]) Baxmann, l. c., Bd. II, S. 91. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 351 ff.

[2]) Любопытной иллюстраціей тогдашнихъ нравовъ служитъ судъ папы Стефана VI (VII) надъ трупомъ папы Формоза, которому отрубаютъ три пальца правой руки, служившіе ему для крестнаго знаменія, послѣ чего обнаженное тѣло бросаютъ въ Тибръ. См. Hefele, Beiträge zur Kirchengeschichte, Bd. I, S. 234 ff., Conciliengeschichte, Bd. II, S. 562 ff. — Ліутпрандъ приписываетъ совершеніе этой экзекуціи папѣ Сергію, а не Стефану VI (VII), см. Liutprandi Antapodosis. Pertz, Monumenta German. Hist., T. V, Script. t. III, p. 282 s.

[3]) Не подлежитъ сомнѣнію, что папство въ эту эпоху не могло обойтись безъ поддержки со стороны свѣтской власти. Ранке, Римскіе папы въ XV и XVI столѣтіяхъ, т. I, 19. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 141 ff. De Maistre. Du Pape, Livre II, p. 187, Кореллиъ, 48 сл.

[4]) Ranke, Weltgeschichte, Bd. VI², S. 216 ff.

убѣдиться, что онъ ошибся въ расчетѣ, и что Оттонъ. въ награду за помощь, потребуетъ бо́льшаго. Императоръ торжественно обѣщаетъ защищать папу и церковь, не посягая на независимость Св. Престола [1]), что не мѣшаетъ ему въ томъ же году декретировать, что впредь каждый вновь избранный папа долженъ, до своего посвященія, утверждаться въ этомъ званіи императоромъ [2]). Но этого мало, онъ требуетъ отъ римлянъ присягу, что отнынѣ они будутъ избирать на Св. Престолъ лицо, заранѣе намѣченное имъ, императоромъ [3]). При такихъ условіяхъ, Св. Престолъ становится въ полную зависимость отъ свѣтской власти, которая утверждаетъ за собою неограниченное право и смѣщенія и назначенія папъ, и вообще безконтрольно распоряжается дѣлами церкви. Оттонъ увеличиваетъ владѣнія Папы, торжественно утверждаетъ грамоты Пипина Короткаго и Карла Великаго [4]), но расширяя папскую территорію, онъ закрѣпляетъ надъ нею свою верховную власть [5]). Императоръ обѣщаетъ охранять независимость Св. Престола, но первый на нее посягаетъ.

Такимъ образомъ, резюмируя только что изложенное по поводу настоящей эпохи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

a) Великое переселеніе народовъ уничтожаетъ западно-римскую имперію и ослабляетъ связь Византіи съ Италіей.

b) Германскія племена оказались неспособными упрочить свою власть надъ Римомъ.

---

[1]) Pertz, Monumenta German., t. IV. Leg. t. II, p 29. Hefele, l. c., Bd. I, S. 254. Lindner, l. c., S. 95.

[2]) Pertz, Monumenta, t. IV, Leg., t. II, Appdx., p. 164 s. Hefele, l. c. Bd. I, S. 255.

[3]) См. Liutprand y Pertz'a, l. c., t. V, script.. t. III, p. 342. Hefele, l. c., Bd. I, S. 258. Lorenz, Papstwahl und Kaiserthum, S. 60. Gfrörer, Geschichte der Christlichen Kirche, Bd. III, S. 1249. Spittler, Grundriss der Geschichte der Christlichen Kirche, S. 217. Giesebrecht, l. c., S. 439 ff.

[4]) Diploma Ottonis imperatoris, см. Mansi, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, t. XVIII, p. 451, Lindner, l. c., S. 90 ff.

[5]) Ranke, Weltgeschichte, Bd. VI², S. 215 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 434 ff. Ланфрэ, l. c., стр. 77.

c) Тяготѣніе Рима къ папству крѣпнетъ подъ вліяніемъ сепаратныхъ по отношенію къ Византіи и варварамъ тенденцій итальянскаго населенія и той благотворной дѣятельности, которой зарекомендовало себя папство въ глазахъ народа.

d) Политическое и религіозное прошлое Рима и, наконецъ, успѣхи католицизма на западѣ еще болѣе возвышаютъ значеніе папства.

e) Религіозный авторитетъ служитъ папству главнѣйшимъ средствомъ огражденія его политической независимости и мотивомъ сближенія съ нимъ государей.

f) Религіозный авторитетъ папства въ эту эпоху еще не успѣлъ развиться до степени суверенной власти, наличность которой обусловливала его политическую независимость. Ergo:

1) Совокупность благопріятныхъ историческихъ факторовъ подготовляетъ политическую эмансипацію папства.

2) Политическая эмансипація папства въ эту эпоху оказалась недостижимой.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Со времени понтификата Григорія VII до авиньонскаго плѣна.

§ 3.

1) Существенные интересы церкви способствуетъ развитію элементовъ международной правоспособности папства.

2) Развитіе элементовъ международной правоспособности папства обусловливалось господствомъ духовной власти надъ свѣтскою.

3) Господство духовной власти надъ свѣтскою коренилось въ абсолютно-монархической формѣ средневѣковаго государственнаго режима и религіозномъ верховенствѣ папы.

4) Господство папы надъ государствомъ не заключало въ себѣ существенныхъ элементовъ теократіи.

5) Водвореніе всемірной папской монархіи оказалось недостижимымъ на практикѣ.

Руководящей идеей этой эпохи служитъ господство духовной власти надъ свѣтскою.

1) Существенные интересы церкви способствуютъ развитію элементовъ международной правоспособности папства.

1) Режимъ епископальной аристократіи вредно отражался на благосостояніи западной церкви.

a) Независимость церкви, построенной на началахъ епископально-аристократическаго режима, об-

условливалась политической эмансипаціей мѣстнаго духовенства. Христіанская церковь — организмъ вполнѣ самобытный. Она возникла и существуетъ помимо государства, что не мѣшаетъ ей, конечно, во многихъ случаяхъ на нее опираться, также какъ и обратно. Властвуя въ религіозномъ отношеніи надъ паствою, она не нуждается въ какихъ-либо полномочіяхъ извнѣ, пока остается въ предѣлахъ присущей ей компетенціи. Въ этомъ смыслѣ, она суверенна, а слѣдовательно и свободна [1]). Нельзя того же сказать относительно ея независимости. Послѣдняя тѣсно связана съ вопросомъ объ организаціи церкви, которая, по различію конструкціи физическаго носителя религіознаго верховенства, можетъ выражаться, аналогично государству, въ формахъ монархіи, аристократіи или же демократіи. Епископально-аристократическій режимъ вручаетъ верховную власть церкви собору. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, церковь, хотя и сохраняетъ свободу, но лишается независимости, поскольку члены собора, лично и территоріально подчиненные государству, при столкновеніи политическихъ интересовъ съ религіозными, обязаны отдавать предпочтеніе первымъ [2]). Другими словами, церковь хотя и становится субъектомъ обязанностей не иначе какъ въ силу собственнаго согласія, но въ осуществленіи своей власти обусловливается отсутствіемъ (некомпетентностью) или бѣздѣйствіемъ государственной власти [3]). Помимо указанныхъ соображеній общаго характера, приложимыхъ ко всякому вообще епископальному строю, независимость западной церкви особенно ограничивалась въ

[1]) Суверенитетъ и свобода органически между собою связаны, см. ниже.

[2]) Зависимость епископальной аристократіи отъ государства не подлежитъ сомнѣнію, см. Bompard, Le Pape et le droit des gens, p. 23 ss. Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit, S. 283 ff. Laurent, la Papauté et l'Empire (Etudes sur l'histoire de l'humanité), p. 44 ss.

[3]) О принципіальномъ различіи между свободой и независимостью, см. ниже въ ученіи объ элементахъ международной правоспособности.

эту эпоху инвеституроі [1]). Сосредоточивая въ своихъ рукахъ богатѣйшія земли, церковь входила составной частью въ общую феодальную систему, на которой покоилось средневѣковое государство. Владѣя землей, епископъ инвестировался королемъ, отъ котораго онъ получалъ кольцо и посохъ—символы епископскаго достоинства. Будучи свѣтскимъ вассаломъ, онъ обязанъ былъ блюсти интересы своего сюзерена, а въ качествѣ органа церкви—интересы послѣдней. Коллизія зачастую непримиримыхъ интересовъ, религіозныхъ и свѣтскихъ, возможная вообще, а во многихъ случаяхъ и неизбѣжная, становится особенно рѣзкой въ эпоху, когда интересы государства отождествляются съ личными и династическими интересами государей. Лишенный, въ силу закона о целибатѣ, гарантій наслѣдственности, церковный феодъ зависѣлъ отъ государя гораздо болѣе свѣтскаго бенефиція; послѣ смерти епископа, онъ становился вакантнымъ и поступалъ въ распоряженіе сюзерена, который вновь инвестировалъ имъ своего кандидата [2]). Такимъ образомъ, въ эпоху епископально-аристократическаго режима, когда религіозное верховенство церкви еще не успѣло сосредоточиться въ Римѣ, когда носителемъ его являлся соборъ изъ мѣстныхъ епископовъ, зависимость духовной власти отъ свѣтской была неизбѣжной. Первоначально, папы не оспаривали за государями права инвестировать духовенство землею и связанными съ нею привилегіями публично-правового характера. Впервые противъ этого порядка, столь пагубно отражавшагося на интересахъ церкви, рѣшительно выступаетъ Григорій VII [3]). Соборъ 1075 г., подлинные акты коего, къ сожалѣнію, не сохранились, отмѣняетъ

---

[1]) Rocquain, La Cour de Rome et l'esprit de réforme avant Luther, Paris, 1893, t. I, p. 4 ss. Delarc, Saint Grégoire VII et la réforme de l'Eglise au XI siècle, t. I, Introduction, XLVI. Balbo, Histoire d'Italie, T. I. p. 194 ss.

[2]) Laurent, La Papauté et l'Empire (Etudes sur l'histoire de l'humanité), p. 95. Корелинъ. l. c., стр. 96.

[3]) Gieseler, l. c., Bd. II[1], S. 198 ff., 209 ff.

инвеституру [1]). Римскіе соборы 1078 и 1080 гг. слѣдуютъ его примѣру [2]). Подъ страхомъ отлученія отъ церкви, папа осуждаетъ инвеституру, какъ обычай противный постановленіямъ Св. Отцовъ церкви, вносящій въ нее лишь смуты и раздоры. Урбанъ II [3]) и прочіе средневѣковые папы, за исключеніемъ Пасхалія II [4]), высказываютъ одинаковый по существу взглядъ на инвеституру [5]). Нерѣдко Григорія VII обвиняютъ за то, что, убѣжденный въ пагубномъ вліяніи послѣдней, онъ ополчился противъ имперіи, вмѣсто того, чтобъ отказаться отъ сохраненія церковью ея земельныхъ богатствъ. Этимъ онъ устранилъ бы самый вопросъ объ инвеституръ, не прибѣгая къ опасной борьбѣ съ государствомъ [6]). Подобный упрекъ справедливъ лишь отчасти. Отказъ отъ земельной собственности не освободилъ бы мѣстное духовенство отъ личнаго и территоріальнаго подчиненія государству, поскольку понятія безземельности и внѣземельности, очевидно, не совпадаютъ. Борьба по вопросу объ инвеституръ была лишь эпизодомъ въ общемъ стремленіи папства къ политической эмансипаціи мѣстнаго духовенства во имя независимости церкви отъ государства.

b) Феодальная зависимость мѣстнаго духовенства пагубно отражалась на его нравственномъ уровнѣ.

Мы видѣли выше, что подчиненіе членовъ собора государству, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, неизбѣжно влекло за собою зависимость церкви отъ свѣтскаго меча. Помимо этого, феодальный режимъ представлялъ собою спеціальное зло, пагубно отражавшееся на благосостояніи

---

[1]) Arnulf, Gesta archiepiscoporum Mediolanensium, см. Mirbt, Quellen, S. 52.

[2]) Mirbt, Quellen, S. 52.

[3]) Concil. Claromontanum, a. 1095, c.c. 16,17. Mansi (Conciliorum collectio), t. XX, p. 817, Concil. Rotomagense, a. 1096, c. 8. Mansi, l. c. XX, p. 925, Concil. Romanum III, a. 1099, c. 17. Mansi, l. c., XX, p. 964.

[4]) Paschalis epist. 22 ad Henric. V Imperat. Mansi, l. c., XX, p. 1007.

[5]) Laurent, l. c., p. 96. Geffcken, l. c., S. 152.

[6]) Geffcken, l. c., S. 150.

церкви. Инвеституриое право вскорѣ становится для монарха выгоднымъ промысломъ, средствомъ пополненія пустѣющей казны. Мѣста прямо продаются съ торговъ. Кольцо и посохъ поступаютъ въ руки кандидата, могущаго внести за нихъ бо́льшую сумму. Очевидно, что подобная фискальная точка зрѣнія на замѣщеніе епископской каѳедры не могла содѣйствовать возвышенію нравственнаго уровня мѣстнаго духовенства [1]). Вассальная зависимость епископата отъ грубаго средневѣковаго государства отражала на немъ всѣ недостатки тогдашняго общества. Самое привилегированное положеніе прелатовъ, съ теченіемъ времени, налагаетъ особый, чисто свѣтскій отпечатокъ на высшее духовенство, которое вскорѣ сливается съ воинственной аристократіей и мало чѣмъ отъ нея отличается по своимъ вкусамъ и замашкамъ [2]). Въ XI вѣкѣ западное духовенство гораздо болѣе интересовалось турниромъ, чѣмъ проповѣдью и богослуженіемъ, предпочитая мечъ кресту и рыцарскіе доспѣхи—церковному облаченію. Епископы и аббаты не смущаются, изъза личныхъ, зачастую вздорныхъ, пререканій, обнажать мечъ въ самомъ храмѣ и проливать кровь у подножія алтаря [3]). Подобные нравы, органически связанные съ феодальнымъ режимомъ, не могли, конечно, способствовать возвышенію авторитета представителей церкви, популярность которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, покоилась на фактахъ, мало имѣющихъ общаго съ ихъ пастырскими обязанностями. При та-

---

[1]) Delarc, l. c., t. I (Introduction), p. XLVIII. Rocquain, l. c., t. I, p. 5. Geffcken, l. c., S. 149.

[2]) Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 120. Maurenbrecher, l. c., S. 287 ff. Rocquain, l. c., t. I, p. 5 ss.

[3]) Характерной иллюстраціей нравовъ служитъ кровавое побоище между епископомъ Гильдесгеймскимъ и аббатомъ Фульдскимъ въ 1063 г., въ день Рождества Христова, во время богослуженія, въ присутствіи малолѣтняго императора Генриха и герцога Баварскаго. Ссора возникла по вопросу о мѣстничествѣ. См. Lamberti Annales, ad. a. 1063 (Pertz, l. c., T. VII. Script. t. V, p. 163). О нравахъ мѣстнаго духовенства въ эту эпоху см. Laurent, l. c., p. 72 ss.

кихъ условіяхъ, въ народѣ крѣпнетъ сознаніе необходимости оздоровленія церкви путемъ радикальныхъ реформъ, осуществленіе коихъ обусловливалось, однако, переустройствомъ церковнаго управленія на началахъ централизаціи и подчиненія Риму.

c) Политическая эмансипація мѣстнаго духовенства являлась недостижимой. Пребывая въ государствѣ не подчиняться его законамъ, владѣя землею отрицать территоріальное верховенство страны,—значило бы посягать на основные принципы публичнаго правопорядка. Между тѣмъ, въ XI вѣкѣ папство, видя, сколь пагубно отражалась на интересахъ церкви политическая зависимость духовенства, поставило себѣ цѣлью освободить его отъ подчиненія государству. Желая сохранить за церковью владѣніе землею и связанными съ нимъ привилегіями, папство не хотѣло, однако, возлагать на духовную власть соотвѣтствующихъ публичныхъ обязанностей по отношенію къ государству. Очевидно, что подобное разрѣшеніе вопроса было недопустимо съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Необходимо, при этомъ, имѣть въ виду, что въ XI вѣкѣ духовенство сосредоточивало въ своихъ рукахъ около $^3/_4$ всей государственной территоріи. При такихъ условіяхъ, эмансипація церковныхъ земель грозила повлечь за собой распаденіе государства, на что послѣднее, конечно, не могло согласиться [1]). Вотъ почему, даже въ эпоху, когда авторитетъ Св. Престола достигъ могучихъ размѣровъ, папству не удалось осуществить грандіозныхъ замысловъ Григорія VII. Въ 1122 году Калликсъ II принужденъ заключить съ императоромъ Генрихомъ V извѣстный въ исторіи папства Вормскій конкордатъ [2]), который знаменуетъ собою несомнѣнное пораже-

[1]) Laurent, La Papauté et l'Empire, p. 96. Cantù, Histoire Universelle, T. IX, p. 323. Plank, Geschichte des Papstthums in den Abendländischen Kirchen (Gesch. der Christlich-kirchlichen Gesellschafts-Verfassung), Bd. IV, S. 128—136.

[2]) Pertz, Monum. German., T. IV, Leg. t. II, p. 75 s. Theiner, Codex diplomaticus, T. I, Nr. 12, pag. 11. Mirbt, Quellen, S. 64.

ніе папства въ этомъ вопросѣ [1]). Императоръ отказывается отъ внѣшнихъ знаковъ инвеститурнаго права, несовмѣстимыхъ съ идеей религіозной независимости духовной власти отъ свѣтской. Кольцо и посохъ замѣняются скипетромъ,— символъ свѣтской власти, вручаемый духовному лицу государемъ. Избраніе высшаго духовенства должно, однако, происходить въ присутствіи послѣдняго. Наконецъ, инвеститура предшествуетъ церковному посвященію [2]). Такимъ образомъ, измѣняется лишь формальная сторона инвеститурнаго права, но самое содержаніе послѣдняго остается по существу такимъ же, какимъ оно было и прежде.

§ 4.

2) Недостатки епископальнаго режима способствуютъ развитію религіознаго суверенитета Св. Престола.

Въ виду невозможности эмансипировать мѣстное духовенство въ политическомъ отношеніи, церкви оставалось одно изъ двухъ, — примириться съ существующимъ зависимымъ отъ государства положеніемъ, или же замѣнить епископально-аристократическій режимъ абсолютной духовной монархіей. Судьба рѣшила этотъ вопросъ въ пользу папства. Такимъ образомъ, развитіе религіозной власти послѣдняго коренилось въ сознаніи непригодности епископата, зависимость котораго отъ государства, роковымъ образомъ отражаясь на интересахъ церкви, была нежелательной, а независимость—недостижимой. Въ этомъ смыслѣ, пораженіе Григорія VII по вопросу объ инвеститурѣ послужило дальнѣйшему возвышенію папства.

---

[1]) Raumer, Geschichte der Hohenstauffen, Bd. I, S. 317. Plank, l. c., Bd. IV, S. 300 ff. Laurent, l. c., p. 98 ss. Geffcken, l. c., S. 152 ff., отчасти Корелинъ, l. c.; contra Goyau, l. c., p. 57.

[2]) По крайней мѣрѣ въ Германіи; въ прочихъ земляхъ имперіи, посвященный инвестировался въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ.

Религіозный авторитетъ Св. Престола возвышается лишь постепенно. Первоначально, власть папы ограничивалась итальянскою церковью, непосредственно отъ него зависимой въ силу постановленій Никейскаго Собора 325 г., упрочившаго первенствующее положеніе митрополита въ предѣлахъ подвѣдомственнаго ему округа. Митрополитъ является предсѣдателемъ синода изъ мѣстныхъ епископовъ [1]; ему предоставлено также право утвержденія епископскихъ выборовъ [2]). Такимъ образомъ, папа, въ качествѣ римскаго митрополита, прежде всего занимаетъ выдающееся положеніе среди прочихъ итальянскихъ епископовъ, подчиняя ихъ своему непосредственному надзору и руководству. По мѣрѣ распространенія христіанства на западѣ, католическіе миссіонеры расширяютъ сферу вліянія папы, прививая къ новообращенному населенію идею объ особыхъ правахъ и преимуществахъ Св. Престола. Значительно содѣйствуетъ возвышенію папства Григорій Великій. Не ограничивая правъ мѣстнаго духовенства и общины въ дѣлѣ избранія епископовъ, онъ увеличиваетъ вліяніе Св. Престола участіемъ на выборахъ особыхъ визитаторовъ, представителей послѣдняго, а также изъемлетъ черное духовенство изъ вѣдѣнія мѣстнаго епископа и подчиняетъ его непосредственно папѣ. Наконецъ, Григорій Великій издаетъ рядъ правилъ относительно церковныхъ праздниковъ, почитанія святыхъ, регламентируетъ подробности богослуженія и зорко слѣдитъ за нравами духовенства и чистотою ученія [3]). Помѣстный Сардикскій Соборъ 343 г. [4]) предоставляетъ папѣ высшую судебную власть надъ епископами. Осужденный мѣстнымъ синодомъ, епископъ въ правѣ ходатайствовать передъ папою о назначеніи новаго судебнаго разбирательства [5]). При вто-

[1]) C. 5, см Mansi, Conciliorum collectio, t. II, p. 669 s.

[2]) C. 4, ibid

[3]) Geffcken, l. c., S. 112. Baxmann, Bd., S. 85 ff.

[4]) Mansi, Conciliorum collectio, t. III, p. 7 s.

[5]) Текстъ канона (3) обращенъ къ Julio Romano Episcopo. Въ виду этого, нѣкоторые писатели, напр., Döllinger (Das Papstthum, Neubear-

ричномъ осужденіи, все дѣло, по просьбѣ обвиняемаго, переносится, въ апелляціонномъ порядкѣ, въ Римъ, на окончательное разрѣшеніе папы. Замѣщеніе осужденнаго епископа новымъ не допускается, до утвержденія Св. Престоломъ обвинительнаго приговора [1]). Въ предѣлахъ подвѣдомственнаго ему патріархата, папа является хранителемъ чистоты христіанскаго ученія, блюстителемъ правильнаго и однообразнаго примѣненія мѣстнымъ духовенствомъ вселенскихъ каноновъ [2]). Среди прочихъ патріарховъ, положеніе папы не отличалось, однако, съ канонической точки зрѣнія, какими-либо особыми прерогативами [3]). Законодательныя функціи въ области ученія вѣры принадлежали одной лишь церкви, въ ея совокупности. Вопросы догмата разрѣшались соборомъ, а не единоличною властью папы. Взглядъ Льва Великаго на евтихіанскую ересь, изложенный въ его посланіи къ Флавіану [4]), былъ признанъ церковью лишь послѣ одобренія его Халкидонскимъ соборомъ [5]), необходимости котораго не отрицалъ самъ авторъ посланія [6]). Торжественное осужденіе монофелитской ереси Гонорія I вселенскимъ Константинопольскимъ соборомъ 680 г. [7]) наглядно доказываетъ, что въ эту эпоху

---

beitung von Janus „der Papst und das Concil"), S. 17, Baxmann, l. c., Bd. I, S. 12, толкуютъ его въ смыслѣ привилегіи, лично дарованной папѣ Юлію; иначе Zorn, l. c., S. 4.

[1]) Канонъ 4. — Постановленія Сардикскаго собора не были признаны восточной и африканской церквами, и вообще имѣли исключительно мѣстное значеніе, ограниченное предѣлами западной церкви. Döllinger, l. c., S. 17. Zorn, l. c., S. 41. Wattenbach, l. c., S. 7. Baxmann, l. c., Bd. I, S. 12.

[2]) Döllinger, l. c., S. 18.

[3]) Халкидонскій соборъ 451 г. говоритъ о равенствѣ обоихъ патріарховъ, Константинопольскаго и Римскаго, см. Mansi, Conciliorum collectio, t. VII, p. 370. Mirbt, Quellen, S. 26 ff.

[4]) Epistola dogmatica ad Flavianum, Ep. 28, см. Mansi, l. c., t. V, p. 1363 ss. Migne, Patrologiae cursus completus, Series Latina, T. 54, p. 755.

[5]) см. Mansi, l. c., t. VI, p. 951, 959 s. Döllinger, l. c., S. 321, Anmerk. 26.

[6]) Leonis ep. ad episc. Gall., см. Mansi, l. c., t. VI, p. 181. Migne, l. c., t. 54, p. 985. Döllinger, l. c., S. 321, Anm. 26.

[7]) см. Mansi, l. c., t. XI, p. 554 s. Въ слѣдующемъ году Левъ II, въ

еще не могло быть и рѣчи о признаніи церковью религіознаго верховенства папы [1]). Такимъ образомъ, верховная власть по религіознымъ вопросамъ сосредоточивалась въ рукахъ самой церкви; носителемъ этой власти являлся вселенскій соборъ, а не папа [2]). Мы указали выше, что недостатки епископальнаго режима, прежде всего, обнаруживались въ зависимомъ положеніи церкви отъ государства, неизбѣжномъ при территоріальномъ и личномъ подчиненіи мѣстнаго духовенства верховной власти послѣдняго, что не могло не отразиться на его нравственномъ уровнѣ.

Между тѣмъ, политическая эмансипація духовенства, угрожая цѣлости государства, была, очевидно, немыслимой. При такихъ условіяхъ, возвышеніе папства—результатъ настоятельной необходимости, вопросъ жизни и смерти для католической церкви. Оздоровленіе мѣстнаго духовенства требовало радикальныхъ реформъ, осуществленіе коихъ возможно было лишь при посредствѣ папы [3]), что, въ свою очередь, обусловливалось развитіемъ его духовной власти. Ожидать иниціативы со стороны нравственно опустившагося духовенства едва ли было возможно; оно всѣми силами противилось реформамъ, при помощи коихъ папство стремилось очистить церковь и поднять ее на должную высоту [4]). Декреты Григорія VII относительно симоніи [5]) и цели-

---

посланіи къ императору Константину, подтверждаетъ осужденіе Гонорія, см. Mansi, l. c., t. XI, p. 731. — По этому поводу см. также Liber pontificalis, vita Leonis II и Liber diurnus. Mirbt, Quellen, S. 31.

[1]) Döllinger, l. c., S. 8 ff. Wattenbach, l. c., S. 29 ff.

[2]) Григорій I даже отказывается отъ титула вселенскаго патріарха, считая его способнымъ возбуждать одно лишь пустое тщеславіе, недостойное духовнаго пастыря, см. Ep. ad Eulogium, Mirbt, l. c., S. 29.

[3]) Rocquain, La cour de Rome et l'esprit de réforme avant Luther, t. I, p. 10 ss.

[4]) Goyau, l. c., p. 54.

[5]) Посланіе Григорія VII къ епископу Герману Мецкому (Mirbt, l. c., S. 51), Римскіе соборы 1078 г. (ibid., S. 51), Испанскій соборъ 1078 г. (ibid., S. 52) и соборъ въ Кведлинбургѣ 1085 г. (ibid., S. 52).

бата [1]) вызываютъ цѣлую бурю среди духовенства. Возбужденіе доходитъ до того, что группа нѣмецкихъ и даже итальянскихъ прелатовъ декретируетъ низложеніе папы, обвиняя извѣстнаго своей аскетической жизнью Григорія VII въ рядѣ безнравственныхъ дѣяній [2]). Немногіе епископы, сочувствовавшіе реформамъ Григорія VII, не въ силахъ были бороться съ громаднымъ большинствомъ духовенства. Такъ, архіепископъ Майнцкій дважды, въ 1074 и слѣдующемъ годахъ, предлагаетъ собору подчиниться реформамъ, но встрѣчаетъ столь энергичный отпоръ, что принужденъ взять свое предложеніе обратно [3]).

Развитіе духовной власти папы обусловливалось, кромѣ того, необходимостью обезпечить церкви политическую, а съ нею и религіозную независимость отъ свѣтской власти. Будучи въ государствѣ, мѣстное духовенство не могло осуществить этой непосильной ему задачи. Въ рукахъ собора духовная власть становилась эфемерной, ничтожной, по мѣрѣ все бо̀льшаго порабощенія духовныхъ интересовъ политическими. При такихъ условіяхъ, подъ дряхлой оболочкой собора вскорѣ замѣчается, вначалѣ едва уловимый, процессъ перемѣщенія церковнаго управленія изъ государства въ Римъ, переустройства церкви на началахъ абсолютной монархіи, словомъ, постепеннаго развитія папской власти, которая въ эпоху Григорія VII уже получаетъ свое совершенное выраженіе. Церковь концентрируетъ всю полноту духовной власти и вручаетъ ее тому, кто болѣе другихъ былъ независимъ отъ государства. Такимъ лицомъ, единственнымъ въ лонѣ западной церкви, и какъ бы созданнымъ для этой цѣли

---

[1]) Римскіе соборы 1074, 1075 и 1078 гг., Энциклика къ духовенству и мірянамъ Германіи 1074 г. (ibid., S. 50), а также энциклика 1079 г. (ibid., S. 51).

[2]) Concil. Wormatiense, Pertz, l. c., T. IV, Leg. II, 45. Concil. Brixiense, Pertz, ibid., 51 s., см. также Laurent, la Papauté et l'Empire, p. 87. Balbo, Histoire d'Italie, T. I, p. 197 ss.

[3]) Lamberti, Annales ad a. 1075, см. Pertz, T. VII, Script., t. V, p. 230. Laurent, l. c., p. 85.

судьбою, былъ папа, который, будучи не только епископомъ, но также государемъ, являлся экстерриторіальнымъ по отношенію къ государству.

Авторитетъ папы, какъ реальнаго носителя верховной власти церкви, трудно было обосновать при помощи однихъ лишь каноническихъ источниковъ. Вотъ почему, вскорѣ, выступаютъ на сцену поддѣлки различныхъ документовъ и подтасовки историческихъ фактовъ. Такъ, постановленія Сардикскаго помѣстнаго собора 343 г., по вопросу о судебной власти Св. Престола, со времени Иннокентія I [1]) неоднократно пріурочиваются къ вселенскому Никейскому собору 325 [2]) г., декреты котораго также искажаются въ пользу папы путемъ измѣненія текста шестого канона, что и было обнаружено на Халкидонскомъ соборѣ 451 года [3]).

Такимъ образомъ, все, что противорѣчило или же было недостаточно для каноническаго обоснованія прерогативъ Св. Престола въ ущербъ собору, постепенно подвергалось различнымъ передѣлкамъ и добавленіямъ. Въ половинѣ IX вѣка, появляются въ свѣтъ такъ называемыя лже-Исидоровы декреталіи,—сочиненіе, изданное подъ вымышленнымъ именемъ Исидора Севильскаго (Mercator), составленное изъ различныхъ, большею частью подложныхъ, документовъ. Нельзя не признать той выдающейся роли, которую оно сыграло въ дѣлѣ развитія духовной власти папства. [4]) Содержаніе декра-

---

[1]) См. посланіе Иннокентія I къ епископу Ватрицію (Ep. ad Vatricium, Mirbt, l. c., S. 21).

[2]) Döllinger, l. c., S. 22, полагаетъ, что это смѣшеніе было результатомъ ошибки, а не умысла.

[3]) см. Mirbt, l. c., S. 16, Anm. 1. Въ концѣ VI вѣка подвергается подобной же участи извѣстное сочиненіе Капріана, епископа Карѳагенскаго, De catholicae ecclesiae unitate, въ коемъ авторъ указывалъ, что всѣ апостолы въ равной мѣрѣ получили свою власть отъ Іисуса Христа. См. Mirbt, l. c., S. 10, ср. Gebhardt, Die Bedeutung Innocenz I für die Entwickelung der päpstlichen Gewalt, S. 17.

[4]) Hinschius, Decretales Pseudo-Isidorianae. О Лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ см. Ranke, Weltgeschichte, VI[1], S. 141 ff., 156 ff., Gieseler,

талій преимущественно относится къ вопросу о юрисдикціи духовенства и его подчиненіи папѣ; значеніе митрополитовъ, при этомъ, совершенно умаляется. Духовенство не подлежитъ свѣтскому суду не только въ дѣлахъ духовныхъ, но также свѣтскихъ [1]). Высшій судъ надъ епископами вручается папѣ [2])—главѣ церкви; эту власть онъ получилъ отъ Христа, который сказалъ Петру, князю апостоловъ: Ты еси камень, и на этомъ камнѣ я воздвигну церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ее, и тебѣ дамъ я ключи отъ царства небеснаго [3]).

Помимо того, что лже-Исидоровы декреталіи представляли богатый матеріалъ, изъ котораго почерпались различные доводы въ пользу религіознаго верховенства папы, значеніе этого апокрифическаго документа особенно выступаетъ въ его очевидномъ намѣреніи доказать безусловную необходимость политической эмансипаціи духовенства. Эта тенденція, проходящая сквозь все сочиненіе, характеризуетъ настроеніе тогдашней эпохи. Въ этомъ смыслѣ, лже-Исидоровы декре-

---

l. c., Bd. II[1], S. 145 ff. Zorn, l. c.. 90 ff. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité (La féodalité et l'Eglise), p. 75. Giesebrecht. l. c., Bd. I S. 140 ff. Baxmann, Bd. I, S. 357. Maurenbrecher, l. c, S. 285 ff. Spittler, l. c., S. 205 ff. Lurz, Ueber die Heimat Pseudoisidors. Simson. Die Entstehung der Pseudo-Isidorischen Fälschungen. Корелинъ, l. c., стр. 55 сл.

[1]) „Oves enim pastorem suum non reprehendant, plebs vero episcopum non accuset, nec vulgus eum arguet, quia non est discipulus super magistrum neque servus super dominum.—Episcopi autem a Deo sunt iudicandi, qui eos sibi oculos elegit; nam a subditis aut pravae vitae hominibus non sunt arguendi vel accusandi aut lacerandi," Decreta Pii Papae IV. Hinschius, l. c., pag. 117

[2]) Decreta Victoris Papae, V. Hinschius, l. c., pag. 128. Decreta Sixti Papae, V, ibid., pag. 108

[3]) „In Christo enim habitat omnis plenitudo divinitatis corporaliter, ut sitis in illo repleti, qui est caput omnis principatus et potestatis. Qui et hanc sanctam apostolicam sedem omnium ecclesiarum caput esse praecepit, ipso dicente principi apostolorum Petro: Tu es Petrus et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam et portae inferi non praevalebunt adversus eam et tibi dabo claves regni caelorum. Et quodcunque ligaveris super terram erit ligatum et in caelo, et quodcunque solveris super terram erit solutum et in caelo," Decreta Pii Papae, II. Hinschius, l. c., pag. 116.

таліи, подложные по формѣ и содержанію, не столь далеки отъ исторической правды по своей идеѣ. Развивая сознаніе настоятельной необходимости освобожденія мѣстнаго духовенства изъ подъ опеки государства, во имя независимости церкви, лже-Исидоровы декреталіи тѣмъ самымъ способствуютъ возвышенію папства, поскольку политическая эмансипація духовенства была неосуществима, какъ мы видѣли выше, на практикѣ. При такихъ условіяхъ, паденіе епископально-аристократическаго режима являлось неизбѣжнымъ результатомъ потребности, которую рельефно подчеркиваютъ лже-Исидоровы декреталіи. Очевидно, что подобное сочиненіе не могло пройти незамѣченнымъ. Николай I спѣшитъ имъ воспользоваться. Въ своемъ посланіи къ франкскимъ епископамъ [1]), онъ прямо утверждаетъ, что полномочія папы, указанныя въ лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ, не представляютъ собою чего либо новаго; они существуютъ уже издавна и обоснованы рядомъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ папскихъ архивахъ.

Такимъ образомъ, въ XI вѣкѣ почва для воспріятія новыхъ началъ была уже достаточно подготовлена. Оставалось лишь сдѣлать рѣшительный шагъ, осуществить на дѣлѣ грандіозную задачу переустройства церкви на основахъ абсолютной монархіи, взамѣнъ режима, не могущаго обезпечить независимость духовной власти отъ свѣтской. Эту задачу беретъ на себя Григорій VII, могучій поборникъ религіознаго верховенства Рима, идеи, которая, несмотря на противодѣйствіе императора и мѣстнаго духовенства, все крѣпнетъ и развивается. Григорій VII строитъ новое зданіе изъ матеріала безспорно подложнаго, но элементы его выросли въ условіяхъ данной эпохи. Вызванныя къ жизни не произволомъ честолюбиваго монарха, но интересами церкви, они дѣйствительно коренятся въ томъ историческомъ прошломъ, на которое онъ любитъ ссылаться,—въ рядѣ безплод-

---

[1]) См. Mansi, Conciliorum Collectio. XV, p. 693 s.

ныхъ попытокъ освободить духовенство отъ подчиненія государству [1]).

Послѣдующіе папы, Александръ III, Инокентій III, а также Бонифацій VIII лишь идутъ далѣе по пути, уже намѣченному Григоріемъ VII [2]).

Такимъ образомъ, окончательно слагается абсолютно монархическій строй западной церкви, принципы котораго переживаютъ тяжелый кризисъ великой католической схизмы, ограничительныя постановленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ и самую реформацію, сохраняя неприкосновенной идею религіознаго верховенства папы.

§ 5.

3) Развитіе религіознаго суверенитета Св. Престола обусловливалось его независимостью, тѣсно связанной съ политической эмансипаціей папства.

а) Религіозный суверенитетъ Св. Престола обусловливался независимостью послѣдняго.

Существенный недостатокъ епископальнаго режима коренился, какъ мы видѣли выше, въ его неспособности обезпечить независимость церкви, ограниченіе которой, неизбѣжное при территоріальномъ и личномъ подчиненіи членовъ собора государственной власти, повлекло за собой переустройство церкви на началахъ абсолютной духовной монархіи. Сознаніе настоятельной необходимости обезпечить независимость церкви служитъ, такимъ образомъ, руководящимъ мотивомъ

---

[1]) Въ XII в. появляется въ свѣтъ изданіе Болонскаго монаха Граціана „Decretum Gratiani," — сводъ документовъ, вошедшихъ въ лже-Исидоровы декреталіи съ послѣдующими добавленіями, въ духѣ новаго режима, созданнаго Григоріемъ VII. — Это сочиненіе вскорѣ становится настольною книгою канонистовъ. — См. Friedberg, Corpus iuris canonici, pars prior, Decretum magistri Gratiani. Döllinger, Das Papstthum, S. 55 ff. Zorn, l. c., S. 121 ff.

[2]) Dollinger, l. c., S. 61. Maurebrencher, l. c., S. 290 ff.

развитія религіознаго верховенства папы. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, пріобрѣтеніе и дальнѣйшее сохраненіе послѣднимъ всей полноты духовной власти было тѣсно связано съ вопросомъ,—насколько Св. Престолъ, сравнительно съ мѣстнымъ духовенствомъ, обладаетъ большей независимостью по отношенію къ государству. Дѣйствительно, мы видимъ, что централизація церкви крѣпнетъ подъ вліяніемъ все болѣе проникающаго въ общество убѣжденія въ непригодности епископальнаго режима, съ одной стороны, и постепеннаго упроченія независимости папства—съ другой. Совокупленіе полноты духовной власти въ рукахъ послѣдняго происходитъ не ранѣе пріобрѣтенія имъ подобной независимости, и эта власть, какъ мы увидимъ ниже, неизбѣжно падаетъ по мѣрѣ ея дальнѣйшаго умаленія. Періодъ до понтификата Григорія VII и грядущая, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ расцвѣта папской власти, эпоха авиньонскаго плѣна и великой католической схизмы служатъ наглядными примѣромъ, насколько развитіе духовной власти папства было органически связано съ его независимостью.

в) Независимость Св. Престола обусловливалась политической эмансипаціей (свободой) папства.

Зависимость церкви отъ государства, неизбѣжная при епископальномъ режимѣ, угрожаетъ принять неизмѣримо большіе размѣры при подчиненномъ положеніи папы. Господство надъ однимъ лицомъ и, при посредствѣ его духовнаго авторитета,—надъ самою церковью, несомнѣнно удобнѣе, продуктивнѣе, если можно такъ выразиться, чѣмъ руководство, неопредѣленнымъ, заранѣе, по числу и составу его членовъ, соборомъ.—Эпоха призванія Оттона I на императорскій тронъ служитъ наглядными примѣромъ, насколько подчиненіе папы ограничивало религіозную независимость Св. Престола, а вмѣстѣ съ нимъ и церкви. Призывая Оттона, Іоаннъ XII полагалъ, что послѣдній, въ благодарность за возведеніе его въ императорскій санъ, ограничится скромною ролью охранителя правъ и преимуществъ Св. Престола. Мы видѣли, однако, выше, что этотъ расчетъ оказался ошибочнымъ.

Въ самый годъ коронованія, Оттонъ I декретируетъ, что впредь каждый вновь избранный, согласно каноническимъ правиламъ, папа, долженъ до своего посвященія утверждаться въ этомъ званіи императоромъ (см. выше стр. 25). За этимъ первымъ шагомъ слѣдуютъ другіе, еще болѣе рѣшительные; Оттонъ ограничиваетъ самое избирательное право римлянъ. Вскорѣ императоръ переходитъ отъ словъ къ дѣлу, смѣщаетъ Іоанна XII и самолично возводитъ на Св. Престолъ Льва VIII, до конца своихъ дней пребывшаго по отношенію къ нему въ неукоснительномъ послушаніи и вѣрности. Такимъ образомъ, утвердивши свое господство надъ Римомъ, императоръ произвольно распоряжается судьбой Св. Престола [1]).

Подъ давленіемъ Оттона, Левъ VIII отказывается въ пользу императора, за себя и своихъ преемниковъ, отъ всѣхъ своихъ правъ не только въ дѣлахъ свѣтскихъ, но также духовныхъ; не только назначеніе папъ, но также архіепископовъ и епископовъ переходитъ, такимъ образомъ, въ руки Оттона [2]). Словомъ, господствуя надъ папой, императоръ непринужденно хозяйничаетъ въ церкви. На этой почвѣ, между нимъ и ставленникомъ его Львомъ VIII, съ одной стороны, и смѣщеннымъ Іоанномъ XII, съ другой,—загорается борьба, въ которой папа

---

[1]) Въ эпоху карловинговъ вліяніе императора несомнѣнно сказывалось при замѣщеніи Св. Престола; посвященіе происходило въ присутствіи императора или его представителей, но самое избраніе принадлежало римскому духовенству и народу. Hefele, Beiträge zur Kirchengeschichte, Bd. I, S. 258, см. по этому поводу Ranke, Weltgeschichte, Bd. VI², S. 222 ff. Lapôtre, l'Europe et le Saint-Siège à l'époque Carolingienne, I, p. 206. Lorenz, Papstwahl und Kaiserthum, S. 33 ff. Dopffel, Kaiserthum und Papstwechsel unter den Karolingen, S. 10 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. I. S. 439 ff. Baxmann, l. c., Bd. II, S. 110 ff.

[2]) Pertz, t. IV, Leg., t. II, Append., pag. 167. Hefele, Beiträge zur Kirchengeschichte, Bd. I, 269. Gfrörer, Geschichte der christlichen Kirche, Bd. III, S. 1254 ff. — Нѣкоторые писатели сомнѣваются въ подлинности буллы Льва VIII 964 г., см. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 783. Baxmann, l. c., Bd. II, S. 118 ff.

и императоръ въ равной мѣрѣ себя компрометируютъ [1]). Но что же соборъ? Какъ заявилъ онъ себя въ эту, критическую для западной церкви, эпоху? Всего лучше иллюстрируемъ его дѣятельность фактами. Въ 963 году, засѣдавшій въ храмѣ Св. Петра, подъ предсѣдательствомъ императора, соборъ смѣщаетъ Іоанна XII и возводитъ на Св. Престолъ Льва VIII [2]). Въ слѣдующемъ 964 году, послѣ того какъ Іоаннъ XII, одержавъ надъ послѣднимъ побѣду, вновь водворяется въ Римѣ, соборъ изъ тѣхъ же лицъ, только что обвинявшихъ его въ рядѣ тяжкихъ преступленій, отрекается отъ всѣхъ своихъ прежнихъ рѣшеній, и на вопросъ Іоанна XII,—что представлялъ собою, по ихъ мнѣнію, соборъ 963 года, епископы единогласно восклицаютъ: это былъ не соборъ, а публичный домъ, прелюбодѣю, похитителю чужой жены (церкви), самозванцу Льву потакающій [3]). Въ такихъ образныхъ выраженіяхъ соборъ кассируетъ свой прежній приговоръ. Въ томъ же 964 году, послѣ смерти Іоанна XII, епископы избираютъ ему въ преемники Бенедикта V, а, мѣсяцъ спустя, Латеранскій соборъ [4]), подъ предсѣдательствомъ Оттона, торжественно открывается вопро-

---

[1]) Водворившись въ 964 г. въ Римѣ, Іоаннъ XII жестоко расправляется съ врагами: кардиналу-дьякону Іоанну отрубаютъ руку, скриніарію Аццо—языкъ, два пальца и носъ; епископа Оттара Шнейерскаго бичуютъ кнутомъ, см. Pertz, t. V, Script.. t. III, p. 346. Hefele, Beiträge zur Kircheng. Bd. I, S. 263. Baxmann, l. c., Bd. II, S. 115. Gfrörer, l. c., Bd. III, S. 1257.

[2]) Mansi, Conciliorum collectio, t. XVIII, p. 465. Pertz, t. V, Script., t. III, p. 342. Hefele, Beiträge zur Kirchengesch., Bd. I, S. 252. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 440. Baxmann, l. c., II, S. 111 ff.

[3]) Sanctum concilium respondit: „Prostibulum favens adultero, invasori scilicet alienae sponsae, nempe Leoni intruso". Mansi, l. c., t. XVIII, p. 471. Hefele, Beiträge zur Kirchengesch., Bd. I, S. 264. Gfrörer, l. c., Bd. III, S. 1257. Baxmann, l. c., Bd. II, S. 115.

[4]) Liutprand, у Pertz'a, t. V, Script., t. III, S. 346, Mansi, t. XVIII, p. 477. Hefele, Beitrage zur Kirchengesch., Bd. I, 267. Lorenz, l. c., S. 60 ff. Gfrörer, l. c., Bd. III, S. 1260. Giesebrecht. Bd. I, S. 447, Baxmann, l. c., Bd. II, S. 116.

сомъ архидьякона по адресу несчастнаго Бенедикта: въ силу какой власти и по какому праву присвоилъ ты себѣ, самозванецъ, папское облаченіе? На что Бенедиктъ, какъ справедливо замѣчаетъ Гефеле, могъ бы, въ свою очередь, спросить его: не ты ли самъ, вмѣстѣ со мною, подалъ на прошломъ засѣданіи свой голосъ за смѣщеніе Льва? Но Бенедиктъ, упавши духомъ, не помышляетъ о защитѣ и на колѣняхъ вымаливаетъ себѣ пощаду. По приговору собора (императора), папу милостиво низводятъ въ дьяконы и ссылаютъ въ Гамбургъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе не болѣе года, одинъ и тотъ же составъ епископовъ, въ зависимости отъ того, кто предсѣдательствуетъ на соборѣ — папа или же императоръ, четыре раза произноситъ діаметрально противоположныя рѣшенія, поочередно именуя себя, то соборомъ, то публичнымъ домомъ, а Іоанна XII, Бенедикта V и Льва VIII—законнымъ папою, прелюбодѣемъ и самозванцемъ!

Ограничивъ независимость папства, Оттону не удалось, однако, устранить смуты, волновавшія итальянскую церковь. Преемникъ Льва VIII, Іоаннъ XIII, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ томится въ замкѣ Св. Ангела. Бенедиктъ VI задушенъ въ томъ же мѣстѣ. Бонифацій VII скрывается нѣкоторое время въ Константинополѣ, а затѣмъ, по возвращеніи въ Римъ, заключаетъ заступившаго его мѣсто Іоанна XIV въ замокъ Св. Ангела, гдѣ послѣдній и умираетъ насильственной смертью [1]). Такова, въ краткихъ чертахъ, картина, характеризующая ближайшія послѣдствія, связанныя съ подчиненіемъ папы императорской власти.

Независимость Св. Престола, органически связанная съ порядкомъ его замѣщенія, прежде всего возбуждала вопросъ о правахъ, въ этомъ отношеніи, императора, съ одной стороны, и римскаго духовенства, а также населенія, съ другой. Пока въ данномъ вопросѣ, несомнѣнно затрагивающемъ компетенцію церкви, господствовалъ произволъ государя,

---

[1]) Hefele. Beiträge zur Kirchengesch., Bd. I, S. 273 ff.

независимость папства сводилась къ нулю. Ставленникъ императора, обязанный, въ качествѣ подданнаго, повиноваться его верховной волѣ въ дѣлахъ свѣтскихъ, вскорѣ становится послушнымъ орудіемъ монарха и въ вопросахъ духовныхъ, слѣдуя предначертаніямъ свыше навязанной ему политики, зачастую идущей въ разрѣзъ съ насущными потребностями церкви. При такихъ условіяхъ, становится вполнѣ понятнымъ стремленіе папства уклониться отъ слишкомъ дорого стоящей опеки со стороны государства, и ограничить активное право участія въ выборахъ папы незначительнымъ кругомъ высшаго римскаго духовенства, болѣе независимаго отъ императорскаго произвола. Еще долгое время папство находится подъ вліяніемъ послѣдняго, пока, наконецъ, Николай II не сдѣлалъ рѣшительнаго шага къ его освобожденію.

Выдающаяся роль Гильдебрандта въ этомъ вопросѣ не подлежитъ сомнѣнію [1]). Въ теченіе долгаго времени, еще не будучи папою, онъ фактически управляетъ дѣлами церкви, утверждая ее на новыхъ устояхъ и подготовляя къ великой борьбѣ съ государствомъ. Во время царствованія Генриха III ополчиться открыто противъ императора было слишкомъ рискованно. Приходилось жить въ мирѣ съ могучимъ монархомъ и терпѣливо выжидать болѣе удобнаго момента. Послѣдній вскорѣ представился, когда управленіе имперіей, во время малолѣтства Генриха IV, перешло въ слабыя руки импе-

[1]) Martens, Gregor VII. sein Leben und Wirken. Ranke, Weltgeschichte, Bd. VII. S. 210 ff. Delarc, Saint Grégoire VII et la réforme de l'Eglise au XI siècle. Cantù, l. c., T. IX, p. 313 ss. Rocquain, l. c., I, p. 15 ss. Cherrier, Histoire de la lutte des Papes et des Empereurs de la maison de Souabe, I. p. 58. Wattenbach, l. c., S. 112. Lorenz, l. c., S. 78 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. III, S. 10 ff. Baxmann, l. c., Bd. II, S. 322 ff. Maurenbrecher. l. c., S. 288 ff. Spittler, l. c., S. 221 ff. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы, русск. перев., II, 12 сл. Zorn, l. c., S. 99. Balbo, l. c., T. I, p. 194 ss. Ланфрэ, l. c., стр. 91 сл. Корелинъ, l. c., стр. 86 сл.

ратрицы-регентши [1]). Подъ вліяніемъ Гильдебрандта, Николай II, съ цѣлью гарантировать церкви автономный порядокъ замѣщенія Св. Престола, декретируетъ на Латеранскомъ соборѣ 1059 г. [2]), что право участія въ папскихъ выборахъ принадлежитъ одному лишь высшему духовенству: послѣ смерти папы, кардиналы епископы, по предварительномъ между собой совѣщаніи, избираютъ ему преемника совмѣстно съ прочими кардиналами. Роль низшаго духовенства, а также римскаго населенія, сводилась къ простому одобренію состоявшихся выборовъ. Этимъ устранялось вмѣшательство императора и могущественной свѣтской аристократіи [3]). За Генрихомъ IV хотя и сохраняются, при этомъ, извѣстныя права [4]), но лишь въ качествѣ привилегіи, непосредственно дарованной ему Св Престоломъ, что̀ очевидно налагало совершенно другую окраску на отношеніе императора къ конклаву [5]). Подобный актъ, предоставлявшій въ дѣлѣ избранія папы рѣшающій голосъ самой церкви, не могъ, конечно, пройти незамѣченнымъ и не возбудить протеста со стороны свѣтской власти, привыкшей такъ близко принимать къ сердцу религіозные интересы, что грань между церковью и государствомъ, духовнымъ органомъ и свѣтскимъ должностнымъ лицомъ, сдѣлалась едва уловимой. Когда, послѣ смерти Ни-

---

[1]) Geffcken, Staat und Kirche. S. 143 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. III, S. 206.

[2]) Mirbt. Quellen. S. 45 ff. Hefele, Conciliengeschichte, Bd. IV, S. 800 ff. Martens, l. c., Bd. I, S. 23 ff. Ranke, Weltgeschichte, Bd. VII, S. 215 ff. Delarc, l. c., T. II, p. 95 ss. Rocquain, l. c., T. I, p 28 ss. Baxmann, l. c., Bd. II, S. 276 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. III, S. 38, ff. Cherrier, l. c., T. I, p. 61. Gieseler, l. c., Bd. II[1], S. 202. Wattenbach, l. c., S. 124. Goyau, p. 52 ss. Spittler, l. c., S. 233. Начала автономіи церкви въ дѣлѣ замѣщенія Св. Престола развиваются на Латеранскомъ соборѣ 1179 г. См. Mirbt, l. c., S. 72 ff. Lorenz, Papstwahl und Kaiserthum, S. 105 ff.

[3]) Sugenheim, Geschichte der Entstehung und Ausbildung des Kirchenstaates, S. 68.

[4]) Текстъ канона лишь упоминаетъ о правахъ короны, не опредѣляя, однако, ихъ содержанія, см. по этому поводу Delarc, T. II, p. 101.

[5]) Ibid., p. 106.

колая II, на Св. Престолъ вступаетъ избранный согласно новымъ соборнымъ постановленіамъ Александръ II, императрица-регентша отказываетъ ему въ признаніи и, вмѣсто него, назначаетъ папою Гонорія II, опираясь при этомъ на германское духовенство, недовольное чрезмѣрнымъ развитіемъ папской власти [1]). Въ возникшемъ на этой почвѣ соперничествѣ обоихъ претендентовъ на Св. Престолъ, идея религіозной независимости церкви отъ государства, на этотъ разъ, торжествуетъ, и Александръ II выходитъ изъ борьбы побѣдителемъ [2]). Такимъ образомъ, Латеранскій соборъ 1059 года представляетъ рѣшительный шагъ впередъ въ дѣлѣ политической и религіозной эмансипаціи папства. За этимъ первымъ шагомъ неизбѣжно слѣдуютъ другіе, повторные, еще болѣе рѣшительные, и вскорѣ по всѣмъ пунктамъ загорается великая борьба между папствомъ и имперіей, между духовною властью и свѣтской. Вызванная къ жизни рѣзкой коллизіей двухъ интересовъ—независимости церкви и государства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—эта борьба, какъ мы увидимъ ниже, не должна быть разсматриваема какъ продуктъ одного лишь ненасытнаго честолюбія папы; она представляетъ собою естественный результатъ тѣхъ ненормальныхъ отношеній между государствомъ и церковью по существу одинаково суверенными, свободными и независимыми организмами,—неизбѣжная коллизія которыхъ обусловливалась взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: абсолютно-монархической формы средневѣковаго государственнаго режима, съ одной стороны, и религіознаго верховенства папы—съ другой.

Вступая въ открытую борьбу съ имперіей, папство должно было, прежде всего, обезпечить себѣ операціонную базу, упрочить свое довольно шаткое положеніе въ Италіи. Съ этою цѣлью, оно вступаетъ въ союзъ съ Норманнами и ломбард-

---

[1]) Cherrier, l. c., p. 61, Rocquain, l. c., T. I, p. 34 ss. Sugenheim, l. c., S. 77 ff.

[2]) См. по этому поводу Ranke, Weltgeschichte, Bd. VII, S. 218 ff.

скою лигою. Въ томъ же 1059 году, когда Латеранскій соборъ провозгласилъ автономію церкви, Николай II, по совѣту Гильдебрандта, заключаетъ съ Робертомъ Гюискаромъ договоръ въ Мельфи, въ силу котораго послѣдній утверждается въ званіи герцога и получаетъ въ ленъ Апулію и Калабрію, а также право завоевать у грековъ и сарацинъ земли, коими они завладѣли въ Италіи. Въ благодарность за это, Робертъ обязуется, за себя и своихъ преемниковъ, быть вѣрнымъ вассаломъ Св. Престола, охранять его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, платить ему ежегодно дань, содѣйствовать возвращенію утерянныхъ папствомъ владѣній и, наконецъ, что̀ самое главное, отражать мечомъ всякое посягательство на соборныя постановленія 1059 года; при этомъ, конечно, имѣлась въ виду преимущественно угроза со стороны имперіи [1]).

Помимо Норманновъ, выдающуюся роль въ борьбѣ папства съ имперіей занимаетъ союзъ Св. Престола съ ломбардскими городами [2]). Въ эту эпоху, отношеніе Рима къ Италіи опредѣлялось борьбою двухъ партій—сторонниковъ германскаго имперіализма (гибеллиновъ) и національной самобытности (гвельфовъ). Тяжелыя потрясенія, не разъ пережитыя

---

[1]) Ranke, Weltgeschichte, Bd. VII, S. 247 ff. Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, Bd. III, S. 45 ff. Baxmann, Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII, Bd. II. S. 283 ff. Wattenbach, Geschichte des Römischen Papstthums, S. 124 ff. Gieseler, l. c., Bd. II[1], S. 203 Geffcken, Staat und Kirche, S. 144. Rocquain, La cour de Rome, T. I, p. 30 ss. Cherrier, Histoire de la lutte des Papes et des Empereurs de la maison de Souabe, T. I, p. 54 ss. Sugenheim, Geschichte der Entstehung und Ausbildung des Kirchenstaates, S. 69 ff. Cantù, Histoire des Italiens. T. IV, p. 322 ss.

[2]) Balbo, l. c., T. I, p. 217 ss. Cantù, Histoire des Italiens, T. IV, p. 478 ss., 498 ss., de Maistre, Du Pape, livre II, p. 7. Delarc, l. c., T. II, p. 122 ss. Giesebrecht, l. c., Bd. III, S. 25 ff., 47, 203. Cherrier, l. c., T. I, p. 60 ss. Sugenheim, l. c., S. 120 ff. Laurent, l. c., 147, 205 ss. Вызинскій, Папство и священная римская имперія въ XIV и XV столѣтіи, стр. 37 сл. Корелинъ, l. c., стр. 97 сл. Ланфрэ, l. c., стр. 152 сл. Петровъ, l. c., II, стр. 164 сл.

Италіей со времени великаго переселенія народовъ, повергаютъ ее въ состояніе почти непрерывной анархіи. При такихъ условіяхъ, среди мѣстнаго населенія зарождается тяготѣніе къ сѣверу, къ имперіи, въ надеждѣ при ея помощи водворить въ странѣ необходимый порядокъ. Но въ Италіи живо, также, чувство національной самобытности. Романскому самолюбію претитъ подчиненіе варварамъ. Вотъ почему, одновременно съ этимъ, крѣпнетъ протестъ противъ чужеземнаго ига. По мѣрѣ развитія феодализма, партія гибеллиновъ все болѣе принимаетъ аристократическую окраску и привлекаетъ на свою сторону мѣстное дворянство, которое естественно тяготѣетъ къ имперіи, воплощающей въ себѣ идею сословныхъ различій. Наоборотъ, партія гвельфовъ, къ которой примыкаютъ вольныя городскія общины, построенныя на демократическихъ началахъ равенства, вступаетъ въ союзъ съ Св. Престоломъ, къ которому она естественно тяготѣетъ не только въ силу общности интересовъ, — эмансипаціи Италіи изъ-подъ власти имперіи, — но также благодаря несомнѣнно демократическому характеру христіанской церкви [1]). Въ союзѣ съ ломбардскою лигою, Александръ III наноситъ грозному Фридриху Барбароссѣ жестокое пораженіе въ битвѣ при Леньяно и принуждаетъ его къ заключенію Венеціанскаго мира въ 1177 г. [2]).

Упрочивъ свое положеніе въ Италіи, папство вступаетъ въ безпощадную борьбу съ имперіей, не на жизнь, а на смерть [3]).

---

[1]) См. по этому поводу Delarc, l. c. Introduction, p. 81.

[2]) Mirbt. Quellen, S. 68. Cherrier, l. c., T. I, p. 159 ss. Rocquain, l. c., T. I, p. 287 ss.

[3]) Упроченію папской власти въ Италіи значительно содѣйствуетъ графиня Матильда, дочь Бонифація, маркграфа Тосканскаго.—Ревностно преданная интересамъ церкви, личный другъ Григорія VII, она принимаетъ дѣятельное участіе въ его борьбѣ съ императоромъ Генрихомъ IV. Въ ея замкѣ Каносса происходитъ знаменитое покаяніе побѣжденнаго императора. Въ 1077 г. Матильда завѣщаетъ свои владѣнія въ пользу Св. Престола и въ 1102 г. вторично подтверждаетъ это завѣщанье, см. Theiner. Codex diplomaticus, Nr. 10, pag. 10. Cantù, Hist. des Italiens, T. IV, p. 353 ss. Ланфрэ, l. c., стр. 136. Sugenheim, l. c., S. 87. Cherrier, l. c., T. I, p. 72.

Цѣль этой борьбы — обезпечить религіозную независимость церкви, предохранить ее отъ посягательствъ со стороны свѣтской власти, а средство — господство надъ имперіей и прочими государствами. Но, скоро, цѣль отождествляется съ средствами ея достиженія, борьба за независимость получаетъ характеръ стремленія къ всемірному господству, религіозные интересы перерождаются въ политическіе, и, вслѣдъ за этимъ, въ качествѣ неизбѣжнаго результата, наступаетъ глубокій упадокъ папства, великая схизма, ограничительныя постановленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ и, наконецъ, реформація.

§ 6.

2. Развитіе элементовъ международной правоспособности папства обусловливалось господствомъ духовной власти надъ свѣтскою.

1) Стремленіе папства къ всемірному господству являлось результатомъ, а не причиной столкновенія церкви съ государствомъ. Коллизія между ними обусловливалась взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: абсолютно — монархической формы средневѣковаго государственнаго устройства и религіознаго суверенитета Св. Престола.

а) Стремленіе папства къ всемірному господству являлось результатомъ, а не причиной столкновенія церкви съ государствомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что германская имперія, въ эпоху своего расцвѣта, стремилась къ всемірному господству. Въ этомъ смыслѣ, она безусловно наслѣдуетъ идею античнаго цезаризма [1]). Тѣмъ не менѣе, едва ли возможно

[1]) См. по этому поводу Laurent, l. c., p. 130 ss. et 143 ss. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 115 ff. Raumer, Geschichte der Hohenstauffen, Bd. V S. 60 ff. Ficker, Das deutsche Kaiserreich. S. 63. Ланфрэ, l. c., 246 сл.;

усматривать дѣйствительную причину столкновенія церкви съ государствомъ въ аналогичномъ стремленія папства. Господство, въ данномъ случаѣ, служило лишь средствомъ, а не конечною цѣлью борьбы, возникшей во имя независимости духовной власти отъ свѣтской. Причина борьбы коренилась въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, при которыхъ мирныя отношенія обоихъ организмовъ были немыслимы. Вполнѣ понятное чувство самосохраненія побуждало ихъ ополчиться другъ противъ друга, стремиться подчинить противника своей власти, господствовать надъ нимъ, чтобы избѣгнуть подобной же участи. При такихъ условіяхъ, борьба получаетъ длящійся, постоянный характеръ. Объяснять причину подобной вражды однимъ лишь ненасытнымъ честолюбіемъ папы или же императора и прочихъ католическихъ государей, было бы слишкомъ поверхностно. Мы видѣли выше, что развитіе религіознаго верховенства папы было вызвано къ жизни существенными интересами церкви, необходимостью обезпечить ея независимость по отношенію къ государству — задача, которая оказалась не по силамъ епископальной аристократіи. Между тѣмъ, переустройство церкви на началахъ абсолютной духовной монархіи въ пользу Рима обусловливалось религіозной независимостью Св. Престола, которая, въ свою очередь, была органически связана съ политической эмансипаціей папства. Но какъ обезпечить свободу послѣдняго въ случаѣ, болѣе чѣмъ вѣроятнаго, посягательства на нее со стороны государства? Какимъ образомъ сбросить съ себя иго свѣтской власти, когда

Вызинскій, l. c., стр. 5 сл., 26 сл. Бар. Таубе, Исторія зарожденія современнаго международнаго права, т. I, стр. 168 сл. Императоры титулуютъ себя владыками Рима и вселенной. „Quia divinae providentiae clementia, Urbis et Orbis gubernacula tenemus, iuxta diversos eventus rerum, et successiones temporum, sacro imperio et divae rei publicae consulere debemus“. См. Pertz, T. IV, Leg., t. II, pag. 99. — Германскіе императоры смотрятъ на себя, какъ на преемниковъ древне-римскихъ; см. по этому поводу письмо Фридриха Барбароссы къ Саладину, въ которомъ онъ требуетъ отъ него возврата Св. Земли въ качествѣ римской провинціи. Laurent, l. c., p. 153.

эта власть не хочетъ, да и не можетъ хотѣть, добровольно выпустить изъ рукъ оружіе, которое грозило обратиться противъ нея же самой? Очевидно, что оставалось лишь одно средство, которымъ папа и спѣшитъ воспользоваться: совокупивъ въ своихъ рукахъ всю полноту духовной власти, воздѣйствовать этой властью на населеніе, возстановлять его по мѣрѣ надобности противъ слишкомъ опаснаго для церкви монарха, освобождать подданныхъ отъ присяги, въ случаѣ ослушанія угрожать имъ отлученіемъ отъ церкви и наложеніемъ интердикта; словомъ, силою духовнаго авторитета привлечь на сторону Св. Престола народныя массы, черезъ нихъ воздѣйствовать на государя, подчинить его своей власти и, господствуя надъ нимъ и надъ государствомъ, тѣмъ самымъ, обезпечить независимость церкви отъ свѣтскаго меча. Такимъ образомъ, главенство папы надъ государствомъ являлось средствомъ огражденія независимости духовной власти отъ свѣтской. Въ болѣе широкомъ масштабѣ, оно, очевидно, приводило къ теоріи всемірной папской монархіи.

b) Коллизія церкви съ государствомъ — результатъ двухъ факторовъ: религіознаго суверенитета Св. Престола и абсолютно-монархической формы средневѣковаго государственнаго режима.

Какъ мы увидимъ ниже, наличность обоихъ указанныхъ факторовъ съ логической необходимостью грозила подчиненіемъ государства верховной власти папы. При такихъ условіяхъ, остановить наступательное движеніе папства возможно было двоякимъ путемъ:

aa) Замѣною абсолютнаго государственнаго режима конституціоннымъ. На этотъ путь, надежнѣе всего обезпечивающій независимость свѣтской власти, государство вступаетъ не ранѣе конца XVIII вѣка, со времени французской революціи 1789 г., открывающей четвертый періодъ развитія элементовъ международной правоспособности папства.

bb) Умаленіемъ религіознаго суверенитета Св. Престола; послѣднее, въ свою очередь, возможно было двоякимъ обра-

зомъ: α) развитіемъ автономіи мѣстной церкви—французская система, и β) ограниченіемъ политической эмансипаціи (свободы) папства, — германская (императорская) система. Обѣ, только что указанныя, системы, различаясь по средствамъ, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль,—умаленіе религіознаго верховенства папы. Поддерживать всѣми средствами епископальный режимъ, значило безспорно обезоруживать церковь, ибо члены собора, лично и территоріально подчиненные государству, не были въ силахъ посягать на его независимость. Такова политика Франціи, руководящія начала которой изложены въ извѣстномъ Declaratio cleri Gallicani 1689 года [1]). Инымъ путемъ, но къ той же цѣли, направилась политика германской имперіи, вѣрнѣе, императора. Послѣдній стремился обезоружить папу, подчинивъ своей власти Италію, съ Римомъ во главѣ, превративъ его изъ свободнаго государя въ покорнаго подданнаго, словомъ, поставивъ его въ тѣ же условія подчиненія государству, въ которыхъ находились члены собора. Очевидно, что оба указанныхъ направленія угрожали Св. Престолу: автономія помѣстныхъ церквей—поскольку подобная автономія, отрицая въ принципѣ религіозное верховенство папы, низводила его до степени только римскаго епископа, а не главы католической церкви; ограниченіе политической свободы папства—поскольку подчиненіе послѣдняго государственной власти, лишая его религіозной независимости, тѣмъ самымъ служило препятствіемъ развитію духовной власти Св. Престола. Между тѣмъ, переустройство церкви на началахъ абсолютной монархіи было вызвано, какъ мы видѣли выше, желаніемъ оградить независимость церкви отъ государства. Вотъ почему, папство не могло не ополчиться противъ подобной политики, которая, посягая на его духовную власть, угрожала порабощеніемъ церкви. Отсюда вполнѣ естественно стремленіе папы, всей тяжестью своего духовнаго авторитета, обрушиться на государство, подчинить его своей власти и, господствуя надъ нимъ, оградить независи-

[1]) Mirbt, Quellen zur Gesch. des Papstthums, S. 209 ff.

мость Св. Престола, а вмѣстѣ съ нимъ и церкви. Подобное господство являлось, тѣмъ болѣе, а priori возможнымъ, что оно съ логической необходимостью вытекало, какъ мы вскорѣ увидимъ, изъ абсолютно монархической формы государственнаго устройства, съ одной стороны, и религіознаго суверенитета Св. Престола—съ другой. Очевидно, однако, что подобныя притязанія, въ силу именно своей обоснованности постоянно угрожая государству, вися надъ нимъ подобно Дамоклову мечу, въ свою очередь убѣждаютъ свѣтскую власть въ необходимости, пока еще не поздно, сломить могущество Св. Престола.

Такимъ образомъ, притязанія папства господствовать надъ государствомъ должны быть разсматриваемы, какъ результатъ, а не причина столкновенія обѣихъ властей, духовной и свѣтской, изъ которыхъ каждая, во имя своей независимости, стремилась возвыситься надъ другою. Борьба между государствомъ и церковью не представляла собою случайнаго историческаго явленія, — продукта грубости средневѣковыхъ нравовъ или же честолюбія государей и папъ; она коренилась въ самой формѣ тогдашняго государственнаго строя и религіозномъ суверенитетѣ Св. Престола, а потому, пока оставались на лицо оба ее обусловливающіе фактора, получала длящійся, постоянный характеръ. Война сдѣлалась правиломъ, перемиріе исключеніемъ, а мира не было да и быть не могло. Стремленіе каждой изъ сторонъ подчинить своей власти противника, съ теченіемъ времени, неизбѣжно принимаетъ все бо́льшіе размѣры и вскорѣ получаетъ характеръ борьбы за всемірное господство, при которой конечная цѣль отождествляется съ средствами ея достиженія, религіозные интересы съ политическими.

2) По степени интенсивности, идея главенства духовной власти надъ свѣтскою [1]) выражалась въ двоякой формѣ:

---

[1]) Притязаніе папства господствовать надъ свѣтскою властью не подлежитъ сомнѣнію, см. по этому поводу Ranke, Weltgeschichte. Bd. VII,

a) Религіозный суверенитетъ Св. Престола ограничиваетъ свѣтскій суверенитетъ государей:

aa) Св. Престолъ является носителемъ обѣихъ властей, духовной и свѣтской, ибо Христосъ вручилъ Апостолу Петру ключи отъ царства небеснаго; ему, а слѣдовательно и папѣ, дана власть отпущенія грѣховъ и эта власть господствуетъ надъ всѣми безразлично. Могутъ ли государи утверждать, замѣчаетъ Григорій VII, что для нихъ сдѣлано, въ данномъ случаѣ, исключеніе [1]).

Отсюда папа выводитъ: „Неужели тотъ, кому дана власть открывать и закрывать врата царства небеснаго, не вправѣ судить о земномъ“ [2]).

bb) Власть государей по существу производна, не самобытна; она обусловливается властью папы, а потому представляетъ собою не власть, въ строго юридическомъ смыслѣ слова, но полномочія, врученныя Св. Престоломъ монарху. „Господь, творецъ вселенной“, говоритъ Иннокентій III, „создалъ два свѣтила: одно большее — солнце, другое меньшее—луну; одно господствуетъ днемъ, другое ночью. Подобно этому, создалъ онъ двѣ власти, папскую и царскую; одна господствуетъ надъ душою, другая—надъ тѣломъ. Какъ луна получаетъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ и государь держитъ свою власть отъ папы, которому подчиняется всякая власть

S. 309 ff. Римскіе папы въ XVI и XVII столѣтіяхъ (русск. перев.), I, 29 сл. Baxmann, l. c., Bd. II. S 323. Giesebrecht, l. c., Bd. I, 139 ff., III, S. 206, IV, 364 ff. Янусъ, Папа и Соборъ (русск. перев. Лодинскаго), 189 сл. Laurent, l. c., p. 100 ss. Bompard, Le Pape et le droit des gens, p. 4 ss. Rehm, Allgemeine Staatslehre, S. 62 (Handb. des Oeffentlichen Rechts, Einleitungsband, 1899). Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit, S. 286 ff. Merle d'Aubigné, Histoire de la réformation du seizième siècle, p. 27 ss. Вызинскій, l. c., 26 сл., 93 сл. Ланфрэ, l. c., стр. 96 сл., 246 сл., Корелинъ, стр. 50 сл. Петровъ, Лекціи по всемірной исторіи, II, стр. 57 сл.

[1]) „Numquid sunt hic reges excepti?“ См. Посланіе Григорія VII къ епископу Герману Мецкому. Mirbt, l. c.. S. 54.

[2]) „Cui ergo aperiendi claudendique coeli data potestas est, de terra iudicare non licet?“ ibid., S. 55.

на землѣ“ [1]). Эта параллель между солнцемъ и луною, съ одной стороны, папой и государемъ — съ другой, характеризуетъ различную, по существу, конструкцію обѣихъ властей, относительной, производной власти монарха и абсолютной, первоначальной власти Св. Престола. Вотъ почему одинъ лишь папа вправѣ свободно располагать императорскими регаліями. Имя его—единственно во всей вселенной. Онъ низлагаетъ императоровъ, освобождаетъ подданныхъ отъ присяги [2]). Иннокентій III не оспариваетъ за курфюрстами права избирать императора, но конечный судъ надъ личностью избраннаго, надъ степенью его пригодности къ исполненію высокихъ обязанностей государя, принадлежитъ папѣ, который вѣнчаетъ его на царство. Иначе могло бы случиться, замѣчаетъ папа, что князья единогласно изберутъ себѣ въ государи святотатца, отлученнаго отъ церкви, тиранна, безумнаго, еретика или, наконецъ, язычника, а мы обязаны будемъ посвятить, помазать на царство и короновать подобнаго человѣка [3]). Необходимо имѣть, при этомъ, въ виду, что значеніе коронаціи и присяги существенно отличалось въ эту эпоху отъ современнаго. „Коронація“, какъ справедливо замѣчаетъ Чичеринъ, „по средневѣковымъ понятіямъ, была не только церковнымъ освященіемъ существующей уже законной власти; она сообщала власть извѣстному лицу. Избранный князьями король только черезъ это становился императоромъ.... Точно также и присяга въ средніе вѣка не считалась только освященіемъ существующей уже законной обязанности, но установляла самую обязанность, связывая совѣсть подданныхъ“ [4]). Аналогичный взглядъ на прерогативы Св. Престола прово-

---

[1]) Petro non solum universam Ecclesiam, sed totum seculum gubernandum, Innocentii III, Epist., см. Mirbt, l. c., S. 79.

[2]) См. Dictatus Papae, №№ 8, 11, 12, 27. Mirbt, l. c., S. 62 ff. См. по этому поводу Ranke, Weltgeschichte, Bd. VII, S. 309 ff.

[3]) См. посланіе Иннокентія III „Venerabilem fratrem“ къ герцогу Церингенскому (Mirbt, l. c., S. 78).

[4]) Чичеринъ, l. c., I, стр. 160; см. также Rehm, Allgemeine Staatslehre (Handbuch des Oeffentlichen Rechts, Einleitungsband, 1899), S. 16 ff.

дитъ Бонифацій VIII, въ своей знаменитой буллѣ „Unam sanctam“ [1]). Единая, истинная, святая, каѳолическая и апостольская церковь есть одно мистическое тѣло съ однимъ главою, а не двумя, подобно уроду. Эта глава—Іисусъ Христосъ; Апостолъ Петръ—его викарій, а папа—намѣстникъ. Церкви принадлежатъ оба меча, духовный и свѣтскій. Первый употребляется непосредственно самою же церковью и находится въ рукахъ папы; второй вручается имъ королю и воинамъ; онъ долженъ служить интересамъ церкви, которой принадлежитъ право судить земную власть, согласно пророчеству Іереміи: „Я поставилъ тебя надъ всѣми народами и царствами“.—Церковь судитъ королей, но одинъ лишь Богъ судитъ церковь [2]). Словомъ, замѣчаетъ Лоранъ, Бонифацій VIII предоставляетъ государямъ лишь осуществленіе власти, но самое право власти сохраняетъ за папствомъ [3]).

cc) Власть государей сама по себѣ не обладаетъ необходимымъ элементомъ легальности (авторитетомъ). Григорій VII считаетъ общеизвѣстнымъ, не требующимъ доказательства фактомъ, что земные владыки, цари и князья достигаютъ власти, обыкновенно, путемъ преступленій; побуждаемые дьяволомъ, княземъ міра сего, они утверждаютъ свое господство надъ равными цѣною насилій и обмана [4]).

---

[1]) Mirbt, l. c., S. 88.

[2]) Въ томъ же духѣ высказывается большинство средневѣковыхъ канонистовъ, напр., Альваръ Пелагій, Августинъ Тріумфъ и Св. Бонавентура „Quod iurisdictionem habet universalem in toto mundo Papa nedum in spiritualibus sed temporalibus, licet executionem gladii temporalis et iurisdictionem per filium suum legitimum Imperatorem, quum fuerit, tanquam per advocatum et defensorem ecclesiae et per alios reges et mundi principes... Temporalia accessoria sunt ad spiritum“; Alvari Pelagii, de planctu ecclesiae, lib. I, c. 13. „Omnis potestas Imperatorum et Regum est subdelegata respectu potestatis Papae... Imperator est minister Papae eo ipso quod est minister Dei“; Augustini Triumphi, Summa de potestate ecclesiastica ad Joh. P. XXII (см. Gieseler, l. c., Bd. II³, S. 36 ff.); то же говоритъ и Св. Бонавентура (см. Laurent, l. c., p. 51).

[3]) Laurent, La Papauté et l'Empire, p. 386.

[4]) „Quis nesciat: reges et duces ab iis habuisse principium, qui, Deum ignorantes, superbia rapinis perfidia homicidiis, postremo universis paene sce-

Только освященный церковью, авторитетъ государя становится законною властью, могущей требовать отъ подданныхъ подчиненія.

Такимъ образомъ, Св. Престолъ возвышается надъ государемъ въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ. Папа обладаетъ прерогативой, въ силу которой всякая другая власть на землѣ умаляется; блескъ императорской короны тускнѣетъ передъ величіемъ папы. Это господство ограничиваетъ суверенитетъ монарха, власть Св. Престола, который одинъ лишь долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ носителемъ государственнаго верховенства. Императоръ, а за нимъ и прочіе государи обладаютъ лишь полномочіями, а не суверенитетомъ; ихъ власть производна, делегирована, обусловливаясь въ своемъ бытіи верховною властью папы, какъ сіяніе луны обусловливается солнечнымъ свѣтомъ.

Подданные подчиняются государю лишь поскольку послѣдній, въ свою очередь, повинуется Св. Престолу, памятуя, что свое право господства надъ ближними онъ получилъ лишь въ границахъ дарованныхъ ему папою полномочій; въ противномъ случаѣ, послѣдній напоминаетъ ему объ этомъ, освобождая подданныхъ отъ присяги и связанныхъ съ нею обязанностей.

b) Религіозный суверенитетъ Св. Престола ограничиваетъ независимость государей (теорія гармоническаго сосуществованія властей). Согласно этой теоріи, взаимныя отношенія государя и папы конструируются на началахъ гармоническаго сосуществованія обѣихъ властей, духовной и свѣтской. Каждая изъ нихъ, въ принципѣ, самостоятельна, вѣрнѣе, суверенна. Власть государя самобытна, авторитетна.—Онъ признается носителемъ верховенства (суверенитета), а не простыхъ полномочій, поскольку

---

leribus, mundi principe diabolo videlicet agitante, super pares, scilicet homines, dominari caeca cupidine et intolerabili praesumptione affectaverunt". См. посланіе Григорія VII къ епископу Герману Мецкому (Mirbt, l. c., S. 56); по этому поводу см. также Delarc, T. I (Introduction), p. 83.

его право господства надъ подданными не обусловливается въ своемъ бытіи властью Св. Престола. Тѣмъ не менѣе, послѣдній возвышается надъ государемъ, господствуетъ надъ нимъ, но предметомъ господства служитъ не суверенитетъ, какъ это утверждалось съ точки зрѣнія предшествующей теоріи, а независимость монарха. Государь хотя и обладаетъ властью, по существу вполнѣ самобытной, но въ осуществленіи послѣдней онъ зависимъ, ограниченъ обязанностью согласоваться съ интересами церкви; въ случаѣ коллизіи религіозныхъ и свѣтскихъ интересовъ, послѣдніе должны уступить. Другими словами, Св. Престолъ, внѣ предѣловъ церковнаго государства, лишенъ свѣтской власти. Тѣмъ не менѣе, онъ сохраняетъ за собою право надзора и „veto“ по отношенію къ послѣдней. Рельефнѣе всего выраженъ этотъ взглядъ у Беллярмина [1]), по мнѣнію коего папа обладаетъ лишь духовною властью; свѣтская—принадлежитъ государству, что̀ не исключаетъ, однако, возможности косвеннаго на нее воздѣйствія со стороны Св. Престола: при столкновеніи политическихъ интересовъ съ религіозными, папа вправѣ и, даже, обязанъ всѣми средствами ограждать неприкосновенность послѣднихъ. Аналогичный взглядъ, хотя и въ болѣе умѣренной формѣ, проводитъ Антоній Розелли [2]). Власть папы ограничивается областью

---

[1]) „I These: Pontificem iure divino non habere directe temporalem potestatem. II These: Pontificem habere aliquo modo i. e. ratione suae spiritualis monarchiae summam potestatem etiam temporalem... Non potest papa, ut papa, ordinarie temporales principes deponere, etiam iusta de causa, eo modo, quo deponit episcopos i. e. tamquam ordinarius iudex, tamen potest mutare regna et uni auferre atque alteri conferre, tamquam summus princeps spiritualis. si id necessarium sit ad animarum salutem“; Roberti Bellarmini, Disputationes de controversiis christianae fidei adversus huius temporis haereticos; см. Mirbt, l. c., S. 273 (zweite Auflage); о Беллярминѣ см. также Ранке, Римскіе Папы въ XVI и XVII ст. (перев. съ нѣмецкаго), т. II, стр. 184 сл. Laurent, l. c., p. 102 ss.

[2]) Antonii de Rosellis, Monarchia sive tractatus de potestate imperatoris et papae; см Goldast, Monarchia Sancti Imperii Romani, T. I, p. 252 s., а также Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, т. I, стр. 280 сл.

духовной. Императоръ получилъ свою власть отъ Бога, черезъ посредство римскаго народа. Папа направляетъ государя по пути вѣры и можетъ даже смѣнить его, но лишь въ случаѣ отступленія отъ нея. Косвенно, къ тому же приводитъ и Жерсонъ [1]), признавая за папою, въ области свѣтской, власть направляющую, умѣряющую и устрояющую.

Основные принципы этой теоріи изложены еще у Ѳомы Аквината [2]), который училъ, что обѣ власти—духовная и свѣтская—происходятъ отъ Бога; послѣдняя подчиняется, однако, первой, какъ тѣло душѣ, но, при этомъ, лишь въ томъ, что относится до спасенія души; въ послѣднемъ случаѣ должно скорѣе повиноваться власти духовной. Церкви принадлежитъ, даже, право низложить государя, если онъ отречется отъ вѣры, и освободить подданныхъ отъ присяги.

Такимъ образомъ, сходство и различіе между обѣими теоріями—соединенія и гармоническаго сосуществованія властей—характеризуется слѣдующими признаками:

1) Признаки сходства, согласно обѣимъ теоріямъ: духовная власть имѣетъ первенствующее значеніе, папа возвышается надъ монархомъ.

2) Признаки различія обнаруживаются въ самомъ предметѣ господства:

a) теорія совпаденія властей ограничиваетъ суверенитетъ государя, умаляя его власть до степени простыхъ полномочій, дарованныхъ ему папой;

b) теорія гармоническаго сосуществованія властей оставляетъ неприкосновеннымъ суверенитетъ государя, самую власть, но ограничиваетъ осуществленіе послѣдней, предо-

---

[1]) Joannis Carlerii de Gerson, De ecclesiastica et politica potestate; см. Goldast, l. c., T. I, p. 1384 s. Чичеринъ, l. c., т. I, стр. 274 сл. Hergenröther, l. c., Bd. II, S. 760. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, Bd. III, S. 586 ff. Ограниченіе религознаго верховенства папы соборомъ значительно умаляетъ, однако, его роль въ области свѣтской.

[2]) Baumann, Die Staatslehre des h. Thomas von Aquina, S. 176 ff. Чичеринъ, l. c., т I, стр. 194 сл. Paul Janet, Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale, T. I, p. 367 ss.

ставляя папѣ право „veto“ на случай посягательства государя на религіозные интересы церкви, другими словами, ограничиваетъ независимость государственной власти, — понятіе, какъ мы увидимъ ниже, не совпадающее съ суверенитетомъ (верховенствомъ).

§ 7.

3. Господство духовной власти надъ свѣтскою коренилось въ абсолютно-монархическомъ строѣ средневѣковаго режима съ одной стороны, и религіозномъ верховенствѣ папы,—съ другой.

Вступая въ борьбу съ государемъ, папа постоянно ссылается на религіозный суверенитетъ Св. Престола, какъ на источникъ его главенства надъ свѣтскою властью. Возникаетъ вопросъ: насколько подобная аргументація была дѣйствительно обоснованной, другими словами, насколько религіозная власть папы логически приводила къ подчиненію государства. Для успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса, необходимо, прежде всего, расчленить его на два, вполнѣ самостоятельныхъ, вопроса:

1) Должно-ли признавать религіозный суверенитетъ Св. Престола необходимымъ условіемъ господства папы надъ государствомъ?—Нельзя не отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Не обладая религіознымъ верховенствомъ, папа не въ силахъ былъ эмансипировать Римъ, обезпечить его и свою независимость по отношенію къ государству. Въ качествѣ подданнаго, могъ ли папа расчитывать господствовать надъ императоромъ и прочими государями? Будучи просто епископомъ, могъ ли папа непосредственно воздѣйствовать на народъ, когда между нимъ и народомъ возвышался соборъ, которому онъ обязанъ былъ подчиняться? Словомъ, не обладая прерогативой главы католической церкви, папа былъ безоруженъ передъ лицомъ государя.

При такихъ условіяхъ, нечего было и мечтать о господствѣ надъ свѣтскою властью. Справедливость этого взгляда вполнѣ подтверждается исторіей: когда, въ эпоху до Григорія VII, папа не обладалъ еще религіознымъ верховенствомъ, онъ не только не въ силахъ былъ возвыситься надъ монархомъ, но даже не могъ обезпечить своей политической независимости, хотя совокупность исключительно благопріятныхъ условій облегчала ему эту задачу.

2) Религіозный суверенитетъ Св. Престола является ли самъ по себѣ достаточнымъ для господства папы надъ государствомъ?

Мы не колеблемся отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Всякое вообще господство предполагаетъ соотношеніе силъ, разность которыхъ опредѣляетъ исходъ борьбы, въ случаѣ, если ни одна изъ борющихся сторонъ не пожелаетъ добровольно признать надъ собою господства противника. Количество силъ и степень ихъ напряженія сами по себѣ безразличны. Вотъ почему, религіозное верховенство Св. Престола, обусловливая собою могущество папы, не предрѣшало вопроса о господствѣ послѣдняго надъ государствомъ. Подобное господство опредѣлялось не столько размѣрами власти духовной, сколько сопротивляемостью свѣтской власти, что̀, въ свою очередь, стояло въ тѣсной связи съ вопросомъ о формахъ государственнаго устройства.

Въ этомъ отношеніи, различіе между абсолютной и конституціонной (парламентской) формами крайне существенно.

а) Абсолютная монархія, построенная на патріархальныхъ началахъ, съ одной стороны, и религіозное верховенство Св. Престола, съ другой, таковы два фактора, воздѣйствіе которыхъ грозило водвореніемъ всемірной папской монархіи [1]):

аа) Въ условіяхъ абсолютной монархіи, построенной на патріархальныхъ началахъ, государство отождествляется съ личностью государя.

[1]) Мы имѣемъ при этомъ въ виду, конечно, одинъ лишь католическій западъ.

Средневѣковый феодализмъ, какъ международная система, представлялъ собой сочетаніе отдѣльныхъ политическихъ единицъ, соподчиненныхъ другъ другу, въ восходящей іерархической лѣстницѣ, на вершинѣ которой стоялъ императоръ [1]). Въ этомъ смыслѣ, вассалъ былъ несомнѣнно зависимъ отъ своего сюзерена. Въ предѣлахъ, однако, принадлежавшей ему территоріи, если разсматривать его отношеніе къ населенію съ точки зрѣнія внутренняго, государственнаго права, онъ властвовалъ неограниченно. Абсолютный характеръ монархической власти былъ въ равной мѣрѣ присущъ императору [2]), королю и послѣднему феодальному сеньеру [3]). При такихъ условіяхъ, прикрѣпленное къ землѣ населеніе служило, скорѣе, принадлежностью территоріи, а не самостоятельнымъ элементомъ государственнаго организма.—Словомъ, поскольку средневѣковый государственный строй дѣйствительно покоился на началахъ патріархальной монархіи, публично-правовая конструкція государства превращалась въ частно-правовую. Государь былъ хозяиномъ, вотчинникомъ своего государства, а не государемъ въ строго юридическомъ смыслѣ слова. При такихъ усло-

---

[1]) См. конструкцію Staatenstaat'a у Jellinek'a. Die Lehre von den Staatenverbindungen, S. 137 ff.; ср. Gierke, Das Deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. I, 153 ff., 508 ff.

[2]) По поводу абсолютизма императорской власти см. Laurent, La Papauté et l'Empire (Etudes sur l'Histoire de l'Humanité). p. 130 ss., 143 ss., Баронъ М. А. Таубе, Исторія зарожденія современнаго международнаго права, т. I, стр. 173. На практикѣ, теорія полновластія императора была, конечно, далека отъ дѣйствительности; см. по этому поводу Raumer, Geschichte der Hohenstaufen, Bd. V, S. 62 ff. Gierke, l c., Bd. II, S. 562 ff., Bd. III, S. 557 ff.

[3]) Принципъ неограниченнаго королевскаго самодержавія, окончательно сложившійся, на западѣ, въ XVII в., являлся непосредственнымъ наслѣдіемъ феодальнаго средневѣковья; „короли сдѣлались непосредственными преемниками прерогативъ, которыми прежде неограниченно пользовались феодальные сеньёры въ отношеніи какъ своей земли, такъ и населенія, на ней находившагося"; см. Ф. Ф. Мартенсъ, Современное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 91.

віяхъ, различіе между идеальнымъ и реальнымъ носителями государственнаго верховенства (государствомъ и государемъ) [1]) ускользало; государство теряло свой юридическій характеръ и превращалось въ хозяйственную единицу, гдѣ общіе интересы цѣлаго смѣшивались съ частными, личными интересами монарха. Подобное отождествленіе государства съ личностью государя характерно выступаетъ въ извѣстномъ изреченіи Людовика XIV: „государство—это я".

bb) Личность государя, какъ такового, неотдѣлима отъ человѣка-государя. Всякая, выраженная во внѣ, воля абсолютнаго монарха обладаетъ, съ формальной точки зрѣнія, силой закона. Въ абсолютной монархіи, построенной на патріархальныхъ началахъ, какъ содержаніе, такъ и форма выраженія государственной воли зависятъ исключительно отъ монарха, который представляется таковымъ всегда и повсюду, даже въ своей частной жизни; въ этомъ смыслѣ, извѣстное изреченіе „Imperator est animata lex in terris" [2]) является характернымъ. При такихъ условіяхъ, публичный элементъ государя, какъ реальнаго носителя государственной власти, инкорпорированной въ монархѣ, растворяется въ его человѣческой личности.

cc) Какъ человѣкъ, членъ христіанской (католической) церкви, государь подвластенъ папѣ, главѣ католической церкви. Всякое вообще религіозное отношеніе покоится на началахъ власти и подчиненія. Церковь не только просто совѣтуетъ, рекомендуетъ соблюденіе извѣстныхъ правилъ морали, но требуетъ послушанія, господствуетъ, подчиняетъ. Соблюдая волю церкви, вѣрующій осуществляетъ обязанность, которая свыше на него возлагается. Самая принадлежность къ церкви есть, конечно, дѣло свободной воли человѣка; онъ можетъ вступить и выйти изъ

[1]) О принципіальномъ различіи между ними см. Чичеринъ, Курсъ государственной науки, т. I, стр. 71 сл.

[2]) См. Raumer, l. c., Bd. V, S. 63. Въ томъ же духѣ выражается про себя Людовикъ IV „nos qui sumus supra ius"; см. Бар. М. А. Таубе, l. c., т. I, стр. 173.

нея, руководствуясь исключительно голосомъ собственной совѣсти; но, пребывая въ церкви, вѣрующій уже лишается этой свободы, признаетъ надъ собою высшую власть. Словомъ, подчиненіе церкви не обусловливается согласіемъ подчиняемаго. Указанный признакъ авторитетности церкви въ связи съ ея самобытностью, въ силу которой господство духовной власти надъ паствою не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ, являются двумя существенными признаками, характеризующими, какъ мы увидимъ ниже, понятіе верховенства вообще. Въ этомъ смыслѣ, обѣ власти—духовная и свѣтская—по существу одинаково суверенны [1]). Будучи въ церкви, вѣрующій всецѣло поглощается ею, дѣятельность его, образъ жизни, всякое вообще проявленіе воли входятъ въ кругъ ея вѣдѣнія; ибо трудно представить себѣ поступокъ, который не имѣлъ бы, съ религіозной точки зрѣнія, хотя бы косвеннаго отношенія къ понятіямъ добра и зла; но если допустить, даже, возможность безразличныхъ поступковъ, въ такомъ случаѣ спрашивается, кто будетъ судьею послѣднихъ? Кто вправѣ авторитетно отдѣлять ихъ отъ добрыхъ и злыхъ? Очевидно, лишь тотъ, кто болѣе всѣхъ компетентенъ въ этихъ вопросахъ, т.-е. та же церковь. Отрицать за ней это право, значило бы отрицать самую церковь.

Такимъ образомъ, послушаніе церкви есть основная обязанность паствы, какъ таковой. Очевидно, что санъ государя не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы освобождать его отъ этой обязанности. Государь не вправѣ, только въ качествѣ такового, претендовать на привилегированное положеніе въ церкви, передъ лицомъ которой всѣ равны между собою, всѣ—овцы единаго стада, во главѣ котораго, съ католической точки зрѣнія, стоитъ намѣстникъ Христа на землѣ, — папа. Въ этомъ отношеніи, Григорій VII былъ несомнѣнно правъ, утверждая, что служители

[1]) Различіе между ними обнаруживается лишь въ отношеніи содержанія власти.

Христа одинаково призваны быть учителями царей, князей и всѣхъ вообще вѣрныхъ; но этого мало, государь не только не вправѣ изъять себя изъ вѣдѣнія церкви, наоборотъ, въ силу именно своего выдающагося положенія въ обществѣ, онъ болѣе всѣхъ прочихъ смертныхъ принадлежитъ ея надзору, поскольку дѣятельность его, какъ государя, глубоко отражаясь на интересахъ ввѣренныхъ ему подданныхъ и самой церкви, налагаетъ на него особую, тяжелую отвѣтственность передъ Богомъ.

dd) Подчиненное положеніе монарха, какъ члена католической церкви, ограничиваетъ его верховную власть въ пользу Св. Престола. Подобный результатъ является вполнѣ естественнымъ, поскольку средневѣковый строй не заключалъ въ себѣ элементовъ, могущихъ гарантировать отдѣленіе государя, какъ такового, отъ личности человѣка. Не надо забывать, при этомъ, что самое вступленіе на императорскій тронъ обусловливалось принадлежностью къ католической церкви,—вопросъ уже чисто религіознаго характера, а потому всецѣло относящійся къ вѣдѣнію папы, главы церкви. Вотъ почему, отлучая монарха отъ церкви, папа тѣмъ самымъ лишалъ его права на дальнѣйшее осуществленіе государственной власти.

По своему положенію, государь и папа были неравны. Первый, въ качествѣ члена церкви, былъ лично подвластенъ папѣ, между тѣмъ какъ послѣдній, не будучи подданнымъ государя, былъ независимъ отъ него не только въ вопросахъ религіозныхъ, но также свѣтскихъ. При такихъ условіяхъ, власть государя неизбѣжно умалялась, получала характеръ простыхъ полномочій, источникъ которыхъ заключался въ религіозномъ суверенитетѣ папы, истиннаго главы церкви и государства.

ee) Подчиненіе государя влечетъ за собою господство папы надъ государствомъ, поскольку послѣднее въ условіяхъ средневѣковаго патріархальнаго строя отождествлялось съ личностью государя, всецѣло подчиненнаго папѣ. Государь служилъ лишь органомъ Св. Престола

по дѣламъ свѣтскимъ, а потому подлежалъ верховному надзору и суду папы, который былъ вправѣ отнять у монарха врученныя ему церковью полномочія, въ случаѣ, если бы оказалось на практикѣ, что личныя качества государя не соотвѣтствуютъ его назначенію; тѣмъ болѣе, конечно, при открытомъ посягательствѣ съ его стороны на права и интересы церкви. Отсюда слѣдуетъ, что папа вправѣ освобождать подданныхъ отъ присяги, ибо государь—намѣстникъ папы, а потому обязанность населенія повиноваться послѣднему является основною, а государю—производной. Изъ этого слѣдуетъ также, что папа вправѣ не утвердить избраннаго курфюрстами императора, поскольку послѣдній становится таковымъ лишь послѣ коронованія его въ Римѣ. Словомъ, при совпаденіи государства съ личностью государя, неизбѣжномъ въ условіяхъ патріархальнаго строя, подчиненіе государей религіозному верховенству папы низводило ихъ до уровня папскихъ вассаловъ, а государства—до степени леновъ Св. Престола. Такимъ образомъ, создавалась какъ бы личная унія, между церковью и государствомъ, въ пользу папы, главы всемірной христіанской церкви и всемірнаго государства.

b) Конституціонный режимъ гарантируетъ независимость свѣтской власти по отношенію къ духовной [1]).

aa) Политическая правоспособность народа отдѣляетъ идеальнаго носителя государственнаго верховенства отъ реальнаго. Абсолютно-монархическій строй, въ условіяхъ патріархальной конструкціи государства, неизбѣжно приводилъ, какъ мы видѣли выше, къ отождествленію послѣдняго съ личностью государя, что, въ свою очередь, являлось естественнымъ результатомъ пассивнаго состоянія народа, при которомъ прикрѣпленное къ терри-

[1]) Конституціонный режимъ мы понимаемъ въ широкомъ смыслѣ слова: въ качествѣ формы государственнаго устройства, при которой народъ активно участвуетъ въ образованіи государственной воли.

ріи населеніе мало чѣмъ отъ нея отличалось, будучи исключительно объектомъ верховной власти монарха. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, должностной, публичный характеръ государственной власти уступалъ свое мѣсто частноправовому принципу, въ силу коего государь являлся хозяиномъ своей вотчины.

Въ другомъ положеніи находится конституціонное государство; участіе народа въ образованіи государственной воли—признакъ, характеризующій его политическую правоспособность, -- выдѣляя населеніе въ качествѣ самостоятельнаго, на ряду съ властью и территоріей, элемента государственнаго организма, конструируетъ юридическую природу послѣдняго, что, въ свою очередь, не допускаетъ его совпаденія съ личностью государя, другими словами,—отождествленія обоихъ носителей государственнаго верховенства: идеальнаго и реальнаго.

bb) Политическая правоспособность народа обезпечиваетъ юридическую конструкцію реальнаго носителя государственной власти. Участіе народа въ образованіи государственной воли превращаетъ единичную форму власти въ коллегіальную, при которой государь, палаты и члены послѣднихъ, взятые порознь, не обладаютъ верховною властью. Въ условіяхъ подобной формы совмѣстнаго властвованія [1]), ограничивающей произволъ отдѣльныхъ участковъ мнѣніемъ большинства, реальный носитель государственной власти становится юридическимъ организмомъ, по самой природѣ своей эксцентричнымъ, если можно такъ выразиться, по отношенію къ своимъ преходящимъ членамъ.

cc) Юридическая конструкція реальнаго носителя государственной власти гарантируетъ ея независимость по отношенію къ власти духовной.

Господство папы надъ государствомъ коренилось въ невозможности отдѣлить юридическій элементъ государя, какъ

---

[1]) Относительно совмѣстнаго властвованія см. Коркуновъ, Русское государственное право, т. I, стр. 355 сл.

такового, отъ личности монарха, благодаря чему, подчиненіе послѣдняго, какъ члена католической церкви, ея главѣ, — папѣ, влекло за собой умаленіе верховной власти государя, низводя ее до степени простыхъ полномочій, дарованныхъ ему папой, что, въ свою очередь, при совпаденіи государя съ государствомъ, ограничивало независимость послѣдняго въ пользу церкви. Въ другомъ положеніи находится парламентское государство, построенное хотя бы въ формѣ конституціонной монархіи. Реальнымъ носителемъ верховной государственной власти служитъ парламентъ in corpore, точнѣе. король въ парламентѣ, а не личность неограниченнаго монарха [1]). Самый парламентъ, какъ юридическій организмъ, отличный отъ своего преходящаго состава, регулируется въ своей дѣятельности совокупностью формальныхъ и матеріальныхъ условій, какъ-то мѣстомъ и временемъ засѣданій, организаціей состава, порядкомъ дѣлопроизводства, компетенціей и прочими конституціонными условіями, отъ соблюденія коихъ зависитъ юридическая сила парламентскихъ актовъ. При такомъ положеніи, становится вполнѣ понятнымъ, что религіозное подчиненіе монарха и народныхъ представителей авторитету церкви не угрожаетъ повлечь за собой юридическое господство папы надъ государствомъ, поскольку реальнымъ носителемъ государственной власти служитъ юридическое учрежденіе. Личные взгляды и убѣжденія его членовъ, несомнѣнно, отражаются на политикѣ государства, но мнѣніе большинства получаетъ значеніе государственной воли, лишь пройдя сквозь всѣ предусмотрѣнные конституціей фазисы и формы законодательнаго акта, при посредствѣ которыхъ воля государства объектируется, отрѣшается отъ личнаго, партійнаго характера парламентскихъ фракцій.

Какъ люди, народные представители могутъ, конечно, грѣшить и каяться, а потому подлежатъ воздѣйствію папы, по-

[1]) См. по этому поводу Дайси, Основы государственнаго права Англіи (перев. съ англійскаго).

скольку они входятъ въ составъ католической церкви; но самый парламентъ, какъ юридическій организмъ, ускользаетъ изъ вѣдѣнія послѣдней, о его нравственныхъ качествахъ можно говорить лишь въ иносказательномъ смыслѣ. Нельзя обвинять парламентъ, напр., въ нарушеніи седьмой заповѣди, ибо воля его конструируется искуственно, является таковою лишь въ границахъ присущей ему компетенціи. Словомъ, парламентъ не подлежитъ господству церкви, поскольку природа его, какъ юридическаго организма, не совпадая съ природою человѣка, не можетъ порождать волевыхъ актовъ, входящихъ въ область религіозныхъ вопросовъ. Господь судитъ людей, а не учрежденія, царей, а не царства.

dd) Политическое вліяніе папства не противорѣчитъ юридической независимости конституціоннаго государства. Въ качествѣ лидера клерикальной партіи, папа входитъ въ парламентъ, участвуетъ въ политической жизни страны; это участіе церкви въ бытіи государства не противорѣчитъ, однако, послѣднему, поскольку многообразіе партій, ихъ постоянная борьба между собою, относятся къ самой природѣ парламентской жизни [1]). Но этого мало: не только участіе, но самое господство папы въ парламентѣ не исключаетъ его юридической независимости отъ государства, не получаетъ характера порабощенія свѣтской власти духовною; господство политической партіи, безразлично какой, является необходимымъ условіемъ нормальной парламентской дѣятельности. Въ каждый данный моментъ, законодательный органъ долженъ имѣть опредѣленное большинство, изъ котораго и составляется правительство; въ противномъ случаѣ, при равновѣсіи партій, его дѣятельность атрофируется. Вотъ почему, папа можетъ, конечно, господствовать въ парламентѣ, вліять на политику государства; но это господство всегда остается политическимъ, не юридическимъ, выражается въ формѣ господства въ парламентѣ, а не надъ

[1]) О значеніи партій въ парламентскомъ государствѣ см. Bornhak, Allgemeine Staatslehre, S. 109 ff.

парламентомъ. Мы позволимъ себѣ подчеркнуть это, крайне существенное, съ точки зрѣнія государственнаго права, различіе.

Резюмируя, въ краткихъ словахъ, только что изложенное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Религіозное верховенство папы являлось необходимымъ условіемъ его господства надъ государствомъ. Не будучи главою церкви, онъ умалялся до положенія простого епископа, претензія коего утвердиться надъ имперіей и прочими государствами, по меньшей мѣрѣ, показалась бы странной. Вотъ почему, противники совмѣщенія обоихъ мечей, духовнаго и свѣтскаго, какъ напр., Марсилій Падуанскій [1]), Іоаннъ Парижскій [2]) и Оккамъ [3]), выступавшіе на защиту попираемыхъ папою правъ государства, поступали вполнѣ разумно, ограничивая религіозный суверенитетъ Св. Престола авторитетомъ собора.

2) Религіозный суверенитетъ Св. Престола, самъ по себѣ, былъ недостаточенъ для водворенія всемірной папской монархіи. Господство духовной власти надъ свѣтскою опредѣлялось не столько размѣрами первой, сколько слабостью

---

[1]) Defensor Pacis, Marsilii de Menandrino Patavini (см. Goldast, Monarchia Sancti Imperii Romani, T. II, p. 154 ss). „Solam divinam s. canonicam scripturam, et ad ipsam per necessitatem sequentem quamcumque ipsius interpretationem, ex communi concilio fidelium factam, veram esse et ad aeternam beatitudinem consequendam necesse credere, si alicui debite proponatur“ (Pars III, Concl. 1). „Decretales vel Decreta Romanorum aut aliorum quorumlibet pontificum, communiter aut divisim, absque concessione legislatoris humani constituta, neminem obligare poena vel supplicio temporali“ (ibid. Concl. VII). „In humanis legibus solum legislatorem vel illius auctoritate alterum dispensare posse“ (ibid. Concl. VIII). См. Gieseler, l. c., Bd. II^4, § 67. Neander, l. c., Bd. VI, S. 45 ff. Laurent, La Papauté et l'Empire, p. 407 ss. Paul Janet, l. c., T. I, p. 457 ss. Чичеринъ, l. c., т. I, стр 230 сл.

[2]) De potestate regia et papali, Johannis de Parisiis (Goldast, l. c., T. II, p. 108 ss.); см. Laurent, l. c., p. 393 ss., Чичеринъ, l. c., т. I, стр. 216 сл.

[3]) Dialogus Magistri Guilhelmi de Ockam (Goldast, l. c., T. II, p. 392 ss.): см. Paul Janet, l. c., T. I, p. 447. Чичеринъ, l. c, т. I, стр. 254 сл.

второй, ея безсиліемъ противостоять энергичному натиску Ватикана. Источникъ подобной слабости коренился въ абсолютно-монархическомъ патріархальномъ режимѣ, при которомъ государство, отождествляясь съ личностью монарха, какъ члена католической церкви всецѣло подвластнаго ея главѣ,—папѣ, невольно подпадало господству послѣдняго.

3) Такимъ образомъ, главенство папы надъ государствомъ должно быть разсматриваемо, какъ результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ:

a) религіознаго суверенитета Св. Престола, и

b) абсолютно-монархическаго (патріархальнаго) строя, поскольку онъ имѣлъ фактически мѣсто въ средневѣковую эпоху.

4) Отсюда, въ свою очередь, слѣдуетъ, что дальнѣйшая эмансипація государства изъ подъ опеки папы могла произойти двоякимъ путемъ:

a) умаленіемъ религіознаго верховенства Св. Престола, и

b) замѣною абсолютнаго режима конституціоннымъ. Исторія послѣдовательно проводитъ государство и церковь (католическую) сквозь оба указанныхъ фазиса. Начиная съ эпохи авиньонскаго плѣна до французской революціи 1789 г., государства отстаиваютъ свою независимость по отношенію къ церкви, пользуясь, вскорѣ наступившимъ послѣ Бонифація VIII, умаленіемъ духовнаго авторитета Св. Престола—результатъ глубокаго нравственнаго упадка его представителей. Съ 1789 г., по мѣрѣ постепеннаго распаденія стараго режима, государства вступаютъ на второй путь; свѣтская власть обезпечиваетъ свою независимость по отношенію къ духовной, провозглашая идею народной свободы, которая и находитъ свое совершенное выраженіе въ конституціонномъ режимѣ.

4. Господство папы надъ государствомъ не заключало въ себѣ существенныхъ элементовъ теократіи.

Обыкновенно принято конструировать теорію всемірнаго папскаго государства на началахъ теократіи [1]). Мы не колеблемся назвать подобную точку зрѣнія ошибочной. Всякая вообще теократія характеризуется двумя элементами:

a) совпаденіемъ идеальныхъ носителей религіознаго и свѣтскаго суверенитетовъ, и

b) господствомъ религіозныхъ интересовъ надъ свѣтскими.

Другими словами, теократія предполагаетъ, во-первыхъ, отождествленіе церкви съ государствомъ и, во-вторыхъ, господство религіознаго организма надъ политическимъ. Оба указанныхъ элемента въ одинаковой мѣрѣ существенны. Такъ, недостаточно одного лишь совпаденія обѣихъ властей, поскольку подобное совпаденіе приложимо и къ государственнымъ религіямъ античнаго міра, чуждымъ теократіи. Недостаточно, также, господства религіозныхъ интересовъ надъ свѣтскими, поскольку теократія предполагаетъ органическую связь между государствомъ и церковью. При такихъ условіяхъ, становится понятнымъ, что конструкція всемірнаго папскаго государства не совпадала съ понятіемъ теократіи. Дѣйствительно, отношеніе обѣихъ властей, даже съ точки зрѣнія самыхъ крайнихъ притязаній папства, въ духѣ Григорія VII, Иннокентія III и Бонифація VIII, характеризуется тремя положеніями:

1) Идеальные носители религіознаго и свѣтскаго суверe-

---

[1]) Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, Bd. III, S. 124 ff. Giesebrecht, l. c., Bd. I, S. 140 ff. Baxmann, l. c., Bd. II, S. 323. Paul Janet, l. c., T. I, p. 323. Delarc, l. c., T. I (Introduction), p. 80. Maurenbrecher, Geschichte der katholischen Reformation, S. 9. Bompard, l. c., p. 18. Ланфрэ, l. c., стр. 92, 137, 253. Петровъ, l. c., т. II, стр. 57 сл. Кореллинъ, l. c., стр. 87. Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, т. I (Средніе вѣка) и Курсъ государственной науки, т. I, стр. 131.

нитетовъ, т.-е. церковь и государство, какъ таковые, не совпадаютъ [1]). Принципіальное отождествленіе обоихъ организмовъ показалось бы чудовищнымъ папству. Государство, само по себѣ, не освященное церковью,—это царство сатаны, князя міра сего. Самое историческое происхожденіе государства объясняется низкими, преступными инстинктами, гордостью одного человѣка, царя, который силой и лукавствомъ утвердился надъ равными себѣ (см. выше) Христосъ вручилъ Апостолу Петру два меча, духовный и свѣтскій. Эта теорія двухъ мечей наглядно характеризуетъ католическую точку зрѣнія на государство. Мечъ духовный—это религіозная власть; мечъ свѣтскій—власть государственная. Совмѣщаясь, лишь внѣшнимъ образомъ, въ рукахъ папы, они остаются, по существу, отдѣльными. Глубокое различіе между ними объясняетъ возможность порученія свѣтскаго меча государю и воинамъ, что, въ противномъ случаѣ, являлось-бы, очевидно, немыслимымъ. Да иначе и быть не могло. Христіанская церковь вполнѣ самобытна по отношенію къ государству; господствуя надъ паствою, она не обусловливается властью послѣдняго. Эту власть она держитъ непосредственно отъ Христа, преслѣдуя интересы, нерѣдко чуждые государству. Самое происхожденіе церкви, возникшей помимо и вопреки государству, не признающей его авторитета по вопросамъ духовнымъ, еще болѣе подчеркиваетъ ея автономный характеръ,—главнѣйшая причина возбужденныхъ противъ церкви кровавыхъ гоненій въ эпоху языческаго Рима [2]).

2) Религіозные интересы господствуютъ надъ свѣтскими. Принципіальное различіе между государствомъ и церковью не предрѣшало, конечно, вопроса о характерѣ ихъ отношеній. Церковь и государство—это два организма; но кто изъ нихъ выше? Очевидно, что папство признавало доми-

---

[1]) См. по этому поводу Rehm, l. c., S. 32 ff.

[2]) Neander, l. c., Bd. I, S. 81 ff. Pressensé, Histoire des trois premiers siècles de l'Eglise Chrétienne, T. II, 92 ss., T. III, 75 ss.

нирующее значеніе за интересами религіозными, требуя, чтобы свѣтская власть, при столкновеніи съ ними, уступала имъ первенство. Подобное неравенство организмовъ, религіознаго и политическаго, не приводило, однако, къ ихъ совмѣщенію, поскольку понятія множества и неравенства не исключаютъ другъ друга. Господство извѣстной группы интересовъ, въ данномъ случаѣ религіозныхъ, само по себѣ не противорѣчитъ понятію государства. На тѣхъ же началахъ неравенства основана конструкція союзнаго государства, общіе интересы котораго доминируютъ надъ мѣстными интересами его членовъ, что не влечетъ за собою, однако, уничтоженія ихъ политическаго бытія. Такъ, Пруссія и Баварія, участвуя въ составѣ современной Германской Имперіи, сохранили свою самобытность, не превратились въ общину, хотя, при столкновеніи ихъ интересовъ съ общегерманскими, онѣ обязаны уступить. То же должно сказать и относительно господства религіозныхъ интересовъ надъ свѣтскими. Гегемонія папства, внося элементъ неравенства въ отношенія церкви и государства, не влекла за собою ихъ совмѣщенія, поскольку самое понятіе неравенства организмовъ предполагаетъ ихъ двойственность.

3) Папа совмѣщаетъ въ своихъ рукахъ обѣ власти, духовную и свѣтскую, другими словами, является не только главою церкви, но также свѣтскимъ государемъ, объединяющимъ подъ своею верховною властью совокупность христіанскихъ (католическихъ) державъ.

Этими тремя элементами характеризуется конструкція всемірнаго папскаго государства. На первый взглядъ, подобныя притязанія куріи рѣшительно посягаютъ на бытіе государства вообще, подрывая самые устои послѣдняго, его суверенную власть. Но такъ-ли это? Не основано-ли подобное утвержденіе на смѣшеніи двухъ различныхъ понятій—идеальнаго и реальнаго носителей власти?

Папа не отрицаетъ государства, не отождествляетъ съ нимъ церкви; мечъ духовный и свѣтскій—это два, по существу, отдѣльныхъ, хотя и соподчиненныхъ, меча. Не отри-

цая государства, папа отрицаетъ, однако, государей, низводя ихъ на степень своихъ намѣстниковъ, вассаловъ Св. Престола. Императоръ обладаетъ не верховною властью, но лишь полномочіями, источникомъ коихъ служитъ авторитетъ папы, истиннаго государя и главы церкви.

Совмѣщеніе обоихъ мечей ограничивалось, такимъ образомъ, совпаденіемъ реальныхъ, а не идеальныхъ, носителей религіознаго и государственнаго суверенитетовъ; оно облекалось въ форму личной уніи между церковью и государствомъ подъ верховною властью папы, на началахъ, аналогичныхъ подобной же уніи двухъ государствъ, при которой общность монарха не влечетъ за собой ихъ совмѣщенія въ одно цѣлое.

4) Личная унія церкви съ государствомъ служитъ средствомъ огражденія независимости духовной власти отъ свѣтской. Въ средневѣковую эпоху, столкновеніе между ними, какъ мы видѣли выше, являлось неизбѣжнымъ; оно коренилось въ абсолютно-монархической конструкціи обоихъ организмовъ, религіознаго и политическаго.

Отсюда, естественное стремленіе папства обезпечить независимость церкви, захвативъ въ свои руки оба меча.

5. Водвореніе всемірной папской монархіи оказалось недостижимымъ.

Въ эпоху расцвѣта своей духовной власти, во времена Иннокентія III, папство достигло крайнихъ предѣловъ возможнаго господства надъ свѣтскою властью. Италія, не будучи въ силахъ собственными средствами задержать наступательное движеніе имперіи, охотно подчиняется сюзеренитету Рима. Испанія, Норвегія, Венгрія и Польша одинаково признаютъ его авторитетное слово не только въ вопросахъ духовныхъ, но также политическихъ. Міровое вліяніе Иннокентія III не подлежитъ сомнѣнію [1]). Тѣмъ не менѣе, не-

[1]) Raumer, Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit, Bd. III, S. 98 ff. Planck, l. c., Bd. IV¹. S. 450 ff. Laurent, La Papauté et l'Empire

смотря на свои выдающіеся успѣхи и колоссальный авторитетъ, папство оказалось безсильнымъ осуществить на дѣлѣ идею всемірной церковной монархіи. Властолюбивая политика куріи сталкивается съ идеей національной независимости, и, вскорѣ, папство, лишенное народной поддержки, принуждено уступить. Принимая сторону Ватикана, государи руководились исключительно собственными политическими выгодами, а не желаніемъ упрочить могущество Рима. Имперія угрожала всемірной монархіей; папа былъ ея заклятымъ врагомъ. Умаляя идею имперскаго цезаризма, государи, тѣмъ самымъ, ограждаютъ свою независимость. Ближе всего, конечно, заинтересованы были въ поддержаніи папства имперскіе князья. Для нихъ, это удобный предлогъ расширить свои привилегіи насчетъ прерогативъ имперской короны [1]). Вотъ почему, отлученіе императора Генриха IV папой Григоріемъ VII, разрѣшеніе подданныхъ отъ присяги, освобождая руки князьямъ, встрѣчаютъ въ нихъ несомнѣнное сочувствіе. Картина совершенно мѣняется, когда Иннокентій III непосредственно посягаетъ на права и преимущества курфюрстовъ, навязывая имъ своего кандидата на императорскій тронъ. Въ какое негодованіе приходятъ князья! Какъ горячо отстаиваютъ они свое избирательное право и протестуютъ противъ вмѣшательства папы въ ихъ внутреннія дѣла! [2]). Еще энергичнѣе борются за свою независимость французскіе короли. Репутація „перворожденныхъ сыновъ церкви“ не мѣшаетъ имъ отражать малѣйшее покушеніе куріи. Людовикъ Святой, несмотря на свою святость, ревниво охраняетъ прерогативы короны [3]).

---

p. 227 ss. Gieseler, l. c., Bd. II², S. 105 ss. Wattenbach, l. c., S. 184 ff. Sugenheim, l. c., S. 120 ff. Geffcken, Staat und Kirche, S. 160 ff. Rocquain, l. c., T. I, p. 345 ss. Ланфрэ, l. c., стр. 172 сл. Петровъ, l. c., т. II. стр. 169.

[1]) Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, т. I. стр. 27. Cherrier, l. c, T. I, p. 87. Geffcken, l. c., S. 138. Laurent, l. c., p. 183 ss., 203, 289.

[2]) Laurent, l. c., p 235.

[3]) Вступивъ на престолъ, онъ издаетъ ордоннансъ, въ силу котораго

Филиппъ Красивый уже открыто вступаетъ въ борьбу съ Бонифаціемъ VIII и побѣждаетъ его, опираясь на поддержку народа. Примѣру Франціи слѣдуютъ англійскіе короли. Вильгельмъ Завоеватель рѣшительно отрицаетъ за Григоріемъ VII право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи, даже по вопросамъ исключительно религіознаго характера [1]). По его словамъ, король „держитъ въ своихъ рукахъ всѣ пастырскіе посохи королевства“ [2]). Кларендонскій статутъ 1164 г., изданный Генрихомъ II [3]), ставитъ англійскую церковь въ тѣсную зависимость отъ короны: государю принадлежитъ право надзора за вакантными епископскими каѳедрами, доходы съ которыхъ, въ теченіе этого времени, поступаютъ въ пользу казны. Вновь избранные прелаты обязаны, до своего посвященія, приносить установленную присягу коронѣ. Епископы, въ качествѣ бароновъ, несутъ

церковная юрисдикція значительно ограничивалась и духовенство обязывалось по всѣмъ вообще гражданскимъ дѣламъ подчиняться королевскому суду. Прагматическая санкція 1269 г. воспретила производить какіе бы то ни было сборы въ пользу Рима, безъ предварительнаго разрѣшенія короля. Протесты Ватикана и даже угроза отлученіемъ отъ церкви не побудили Людовика Святого отказаться отъ подобной политики; см. по этому поводу Laurent, l. c., p. 375. Gieseler, l. c., Bd. II³, S. 267. Geffcken, l. c., S. 178. Bompard, l. c., p. 20 ss. Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit, S. 292; объ отношеніи Людовика Святого къ Григорію IX и Иннокентію IV см. Ланфре. l. c., стр. 216 сл., 250 сл.

[1]) Декреты Григорія VII о целибатѣ значительно ограничиваются на Винчестерскомъ соборѣ 1076 г.: „Decretum est, ut nullus canonicus uxorem habeat. Sacerdotum vero in castellis vel in vicis habitantium habentes uxores, non cogantur ut dimittant; non habentes interdicantur... ut habeant“; Concil. Wintoniense, ann. 1076, см. Mansi, Conciliorum collectio, t XX, p. 462, Delarc, l. c., T. III, p. 378. Gieseler, l. c., Bd. II², S. 35, Anm. 99.

[2]) „Respondit rex et dixit se velle omnes baculos pastorales Angliae in manu sua tenere“; см. Gieseler, l. c., Bd. II², S. 36, Anm. rr. Вильгельмъ согласенъ уплачивать папѣ ленту Св. Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отказывается признавать себя его вассаломъ; см. посланіе Вильгельма къ Григорію VII (Migne, Patr. Lat., T. 148, p 748, Delarc, l. c., T. III, p. 372 ss.).

[3]) Mansi, l. c., T. XXI, p. 1187. См. также Laurent, l. c., p. 413.

государственное тягло. Духовныя лица подлежатъ, по дѣламъ уголовнымъ, юрисдикціи свѣтскихъ судовъ, и проч. Словомъ, отношеніе государства къ церкви конструируется на началахъ, діаметрально противоположныхъ требованіямъ римской куріи. Эдуардъ II еще вноситъ лепту Св. Петра, но уже Эдуардъ III, опираясь на парламентъ, отказывается отъ этого знака зависимости [1]).

Такимъ образомъ, стремленіе папства утвердиться надъ свѣтскою властью встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ со стороны государей. Тѣмъ не менѣе, имъ не легко было бы отразить эти притязанія,—логически обоснованныя, какъ мы видѣли выше, въ условіяхъ абсолютной, патріархальной монархіи,—если бы на защиту національной независимости не выступилъ энергично народъ:

1) Возвышеніе папства способствуетъ развитію самодѣятельности народа въ области политической. Вступая въ борьбу съ епископальной аристократіей, Григорій VII одерживаетъ надъ нею побѣду исключительно благодаря содѣйствію народа. На отказъ мѣстнаго духовенства подчиниться реформамъ, папа апеллируетъ къ общественному мнѣнію, запрещаетъ народу посѣщать богослуженіе, отправляемое непокорными. Въ такомъ же духѣ дѣйствуетъ папство, вступая въ борьбу съ имперіей и прочими государствами. Въ то время какъ средневѣковый режимъ, отождествляя населеніе съ территоріей, обрекалъ его на положеніе политическаго илота, папство пробуждало самодѣятельность народа, заставляя его принимать активное участіе въ разрѣшеніи религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, чреватыхъ дальнѣйшими выводами. Въ этомъ смыслѣ, вліяніе папства на населеніе имѣло огромное воспитательное значеніе. Народъ находился подъ властью мѣстнаго духовенства. Всецѣло подчиненное государству, оно, неизбѣжно, во имя независимости церкви отъ свѣтскаго меча, должно было уступить главенство Св. Престолу, но эта уступка

[1]) Maurenbrecher, Geschichte der katholischen Reformation, S. 13.

происходитъ лишь цѣною борьбы. Въ виду упорнаго сопротивленія духовенства, курія прибѣгаетъ къ крайнему средству--возстановляетъ паству противъ пастырей. Подобный расчетъ не оказался ошибочнымъ: инстинктивно чувствуя, что дѣло Григорія VII правое, народъ принимаетъ его сторону. Отлучая государей отъ церкви, разрѣшая подданныхъ отъ присяги, папство обращается къ тому же общественному мнѣнію, извлекая, тѣмъ самымъ, народъ изъ его прежняго пассивнаго состоянія на арену политической жизни. Словомъ, столкновеніе папы съ мѣстнымъ духовенствомъ, съ одной стороны, и съ государями, съ другой,—пробуждаетъ самодѣятельность народа, развиваетъ, воспитываетъ его въ духѣ свободы. Въ силу необходимости, папство взываетъ къ народу; къ нему же обращаются государи и мѣстное духовенство. Отъ него требуютъ отвѣта, и онъ даетъ его: сначала онъ осуждаетъ епископальный режимъ, заставляя мѣстное духовенство признать религіозный авторитетъ Св. Престола; затѣмъ онъ ополчается противъ папства. Наконецъ, спустя нѣсколько вѣковъ, народъ ниспровергаетъ самыя основы средневѣковаго режима, провозглашая идею политической правоспособности гражданъ.

2) Самодѣятельность народа въ области политической эмансипируетъ государства изъ подъ опеки Св. Престола. Значеніе народа обнаруживается въ двоякомъ отношеніи,—юридическомъ и политическомъ:

а) Самодѣятельность народа въ области политической, гарантируя принципіальное отдѣленіе идеальнаго носителя государственнаго верховенства отъ реальнаго, конструируетъ государство на началахъ юридическаго организма, обезпечивая, тѣмъ самымъ, его независимость отъ Св. Престола.

Угроза водвореніемъ всемірной церковной монархіи обусловливалась невозможностью, съ точки зрѣнія патріархальной конструкціи государства, принципіально разграничить различныя, по существу, понятія идеальнаго и реальнаго носителей государственной власти. При такихъ условіяхъ,

государство теряло свой юридическій характеръ, сливаясь съ личностью монарха, что, въ свою очередь, влекло за собой отождествленіе въ особѣ монарха обоихъ элементовъ: публичнаго и частнаго, государственнаго и христіанскаго. вслѣдствіе чего, подчиненное положеніе государя, какъ члена католической церкви, влекло за собой господство папы надъ государствомъ. Съ пробужденіемъ самодѣятельности народа, въ вопросахъ политическихъ, естественно развивается его правосознаніе; населеніе отдѣляется отъ территоріи и получаетъ характеръ самостоятельнаго элемента государственнаго организма, обособляя его отъ личности государя. При такихъ условіяхъ, компетенція церкви ограничивается вопросами религіознаго характера, и государство, какъ юридическій организмъ, эмансипируется изъ подъ опеки Св. Престола. Когда Іоаннъ Безземельный, отстаивая въ борьбѣ съ народомъ абсолютизмъ королевской власти, вступаетъ въ союзъ съ Иннокентіемъ III и признаетъ себя его вассаломъ [1]), расчитывая заручиться поддержкою папы, энергичный протестъ народа спасаетъ независимость государства. Народъ отрицаетъ за государемъ право распоряжаться Англіей, какъ своею частною собственностью и подносить ее въ подарокъ папѣ [2]). Угроза отлученіемъ отъ церкви не производитъ должнаго эффекта. Такимъ образомъ, самодѣятельность народа, въ области политической, развивая юридическую идею государства, тѣмъ самымъ изъемлетъ его изъ компетенціи церкви (см. выше).

b) Самодѣятельность народа въ области политической развиваетъ сопротивляемость государства

---

[1]) Текстъ грамоты у Rymer, Foedera (ed. secunda), T. I, p 176: см. Laurent, l. c., p. 243. Gieseler, l. c, Bd. II[2], S. 121. Ланфрэ, l. c., стр. 195 сл.

[2]) „Cum Comites et Barones nobis devoti essent antequam nos et nostram terram Dominio vestro subiicere curassemus extunc in nos, specialiter ab hoc sicut publice dicunt, violenter insurgunt"; см. посланіе Іоанна Безземельнаго къ Иннокентію III (Rymer, l. c., T I, p. 207; ср. Laurent, l. c., p. 245).

въ его борьбѣ съ папствомъ. Послѣднее можетъ успѣшно бороться и побѣждать государей, но его дѣло пропграно, если противъ него ополчится народъ. Во время извѣстнаго столкновенія между Филиппомъ Красивымъ и Бонифаціемъ VIII населеніе всецѣло становится на сторону перваго, энергично отстаивая независимость Франціи [1]). Сознавая, что народъ послужитъ ему лучшей опорой, король созываетъ генеральные штаты, на которыхъ, впервые, рядомъ съ баронами и епископами засѣдаютъ представители третьяго сословія [2]). Дѣйствительность не обманула его ожиданій. Бароны и третье сословіе заявляютъ, что они скорѣе готовы пожертвовать жизнью, людьми и имуществомъ, чѣмъ попустить посягательства Бонифація, даже если бы самъ король согласился сносить ихъ покорно; духовенство, также, принимаетъ сторону короля: прелаты умоляютъ папу уступить и не порывать стариннаго союза церкви съ государствомъ. При такихъ условіяхъ, побѣда остается на сторонѣ короля. Теорія всемірной папской монархіи, логически обоснованная въ условіяхъ абсолютно-монархическаго, патріархальнаго строя, оказалась неосуществимой на практикѣ, ибо противъ нея ополчился народъ, тотъ самый народъ, который нѣкогда помогъ папѣ сломить упорное сопротивленіе мѣстнаго духовенства и возвеличилъ его духовную власть. Пробуждая самодѣятельность народа, развивая его правосознаніе, пап-

---

[1]) См. Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, I, стр. 33, Rocquain, l. c., T. II, p. 265 ss., 288 ss. Michelet. Histoire de France au quatorzième siècle (Philippe le Bel), p. 49 ss. Laurent, l. c., p. 379. Cantù, Hist. des Italiens. T. V, p. 523 ss. Christophe, Geschichte des Papstthums während des vierzehnten Jahrhunderts, p. 75 ss., 96 ss. Zorn, l. c., S. 133 ff. Gieseler, l. c., Bd. II², S. 202 ff. Вызинскій, l. c., стр. 110 сл. Корелинъ, l. c., стр. 128 сл. Петровъ, l. c., т. II, стр. 194 сл. Дрэперъ, l. c., т. II, стр. 70 сл.

[2]) Генеральные штаты Филиппа Краснваго, какъ справедливо замѣчаетъ про нихъ Мишле (l. c., p. 69), открываютъ собою національную эру Франціи; см. также l'Abbé Big... Histoire du Parlement de Paris, p. 18 ss.

ство, само того не замѣчая, подрывало устои своей всемірной монархіи.

Резюмируя только что изложенное, мы позволимъ себѣ, въ заключеніе, воспроизвести филіацію идей, характеризующую данный періодъ:

a) Независимость западной церкви, построенной на началахъ епископально-аристократическаго режима, обусловливалась политической эмансипаціей мѣстнаго духовенства.

b) Феодальная зависимость духовенства пагубно отражалась на его нравственномъ уровнѣ.

c) Политическая эмансипація духовенства являлась недостижимой. Ergo:

1) Епископальный режимъ противорѣчилъ интересамъ католической церкви.

2) Недостатки епископальнаго режима способствуютъ развитію религіознаго суверенитета Св. Престола.

3) Развитіе религіознаго суверенитета Св. Престола обусловливалось его независимостью.

4) Независимость Св. Престола обусловливалась политической эмансипаціей папства. Ergo:

I. Развитіе элементовъ международной правоспособности—суверенитета свободы и независимости—папства было вызвано къ жизни интересами церкви.

1) Въ условіяхъ абсолютной, патріархальной монархіи, государство отождествляется съ личностью государя.

2) Личность государя неотдѣлима отъ личности человѣка.

3) Какъ человѣкъ, членъ христіанской (католической) церкви, государь подвластенъ ея главѣ—папѣ.

4) Подчиненное положеніе государя ограничиваетъ его верховную власть авторитетомъ Св. Престола.

5) Умаленіе верховной власти государя влечетъ за собой господство папы надъ государствомъ. Ergo:

II. Господство духовной власти надъ свѣтскою коренилось въ абсолютно-монархическомъ, патріархальномъ государственномъ строѣ, съ одной стороны, и религіозномъ верховенствѣ папства, съ другой—поскольку, при этомъ, оба

указанныхъ фактора имѣлись дѣйствительно на лицо въ средневѣковую эпоху.

1) Идея независимости духовной власти отъ свѣтской влечетъ за собой переустройство церкви на началахъ абсолютной духовной монархіи въ пользу папства.

2) Въ условіяхъ абсолютной патріархальной монархіи, религіозное верховенство папства угрожаетъ независимости государства.

3) Подобная угроза вызываетъ борьбу между государствомъ и церковью; эта борьба получаетъ длящійся, постоянный характеръ, становится правиломъ, а перемиріе исключеніемъ. Государство стремится обезпечить свою независимость, умаляя религіозное верховенство Св. Престола, при этомъ, двоякимъ путемъ: во-1-хъ, провозглашеніемъ автономіи мѣстной церкви (французская система) и, во-2-хъ, ограниченіемъ политической свободы папства (германская система).

4) При такихъ условіяхъ, папство, съ своей стороны, стремится обезпечить независимость церкви, развивая идею религіознаго верховенства Св. Престола и подчиняя свѣтскую власть господству духовной.

5) Стремленіе папства утвердиться надъ свѣтскою властью приводитъ къ теоріи всемірной папской монархіи. Ergo:

III Въ условіяхъ абсолютной, патріархальной монархіи, развитіе суверенитета, свободы и независимости Св. Престола—элементовъ международной правоспособности папства—обусловливалось господствомъ духовной власти надъ свѣтскою.

1) Согласно теоріи всемірной папской монархіи, религіозные интересы должны имѣть преимущество передъ свѣтскими.

2) Папа совмѣщаетъ въ своихъ рукахъ обѣ власти, духовную и свѣтскую.

3) Личная унія церкви съ государствомъ, черезъ посредство папы, имѣетъ въ виду обезпечить независимость духовной власти отъ свѣтской.

4) Подобное совмѣщеніе реальныхъ носителей обѣихъ

властей, въ пользу папы, не влечетъ за собой отождествленія ихъ идеальныхъ носителей—церкви и государства. Ergo:

IV. Господство папы надъ государствомъ не заключало въ себѣ элементовъ теократіи.

1) Развитіе духовной власти папы способствуетъ пробужденію самодѣятельности народа въ области политической.

2) Пробужденіе самодѣятельности народа въ политической жизни страны обезпечиваетъ независимость государства по отношенію къ куріи. Ergo:

V. При такихъ условіяхъ, водвореніе всемірной папской монархіи оказалось недостижимымъ.

ПЕРІОДЪ III.

Съ Авиньонскаго плѣна до Французской революціи 1789 г.

§ 8.

Характеристика.

1) Государства пріобрѣтаютъ элементы международной правоспособности въ отношеніи къ папству.

2) Папство сохраняетъ элементы международной правоспособности въ отношеніи къ государству.

3) Развитію международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній обѣихъ властей препятствуетъ абсолютно-монархическая форма государственнаго устройства.

I. Государства пріобрѣтаютъ элементы международной правоспособности по отношенію къ Св. Престолу.

1) Стремленіе къ всемірному господству пагубно отражается на нравственномъ уровнѣ папства. Борьба съ имперіей и прочими государствами, постепенно удаляясь отъ своихъ, первоначально чисто религіозныхъ, мотивовъ, съ теченіемъ времени всецѣло проникается тенденціями завоевательной политики, господства ради господства, при которой, интересы религіозные вскорѣ заслоняются свѣтскими. Главенство церкви надъ государствомъ было вызвано

къ жизни необходимостью обезпечить ея независимость отъ свѣтскаго меча. Такова первоначальная цѣль наступательной политики папства; но цѣль оправдываетъ средства—и папство дѣйствительно не брезгуетъ ничѣмъ, ради ея достиженія: оно втягивается въ интриги, эксплоатируетъ религіозныя чувства народа, словомъ, въ конецъ компрометируетъ свою духовную власть [1]). Вскорѣ, папы мало чѣмъ отличаются отъ свѣтскихъ государей, превращаются въ заурядныхъ итальянскихъ князей, честолюбіе коихъ обратно пропорціонально ихъ дѣйствительному значенію [2]). Богатства, собранныя на крестовые походы, расточаются на жизнь, полную азіатской роскоши и свѣтскихъ удовольствій. Одно лишь церковное облаченіе еще напоминаетъ о религіозныхъ функціяхъ папы. Глубокій нравственный упадокъ, органически связанный съ предшествующей эпохой великой борьбы съ государствомъ, является главнѣйшей причиной и, вмѣстѣ, неразлучнымъ спутникомъ грядущихъ невзгодъ, которыя едва не приводятъ все зданіе папства къ совершенному распаденію.

Послѣ смерти Бонифація VIII, авторитетъ Ватикана, съ каждымъ годомъ, падаетъ все ниже и ниже Авиньонскій плѣнъ, печальная въ исторіи папства страница, можетъ показаться блестящей въ сравненіи съ послѣдующей эпохой великой католической схизмы, которая открываетъ собою длинную серію папъ болѣе чѣмъ сомнительныхъ не только въ каноническомъ, но также и въ нравственномъ отношеніяхъ. Эта эпоха столь пагубно отразилась на нравственномъ уровнѣ папства, что еще долгое время послѣ Констанцкаго собора оно не въ силахъ оправиться.

Дѣятельность такихъ недостойныхъ представителей Св. Престола, какъ Іоаннъ XXIII [3]), Сикстъ IV [4]), Иннокен-

[1]) Ср. Вызинскій, l. c., стр 98 сл.

[2]) Giesebrecht, l. c., Bd. IV, S. 368 ff.

[3]) Онъ былъ лишенъ сана, на Констанцкомъ соборѣ, по обвиненію въ рядѣ преступленій, изложенныхъ въ 70 пунктахъ, изъ которыхъ 16, замѣчаетъ Лоранъ, были столь неприличнаго содержанія, что ихъ не рѣшились прочесть вслухъ на засѣданіи собора (l. c., p. 500).

[4]) Одинъ изъ анналистовъ замѣчаетъ по поводу его смерти: „это былъ

тій VIII [1]) и Александръ VI Борджіа [2]), не могла не отразиться крайне печально на благоустройствѣ церкви. Особенно процвѣтаетъ въ эту эпоху такъ называемый непотизмъ: вслѣдъ за избраніемъ папы, вся многочисленная родня его стекалась въ Римъ, гдѣ происходила щедрая раздача духовныхъ должностей, посвященіе въ кардиналы и расхищеніе казны въ пользу различныхъ племянниковъ, которыхъ народная молва именовала болѣе близкими родственниками. Не лучшее зрѣлище представляла собою коллегія кардиналовъ, въ которой засѣдали такія личности, какъ Пьетро Піаріо, племянникъ Сикста IV, и куда, по протекціи, допускались даже несовершеннолѣтніе юноши, какъ, напр. Рафаэль Піаріо Сансони (также племянникъ Сикста IV), возведенный въ кардиналы 17 лѣтъ отъ роду [3]). Нравы, царившіе въ Латеранѣ, ни для кого не составляли тайны. Народъ складывалъ

счастливый день, когда Всемогущій избавилъ свой народъ отъ самаго безбожнаго и злого князя": Infessura, Diarium urbis Romae (у Eccardi, Corpus Hist. medii aevi, T. II, p. 1939; см. также Laurent, l. c., p. 500). Сикстъ IV навлекъ на себя подозрѣніе въ подстрекательствѣ къ возмутительному убійству Джулио Медичи, умерщвленнаго въ церкви, во время богослуженія; въ наказаніе за то, что народъ тутъ же, на мѣстѣ преступленія, покончилъ съ убійцами (среди которыхъ были задержаны одинъ архіепископъ и священникъ) папа налагаетъ на Флоренцію интердиктъ, а виновныхъ, въ убіеніи священнослужителей, отлучаетъ отъ церкви, какъ „criminis laesae maiestatis reos, sacrilegos, excommunicatos, anathematizatos, infames, diffidates, intestabiles.."; см. Gieseler, l. c, Bd II[4], S. 151, Anm. c, d. Laurent, l. c, p. 501. Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, т. I, стр. 44 сл. Geffcken, l. c., S. 200. Sugenheim, l. c., S. 359. Pastor (Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd. II, S. 481) отрицаетъ участіе Сикста IV въ этомъ преступленіи.

[1]) См. Gieseler, l. c., Bd. II[4]. S. 164. Laurent, l. c., p. 502. Kahnis. Die deutsche Reformation, Bd. I, S. 17. Янусъ, Папа и соборъ, стр. 390 сл. Pastor (l. c., Bd. III, S. 167 ff.) смягчаетъ характеристику Иннокентія VIII.

[2]) См. Laurent, l. c., p. 502 ss. Brosch, Geschichte des Kirchenstaates. Bd. I, S. 14 ff. Ранке, Римскіе папы, т. I, стр. 45 сл. Gieseler, l. c., Bd. II[4], S. 164 ff. Geffcken, l. c.. S. 200. Kahnis, l. c., Bd. I, S. 17 ff. Янусъ l. c.. стр. 389, 394.

[3]) См Pastor. l. c. Bd. II, S. 424 ff., 550 ff.

„эпиграммы и пѣсенки“ про главу церкви, который отличался отъ прочаго духовенства развѣ только еще большей распущенностью своихъ нравовъ. Ко всему этому присоединяется самая беззастѣнчивая эксплоатація народа. Еще при Людовикѣ IX, французское духовенство протестуетъ противъ чрезмѣрныхъ поборовъ: „Если бъ вы знали“, пишутъ епископы папѣ, „что̀ чувствуютъ, говорятъ и какъ порочатъ васъ люди, вы несомнѣнно огорчились бы. Должно скорбѣть и опасаться всѣмъ христіанамъ, ибо эта всеобщая ненависть грозитъ великими бѣдствіями“.... „Не слышно отъ вѣка“, прибавляетъ посланіе, „чтобы когда либо говорилось: дай мнѣ столько то, не то я отлучу тебя отъ церкви“ [1]) Съ теченіемъ времени, поборы принимаютъ все большіе размѣры. Толпы нищенствующихъ монаховъ рыщутъ по всѣмъ странамъ, высасывая деньги изъ населенія: но этого мало, Св. Престолъ шлетъ особыхъ легатовъ собирать жатву съ мірянъ и духовенства. Въ глазахъ населенія, папа справедливо рисуется какимъ-то чудовищемъ, непомѣрная алчность котораго такъ мало соотвѣтствуетъ его духовнымъ обязанностямъ первосвященника.

Такова печальная картина упадка, смѣнившаго собою эпоху недосягаемаго величія. Этотъ упадокъ былъ неизбѣженъ; папство истощило всѣ средства на борьбу съ государствомъ—дозволенныя и недозволенныя. Оно переступило запретную черту и вскорѣ распалось „и разрушеніе дома сего было великое“. Но виновато ли въ этомъ одно лишь папство? Естественное чувство самосохраненія бросило западную церковь въ руки послѣдняго, и если папство, въ средневѣковую эпоху, не могло иначе обезпечить ей независимость, какъ путемъ господства надъ государствомъ, если возникшая, на этой почвѣ, борьба въ концѣ концовъ расшатываетъ устои католицизма и порождаетъ личности подобныя Александру VI, не будемъ винить за это одно лишь

---

[1]) Gravamina Ecclesiae Gallicanae, см Gieseler, l. c., Bd. II², S. 264 Anm. w.

папство, не будемъ взваливать на него всю тяжесть отвѣтственности, оставимъ кое-что и на долю средневѣковаго режима.

2) Нравственный упадокъ папства умаляетъ его независимость по отношенію къ государству. Съ паденіемъ нравственнаго, опускается и религіозный авторитетъ Св. Престола, что, въ свою очередь, лишаетъ его могучаго орудія въ борьбѣ съ государствомъ. При такихъ условіяхъ, папство, вскорѣ, неизбѣжно подпадаетъ вліянію послѣдняго. Послѣ смерти Бенедикта XI, на Св. Престолъ, подъ давленіемъ французской партіи конклава, вступаетъ архіепископъ Бордосскій Бертранъ, подъ именемъ Климента V. Креатура Филиппа Красиваго, новый папа остается во Франціи и поселяется въ Авиньонѣ. Съ этого момента открывается эпоха, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ авиньонскаго плѣна [1]). Дѣйствительное положеніе вещей вполнѣ ему соотвѣтствуетъ. Съ внѣшней стороны все, повидимому, остается попрежнему. Папство не отказывается отъ своихъ притязаній на всемірное господство: въ наказаніе за взятіе Феррары, Климентъ V налагаетъ на Венецію интердиктъ. Императоръ Генрихъ VII (Люксембургскій) вступаетъ въ борьбу съ королемъ Неаполитанскимъ Робертомъ,—папа вмѣшивается въ ихъ споръ и обращается съ императоромъ, какъ съ вассаломъ. Во время соперничества Людовика Баварскаго и Фридриха Австрійскаго, Іоаннъ XXII разыгрываетъ роль вершителя судебъ, претендуя на право распредѣлять по своему произволу короны. Словомъ, авиньонскіе папы попрежнему мечутъ перуны [2]); но за папой слишкомъ замѣтна для всѣхъ

[1]) Pastor, l. c., Bd. I, S. 53 ff. Rocquain, l. c., T. II, S. 320 ss. 361 ss. Gieseler, l. c., Bd. II[3], S 2 ff. Wattenbach, l. c., S. 226 ff Laurent, l. c., p. 390 ss. Goyau, p. 109 ss. Michelet, l. c., p 485 ss. Вызинскій, l. c., стр. 117 сл. Ланфрэ, l. c., стр. 256 сл.

[2]) Притязанія папства по отношенію къ Германіи достигли наибольшаго развитія въ эту эпоху. См. Lorenz, Papstwahl und Kaiserthum, S. 160 ff. Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit, S. 214

направляющая рука французскаго монарха [1]). Властный языкъ Григорія VII звучитъ фальшиво въ устахъ трепещущаго передъ особой короля Климента V. Послѣдній, въ угоду государю, закрываетъ въ 1312 г. орденъ Тампліеровъ [2]). Но этого мало: папа возбуждаетъ позорный посмертный процессъ надъ Бонифаціемъ VIII, заклятымъ врагомъ Филиппа [3]). Въ такой же тѣсной зависимости отъ Франціи пребываютъ преемники Климента V,—Іоаннъ XXII, Бенедиктъ XII, Климентъ VI и Урбанъ V. Послѣдній несмотря на свое желаніе заключить миръ съ Людовикомъ Баварскимъ, не дерзаетъ рѣшиться на это изъ боязни разгнѣвать Филиппа VI. Папа не скрываетъ отъ пословъ императора, что онъ несвободенъ въ своихъ поступкахъ, и что король угрожаетъ обойтись съ нимъ еще энергичнѣе, чѣмъ Филиппъ Красивый поступилъ съ Бонифаціемъ VIII. Эпоха авиньонскаго плѣна наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, сколь пагубно отражалось на независимости церкви подчиненное положеніе папства. При такихъ условіяхъ, необходимо было какъ можно скорѣе покинуть французскую территорію; это сознаніе вскорѣ становится всеобщимъ. Урбанъ V дѣлаетъ попытку переселиться въ Римъ, но смуты и волненія принуждаютъ его вернуться обратно. Его преемникъ, Григорій XI, несмотря на противодѣйствіе Карла V, разстается, наконецъ, съ Авиньономъ; не довѣряя, однако, римлянамъ, онъ вскорѣ переселяется въ Ананьи и помышляетъ даже, вернуться обратно во Францію, но внезапная смерть разстраиваетъ его планы.

---

[1]) Политическая зависимость авиньонскаго папства не подлежитъ сомнѣнію. См. по этому поводу Christophe, Geschichte des Papstthums während des vierzehnten Jahrhunderts, S. 147 ff., 184 ff. Spittler, Grundriss der Geschichte der Christlichen Kirche, S. 335. Kahnis, l. c., S. 14. Янусъ, l. c., стр. 197, 208. Maurenbrecher, Geschichte der katholischen Reformation, S. 12. Тарле, Исторія Италіи въ новое время, стр. 32. Корелинъ, l. c., стр. 136.

[2]) Буллою „Vox in excelso audita est“ (Mirbt, Quellen, S. 90 ff.). См. по этому поводу Michelet, l. c., p. 120 ss. l'Abbé Big.., l. c., p. 80 ss. Петровъ, l. c., т. II, стр. 149 сл.

[3]) Michelet, l. c., p. 118 ss., 160 ss.

3) Политическая зависимость папства приводитъ къ великой католической схизмѣ [1]). Вскорѣ наступаетъ событіе, опредѣлившее собою дальнѣйшую судьбу папства: католическій міръ распадается на два враждебныхъ лагеря; борьба между ними ускоряетъ процессъ, уже намѣченный предшествующей эпохой. Послѣ смерти Григорія XI, впервые со времени 75-лѣтняго перерыва, конклавъ собирается въ Римѣ. Итальянская партія состояла въ немъ всего изъ четырехъ представителей; большинство кардиналовъ были французы,—ближайшій результатъ авиньонской эпохи.

Такимъ образомъ, слѣдовало ожидать, что выборъ падетъ на французскаго кандидата, что̀, очевидно, и случилось бы, если бы конклавъ засѣдалъ въ Авиньонѣ, а не въ Римѣ, населеніе коего и слышать не хотѣло объ избраніи иностранца: оно настойчиво требовало итальянца, римлянина—„lo volemo Romano“. Конклавъ колеблется между двумя противоположными направленіями французской и итальянской политики. Французская партія, хотя и въ большинствѣ 12 противъ 4, ослабляетъ себя, однако, въ свою очередь раздѣлившись на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая хлопочетъ за своего кандидата. При такихъ условіяхъ, пренія грозили затянуться надолго, но ждать было некогда; народъ торопилъ, требуя показать ему новаго папу. Въ концѣ концовъ, кардиналы идутъ на компромисъ, и выборъ падаетъ на Варѳоломея Приньяно, архіепископа города Бари. Итальянецъ родомъ, но долгое время прожившій въ Авиньонѣ, онъ примиряетъ обѣ партіи

---

[1]) См. Tschackert, Peter von Ailli (zur Geschichte des grossen abendländischen Schisma und der Reformconcilien von Pisa und Constanz, S. 1 ff Döllinger, l. c., S. 149 ff. Zorn, l. c., S. 138. Hergenröther (Cardinal), Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Bd. II, S. 627 ff. Pastor, l. c., Bd. I, S. 95 ff. Wattenbach, l. c., S 245 ff. Laurent, l. c., p. 467 ss. Geffcken, l. c., S. 185 ff. Gieseler, l. c, Bd. II³, S. 122 ff. Lorenz, l. c., S. 195 ff. Rocquain, La Cour de Rome et l'esprit de réforme avant Luther, T. III, p. 1 ss. Michelet, l. c., p. 487 ss. Янусъ, l. c., стр. 329 сл. Вызинскій, l. c. стр. 160 сл. Ланфрэ, l. c., стр. 273 сл. Дрэперъ, l. c., т. II, стр. 83 сл.

и 8 апрѣля 1378 г. вступаетъ на Св. Престолъ, подъ именемъ Урбана VI. Народъ встрѣчаетъ его сочувственно. Повидимому, все окончилось благополучно. Можно было даже надѣяться, что для папства вскорѣ наступитъ эпоха возрожденія. Личность новаго папы, безспорно честнаго, искренно настроеннаго въ духѣ реформъ, служила тому залогомъ. Дѣйствительность не оправдала, однако, подобныхъ ожиданій; папство не подымается, но падаетъ. Урбанъ VI захотѣлъ быть папою въ духѣ Григорія VII; въ публичномъ засѣданіи консисторіи, онъ рѣзко осуждаетъ нравы высшаго духовенства, кардиналовъ и прелатовъ. Онъ хочетъ искоренить симонію, запрещаетъ кардиналамъ принимать подачки и пенсіи, несовмѣстимыя съ ихъ достоинствомъ. Мѣстопребываніе папы должно быть въ Римѣ, а не въ Авиньонѣ, что особенно не по сердцу французской партіи. Несомнѣнно, что въ способѣ осуществленія этихъ реформъ Урбанъ VI не придерживался должной постепенности; нельзя было такъ круто искоренять пороки, пустившіе глубокіе корни въ средѣ высшаго духовенства. Тѣмъ не менѣе, дѣйствительная причина вскорѣ наступившаго раскола заключалась не въ формѣ, но въ содержаніи, въ самомъ направленіи политики Урбана VI. Онъ захотѣлъ рѣшительно покончить съ авиньонской эпохой, извлечь церковь изъ узкихъ рамокъ какой бы то ни было національной политики, поднять ее на должную высоту и поставить внѣ сферы воздѣйствія государства, словомъ, придать церкви тотъ космополитическій характеръ, которымъ она нѣкогда обладала. Урбанъ VI правильно понялъ назначеніе папства, весь смыслъ котораго заключается въ его независимости отъ государства, но, истощенное борьбою съ имперіей, нравственно опустившееся, папство уже не въ силахъ было сопротивляться свѣтскому мечу. Григорій XI переселился въ Римъ, но авиньонская зависимость продолжалась попрежнему. Урбанъ VI задумалъ освободить церковь отъ этой независимости, но натолкнулся на государство. Папа повлекъ церковь къ Риму, Франція—къ Авиньону, и церковь раздвоилась. Если бы духовенство энергично спло-

тилось вокругъ Св. Престола, побѣда, быть можетъ, осталась бы на сторонѣ послѣдняго, но гласъ папы остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Печальныя послѣдствія общаго нравственнаго упадка сказались теперь, въ минуту тяжелаго кризиса. Какъ нѣкогда папство возстановляло подданныхъ противъ государства, такъ нынѣ государство возстановляетъ кардиналовъ противъ папы. Какъ прежде Григорій VII ударомъ духовнаго меча заставилъ Генриха VII склонить колѣни въ Каноссѣ, такъ, нынѣ, Карлъ V, тѣмъ же духовнымъ мечомъ, поражаетъ Урбана VI въ Ананьи, и папство распадается надвое.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія Урбана VI на Св. Престолъ, часть кардиналовъ (французская партія) собирается въ Ананьи и объявляетъ прежніе выборы недѣйствительными, подъ предлогомъ, что конклавъ, засѣдавшій въ Римѣ, будто бы не былъ свободенъ, и что избраніе Урбана VI—результатъ угрозы со стороны римскаго населенія. Карлъ V торопитъ кардиналовъ съ новыми выборами и ободряетъ ихъ обѣщаніемъ, въ случаѣ необходимости, поддержать ихъ оружіемъ. Настойчивость короля уничтожаетъ послѣднюю нерѣшительность кардиналовъ. 20 Сентября того же 1378 года, спустя пять мѣсяцевъ, послѣ посвященія Урбана VI, кардиналы въ Ананьи провозглашаютъ истиннымъ папою Климента VII. Этимъ актомъ открывается эпоха великой схизмы. Такимъ образомъ, Урбану VI не удалось реформировать церковь и поставить ее на прежнюю высоту. Онъ могъ бы оказать великія услуги папству, если бы вступилъ на Св. Престолъ гораздо раньше или значительно позже; но, въ данную эпоху, его реформы были безсильны. Должно ли сожалѣть объ этомъ? Урбанъ VI хотѣлъ спасти пошатнувшійся авторитетъ Св. Престола. Если бы ему удалось осуществить эту задачу, онъ вернулъ бы папство къ эпохѣ, когда Св. Престолъ возвышался надъ государствомъ. Возрожденное папство устремилось бы вновь, по прежнему пути, къ прежней цѣли, ибо духовная власть, въ условіяхъ средневѣковаго режима, неизбѣжно приводила къ

идеѣ всемірной церковной монархіи; словомъ, успѣхъ Урбана VI вернулъ бы церковь къ прежней, уже отжившей и несовершенной, въ принципѣ, конструкціи взаимнаго отношенія обоихъ организмовъ, религіознаго и политическаго, на началахъ господства, а не равенства. Вотъ почему, неудача Урбана VI, повлекшая за собой великую схизму, хотя и является зломъ, но все же зломъ преходящимъ, переходомъ отъ стараго къ новому, отъ несовершеннаго къ болѣе осмысленному и совершенному, переходомъ несомнѣнно болѣзненнымъ, мучительнымъ, какъ всякая вообще коренная ломка, но, все же, не только неизбѣжнымъ, но и желательнымъ.

4) Великая католическая схизма умаляетъ религіозно-нравственный авторитетъ папства:

а) Наступившій расколъ естественно возбуждаетъ вопросъ: который изъ обоихъ папъ, Урбанъ VI или Климентъ VII, является дѣйствительнымъ папою? Разумѣется, что этотъ вопросъ разрѣшался различно. Оба претендента имѣли своихъ сторонниковъ, горячо отстаивавшихъ канонической характеръ ихъ избранія. Положеніе было все же слишкомъ спорнымъ. Естественно, что въ душѣ христіанъ таилось сомнѣніе въ правильности выбора. Въ глазахъ собственныхъ приверженцевъ, каждый изъ папъ былъ довольно сомнительнымъ папою, что не могло, конечно, не отразиться на духовномъ авторитетѣ послѣдняго. Необходимо имѣть, при этомъ, въ виду, что, съ точки зрѣнія католицизма, посвященіе въ епископское званіе, совершенное незаконнымъ папою, являлось недѣйствительнымъ, а, слѣдовательно, и всѣ религіозные акты и таинства, отправляемые подобными лицами, теряли свой канонической характеръ [1]). При такихъ условіяхъ, становится очевиднымъ, что самая власть папы, нераздѣльная по существу, не могла сохранить свой прежній безспорный характеръ. Сомнѣнье въ правомѣрности папы, вскорѣ приводитъ къ сомнѣнію въ правомѣрности самой папской власти.

в) Расколъ умаляетъ въ количественномъ отношеніи силы

[1]) См. Döllinger, l. c., S. 153.

противниковъ. Католическій міръ раздѣляется на два противоположныхъ лагеря; каждый изъ папъ владѣетъ лишь частью того цѣлаго, которое, прежде, находилось въ рукахъ единой главы церкви: теперь ихъ двѣ. Франція, Шотландія, Савоія, Лотарингія, Кастилія, Аррагонія и Наварра признаютъ Климента VII, на сторону коего переходитъ также Іоанна, королева Неаполитанская. Большая же часть Италіи, Германія, Англія, Данія, Швеція, Пруссія и Польша остаются вѣрными Урбану VI.

c) Позорная политика обоихъ соперниковъ, ихъ интриги, тщеславная жажда власти, нежеланіе честно содѣйствовать скорѣйшему прекращенію раскола, столь пагубно отражавшагося на интересахъ церкви, словомъ, вся непривлекательная сторона церковной распри еще болѣе умаляетъ значеніе папства, нѣкогда великаго въ глазахъ народа. То, что прежде служило папству средствомъ воздѣйствія на свѣтскую власть, нынѣ обращается противъ него же. Оба претендента торжественно отлучаютъ другъ друга отъ церкви, налагаютъ интердикты, словомъ, направляютъ противъ папства то грозное оружіе, которымъ оно охраняло прежде свою независимость отъ государства. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, это оружіе должно было, вскорѣ, притупиться, и самая власть, которая къ нему прибѣгала, лишь компрометировала этимъ свое достоинство. Наконецъ, съ раздѣленіемъ папства на двѣ части, доходы съ церкви должны были уменьшиться, для каждаго изъ претендентовъ, на половину. Между тѣмъ, борьба требовала чрезвычайныхъ расходовъ, что, въ свою очередь, вызывало увеличеніе и безъ того непосильныхъ поборовъ [1]). Дѣло доходитъ до того, что самые храмы подвергаются разграбленію; все превращается въ звонкую монету и идетъ на борьбу.

5) Умаленіе религіозно-нравственнаго авторитета папства влечетъ за собой ограничительныя постановленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ въ духѣ

[1]) Янусъ. l. c., стр. 331, Вызинскій, l. c, стр. 163 сл.

епископально-аристократическаго режима. Возстановленіе послѣдняго, въ связи съ реформаціей, эмансипируетъ государства изъ подъ опеки папства, слабость котораго принуждаетъ его искать поддержки у свѣтской власти, что, въ свою очередь, возвышаетъ значеніе послѣдней.

а) Умаленіе религіозно-нравственнаго авторитета папства влечетъ за собой ограничительныя постановленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ. Смерть Урбана VI не возстановляетъ церковнаго единства. Въ преемники ему, римскіе кардиналы избираютъ Бонифація IX; за нимъ слѣдуютъ Иннокентій VII и Григорій XII. Съ другой стороны, авиньонскаго Климента VII заступаетъ Бенедиктъ XIII. Такимъ образомъ, схизма угрожаетъ затянуться на долгое время. Обѣ половины, нѣкогда единаго, католическаго міра, подобно двумъ сторонамъ угла, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе удаляются другъ отъ друга. Надежда на миролюбивое соглашеніе противниковъ не оправдалась въ дѣйствительности [1]): Григорій XII и Бенедиктъ XIII избраны подъ условіемъ прекращенія схизмы [2]). Назначается мѣсто свиданія папъ. Они дѣйствительно ѣдутъ другъ другу на встрѣчу, но, не доѣхавъ, возвращаются обратно, сопровождаемые насмѣшками обманутой паствы [3]). Приходилось, къ сожалѣнію, убѣждаться, что папы не столько заботились о прекращеніи схизмы, сколько старались уничтожить другъ друга. Борьба получила характеръ личнаго соперничества, при которомъ интересы церкви отступили на второй планъ. Въ рѣшительный моментъ, наканунѣ свиданія, каждый изъ претендентовъ испугался разстаться съ излюбленной властью и малодушно бѣжалъ, ибо власть была ему всего дороже. Между тѣмъ, возстановленіе религіознаго единства церкви являлось необходимымъ. Это сознаніе вскорѣ ста-

---

[1]) См. Lorenz, l. c., S. 213 ff., Tschackert, l. c., S. 90, 102 ff., 129 ff.

[2]) См. Concil. Pisanum (Mansi, l. c., t. XXVI, p. 1168. 1197).

[3]) Ланфрэ, l. c., стр. 280, Вызинскій, l. c., стр. 226 сл.

новится всеобщимъ. Несмотря на политическія выгоды, связанныя для нея съ зависимымъ положеніемъ авиньонскаго папы, Франція энергично ратуетъ за скорѣйшее прекращеніе схизмы. Церковный расколъ принималъ слишкомъ угрожающіе размѣры; религіозныя смуты опасно отражались на порядкѣ и благосостояніи государства. Самое участіе послѣдняго въ дѣлѣ прекращенія схизмы могло лишь возвысить свѣтскую власть, гарантируя, тѣмъ самымъ, ея независимость по отношенію къ церкви [1]). Наконецъ, возстановленіе нарушеннаго единства возможно было лишь путемъ ограниченія религіознаго верховенства папы, что, въ свою очередь, совпадало съ интересами государства. При такихъ условіяхъ, Карлъ VI, опираясь на постановленія французскаго національнаго собора 1408 г., провозглашаетъ отторженіе галликанской церкви отъ Бенедикта XIII [2]). Не приступая, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ Григорію XII, Франція занимаетъ нейтральное положеніе. Возстановленіе церковнаго единства возможно было, однако, лишь путемъ совокупныхъ усилій всей западной церкви. Въ виду спорности вопроса, который изъ обоихъ представителей Св. Престола является дѣйствительнымъ папою, верховная власть церкви ускользала изъ Ватикана и становилась вновь, какъ нѣкогда прежде, достояніемъ собора. Парижскій университетъ призываетъ къ собору всѣхъ католическихъ іерарховъ [3]). Его призывъ встрѣчаетъ горячій откликъ во всѣхъ слояхъ общества. Вся надежда на соборъ! Въ качествѣ высшаго органа церкви, истиннаго носителя религіозной власти, онъ сумѣетъ не только прекратить схизму, но и внести необходимыя реформы въ расшатанное зданіе католицизма. 25 Марта 1409 года, несмотря на противодѣйствіе обоихъ

---

[1]) Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, т. I, стр. 34 сл.

[2]) Concil. Parisiense a. 1398 (Mansi, l. c., t. XXVI, p. 839 s.), Hefele. Conciliengesch., Bd. VI, S. 852 ff., Pastor, l. c. Bd. I, S. 138, Tschackert. l. c., S. 104 ff., Gieseler, l. c. Bd. II³, S. 144, Laurent, la Papauté et l'Empire, p. 475 ss.

[3]) По этому поводу см. Tschackert, l. c., S. 49 ff, 88 ff, 134 ff.

папъ, открывается въ Пизѣ давно желанный соборъ [1]). Бенедиктъ XIII и Григорій XII низлагаются, и на Св. Престолъ вступаетъ Александръ V. Пизанскій соборъ не оправдалъ, однако, возложенныхъ на него ожиданій: избраніе новаго папы не прекратило схизмы. Вмѣсто прежнихъ двухъ, являются три претендента. Григорій XII сохраняетъ за собою Неаполь и нѣкоторые города Италіи, а также германскія епископства: трирское, шпейерское и вормское. Сторону Бенедикта XIII принимаютъ Испанія и Шотландія. Тѣмъ не менѣе, этотъ первый, неудачный шагъ не поколебалъ вѣру въ спасительную роль собора; наоборотъ, неудача вызываетъ еще большую настойчивость. Спустя пять лѣтъ послѣ Пизанскаго, 5 Ноября 1414 года, открывается новый соборъ, на этотъ разъ уже въ нѣмецкомъ городѣ Констанцѣ [2]). Іоаннъ XXIII, преемникъ Александра V, принужденъ, хотя и противъ воли, предстать передъ соборомъ; Григорій XII и Бенедиктъ XIII благоразумно уклоняются отъ приглашенія послѣдовать его примѣру. Мы видѣли выше, что опасенія Іоанна XXIII не оказались напрасными. Обвиненный въ рядѣ некрасивыхъ поступковъ, онъ предпочитаетъ бѣжать, не дожидаясь окончательнаго разрѣшенія вопроса, но бѣгство не спасаетъ его; въ засѣданіи 29 Мая соборъ объявляетъ его низложеннымъ. Та же судьба постигаетъ Григорія XII и Бенедикта XIII. Первый добровольно слагаетъ съ себя свое званіе, а второй, хотя и упорствуетъ, но фак-

---

[1]) Concil. Pisanum (Mansi, l. c., t. XXVII, p. 1 s.), Hefele, Conciliengesch., Bd. VI, S. 910 ff., Gieseler, l. c. Bd. II[4], S. 2 ff., Pastor, l. c. Bd. I, S. 138 ff., Hergenröther, l. c. Bd. II, S. 659 ff., Zorn, l. c., S. 138, Lorenz, l. c., 217 ff., Tschackert, l. c., S. 145 ff., Вызинскій, l. c., стр. 230 сл.

[2]) Concil. Constantiense generale (Mansi, l. c., t. XXVII, p. 519 s.), Hefele, Conciliengesch., Bd. VII, S. 1 ff., Laurent, l. c., p. 480 ss., Zorn, l. c., S. 139, Налимовъ, Вопросъ о папской власти на Констанцкомъ соборѣ, Hergenröther, l. c. Bd. II, S. 672 ff., Spittler, l. c., S. 338, Tschackert, l. c., S. 181 ff., Lorenz, S. 224 ff., Вызинскій, l. c., стр. 240 сл., Корелинъ, l. c., стр. 143 сл.

тически остается безъ паствы, если не считать незначительнаго городка Пѣнискола, въ Валенсіи, оставшагося ему вѣрнымъ. Вмѣсто нихъ, соборъ избираетъ кардинала-дьякона Оттона Колонну, который благополучно вступаетъ на Св. Престолъ, подъ именемъ Мартина V. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ лѣтъ раскола, западная церковь вновь обрѣтаетъ единство. Предшествующая эпоха не прошла, однако, безслѣдно въ исторіи западной церкви. Нравственный упадокъ папства—печальный результатъ стремленія къ всемірному господству,—авиньонскій плѣнъ и связанная съ нимъ тяжелая зависимость отъ Франціи, наконецъ, смутное время недавняго раскола, все это вмѣстѣ взятое глубоко поколебало авторитетъ Ватикана. Папство доказало свое нравственное безсиліе въ предшествующую эпоху. Схизма прекращена благодаря Констанцкому собору. Очевидно, что подобный фактъ не могъ не зародить чреватыхъ выводами вопросовъ. Умаленіе папства возвышаетъ соборъ, этотъ высшій органъ церкви; по крайней мѣрѣ, такимъ онъ самъ себя называетъ. Соборъ хочетъ осуществлять безконтрольно ту власть, которая еще недавно принадлежала папству. Онъ обладаетъ правомъ смѣщенія папъ и вообще является истиннымъ носителемъ религіознаго суверенитета. Собору принадлежитъ высшій надзоръ за церковнымъ порядкомъ, за чистотою вѣроученія. Ему принадлежитъ право искорененія ересей, проведенія необходимыхъ, въ интересахъ церкви, реформъ. Соборъ обладаетъ законодательной властью. Его декретамъ обязаны повиноваться всѣ члены церкви, не исключая и папы; виновные въ противномъ подлежатъ наказанію. Констанцкій соборъ утверждаетъ эти принципы, провозглашая себя истиннымъ вселенскимъ соборомъ, свою власть получившимъ непосредственно отъ Христа [1]. Отнынѣ, соборъ будетъ созываться періодически. Ближайшій долженъ состояться черезъ пять лѣтъ; слѣдующій за нимъ черезъ 7 лѣтъ, считая со дня закрытія предшествующаго, и т. д., черезъ

[1] Sessio V, 6 Апрѣля 1415 г., см. Mansi, l. c., t. XXVII, p. 590 s.

каждыя десять лѣтъ [1]). Такимъ образомъ, верховная власть церкви переходитъ въ руки собора. За папствомъ сохраняется одно лишь почетное названіе. Словомъ, возстановляется прежній епископальный режимъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ до Григорія VII. Базельскій соборъ 1431 года подтверждаетъ ограничительные декреты Констанцкаго [2]).

b) Реставрація епископально-аристократическаго режима эмансипируетъ католическія государства изъ подъ опеки папства. Умаленіе религіознаго суверенитета папы устраняетъ одинъ изъ двухъ факторовъ господства духовной власти надъ свѣтскою. Мы видѣли выше, что главенство папы надъ государствомъ обусловливалось взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: абсолютно-монархической формы средневѣковаго государственнаго режима, съ одной стороны, и религіознаго авторитета главы католической церкви—съ другой. Съ уничтоженіемъ одного изъ нихъ, возстановлялась независимость государства. Ограничивъ авторитетъ Ватикана въ пользу епископальной аристократіи, Констанцкій и Базельскій соборы эмансипируютъ, тѣмъ самымъ, свѣтскую власть изъ подъ опеки духовной. Верховная власть въ дѣлахъ церкви принадлежитъ собору, но члены послѣдняго, лично и территоріально подвластные государству, обязаны повиноваться его законамъ. При такихъ условіяхъ, государство уже само намѣчаетъ границы дозволеннаго, самостоятельно опредѣляя компетенцію церкви, которую послѣдняя не вправѣ нарушить. При столкновеніи политическихъ интересовъ съ религіозными, свѣтская власть является верховнымъ судьей пререканія. Очевидно, что постановленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ должны были встрѣтить горячее сочувствіе государей, которые спѣшатъ оказать имъ свое покровительство. Ограниченіе религіознаго суверенитета Св. Престола, обезоруживая папство, вмѣстѣ съ тѣмъ облегчало государству, господствуя надъ

---

[1]) Sessio XXXIX, 9 Октября 1417 г., см. Mansi, t. XXVII, p. 1159.

[2]) Concil. Basileense, Sessio II a. 1432, см. Mansi, l. c., t. XXIX, p. 21, Hefele, Conciliengesch., Bd. VII, S 426 ff.

членами собора, воздѣйствовать на духовную власть, что, конечно, было далеко не лишнимъ въ вопросахъ внутренней и международной политики. Прагматической санкціей 7 Іюля 1438 года Карлъ VII провозглашаетъ автономію галликанской церкви [1]). Его примѣру слѣдуетъ и Германія, акцептируя на Майнцкомъ сеймѣ 1439 года декреты Базельскаго собора [2]).

c) Вскорѣ наступившая реформація окончательно освобождаетъ протестантскія государства отъ подчиненія Ватикану. Въ глазахъ населенія, отпавшаго отъ Рима, папство не только теряетъ всякій религіозный авторитетъ, но становится какъ бы олицетвореніемъ антихриста. То, что еще недавно почиталось святыней, служитъ теперь предметомъ насмѣшекъ и поруганій [3]). Въ противоположность католицизму, протестантство хотя и провозглашало, въ принципѣ, свободу совѣсти, тѣмъ не менѣе оно заключало въ себѣ элементы, благодаря которымъ свѣтская власть вскорѣ занимаетъ доминирующее положеніе въ вопросахъ вѣры. Констанцкій соборъ ограничиваетъ религіозное верховенство папы въ пользу мѣстнаго духовенства. Протестантство идетъ еще далѣе: уничтожая епископальный режимъ, оно окончательно демократизируетъ церковь. Подчиненное положеніе собора несомнѣнно ограничивало независимость церкви. Тѣмъ не менѣе, пользуясь значительнымъ голосомъ въ построенномъ на сословныхъ началахъ государствѣ, мѣстное вліятельное духовенство все же могло, до извѣстной степени, обезпечить независимость церкви. Между тѣмъ, протестантство,

---

[1]) Rocquain, la Cour de Rome et l'esprit de réforme avant Luther. t. III, p. 262, Hefele, Conciliengesch., Bd. VII, S. 762 ff., Pastor, l. c., Bd. I. S. 252, Bd. II, S. 92 ff., Döllinger, l. c., S. 172, Geffcken, Staat und Kirche, S. 194, Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII ст., т. I, стр. 36 сл.

[2]) Gieseler, l. c. Bd. II[4], S. 83, Pastor, l. c. Bd. I, 252 ff, Lorenz, l. c., S. 241 ff., Rocquain, l. c., Bd. III, S. 264, Hergenröther, l. c., Bd. II, S. 723, Янусъ, l. c., стр. 366.

[3]) Въ этомъ отношеніи весьма характерны безчинства люгеранскихъ ландскнехтовъ Карла V въ Римѣ, во время похода императора противъ папы Климента VII; см. Hase, Reformation und Gegenreformation, S. 118.

вручая охраненіе религіозныхъ интересовъ народу, еще не обладавшему, въ эту эпоху, политической правоспособностью, отдавало церковь на произволъ государя. Въ концѣ концовъ, лютеранство, какъ замѣчаетъ Газе, привело къ соединенію, въ рукахъ князя, территоріальнаго верховенства и духовнаго примата [1]).

Такимъ образомъ, государство становилось верховнымъ судьею религіозныхъ вопросовъ. Уже первый Шпейерскій сеймъ 1526 г. провозглашаетъ принципъ: „cuius regio, eius religio", въ силу котораго опредѣленіе религіозныхъ убѣжденій подданныхъ относилось къ компетенціи государства. Такой принципъ, санкціонированный Аугсбургскимъ миромъ 1555 года и впослѣдствіи Вестфальскимъ конгрессомъ 1648 г., очевидно противорѣчилъ, въ одинаковой мѣрѣ, интересамъ протестантской и католической церквей, утверждая господство свѣтской власти въ вопросахъ вѣры [2]). Подобная гегемонія государства являлась непосредственнымъ результатомъ возникшихъ на почвѣ реформаціи религіозныхъ войнъ, въ свою очередь, органически связанныхъ съ паденіемъ авторитета папской власти.

d) Слабость папства принуждаетъ его искать поддержки у свѣтской власти, что, въ свою очередь, возвышаетъ значеніе послѣдней. Эпоха католической схизмы открываетъ широкое поле для всевозможныхъ политическихъ происковъ. Расколъ — удобный предлогъ для вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви. Религіозные вопросы разрѣшаются на почвѣ утилитарныхъ соображеній, мало имѣющихъ общаго съ вѣрою [3]). Во время борьбы Климента VII съ Урбаномъ VI, сторону перваго,—папы авиньонской за-

---

[1]) Hase, l. c., S. 318, см. также Ранке, Римскіе папы XVI и XVII ст., т. II, стр. 192 сл., Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Gesch. der Reformationszeit, S. 281, 347 ff.

[2]) Hase, l. c., S. 319, Geffcken, Staat und Kirche, S. 233 ff., Zorn, l. c., S. 144 ff., Goyau, l. c., p. 161.

[3]) Goyau, l. c., p. 117 ss.

кваски,—принимаютъ Франція и союзная съ нею Шотландія. Наоборотъ, Англія, враждебно настроенная противъ Франціи, горячо отстаиваетъ права Урбана VI и, кстати, конфискуетъ имущество кардиналовъ (приверженцевъ его противника). На сторону римскаго папы, въ виду угрожающаго могущества Франціи, становится также имперія [1]). Словомъ, нѣкогда папы судили и смѣщали государей; теперь уже государи судятъ о томъ, который изъ папъ является истиннымъ, а папы наперерывъ заискиваютъ передъ свѣтскою властью, добиваясь заручиться ея признаніемъ и поддержкой. Ограниченное соборами XV вѣка, еще не оправившееся отъ тяжелаго кризиса схизмы, папство окончательно теряетъ подъ собою почву передъ лицомъ широко развернувшейся реформаціи. При такихъ условіяхъ, отношеніе государствъ къ Ватикану, съ теченіемъ времени, все болѣе проникается политическими тенденціями. Императоръ заинтересованъ оказывать папѣ поддержку въ подавленіи реформаціи, поскольку послѣдняя идетъ рука объ руку съ сепаратными стремленіями германскихъ князей [2]). Передъ лицомъ государей, готовыхъ воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ умалить его значеніе, императоръ спѣшитъ заручиться поддержкою папы [3]) и почерпнуть новыя силы въ блескѣ священно-римской короны, въ роли защитника церкви, блюстителя вѣры, словомъ, въ тѣхъ идеальныхъ построеніяхъ, которыя зиждутся на гармоническомъ сосуществованіи обѣихъ властей, духовной и свѣтской. Подобный идеалъ былъ несомнѣнно

---

[1]) Pastor, l. c. Bd. I, S. 106 ff.

[2]) Morisson, Histoire générale de la réformation (traduit de l'anglais), p. 147.

[3]) Реальное значеніе императорской власти, въ эту эпоху, было далеко отъ теоретическихъ построеній средневѣковья; могущество Карла V коренилось въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ, а не въ достоинствѣ императора; см. по этому поводу Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Gesch der Reformationszeit, S. 103, 116, 128, Kahnis, Die deutsche Reformation, Bd. I, S. 22 ff., Merle d'Aubigné, Histoire de la réformation du seizième siècle, p. 33 ss., Фриманъ, l. c., стр. 280 сл.

ложенъ въ принципѣ. Религіозное верховенство папы, при абсолютно-монархической формѣ государственнаго устройства, неизбѣжно угрожало, какъ нами было указано выше, порабощеніемъ государя, а вмѣстѣ съ нимъ и государства. Гармоническому сосуществованію здѣсь не было мѣста, да и сами папы его отрицали, требуя для себя не равенства съ императоромъ, а господства надъ нимъ. Въ свою очередь, папство всѣми силами старается завербовать императора, въ надеждѣ, при его помощи, задушить реформацію [1]). Подобный союзъ, основанный не на общности дѣйствительно устойчивыхъ интересовъ, а на почвѣ утилитарныхъ соображеній преходящей выгоды, не могъ, конечно, быть достаточно прочнымъ и искреннимъ. При первомъ удобномъ случаѣ, Климентъ VII заключаетъ союзъ съ врагомъ императора, Францискомъ I [2]). Въ томъ же духѣ дѣйствуетъ императоръ. Въ своемъ посланіи къ сейму, Карлъ V заявляетъ себя блюстителемъ вѣры, защитникомъ католической церкви, что не мѣшаетъ ему, поссорившись съ Климентомъ VII, заключить его въ замокъ Св. Ангела и наводнить Римъ нѣмецкими ландскнехтами. Чѣмъ слабѣе папство, тѣмъ болѣе заискиваетъ оно передъ императоромъ; но слабость папы пробуждаетъ аппетиты послѣдняго. Въ такія минуты, императоръ начинаетъ слишкомъ пристально засматриваться на Италію, пробуждая подозрительность куріи. Съ другой стороны, по мѣрѣ своей реставраціи, папство, начинаетъ опять заговаривать о главенствѣ духовной власти надъ свѣтскою и уже готово вновь выступить съ прежними средневѣковыми притязаніями [3]). Успѣхамъ реформаціи, въ равной

---

[1]) На основаніи Вормскаго договора 1521 г., Левъ X отдаетъ Карлу V Миланъ и Неаполь, подъ условіемъ искорененія реформаціи; см. Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII ст., т. I, стр. 81 сл., Geffcken, Staat und Kirche, S. 221, Ланфрэ, l. c., стр. 308.

[2]) См. по этому поводу Тарле, Исторія Италіи въ новое время, стр. 52 сл.

[3]) Въ этомъ отношеніи весьма характерна извѣстная булла „Inter coetera divinae", 4 Мая 1493 г., въ которой Александръ VI „Auctoritate omnipo-

мѣрѣ, содѣйствуютъ соображенія политическаго характера. Отторженіе отъ Рима устраняло вмѣшательства Ватикана во внутреннія дѣла государства. Въ условіяхъ абсолютно-монархическаго режима, религіозный суверенитетъ папы служилъ постоянной угрозой независимости государственной власти. Ограничительные декреты соборовъ XV вѣка встрѣчаютъ, поэтому, сочувствіе среди большинства европейскихъ монарховъ. Между тѣмъ, автономія германской католической церкви, лишенная поддержки императора, была нежизнеспособна. Вѣнскій конкордатъ 1448 г., заключенный Николаемъ V съ императоромъ Фридрихомъ III, наглядно доказалъ, что опасенія князей не были лишены основанія [1]). Въ этомъ отношеніи, раздробленная на безконечное число незначительныхъ княжествъ, Германія находилась въ гораздо менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ сосѣдняя Франція, политическое единство которой, за это время, окончательно успѣло упрочиться. Съ другой стороны, лютеранство, растворившись въ народѣ, при абсолютно-монархическомъ режимѣ всецѣло подвластномъ государю, принимаетъ характеръ государствен-

---

tentis Dei nobis in beato Petro concessa, ac vicarius Jesu Christi....." даруетъ Фердинанду Арагонскому и Изабеллѣ Кастильской „omnes insulas et terras firmas inventas et inveniendas, detectas et detegendas versus..... cum omnibus illarum dominiis, civitatibus, castris, locis et villis, iuribusque et iurisdictionibus ac pertinentiis universis"; см. Mirbt, l. c., S. 107. Павелъ IV въ буллѣ „Cum ex apostolatus officio" воспроизводитъ средневѣковое ученіе о всемірной папской монархіи; см. Янусъ, l. c., стр. 421 сл. Иннокентій X, буллою „Zelo domus Dei" 20 Ноября 1648 г. кассируетъ Вестфальскій мирный договоръ (Mirbt, l. c, S. 202 ff.). Климентъ XI протестуетъ противъ принятія Бранденбургскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ III королевскаго титула (Mirbt, l. c., S. 210 ff.). О притязаніяхъ папства послѣ Тридентскаго собора см. Zorn, l. c., S. 164.

[1]) См. Lorenz, l. c, S. 250 ff., Maurenbrecher, Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit, S. 337, Gesch. der Katholischen Reformation, S. 91, Янусъ, l. c., стр. 368 сл. Ограничить автономію германской церкви Риму удалось, однако, лишь цѣною тяжелыхъ жертвъ и усилій; см. по этому поводу Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII ст., т. I, стр. 37 сл.

ной религіи и становится, тѣмъ самымъ, безопаснымъ для свѣтской власти. Помимо этого, возставая противъ Рима, князья умаляютъ самую йдею священно-римской имперіи, согласно которой, императоръ немыслимъ безъ папы, что, очевидно, совпадало съ ихъ сепаратными тенденціями къ независимости. При такихъ условіяхъ, реформація, начавшись въ народѣ, встрѣчаетъ энергичную поддержку со стороны большинства германскихъ князей. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы это движеніе было лишено религіозныхъ мотивовъ. Мы указываемъ лишь на то обстоятельство, что реформація совпадала съ интересами германскихъ князей, эмансипируя ихъ, одновременно, изъ подъ опеки папы и императора, что, въ свою очередь, не могло не содѣйствовать ея дальнѣйшимъ успѣхамъ [1]).

§ 9.

2. Св. Престолъ сохраняетъ элементы международной правоспособности.

1) Папство возстановляетъ религіозное верховенство Св. Престола. Ограниченіе авторитета послѣдняго въ пользу епископальной аристократіи вскорѣ вызываетъ реакцію. Тридентскій соборъ реставрируетъ ограниченное Констанцкимъ и Базельскимъ соборами папство. Умаленіе религіознаго верховенства куріи являлось неизбѣжнымъ результатомъ предшествующей эпохи. Одинъ лишь соборъ былъ въ состояніи возстановить нарушенное схизмою единство католической церкви. Послѣ неудачной попытки Пизанскаго, Констанцкій соборъ осуществляетъ эту трудную задачу; но зло коренилось не одномъ лишь расколѣ. Расшатанная до основанія, церковь нуждалась въ реформахъ, особенно

[1]) Опасеніе, что власть императора значительно усилится съ возстановленіемъ церковнаго единства въ Германіи, парализуетъ примирительную попытку Регенсбургскаго сейма; см. Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII ст., т. I, стр. 152 сл.

своевременныхъ, въ виду угрожающаго успѣха протестантизма. Соборъ былъ призванъ исцѣлить и очистить церковь, довести до конца то дѣло, которое столь блестяще было имъ начато. Таковы надежды, которыя на него возлагались. Вскорѣ оказалось, однако, что имъ не суждено было осуществиться:

а) Радикальная политика собора дискредитируетъ его въ глазахъ католическаго міра. Ограничивъ, принципіально, религіозное верховенство папы, соборъ не остановился на этомъ. Онъ захотѣлъ обезличить папство, низвести его до степени простого декорума. Очевидно, что папство не могло добровольно согласиться на это. Соборъ слишкомъ поспѣшилъ реализировать свою верховную власть: недовольный самостоятельнымъ поведеніемъ Евгенія IV, преемника Мартина V, Базельскій соборъ не задумался низложить папу и на его мѣсто возвести Феликса V (герцога Амедея Савойскаго). Подобный шагъ прямо удивителенъ по своей легкомысленности. Печальная эпоха раскола была еще памятна всѣмъ. Еще не успѣла остыть радость по поводу недавняго прекращенія схизмы, какъ низложеніе папы стало вновь угрожать еще горшею схизмой, и этимъ церковь была обязана собору, на который возлагались такія горячія упованія. Всеобщія симпатіи склоняются въ пользу Евгенія IV, сторону коего принимаютъ даже его недавніе враги. При такихъ условіяхъ, соборъ и его ставленникъ Феликсъ V вскорѣ принуждены уступить [1]). На этомъ завершается исторія Базельскаго собора, столь блестяще вступившаго въ свѣтъ и такъ печально окончившаго свои послѣдніе дни. 25 Апрѣля 1449 г. онъ закрывается. Утверждая свою непогрѣшимость, соборъ опрометчиво вступилъ съ папствомъ въ борьбу на такой почвѣ, гдѣ всѣ шансы на успѣхъ были на сторонѣ послѣдняго. Противъ собора ополчается не только папа, но

[1]) Послѣдній благоразумно отказывается отъ сана, а соборъ, засѣдавшій, въ это время, въ Лозаннѣ, признаетъ папою Николая V, преемника Евгенія IV; см. Pastor, l. c., Bd. I, S. 247 ff., 300.

также общественное мнѣніе и сама свѣтская власть. Акцептируя общія постановленія Базельскаго собора, Франція и Германія, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаютъ сторону Евгенія IV и его преемника Николая V [1]). Низложить папу, номинально возвести на Св. Престолъ другого, а затѣмъ отказаться отъ своего кандидата въ пользу непокорнаго папы,—значило фактически отказаться отъ самаго права низложенія папы, а слѣдовательно, и отъ верховной власти въ дѣлахъ церкви.

b) Радикальное направленіе собора обрекаетъ его на бездѣятельность. Съ самаго начала, Констанцкій и Базельскій соборы занимаютъ положеніе, несомнѣнно угрожающее не только папству, но самому бытію католической церкви. Прежде всего, собору предстояло избрать одно изъ двухъ возможныхъ направленій: ограничиться ролью чрезвычайнаго органа церкви, созваннаго „ad hoc", въ виду особыхъ, временно переживаемыхъ церковью условій, и обязаннаго, по минованіи кризиса, вручить верховную власть новому папѣ, или же провозгласить себя высшимъ, постояннымъ органомъ церкви, реальнымъ носителемъ власти, которую папство нѣкогда захватило въ свои руки, пользуясь слабостью собора. Мы видѣли выше, что соборъ остановился на послѣднемъ [2]). Въ качествѣ будто бы вселенскихъ, Констанцкій и Базельскій соборы утверждаютъ свое господство надъ папою, низводя его до степени старшаго епископа, исполнительнаго органа собора, обязаннаго повиноваться его непогрѣшимымъ декретамъ. Но, спрашивается, какимъ образомъ соборъ докажетъ свое право на верховную власть, на чемъ утвердитъ онъ свою непогрѣшимость? На прошломъ церкви, до Григорія VII и Николая I? Но почему же не обратиться къ еще болѣе отдаленной эпохѣ первыхъ вѣковъ христіанства?

---

[1]) Rocquain, l. c., t. III, p. 264 ss., Hergenröther, l. c., Bd. II, S. 722 ff. Впрочемъ, Германія нѣкоторое время сохраняла нейтралитетъ въ отношеніи обоихъ претендентовъ, что было съ ея стороны большою ошибкой; см. по этому поводу Maurenbrecher, Studien und Skizzen, S. 329.

[2]) См. Döllinger, l. c., S. 156, 462 ff. Anm. 355.

Вступивъ на почву критической оцѣнки церковнаго строя, собору трудно было бы сохранить необходимое равновѣсіе, положить предѣлъ дальнѣйшей ломкѣ католицизма. Отрицая непогрѣшимость за папою, соборъ подрывалъ устои собственной непогрѣшимости: ссылаясь на историческое прошлое церкви, онъ бралъ въ руки оружіе обоюдоострое, которое противъ него же и обратилось впослѣдствіи. Соборъ пререкался съ папой о томъ, кто долженъ быть признанъ непогрѣшимымъ; вскорѣ, лютеранство подвергло сомнѣнію непогрѣшимость самой церкви. Все сущее заражено грѣхомъ. Непогрѣшимъ одинъ лишь Богъ. Видимая церковь, соборъ, папа—все это дѣло рукъ человѣческихъ, а потому не вправѣ претендовать на безусловный авторитетъ [1]). Лютеранство лишь заканчиваетъ фразу, начальное слово которой произнесъ Констанцкій соборъ. Реставрировать церковь соборъ оказался безсильнымъ, ибо на этомъ пути католическая реформація грозила перейти въ протестантскую. При такихъ условіяхъ, соборъ былъ обреченъ на бездѣятельность [2]). Становилось очевиднымъ, что проведеніе необходимыхъ реформъ, въ лонѣ католической церкви, возможно лишь совмѣстно съ папою и по иниціативѣ послѣдняго. По мѣрѣ угрожающихъ успѣховъ протестантизма, это сознаніе все болѣе крѣпнетъ, вызывая реакцію въ пользу папства.

с) Возстановленіе Констанцкимъ и Базельскимъ соборами епископальнаго режима грозило ограничить независимость духовной власти отъ свѣтской. Гегемонія государства—неизбѣжный результатъ подчиненнаго положенія членовъ собора. При столкновеніи политическихъ интересовъ съ религіозными, мѣстное духовенство, лично и территоріально зависимое отъ государства, обязано было

---

[1]) Kahnis, l. c., Bd. I, S. 269 ff., 273.

[2]) См. по этому поводу Pastor, l. c., Bd. I, S. 153, 157, Geffcken, Staat und Kirche, S. 192 ff. Соборъ носилъ характеръ полумѣры, неспособной реформировать церковь; см. Maurenbrecher, Studien und Skizzen, S. 3 0.

отдавать предпочтеніе первымъ. Церковь была вправѣ осуществлять свою дѣятельность, лишь поскольку послѣдняя не затрагивала интересовъ государства, которое свободно опредѣляло свою компетенцію, отдавая духовной власти почетную, но скромную роль терпѣливой молчальницы. Между тѣмъ, подобная коллизія интересовъ была тѣмъ болѣе вѣроятной, что въ эту эпоху государства еще не успѣли освободиться отъ средневѣковыхъ патріархальныхъ традицій, въ силу которыхъ династическіе интересы монарха служили руководящимъ началомъ политики и самое государство еще отождествлялось съ личностью государя. Признавъ въ принципѣ непогрѣшимость собора, свѣтская власть, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикуетъ его мѣропріятія: частью принимаетъ, частью отвергаетъ послѣднія, что уже очевидно противорѣчило его непогрѣшимости. Принимая подъ свою опеку соборъ, католическія государства, одновременно съ этимъ, отстаиваютъ права Евгенія IV, низложеннаго Базельскимъ соборомъ. Словомъ, выступая въ качествѣ верховнаго судьи въ такомъ чисто религіозномъ вопросѣ, какъ порядокъ замѣщенія Св. Престола, свѣтская власть, въ сущности говоря, приписывала непогрѣшимость уже себѣ, а не собору или папѣ. Въ любой моментъ, государь могъ распустить по своему произволу почему либо нежелательный ему соборъ, а виновныхъ въ непослушаніи подвергнуть возмездію, что̀ не могло, конечно, содѣйствовать самостоятельности мѣстнаго духовенства. Наконецъ, самый порядокъ голосованія по національностямъ, принятый на Констанцкомъ соборѣ, открывалъ двери различнымъ политическимъ происканъ, чуждымъ интересамъ церкви [1]). Такимъ образомъ, совокупность различныхъ факторовъ, изъ которыхъ главнѣйшими являются: опрометчивая политика Базельскаго собора, низложеніемъ Евгенія IV едва не возбудившая схизмы, радикальное направленіе собора, обрекшее его на безплодность, и, наконецъ, неспособность собора вообще обезпечить независимость

[1]) Pastor, l. c., I'd. I, S. 157 ff.

церкви, вскорѣ вызываютъ реакцію въ пользу возстановленія папства. Угрожающіе успѣхи реформаціи, въ свою очередь, ускоряютъ процессъ централизаціи католической церкви. Непогрѣшимость собора, въ равной мѣрѣ, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, оспаривалась лютеранствомъ и папствомъ, которыя, въ этомъ вопросѣ, невольно оказались союзниками. Находясь между молотомъ и наковальней, соборъ не въ силахъ былъ упрочить своего положенія и отстоять своихъ правъ на верховенство въ дѣлахъ церкви. Уже вскорѣ послѣ закрытія Базельскаго собора, Пій II запрещаетъ апеллировать противъ папы къ собору [1]). Въ 1516 году пятый Латеранскій соборъ идетъ еще далѣе: провозглашаетъ полноту религіозной власти папы и подтверждаетъ буллу Бонифація VIII „Unam sanctam“ [2]). Католическая церковь стягивается къ Риму и собираетъ всѣ свои силы для борьбы съ реформаціей, успѣхи которой грозятъ отпаденіемъ паствы. По мѣрѣ все большаго подчиненія мѣстнаго духовенства государственной власти, церковь стремится вновь, какъ нѣкогда прежде до Григорія VII, перенести центръ тяжести церковнаго управленія въ Римъ и вручить всю полноту духовной власти папѣ, который одинъ лишь, независимый отъ государства, могъ обезпечить независимость церкви. Тридентскій соборъ 1545—1563 годовъ формулируетъ основные догматы вѣры, признаніе которыхъ, согласно „Professio fidei Tridentinae“ Пія IV 1564 г., служитъ необходимымъ условіемъ принадлежности къ католической церкви. Вопросъ объ отношеніи папской власти къ собору хотя и не былъ формулированъ, дабы не волновать умовъ, тѣмъ не менѣе Тридентскій соборъ являлся несомнѣнно шагомъ впередъ на пути къ признанію папской непогрѣшимости [3]).

---

[1]) Geffcken, Staat und Kirche, S. 192, Maurenbrecher, Gesch. der Katholischen Reformation, S. 90.

[2]) См. Hergenröther, l. c., Bd. II, S. 759, Maurenbrecher, l. c., S. 106 ff., Geffcken, l. c., S. 192, Янусъ, l. c., 386 сл.

[3]) См. Mirbt, l. c., S. 124 ff., Döllinger, l. c., S. 195 ff., Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII ст., Т. I, стр. 182 сл., 303 сл., Goyau, l. c., p.

2) Папство сохраняетъ свободу и независимость по отношенію къ государству [1]). Въ эпоху авиньонскаго плѣна, власть папы въ предѣлахъ его итальянскихъ владѣній не только не понесла ущерба, но даже, какъ это ни странно на первый взглядъ, успѣла до извѣстной степени упрочиться. Пользуясь отсутствіемъ папы, мѣстные феодальные бароны стремятся увеличить свои владѣнія на счетъ территоріи Ватикана. Возникшее на этой почвѣ соперничество ослабляетъ ихъ силы. Постоянная угроза, неожиданно попасть въ руки сосѣда, заставляетъ обращаться за помощью къ папѣ. При такихъ условіяхъ, его легату въ Римѣ удается, слѣдуя принципу „divide et impera", отстоять независимость церковной области.

Значительную услугу Св. Престолу оказалъ его союзъ съ неаполитанскими королями изъ анжуйскаго дома. Общность интересовъ связала ихъ съ папствомъ. Борьба съ аррагонской династіей, захватившей Сицилію при помощи императора, побуждаетъ ихъ примкнуть къ лагерю Гвельфовъ и горячо отстаивать интересы папской политики. Въ награду за это, Климентъ V въ 1310 г. утверждаетъ короля Роберта своимъ намѣстникомъ въ Романьѣ и графствѣ Беттинаро. Въ качествѣ викарія Св. Престола, онъ призванъ охранять его права и интересы [2]). Въ 1317 году Іоаннъ XXII вновь утверждаетъ его въ этомъ званіи и обращается къ Флоренціи и прочимъ ломбардскимъ и тосканскимъ городамъ съ требованіемъ повиноваться распоряженіямъ Роберта [3]).

146 ss., Hase, l. c., S. 362 ff., Geffcken, l. c., S. 247 ff., Zorn, l. c., S. 161 ff.

[1]) По этому поводу см. Sugenheim, l. c., S. 213 ff., Ранке, l. c., T. I, стр. 40 сл., Balbo, l. c., T. I, 265 ss., Cantù, Histoire des Italiens, T. VI, p. 163 ss., 435 ss., Ланфрэ, l. c., стр. 287 сл., Корединъ, l. c., стр. 139 сл.

[2]) „Robertus rex Siciliae grates reddit pontifici de rectoria provinciae Romandioloe et comitatus Brictinorii sibi commissa, inserta pontificis diplomate"; см. Theiner, Codex diplomaticus, T. I, № 608, p. 435.

[3]) „Pontifex regi Siciliae vicariatum Italiae, vacante imperio, a Clemente P. P. V concessum confirmat, inserta eiusdem Clementis bulla"; см. Theiner, l. c., T. I, № 637, p. 471.

Особенно содѣйствуетъ папѣ, какъ это было и прежде, во времена Александра III, союзъ Ватикана съ ломбардскими городами. Опираясь на ихъ поддержку, Климентъ V вступаетъ въ борьбу съ могущественной Венеціей и открываетъ противъ нея настоящій крестовый походъ [1]). Подъ знаменами папскаго легата Пелагруа собираются дружины Болоньи, Виченцы, Падуи и прочихъ городовъ сѣверной и средней Италіи. Венеція принуждена уступить папѣ Феррару и уплатить 100,000 дукатовъ за снятіе интердикта [2]). При Іоаннѣ XXII, многіе итальянскіе города: Пьяченца, Парма и Реджіо въ 1322 г., Болонья въ 1327 г., изгнавъ своихъ князей, добровольно подчиняются Ватикану. Во имя освобожденія Ломбардіи отъ „тирановъ", сторону папы принимаютъ также Флоренція, Падуя, Брешія и Тревизо.

Гораздо тяжелѣе отразилась на свѣтской власти папства послѣдующая эпоха раскола, что́, въ свою очередь, являлось неизбѣжнымъ результатомъ соперничества различныхъ претендентовъ на Св. Престолъ. Въ эту эпоху, любой авантюристъ, захвативший въ свои руки клочокъ папской территоріи, могъ, съ успѣхомъ, расчитывать, передавшись на сторону авиньонскаго папы, получить легальный титулъ на дальнѣйшее владѣніе землею. Нуждаясь въ средствахъ, папамъ приходилось закладывать свои земли вассаламъ, отдавать ихъ въ чужія руки, не надѣясь получить ихъ обратно. Тѣмъ не менѣе, эта смутная, въ исторіи папства, эпоха является преходящей. Возстановленіе нарушеннаго схизмою церковнаго единства влечетъ за собой упроченіе свѣтской власти папы въ Италіи,

---

[1]) „Regibus Siciliae, Aragonum, Lusitaniae et Trinacriae, ut Venetorum ausus temerarios contra Ferrarienses reprimant, eorum naves et bona apud ipsos capi faciant, et portus regnorum suorum Venetis claudant"; см. Theiner, l. c., T. I, № 594, p. 412. „Cesenatibus, Cerviensibus, Ravennatibus etc., ut Venetorum naves eorumque merces et bona ad ipsorum portus accedentes capi faciant, quia Veneti civitatem Ferrariensem invaserant"; ibid., № 595, p 414.

[2]) „De reditu civitatis Ferriarae ad sedis apostolicae obedientiam et iurisdictionem eiusque privilegiorum confirmatione"; ibid., № 600, p. 419.

чему значительно способствуетъ политика Мартина V, Николая V, Пія II, Сикста IV и Александра VI.

3. Развитію международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній церкви и государства препятствуетъ абсолютно-монархическая форма государственнаго устройства.

1) Тридентскій соборъ доказалъ устойчивость религіознаго верховенства Св. Престола. Неудачная попытка Констанцкаго и Базельскаго соборовъ расчленить западную церковь на совокупность автономныхъ, по отношенію къ Риму, единицъ, зависимыхъ лишь отъ собора, учрежденія, для государства вполнѣ безопаснаго,—приводитъ къ пятому Латеранскому и Тридентскому соборамъ, осудившимъ радикальное направленіе предшествующихъ соборовъ XV вѣка. Ограниченіе религіозной власти папы авторитетомъ собора оказалось неосуществимымъ съ католической точки зрѣнія.

2) Въ условіяхъ абсолютно-монархической, патріархальной формы государственнаго устройства, религіозное верховенство Св. Престола угрожаетъ независимости государства. Мы видѣли выше, что господство духовной власти надъ свѣтскою обусловливалось взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: религіознаго верховенства папы, съ одной стороны, и абсолютно-монархической конструкціи государства—съ другой. Въ эпоху схизмы и, слѣдующаго за нею, кратковременнаго оживленія епископата, государства успѣваютъ эмансипироваться изъ подъ опеки папства, благодаря устраненію перваго фактора. Вскорѣ, однако, реставрація папства, возстановляя оба указанныхъ фактора, вновь угрожаетъ независимости свѣтской власти.

3) Угроза со стороны Св. Престола, нарушая равноправность обѣихъ властей, духовной и свѣтской, препятствуетъ развитію международно-правовой

конструкціи взаимныхъ отношеній церкви и государства. Замѣна абсолютно-монархическаго государственнаго устройства конституціоннымъ—дѣло еще далекаго будущаго. При такихъ условіяхъ, католическіе государи, не имѣя возможности ограничить авторитетъ Св. Престола въ порядкѣ исключительно религіознаго процесса, стремятся обезпечить свою независимость отъ Рима, воздвигая между папой и помѣстною церковью авторитетъ государственной власти. Послѣ Тридентскаго собора, ссылка на Базельскій недостаточно убѣдительна; вотъ почему они игнорируютъ постановленія перваго, дѣлая видъ, какъ будто событія 1545—1563 гг. прошли безслѣдно въ исторіи католической церкви [1]). Не имѣя возможности обособить мѣстную церковь отъ Рима границами религіозными, свѣтская власть пользуется для этого политическимъ рубежомъ, забывая, что въ дѣлахъ вѣры никакія внѣшнія, территоріальныя преграды немыслимы. Возстановленная Вѣнскимъ конкордатомъ 1448 г., зависимость германской церкви отъ Рима парализуется прерогативой монарха, созданной актами Аугсбургскаго мира 1555 г. и Вестфальскаго трактата 1648 г. Принципъ „cuius regio, eius religio", въ одинаковой мѣрѣ относящійся къ протестантской и католической церквамъ, утверждаетъ духовный авторитетъ государя въ вопросахъ вѣры, признавая за нимъ право опредѣленія религіозныхъ убѣжденій подданныхъ. Реформація повлекла за собою отпаденіе ряда государствъ отъ католической церкви, и хотя, вскорѣ наступившая, реакція остановила это движеніе, но католическіе государи уже не хотятъ переносить на себѣ гегемоніи папства. Въ 1438 году Карлъ VII издаетъ свою прагматическую санкцію, которою обезпечивается независимость галликанской церкви отъ Рима. Тщетно Евгеній IV, Николай V, Калликстъ III и Пій II добиваются ея отмѣны. Воспитанное въ духѣ Базельскаго со-

[1]) За исключеніемъ Австріи, Польши и Португаліи, ни одно католическое государство не приняло Тридентскаго собора, не подвергнувъ его существеннымъ ограниченіямъ; см. Goyau, l. c., p. 151.

бора, мѣстное духовенство поддерживаетъ притязанія государя [1]).

Подобная гегемонія государя надъ мѣстною церковью, вопреки Тридентскому собору, несочувствовавшему религіозной автономіи національныхъ церквей, развивается вплоть до паденія стараго режима и провозглашенія парламентаризма, благодаря которому идея папскаго примата перестаетъ угрожать государственной независимости.

Такимъ образомъ, развитіе международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній церкви и государства характеризуется, въ данную эпоху, слѣдующими началами:

1) Стремленіе къ всемірному господству пагубно отражается на нравственномъ уровнѣ папства.

2) Нравственный упадокъ папства умаляетъ его независимость по отношенію къ государству.

3) Политическая зависимость папства приводитъ къ великой католической схизмѣ.

4) Великая католическая схизма умаляетъ религіозно-нравственный авторитетъ папства.

5) Умаленіе религіозно-нравственнаго авторитета папства влечетъ за собой ограничительныя постановленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ въ духѣ епископально-аристократическаго режима. Возстановленіе послѣдняго, въ связи съ реформаціей, эмансипируетъ государства изъ подъ опеки папства, слабость котораго принуждаетъ его искать поддержки у свѣтской власти, что, въ свою очередь, возвышаетъ значеніе послѣдней.

I. При такихъ условіяхъ, государства пріобрѣтаютъ элементы международной правоспособности по отношенію къ Св. Престолу.

---

[1]) См. „Declaratio cleri Gallicani“ 1682 г. (Mirbt, l. c., S. 209 ff.). — Подобной же политики придерживался Іосифъ II, который разыгрывалъ изъ себя настоящаго папу; см. Ранке, Римскіе папы въ послѣднія четыре столѣтія, Т. II, стр. 442 сл., Римскіе папы въ XVI и XVII ст., Т. III, стр. 413, Geffcken, Die Völkerrechtliche Stellung des Papstes (Holtzendorff's Handb. des Völkerrechts, Bd. II, S. 215).

1) Радикальная политика собора дискредитируетъ его въ глазахъ католическаго міра.

2) Радикальное направленіе собора обрекаетъ его на бездѣятельность.

3) Возстановленіе соборомъ епископальнаго режима угрожаетъ независимости духовной власти отъ свѣтской.

4) При такихъ условіяхъ, въ католической церкви возникаетъ реакція въ пользу возстановленія религіознаго верховенства Св. Престола.

5) Пережитыя папствомъ невзгоды не лишаютъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободы и независимости. Ergo:

II. Св. Престолъ сохраняетъ элементы международной правоспособности—суверенитетъ, свободу и независимость—въ отношеніи къ государству.

1) Тридентскій соборъ доказалъ устойчивость религіознаго, верховенства папства.

2) Религіозное верховенство папства, въ условіяхъ абсолютно-монархическаго, патріархальнаго строя угрожаетъ независимости свѣтской власти.

3) Угроза со стороны св. Престола, нарушая равноправность обѣихъ властей, духовной и свѣтской, препятствуетъ развитію международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній церкви и государства. Ergo:

III. Развитію международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній церкви и государства препятствуетъ абсолютно-монархическая, патріархальная форма государственнаго устройства.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Со времени Французской революціи 1789 года до паденія церковнаго государства 20 сентября 1870 г.

§ 10.

Характеристика.

I) Французская революція 1789 г., провозглашая идею народной свободы, эмансипируетъ католическія государства изъ-подъ опеки папства.

2) Идея народной свободы влечетъ за собою паденіе церковнаго государства.

3) Паденіе церковнаго государства, возвышая авторитетъ св. Престола, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ за папствомъ элементы международной правоспособности.

1. Французская революція 1789 г., провозглашая идею народной свободы, эмансипируетъ католическія государства изъ-подъ опеки папства.

1) Центробѣжная, по отношенію къ Риму, политика католическихъ государей способствуетъ развитію религіознаго индифферентизма. Начиная съ XVI вѣка, въ исторіи западной церкви замѣчается странное явленіе:

католицизмъ уклоняется отъ радикальнаго направленія Констанцкаго и Базельскаго соборовъ, развивается въ духѣ возстановленія религіознаго авторитета папы, утверждая церковный строй на началахъ централизаціи и подчиненія Риму. Одновременно съ этимъ, католическіе государи и населеніе, отчасти и мѣстное духовенство, принимаютъ діаметрально противоположное направленіе, провозглашая автономію національной церкви. Происходитъ столкновеніе двухъ теченій,—идея государственной независимости коллидируетъ съ идеей независимости церкви отъ свѣтскаго меча. Подобное столкновеніе было вполнѣ понятнымъ и неизбѣжнымъ, поскольку, съ одной стороны, религіозное верховенство папы, при абсолютно-монархической формѣ государственнаго устройства, угрожало господствомъ духовной власти надъ свѣтскою, а съ другой—конструкція церкви на началахъ епископальной аристократіи грозила господствомъ свѣтской власти надъ церковью. Въ XV вѣкѣ католическіе государи стремятся утвердить автономію мѣстной церкви, опираясь на декреты Констанцкаго и Базельскаго соборовъ—попытка, потерпѣвшая, на практикѣ, неудачу. Начиная съ XVI в., политика государей существенно измѣняется: обезпечить автономію мѣстной церкви, а съ нею и независимость государства по отношенію къ Риму, призванъ территоріальный законъ, а не церковный канонъ, какъ это было въ предшествующую эпоху. Оставаясь въ лонѣ западной церкви, нельзя было, однако, совершенно отрицать Тридентскаго собора, хотя консервативное направленіе послѣдняго, возстановляя религіозный авторитетъ папы, угрожало независимости государства отъ церкви. Вотъ почему государи, хотя и признаютъ каноническій характеръ Тридентскаго собора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускаютъ обнародованія его декретовъ, замыкая передъ ними границы своей территоріи. Признаніе духовнаго авторитета папы, при одновременномъ отрицаніи логически вытекающихъ изъ него выводовъ, неизбѣжно грозило наступленіемъ религіознаго кризиса, который долженъ былъ завершиться, альтернативно, отторженіемъ отъ католической

церкви или же замѣною абсолютнаго государственнаго режима конституціоннымъ. Средній путь, избранный Франціей, замыкалъ галликанскую церковь въ бездушную форму государственнаго культа, лишеннаго всякой жизнеспособности; низводя духовную власть до степени внѣшняго декорума, онъ неизбѣжно долженъ былъ привести къ религіозному индифферентизму, какъ это и случилось въ дѣйствительности.

2) Развитіе религіознаго индифферентизма облегчаетъ революціи 1789 г. нисповерженіе абсолютно-монархическаго строя. Причины, повлекшія за собой первую французскую революцію, въ настоящее время уже достаточно изслѣдованы, а потому мы не считаемъ нужнымъ на нихъ останавливаться. Идея народной свободы, нѣкогда послужившая опорою трону въ его борьбѣ съ папствомъ, обратилась, въ эту эпоху, противъ монарха. По мѣрѣ развитія религіознаго безразличія, въ которомъ значительную роль играло указанное нами выше ненормальное отношеніе государства къ церкви, блекнетъ, въ глазахъ населенія, ореолъ священной личности монарха, какъ помазанника Божія, колеблется идея неприкосновенности его прерогативъ, и все настойчивѣе раздаются требованія подданныхъ, захотѣвшихъ сдѣлаться гражданами [1]). Религіозный индифферентизмъ, не будучи причиною революціи, значительно облегчалъ успѣхи послѣдней, умаляя религіозный авторитетъ государя.

3) Провозглашеніе парламентскаго режима эмансипируетъ католическія государства изъ-подъ опеки папства. Въ эпоху стараго режима, до французской революціи 1789 г., независимость государства по отношенію къ Риму обусловливалась умаленіемъ религіознаго верховенства папы. При такихъ условіяхъ, взаимное отношеніе обѣихъ

---

[1]) Относительно религіознаго настроенія Франціи въ эту эпоху, въ связи съ паденіемъ авторитета абсолютно-монархической власти, см. Rocquain, l'Esprit révolutionnaire avant la révolution 1715—1789, p 81 ss., 269 ss., 278 ss., 312 ss., Lanfrey, Essai sur la révolution française, p. 45 ss, 309 ss., Ранке, Римскіе папы въ послѣднія четыре столѣтія, Т. II, стр. 444 сл.. Nielsen, Gesch. des Papstthums im neunzehnten Jahrhundert, S. 1 ff.

властей, духовной и свѣтской, было чуждо идеѣ равенства, внѣ которой международно-правовая конструкція вообще немыслима. Церковь стремилась господствовать надъ государствомъ и дѣйствительно угрожала ему: притязанія папства въ условіяхъ абсолютно-монархическаго, патріархальнаго строя, были логически обоснованы. Въ свою очередь, государство стремилось господствовать надъ церковью, и его притязанія были также логически обоснованы въ условіяхъ епископальнаго режима. Такимъ образомъ, становилась неизбѣжной борьба, при которой равенство между государствомъ и церковью являлось лишь переходнымъ моментомъ отъ господства къ подчиненію, и обратно. Мы видѣли выше, что государство было обязано освобожденіемъ изъ-подъ опеки Рима пробужденію національнаго самосознанія въ народѣ, съ одной стороны, и разложенію папства,—съ другой; послѣднее было, однако, лишь временнымъ. Вскорѣ, папство возстановляетъ авторитетъ Св. Престола и вновь угрожаетъ господствомъ надъ свѣтскою властью. Такимъ образомъ, создавался какъ бы заколдованный кругъ, изъ котораго было только два выхода:

а) переустройство церкви, возможное, при этомъ, въ двоякомъ отношеніи: формальномъ—ограниченіе власти папы авторитетомъ государя (то, чего добивалось галликанство), и матеріальномъ—измѣненіе догматовъ вѣры (къ чему пришла реформація);

в) переустройство государства посредствомъ замѣны абсолютнаго режима конституціоннымъ. Отдѣленіе идеальнаго носителя государственнаго суверенитета отъ реальнаго являлось необходимымъ условіемъ окончательной эмансипаціи свѣтской власти изъ-подъ опеки главы католической церкви для государствъ, оставшихся въ лонѣ послѣдней, что, въ свою очередь, обусловливалось торжествомъ конституціонныхъ началъ (см. выше).

2. Идея народной свободы влечетъ за собою паденіе церковнаго государства.

1) Идея народной свободы вызываетъ на очередь итальянскій вопросъ.

а) Народная (конституціонная) свобода въ Италіи обусловливалась ея политической независимостью. Начиная съ конца XVIII вѣка до 60-хъ годовъ XIX, независимость Италіи послѣдовательно ограничивалась двумя великими державами: Франціей, въ эпоху Наполеоновской диктатуры, и Австріей, со времени Вѣнскаго конгресса 1815 г. За это долгое время, итальянскій народъ успѣлъ убѣдиться наглядно, что достиженіе конституціонныхъ гарантій обусловливалось предварительнымъ освобожденіемъ отечества отъ иноземнаго ига. Оккупація Италіи французскою арміей повлекла за собой образованіе, въ предѣлахъ Апеннинскаго полуострова, различныхъ республикъ, недолговѣчныхъ по времени и независимыхъ лишь номинально [1]). Таковы лигурійская, партенопейская и римская республики; циспаданская конфедерація, вскорѣ соединившаяся съ цизальпинской республикой и затѣмъ переименованная въ итальянскую. Республиканское устройство Италіи, будучи фиктивнымъ, не могло обезпечить народу дѣйствительно свободнаго участія въ политической жизни страны, которой неограниченно распоряжалась сосѣдняя Франція. Декретомъ 1797 г. Модена и Реджіо отходятъ къ цизальпинской республикѣ. Взамѣнъ уступленныхъ городовъ, циспаданская конфедерація получаетъ Романью. На основаніи Кампоформійскаго мира [2]), обѣ республики соединяются въ одну, устройство которой учреждается по образцу

[1]) См. Botta, Storia d'Italia dal 1789 al 1814, Cantù, Histoire des Italiens, T. XI, p. 91, 107, 111, Lanfrey, Histoire de Napoléon I, T. I, p. 159 ss., Brosch, l. c., Bd. II, S. 202 ss., Marmonier, L'Italie de 1789 à 1815 (L'Italie, éd. Larousse), p. 113 ss.. Тарле, l. c, стр. 114 сл., 120 сл.

[2]) De Clercq, Recueil des Traités de la France T. I, p. 335 ss.

французской. Оккупаціонный корпусъ въ 25.000 человѣкъ занимаетъ ея территорію. Всѣ укрѣпленія республики переходятъ въ руки Франціи. Въ 1802 году цизальпинская республика переименовывается въ итальянскую, что не измѣняетъ ея подчиненнаго положенія. Наполеонъ заставляетъ избрать себя президентомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Морескальки долженъ находиться при немъ, въ Парижѣ. Мельци, въ качествѣ вице-президента, остается въ Италіи; ему поручается управленіе внутренними дѣлами республики, но подъ надзоромъ генерала Мюрата. Въ такомъ же положеніи находится римская республика. Въ 1798 г., послѣ взятія Рима генераломъ Бертье и ареста Пія VI, народное правленіе переходитъ въ руки двухъ палатъ—сената и трибуната—и пяти консуловъ, призванныхъ къ осуществленію исполнительной власти. Территорія римской республики раздѣляется, по французскому образцу, на 8 департаментовъ, въ свою очередь подраздѣленныхъ на кантоны. Словомъ, какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу Брошъ [1]), римская республика напоминала скорѣе французскую военную колонію, чѣмъ независимое государство. Подъ видомъ свободы, господствуетъ иностранная диктатура. Народныя богатства, античные памятники, высокія произведенія искусства, драгоцѣнные манускрипты, словомъ, лучшія сокровища Италіи служатъ предметомъ самаго безстыднаго хищенія со стороны французскихъ агентовъ. Такова судьба народной свободы въ эпоху республиканскаго владычества Франціи [2]). Вскорѣ наступившій наполеоновскій періодъ влечетъ за собой еще большую зависимость Италіи [3]). Въ 1805 году Наполеонъ императоръ

---

[1]) Brosch, l. c., Bd. II, S. 219.

[2]) Reuchlin, Gesch. Italiens von der Gründung der Regierenden Dynastien bis zur Gegenwart, Bd. I, S. 22 ff., Lanfrey, l. c., T. I, S. 83 ss., 118 ss., 168, Cantù, l. c., T. XI, p. 70 ss., 102 ss.. 111, Botta, l. c. Надлеръ, Лекціи по исторіи франц. революціи и имперіи, стр. 114, 119 сл., Тарле, l. c., стр. 107 сл.

[3]) См. Эли Соренъ, Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора Эммануила (перев. съ франц.), стр. 1 сл.

создаетъ итальянское королевство, а себя провозглашаетъ его главою. Королевства и княжества, какъ прежнія, такъ и вновь основанныя, призваны обезпечить судьбу семьи и ближайшихъ сотрудниковъ Бонапарта. Шёнбрунскимъ декретомъ 17 мая 1809 г., Римъ объявляется имперскимъ городомъ. Остатки папской территоріи присоединяются къ владѣніямъ Франціи [1]). Наполеонъ императоръ лишь довершаетъ окончательное порабощеніе страны, которая и раньше управлялась въ интересахъ сосѣда.

Съ паденіемъ Наполеона, французская гегемонія смѣнилась австрійской. Почти вся сѣверная половина Италіи переходитъ къ Австрійской имперіи [2]). Такимъ образомъ, наиболѣе населенная и богатая часть Италіи становится въ непосредственную зависимость отъ монархіи Габсбурговъ. Помимо этого, политическое вліяніе, вѣрнѣе, господство послѣдней распространяется на всю центральную область Апеннинскаго полуострова [3]). Австрійская гегемонія служила непреодолимой преградой развитію народной свободы въ Италіи [4]). Строгій блюститель завѣтовъ стараго режима, Австрія стремилась силой штыковъ вытравить сѣмя свободы, глубоко запавшее въ народныя массы со времени событій 1789 г. Не только въ предѣлахъ Ломбардо-Венеціанской области, но также и въ прочихъ мѣстностяхъ Италіи, надъ которыми тяготѣла реакціонная политика Австріи, упроченіе конституціоннаго строя было немыслимо. За спиною итальянскихъ государей, ревниво оберегавшихъ прерогативы абсолютно-

---

[1]) Brosch, l. c., Bd. II, S. 263, Надлеръ, l. c., стр. 170.

[2]) Ст. 93 и сл. Акта Вѣнскаго конгресса 1815 г., см. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ. Т. III, №№ 79—96.

[3]) Beaumont, Histoire des États Italiens depuis le congrès de Vienne, p. 1 ss., Geffcken, Die völkerrechtliche Stellung des Papstes (Holtzendorff's Handb. des Völkerrechts, Bd. II, S. 161), Сеньобосъ, Политическая исторія современной Европы (перев. съ франц.), Т. I, стр. 231.

[4]) Эли Соренъ, l. c., стр. 27 сл., Больтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи (перев. съ англійск.), Т. I, стр. 3, 226, 360 сл., Тарле, l. c., стр. 137 сл.

монархической власти, стояла на стражѣ монархія Габсбурговъ, всегда готовая поддержать ихъ вооруженною силой въ тѣхъ случаяхъ, когда народной партіи удавалось взять верхъ надъ правительствомъ [1]). Вдохновляемый Меттернихомъ, Священный союзъ признавалъ своимъ долгомъ искоренять повсюду малѣйшія проявленія народной свободы. Въ 1820 году революція въ Неаполѣ принуждаетъ Фердинанда IV подписать конституцію. 1-го Октября торжественно открывается новый парламентъ, но торжество кратковременно. Слухъ о народныхъ волненіяхъ собираетъ представителей Австріи, Пруссіи и Россіи на конгрессъ въ Троппау, а въ слѣдующемъ 1821 году въ Лайбахѣ, для обсужденія общихъ мѣръ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ [2]). Фердинандъ IV, пользуясь приглашеніемъ участвовать на конгрессѣ, спѣшитъ отречься отъ данной имъ народу присяги. По порученію союзниковъ, австрійскія войска занимаютъ Неаполь и уничтожаютъ конституцію. При помощи той же Австріи, подавляются народныя волненія въ Сардиніи. Въ 1830 году Іюльская революція во Франціи отразилась рядомъ возстаній въ Италіи [3]). Въ Моденѣ и Пармѣ народъ низповергаетъ правительство, но Австрія возстановляетъ порядокъ. Населеніе папской области не остается равнодушнымъ къ дѣлу народной свободы, но вмѣшательство Австріи подавляетъ волненія. Словомъ, пока въ Италіи господствуетъ иноземная власть, французская или австрійская, республиканская или же монархическая,—безразлично, автономія народа не могла быть достаточно обезпечена.

b) Политическая независимость Италіи обусловливалась объединеніемъ послѣдней. Въ эпоху австрійскаго владычества, торжество конституціонной свободы было

---

[1]) Soria, Hist. Générale de l'Italie de 1846 à 1850, T. I, p. 13.

[2]) См. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, T. IV, ч. 1, №№ 122, 123.

[3]) См. Cantù, l. c., T. XI, p. 325 ss., Reuchlin, l. c., Bd. I, S. 226 ff., Beaumont, l. c., p. 136 ss., Brosch, l. c., Bd. II, S. 337 ff., Эли Соренъ, l. c., стр. 96 сл., Больтонъ Кингъ, l. c., T. I, стр. 135 сл., Сеньобосъ, l. c., T. I, стр. 234 сл.

немыслимо. Народъ не въ силахъ былъ сломить сопротивленія правительства, которое въ любой моментъ могло воспользоваться услугами австрійской имперіи. Не легко было, однако, освободиться отъ иноземнаго ига. Въ этомъ дѣлѣ, дальнѣйшій успѣхъ прежде всего зависѣлъ отъ солидарности самого населенія. Освобожденію Италіи должно было предшествовать объединеніе народа и, въ свою очередь, объединеніе внѣшнее, политическое могло наступить не ранѣе внутренняго, органическаго сплоченія народныхъ массъ въ одно компактное цѣлое. Постоянныя стычки съ правительствомъ, неудачныя съ точки зрѣнія ближайшаго результата, послужили, однако, выдающимся факторомъ въ дѣлѣ постепеннаго сліянія разобщенныхъ доселѣ составныхъ частей итальянской націи. Многочисленныя революціонныя общества, выростая одно за другимъ, вскорѣ охватываютъ невидимой сѣтью весь полуостровъ [1]), постепенно подтачивая искусственныя границы итальянскихъ монархій. Политически раздробленная на поверхности, Италія, въ нижнихъ слояхъ народныхъ массъ, уже сливается въ одно цѣлое; совершается великая подготовительная работа объединенія. Чѣмъ энергичнѣе принимается правительство искоренять сѣмя свободы, тѣмъ глубже оно уходитъ въ почву. Дѣло свободы, руководимое такими главарями пропаганды какъ Мадзини [2]), становится все болѣе популярнымъ, народнымъ, постепенно захватывая всѣ слои общества. Если итальянскіе

[1]) Относительно дѣятельности карбонаріевъ, франкъ-масоновъ и проч. тайныхъ обществъ см. Zaccone, Hist. des sociétés secrètes politiques et religieuses, Cantù, l. c., T. XI, p. 288 ss., 347 ss., Beaumont, l. c., p. 21 ss. Особеннаго вниманія заслуживаетъ основанное въ Марселѣ въ 1831 г., по иниціативѣ Мадзини и при участіи Бьянко и Санти, итальянское революціонное общество, подъ названіемъ „Молодая Италія“, издававшее спеціальный органъ того же имени; см. Simoni, Mazzini, Histoire des conspirations Mazziniennes, Soria, l. c., T. I, p. 36, Brosch, l. c., Bd. II, S. 300, Cantù, l. c., T. XI, p. 362 ss., T. XII, p. 111 ss., Сеньобосъ, l. c., T. I., стр. 235 сл., Элли Соренъ, l. c., стр. 118 сл., Больтонъ Кингъ, l. c., T. I, стр. 145 сл., Тарле, l. c., стр. 158 сл.

[2]) См. Simoni, Mazzini, Hist. des conspirations. Mazziniennes.

государи, пользуясь поддержкою Австріи, сознаютъ себя солидарными въ борьбѣ съ непокорными подданными, — аналогичное движеніе замѣчается и въ народѣ, который также сознаетъ себя солидарнымъ въ борьбѣ съ правительствомъ.

2) Итальянскій вопросъ, органически связанный съ народной свободой, угрожаетъ папской монархіи.

а) Идея народной свободы влечетъ за собой оккупацію Рима французскими войсками въ эпоху первой республики и имперіи. Расшатанный въ своихъ основахъ радикальнымъ направленіемъ XVIII вѣка, „старый порядокъ" былъ наканунѣ совершеннаго разложенія. Вскорѣ послѣ событій 1789 г., Европа разбивается на два лагеря: съ одной стороны, группируется коалиція великихъ державъ—оплотъ легитимизма; съ другой—изолируется революціонная Франція. При такихъ условіяхъ, папа, искренно сочувствовавшій интересамъ союзниковъ, поскольку идея народной свободы угрожала его духовной власти (см. ниже), не въ силахъ былъ сохранить нейтральнаго положенія, несмотря на боязнь возстановить противъ себя опаснаго сосѣда [1]). Мы знаемъ, что судьба рѣшила борьбу съ коалиціей въ пользу французской республики. Въ качествѣ итальянскаго государя, папѣ пришлось испытать на себѣ всѣ превратности, которыя достались на долю его ближайшихъ сосѣдей. Въ 1791 году французское національное собраніе декретируетъ присоединеніе Авиньона, уже ранѣе, фактически, къ ней перешедшаго, по желанію возставшаго населенія. Вскорѣ послѣ событій 1789 г., вплоть до паденія Наполеона, папская монархія вычеркивается изъ списка независимыхъ государствъ. Убійство римскою чернью секретаря французскаго посольства Бассевиля служитъ Наполеону предлогомъ вторженія въ папскую область. Въ Іюнѣ 1796 года онъ занимаетъ Болонью и, вслѣдъ

[1]) Ранке, Римскіе папы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, Т. III, стр 419 сл., Римскіе папы въ послѣднія четыре столѣтія, Т. II, стр. 446, Brosch, l. c., Bd. II, S. 178 ff.

за нею, Феррару, Равенну, Имолу и Фаэнцу. Рѣшительныя побѣды французскихъ войскъ принуждаютъ курію къ заключенію перемирія въ Болоньѣ 23 Іюня того же года [1]). Вскорѣ, однако, вооруженныя дѣйствія возобновляются, но съ тѣмъ же неуспѣхомъ для папы. Капитуляція Мантуи и пораженіе при Кастельболоньезе приводятъ къ Толентинскому договору 19 Февраля 1797 г. [2]). Болонья, Феррара и Романья, вмѣстѣ съ легаціями, переходятъ къ Франціи. Пій VI отрекается отъ своихъ правъ на Авиньонъ и Венессенъ и обязуется распустить милицію. Крупная контрибуція, матеріальное обезпеченіе семьи убитаго Бассевиля и, наконецъ, выдача различныхъ цѣнныхъ рукописей и произведеній искусства дополняютъ тяжелыя обязательства Св. Престола. Словомъ, — какъ справедливо выразился генералъ Бонапартъ въ своемъ докладѣ Директоріи, по поводу заключенія мира, — дальнѣйшее существованіе папскаго государства въ условіяхъ Толентинскаго договора являлось немыслимымъ. Вскорѣ, убійство генерала Дюфо служитъ Франціи новымъ предлогомъ возобновленія военныхъ дѣйствій. Согласно инструкціи Наполеона, генералъ Бертье въ Февралѣ 1798 г. занимаетъРимъ. Пій VI, подъ конвоемъ, препровождается на границу; нѣкоторое время онъ принужденъ скрываться въ Тосканѣ, а затѣмъ, послѣ взятія послѣдней французскими войсками, умираетъ въ 1799 году плѣнникомъ въ Валенсіи [3]).

Годъ спустя послѣ смерти Пія VI, его преемникъ Пій VII, соединенными усиліями австрійскихъ и неаполитанскихъ войскъ, вновь водворяется въ Римѣ; но реставрація церковнаго государства длится недолго. Въ 1808 году генералъ Міолли, по приказу Наполеона, теперь уже императора, окку-

---

[1]) См. Clercq, Recueil des Traités de la France, T. I, p. 276.

[2]) См. Clercq, l. c., T. I, p. 313 ss., Nielsen, l. c., 34, Lanfrey, Histoire de Napoléon I, T. I, p. 212 ss., Cantù, l. c. T. XI, p. 75, Botta, l. c., II, p. 168 s., Brosch, Bd. II, S. 201.

[3]) Nielsen, l. c., S. 37.

пируетъ Римъ. Декретомъ 17 Мая 1809 года свѣтская власть папы объявляется прекратившейся. Угроза отлученіемъ Наполеона отъ церкви приводитъ къ аресту Пія VII въ ночь съ 5 на 6 Іюля того же года [1]).

Такимъ образомъ, разложеніе папской монархіи въ періодъ со времени французской революціи до паденія Наполеона являлась, въ цѣпи причинностей, неизбѣжнымъ результатомъ событій 1789 г., первымъ изъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя еще не разъ пришлось пережить впослѣдствіи папству. Торжество легитимизма на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г., возстановляя церковное государство въ его прежнихъ границахъ до Толентинскаго договора [2]), не могло предотвратьи дальнѣйшей коллизіи папства съ народной свободой. Кризисъ принималъ все болѣе угрожающіе размѣры. Гибель папской монархіи была неминуемой.

b) Идея народной свободы угрожаетъ абсолютному строю папской монархіи. Вторгаясь на иностранную территорію, французскія революціонныя войска возвѣщали народамъ свободу. Завоевательный походъ облекался въ форму политической пропаганды. Въ Италіи вообще и, въ частности, въ предѣлахъ папской области сѣмя свободы упало на тучную почву [3]). Организуются, понятно тайно отъ правительства, различные политическіе клубы, по образцу французскихъ. Съ удивительной быстротой, они распространяются по всей Италіи, возбуждая революціонное настроеніе въ народѣ. Уже въ 1792 году папскій легатъ въ Феррарѣ при-

---

[1]) Cantù, l. c., T. XI, p. 213 ss.

[2]) Ст. 103 Акта Вѣнскаго конгресса 1815 г., см. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, Т. III, стр. 306.

[3]) По этому поводу см. Soria, Histoire générale de l'Italie de 1846 à 1850, T. I, p. 26 ss., T. II, p. 254 ss., Botta, l. c., II, p. 473 s., Beaumont, l. c., p. 118 ss., 138 ss., Brosch, l. c., Bd. II, S. 193 ff., 211 ff., 337 ff., Nielsen, l. c., S. 31 ff., 276 ff., Cantù, l. c., T. XI, p. 353 ss., 367 ss., Сеньобосъ, l. c., T. I, стр. 231 сл., Эли Соренъ, l. c., стр. 101 сл., Больтонъ Кингъ, l. c., T. I, стр. 133 сл., Тарле, l. c., стр. 118 сл.

нужденъ прибѣгнуть къ многочисленнымъ арестамъ, особенно среди молодежи. Два года спустя, заговоръ Цамбони въ Болоньѣ служитъ тревожнымъ симптомомъ наступающаго смутнаго времени. Въ самомъ Римѣ положеніе папства было крайне непрочнымъ. Начиная съ 1794 года, симпатіи населенія рѣшительно склоняются на сторону Франціи. Въ 1797 году республиканская партія дѣлаетъ попытку свергнуть правительство. Мы видѣли выше, что случайное убійство генерала Дюфо, залпомъ папской пѣхоты, во время уличныхъ безпорядковъ, послужило Наполеону предлогомъ оккупировать Римъ. 15 Февраля 1798 года, спустя пять дней послѣ прибытія арміи генерала Бертье, Римъ охваченъ возстаніемъ. Собравшись на форумѣ, народъ провозглашаетъ республику. Семь консуловъ, тотчасъ же избранныхъ, представляютъ временное правительство. Какъ извѣстно, судьба юной республики оказалась недолговѣчной. Въ эту эпоху, народу не суждено еще было добиться конституціонной свободы, но все же его усилія не пропали безслѣдно. Паденіе Наполеона не возстановило основъ стараго порядка; сохранилась лишь внѣшняя форма, декорумъ легитимизма [1]).

Реставрація папства на Вѣнскомъ конгрессѣ не разрѣшила революціоннаго кризиса. Въ 1830 году отголоски Іюльской революціи вызываютъ рядъ аналогичныхъ движеній въ Италіи. Населеніе папской области принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе. Послѣ неудачнаго римскаго заговора, народныя волненія, начавшись съ Болоньи, распространяются далѣе и, вскорѣ, охватываютъ всю Романью, Марки и Умбрію. 26 Февраля 1831 года въ Болоньѣ собираются представители Феррары, Равенны, Анконы и прочихъ возставшихъ городовъ. Учредительное собраніе провозглашаетъ низложеніе папскаго правительства и соединеніе возставшихъ провинцій въ одно независимое государство. Не будучи въ силахъ подавить собственными средствами принявшее угрожающіе размѣры возстаніе, Григорій XVI, только

[1]) Эли Соренъ, l. c., стр. 13 сл.

что вступившій на Св. Престолъ, послѣ смерти Пія VIII, обращается къ содѣйствію Австріи, которая спѣшитъ откликнуться на призывъ. Прибывшій съ этою цѣлью вспомогательный корпусъ занимаетъ Болонью. Австрійскіе гарнизоны въ Комаккіо и Феррарской цитадели должны обезпечить порядокъ. Не такъ легко было, однако, успокоить расходившіяся страсти. Кардиналъ Альбани, чрезвычайный папскій коммиссаръ въ легаціяхъ, въ виду новыхъ волненій принужденъ опять обратиться къ австрійцамъ за помощью. Вторичное занятіе ими Болоньи въ 1832 году вызываетъ контръ-вмѣшательство Франціи, которая оккупируетъ Анкону [1]). Съ тѣхъ поръ, народныя волненія не умолкаютъ. Въ 1848 году возстаніе въ Римѣ принуждаетъ Пія IX скрыться въ Гаэту. Власть папы возстановляется и поддерживается исключительно благодаря иностранному оружію.

Такимъ образомъ, французская революція 1789 года, провозглашая идею народной свободы, вызываетъ неразрѣшимый, по существу, конфликтъ между римскою куріей и населеніемъ церковной области. Хроническій характеръ этого конфликта приводитъ къ разложенію церковнаго государства.

c) Конституціонныя ограниченія свѣтской власти папы угрожаютъ религіозному суверенитету послѣдняго. Со времени французской революціи 1789 года вплоть до паденія церковнаго государства въ 1870 г. Св. Престолъ становится непримиримымъ врагомъ народной свободы; въ эту эпоху, консервативный характеръ папской политики доходитъ до своихъ крайнихъ предѣловъ. При такихъ условіяхъ, естественно возникаетъ вопросъ: почему папство такъ упорно отстаивало неприкосновенность абсолютнаго строя въ предѣлахъ церковной монархіи? Неужели форма правленія была для него дороже цѣлости государства?

Объяснять реакціонный духъ папской политики невѣжествомъ и недальновидностью куріи значило бы судить слишкомъ поверхностно. Стремленіе народа къ политической

[1]) См. Reuchlin, l. c., Bd. I, S. 238 ff., Сеньобосъ, l. c., T. II, стр. 531.

правоспособности не заключало въ себѣ элементовъ угрожающихъ бытію государства вообще. Въ этомъ смыслѣ революція представляла собою лишь преходящій кризисъ, въ свое время переживаемый большинствомъ абсолютныхъ монархій. Таково общее правило, но къ папству оно не приложимо. Римъ не избѣгнулъ либеральныхъ идей, волновавшихъ въ XIX вѣкѣ Европу. Вопросъ объ отношеніи народа къ правительству, объ участіи гражданъ въ образованіи государственной воли, постепенно получившій повсюду, болѣе или менѣе удачное, разрѣшеніе, въ Римѣ оказался неразрѣшимымъ. Вотъ почему, въ то время какъ въ прочихъ монархіяхъ революція приводитъ къ замѣнѣ абсолютнаго строя конституціоннымъ, та же идея народной свободы въ церковномъ государствѣ влечетъ за собой разложеніе послѣдняго. Причина подобнаго, на первый взглядъ страннаго, явленія коренилась въ двойственномъ характерѣ папы, неограниченнаго главы церкви и абсолютнаго государя. Разграниченіе двухъ компетенцій, религіозной и свѣтской, идеально вполнѣ допустимое, не исключало, конечно, возможности ихъ совпаденія въ реальномъ бытіи. Рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, попутно выдвигаемыхъ жизнью, въ одинаковой мѣрѣ затрагивающихъ, часто непримиримые между собою, религіозные и политическіе интересы, ежедневно грозилъ столкновеніемъ обѣихъ властей, изъ которыхъ одной приходилось уступать,—въ противномъ случаѣ коллизія становилась неустранимой. Естественно, что папа всегда отдавалъ предпочтеніе интересамъ духовнымъ. Но что̀ сказалъ бы народъ, еслибъ онъ былъ допущенъ къ участію въ образованіи государственной воли? Могла ли римская курія расчитывать, что онъ согласится пожертвовать насущными интересами отечества ради соображеній исключительно религіознаго характера? Даровавъ конституцію подданнымъ, папѣ пришлось бы на каждомъ шагу сталкиваться съ неразрѣшимой дилеммой: упорствовать въ своихъ требованіяхъ, идя на встрѣчу роковому разрыву съ народомъ, или же, разъ навсегда, отказаться отъ тіары въ пользу короны и покорно

скрѣплять своей подписью политическій актъ, идущій въ разрѣзъ интересамъ католической церкви. Могъ ли папа рѣшиться на подобный шагъ, который, въ глазахъ церкви, справедливо заслужилъ бы ему названіе измѣнника! Мы видѣли выше, что религіозный авторитетъ Св. Престола обусловливался независимостью папы отъ государства, но можно ли говорить о подобной независимости, если папа, въ качествѣ государя, обязанъ согласовать свои убѣжденія съ волею римлянъ, если глава католическаго міра принужденъ отказаться отъ вѣками выработанной политики ради случайнаго большинства народной палаты. Ограничить свѣтскую власть папы конституціонною хартіей, значило не только умалить его духовную власть, измѣнить основы церковно-каноническаго строя посредствомъ внутренняго государственнаго переворота, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожертвовать интересами католицизма въ пользу итальянской національной политики, что, очевидно, привело бы къ нисповерженію всего института папства. Давно ли церковь пережила эпоху Констанцкаго и Базельскаго соборовъ, давно ли папа успѣлъ упрочить свой пошатнувшійся авторитетъ, и что же, теперь, почти наканунѣ Ватиканскаго собора, ему предстояло отказаться отъ власти, но уже не въ пользу собора, какъ это было въ XV вѣкѣ, а ради горсти собственныхъ подданныхъ! Могъ ли папа поставить гражданъ Болоньи, Феррары и прочихъ городовъ, хотя бы всего Апенинскаго полуострова, выше князей церкви, и самого себя; могъ ли онъ рѣшиться связать произволомъ микроскопической части католической паствы! Упорный отказъ папы даровать конституцію не былъ капризомъ. Не одна лишь тщеславная жажда власти или слѣпое невѣжество руководили римскою куріей въ этомъ вопросѣ. Ея упорство коренилось въ самой природѣ вещей: Папа не могъ согласиться даровать своимъ подданнымъ конституцію, несомнѣнно умалявшую его власть не только въ вопросахъ свѣтскихъ, но также духовныхъ. Въ свою оче-

редь, народъ не хотѣлъ отказаться отъ требованій, правомѣрность которыхъ казалась ему очевидной.

Такимъ образомъ, создавался заколдованный кругъ, изъ котораго былъ одинъ только выходъ: уничтоженіе церковнаго государства. Оккупація Рима французскими войсками—это ближайшее дѣйствіе событій 1789 года, носившее преходящій характеръ; оно лишь временно умаляло папскую власть. Гораздо бо́льшая, дѣйствительно грозная опасность коренилась въ принципіальномъ вопросѣ о положеніи и правахъ гражданъ въ церковномъ государствѣ. Обойти молчаніемъ этотъ вопросъ, поставленный на очередь еще въ концѣ XVIII вѣка, было немыслимо. Такъ или иначе приходилось его разрѣшить, но для Св. Престола онъ былъ логически неразрѣшимъ. При такихъ условіяхъ, гибель папской монархіи была неизбѣжна. Со времени французской революціи 1789 года, папа становится врагомъ итальянскаго вопроса, преградой національной свободѣ Италіи. Австрія—страна католическая; папа не считаетъ себя вправѣ противъ нея ополчиться. Этимъ мотивомъ Пій IX объясняетъ свое намѣреніе сохранить нейтралитетъ во время борьбы Карла-Альберта съ имперіей. Дѣйствительная причина враждебнаго отношенія папства къ національнымъ стремленіямъ Италіи коренилась, однако, гораздо глубже. Принадлежность императора къ католицизму не мѣшала нѣкогда папѣ вступать съ нимъ въ борьбу, отстаивая независимость той же Италіи, которую теперь онъ отказывался поддержать. Въ качествѣ итальянскаго государя, папа естественно являлся, въ средневѣковую эпоху, главою народной партіи гвельфовъ. Въ борьбѣ съ имперіей, постоянно угрожавшей Риму, папа нуждался въ союзникахъ. Развивая въ населеніи чувства національной свободы, вражды къ иноземному господству, онъ привлекалъ къ себѣ симпатіи народа, выступая въ роли защитника національной свободы Италіи. Общность жизненныхъ интересовъ связала ломбардскіе города съ римскою куріей. Союзъ съ ними былъ несомнѣнно выгоденъ папѣ, ибо мѣстная автономія городскихъ общинъ, основанная на началахъ ленной зависимости, сама

по себѣ не угрожала абсолютизму папской власти. Вотъ почему, національное движеніе Италіи, въ средневѣковую эпоху, встрѣчало въ лицѣ папы союзника. Въ XIX вѣкѣ оно принимаетъ совершенно другую окраску, облекается въ форму, угрожающую Св. Престолу. Конституціонный характеръ итальянскаго вопроса дискредитируетъ его въ глазахъ папы и превращаетъ послѣдняго изъ союзника въ непримиримаго врага. Такимъ образомъ, папа становится вдвойнѣ ненавистенъ народу, какъ противникъ конституціонной свободы и національной независимости Италіи.

3) Радикальный характеръ итальянскаго вопроса вызываетъ реакціонную политику папства. Несовмѣстимость народной свободы съ религіознымъ верховенствомъ папы особенно ярко обнаруживается при Піѣ IX [1]). Восшествіе послѣдняго на Св. Престолъ пробуждаетъ всеобщія упованія. Можно было надѣяться, что вскорѣ наступитъ новая эра, радикальный поворотъ въ традиціонной политикѣ куріи. Ореолъ почти сказочнаго величія окружаетъ имя новаго папы въ глазахъ народа. Казалось, Пій IX готовъ сойти съ Св. Престола, чтобы слиться съ народомъ, пойти на встрѣчу его завѣтнымъ стремленіямъ къ свободѣ и независимости; казалось, что папа дѣйствительно оправдаетъ горячія надежды, на него возлагаемыя. Словомъ, казалось, что вскорѣ свершится то, чему не суждено было, къ счастью, свершиться. Случись это чудо, папство и понынѣ осталось бы главою церковнаго государства, обрекая католицизмъ влачить позорное иго національной политики. Пій IX не

---

[1]) Относительно Пія IX см. Поповъ, Римъ въ 1847—1848 гг., Ранке, Римскіе папы въ послѣднія четыре столѣтія, Т. II, стр. 463 сл., Reuchlin, Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart, Bd. I, S. 280 ff., Soria, l. c., T. I, p. 61 ss., 125 ss., 334 ss., Simoni, l. c., p. 96 ss., Beaumont, l. c., p. 174 ss., Cantù, l. c., T. XII, p. 139 ss., 211 ss., 232 ss., Nielsen, l. c., S. 391 ff., Сеньобосъ, l. c., Т. I, стр. 237 сл., Т. II, стр. 478 сл., Больтонъ Кингъ, l. c., Т. I, стр. 201 сл., 247 сл., 277 сл., 326 сл., Эли Соренъ, l. c., стр. 122 сл., 170 сл., Тарле, l. c., стр. 164 сл.

оправдалъ ожиданій народа, но лишь приблизилъ неизбѣжную катастрофу. Представитель Франціи при папскомъ дворѣ, графъ Пеллегрино-Росси, въ свое время совѣтовалъ Пію IX заранѣе намѣтить предѣлъ тѣхъ либеральныхъ реформъ, которыми онъ собирается облагодѣтельствовать подданныхъ. Совѣтъ безспорно благоразумный, но трудно осуществимый при тогдашнемъ общественномъ настроеніи. Папа захотѣлъ быть хорошимъ, либеральнымъ государемъ, но былъ далекъ отъ мысли ограничить свою верховную власть конституціонной хартіей. На этой почвѣ создалось роковое недоразумѣніе: малѣйшія начинанія популярнаго папы толкуются обществомъ въ духѣ народной свободы; въ нихъ усматриваютъ залогъ грядущихъ радикальныхъ реформъ, чуждыхъ дѣйствительнымъ намѣреніямъ Пія IX. Каждому слову папы придается сенсаціонный характеръ; его комментируютъ въ печати, открываютъ въ немъ особый, сокровенный смыслъ, намеки, обѣщанія. Появленіе Пія IX встрѣчается восторженными оваціями. Въ честь папы сочиняются гимны. По вечерамъ, при свѣтѣ факеловъ, толпы народа поютъ серенады передъ балкономъ Квиринала и повергаются ницъ, завидѣвъ величественную фигуру Пія IX, посылающаго „urbi et orbi“ свое апостольское благословеніе.

Безпримѣрная популярность Пія IX лишь повредила ему. Привыкшій къ восторженнымъ проявленіямъ любви и довѣрія, папа не въ силахъ перенести вскорѣ наступившаго охлажденія. Малѣйшая перемѣна въ общественномъ настроеніи пробуждаетъ въ немъ тяжелыя подозрѣнія, лишаетъ душевнаго равновѣсія. Видя, что его намѣреніямъ придается слишкомъ опасное, распространительное толкованіе, Пій IX круто измѣняетъ политику: онъ хочетъ вернуться назадъ, но пути отступленія отрѣзаны. Общественное негодованіе, къ которому такъ не привыкъ популярный папа, вскорѣ заставляетъ его вновь уступить и пойти еще далѣе. При такихъ условіяхъ, Пій IX расходится съ народомъ, съ правительствомъ, съ самимъ собою. Уступая настойчивымъ требованіямъ народной депутаціи, съ княземъ Альдобрандини, графомъ Пазолини и

адвокатомъ Бенедетти во главѣ, папа обнародываетъ указъ, которымъ свѣтскія лица, наряду съ духовными, призываются къ участію въ высшемъ государственномъ управленіи. Министромъ торговли, земледѣлія, промышленности и изящныхъ искусствъ назначается графъ Пазолини. Министерство публичныхъ работъ поручается Стурбинетти. Гаэтани занимаетъ постъ министра полиціи. Врученіе трехъ министерскихъ портфелей свѣтскимъ лицамъ не измѣняетъ, однако, прежней традиціи, въ силу которой рѣшающій голосъ всегда принадлежалъ духовной аристократіи. Численный перевѣсъ остается на сторонѣ духовенства, которое продолжаетъ попрежнему господствовать при папскомъ дворѣ, низводя роль свѣтскихъ министровъ до степени синекуры. Вскорѣ, Пій IX дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ, по пути либеральныхъ реформъ. Спустя мѣсяцъ, составъ министерства мѣняется, и, на этотъ разъ, изъ общаго числа девяти, шесть портфелей приходятся на долю свѣтскихъ. Но этого мало, 14 Марта 1848 года папа обнародываетъ конституцію, на началахъ трехпалатной системы: нижней палаты народныхъ представителей, верхней палаты изъ членовъ по назначенію и коллегіи кардиналовъ. Тѣмъ не менѣе, торжество народной свободы было лишь кажущимся. Основные принципы папской монархіи не потерпѣли видимаго измѣненія. Коллегія кардиналовъ сохранила господствующее положеніе, парализуя свободную дѣятельность прочихъ палатъ. Прежде всего, вся церковная политика, а также дѣла смѣшанной компетенціи, совершенно изъемлются изъ вѣдѣнія свѣтскихъ палатъ. Такимъ образомъ, громадное большинство вопросовъ, подъ предлогомъ прямого или косвеннаго отношенія къ интересамъ церкви, минуетъ, на законномъ основаніи, разсмотрѣніе народныхъ представителей. Помимо этого, коллегіи кардиналовъ предоставлено было широкое право „veto“, которымъ она могла произвольно кассировать любой законопроектъ и всякое вообще мѣропріятіе, хотя бы единогласно принятое обѣими палатами. Ясно, что при такихъ условіяхъ дѣло народной

свободы не подвинулось ближе къ цѣли [1]). Конституція 1848 года лишь возбудила надежды либеральной партіи, не оправдавъ ихъ въ дѣйствительности. Абсолютный режимъ продолжалъ оставаться во всей своей неприкосновенности. Не будемъ, однако, осуждать за это Пія IX. Онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать папа. Онъ не далъ народу свободы, не ограничилъ своей власти конституціонною хартіей, ибо не могъ поступить иначе, не измѣнивъ интересамъ католической церкви. Съ точки зрѣнія политической, папа совершилъ, однако, крупную, хотя и невольную ошибку. Не давая себѣ отчета, куда могутъ завести его подобныя реформы, Пій IX вступилъ на скользкій путь либеральныхъ реформъ, рискуя ежеминутно потерять на немъ равновѣсіе. Постепенно уступая народу, онъ дошелъ до крайней черты возможныхъ уступокъ. Остановиться на ней было трудно, переступить ее значило подчинить церковь узкой національной политикѣ.

Не будучи въ состояніи отказаться отъ прерогативъ абсолютно-монархической власти, Пій IX былъ обреченъ придерживаться аналогичной реакціонной политики и въ итальянскомъ національномъ вопросѣ. Папѣ приходилось невольно отклонить отъ себя почетную роль народнаго вождя въ дѣлѣ освобожденія Италіи отъ иноземнаго ига и передать ее въ руки Сардиніи. Въ теченіе долгаго времени народъ не замѣчалъ, однако, дѣйствительнаго положенія вещей. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Пій IX не только сочувствуетъ общему дѣлу, но вскорѣ приметъ активное участіе въ борьбѣ [2]). Такимъ образомъ, роковое недоразумѣніе между народомъ и папою возникало вторично, создавая такой же заколдованный кругъ, какъ и въ конституціонномъ вопросѣ. Въ свою очередь, Пій IX не находилъ въ себѣ достаточно присутствія духа, чтобы твердо опредѣлить направленіе своей

---

[1]) См. Nielsen, l. c., S. 409, Soria, l. c., T. I, p. 215, Bompard, l. c., p. 81.

[2]) См. по этому поводу Gioberti, del Rinnovamento civile d'Italia.

дальнѣйшей политики. Вмѣсто этого, подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія, онъ понемногу начинаетъ уступать, опрометчиво поддерживая въ народѣ надежды, исполнить которыя онъ не въ силахъ [1]). Въ 1848 году Карлъ Альбертъ подымаетъ знамя возстанія противъ австрійскаго ига [2]). Отовсюду толпы добровольцевъ спѣшатъ примкнуть къ пьемонтскимъ войскамъ. Населеніе Рима съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдитъ за исходомъ борьбы. Извѣстія о возстаніи Милана, о вторженіи Пьемонтцевъ въ Ломбардію встрѣчаются громкими ликованіями. Толпы народа устраиваютъ бурную манифестацію передъ зданіемъ австрійскаго посольства. Подвергнувъ офиціальному порицанію поведеніе манифестантовъ, Пій IX тѣмъ не менѣе отдаетъ приказъ мобилизировать операціонный корпусъ и дополнить его отрядомъ волонтеровъ. 24 Марта войска выступаютъ изъ Рима подъ начальствомъ пьемонтскаго генерала Дюрандо; за ними слѣдуютъ національная гвардія и волонтеры. Вскорѣ, 10000 папская армія достигаетъ границы и останавливается на берегахъ По. Дѣйствуя подобнымъ образомъ, папа намѣревался лишь охранять вооруженною силой неприкосновенность своихъ границъ, но возбужденный народъ хотѣлъ въ этомъ видѣть нѣчто большее,—начало войны за освобожденіе. Нерѣшительность Пія IX лишь умножала опасныя недоразумѣнія, поддерживая въ народѣ надежды и упованія, несоотвѣтствовавшія дѣйствительнымъ намѣреніямъ папы. 18 Апрѣля военный министръ сообщаетъ генералу Дюрандо, что Его Святѣйшество уполномочиваетъ главнокомандующаго дѣйствовать, какъ онъ сочтетъ необходимымъ въ интересахъ спокойствія и безопасности государства. Пользуясь этимъ, ге-

[1]) Поповъ, l. c., стр. 90 сл., Brosch, l. c., Bd. II, S. 393 ff., Nielsen, l. c., S. 413.

[2]) Ulloa, Guerre de l'indépendance Italienne en 1848 et en 1849, Lubienski, Guerres et révolutions d'Italie en 1848 et 1849, Beaumont, l. c. 203 ss., Reuchlin, l. c., Bd. II[1], S. 78 ff., Cantù, l. c., T. XII, p. 192 ss., Эли Соренъ, l. c., стр. 156 сл., Больтонъ Кингъ, l. c., T. I, стр. 254 сл., Тарле, l. c., стр. 167 сл.

нералъ Дюрандо 21 Апрѣля переходитъ границу. Такимъ образомъ, война фактически открывается, но папа не признаетъ и не хочетъ войны.

29 Апрѣля Пій IX обнародываетъ аллокуцію, въ которой выясняется дальнѣйшее отношеніе куріи къ итальянскому вопросу [1]). Недавнія иллюзіи смѣняются глубокимъ разочарованіемъ. Слово сказано, надежды разбиты, а съ ними вмѣстѣ порывается всякая нравственная связь между папою Піемъ IX и его подданными.

4) Реакціонная политика папства влечетъ за собою паденіе папской монархіи. Послѣ убійства графа Росси, только что назначеннаго первымъ министромъ, дальнѣйшее пребываніе Пія IX въ стѣнахъ охваченнаго революціей Рима становится невозможнымъ. Густыя толпы народа наводняютъ улицы, распѣвая хвалебные гимны въ честь новаго Брута. На слѣдующее утро, манифестанты осаждаютъ Квириналъ, требуя отъ папы назначенія демократическаго министерства, созыва учредительнаго собранія и объявленія Австріи войны. Въ виду невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, папа принужденъ уступить. Вечеромъ того же дня онъ утверждаетъ списокъ указанныхъ народомъ министровъ, протестуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ присутствіи иностранныхъ представителей, бывшихъ очевидцами происшедшаго, противъ насилій толпы. Шесть дней спустя, въ ночь съ 23 на 24 Ноября, Пій IX, въ каретѣ баварскаго посланника, переодѣтый, бѣжитъ изъ Рима, благополучно достигаетъ неаполитанской границы и останавливается въ Гаэтѣ. Вскорѣ послѣ бѣгства папы, 5 Февраля учредительное собраніе провозглашаетъ республику [2]). Наступаетъ начало конца. На время возстанов-

[1]) См. J. Amigues, Appendice à l'Histoire d'Italie du Comte de Balbo (Abrégé de l'Histoire d'Italie jusqu' en 1815), T. II, p. 259 ss., Soria, l. c., T. I, p. 483 ss., Поповъ, l. c., стр. 91 сл., Lubienski, Guerres et révolutions d'Italie en 1848 et 1849, p. 225 ss., Brosch, l. c., Bd. II, S. 396 ff., Nielsen, l. c., S. 411 ff.

[2]) По этому поводу см. Эли Соренъ, l. c., стр. 182 сл., Simoni, l. c., p. 107 ss., Perrens, Deux ans de révolution en Italie (1848—1849).

ленная французскимъ оружіемъ, папская монархія доживаетъ свои послѣдніе дни. Пій IX остается безсильнымъ свидѣтелемъ грядущаго разложенія церковнаго государства.

Объединеніе Италіи могло совершиться лишь черезъ посредство и въ пользу того государя, который провозгласитъ народную свободу [1]). Какъ извѣстно, пьемонтское правительство благоразумно принимаетъ на себя эту задачу. 8 Февраля 1848 года Карлъ-Альбертъ обнародываетъ конституцію. Среди прочихъ абсолютныхъ монархій, Сардинія становится конституціонной, привлекая къ себѣ всеобщія симпатіи и надежды народа [2]). Викторъ-Эммануилъ слѣдуетъ по стопамъ Карла-Альберта [3]). Война 1848 года доказала невозможность сверженія австрійскаго ига при помощи одной лишь Сардиніи. Отнынѣ, стремленіе сблизиться съ Франціей становится руководящимъ началомъ пьемонтской политики. Свиданіе графа Кавура съ Наполеономъ въ Пломбьерѣ приводитъ къ желанному союзу [4]). Заручившись поддержкой извнѣ, Сардинія смѣло идетъ навстрѣчу неизбѣжному разрыву съ монархіей Габсбурговъ. На этотъ разъ, военное счастіе рѣшительно склоняется въ пользу Италіи. Разбитая въ цѣломъ рядѣ сраженій, Австрія принуждена уступить. Вскорѣ послѣ знаменитой битвы при Сольферино, прелиминарный договоръ въ Виллафранкѣ [5]) санкціонируетъ ея пораженіе. Италія должна организоваться въ формѣ федераціи, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Ломбардія переходитъ къ Наполеону, который обязуется передать ее Сардиніи. Венеція хотя и сохраняется за австрійскимъ императоромъ, но включается въ составъ итальянской федераціи. Виллафранкскому проекту не суждено было, однако,

---

[1]) Farges, Formation politique de l'Italie (L'Italie, éd Larousse), p. 173 ss., Эли Соренъ, l. c., стр. 246, Тарле, l. c., стр. 171 сл.

[2]) J. Amigues, l. c., T. II, p. 317 ss.

[3]) Эли Соренъ, l. c., стр. 246 сл.

[4]) J. Amigues, l. c., p. 321 ss.

[5]) См. Clercq, T. VII, p. 617 ss., Reuchlin, l. c., Bd. III, S. 354 ff., Эли Соренъ, l. c., стр. 275.

осуществиться на практикѣ [1]). Пій IX ничего не имѣлъ бы противъ объединенія Италіи подъ властью папы, но лишь подъ условіемъ сохраненія абсолютнаго режима, что, очевидно, было немыслимо. При такихъ условіяхъ, естественнымъ центромъ Италіи становится Сардинія. Никто не могъ оспаривать у нея этой роли, ради которой она поставила на карту всю свою будущность. Вскорѣ, народъ окончательно разрѣшаетъ итальянскій вопросъ въ пользу савойской династіи [2]). Тоскана, Парма, Модена, а вслѣдъ за ними и населеніе папскихъ легацій, съ Болоньей во главѣ, присоединяются къ Пьемонту. Цѣною уступки Франціи Ниццы и Савойи, въ силу Туринской конвенціи 1860 г., Наполеонъ III соглашается признать совершившійся фактъ. Для окончательнаго объединенія Италіи еще недоставало Неаполя, Венеціи и Рима. Вскорѣ, возстаніе въ Палермо облегчаетъ Гарибальди занятіе королевства обѣихъ Сицилій, населеніе коего, въ силу плебисцита, присоединяется къ Сардиніи. Одновременно съ этимъ, пораженіе папской арміи, подъ начальствомъ генерала Ламорисьера, въ битвѣ при Кастельфидардо влечетъ за собой отпаденіе большей части церковной монархіи въ пользу Пьемонта [3]). Пять лѣтъ спустя, въ 1866 году, пораженіе Австріи прусскими войсками, въ союзѣ съ Италіей, приводитъ къ Пражскому договору, на основаніи котораго Венеція присоединяется къ Италіи [4]). Такимъ образомъ, итальянскій вопросъ разрѣшился; наступала очередь римскаго. Объединеніе Италіи черезъ посредство и въ пользу

---

[1]) См. Цюрихскій трактатъ 1859 г. (Neumann, Recueil des traités et conventions. Nouvelle suite. T. II, p. 281 ss.).

[2]) См. J. Amigues, l. c., p. 328 ss., Simoni, l. c., p. 273 ss., Farges, l. c., p. 175, Эли Соренъ, l. c., стр. 282 сл., Brosch, l. c., Bd. II, S. 447 ff.

[3]) Brosch, l. c., Bd. II, S. 451 ff., Geffcken (Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts, Bd. II, S. 163), Farges, l. c., p. 181 ss.

[4]) Clercq, l. c., T. IX, p. 607 ss., см. также „la Convention conclue à Vienne, le 24 Août 1866, entre la France et l'Autriche pour la cession de la Vénétie (ibid., p. 608 ss.).

Пьемонта, окончательно расшатало устои церковнаго государства. Покинутый народомъ, Пій IX не въ силахъ былъ сохранить господства надъ Римомъ. Тщетно сентябрьское соглашеніе 1864 г. пыталось создать извѣстный „modus vivendi [1]“. Напрасно, также, пьемонтское правительство старалось убѣдить папу добровольно уступить ему Римъ въ пользу Италіи [2]); ни отказаться отъ Рима, ни сохранить его за собою папа не могъ. Оставалось, такимъ образомъ, предоставить разрѣшеніе вопроса дальнѣйшему ходу событій. Послѣ австрійскаго погрома 1866 г., папская монархія поддерживается одною лишь Франціей. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, французскій оккупаціонный корпусъ силой оружія сохраняетъ за папою Римъ. Еще не малое время церковное государство, этотъ остатокъ средневѣковья, доживаетъ свои послѣдніе дни, въ ожиданіи смертельнаго удара. Неудачный для Наполеона исходъ франко-прусской войны окончательно разрѣшаетъ, уже давно назрѣвшій, римскій вопросъ въ пользу Италіи. Вслѣдъ за французскимъ корпусомъ, покинувшимъ Римъ, итальянская армія вступаетъ 20 Сентября 1870 г., въ ворота „вѣчнаго города“, который отнынѣ становится столицей итальянскаго королевства.

3. Паденіе папской монархіи, возвышая авторитетъ Св. Престола, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ за нимъ элементы международной правоспособности.

1) Паденіе папской монархіи возвышаетъ авторитетъ Св. Престола.

а) Послѣ паденія церковнаго государства, идея на-

[1]) Clercq, T. IX, p. 129 ss. см. по этому поводу Dupanloup, La Convention du 15 Septembre 1864 et l'Encyclique du 8 Décembre.

[2]) По поводу проектовъ Панталеони, Кавура и Риказоли см. Scaduto, Guarentigie Pontificie, p. 84 s., Geffcken, Die Völkerrechtliche Stellung des Papstes (Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts, Bd. II, S. 165 ff.), Bompard, l. c., p. 186 ss.

родной свободы не угрожаетъ болѣе религіозному верховенству папы. Событія 1870 года—неизбѣжный результатъ враждебнаго отношенія папства къ дѣлу народной свободы. Обвинять за это папство, значило бы, однако, судить слишкомъ поверхностно. Реакціонная политика куріи вполнѣ понятна; другою, въ эту эпоху, она и быть не могла, поскольку идея народной свободы, ограничивая прерогативы свѣтской власти папы политической правоспособностью подданныхъ, угрожала, тѣмъ самымъ, его духовному авторитету. Начиная съ 1870 года, положеніе вещей совершенно мѣняется. Капитуляція Рима, уничтоживъ церковное государство, развязала руки папству. Лишившись подданныхъ, ему уже нечего больше бояться народной свободы.

в) Парламентскій режимъ увеличиваетъ боевыя средства римской куріи [1]). Конституціонная хартія не угрожаетъ болѣе Ватикану. Наоборотъ, идея народной свободы, прививая государствамъ начала представительнаго правленія, облегчаетъ папству воздѣйствіе на міровую политику путемъ руководства клерикальною партіей парламента.

с) Не угрожая болѣе религіозному верховенству Св. Престола, идея народной свободы влечетъ за собой поворотъ въ политикѣ папства. Реакціонное направленіе куріи смѣняется либеральнымъ. Принципіальный союзъ Ватикана съ абсолютно-монархическимъ строемъ порвался разъ навсегда. Конституціонный режимъ получилъ признаніе папства.

d) Либеральная политика куріи возвышаетъ авторитетъ Св. Престола, возстановляя его прежній космополитическій характеръ. Вотъ, что говоритъ, по этому поводу, въ 1903 г., нашъ министръ резидентъ при Св. Престолѣ К. А. Губастовъ: „Когда въ 1878 г. скончался лишенный свѣтскаго могущества Пій IX, находившійся въ разладѣ почти со всѣми государствами Европы, то многимъ казалось, что съ нимъ должно погибнуть и само папство. Избранному

[1]) См. Сеньобосъ, l. c., Т. II, стр. 471 сл.

наперекоръ желанію Пія IX кардиналу Печчи удалось не только разсѣять эти близорукія опасенія, но и убѣдить весь міръ въ необходимости признать за папствомъ какъ его живучесть, такъ и значительный авторитетъ въ сферѣ международныхъ отношеній. Послѣ сравнительно небольшого числа лѣтъ можно было уже замѣтить, что съ лишеніемъ свѣтской власти, бывшей въ послѣдніе годы лишь жалкимъ призракомъ самостоятельности, папство должно было обновиться, освободившись отъ бремени гражданскихъ дѣлъ и выступить на болѣе подобающую ему пастырскую дѣятельность, и на самомъ дѣлѣ ни одинъ папа не былъ такъ ревностенъ на учительство, какъ Левъ XIII. Изъ папской каѳедры онъ сдѣлалъ своего рода академическую каѳедру, съ которой неустанно поучаетъ вѣрующихъ въ многочисленныхъ энцикликахъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Второю, и не менѣе важною заслугою папы слѣдуетъ признать установленныя имъ отношенія ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени среднихъ вѣковъ нравственный авторитетъ папы не достигалъ такой высоты, на которую Льву XIII, благодаря его выдающемуся политическому уму, удалось его поставить. Прекративъ съ большимъ для себя достоинствомъ борьбу съ Пруссіею, папа безъ особеннаго труда возстановляетъ добрыя отношенія и съ другими правительствами. Исключеніе составляетъ лишь Италія. По отношенію къ ней онъ продолжаетъ непримиримую политику своего предшественника и попрежнему остается „Ватиканскимъ узникомъ“, хотя, конечно, время разрушаетъ понемногу ту стѣну, которою хотѣлъ себя окружить Ватиканъ тотчасъ послѣ занятія Рима „нечестивыми узурпаторами“. Многочисленныя предпріятія папской пропаганды расширяются съ каждымъ годомъ. Число католиковъ увеличивается не только въ Азіи и въ Африкѣ, но и въ Сѣверной Америкѣ. Пользуясь политической свободой, господствующей въ Соединенныхъ Штатахъ, римское католичество достигло тамъ небывалыхъ успѣховъ, превратившись изъ ничтожной горсти

католиковъ въ могущественную церковь съ кардиналомъ во главѣ и сильною іерархіею".

2) Паденіе церковнаго государства не повлекло за собой умаленія международной правоспособности папства, сохранивъ за Св. Престоломъ существенные элементы послѣдней: суверенитетъ, свободу и независимость.

На этомъ мы позволимъ себѣ закончить настоящій историческій очеркъ, воспроизводя, въ заключеніе, филіацію идей, характеризующую развитіе элементовъ международной правоспособности папства до капитуляціи Рима 20-го Сентября 1870 г:

1) Со времени эдикта 313 г., официально признавшаго христіанскую церковь, до понтификата Григорія VII совокупность благопріяныхъ историческихъ факторовъ подготовляетъ политическую эмансипацію папства.

2) Политическая эмансипація папства, обусловливаясь развитіемъ религіознаго авторитета Св. Престола до степени суверенаго властвованія, оказалась, въ эту эпоху, недостижимой.

3) Такимъ образомъ, первый періодъ исторіи папства характеризуется господствомъ государства надъ церковью. Взаимное отношеніе обѣихъ властей покоится на началахъ внутренняго публичнаго права. Папство не обладаетъ еще элементами международной правоспособности.

4) Григорій VII открываетъ новую эпоху въ исторіи папства: недостатки епископально-аристократическаго режима, укрѣпляя въ народѣ сознаніе необходимости переустройства церкви на началахъ абсолютной духовной монархіи, въ пользу Рима, способствуютъ развитію религіознаго верховенства папства, что̀, въ свою очередь, обезпечиваетъ ему свободу и независимость по отношенію къ государству.

5) Развитіе элементовъ международной правоспособности папства—суверенитета, свободы и независимости—обусловли-

валось, въ эту эпоху, господствомъ духовной власти надъ свѣтскою.

6) Господство духовной власти надъ свѣтскою, съ точки зрѣнія юридической, коренилось въ абсолютно-монархической, патріархальной формѣ средневѣковаго государственнаго режима, съ одной стороны, и религіозномъ верховенствѣ папства—съ другой.

7) Стремленіе папства утвердиться надъ свѣтскою властью приводитъ къ теоріи всемірной папской монархіи. Ergo:

8) Второй періодъ исторіи папства, начиная съ Григорія VII до авиньонскаго плѣна, влечетъ за собой перестановку субъектовъ господства: первенство свѣтской власти смѣняется главенствомъ духовной. Папа возвышается надъ государемъ, низводя его власть до степени простыхъ полномочій, дарованныхъ ему Св. Престоломъ. Идея равенства обоихъ организмовъ, религіознаго и политическаго, чужда этой эпохѣ въ одинаковой мѣрѣ, какъ и предшествующей. Пріобрѣтая элементы международной правоспособности, папство вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ наличность послѣднихъ у государства. Подобное господство, строго обоснованное въ теоріи, далеко не совпадало, однако, съ дѣйствительностью. Въ концѣ концовъ, возвышеніе папства способствуетъ пробужденію самодѣятельности народа, въ политической жизни страны, что, въ свою очередь, обезпечиваетъ государству юридическую независимость по отношенію къ куріи. При такихъ условіяхъ, водвореніе всемірной папской монархіи оказалось недостижимымъ.

9) Стремленіе папства къ всемірному господству пагубно отражается на его нравственномъ уровнѣ.

10) Нравственный упадокъ папства ограничиваетъ, въ эпоху авиньонскаго плѣна, его свободу и независимость по отношенію къ государству.

11) Зависимое положеніе папства приводитъ къ великой католической схизмѣ.

12) Схизма влечетъ за собой постановленія Констанцкаго

и Базельскаго соборовъ, ограничившія религіозное верховенство Св. Престола.

13) Ограниченіе религіознаго верховенства Св. Престола авторитетомъ собора, устраняя одинъ изъ двухъ факторовъ господства духовной власти надъ свѣтскою, эмансипируетъ католическія государства изъ-подъ опеки папства. Одновременно съ этимъ, реформація окончательно отрываетъ отъ Рима протестантскія державы. Ergo:

14) Періодъ съ авиньонскаго плѣна до французской революціи 1789 г.—третій въ исторіи папства—характеризуется постепеннымъ пріобрѣтеніемъ государствами элементовъ международной правоспособности въ отношеніи къ церкви, по мѣрѣ умаленія папства и реставраціи епископально-аристократическаго режима.

15) Епископально-аристократическій режимъ, возстановленный Констанцкимъ и Базельскимъ соборами, угрожая независимости духовной власти отъ свѣтской, не въ силахъ былъ надолго сохранить за собою главенство. Вскорѣ, папство реставрируетъ религіозное верховенство Св. Престола, утверждая, одновременно съ этимъ, его свободу и независимость. Ergo:

16) Несмотря на тяжелыя потрясенія, въ эту эпоху пережитыя папствомъ, оно сохранило за собой элементы международной правоспособности по отношенію къ государству.

17) Религіозное верховенство папства, окрѣпшаго со времени Тридентскаго собора, вновь угрожаетъ—въ условіяхъ абсолютно-монархическаго государственнаго режима—господствомъ духовной власти надъ свѣтскою [1]).

18) Отсюда слѣдуетъ, что развитію международно-правовой конструкціи взаимныхъ отношеній обѣихъ властей, духовной и свѣтской, препятствуетъ абсолютно-монархическая форма государственнаго устройства.

---

[1]) На практикѣ, однако, теорія всемірной папской монархіи еще менѣе, чѣмъ въ средніе вѣка, совпадала, въ эту эпоху, съ дѣйствительностью.

19) Постоянная угроза со стороны Св. Престола вызываетъ центробѣжную политику государствъ по отношенію къ Риму.

20) Центробѣжная политика государствъ по отношенію къ Риму, идя въ разрѣзъ центростремительной эволюціи церкви, способствуетъ развитію религіознаго индифферентизма въ народѣ.

21) Развитіе религіознаго индифферентизма, въ связи съ провозглашеніемъ идеи народной свободы, облегчаетъ французской революціи 1789 г. нисповерженіе абсолютно-монархическаго режима.

22) Нисповерженіе абсолютно-монархическаго режима и замѣна его парламентаризмомъ окончательно эмансипируютъ католическія государства изъ-подъ опеки папства.

23) Идея народной свободы вызываетъ на очередь итальянскій вопросъ.

24) Итальянскій вопросъ, органически связанный съ народной свободой, угрожаетъ религіозному верховенству Св. Престола.

25) Угроза религіозному верховенству Св. Престола, со стороны народной свободы, вызываетъ реакціонную политику папства.

26) Реакціонная политика папства влечетъ за собой паденіе папской монархіи.

27) Паденіе папской монархіи, возстановляя прежній космополитическій характеръ Св. Престола, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняетъ за нимъ не только суверенитетъ, но также политическую свободу и независимость. Ниже мы подробно остановимся на этомъ вопросѣ.

28) Такимъ образомъ, періодъ со времени французской революціи 1789 г., до капитуляціи Рима 20 Сентября 1870 г., постепенно подготовляетъ почву, на которой католическая церковь, съ одной стороны, и государства,—съ другой, выступаютъ, въ настоящее время, въ качествѣ вполнѣ равноправныхъ другъ другу и одинаково суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, облеченныхъ, какъ

мы увидимъ ниже, международной правоспособностью въ области ихъ взаимныхъ отношеній.

Приступая къ разсмотрѣнію современной международной правоспособности папства, мы считаемъ необходимымъ формулировать слѣдующее, руководящее въ данномъ вопросѣ, начало:

Наличность суверенитета, свободы и независимости—существенныхъ элементовъ международной правоспособности—является необходимымъ условіемъ признанія даннаго общественнаго организма субъектомъ международнаго права. Ergo:

1) Несуверенный, несвободный и зависимый организмъ не можетъ быть признанъ субъектомъ международнаго права.

2) Всякій суверенный, свободный и независимый организмъ долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права.

3) Ближайшее дѣйствіе обладанія суверенитетомъ, свободой и независимостью ограничивается признаніемъ даннаго соціальнаго организма субъектомъ международнаго права; другими словами, включеніемъ его въ составъ международнаго общества и присвоеніемъ ему основныхъ правъ и обязанностей, неразрывно связанныхъ съ международною личностью.

При такихъ условіяхъ, дальнѣйшее изложеніе настоящаго вопроса естественно распадается на два отдѣла:

1) Первый имѣетъ въ виду конструкцію международной правоспособности вообще.

2) Второй посвященъ разрѣшенію вопроса: насколько папство дѣйствительно обладаетъ въ настоящее время совокупностью признаковъ, изъ которыхъ слагаются элементы международной правоспособности—суверенитетъ, свобода и независимость?

Какъ мы увидимъ ниже, нельзя не отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно.

КОНСТРУКЦІЯ

МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ

ВООБЩЕ.

§ 11.

Конструкція международной правоспособности вообще характеризуется тремя положеніями:

1) Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собою, элементами международной правоспособности, поскольку совокупность основныхъ и производныхъ международныхъ правъ и обязанностей, въ свою очередь, органически связана съ ними.

2) Всякій суверенный, свободный и независимый организмъ опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи—абсолютной и относительной—международно-правовыми началами. Обязательныя по природѣ, они ограничиваютъ произволъ субъектовъ международнаго права, не посягая, однако, на элементы международной правоспособности послѣднихъ—суверенитетъ, свободу и независимость.

3) Совмѣстное бытіе суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, ограничивая ихъ естественную независимость, вызываетъ необходимость международныхъ гарантій, могущихъ обезпечить имъ осуществленіе правъ, въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи.

Разсмотрѣнію этихъ началъ посвящено дальнѣйшее изложеніе.

1. Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собою, элементами международной правоспособности, поскольку совокупность основныхъ и про-

изводныхъ международныхъ правъ и обязанностей, въ свою очередь, органически связана съ ними.

I. Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собою, элементами международной правоспособности.

A) Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными элементами международной правоспособности.

1. Суверенитетъ есть власть, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Недѣлимая по существу, но сложная по содержанію, эта власть выражается въ двухъ формахъ господства: территоріальной и личной.

1) Суверенитетъ есть власть, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ [1]).

---

[1]) Вопросъ о природѣ верховенства до настоящаго времени изобилуетъ контроверзами. Laband, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, Bd. I, S. 65 ff., Gerber, Grundzüge des deutschen Staatsrechts, S. 22, Zorn, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, Bd. I, S. 62 ff., M. Seydel, Zeitschrift für die Gesammte Staatswissenschaft, 1872, S. 190 ff., Meentzen, Artikel 78 der Verfassung des deutschen Reiches in Theorie und Praxis, S. 13, Schneller, Die Staatsrechtliche Stellung Bosnien und der Herzogowina, S. 163 ff., усматриваютъ существенные элементы верховенства въ понятіи власти. Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, S. 34, Haenel, Studien zum deutschen Staatsrechte, Bd. I, S. 148 ff., Rosin, Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung (Hirth's Annalen 1883, S. 269 ff.), Bornhak, Allgemeine Staatslehre, S. 9, Schulze, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, Bd. I, S. 24 ff., Mohl, Das deutsche Reichsstaatsrecht, S. 28 ff., Held, Grundzuge des Allgemeinen Staatsrechts, S. 321, Heimburger, Der Erwerb der Gebietshoheit, I, S. 27, Grimm, Betrachtungen über die Verteilung der Staatsfunktionen zwischen dem deutschen Reiche und den deutschen Einzelstaaten, S. 17, исходятъ: при опредѣленіи верховенства, изъ понятій свободы и независимости. Holtzendorff, Handbuch des Völkerrechts, Bd. II,

а) Суверенитетъ есть власть, господство которой не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ. Родовое понятіе господства слагается изъ двухъ видовыхъ понятій власти и полномочій. Различіе между ними обнаруживается въ самомъ источникѣ господства [1]). Полномочія, по существу, относительны, производны, обусловливаются въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ, съ уничтоженіемъ которыхъ прекращается право господства управомоченнаго. Въ отличіе отъ полномочій власть абсолютна, первоначальна, сама въ себѣ заключаетъ источникъ господства. Всякій власть имѣющій организмъ является самобытнымъ и обратно, самобытный общественный организмъ, какъ таковой, самъ въ себѣ почерпаетъ источникъ господства. Таковы государство и церковь. Въ другомъ положеніи находится община [2]). Ея компетенція можетъ быть

S. 8 ff., разсматриваетъ нераздѣльное, по существу, понятіе верховенства съ двоякой точки зрѣнія: внѣшняго (международнаго) и внутренняго (государственнаго) суверенитета. Аналогичнаго взгляда придерживаются G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes, S. 2, ff. 9, ff. 23, Rehm, Allgemeine Staatslehre (Handb. des Oeffentl. Rechts, Einleitungsband 1899), S. 28 ff., 61 ff., Piédelièvre, Précis de droit international public ou droit des gens, I, p. 66 ss. Недостатокъ этихъ теорій коренится въ смѣшеніи различныхъ, по существу, понятій суверенитета, свободы и независимости. Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу.

[1]) См. Laband, l. c., Bd. I, S. 60 ff. Надѣляя частныхъ лицъ правами власти въ области гражданскихъ отношеній, Rosin, l. c., S. 300 ff., отождествляетъ понятія власти и полномочій. Въ осуществленіи актовъ господства частныя лица обусловливаются соотвѣтствующими полномочіями, врученными имъ государствомъ. Право власти всегда сохраняется за послѣднимъ. Точнѣе Jellinek, Staatenverbindungen, S. 31 ff., Schulze, l. c., Bd. I, S. 17. См. по этому поводу Sohm, Begriff des Forderungsrechts (Grunhut's Zeitschrift 1877, IV, S. 457 ff.).

[2]) Laband, l. c., Bd. I, S. 64 ff., вполнѣ правильно признаетъ власть существеннымъ элементомъ и вмѣстѣ исключительнымъ достояніемъ государства. Также Gerber, l. c., S. 3 ff., 59 ff., Zorn, l. c., Bd. I, S. 62 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 31 ff., 40 ff., особенно въ Gesetz und Verordnungen, S, 191, G. Meyer, l. c. S. 2 ff., 154. — Иначе Rosin, l. c., S. 290 ff., Rehm, l. c., S. 62. Gierke, Schmoller's Jahrb. 1883, bd. VII,

крайне обширной. Тѣмъ не менѣе, господствуя надъ подчиненнымъ ей населеніемъ, община не обладаетъ, сама по себѣ, властью, но—лишь полномочіями, врученными ей государствомъ, со смертью котораго они прекращаются. Наличность власти превращаетъ общину въ государство, и обратно. Въ этомъ смыслѣ ея бытіе производно, относительно.

b) Суверенитетъ есть власть, господство которой не обусловливается въ своемъ бытіи согласіемъ подчиняемыхъ. Этимъ моментомъ господство отличается отъ права требованія [1]). Отношеніе двухъ воль можетъ покоиться на началахъ равенства или соподчиненія. Первое наступаетъ въ томъ случаѣ, когда источникъ обязанностей коренится въ волѣ обязаннаго. Равенство превращается въ подчиненіе, когда согласіе обязуемаго безразлично, другими словами, когда источникъ господства коренится исключительно въ волѣ господствующаго. Право требованія обусловливается равенствомъ, господство—соподчиненіемъ воль.

Такимъ образомъ, понятія господства, власти, полномочій и требованій распредѣляются по слѣдующей схемѣ:

a) Власть и полномочія соединяются въ одно родовое понятіе господства, представляя собой отношеніе воль, при которомъ обязанность одной согласоваться съ другою не обусловливается согласіемъ обязуемой.

b) Родовое понятіе господства распадается на два видовыхъ понятія власти и полномочій по характеру отношенія соподчиненныхъ воль къ третьей. Такъ, если обязанность одного организма согласоваться съ волей другого об-

---

S. 1163 ff. и Brie, Grunhut's Zeitschr. Bd. XI (1884), S. 154, согласно которымъ, община, подобно государству, является власть имущимъ организмомъ. Аналогичнаго взгляда придерживается Blodig, Die Selbstverwaltung als Rechtsbegriff, S. 100: „Территоріальная власть общины качественно подобна государственной и лишь въ количественномъ отношеніи отъ нея отличается. Община является микросмомъ государства, субъектомъ публичнаго права съ двойственнымъ, личнымъ и территоріальнымъ субстратомъ.

[1]) Rosin, l. c., S. 298 ff., Laband, l. c., Bd. I, S. 60 ff.

условливается волею третьяго,—въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простыми полномочіями. Послѣднія получаютъ значеніе власти, когда бытіе третьей воли безразлично, когда источникъ господства коренится въ одной лишь волѣ господствующаго.

c) Родовое понятіе господства противополагается праву требованій по характеру взаимнаго согласованія нѣсколькихъ воль независимо отъ ихъ отношенія къ третьей. Моментъ соподчиненія конструируетъ собою господство—управомоченный опредѣляетъ волю обязаннаго безотносительно къ согласію послѣдняго Въ отличіе отъ господства, понятіе требованій построено на началахъ безусловнаго равенства, поскольку воля обязаннаго служитъ единственнымъ источникомъ тяготѣющихъ на немъ обязательствъ.

Такова конструкція власти по природѣ своей всегда суверенной. Суверенитетъ (верховенство) и власть, это два различныхъ названія одного и того же понятія [1]), которое характеризуется двумя признаками: авторитетомъ—моментъ отношенія воли господствующей къ волѣ подчи-

---

[1]) Иначе Laband, l. c., Bd. I, S. 65 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 36 ff., Gerber, l. c., S. 3, 21 ff., (впрочемъ, на стр. 26 онъ противорѣчитъ себѣ). Признавая власть существеннымъ элементомъ государства, они вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ подобное значеніе за верховенствомъ. Rosin, l. c., S. 273 ff. и Brie, l. c., S. 94 ff., также допускаютъ существованіе несуверенныхъ государствъ. Аналогичнаго взгляда придерживаются Auerbach, Das neue deutsche Reich und seine Verfassung, S. 91 ff., Ritter, Die Sonderrechte der deutschen Staaten und die Reichsverfassung, S. 30, Grimm, l. c., S. 16, Mohl, l. c., S. 28 ff.. 33, G. Meyer, l. c., S. 2 ff., 23 ff., 154 ff. Эта тенденція, особенно въ трудахъ нѣмецкихъ публицистовъ, становится, повидимому, господствующей. Впрочемъ, Bornhak, l. c., S. 8 ff., Gierke, l. c., S. 72, Haenel, l. c., Bd. I, S. 149, Le Fur, Etat Fédéral et Confédération d'Etats, p. 354 ss., 395 ss., Meentzen, l. c., S. 8 ff., M. Seydel, Zeitschr. für die Ges. Staatswiss. 1872, S. 202, Hirth's Annalen 1876, S. 654, Held, l. c., S. 328, Heimburger, l. c, S. 33 ff., Rönne, Das Verfassungs-Recht des deutschen Reiches, S. 29 ff., Zorn, l. c., Bd. I, S. 62 ff., повидимому, и Westerkamp, Ueber die Reichsverfassung, S. 32, 40 ff., а также большинство интернаціоналистовъ разсматриваютъ потерю верховенства въ качествѣ факта, влекущаго за собой уничтоженіе государства.

ненной—и самобытностью—моментъ отношенія двухъ соподчиненныхъ воль къ третьей.

c) Суверенная власть ограничивается въ своей дѣятельности предѣлами принадлежащей ей компетенціи [1]). Ограничительное дѣйствіе послѣдней непосредственно вытекаетъ изъ самой конструкціи юридическаго организма, въ своемъ бытіи ограниченнаго составомъ подчиненной ему сферы дѣятельности. Всякій актъ власти, превышающій компетенцію управомоченнаго, тѣмъ самымъ является юридически ничтожнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что юридическій организмъ, выражая свою волю во внѣ лишь при помощи соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ и учрежденій, не только не вправѣ, но и не въ состояніи, съ юридической точки зрѣнія, превысить своей компетенціи, поскольку полномочія органовъ власти ограничены составомъ послѣдней, внѣ предѣловъ которой они неизбѣжно теряютъ свой должностной, публичный характеръ. Самая воля юридическаго организма конструируется въ условіяхъ принадлежащей ему компетенціи. Таково общее правило, приложимое ко всякому государству, ко всякой вообще власти, независимо отъ ея содержанія [2]). Только въ границахъ собственной компетенціи суверенная власть является таковою.

---

[1]) Это начало, принципіально не возбуждающее сомнѣній, не всегда проводится достаточно послѣдовательно; такъ, Jellinek, Staatenverbindungen, S. 40 ff., опредѣляя собственное право власти (въ которомъ онъ усматриваетъ существенный элементъ государства) въ качествѣ безконтрольнаго права, косвенно узаконяетъ произвольное превышеніе государствомъ принадлежащей ему компетенціи. Любопытно, что столь растяжимымъ правомъ онъ надѣляетъ несуверенныя государства. Еще далѣе идетъ Haenel, l. c., Bd. I, S. 146 ff., разсматривающій суверенитетъ въ качествѣ права самоопредѣленія компетенціи, причемъ это право выражается не только въ ограниченіи собственной компетенціи, но также расширеніи послѣдней.

[2]) Союзное государство не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія; такъ назыв. „Kompetenz-kompetenz“ не относится, какъ справедливо замѣчаетъ Bornhak, l. c., S. 246, къ существу союзнаго государства (также Rosin, l. c., S 272) и, во всякомъ случаѣ, не можетъ оправдывать произ-

2) Суверенитетъ недѣлимъ по существу, но сложенъ по содержанію.

a) Суверенитетъ недѣлимъ по существу. „Если понимать суверенитетъ“, говоритъ Лабандъ [1]), „какъ высшую самоопредѣляющуюся власть, то это понятіе логически уже заключаетъ въ себѣ признакъ неограниченности, а слѣдовательно и недѣлимости, ибо раздробленный суверенитетъ являлся бы ограниченнымъ, половиннымъ суверенитетомъ... что представляло бы собой „contradictio in adjecto“. Цорнъ [2]) признаетъ единство власти существеннымъ признакомъ суверенитета. Недѣлимость послѣдняго въ одинаковой мѣрѣ утверждаютъ и Еллинекъ [3]), Ремъ [4]), Герберъ [5]), а также Розинъ [6]).

b) Суверенитетъ сложенъ по содержанію. Авторитетъ и самобытность—существенные элементы верховенства—не предрѣшаютъ вопроса о его содержаніи, безразличномъ для конструкціи власти, какъ таковой. Всякій организмъ, господство котораго не обусловливается согласіемъ подчиняемаго или властью другихъ организмовъ, является суверенным независимо отъ того, что̀ именно служитъ ему предметомъ господства. Сложный составъ верховенства признается даже писателями, принципіально утверждающими недѣлимость суверенной власти; особенно рельефно это выступаетъ въ различныхъ конструкціяхъ союзнаго государства.

вольнаго нарушенія послѣднимъ компетенціи мѣстныхъ правительствъ. Расширенію дѣятельности союзной власти должно предшествовать измѣненіе принадлежащей ей компетенціи въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ союзною конституціей.

[1]) Laband, l. c., Bd. I, S. 57, 66.

[2]) Zorn, Staatsrecht, Bd. I, S. 62 ff.

[3]) Jellinek, Staatenverbindungen, S. 35.

[4]) Rehm, l. c., S. 68.

[5]) Gerber, l. c., S. 22.

[6]) Rosin, l. c., S. 270, Bornhak, l. c., S. 246, M. Seydel, Zeitschr. für die Ges. Staatswiss. 1872, S. 189 ff., Hirth's Annalen 1876, S. 641 ff., Auerbach, l. c., S. 92, Schulze, l. c., Bd. I, S. 46, Grimm, l. c., S. 15 ff., G. Meyer, l. c., S. 2 ff., Mohl, l. c., S. 28 ff., Held, l. c., S. 326.

Такъ, Лабандъ [1]), подчиняя членовъ послѣдняго господству союзной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что они хотя и лишаются въ силу этого суверенитета, но все же сохраняютъ за собой верховныя права (Hoheitsrechte) по отношенію къ подданнымъ. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дробленіемъ суверенитета по содержанію: извѣстные вопросы государственной дѣятельности изъемлются изъ компетенціи мѣстной власти въ пользу союзной; подобное расчлененіе власти по содержанію не лишаетъ ее, однако, элементовъ верховенства, въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить возможность сосуществованія въ одномъ и томъ же пространствѣ и воздѣйствія на одинъ и тотъ же предметъ двухъ властей,— высшей, господствующей, и низшей, подчиняемой, что противорѣчило бы понятію власти. Къ аналогичному выводу косвенно приходятъ Еллинекъ [2]), Ремъ [3]) и Герберъ [4]), также допуская раздѣленіе власти въ союзномъ государствѣ между союзнымъ цѣлымъ и его членами, что несомнѣнно представляетъ собою дѣленіе суверенитета по содержанію, поскольку всякая власть вообще, какъ таковая, является суверенной. Разсматривая власть, какъ господство, источникъ котораго коренится въ одной лишь волѣ господствующаго, Розинъ [5]) уже, тѣмъ самымъ, допускаетъ дѣлимость суверенитета по содержанію, поскольку послѣднее, въ условіяхъ даннаго опредѣленія, несущественно для конструкціи власти.

Такимъ образомъ, принципіально утверждая недѣлимость суверенитета, большинство писателей приходитъ къ противоположному выводу [6]), лишь только дѣло коснется конструкціи

---

[1]) l. c., Bd. I, S. 66, 95. Утверждая недѣлимость верховенства, Laband вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ расчлененіе государственной власти по содержанію. Аналогичнаго взгляда придерживаются Brie, l. c., S. 154, G. Meyer, l. c., S. 2 ff., 155 ff.

[2]) Jellinek, l. c., S. 278.

[3]) Rehm, l. c., S. 104—106.

[4]) Gerber, l. c., S. 25 fg., 246 ff.

[5]) Rosin, l. c., S. 298 ff.

[6]) Послѣдовательно проведенный, принципъ недѣлимости суверенитета

союзнаго государства. Причина подобной непослѣдовательности скрывается въ смѣшеніи двухъ различныхъ понятій: существа и содержанія власти (верховенства) [1]). Въ этомъ смыслѣ, недѣлимая по существу, суверенная власть является сложной по содержанію [2]). Въ отличіе отъ единства, понятіе сложности, какъ суммы слагаемыхъ, вполнѣ поддается дѣленію, разложенію на составныя части, чѣмъ и объясняется, въ дѣйствительности, возможность выдѣленія извѣстныхъ предметовъ государственной дѣятельности изъ компетенціи членовъ союзнаго государства въ пользу союзнаго цѣлаго. Подобное дробленіе суверенной власти по содержанію не измѣняетъ ея существа, поскольку данная власть продолжаетъ сохранять за собой существенные элементы верховенства—авторитетъ и самобытность господства [3]). Ниже, при разсмотрѣніи вопроса о верховенствѣ папы, мы увидимъ, насколько важно не упускать изъ виду различія между существомъ и содержаніемъ власти.

(или власти, что одно и то же) не только по существу, но также и содержанію, неизбѣжно приводитъ, либо къ отождествленію членовъ союзнаго государства съ общиной, надѣленною обширными полномочіями, къ чему и приходитъ Le Fur, l. c., p. 540 ss., 680 ss., Zorn, l. c., Bd. I, S. 69 ff., либо къ отрицанію власти (верховенства), какъ у союзнаго государства, такъ и у членовъ послѣдняго: Haenel, l. c., Bd. I, S. 63, Gierke, l. c., S. 1169, Bornhak, l. c., S. 12, усматриваютъ государство въ органическомъ взаимодѣйствіи союза и его членовъ; взятые порознь, они лишены его существенныхъ элементовъ. По этому поводу см. ниже

[1]) Столь же чревато ложными выводами отождествленіе понятій суверенитета, свободы и независимости: зависимое положеніе членовъ союзнаго государства разсматривается въ качествѣ факта, уничтожающаго ихъ верховенство. См. ниже.

[2]) См. Waitz, Grundzüge der Politik, S. 166. Къ аналогичному выводу приходятъ Auerbach, l. c., S. 91 ff., Martitz, Betrachtungen über die Verfassung des Norddeutschen Bundes, S. 1 ff., 23 ff., Westerkamp, l. c., S. 18 ff., 32, 40 ff., Rönne, l. c., S 30, Schulze, l. c., Bd. I, S. 46, 348, Bd. II, S. 3 ff., 11 ff., Meentzen, l. c., S. 13, Grimm, l. c., S. 18 ff., Mohl, l. c., S. 28 ff., 37, Held, l. c., S. 431, 447, 463, допускающіе расчлененіе власти по содержанію.

[3]) Чего не отрицаетъ и Laband, l. c., Bd. I, S. 95, Gerber, l. c., S. 246, Brie, l. c., S. 154, G Meyer, l. c., S. 154 ff.

§ 12.

3) Суверенитетъ выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ, формахъ власти: территоріальной и личной.

1) Суверенитетъ выражается въ двухъ формахъ власти: территоріальной и личной.

а) Территоріальная власть, въ свою очередь, выражается въ трехъ, органически между собою связанныхъ, формахъ: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, экстерриторіальной и детерриторіальной.

аа) Территоріальная власть выражается въ трехъ формахъ: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, экстерриторіальной и детерриторіальной [1]).

α) Территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію присвоенной ему власти, подчиняетъ всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, не обусловливаясь, при этомъ, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

αα) Территоріальная власть есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ подчиняетъ всѣхъ лицъ, находящихся въ пре-

---

[1]) Къ сожалѣнію, эта тройственность территоріальныхъ формъ власти не обращаетъ на себя, до настоящаго времени, должнаго вниманія: территоріальное верховенство продолжаетъ разсматриваться въ качествѣ нерасчленимаго цѣлаго; ср. Holtzendorff, Handbuch des Völkerrechts, Bd II, S. 225 ff., Ф. Ф. Мартенсъ, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, I, стр. 299, 344 сл., Rivier. Principes du droit des gens, T. I, p. 135 ss., Gerber. l. c., S. 65 ff., Laband, l. c., Bd. I, S. 164 ff., Heilborn, Das System des Völkerrechts, S. 5 ff.

дѣлахъ принадлежащей ему территоріи. Другими словами, моментъ подчиненія обусловливается мѣстопребываніемъ подчиняемыхъ. По самой природѣ своей, подобное подчиненіе является преходящимъ: возникнувъ въ предѣлахъ даннаго государства, оно прекращается за его рубежомъ.

ββ) Господство надъ лицами, находящимися на территоріи даннаго организма, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Въ этомъ смыслѣ, территоріальная власть есть форма верховенства, а не простыхъ полномочій, извнѣ врученныхъ данному организму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобная власть является именно формою власти, не представляя собою особаго, существующаго наряду съ суверенитетомъ и обладающаго самостоятельнымъ содержаніемъ территоріальнаго права [1]). Въ связи съ подданствомъ, территоріальность служитъ государству формой господства

---

[1]) Вопросъ о природѣ территоріальнаго верховенства является крайне сложнымъ и разрѣшается далеко не одинаково; такъ, Fricker, Vom Staatsgebiet, Inama Sternegg, Die Rechtsverhältnisse des Staatsgebiets (Zeitschrift für die ges. Stastswiss., 1870, S. 315 ff. H. Preuss, Gemeinde, Staat, Reich, als Gebietskörperschaften, S. 263 ff., Jellinek, Allgemeine Staatslehre, S. 354 ff., Bansi, Die Gebietshoheit als rein staatsrechtlicher Begriff durchgeführt (Hirth's Annalen, 1889) S. 641 ff., отмѣчаютъ въ немъ исключительно формальный элементъ, опредѣляющій сферу дѣйствія государственной власти въ пространственномъ отношеніи. Изъ русскихъ авторовъ аналогичнаго взгляда придерживаются Незабитовскій, Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи (см. въ его „Собраніи сочиненій", 1884 г., стр. 136 сл.), Коркуновъ, Русск. госуд. право, I, стр. 15 (изд. 1893 г.), а также Шалландъ, Юридическая природа территоріальнаго верховенства. Наоборотъ, Gerber, l. c., S 65 ff., Laband, l. c., Bd. I, S. 164 ff., M. Seydel, Bayerisches Staatsrecht, 1884, Bd. I, S. 517 ff, 629 ff., Heilborn, l. c., S. 5 ff., Zorn. l. c., Bd. I, S. 99 ff., Bornhak, l. c., S. 69 ff., Gareis, Allgemeines Staatsrecht (см. Marquardsen's Handb. des öffentlichen Rechts, S. 138), Heimburger, l. c., S. 27 ff., усматриваютъ въ территоріальномъ верховенствѣ, помимо формальнаго, также и матеріальный элементъ—вещное публичное право государства по отношенію къ принадлежащей ему территоріи.

надъ лицами, которыя въ силу факта пребыванія въ его предѣлахъ входятъ въ подчиненную ему сферу дѣйствія.

γγ) Степень господства опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей господствующему организму. Мы видѣли выше, что сущность верховенства не предрѣшаетъ вопроса о его содержаніи. Совокупность предметовъ, входящихъ въ исторически сложившуюся компетенцію конкретнаго государства, не представляется нераздѣльной; это комплексъ опредѣленныхъ задачъ, попутно выдвигаемыхъ жизнью,—сумма слагаемыхъ, вполнѣ доступныхъ дробленію. Въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія намѣченныхъ цѣлей, данное государство можетъ выдѣлить извѣстные предметы, принципіально подлежащіе его вѣдѣнію, и отнести ихъ къ компетенціи другого. На этихъ началахъ построено союзное государство, въ которомъ публичная дѣятельность распредѣляется между союзнымъ цѣлымъ и входящими въ составъ его членами; въ этомъ смыслѣ оно представляетъ собою извѣстную форму кооперації, основанную на расчлененіи власти, но, при этомъ, лишь въ отношеніи содержанія, а не существа послѣдней [1]). Господствуя на всемъ протяженіи союзной территоріи, центральная власть подчиняетъ все, что находится въ ея предѣлахъ, но степень подчиненія ограничивается содержаніемъ осуществляемыхъ ею актовъ господства [2]) ей. Такимъ образомъ, территорія опре-

[1]) Къ тому же приходятъ Laband, l. c., Bd. I, S. 54, 167 ff., Jellinek, l. c., S. 278 ff., Gerber, l. c., S. 26, 244 ff., Rönne, l. c., S. 29 ff., Westerkamp, l. c., S. 40 ff., M. Huber, Beiträge zu einer Lehre von der Staatensuccession, S. 32, Schulze, l. c., Bd. I, S. 44 ff., Bd. II, S. 20 ff., Martitz, l. c., S. 3, Meentzen, l. c., S. 9 ff., 13, Grimm, l. c., S. 15 ff., G. Meyer, l. c., S. 20 ff., Mohl, l. c., S. 8 ff., 28 ff., 35, 54, согласно которымъ, субъектомъ территоріальной власти является, какъ союзное государство, въ его цѣломъ, такъ и члены послѣдняго. Противоположное утвержденіе неизбѣжно приводитъ къ отождествленію членовъ союзнаго государства съ общиной, какъ это дѣлаютъ Zorn, l. c., Bd. I, S. 69 ff., 99 ff., Le Fur, l. c., p. 680 ss., Шалландъ, l. c., I, стр. 28 сл. Подобный взглядъ основанъ на смѣшеніи понятій верховенства и независимости (см. ниже).

[2]) См. также Meentzen, l. c., S. 12 ff. Въ этомъ и только въ этомъ

дѣляетъ внѣшній, пространственный предѣлъ подчиненія, а содержаніе власти—границы внутреннія, степень господства послѣдней въ предѣлахъ данной территоріи.

β) Экстерриторіальная власть есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ, въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, исключаетъ аналогичное по содержанію господство другихъ организмовъ, не обусловливаясь, при этомъ, властью послѣднихъ или согласіемъ подчиняемыхъ [1]).

αα) Экстерриторіальная власть есть форма господства, въ силу которой данный общественный организмъ исключаетъ, въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, господство другихъ организмовъ, публичныхъ и частныхъ, физическихъ и юридическихъ.—Господствуя надъ подчиненнымъ ей населеніемъ, территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова управляетъ имъ, пользуется его услугами въ интересахъ государства, взимаетъ съ него налоги, словомъ, привлекаетъ его принимать въ извѣстной степени активное участіе въ бытіи даннаго организма. Экстерриторіальная власть ограничивается въ своемъ дѣйствіи отрицательными признаками. Исключая господство другихъ организмовъ на всемъ протяженіи принадлежащей ей территоріи и, въ этомъ отношеніи, несомнѣнно

смыслѣ мы признаемъ такъ назыв. принципъ „непроницаемости“ (Undurchdringlichkeit) государственной территоріи; см. Fricker, Vom Staatsgebiet, S. 17, Held, l. c., S. 327, Jellinek, Allgemeine Staatslehre, S. 356, M. Seydel, Bayerisches Staatsrecht, S. 517 ff., 629 ff., Шалландъ, l. c., I, стр. 26 сл. Inama Sternegg, l. c., S. 332.

[1]) Двойственный, положительный и отрицательный, характеръ территоріальнаго верховенства отмѣчаютъ Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, 299, Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 226, Gerber, l. c., S. 66, Laband, l. c., Bd. I, S. 166 ff., G. Meyer, l. c., S. 163, Zorn, l. c., Bd. I, S. 99 ff., Schulze, l. c., Bd. II, S. 20, Ullmann, Völkerrecht, S. 179, Heimburger, l. c. S. 28 ff. и проч. представители международнаго и государственнаго правъ, не придавая, однако, экстерриторіальности значенія самостоятельной формы верховенства.

подчиняя всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ послѣдней, она не налагаетъ на подчиняемыхъ публичнаго тягла, но обязуетъ ихъ лишь воздерживаться отъ дѣйствій, прямо или косвенно посягающихъ на мѣстную власть.

ββ) Степень исключенія господства другихъ организмовъ опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей данному организму. Въ одномъ и томъ же пространствѣ могутъ свободно ужиться двѣ, въ одинаковой мѣрѣ облеченныя территоріальнымъ верховенствомъ, власти, если только послѣднія, совпадая по существу, различны по содержанію. Этимъ объясняется почему союзное государство, опираясь на общую съ мѣстными правительствами территоріальную базу, можетъ свободно осуществлять свою дѣятельность, не рискуя на каждомъ шагу коллидировать съ властью входящихъ въ составъ его членовъ, которые, по природѣ своей, являются такими же государствами, какъ и союзное цѣлое [1]). Подобное пространственное сосуществованіе властей принципіально вполнѣ допустимо, поскольку нераздѣльная, въ своей сущности, суверенная власть расчленяется по содержанію входящихъ въ составъ ея предметовъ вѣдѣнія между реальнымъ и идеальнымъ носителями союзной власти, съ одной стороны, и членами союзнаго государства,—съ другой. Такимъ образомъ, экстерриторіальная форма господства исключаетъ, на опредѣленномъ пространствѣ, не всякую власть вообще, но лишь аналогичную по содержанію.

γγ) Экстерриторіальная власть есть форма верховенства, поскольку право исключенія власти не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Этимъ моментомъ она отличается отъ простыхъ полномочій, съ одной

[1]) Коллизія между ними, неизбѣжная въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, разрѣшается на почвѣ ограниченія независимости членовъ союзнаго государства, а не верховенства и свободы послѣднихъ въ пользу союзнаго цѣлаго, какъ это утверждаютъ Laband, l. c., Bd. I, S. 50 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 253 ff., 278, Zorn, l. c., Bd. I, S. 55 ff., Le Fur, l. c., p. 680 ss., Шалландъ, l. c., I, стр. 28 сл.

стороны, и права требованія—съ другой [1]). Несмотря на свой отрицательный характеръ, экстерриторіальная власть служитъ источникомъ различныхъ функцій публично-правового характера, придающихъ ей вполнѣ самостоятельное значеніе наряду съ прочими территоріальными формами власти. Какъ мы увидимъ ниже, современное положеніе Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана служитъ тому наглядным примѣромъ.

γ) Детерриторіальная власть есть форма господства, въ силу которой эвентуально недостающіе данному общественному организму территоріальныя формы верховенства возстановляются въ его пользу „ipso iure“ по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе послѣдними.

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать экстерриторіальности государей, дипломатическихъ представителей и проч. лицъ, изъятыхъ согласно началамъ международнаго права изъ сферы дѣйствія мѣстнаго закона, съ экстерриторіальностью, какъ формой верховенства. Первая, создаваемая договорнымъ порядкомъ, является, по природѣ своей, относительной, производной: ея источникъ коренится въ добровольномъ согласіи государства, территоріальныя права коего ограничиваются привилегированнымъ положеніемъ управомоченнаго. Подобная экстерриторіальность знаменуетъ собою, по выраженію Holtzendorff'a (l. c., II, S. 227), перевѣсъ (Uebermacht) личнаго принципа надъ территоріальнымъ. Ср. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, 316 сл., II, 44 сл., 85, 398, Delepoulle, Exposé théorique de la fiction d'exterritorialité, Stoerk, Staatsunterthanen und Fremde (Holtzendorff's Handb. II, S. 656 ff.), Rivier, l. c., I, p. 330 ss., Chrétien, Principes de droit international public, I, p. 448 ss., Fiore, Trattato di diritto internazionale pubblico, I, p. 331 ss., Piédelièvre, Précis de droit international public, I, 426 ss., Bonfils, Manuel de droit international public, №№ 337, 693, Hübler, Die Magistraturen des Völkerrechtlichen Verkehrs und die Exterritorialität, S. 61 ff., Bry, Précis élémentaire de droit international public, p. 132, 226, 252, 257, Vercamer, Des franchises diplomatiques et spécialement de l'exterritorialité, p. 116 ss. Ничего общаго не имѣетъ съ нею экстерриторіальная власть, сама въ себѣ почерпающая право исключенія, въ опредѣленныхъ границахъ, аналогичнаго по содержанію господства другихъ организмовъ. Авторитетъ и самобытность послѣдней возвышаютъ ее до степени самостоятельной, суверенной формы господства. Къ сожалѣнію, это существенное различіе не обратило на себя должнаго вниманія.

αα) Детерриторіальная власть есть форма господства, предметомъ которой служитъ возстановленіе управомоченнымъ организмомъ недостающихъ ему элементовъ господства въ предѣлахъ данной мѣстности. Территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова представляетъ собой положительную, экстерриторіальная—отрицательную форму территоріальнаго верховенства въ обширномъ смыслѣ слова. Послѣднее не исчерпывается, однако, этими двумя формами власти [1]), остается еще одна, которую мы позволимъ себѣ назвать детерриторіальною властью; она служитъ той юридической связью, соединяющей территорію съ государствомъ, въ силу которой послѣднее, лишившись на опредѣленномъ пространствѣ прочихъ территоріальныхъ формъ, не теряетъ всецѣло территоріальнаго верховенства, сохраняя въ этихъ предѣлахъ право условнаго возстановленія указанныхъ формъ.

ββ) Востановленіе недостающихъ данному общественному организму территоріальныхъ формъ власти наступаетъ „ipso iure„ по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе по-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ недалеки отъ истины Gerber, l. c., S. 65 ff., Laband, l. c., Bd. I, S. 164 ff., и прочіе авторы (см. выше, стр. 165 пр. 1), усматривающіе въ территоріальномъ верховенствѣ, помимо пространственной сферы дѣятельности государственной власти, наличность особаго элемента, спеціально присущаго данной формѣ верховенства. Аналогичнаго взгляда придерживаются Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, 344 сл., Ullmann, Völkerrecht, S. 179 ff., Zitelmann, Internationales Privatrecht, Bd. I, S. 91 ff. Недостатокъ этихъ теорій выражается въ опредѣленіи территоріальнаго верховенства, какъ вещнаго публичнаго права государства по отношенію къ территоріи. Территоріальная власть несомнѣнно вправѣ регулировать многообразныя юридическія отношенія, входящія въ сферу дѣйствія мѣстнаго закона. Земля, въ качествѣ матеріальнаго субстрата, заполняющаго собою геометрическое тѣло государственной территоріи, будучи предметомъ юридическихъ отношеній, не подлежитъ исключенію изъ этого общаго правила. Тѣмъ не менѣе, матеріальный элементъ территоріи, какъ объекта государственной власти, непосредственно вытекаетъ изъ формальнаго элемента послѣдней и въ этомъ смыслѣ лишенъ самостоятельнаго значенія.

слѣдними. Въ этомъ моментѣ обнаруживается самобытный, правовой характеръ детерриторіальной формы верховенства. Если бы территоріальная власть въ обширномъ смыслѣ слова исчерпывалась территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова и экстерриторіальнымъ верховенствомъ, если бы за вычетомъ этихъ формъ у государства не оставалось болѣе никакихъ правъ по отношенію къ территоріи; въ такомъ случаѣ, возстановленіе утерянныхъ элементовъ господства, въ предѣлахъ данной мѣстности, обусловливалось бы наличностью спеціальнаго правопроизводящаго титула,—одного лишь факта отпаденія ограничительныхъ условій было бы для этого недостаточно, поскольку потеря извѣстнаго права одной стороною не влечетъ за собой „eo ipso“ возстановленія его въ пользу другой, которой оно нѣкогда было присвоено Въ этомъ отношеніи, детерриторіальная власть можетъ быть уподоблена военному постлиминію.

γγ) Детерриторіальная власть есть форма верховенства, поскольку самое право возстановленія даннымъ общественнымъ организмомъ недостающихъ ему территоріальныхъ формъ власти не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Первый признакъ отличаетъ детерриторіальную власть отъ полномочій, извнѣ вручаемыхъ данному организму, второй, — отъ договорнаго права требованія, источникъ котораго коренится въ одной лишь волѣ обязаннаго.

bb) Территоріальныя формы верховенства органически между собою связаны:

α) Территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова обусловливается экстерриторіальнымъ верховенствомъ. Органическая связь между ними непосредственно вытекаетъ изъ понятія территоріальной власти, господство которой въ границахъ опредѣленнаго пространства необходимо предполагаетъ исключеніе аналогичнаго по содержанію господства другихъ организмовъ, въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить возможность одновре-

меннаго воздѣйствія на одинъ и тотъ же предметъ, въ одномъ и томъ же пространствѣ, двухъ тождественныхъ (по содержанію) властей, что несомнѣнно представляло бы „contradictio in adiecto“, поскольку господство одной изъ нихъ необходимо лишаетъ другую значенія власти, низводя ее до степени простыхъ полномочій.

β) Территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова не обусловливается детерриторіальнымъ верховенствомъ [1]). Подобное расчлененіе территоріальныхъ формъ, принципіально вполнѣ допустимое, наступаетъ при военной оккупаціи данной мѣстности непріятельской арміей; мы имѣемъ, при этомъ, въ виду совершенную оккупацію. (О различіи между совершенной и несовершенной оккупаціей см. ниже). Возникшія на этой почвѣ права оккупанта характеризуются слѣдующими признаками:

1) Оккупантъ получаетъ право господства въ предѣлахъ непріятельской территоріи, а также исключенія аналогичнаго, по содержанію, господства противника въ границахъ послѣдней, другими словами, — пріобрѣтаетъ территоріальную власть въ тѣсномъ смыслѣ слова и экстерриторіальную власть, поскольку обѣ формы господства не обусловливаются, въ своемъ бытіи, властью противника или согласіемъ подчиняемаго населенія; ихъ источникъ коренится въ самомъ

---

[1]) Вполнѣ естественно, что Gerber, l. c., S. 65 ff., Laband, l. c., Bd. I, S. 164 ff., Bornhak, l. c., S. 69 ff. и прочіе представители и послѣдователи теоріи „Gebietshoheit als staatsrechtliches Sachenrecht“, если не прямо, то все же косвенно, приходятъ къ противоположному выводу, не допуская подобнаго расчлененія: территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ предложенной нами формулировкѣ, очевидно не удовлетворяетъ требованіямъ „вещнаго публичнаго права“, органически связаннаго съ обладаніемъ сам ю территоріей. Аналогичнаго взгляда придерживаются Fricker, Vom Staatsgebiet, Jellinek, Allgemeine Staatslehre, S. 354 ff, Bansi, l. c., S. 641 ff., и прочіе сторонники формальной теоріи, хотя, казалось бы, характеристика территоріальнаго верховенства, какъ пространственной сферы дѣятельности государственной власти, должна привести къ противоположному выводу.

фактѣ завладѣнія (corpus) и волѣ господствующаго комбатанта (animus). Самобытность и авторитетность актовъ господства, осуществляемыхъ оккупантомъ въ предѣлахъ занятой имъ непріятельской территоріи [1]) характеризуютъ оба существенныхъ элемента власти (верховенства), въ отличіе отъ производныхъ, по природѣ своей, полномочій, съ одной стороны, и договорнаго права требованія,—съ другой.

2) Оккупація, сама по себѣ, недостаточна для пріобрѣтенія оккупантомъ детерриторіальнаго верховенства по отношенію къ занятой мѣстности, поскольку непріятель, вплоть до окончанія войны, сохраняетъ за собою право на возстановленіе недостающихъ ему элементовъ господства въ предѣлахъ данной территоріи, по прекращеніи ограничительныхъ условій [2]) (оккупаціи), исключавшихъ обладаніе этими элементами. Положеніе оккупанта является преходящимъ, а потому онъ не вправѣ осуществлять въ предѣлахъ непріятельской мѣстности такихъ актовъ власти, которые предполагаютъ длящееся отношеніе къ территоріи [3]), связанное съ детерриторіальнымъ верховенствомъ.

---

[1]) Наличности указанныхъ элементовъ у оккупанта не отрицаютъ Pillet, les lois actuelles de la guerre, p. 241 ss., и проч. авторы; см. ниже, стр. 177, примѣч. 1.

[2]) Pillet, l. c., p. 241, Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 244, Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, 536, Ullmann. l. c., S. 332, Despagnet, l. c., p. 580 ss., Heimburger, l. c., S. 125; „Aucun territoire envahi n'est considéré comme conquis avant la fin de la guerre „(Manuel de l'Institut de Droit International, art. 6); это начало является общепризнаннымъ.

[3]) „L'État occupant ne se considérera que comme administrateur et usufruitier des édifices publics, immeubles, forêts et exploitations agricoles appartenant à l'Etat ennemi et se trouvant dans le pays occupé. Il devra sauvegarder le fond de ces propriétés et les administrer conformément aux règles de l'usufruit" (см. Брюссельскій проектъ 1874 г. ст. 7). Аналогичнаго взгляда придерживается „Manuel de l'Institut de Droit International", ст. 52, Actes de la Conférence de la Paix (de l'autorité militaire sur le territoire de l'état ennemi, art. 55); см. также Мартенсъ, l. c., II, 542, 575, Rivier, l. c., II, p. 310, Pillet, l. c., p. 249 ss., Lueder, Das Landkriegsrecht im besonde-

3) Оккупація влечетъ за собой пріобрѣтеніе территоріальныхъ, а не личныхъ формъ власти. Подданство покореннаго населенія не измѣняется во время войны. Отсюда слѣдуетъ, что оккупантъ не вправѣ требовать отъ него присяги и вообще принуждать къ непосредственному участію въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ отечества [1]).

Помимо случаевъ военной оккупаціи, возможность выдѣленія детерриторіальнаго верховенства изъ числа прочихъ территоріальныхъ формъ вполнѣ подтверждается также тѣми условіями, въ которыя поставлены, въ настоящее время, Боснія и Герцеговина на основаніи ст. 25 Берлинскаго трактата 1878 г. [2]), и дополнительной конвенціи 1879 г. [3]), заключенной между Австро-Венгріей и Турціей. Въ силу указанныхъ актовъ, права обѣихъ сторонъ въ отношеніи къ даннымъ провинціямъ характеризуются слѣдующими признаками:

1) Австро-Венгрія пріобрѣла территоріальную власть; личная форма верховенства сохранилась за Портою. Турецкое подданство мѣстныхъ жителей осталось неприкосновеннымъ, а потому ихъ обязанность повиноваться австро-венгерскимъ законамъ обусловливается фактомъ пребыванія въ

---

ren (Holtzendorff's Handb IV, S. 490, Ullmann, l. c., S. 334, Heimburger, l. c., S. 124 ff., Petit, De l'Administration de la justice en territoire occupe, p. 5 ss, Эйхельманъ, Военное занятіе непріятельской страны, стр. 92 сл. Piédelièvre, Précis de droit international public, II, p. 275 ss., Bonfils, Manuel de droit international public, p. 586 ss., Bry, l. c., p. 405 ss., Gareis, Institutionen des Völkerrechts, S. 239 ff., Mérignhac, La Conférence de la Paix, p. 216 ss.

[1]) Брюссельскій проектъ, ст. 36, 37, „Manuel", ст. 47, 48, „Actes de la Conférence de la Paix", l. c., art. 44, 45, Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, 540 сл., Rivier, l. c., II, p. 306, Pillet, l. c., p. 243 ss., Ullmann, l. c., S. 333, Despagnet, l. c., p. 587 ss., Merignhac, l. c., p. 220 ss., Эйхельманъ, l. c., стр. 113 сл.

[2]) Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностр. державами, VIII, стр. 658, № 361.

[3]) Martens, Nouveau Recueil de Traités, T. IV, p. 422 ss.

предѣлахъ обѣихъ провинцій, внѣ которыхъ они подпадаютъ національному закону [1]).

2) Территоріальное верховенство Австро-Венгріи выражается въ двухъ формахъ: территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова и экстерриторіальнаго властвованія, въ силу которыхъ она вправѣ господствовать и исключать аналогичное господство другихъ государствъ, въ томъ числѣ и Турціи, на всемъ протяженіи данной мѣстности [2]).

---

[1]) Spalaïkovitch, La Bosnie et l'Herzégovine, p. 242, Knell, La Bosnie et l'Herzégovine, p. 128 ss. Въ этомъ смыслѣ „законъ 3-го ноября 1881 г., изданный австро-венгерскимъ правительствомъ о введеніи въ этихъ областяхъ воинской повинности и обращающій босняковъ и герцеговинцевъ въ подданныхъ Австро-Венгріи, есть, безъ сомнѣнія, актъ, насилующій", какъ справедливо замѣчаетъ Ф. Ф. Мартенсъ, „ихъ совѣсть и прямыя обязанности по отношенію къ султану, законному государю" (l. c., I, 364 сл.).

[2]) Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 245, Neumann, l'Empire Austro-Hongrois. la Bosnie et l'Herzégovine (R. D. I., 1879, XI, p. 38 ss., Lingg, Die Staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Herzegowina (Archiv für Oeffentliches Recht, 1889, V, S. 480 ff.) утверждаютъ полноту территоріальнаго верховенства Австро-Венгріи по отношенію къ обѣимъ провинціямъ. Цессія на неопредѣленное время равносильна отчужденію на вѣчныя времена. Согласно изреченію „Plus est in re quam in simulatione" Rivier, l. c, I, p. 201, 302 усматриваетъ въ актахъ 1878—79 гг. замаскированную уступку территоріи. Аналогичнаго взгляда придерживается, повидимому, и Lammasch, Friedrich von Martens und der Berliner Vertrag (Grunhut's Zeitschr., 1884, Bd. XI, S. 414 ff.), также Bry, l. c., p. 138 s. Въ пользу самостоятельнаго значенія Босніи и Герцеговины, какъ государства, выдѣлившагося изъ состава Оттоманской имперіи, особенно высказывается Calvo, Le droit international, 1880, I, p. 278. Despagnet склоненъ видѣть въ этихъ провинціяхъ полунезависимое государство, управляемое Австро-Венгріей, на дѣлѣ же почти присоединенное къ ней (l. c., p. 126). Иначе, Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, 364 сл. Jellinek, Staatenverbindungen, S. 53 ff., 115 ff, Ullmann, l. c., S. 186, Spalaïkovitch, l. c., p. 135 ss., Knell, l. c., p. 119 ss., Schneller, Die Staatsrechtliche Stellung Bosnien und der Herzogovina, S. 65 ff., Bluntschli, Le Congrès de Berlin (R. D. I.,) 1881, p. 585 ss. Въ началѣ своей статьи, въ томѣ XI, 1879 г., стр. 415, онъ примыкаетъ, однако, къ теоріи Кальво (см. выше), Engelhardt, Le droit d'intervention et la Turquie (R. D. I., 1880, T. XII, p. 384), Ulbrich, (Handb. des Oeffentl. Rechts, T. IV, P. I, 27), Gareis, Institutionen, S. 26,

3) Территоріальныя права Австро-Венгріи носятъ характеръ власти, верховенства, а не простыхъ полномочій, врученныхъ ей Портою, поскольку эти права не обусловливаются, въ своемъ бытіи, властью оттоманской имперіи или согласіемъ подчиняемыхъ. Боснія и Герцеговина управляются именемъ Австро-Венгріи, а не Турціи.

4) Послѣдняя сохранила за собою, однако, не только личное, но также территоріальное верховенство въ детерриторіальной формѣ, поскольку эвентуальная потеря Австро-Венгріей указанныхъ правъ „eo ipso„ востановляетъ въ пользу Турціи недостающіе ей элементы верховенства [1]).

γ) Экстерриторіальность не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мы видѣли выше, что право, въ силу котораго данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію присущей ему власти, подчиняетъ всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи, необходимо предполагаетъ право исключенія, на всемъ протяженіи данной мѣстности, аналогичнаго господства другихъ организмовъ, — признакъ, характеризующій экстерриторіальную власть. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, необходимость обратнаго. Экстерриторіальность, по содержанію связанныхъ съ нею прерогативъ, есть нѣчто меньшее сравнительно съ территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова. Вотъ почему, потеря послѣдней не всегда влечетъ за собою уничтоженія первой, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы недостающая данному

140, Geffcken (примѣч. 3, стр. 155, къ Hefftter'y, Le droit international de l'Europe, перев. Bergson'a, 1883 г.). Согласно этой теоріи, Австро-Венгрія обладаетъ лишь правомъ занимать и управлять Босніей и Герцеговиной, причемъ это право обусловливается умиротвореніемъ обѣихъ провинцій и водвореніемъ въ нихъ прочнаго правопорядка.

[1]) Большинство писателей разсматриваютъ территоріальное верховенство Турціи исключительно въ качествѣ „nudum ius“; см. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, 364, Jellinek, Staatenverbindungen, S. 53, 116, Ullmann, l. c., S. 186, Knell, l. c., p. 132, Rivier, l. c., I, p. 201, 302, Bluntschli, l. c., T. XIII, p. 585 ss., Bonfils, l. c., p. 172.

организму территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова не служила одновременно достояніемъ другого. Самостоятельное значеніе экстерриторіальности обнаруживается при несовершенной оккупаціи непріятельской территоріи [1]).

---

[1]) Властвуя на непріятельской территоріи, оккупантъ руководствуется исключительно собственной волею (animus), въ условіяхъ фактической обстановки, характеризующей наступленіе дѣйствительной оккупаціи (corpus). Воля противника тутъ не при чемъ. Авторитетность и самобытность актовъ господства, осуществляемыхъ оккупантомъ въ предѣлахъ занятой мѣстности не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; см. также Pillet, l. c., p. 241 ss., Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 227 ff., Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 535, Rivier, l. c, II, p. 300, Lueder, l. c., IV, S. 512, Ullmann, l. c., S. 332, Despagnet, l. c., p. 580 ss., Rolin-Jaequemyns, La guerre actuelle, p. 29, Petit, l. c., p. 7, Jèze, Etude théorique et pratique sur l'occupation, p. 45, M. Huber, Beiträge zu einer Lehre von der Staatensuccession, S. 16 fg., Corsi, L'occupazione militare in tempo di guerra, p. 57 ss., Эйхельманъ, l. c., стр. 93 сл., 106, Schneller, l. c., S 171. При такихъ условіяхъ, права оккупанта получаютъ первоначальный, абсолютный характеръ, свойственный власти, столь отличной отъ производной, относительной конструкціи пользованія правомъ, принадлежащимъ другому (отчасти также и Jellinek, Allgemeine Staatslehre, S. 358). Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ необходимость признанія оккупаціи достаточнымъ титуломъ пріобрѣтенія оккупантомъ—хотя бы на время—территоріальнаго верховенства по отношенію къ занятой мѣстности, въ формахъ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, при совершенной оккупаціи, и экстерриторіальной—при оккупаціи несовершенной (по этому поводу см. ниже). Противоположный взглядъ, господствующій въ литературѣ (см. Pillet, l. c., p. 241, Holtzendorff, l. c., II, S. 227 ff., Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, 535 сл., Rivier, l. c., II, p. 300; „Avant la fin de la guerre. l'occupant n'y exerce qu'un pouvoir de fait, essentiellement provisoire", Manuel de l'Institut. art. 6; см. также Lueder, l. c., S. 511 ff., Ullmann, l. c., S. 332, Despagnet, l. c., p. 580 ss., Heimburger, l. c., S. 125, Petit, l. c, p. 5 ss., Rolin-Jaequemyns, l. c., p. 29, Jèze, l. c., p. 44 ss., Corsi, l. c., p. 57 ss., Schneller, l. c., S., 171 ff.), разсматриваетъ власть оккупанта исключительно въ качествѣ факта, временно ограничивающаго, при этомъ, права государства, которому принадлежитъ оккупированная непріятелемъ территорія. Подобный взглядъ основанъ на неправильной конструкціи верховенства вообще, а также смѣшеніи понятій временности и срочности: преходящій характеръ оккупаціи—оккупантъ владѣетъ территоріальнымъ верховенствомъ до наступленія фактовъ, уничтожающихъ оккупацію—не имѣетъ

На тѣхъ же началахъ построено, какъ мы увидимъ ниже, современное территоріальное верховенство папства въ предѣлахъ Ватикана.

δ) Экстерриторіальность не обусловливается детерриторіальнымъ верховенствомъ [1]), въ противномъ случаѣ, территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ нею органически связанная, необходимо предполагала бы, въ свою очередь, наличность послѣдняго, что не совпадаетъ, однако, съ дѣйствительностью (см. выше стр. 172 п., β).

ε) Детерриторіальное верховенство не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова [2]), чему наглядным примѣромъ служатъ юридическія послѣдствія, связанныя съ военною оккупаціей. Основанныя на шаткомъ успѣхѣ оружія, права оккупанта по самой природѣ своей являются преходящими: „statu quo ante bellum" сохраняется неизмѣннымъ до окончанія войны. При такихъ условіяхъ, территоріальныя формы верховенства, временно отпавшія въ виду оккупаціи, востановляются въ пользу государства, которому принадлежитъ данная территорія, „eo ipso" по прекращеніи органичительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе ими т.-е., по уходѣ изъ данной мѣстности непріятельскихъ войскъ,—признакъ, характеризующій, какъ мы видѣли выше, детерриторіальную форму верховенства. То же должно сказать относительно Босніи и Герцеговины, по отношенію къ которымъ верховенство Турціи ограничивается, въ настоящее время, детерриторіальною властью, за вычетомъ прочихъ формъ, отошедшихъ къ Австро-Венгріи

ничего общаго съ срочностью права, производнаго по происхожденію и природѣ

[1]) Въ этомъ моментѣ обнаруживается существенный недостатокъ матеріальной теоріи Gerber'a, l. c., S. 65 ff. и его послѣдователей (см. выше, стр. 165, пр. 1). разсматривающихъ территоріальное верховенство въ качествѣ вещнаго публичнаго права.

[2]) Что, къ сожалѣнію, упускаютъ изъ вида сторонники формальной конструкціи территоріальнаго верховенства (см. выше, стр. 165, пр. 1).

ς) Детерриторіальная власть не обусловливается экстерриторіальностью, въ силу соображеній, аналогичныхъ изложеннымъ въ предшествующемъ пунктѣ.

§ 13.

b) Личная форма власти. Послѣдняя, въ свою очередь, выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ, формахъ господства: положительной и отрицательной.

aa) Личная форма власти выражается въ двухъ формахъ господства: положительной и отрицательной:

α) Положительная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію принадлежащей ему власти, господствуетъ надъ опредѣленными лицами безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой они находятся, и не обусловливаясь, при этомъ, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

αα) Положительная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный организмъ господствуетъ надъ опредѣленными лицами безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой они находятся. Отсюда слѣдуетъ, что связь между господствующимъ и подчиняемымъ, въ условіяхъ данной формы верховенства, является постоянной, въ отличіе отъ территоріальной, господство которой ограничено мѣстонахожденіемъ подчиняемаго. Переходъ на иностранную территорію не разрушаетъ подданства, которое продолжаетъ служить источникомъ различныхъ обязанностей по отношенію къ государству-отечеству, поскольку эти обязанности не ограничиваются въ своемъ дѣйствіи территоріальною властью. Какъ мы увидимъ ниже, это правило одинаково приложимо

къ католической церкви, господство которой надъ паствою, по существу несомнѣнно властное, тяготѣетъ надъ нею безотносительно къ какимъ бы то ни было территоріальнымъ границамъ.

ββ) Степень господства опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей данному организму. Правовой укладъ государства, отражая на себѣ преходящіе запросы эпохи, не представляется неизмѣннымъ. Разграниченіе компетенціи между отдѣльными государствами не всегда и повсюду проводилось согласно одному и тому же принципу. Такъ называемый конфликтъ законовъ—вопросъ еще не получившій, до настоящаго времени, своего окончательнаго разрѣшенія въ наукѣ и практикѣ—служитъ тому наглядным примѣромъ. Но этого мало, самая компетенція государства поддается дробленію: въ союзномъ государствѣ, недѣлимая по существу, но сложная по содержанію, суверенная власть распредѣляется между союзнымъ цѣлымъ и входящими въ составъ его членами. При такихъ условіяхъ, подданство населенія является двойственнымъ [1]), а его обязанность повиноваться правительству—частичной, ограниченной составомъ принадлежащей ему компетенціи, союзной и мѣстной. То же должно сказать по поводу взаимнаго отношенія

---

[1]) Двойственность подданства населенія союзнаго государства признаютъ Gerber. l. c., S. 246 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 278 ff., Brie, l. c., S. 156 ff., Rönne, l. c, S. 32, Westerkamp, S. 19 ff., 29, 40 ff., 52, Schulze, l. c., Bd. I, S. 45 ff., 348, Bd. II, S. 1, 23 ff., Martitz, l. c., S. 1 ff., Mohl, l. c., S. 28 ff., 35, G. Meyer, l. c., S. 20 ff., 155, 164, Meentzen, l. c., S. 9 ff., 13, Grimm, l. c., S. 15 ff., Waitz, l. c., S. 200, отчасти и Laband. l. c., Bd. I, S. 54, 72, 118 ff., 167 —Къ другому выводу приходятъ Haenel, l. c., Bd I, S. 63, Gierke, l. c., S. 11, 62 ff., Bornhak, l. c., S. 12, отрицающіе значеніе государства, какъ за союзнымъ цѣлымъ въ отдѣльности, такъ и за входящими въ составъ его членами. Zorn, l. c., Bd. I, S. 69 ff., Le Fur, l. c., p. 680 ss., отождествляя союзное государство съ простымъ, децентрализованнымъ, отрицаютъ мѣстное подданство. Наоборотъ, M. Seydel (Zeitschrs. für die Ges. Staatswiss. 1872, S. 185), разсматривая союзное государство въ качествѣ союза государствъ, признаетъ лишь мѣстное подданство.

обѣихъ властей, духовной и свѣтской. Государство преслѣдуетъ интересы земные; церковь имѣетъ въ виду бытіе отрѣшенное отъ земной оболочки,—царство небесное не отъ міра сего [1]). Въ отличіе отъ неопредѣленной, по содержанію, государственной цѣли, преслѣдующей всестороннее удовлетвореніе духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ подданныхъ—отвлеченная формула съ постоянно измѣняемымъ содержаніемъ—конечная цѣль церкви почерпается въ Божественномъ откровеніи; духовная власть зиждется на строго формулированныхъ догматахъ, непреложныхъ и непогрѣшимыхъ, съ религіозной точки зрѣнія, а потому вѣчныхъ и неизмѣнныхъ [2]). Творческая дѣятельность церкви представляетъ собою развитіе началъ, заложенныхъ въ основу Евангелія. Государство не имѣетъ подобнаго Евангелія. Различіе цѣлей отражается на содержаніи обѣихъ властей, а слѣдовательно и на присущей имъ компетенціи, что, въ свою очередь, объясняетъ возможность одновременнаго воздѣйствія религіознаго и политическаго организмовъ на одинъ и тотъ же объектъ, каковымъ является подданный и вѣрующій, членъ государства и церкви.

γγ) Положительная форма личнаго властвованія выражаетъ собою верховенство, поскольку господство надъ подчиняемыми не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Первый признакъ обнаруживаетъ въ ней элементы господства, противополагая личную форму власти правамъ требованія. Второй—выдѣляетъ ее изъ понятія простыхъ полномочій, извнѣ вручаемыхъ данному организму.

β) Отрицательная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный

---

[1]) См. по этому поводу Rehm, l. c., S. 32 ff.

[2]) Догматическая конструкція религіозной цѣли необходимо облекаетъ церковь въ форму спеціальной корпораціи, въ отличіе отъ государства—организма общаго, всесторонняго характера.

организмъ, соразмѣрно содержанію принадлежащей ему власти, исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ надъ опредѣленными лицами, подчиненными ему безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой они находятся.

αα) Отрицательная форма личной власти выражается въ правѣ, въ силу котораго данный общественный организмъ исключаетъ господство другихъ организмовъ надъ опредѣленными лицами безотносительно къ мѣстонахожденію послѣднихъ. Въ этомъ моментѣ исключенія чужого господства данная форма власти сходна съ экстерриторіальной. Различіе между ними обнаруживается въ томъ отношеніи, что послѣдняя ограничивается въ своемъ дѣйствіи опредѣленнымъ пространствомъ, тогда какъ личная форма господства не связана съ территоріей.

ββ) Степень исключенія господства другихъ организмовъ опредѣляется содержаніемъ власти, принадлежащей данному организму надъ подчиненнымъ ему населеніемъ. Отсюда слѣдуетъ, что пребываніе подданныхъ на иностранной территоріи ограничиваетъ господство надъ ними государства-отечества лишь въ отношеніи правъ, непосредственно вытекающихъ изъ территоріальной формы верховенства [1]); другими словами, размѣры наступающаго, при этомъ, „capitis deminutio“ равняются разности правъ, вытекающихъ изъ территоріальнаго верховенства, съ одной стороны, и личныхъ формъ власти,—съ другой. Въ силу аналогичнаго принципа, члены союзнаго государства, господствуя надъ подчиненнымъ имъ, на началахъ подданства, населеніемъ, не исключаютъ параллельнаго господства союзной власти надъ тѣми же лицами, поскольку расчлененіе верховенства по содержанію, отводя, какъ мѣстнымъ правитель-

[1]) Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 226 ff., Rivier, l. c., I, p. 137, Stoerk, l. c., S. 630 ff.

ствамъ, такъ и союзному цѣлому, опредѣленную сферу дѣятельности, устраняетъ, тѣмъ самымъ, неизбѣжную, въ противномъ случаѣ коллизію компетенцій [1]). То же должно сказать по поводу коллизіи между государствомъ и церковью. Степень взаимнаго исключенія обѣихъ властей, духовной и свѣтской, опредѣляется, въ данномъ случаѣ, общностью ихъ содержанія, иначе говоря, коллизія между ними наступаетъ лишь по вопросамъ смѣшанной компетенціи.

γγ) Подобное право не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Въ этомъ моментѣ обнаруживается суверенный характеръ данной формы господства, въ отличіе отъ простыхъ полномочій, съ одной стороны, и права требованія, — съ другой. По этому поводу см. выше стр. 158 сл. n. n. a, b. c.

bb) Положительная и отрицательная формы личнаго верховенства органически связаны между собою.

α) Положительная форма обусловливается отрицательной, поскольку господство надъ опредѣленными лицами необходимо предполагаетъ исключеніе аналогичнаго, по содержанію, господства другихъ организмовъ—признакъ, характеризующій отрицательную форму верховенства—въ противномъ случаѣ неизбѣжно наступаетъ коллизія, парализующая каждую изъ обѣихъ властей.

β) Отрицательная форма обусловливается положительной, поскольку первая, по самой природѣ своей, является производной, направленной къ обезпеченію данному организму свободнаго осуществленія тѣхъ положительныхъ актовъ власти, которые относятся къ его сущности.

2) Территоріальная и личная формы верховенства органически связаны между собою.

a) Территоріальная власть обусловливается личнымъ верховенствомъ [2]), поскольку всякая власть вообще

---

[1]) По этому поводу см. выше, стр. 180, примѣч. 1.

[2]) Это начало является аксіомой.

предполагаетъ господство надъ лицами, характеризуетъ соотношеніе нѣсколькихъ воль, изъ которыхъ одна господствуетъ надъ остальными. Совокупность сплоченныхъ въ одно органическое цѣлое индивидуумовъ необходимо связуется властью, которая распредѣляетъ между ними права и обязанности, регламентируетъ ихъ публичную дѣятельность, словомъ, служитъ тѣмъ собирательнымъ центромъ, съ уничтоженіемъ котораго общественный организмъ необходимо подлежитъ разложенію. Очевидно, что подобная власть, предполагая длящееся участіе подчиняемыхъ въ бытіи общественнаго организма, прежде всего облекается въ личную форму верховенства, въ силу которой господство надъ опредѣленными лицами не обусловливается, въ своемъ бытіи, мѣстонахожденіемъ подчиняемыхъ. Территоріальная власть, ограниченная въ своемъ дѣйствіи опредѣленнымъ пространствомъ, недостаточна для конструкціи соціальнаго организма, что̀ становится особенно убѣдительнымъ въ тѣхъ, правда рѣдкихъ, случаяхъ, когда территоріальная власть ограничивается до степени экстерриторіальной, обязующей подчиняемыхъ лишь воздерживаться отъ актовъ, прямо или косвенно посягающихъ на мѣстную власть, не привлекая ихъ принимать активнаго участія въ бытіи соціальнаго организма—обязанность, возлагаемая личнымъ верховенствомъ.

b) Личная власть не обусловливается территоріальнымъ верховенствомъ. Государство немыслимо безъ обладанія опредѣленною территоріей. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы территоріальная власть являлась элементомъ, необходимо присущимъ всякому вообще суверенному организму, безотносительно къ природѣ послѣдняго. Въ отличіе отъ государства, католическая церковь, какъ таковая, не обладаетъ территоріей, что̀ не лишаетъ ее, однако, значенія вполнѣ равноправнаго государству, суверенаго организма, поскольку господство Св. Престола надъ паствою не обусловливается въ своемъ бытіи, съ канонической точки зрѣнія, властью другихъ организмовъ, въ томъ числѣ и государства, или согласіемъ подчиняемыхъ—элементы автори-

тета и самобытности, изъ которыхъ слагается понятіе суверенаго властвованія [1]).

§ 14

п. Свобода есть юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, властвуя въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной. Подобное состояніе, недѣлимое по существу, но сложное по содержанію, выражается въ двухъ формахъ свободы: объективной и субъективной [2]).

1) Свобода есть состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной. Понятіе суверенитета (верховенства) обнаруживается въ природѣ тѣхъ отношеній, которыя связуютъ господствующаго съ подчиняемымъ, причемъ это господство получаетъ, какъ мы видѣли выше, значеніе власти, поскольку оно не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью

---

[1]) По этому поводу см. ниже.

[2]) Къ сожалѣнію, понятіе свободы продолжаетъ смѣшиваться съ верховенствомъ, съ одной стороны, и независимостью—съ другой. Такъ, Laband, l. c., Bd. I, S. 62 опредѣляетъ верховенство въ качествѣ высшей власти, свободной отъ подчиненія. Согласно Gerber'y (l. c., S. 22), суверенитетъ есть свойство совершенной государственной власти, не всегда присущее, однако, послѣдней; это совершенство онъ усматриваетъ въ ея независимости. Еще болѣе подчеркиваютъ, при опредѣленіи верховенства, значеніе свободы и независимости, не дѣлая, при этомъ, между ними различія—Jellinek, Staatenverbindungen, S. 34, Haenel, l. c., I, S. 148 ff., Gierke, l. c., S. 1168, Rosin, l. c., S. 269 ff., Bornhak, l. c., S. 9, H. Preuss, l. c., S. 100 ff. См. также Bonfils, Manuel de droit international public, № 268. Органическая связь верховенства и свободы (см. ниже) не исключаетъ ихъ самостоятельнаго значенія, какъ понятій, по существу различныхъ.

другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Въ отличіе отъ верховенства, свобода имѣетъ въ виду соотношеніе равноправныхъ другъ другу организмовъ, независимо отъ вопроса о господствѣ послѣднихъ надъ подчиненнымъ имъ населеніемъ. Въ этомъ смыслѣ, свобода можетъ быть разсматриваема въ качествѣ вполнѣ самостоятельнаго, наряду съ суверенитетомъ, понятія,—источника различныхъ правъ и обязанностей, конструкція которыхъ при помощи одного лишь верховенства является безусловно немыслимой. Родовое понятіе господства (суверенаго и полномочнаго) противополагается праву требованія. Между тѣмъ, противоположнымъ свободѣ понятіемъ является подчиненіе, а не господство или же право требованія, въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что свободный организмъ, въ качествѣ такового, не можетъ господствовать и быть субъектомъ договорныхъ правъ требованія—поскольку одинъ и тотъ же предметъ не можетъ одновременно обладать противоположными признаками,—что не только противорѣчитъ дѣйствительности, но самой природѣ свободы, органически связанной съ властью, верховенствомъ.

2) Право исключенія господства надъ собою другихъ организмовъ ограничивается содержаніемъ опредѣленной компетенціи. Это правило является общимъ, одинаково приложимымъ ко всякому соціальному организму, безотносительно къ природѣ послѣдняго, церкви и государству, простому и сложному—безразлично [1]). По-

[1]) Въ этомъ смыслѣ не вполнѣ удачна формула Jellinek'a, Staatenverbindungen, S. 43 ff., согласно которой государство признается субъектомъ безконтрольнаго права власти. Еще бо̀льшими недостатками страдаетъ опредѣленіе Haenel'я, l. c., Bd. I, S 148, 149: „Niemand kann sich selbst seine Kompetenz erweitern. Aber er“ (dieser Satz) „trifft nicht zu fur den Staat selbst... In dieser Rechtsmacht des Staates über seine Kompetenz liegt die oberste Bedingung der Selbstgenugsamkeit, der Kernpunkt seiner Souveränetät“. Точнѣе, Rosin, l. c., S. 269 ff., поскольку право самоопредѣленія по собственной волѣ (ausschliessliche Bestimmbarkeit)—въ немъ усматриваетъ онъ сущность верховенства—не противорѣчитъ моменту компетентности власти.

добное ограничительное дѣйствіе компетенціи непосредственно вытекаетъ изъ самаго понятія юридическаго организма, опредѣляемаго въ своемъ бытіи территоріальной и предметною компетенціей. Этимъ моментомъ юридическая свобода отличается отъ произвола.

3) Въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, свободный организмъ исключаетъ господство надъ собой другихъ организмовъ безотносительно къ компетенціи послѣднихъ. „Qui suo iure utitur nemini facit iniuriam". Это римское изреченіе вполнѣ приложимо къ области международныхъ отношеній, построенныхъ на началахъ безусловнаго равенства. Свободный организмъ не можетъ быть признанъ обязаннымъ, иначе какъ въ силу собственнаго согласія, ограничивать свою компетенцію въ интересахъ сосѣда лишь потому, что данный вопросъ, прямо или косвенно, затрагиваетъ компетенцію послѣдняго.

4) Свобода выражается въ двухъ формахъ: объективной и субъективной. Различіе между ними обнаруживается въ конструкціи носителя власти—идеальнаго и реальнаго. По самой природѣ своей, соціальный организмъ является собирательнымъ, а потому воля его конструируется искусственно. Государство, церковь, словомъ, всякій организмъ, выступающій въ качествѣ самостоятельной юридической личности, нуждается въ особомъ волеобразовательномъ органѣ, который служитъ реальнымъ носителемъ власти, идеальнымъ субъектомъ которой является соціальное цѣлое. Свобода перваго облекается въ субъективную, свобода второго—въ объективную форму. Въ обоихъ случаяхъ, самое состояніе свободы характеризуется аналогичными признаками.

5) Обѣ формы свободы органически связаны между собою:

а) Субъективная свобода обусловливается объективной. Подчиненное положеніе соціальнаго цѣлаго исключаетъ свободу [1]) органовъ выраженія воли послѣдняго, по-

[1]) Мы имѣемъ, при этомъ, въ виду свободу, какъ элементъ международной правоспособности, въ предложенной нами формулировкѣ.

скольку эта воля опредѣляется другою, надъ нею господствующею. Государь, парламентъ, словомъ, реальный носитель государственной власти, независимо отъ различія формъ государственнаго устройства, не можетъ возвыситься надъ государствомъ, которое въ качествѣ идеальнаго носителя власти служитъ дѣйствительнымъ источникомъ врученнаго ему права господства надъ подданными. При такихъ условіяхъ, судьба государства опредѣляетъ дальнѣйшее положеніе и права верховныхъ органовъ государственной власти. То же должно сказать относительно церкви и всякаго вообще суверреннаго организма, независимо отъ природы послѣдняго.

b) Объективная свобода не обусловливается субъективной. Въ качествѣ юридическаго организма государство является въ своемъ бытіи эксцентричнымъ по отношенію къ своимъ преходящимъ членамъ. Тѣсно связанное съ населеніемъ, оно не совпадаетъ, однако, съ природой и судьбою послѣдняго. Такъ, населеніе одного организма, не исключая реальнаго носителя принадлежащей послѣднему власти, можетъ одновременно входить въ составъ другого, одинаково суверреннаго и свободнаго организма, и подчиняться ему, что̀, само по себѣ, еще не влечетъ за собой соподчиненія идеальныхъ носителей обѣихъ властей, ограниченія объективной свободы перваго въ пользу второго; конструкція союзнаго государства служитъ тому наглядным примѣромъ [1]). Двойственность гражданства, а слѣдовательно и подданства, не исключаетъ объективной свободы государствъ, въ составъ которыхъ входятъ данныя лица. Потеря субъективной свободы, а съ нею вмѣстѣ и независимости, ограничивая международную правоспособность даннаго организма, не поражаетъ объективной свободы послѣдняго, поскольку свобода

---

[1]) Мы имѣемъ, при этомъ, въ виду союзныя государства, построенныя на республиканскихъ началахъ (С.-А. Соед. Штаты, Швейцарія); монархическая конструкція подобнаго государства (Германія) болѣе обезпечиваетъ субъективную свободу входящимъ въ составъ его членамъ, въ виду „внѣподданства“ государя.

и независимость, это два различныхъ, какъ мы увидимъ ниже, понятія.

б) Свобода недѣлима по существу, но сложна по содержанію.

а) Свобода недѣлима по существу. Нельзя быть одновременно свободнымъ и несвободнымъ, подчиненнымъ и неподчиненнымъ. Подобно суверенитету, свобода по существу абсолютна [1]). Признавъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, хотя бы въ одномъ лишь вопросѣ, относящемся къ его компетенціи, данный организмъ, тѣмъ самымъ, теряетъ свободу въ пользу господствующаго.

b) Свобода дѣлима по содержанію, поскольку территоріальная и предметная компетенція даннаго организма является вообще расчленимой что̀, въ свою очередь, зависитъ отъ природы послѣдняго, а также—объектовъ, подлежащихъ дробленію. Расчлененіе компетенціи, уменьшая сферу свободы, содержаніе послѣдней, не посягаетъ на ея существо. Въ условіяхъ ограниченной компетенціи, государство продолжаетъ оставаться такимъ же свободнымъ, какимъ оно было и прежде, до наступленія „capitis deminutio“, умалившаго его компетенцію. Примѣромъ органическаго расчлененія свободы по содержанію служитъ союзное государство, въ которомъ общій комплексъ подлежащихъ вѣдѣнію государственной власти предметовъ, въ простомъ государствѣ связанныхъ въ одно цѣлое, распредѣляется, въ данномъ случаѣ, между союзною властью и мѣстными правительствами.

7) Свобода есть юридическое состояніе, поскольку присущее всякому свободному организму право исключать господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, не устраняетъ различныхъ внѣшнихъ вліяній,

---

[1]) См. также Laband, l. c., Bd. I, S. 57 ff., 65 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 35, Gerber, l. c., S. 32, Haenel, l. c., Bd. I, S. 63 ff., Rosin, l. c., S. 270, Zorn, l. c., Bd. I, S. 46 ff., Bornhak, l. c., S. 246, Rehm, l. c., S. 68. Къ сожалѣнію, понятіе свободы отождествляется, при этомъ, съ верховенствомъ.

значительно ограничивающихъ его осуществленіе. Коллизія интересовъ, неизбѣжная въ условіяхъ сосуществованія во времени и пространствѣ, при фактическомъ неравенствѣ силъ и способностей проводитъ глубокое различіе между освбодой юридической и естественной.

§ 15.

III. Независимость есть юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ [1]).

---

[1]) Неравенство нѣсколькихъ организмовъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ можетъ выражаться въ двоякой формѣ: ограниченія свободы или независимости одного—въ пользу другого. Въ первомъ случаѣ, несвободный организмъ, въ качествѣ подчиненнаго, теряетъ верховенство—власть низводится до степени полномочій; во второмъ—зависимый организмъ не лишается свободы и власти, но ограничивается въ осуществленіи послѣдней; его акты господства, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, сохраняютъ существенные элементы верховенства—авторитетъ и самобытность. Какъ мы увидимъ ниже, свобода является необходимымъ условіемъ верховенства; нельзя того же сказать относительно независимости.—Къ сожалѣнію, въ силу смѣшенія понятій суверенитета, свободы и независимости, это существенное различіе осталось до настоящаго времени неотмѣченнымъ; ср. Klüber, Le droit des gens moderne en Europe, § 21, Heffter-Geffcken, Le droit international de l'Europe, p. 49 ss, Neumann, Grundriss des heutigen Europäischen Völkerrechts, S. 18, Kaltenborn, Einleitung in das constitutionelle Verfassungsrecht, § 14, Woolsey, Introduction to the Study of international Law, § 37, Oppenheim, System des Völkerrechts, S. 88, Nys, Etudes de droit international et de droit politique, II, p. 135 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 66 ss, 187 ss., Gareis, Institutionen des Völkerrechts, S. 48, Bry, l. c., p. 34, Liszt, Das Völkerrecht, S. 41, Bonfils, l. c., p. 78 ss., 125 ss., 132 ss. Аналогичнаго взгляда придерживаются современные германскіе публицисты: Laband, l. c., Bd. I, S. 62, Gerber, l. c., S. 22, Rosin, l. c., S. 269 ff., Gierke, l. c., S. 1162 ff., Jelli-

1) Предметомъ независимости служитъ осуществленіе власти. Суверенным является организмъ, самъ въ себѣ заключающій источникъ господства. Авторитетъ и самобытность, таковы—два признака, отличающіе, какъ мы видѣли выше, верховенство отъ права требованія, съ одной стороны, и полномочій—съ другой. Въ отличіе отъ верховенства, независимость, подобно свободѣ, имѣетъ въ виду осуществленіе власти, по природѣ своей суверенной,

2) Независимый организмъ не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ, другими словами, вправѣ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, осуществлять свою власть въ формѣ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ дѣйствій, руководствуясь исключительно собственной волей, хотя бы данный вопросъ одновременно затрагивалъ компетенцію другихъ организмовъ. Различіе между зависимымъ и независимымъ состояніями характерно выступаетъ въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, когда опредѣленный предметъ одновременно входитъ въ сферу дѣятельности нѣсколькихъ организмовъ. Зависимый—вправѣ осуществлять свою власть лишь подъ условіемъ бездѣйствія организма, въ пользу котораго ограничена его независимость. Эта обязанность не распространяется на послѣдняго. Независимость является вполнѣ самостоятельнымъ понятіемъ, отличнымъ отъ верховенства и свободы. Возьмемъ, для большей наглядности, три организма: A, B и C, изъ которыхъ первые два находятся въ зависимости отъ третьяго; при этомъ, A несуверенно, а B хотя и обладаетъ верховенствомъ, самъ въ себѣ заключая источ-

---

nek, Staatenverbindungen, S. 34, Haenel, l. c., Bd. I, S. 148 ff., Bornhak, l. c., S. 9, Auerbach, l. c., S. 92, Schulze, l. c., Bd. I, S. 24 ff., Grimm, l. c., S. 17, 42, G. Meyer, l. c., S. 2 ff., 9 ff., Mohl, l. c., S. 28 ff., Held, l. c., S. 321, Heimburger, l. c., S. 27, 33. Отождествляя суверенитетъ съ независимостью, H. Preuss, l. c., S. 100 ff., приходитъ къ принципіальному отрицанію его современнаго значенія въ правовомъ государствѣ..

никъ господства, но, будучи зависимъ, обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти С. Теперь допустимъ, что послѣдняя уничтожилась. Очевидно, что А неизбѣжно потеряетъ, при этомъ, право на дальнѣйшее господство, которое, по существу своему, являлось делегированнымъ, производнымъ, а потому облекалось въ форму полномочій, а не власти (верховенства), въ строгомъ смыслѣ этого слова. Наоборотъ, В, будучи суверенным, самъ въ себѣ заключая источникъ господства, не лишается власти, но изъ зависимаго организма становится независимымъ, поскольку совершенное уничтоженіе С, ограничивавшаго его независимость, освобождаетъ его отъ обязанности руководствоваться въ осуществленіи собственной власти некомпетентностью или бездѣйствіемъ власти послѣдняго. Такимъ образомъ, при конструкціи суверенитета существенно значеніе наличности; при конструкціи независимости — отсутствія (некомпетентности) или бездѣйствія власти другихъ организмовъ.

3) Независимость ограничивается содержаніемъ компетенціи, принадлежащей данному организму. Это правило одинаково приложимо ко всѣмъ вообще элементамъ международной правоспособности—суверенитету, свободѣ и независимости. Въ области чуждыхъ ей интересовъ, верховная власть теряетъ свой властный характеръ, поскольку самое бытіе коллективнаго организма, каковымъ является юридическое лицо, ограничивается содержаніемъ присущей ему компетенціи. Власть является жизненной функціей соціальнаго организма; свобода и независимость—состояніями послѣдняго, характеризующими его отношеніе къ прочимъ. Взятые вмѣстѣ, они служатъ внѣшними проявленіями его бытія, ограниченнаго природою даннаго организма, въ свою очередь опредѣляющей содержаніе присущей ему компетенціи (абсолютной) [1]).

---

[1]) Различіе между абсолютной и относительной компетенціями указано ниже.

4) Независимость, недѣлимая по существу, сложна по содержанію. Въ этомъ отношеніи, все сказанное выше по поводу верховенстяа и свободы одинаково приложимо къ данному случаю.

5) Независимость есть юридическое состояніе, не всегда совпадающее съ естественной независимостью даннаго организма, по природѣ своей столь же относительной, ограниченной, какъ верховенство и свобода послѣдняго.

В) Суверенитетъ, свобода и независимость органически связаны между собою:

1) Суверенитетъ обусловливается объективной свободой [1]), поскольку обладаніе властью (верховенствомъ), господство которой не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ—признакъ верховенства—необходимо предполагаетъ право исключенія господства надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной—признакъ свободы. Подчиненный организмъ несомнѣнно можетъ господствовать надъ другими, не обусловливаясь, при этомъ, согласіемъ подчиняемыхъ—родовой признакъ господства вообще—тѣмъ не менѣе, подобное господство необходимо облекается въ форму полномочій (а не власти въ собственномъ смыслѣ этого слова), источникъ которыхъ коренится въ верховенствѣ господствующаго надъ нимъ организма.

2) Сувернитетъ не обусловливается субъективной свободой. Всякій суверенный организмъ. въ качествѣ идеальнаго носителя власти, необходимо обладаетъ объективной свободой, въ противномъ случаѣ онъ теряетъ верховенство, но въ субъективномъ отношеніи онъ можетъ подчиняться другому, что наступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда личный субстратъ реальнаго субъекта присвоенной первому власти—физическій носитель верховенства—вхо-

---

[1]) Ср. Laband, l. c., Bd. I, S. 62, Rosin, l. c., S. 269 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 34, Haenel, l. c., Bd. I, S. 148 ff., Gierke. l. c., S. 1168, Bornhak, l. c., S. 9, Gerber, l. c., S. 22.

дитъ въ составъ другого организма и подчиняется ему на началахъ подданства. Въ такомъ положеніи находятся члены союзнаго государства, построеннаго на республиканскихъ началахъ, напр., швейцарскіе кантоны: гражданство ихъ населенія, а слѣдовательно, и народныхъ представителей—физическаго носителя верховной кантональной власти—является двойственнымъ: кантональнымъ и федеральнымъ. Въ этомъ смыслѣ, кантоны хотя и являются суверенными [1]), поскольку господство послѣднихъ надъ подданными не обусловливается. въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ, а также объективно свободными (исключая, въ вопросахъ относящихся къ ихъ компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти, въ томъ числѣ и союзной), тѣмъ не менѣе они лишены субъективной свободы, а съ нею вмѣстѣ и независимости [2]).

3) Суверенитетъ не обусловливается независимостью: можно быть суверенным, не будучи независимымъ —обладать авторитетной и самобытною властью, осуществленіе которой ограничено моментомъ некомпетентности или бездѣйствія власти другого суверенаго организма—признакъ, характеризующій состояніе зависимости.

---

[1]) „Les peuples des vingt-deux Cantons souverains de la Suisse, unis par la présente alliance... forment dans leur ensemble la Confédération suisse“ (art. 1 de la Constitution fédérale du 29 mai 1874); и далѣе: „les Cantons sont souverains en tant que leur souveraineté n'est pas limitée par la Constitution fédérale, et, comme tels ils exercent tous les droits qui ne sont pas delégués au pouvoir fédéral“ (ibid., art. 3), Dareste, les constitutions modernes, I, p. 441 ss., Schollenberg, Grundriss des Staats- und Verwaltungsrechts der Schweizerischen Kantone, Bd. I, S. 8 ff., ср. Orelli, Das Staatsrecht der schweizerischen Eidgenossenschaft, S. 24 ff. (Handb. des Oeffentlichen Rechts, 1885), Blumer-Morel, Handbuch des Schweizerischen Bundesstaatsrechtes, Bd. I, S. 171 ff., Dubs, Das Oeffentliche Recht der Schweizerischen Eidgenossenschaft, Bd. II, S. 28 ff.

[2]) Безотносительно къ вопросу о субъективной свободѣ, независимость членовъ союзнаго государства непосредственно ограничивается союзною конституціей.

Различіе между верховенствомъ и полномочіями обнаруживается въ самомъ источникѣ господства: всякій организмъ, господство котораго не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ, является суверенным. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы онъ обладалъ независимостью,—элементомъ привходящимъ, существеннымъ лишь для международной правоспособности даннаго организма, но не обусловливающимъ собою власти (верховенства) послѣдняго. Конструкція союзнаго государства служитъ тому наглядным примѣромъ [1]): въ то время

---

[1]) Конструкція союзнаго государства тѣсно связана съ альтернативой: суверенитетъ является (или же нѣтъ) существеннымъ элементомъ государства. Въ первомъ случаѣ признаніе верховенства членовъ союзнаго государства приводитъ къ отождествленію послѣдняго (Bundesstaat) съ союзомъ государствъ (Staatenbund), иначе говоря—принципіальному отрицанію союзнаго государства, какъ такового; подобную точку зрѣнія защищаетъ M. Seydel, Der Bundesstaatsbegriff (Zeitschr. für die gesammte Staatswissenschaft, 1872, S. 185; см. также Hirth's Annalen, 1876, S. 641 ff.). Перестановка субъектовъ верховенства приводитъ къ обратному выводу: отождествленію членовъ союзнаго государства съ общиною, смѣшенію союзнаго государства съ простымъ децентрализованнымъ государствомъ; такова теорія Zorn'a, l. c., Bd. I, S. 69 ff., см. также Ritter, l. c., S. 30, Le Fur, l. c., p. 680 ss. Въ обоихъ случаяхъ союзное государство лишается самостоятельнаго значенія. Во избѣжаніе этого, Haenel, l. c., Bd. I. S. 63, Gierke, l. c., S. 1162 ff., Bornhak, l. c., S. 12, усматриваютъ союзное государство въ органическомъ взаимодѣйствіи союзнаго цѣлаго и входящихъ въ составъ его членовъ; ни второе, ни послѣднее, взятые порознь, не обладаютъ существенными элементами государства. Наконецъ, Waitz, Grundzüge der Politik, S. 153 ff., Westerkamp, l. c., S. 32, 40 ff., Rönne, l. c., S. 30 строятъ союзное государство на началахъ расчлененія верховенства по содержанію; при такихъ условіяхъ, суверенным является какъ союзное цѣлое, такъ и его члены; къ тому же приходятъ Martitz, l. c., S. 1 ff., 41, Meentzen, l, c., S. 9 ff., Held, S. 431, 447, 463, Gareis, Institutionen des Völkerrechts, S. 54 ff., Hübler, l c., S. 16, отчасти Liszt, l. c., S. 43 ff.—Противоположнаго взгляда придерживаются Laband, l. c., Bd. I, S. 50 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 137 ff., 253 ff., Rosin, l. c., S. 265 ff.. Brie, l. c., S. 154, отчасти и Gerber, l. c., S. 22, 244 ff., а также Auerbach, l. c., S. 88 ff., Schulze, l. c.. Bd. I, S. 44 ff., Bd. II, S. 1 ff., Grimm l. c., S. 15 ff., G. Meyer, S. 2 ff, 20 ff., 154 ff., 164, Mohl, l. c., S. 28 ff., 32 ff,

какъ община, съ уничтоженіемъ государства, въ составъ котораго она входитъ, теряетъ свои полномочія, свое право господства, члены союзнаго государства не лишаются власти въ силу одного лишь факта уничтоженія союзнаго цѣлаго, ибо сами въ себѣ почерпаютъ источникъ господства — характерный признакъ верховенства. Нельзя того же сказать относительно ихъ независимости, ограниченной въ пользу союзнаго государства: въ осуществленіи власти мѣстнымъ правительствамъ приходится руководиться отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ союзной власти—признакъ, характеризующій ихъ зависимое состояніе. Значеніе независимости обнаруживается, какъ мы видѣли выше, при

---

36 ff. Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи, стр. 210 сл. Представители этой теоріи, разсматривая суверенитетъ въ качествѣ элемента привходящаго, несущественнаго для конструкціи государства вообще, признаютъ суверенным одно лишь союзное цѣлое, отличая его членовъ отъ общины моментомъ власти. Утверждая, однако, авторитетъ и самобытность послѣдней—существенные, какъ мы видѣли выше, элементы верховенства—сторонники подобнаго взгляда удовлетворяются исключительно вербальнымъ отрицаніемъ верховенства союзныхъ членовъ; иначе говоря,—приходятъ къ той же теоріи Waitz'a (см. выше), противъ которой они такъ рѣшительно ополчаются. Выйти изъ этого заколдованнаго круга возможно, по нашему мнѣнію, не иначе, какъ на почвѣ строгаго разграниченія понятій суверенитета, свободы и независимости: главенство союзнаго государства надъ мѣстными правительствами воплощается въ форму ограниченія независимости, а не верховенства и свободы послѣднихъ, иначе говоря, отражается не на природѣ, а на порядкѣ осуществленія принадлежащей имъ власти въ границахъ, опредѣляемыхъ союзною конституціей. Зависимое положеніе членовъ союзнаго государства устраняетъ коллизію между ними и союзнымъ цѣлымъ въ вопросахъ смѣшанной компетенціи. Отчасти къ тому же приходятъ Pradier-Fodéré, Traité de droit international public, I, n-os 122 ss., Bonfils, l c, p. 78 ss., 85 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 66 ss., 78 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 272 ss., 362 ss., Ullmann, l. c., S. 40 ff., 93, 205, Rivier, l. c., I, p. 51 ss., 104, Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 8 ff., 136 ff. Къ сожалѣнію, различіе между свободой и независимостью остается невыясненнымъ; неудачно также расчлененіе суверенитета на внѣшній и внутренній.

такъ называемой смѣшанной компетенціи, когда извѣстный вопросъ прямо или хотя бы косвенно входитъ въ компетенцію двухъ организмовъ. Зависимымъ является тотъ, кто вправѣ осуществлять свою власть лишь подъ условіемъ бездѣйствія власти другого. Такъ напр., Пруссія и Баварія, наряду съ Имперіей, сохранили за собой право заключенія международныхъ договоровъ; въ осуществленіи этого права они обусловливаются, однако, бездѣйствіемъ имперской власти, иначе говоря, могутъ вступать въ сепаратныя соглашенія съ иностранными государствами по вопросамъ, относящимся къ ихъ компетенціи, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имперія не заключила съ своей стороны аналогичнаго договора [1]).

4) Свобода, какъ объективная, такъ и субъективная, обусловливается суверенитетомъ [2]). Нельзя быть свободнымъ, не будучи суверенным, исключать господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, не будучи власть имущимъ, авторитетнымъ и самобытнымъ организмомъ. Частныя лица, не обладая правомъ господства надъ ближними, необходимо подпадаютъ воздѣйствію другой власти, входятъ въ составъ высшаго организма и подчиняются ему, лишаясь тѣмъ самымъ свободы въ пользу послѣдняго. Граждане свободны лишь въ отношеніи къ равнымъ себѣ. Надъ ними господствуетъ государство, церковь, словомъ—опредѣленная власть, авторитетно отводящая имъ границы дозволеннаго. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, свобода подчиненнаго организма является, по существу сво-

---

[1]) Въ 1885 г. Пруссія и Баварія воспользовались этимъ правомъ, заключивъ картельныя конвенціи съ Россіей, послѣ того какъ аналогичные переговоры послѣдней съ германской имперіей не привели къ желанному результату; см. Martitz, Internationale Rechtshilfe in Strafsachen.

[2]) Къ тому же приходятъ Gerber, l. c., S. 22, Jellinek, Staatenverbindungen, S. 34, Laband, l. c., Bd. I, S. 62, Haenel, l. c., Bd. I, S. 148 ff., Gierke, l. c., S. 1168, Rosin, l. c, S. 269 ff., Bornhak, l. c., S. 9 и проч. авторы, не проводящіе различія между верховенствомъ и свободой.

ему, производной, относительной, лишенной признаковъ, характеризующихъ понятіе свободы, какъ элемента международной правоспособности.

5) Свобода, какъ объективная, такъ и субъективная, не обусловливается независимостью [1]). Можно быть свободнымъ, не будучи независимымъ, исключать господство надъ собою какой бы то ни было власти, не обусловливаясь, при этомъ, въ осуществленіи собственной власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ. Въ такомъ положеніи находятся члены союзнаго государства [2]), независимость которыхъ ограничена, какъ мы видѣли выше, союзною властью. Зависимый организмъ вправѣ господствовать въ вопросахъ смѣшанной компетенціи лишь подъ условіемъ бездѣйствія

---

[1]) Иначе авторы, отождествляющіе понятія свободы и независимости, см. выше.

[2]) Вопросъ о процессѣ возникновенія союзнаго государства несущественъ для конструкціи юридическаго положенія его членовъ; посредствомъ договора государство можетъ съ такимъ же успѣхомъ потерять свою самостоятельность, войдя въ составъ другого, какъ и обратно—выдѣлиться изъ него силою внутренняго государственнаго акта. Laband, l. c., Bd. I, S. 31 ff., 67, Störk, Grünhut's Zeitschrift, Bd. IX, S. 647, Rönne, l. c., S. 14 ff., 36, Schulze, l. c., Bd. I, S. 45. Bd. II, S. 2, Meentzen, l. c., S. 25, разсматриваютъ союзный договоръ въ качествѣ юридическаго титула лишь обязующаго его контрагентовъ къ осуществленію творческихъ дѣйствій, необходимыхъ для конструкціи союзнаго государства. Аналогичнаго взгляда придерживаются Gierke, l. c., S. 1153 ff., Haenel, l. c., Bd. I, S. 68 ff.—Иначе G. Meyer, Hirth's Annalen 1876, S. 658 ff., Brie, Grünhut's Zeitschrift, XI, S. 101 ff., 149 ff., Westerkamp, l. c., S. 20 ff., Martitz, l. c., S. 6 ff., 41, Mohl. l. c., S. 49, пріурочивающіе возникновеніе союзнаго государства къ моменту заключенія договора.—Исходя изъ началъ договорнаго права, M. Seydel (см. выше, стр. 195, пр. 1) принципіально отрицаетъ союзное государство и отождествляетъ его съ международнымъ союзомъ.—Наоборотъ, Jellinek, Staatenverbindungen, S. 253 ff., Zorn, l. c., I, S. 30, Anm. 30, Liebe, Zeitschrift für Staatswissenschaft, Bd. XXXVIII (1882), S. 634 ff., разсматриваютъ союзныхъ членовъ въ качествѣ непосредственнаго результата конституціоннаго творчества союзнаго цѣлаго, возникновеніе котораго выступаетъ изъ рамокъ юридическаго изслѣдованія.

власти того организма, въ пользу котораго ограничена его независимость. Властвуя, онъ остается, однако, свободнымъ, поскольку никто не вправѣ принуждать его къ осуществленію положительныхъ актовъ господства.

б) Независимость обусловливается объективной и субъективной свободою. Независимость есть нѣчто большее, чѣмъ свободна: предполагая наличность послѣдней, она присоединяетъ къ ней элементъ, выступающій изъ узкихъ рамокъ свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдняя является необходимымъ условіемъ первой. Осуществленіе власти предполагаетъ наличность власти (верховенства). Между тѣмъ, всякая власть, по самой природѣ своей, обусловливается объективной свободой,—правомъ исключенія господства надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной. Организмъ, подвластный другому, несвободный въ качествѣ идеальнаго носителя власти, обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ повиноваться послѣднему. При такихъ условіяхъ, какъ положительные, такъ и отрицательные акты власти, осуществленіе которыхъ служитъ предметомъ независимости, въ одинаковой мѣрѣ опредѣляются господствующимъ организмомъ. То же должно сказать относительно потери субъективной свободы: организмъ А, ограниченный въ субъективномъ отношеніи организмомъ В, теряетъ свою независимость, поскольку личный субстратъ его реальнаго носителя власти, входя въ составъ организма В и подчиняясь послѣднему на началахъ подданства, вправѣ осуществлять свою власть лишь подъ условіемъ некомпетентности или бездѣйствія власти В, — признакъ, характеризующій состояніе зависимости — иначе говоря, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, при столкновеніи властей, обязанъ отдавать преимущество тому организму, въ пользу котораго ограничена его независимость. Въ такомъ положеніи находятся, какъ мы видѣли выше, члены союзнаго государства, построеннаго на республиканскихъ началахъ, а также церковь, облеченная въ епископально-аристократическую форму правленія поскольку члены собора, лично и территоріально

подчиненные государству, обязаны, съ точки зрѣнія юридической, отказываться отъ независимаго осуществленія власти въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы религіозные коллидируютъ съ свѣтскими.

7) Независимость обусловливается суверенитетомъ. Нельзя быть независимымъ, не будучи суверенным, поскольку независимость обусловливается, какъ мы видѣли выше, свободой (объективной и субъективной), въ свою очередь органически связанной съ властью (верховенствомъ).

Такимъ образомъ, суверенитетъ, свобода и независимость являются тремя, одинаково существенными, органически связанными между собою, элементами международной правоспособности. Значеніе послѣднихъ обнаруживается въ троякомъ отношеніи:

1) Международная правоспособность обусловливается независимостью [1]), поскольку международно-правовая конструкція отношеній предполагаетъ совокупность основныхъ и производныхъ правъ и обязанностей, органически связанныхъ съ независимостью (см. ниже).

2) Международная правоспособность обусловливается свободой, поскольку независимость, въ свою очередъ, обусловливается объективной и субъективной свободою даннаго организма (см. выше)

3) Международная правоспособность обусловливается суверенитетомъ [2]), поскольку свобода необходимо предполагаетъ наличность послѣдняго (см. выше).

---

[1]) Обладаніе ею является необходимымъ условіемъ совершенства и полноты международной личности.

[2]) Это начало является господствующимъ въ современной литературѣ международнаго права; см. Мартенсъ, l. c., I, стр. 233 сл., Rivier, l. c., I, p. 45 ss., Liszt, l. c., S. 34, Heilborn, l. c., S. 58 ff., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 369 ss., Chrétien, l. c., I, p. 76 ss., Pradier-Fodéré, l. c., I, p. 119 ss., Nys, l. c., II, p. 1, Piédelièvre, l. c., I, p. 2 ss., 61 ss., Gareis, Institutionen des Völkerrechts, S. 47 ff., Bry, l. c., p. 31 ss., Bonfils,

§ 16.

II. Совокупность международныхъ правъ и обязанностей, основныхъ и производныхъ, органически связанныхъ между собою, въ свою очередь органически связана съ элементами международной правоспособности: суверенитетомъ, свободой и независимостью.

А) Совокупность международныхъ правъ и обязанностей слагается изъ двухъ категорій правъ и обязанностей: основныхъ и производныхъ [1]).

---

l. c., p. 1 ss., Ullmann, l. c., S. 40 ff., Alcorta, Cours de droit international public, I, p. 26 ss., Despagnet, l. c., p. 1, 77 ss. Иначе Heffter, l. c., p. 42, 60 note 4, Fiore, l. c., I, p. 436 ss.; согласно послѣднему „individualità a sè, ed una sfera giuridica independente dal diritto territoriale" вполнѣ достаточны для конструкціи международной правоспособности; отсюда онъ признаетъ, что субъектами международнаго права являются также и частныя лица, поскольку послѣднія обладаютъ самобытною личностью и юридической сферой, независимой отъ территоріальнаго закона; аналогичнаго взгляда придерживаются Kaufmann, Die Rechtskraft des internationalen Rechts nach dem Verhältnis der Staatengesetzgebung und der Staatsorgane zu demselben (1899), Казанскій, Введеніе въ курсъ международнаго права (1901). Мы не можемъ признать справедливости подобнаго взгляда; частныя лица, независимо отъ ихъ мѣстонахожденія, всегда находятся въ положеніи подчиненномъ; надъ ними возвышается государственная власть, силой закона опредѣляющая ихъ права и обязанности; при такихъ условіяхъ, говорить о международной правоспособности частныхъ лицъ можно лишь въ иносказательномъ смыслѣ.

[1]) Громадное большинство писателей придерживается аналогичнаго взгляда, разбивая международныя права на двѣ категоріи: основныя, абсолютныя, первоначальныя права противополагаются случайнымъ, относительнымъ, производнымъ; ср. Neumann, l. c., S. 21 ff., Guaritsch, Compendium des Europäischen Völkerrechts, S. 24 ff., Heffter-Geffcken, l. c., p. 65 ss., 115 ss., Мартенсъ, l. c, I, стр. 295 сл., Bonfils, l. c., p. 116 ss., Gareis, Institutionen, Rivier, l. c., I, p. 255 ss., II, p. 33 ss., Bry, l. c., p. 82 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 170 ss., Chrétien, l. c., I, p. 177 ss., Pradier-Fodéré, l. c., I, p. 282 ss., 306 ss., Carnazza-Amari,

АА) Основныя международныя права слагаются изъ права договора, права представительства и права принужденія, необходимо присущихъ всякому суверенному, свободному и независимому организму.

1) Право договора [1]) есть право, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, становится субъектомъ обязанностей, руководствуясь, независимо отъ компетенціи контрагента, исключительно собственной волею.

а) Право договора выражается въ правѣ быть субъектомъ обязанностей не иначе, какъ въ силу

---

l. c., I, p. 372 ss., Despagnet, l. c., p. 156 ss., 469 ss, Fiore, l. c., I, p. 245 ss. Leseur, Introduction a un cours de droit international, p. 25, 29, повидимому и Liszt, l. c., S. 3, 53. Распредѣленіе отдѣльныхъ правъ по указаннымъ категоріямъ осуществляется, однако, въ высшей степени разнообразно и, въ большинствѣ случаевъ, мало удачно; нерѣдко основныя права отождествляются съ элементами международной правоспособности, между тѣмъ какъ послѣдняя служитъ лишь условіемъ, предположеніемъ, но отнюдь не предметомъ правъ; формулировать суверенитетъ, свободу, независимость въ качествѣ правъ врядъ ли представляется возможнымъ. Подобная тенденція къ отождествленію различныхъ, по существу, понятій, въ связи съ не менѣе тщетнымъ желаніемъ исчерпать положительное содержаніе указанныхъ элементовъ, перечислить различныя функціи, непосредственно изъ нихъ вытекающія, побудила нѣкоторыхъ современныхъ писателей отрицать самостоятельное значеніе основныхъ правъ; ср. Jellinek, System der Subjectiven öffentlichen Rechte, S. 302 ff., Heilborn, System des Völkerrechts, S. 279 ff., Ullmann, l. c., S. 79 ff. Мы не можемъ признать справедливой подобную точку зрѣнія; различеніе между основными и производными правами коренится въ самой природѣ вещей и нуждается лишь въ болѣе точной формулировкѣ.

[1]) Ср. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 308 сл., 389 сл. Liszt, l. c., S. 159 ff., Chrétien, l. c., I, p. 242 ss, 307 ss., Despagnet, l. c, p. 469 ss., Rivier, l. c., I, p. 255 ss, Bry, l. c., p. 290 ss., Bonfils, l. c., p. 132 ss., 417 ss., Funck-Brentano et Sorel, Précis du droit des gens, p. 95 ss., Piédelièvre, l. c, I, p. 189 ss., 279 ss., Neumann, l. c, S. 55 ff., Gareis, Institutionen, S. 97 ff., 206 ff., Heffter-Geffcken, l. c., p. 188 ss., Ullmann, l. c., S. 149 ff.

собственной воли. Въ области договорнаго права воля обязанной стороны является единственнымъ источникомъ возникшихъ обязанностей. Значеніе согласія управомоченнаго субъекта ограничивается акцептаціей права. Поскольку всякой вообще обязанности корреспондируетъ опредѣленное право, договоръ, въ качествѣ двусторонняго соглашенія, служитъ правопроизводящимъ, творческимъ факторомъ въ области международныхъ отношеній. Моментъ соглашенія волъ опредѣляетъ собой существо и содержаніе договора. Форма послѣдняго безразлична.

b) Согласіе обязуемаго ограничивается содержаніемъ принадлежащей ему компетенціи, поскольку послѣдняя опредѣляетъ сферу дѣятельности и самое бытіе юридическаго организма. Только въ границахъ собственной компетенціи онъ является носителемъ власти, независимымъ въ ея осуществленіи, свободнымъ отъ подчиненія какой бы то ни было власти, кромѣ собственной. Превышая свою компетенцію, онъ теряетъ свободу, лишается власти и независимости, становится подчиненнымъ организму, компетенцію котораго онъ нарушилъ. Идея равенства—существенный элементъ договорнаго права — уступаетъ свое мѣсто одностороннему господству, соподчиненію, при которомъ согласіе обязуемаго безразлично

c) Согласіе обязуемаго остается существеннымъ независимо отъ компетенціи контрагента. При такъ называемой смѣшанной компетенціи, когда извѣстный вопросъ одновременно входитъ въ сферу вѣдѣнія двухъ организмовъ, необходимо возникаетъ коллизія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ нихъ подвластенъ, при этомъ, другому, или же ограниченъ въ своей независимости, онъ обязанъ поступиться своей компетенціей въ пользу послѣдняго. Въ другомъ положеніи находятся вполнѣ равноправные другъ другу, одинаково суверенные, свободные и независимые организмы, ограниченные въ своей дѣятельности единственнымъ обязательствомъ: не превышать предѣловъ принадлежащимъ имъ компетенціи. При такихъ условіяхъ, возникшая

между ними коллизія устраняется путемъ соглашенія,—добровольнаго отказа одной изъ сторонъ отъ осуществленія права, нарушающаго права или же интересы другой, словомъ,—посредствомъ компромисса, въ основѣ котораго лежитъ согласіе обязуемаго.

2) Право представительства [1]) есть право, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, выражаетъ свою волю при посредствѣ собственныхъ органовъ въ области взаимныхъ отношеній съ другими равноправными ему организмами, безотносительно, при этомъ, къ компетенціи послѣднихъ.

a) Предметомъ права представительства является выраженіе воли при посредствѣ собственныхъ органовъ. Наличность послѣднихъ гарантируетъ данному организму соотвѣтствіе внѣшняго выраженія воли съ ея дѣйствительнымъ содержаніемъ. Принудительная, длящаяся опека, при которой одинъ организмъ, помимо согласія другого, приписываетъ себѣ право выражать его волю, несомнѣнно ограничила бы свободу и независимость послѣдняго.

b) Выраженіе воли при посредствѣ собственныхъ органовъ относится къ области взаимныхъ отношеній даннаго организма съ другими, ему равноправными. Этимъ признакомъ международное представительство отличается отъ публичнаго, имѣющаго въ виду отношеніе верховной власти къ подчиненному ей населенію.

c) Право выраженія воли при посредствѣ собственныхъ органовъ представительства ограничи-

---

[1]) Ср. Neumann, l. c., S. 149, Heffter-Geffcken, l. c., p. 471 ss., Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 308 сл., II, 11 сл., Liszt, l. c., S. 102 ff., Ullmann, l. c., S. 91 ff., Rivier, l. c., I, p. 255 ss., 411 ss., Gareis, Institutionen, S. 97 ff., 109 ff., Chrétien, l. c., I, p. 242 ss., 397 ss., Despagnet, l. c., p. 206 ss., Bonfils, l. c., p. 347 ss., Bry, l c., p. 109 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 187, 280 ss., 393 ss., Funck-Brentano et Sorel, l. c., p. 58 ss., Pradier-Fodéré, Traité de droit international public, III, p. 15 ss., Cours de droit diplomatique.

вается компетенціей, принадлежащей данному организму. Автономное выраженіе воли прежде всего предполагаетъ авторитетъ и самобытность послѣдней. Между тѣмъ, бытіе коллективнаго организма, по самой природѣ своей, ограничено опредѣленною компетенціей, замыкающей кругъ возможныхъ для него волевыхъ актовъ. Внѣ прямо или косвенно подчиненной ему сферы дѣятельности, въ области чуждыхъ ему интересовъ воля его лишается содержанія, съ которымъ связано самое право внѣшняго выраженія воли при посредствѣ собственныхъ органовъ представительства, поскольку выраженіе воли предполагаетъ наличность послѣдней.

d) Въ области собственной компетенціи, право представительства осуществляется независимо отъ компетенціи другихъ организмовъ. Все, что относится къ подчиненной данному организму сферѣ вѣдѣнія всецѣло опредѣляется волей послѣдняго, независимо отъ того, насколько данный вопросъ одновременно входитъ въ компетенцію другихъ организмовъ. Равный прочимъ, одинаково суверенный, свободный и независимый, онъ не обязанъ съ ними считаться во всемъ, что относится къ его компетенціи. Авторитетно опредѣляя содержаніе собственной воли, онъ вправѣ выражать ее во внѣ при посредствѣ самостоятельныхъ, всецѣло отъ него зависимыхъ органовъ представительства.

3) Право принужденія [1]) выражается въ правѣ вторженія въ компетенцію организмовъ, господство которыхъ, хотя бы въ границахъ принадлежащей

---

[1]) Ср. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, 310 сл., II, 494 сл., Fiore, l. c., I, p. 301 ss., III, p. 27 ss., Pradier-Fodéré, Traité de droit international public, I, p. 358 ss., VI, p. 13 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 407 ss., Rivier, l. c., I, p. 255 ss., II. p. 200 ss., Chrétien, l. c., I, p. 242 ss., Bry, l. c., p. 82 ss., Bonfils, l. c., p. 521 ss, Piédelièvre, l. c., I, p. 173 ss., Despagnet, l. c., p. 163 ss., 513 ss., Heffter-Geffcken, l. c., p. 72 ss., Gareis, Institutionen, S. 93 ff., 222 ff., Ullmann, l. c., S. 294 ff., 312 ff.

имъ компетенціи, нарушаетъ компетенцію даннаго организма.

a) Предметомъ права принужденія является вторженіе въ компетенцію другихъ организмовъ. Средства и степень вторженія несущественны. Въ этомъ смыслѣ, война является разновидностью понятія принужденія въ обширномъ смыслѣ слова. Ниже мы увидимъ, что папа, не обладая, въ настоящее время, ни арміей, ни флотомъ, въ состояніи, однако, воздѣйствовать на государство, принудительно ограничивая его компетенцію.

b) Право вторженія въ компетенцію принуждаемаго обусловливается фактомъ нарушенія послѣднимъ компетенціи принуждающаго. Право принужденія предполагаетъ коллизію компетенцій. Наступленіе угрожающей опасности, тѣмъ болѣе дѣйствительнаго правонарушенія, является моментомъ, ограничивающимъ осуществленіе даннаго права, которое, въ противномъ случаѣ, обратилось бы въ источникъ насилій, несовмѣстимыхъ съ правопорядкомъ.

c) Право вторженія въ компетенцію другихъ организмовъ не обусловливается, однако, фактомъ превышенія послѣдними принадлежащей имъ компетенціи. Право принужденія служитъ средствомъ огражденія собственной компетенціи. Необходимость прибѣгнуть къ нему возникаетъ при столкновеніи властей, возможномъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ нихъ превышаетъ границы своей компетенціи, но также и при отсутствіи подобнаго превышенія, что наступаетъ при смѣшанной компетенціи, когда извѣстный вопросъ одновременно входитъ въ сферу вѣдѣнія, подчиненную нѣсколькимъ организмамъ. Поскольку обѣ стороны являются, при этомъ, вполнѣ равноправными, одинаково суверенными, свободными и независимыми, наступившая коллизія, неустранимая договорнымъ порядкомъ, разрѣшается принужденіемъ.

BB) Основныя международныя обязанности, ограничивая субъектовъ международнаго права принад-

лежащей имъ компетенціей, не налагаютъ на нихъ обязательства воздерживаться, при этомъ, отъ нарушенія компетенціи другихъ организмовъ.

1) Основныя международныя обязанности ограничиваютъ субъектовъ международнаго права принадлежащей имъ компетенціей. Выступая за предѣлы послѣдней, суверенная власть неизбѣжно теряетъ свой властный характеръ. Осуществленіе актовъ господства, внѣ подчиненной данному организму сферы вѣдѣнія, въ какой бы формѣ, территоріальной или же личной, оно ни выражалось, необходимо обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ; иначе говоря, подобное господство, авторитетное и самобытное въ границахъ собственной компетенціи, низводится до степени полномочій или же права требованія, источникъ которыхъ коренится внѣ воли господствующаго. То же должно сказать относительно свободы и независимости, ограниченныхъ, подобно верховенству, опредѣленною компетенціей.

2) Основныя международныя обязанности не налагаютъ на субъектовъ международнаго права обязательства воздерживаться въ осуществленіи власти отъ нарушенія компетенціи другихъ организмовъ. Всякій суверенный, свободный и независимый организмъ вправѣ, въ качествѣ такового, осуществлять, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, положительные и отрицательные акты господства, не обусловливаясь, при этомъ, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ—признакъ верховенства,— исключать господство надъ собою другихъ организмовъ—признакъ свободы—и, въ осуществленіи собственной власти, не обусловливаться некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ—признакъ независимости. Несущественно, при этомъ, насколько подобная дѣятельность нарушаетъ, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, права другихъ организмовъ [1]).

[1]) Это начало, прямо или косвенно, признается громаднымъ большинствомъ писателей. Нерѣдко оно связуется съ основными правами незави-

CC) Производныя международныя права слагаются изъ совокупности правъ, предметомъ которыхъ являются положительныя и отрицательныя дѣйствія, выступающія за предѣлы абсолютной компетенціи даннаго организма или же хотя и входящія въ ея составъ, но ограниченныя въ осуществленіи производными обязанностями управомоченнаго организма. Такимъ образомъ, производныя права слагаются изъ двухъ категорій:

1) Совокупности правъ, предметомъ которыхъ являются дѣйствія, выступающія за предѣлы абсолютной компетенціи, опредѣляемой суверенитетомъ, свободой и независимостью даннаго организма (см. ниже). При этомъ, субъектомъ дѣйствія является управомочная или же обязанная сторона. Самое же дѣйствіе облекается, въ первомъ случаѣ, въ положительную, а во второмъ — въ отрицательную или положительную форму (бездѣйствія или же дѣйствія).

2) Совокупности правъ, предметомъ которыхъ являются дѣйствія, хотя и входящія въ абсолютную компетенцію даннаго организма, но ограниченныя въ осуществленіи производными обязанностями послѣдняго. Всякое дѣйствіе, выступающее за предѣлы абсолютной компетенціи, опредѣляемой элементами международной правоспособности даннаго организма, нуждается въ особомъ юридическомъ титулѣ, достаточномъ, чтобы облечь его въ форму правомѣрнаго акта. Подобнымъ титуломъ служитъ согласіе организма, компетенція котораго нарушается этимъ дѣйствіемъ; это согласіе выражается въ договорѣ. Такова первая группа производныхъ правъ, выступающихъ за предѣлы абсолютной компе-

---

симости, самосохраненія, равенства. Мы строимъ его непосредственно на элементахъ международной правоспособности; ср. Gareis, Institutionen, S. 93 ff., Ullmann, l. c., S. 249 ff., Heilborn, l. c., S. 280 ff, 295 ff., Rivier, l. c., I, p. 255 ss., Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 296 сл., 300 сл., Fiore, l. c., I, p. 247 ss., 301 ss., Bry, l. c., p. 82 ss, Despagnet, l. c., p. 163 ss., Chrétien, l. c., I, p. 180 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 407 ss., Pradier-Fodéré, Traité de droit international public, I, p. 358 ss., 473 ss.

тенціи управомоченнаго организма. Послѣдній является, однако, не только субъектомъ правъ, но также обязанностей: посредствомъ договора онъ можетъ ограничить свою компетенцію, возстановленіе которой въ ея прежнихъ границахъ, въ свою очередь, осуществляется договорнымъ порядкомъ. Подобный договоръ, освобождающій даннаго контрагента отъ обязательства, ограничившаго его абсолютную компетенцію силой предшествующаго договора, служитъ источникомъ второй группы производныхъ правъ. Въ отличіе отъ первой, она не расширяетъ абсолютной компетенціи управомоченнаго организма, но лишь возстановляетъ послѣднюю въ ея прежнихъ границахъ.

DD) Производныя международныя обязанности опредѣляются совокупностью положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію даннаго организма или производныя права ему принадлежащія, предметомъ которыхъ являются дѣйствія, выступающія за предѣлы послѣдней. Такимъ образомъ, производныя обязанности, подобно производнымъ правамъ, слагаются изъ двухъ категорій:

1) Совокупности положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію даннаго организма, опредѣляемую въ ея содержаніи элементами международной правоспособности—суверенитетомъ, свободой и независимостью — послѣдняго. Субъектомъ ограничительныхъ дѣйствій является, альтернативно, управомоченная или обязанная сторона. Въ первомъ случаѣ, самое дѣйствіе облекается въ положительную; во второмъ — какъ въ положительную, такъ и въ отрицательную форму (дѣйствія или бездѣйствія). Источникъ производныхъ обязанностей коренится въ договорѣ, посредствомъ котораго обязанная сторона ограничиваетъ свою компетенцію.

2) Совокупности положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ производныя права обя-

заннаго организма, предметомъ которыхъ являются дѣйствія, выступающія за предѣлы абсолютной компетенціи послѣдняго. Въ силу аналогичнаго договора, обязанный организмъ отказывается въ пользу управомоченнаго отъ правъ требованія, пріобрѣтенныхъ имъ на основаніи предшествующаго договора. Эти права, выступающія за предѣлы абсолютной компетенціи обязуемаго, служатъ, въ данномъ случаѣ, предметомъ его производныхъ обязанностей.

B) Основныя и производныя международныя права и обязанности органически связаны съ элементами международной правоспособности:

AA) Основныя международныя права органически связаны съ элементами международной правоспособности:

1) Основныя права обусловливается элементами международной правоспособности:

a) Право договора обусловливаются свободой, поскольку обладаніе правомъ, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, становится субъектомъ обязанностей, руководствуясь, независимо отъ компетенціи контрагента, исключительно собственной волею — существенные элементы международнаго договорнаго права — необходимо предполагаетъ юридическое состояніе, при которомъ обязуемый исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной — признакъ свободы. При столкновеніи двухъ соподчиненныхъ организмовъ, подчиняемый, несвободный обязанъ, независимо отъ собственной воли, повиноваться господствующему. Очевидно, что подобная обязанность несовмѣстима съ договорнымъ правоотношеніемъ [1]).

b) Право договора обусловливается независи-

[1]) Въ этомъ отношеніи обнаруживается существенный недостатокъ теорій, признающихъ договорное право членовъ союзнаго государства въ условіяхъ несвободнаго, подчиненнаго положенія; см. ниже.

мостью, поскольку право быть субъектомъ обязанностей не иначе какъ въ силу собственнаго согласія, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, органически связано съ правомъ не обусловливаться въ осуществленіи власти некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ — признакъ, характеризующій независимость. При наступленіи коллизіи въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, зависимый организмъ, въ качествѣ такового, обязанъ отдавать предпочтеніе тому организму, въ пользу котораго ограничена его независимость [1]). Подобная обязанность исключаетъ необходимость

---

[1]) Германская конституція не исключаетъ договорныхъ правоотношеній между имперіей и союзными членами; подобныя отношенія ограничиваются, однако, вопросами самостоятельной компетенціи, принадлежащей послѣднимъ; см. 2 ч. ст. 78 имперской конституціи (Dareste, Les constitutions modernes. I, p. 158 s.), а также Laband, l. c., Bd. I, S. 102 ff., Bd. II, S. 486, Auerbach, l. c., S. 69 ff., Westerkamp, l. c., S. 73 ff., 81 ff., Ronne, l. c., S 44, Ritter, l. c., S. 21 ff., Meentzen, l. c., S. 26 ff., Mohl l. c., S. 63 ff., Schulze, l. c., Bd. II, S. 16 ff., G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, S. 160 ff., 163.—По отношенію къ иностраннымъ державамъ члены германской имперіи являются независимыми и, въ качествѣ таковыхъ, признаются субъектами международнаго договорнаго права, предметомъ котораго служатъ вопросы не только самостоятельной, но также смѣшанной компетенціи, общей договаривающимся сторонамъ. Въ осуществленіи договорнаго права союзныя правительства ограничены, однако, обязанностями по отношенію къ имперіи, непосредственно вытекающими изъ участія въ составѣ послѣдней; см. имперск. конст., ст. 50, ч. 6, ст. 52, ч. 3 и ст. 66, ч. 1 (Dareste, l. c., I, 148 s. 155). Аналогичнаго взгляда придерживаются Laband, l. c., Bd. I, S 636 ff., Auerbach, l. c., S. 84 ff., Rönne, l. c., S. 60, G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes, S. 483 ff., E. Meier, Uber den Abschluss von Staatsverträgen, S. 212 ff., 270 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 307 ff., Mohl, l. c., S. 34, 301 ff., Schulze, l. c., Bd. II, S. 332 ff., Gareis, Institutionen, S. 55 fg., Ullmann, l. c., S. 50, Rivier, l. c., I, p 51 ss., 104 ss., Liszt, l. c., S. 43 ff. Иначе Piédelièvre, l. c., I, p. 78 ss., Bonfils, l. c., p. 85 ss., Hübler, l. c., S. 16, согласно которымъ участіе въ составѣ союзнаго государства влечетъ за собою потерю международной правоспособности, см. также Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 248, Carnazza-Amari, l. c., I, p. 280, Pradier-Fodéré, Traité de droit international public, I, n-os 122, Holtzendorff, l. c., Bd. II S. 136 ff. Въ этомъ смыслѣ привилегированное положеніе гер-

устраненія наступившей коллизіи посредствомъ договорнаго компромисса.

c) Право договора обусловливается суверенитетомъ, поскольку свобода и независимость—существенныя условія договорнаго права — въ свою очередь органически связаны съ властью (верховенствомъ) [1]).

d) Право представительства обусловливается свободой [2]), поскольку право выраженія воли при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ представительства, въ области взаимныхъ отношеній даннаго организма съ другими, ему равноправными, предполагаетъ коллизію воль, опредѣляемую тремя элементами: двойственностью воль, самостоятельностью послѣднихъ и разностью ихъ содержанія — признами, органически связанные съ моментомъ свободы.

e) Право представительства обусловливается независимостью, поскольку зависимый организмъ вправѣ осуществлять положительные и отрицательные акты господства лишь подъ условіемъ некомпетентности или бездѣйствія организма, въ пользу котораго ограничена его независимость, иначе говоря, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи обязанъ отдавать предпочтеніе послѣднему [3]). Эта обязанность,

---

манскихъ союзныхъ членовъ представляется исключительнымъ.—Въ значительно болѣе ограниченной степени сохранили за собой международное договорное право швейцарскіе кантоны: „Exceptionnellement, les Cantons conservent le droit de conclure avec les États étrangers des traités sur des objets concernant l'économie publique, les rapports de voisinage et de police; néamoins ces traités ne doivent rien contenir de contraire à la Confédération ou aux droits d'autres Cantons“ (art. 9, Constitution fédérale 1874); см. Dareste, l. c., I, p. 442, Schollenberg, l. c., Bd. I, S. 9, Blumer-Morel, l. c., Bd. I, S. 195 ff., Dubs, l. c., Bd. II, S. 193, Orelli, l. c. S. 85 ff.

[1]) Ср. стр. 197 сл., п. п. 4, 7.

[2]) Ibid.

[3]) Участіе въ составѣ союзнаго государства лишь ограничиваетъ, но не исключаетъ международнаго представительства его членовъ по отношенію къ иностраннымъ державамъ; современное положеніе Баваріи служитъ тому наглядньмъ примѣромъ. См. также Laband, l. c., Bd. II, S. 1 ff., Auer-

предопредѣляя самое содержаніе зависимой воли, исключаетъ необходимость ея внѣшняго выраженія при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ представительства.

f) Право представительства обусловливается суверенитетомъ [1]), поскольку послѣдній является необходимымъ предположеніемъ свободы и независимости.

g) Право принужденія обусловливается свободой, поскольку право вторженія въ компетенцію организмовъ, господство которыхъ, осуществляемое хотя бы въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи, нарушаетъ компетенцію даннаго организма — признакъ, характеризующій право принужденія—предполагаетъ право исключенія въ этой области господства надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной—признакъ свободы.

h) Право принужденія обусловливается независимостью. Свободный организмъ, исключая въ границахъ принадлежащей ему компетенціи господство надъ собою другихъ организмовъ, вправѣ всѣми средствами принужденія

---

bach, l. c., S. 84 ff., Rönne, l. c., S. 58 ff., Mohl, l. c., S. 34, Schulze, l. c., Bd. II, S. 338 ff., Rivier, l. c., I, p. 51 ss., 104 ss., Liszt, l. c., S 43 ff., E. Meier, l. c., S. 270 ff.—Иначе Piédelièvre, l. c., I, p. 78 ss., Bonfils, l. c., p. 85 ss., Hübler, l. c., 16, Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 248, Carnazza-Amari, l. c., I, p. 280, Pradier-Fodéré, Traité de droit international public, I, n-os 122, Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 136 ff.—Въ этомъ смыслѣ, необходимо проводить строгое различіе между взаимными отношеніями союзнаго цѣлаго и его членовъ, съ одной стороны, и отношеніями послѣднихъ къ иностраннымъ державамъ—съ другой. Въ первомъ случаѣ, представительство союзныхъ членовъ лишено международно-правового характера, ограничиваясь вопросами самостоятельной, исключительно присущей имъ компетенціи. Во второмъ случаѣ, оно построено на началахъ международнаго права, имѣя въ виду вопросы, какъ самостоятельной, такъ и смѣшанной компетенціи.—Что касается швейцарской конституціи, то послѣдняя разрѣшаетъ кантонамъ вести непосредственныя сношенія съ подчиненными учрежденіями и должностными лицами иностраннаго государства по вопросамъ, предусмотрѣннымъ ст. 9; см. ст. 10 (Dareste, l, c., I, p. 442 s. Schollenberg, l. c., Bd. 1, S. 9, Dubs, l. c., Bd. II, S. 195 ff., Blumer-Morel, l. c., Bd. I, S. 206 ff., Orelli, l. c., S. 86).

[1]) Ср. стр. 212, примѣч. 3.

въ обширномъ смыслѣ слова ограждать свою компетенцію отъ посягательствъ, связанныхъ съ превышеніемъ власти со стороны нападающаго. Въ этомъ смыслѣ, всякій свободный организмъ, въ качествѣ такового, обладаетъ правомъ необходимой обороны. Нельзя того же сказать относительно права принужденія въ тѣсномъ смыслѣ слова, органически связаннаго съ независимостью. Различіе между ними обнаруживается въ характерѣ посягательства, вызвавшаго оборону: въ первомъ случаѣ, оно связано съ превышеніемъ власти, является преступнымъ правонарушеніемъ; во второмъ—подобное превышеніе власти отсутствуетъ. Иначе говоря, право принужденія, въ отличіе отъ права необходимой обороны, имѣетъ въ виду коллизію одинаково управомоченныхъ властей въ вопросахъ смѣшанной компетенціи. Въ этомъ моментѣ характерно выступаетъ различіе между зависимымъ и независимымъ организмами: первый, обязанный въ осуществленіи власти обусловливаться некомпетентностью или бездѣйствіемъ организма, въ пользу котораго ограничена его независимость, очевидно не вправѣ вторгаться въ компетенцію послѣдняго подъ предлогомъ нарушенія собственной компетенціи, когда подобное нарушеніе не связано, при этомъ, съ превышеніемъ власти. Наоборотъ, второй, въ качествѣ не только свободнаго, но и независимаго организма, вправѣ ограждать принудительно свою компетенцію безотносительно къ вопросу, насколько ея нарушеніе связано съ превышеніемъ власти со стороны посягающаго [1]).

2) Международная правоспособность обусловливается основными правами, поскольку независи-

[1]) Въ этомъ смыслѣ, члены союзнаго государства не обладаютъ правомъ международнаго принужденія по отношенію къ союзному цѣлому, поскольку компетенція послѣдняго имѣетъ преимущественное значеніе; это начало непосредственно вытекаетъ изъ самой конструкціи союзнаго государства: см. Laband, l, c, Bd. I, S. 50 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 137 ff., 253 ff., Rosin, l c., S. 265 ff., Gerber, l. c., S 22, 244 ff., Gierke, l. c., S. 1162 ff., Haenel, l. c., Bd. I, S. 63, Bornhak, l. c., S. 12, Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 137.

мость—ея существенный элементъ—въ свою очередь обусловливается, въ отличіе отъ суверенитета и свободы, основными правами: договора, представительства и принужденія.

a) Независимость обусловливается правами договора, представительства и принужденія [1]). Мы видѣли выше, что независимый организмъ, въ качествѣ такового, является свободнымъ и суверенным, въ противномъ случаѣ онъ неизбѣжно лишается независимости. Въ свою очередь, суверенитетъ, свобода и независимость являются тремя существенными элементами, изъ которыхъ слагаются основныя права. Свободный и независимый организмъ, исключая, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, не обусловливаясь въ осуществленіи актовъ господства некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ, вправѣ быть субъектомъ обязанностей не иначе, какъ въ силу собственной воли, выражать ее во внѣ при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ представительства и, силою принужденія, охранять свою компетенцію отъ посягательствъ на нее со стороны другихъ организмовъ. Отсюда слѣдуетъ, что потеря основныхъ правъ, ограничивая верховенство и свободу даннаго организма, лишаетъ его независимости, съ ними органически связанной, а слѣдовательно и международной правоспособности.

b) Суверенитетъ и свобода, въ отличіе отъ независимости, не обусловливаются основными правами [2]). Потеря договорнаго права, а также права предста-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ эти права являются основными.

[2]) Иначе громадное большинство писателей, согласно которымъ эти права непосредственно вытекаютъ изъ верховенства; см. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 296, 300, Liszt, l. c., S. 159 ff., Rivier, l. c., I, p. 255 ss., II, p. 33 ss., Chrétien, I, p. 177 ss., Despagnet, l. c, p. 156 ss., 469 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 372 ss., Fiore, l. c., I, p. 245 ss., Pradier-Fodéré, l. c., I, p. 282 ss., 306 ss., Bry, p. 82 ss., Bonfils, p. 116 ss., Heffter-Geffcken,

вительства и принужденія, органически связанныхъ съ элементами международной правоспособности, возможна не только въ силу уничтоженія верховенства и свободы, а слѣдовательно и независимости, но также—одной лишь послѣдней, поскольку зависимый организмъ можетъ обладать верховенствомъ и свободой (см. выше). Въ такомъ положеніи находятся члены союзнаго государства. Ограниченные, въ осуществленіи актовъ господства, некомпетентностью или бездѣйствіемъ союзной власти и, въ этомъ смыслѣ, зависимые отъ нея, члены союзнаго государства хотя и могутъ вступать въ договорныя отношенія съ союзнымъ цѣлымъ по вопросамъ, подлежащимъ ихъ исключительному вѣдѣнію, а также выражать въ этой области свою волю при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ; подобные договоры и акты представительства лишены, однако, международно-правового характера, поскольку въ вопросахъ смѣшанной, общей обѣимъ сторонамъ, компетенціи мѣстныя правительства обязаны уступать союзной власти, что исключаетъ самую необходимость осуществленія ими указанныхъ правъ. То же должно сказать относительно права принужденія, органически связаннаго съ независимостью. Взамѣнъ послѣдняго, члены союзнаго государства обладаютъ лишь правомъ необходимой обороны, ограниченной случаями, когда посягательство на ихъ компетенцію со стороны союзнаго цѣлаго связано съ превышеніемъ власти.

ВВ) Основныя международныя обязанности органически связаны съ элементами международной правоспособности:

1) Основныя обязанности обусловливаются элементами международной правоспособности. Органическая связь между ними вытекаетъ изъ самой конструкціи основныхъ международныхъ обязанностей, согласно которымъ субъекты международнаго права, ограниченные въ

---

p. 65 ss., 115 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 170 ss., Gareis, Institutionen, S. 91 ff., Neumann, l. c., S. 21 ff., Guaritsch, l. c., S. 24 ff.

осуществленіи власти принадлежащей имъ компетенціей, не обязуются воздерживаться, при этомъ, отъ нарушенія компетенціи другихъ организмовъ. Первый признакъ не составляетъ чего-либо спеціально присущаго субъектамъ международнаго права; онъ, въ одинаковой мѣрѣ, приложимъ ко всѣмъ вообще юридическимъ организмамъ, суверенным и несуверенным. Въ отличіе отъ него, второй признакъ необходимо предполагаетъ обладаніе элементами международной правоспособности, ибо только суверенный, свободный и независимый организмъ вправѣ осуществлять свою власть, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливаясь некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ, иначе говоря, не обязанъ воздерживаться отъ нарушенія компетенціи послѣднихъ, осуществляя акты господства въ границахъ подчиненной ему сферы вѣдѣнія [1]).

2) Международная правоспособность обусловливается основными обязанностями:

а) Независимость, существенный элементъ международной правоспособности, обусловливается основными обязанностями [2]), поскольку право осуществленія

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ, конституціонныя обязанности членовъ союзнаго государства, не обладающихъ независимостью по отношенію къ послѣднему, лишены международно-правового характера; нарушеніе этихъ обязанностей влечетъ за собой союзную экзекуцію; см. Laband, l. c., Bd. I, S. 98, Haenel, l. c., Bd. I, S. 267, Brie, l. c., S. 131, 140, Jellinek, Staatenverbindungen, S. 137 ff., 253 ff., Auerbach, l. c., S. 88 ff., Westerkamp, l. c., S. 69 ff., Rönne, l. c., S. 29 ff., 36, 155, G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes, S. 22, Schulze, l. c., Bd. I, S. 44 ff., Ritter, l. c, S. 30, Meentzen, l. c., S. 25, Grimm, l. c., S. 15 ff., 42 ff., Mohl, l. c., S. 28 ff., 32 ff., 49, Zorn, l. c., Bd. I, S. 69 ff., Holtzendorff, l. c., Bd. II, S. 137.

[2]) Это начало непосредственно вытекаетъ изъ идеи равенства субъектовъ международнаго права; ср. Oppenheim, System des Völkerrechts, S. 152 ff., Neumann, l. c., S. 20 ff., Guaritsch, l. c., S. 1 ff., 25, Heffter-Geffcken, l. c., p. 65 ss., Liszt, l. c., S. 52 ff., Gareis, Institutionen, S. 63 ff., 95 ff., Heilborn, l. c., S. 305 ff., Ullmann, l. c., S. 75 ff., Pradier-Fodéré, Traité de droit international, II, n-os 442—495, Cours de

власти въ границахъ собственной компетенціи не обусловливается некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ, иначе говоря, поскольку обязанность ограничиваться въ осуществленіи власти содержаніемъ собственной компетенціи не связана съ обязательствомъ воздерживаться, при этомъ, отъ нарушенія компетенціи другихъ организмовъ — признакъ, характеризующій международныя обязанности, построенныя въ отличіе отъ внутреннихъ публичныхъ обязанностей на началахъ равенства, а не власти и подчиненія.

b) Суверенитетъ и свобода не обусловливаются основными обязаностями, поскольку зависимый организмъ можетъ обладать верховенствомъ и свободой — элементами, недостаточными для конструкціи основныхъ международныхъ обязанностей, органически связанныхъ съ независимостью [1]).

---

droit diplomatique, I, p. 42 ss., Holtzendorff, l. c., Bd. II, §§ 3, 4, Bry, l. c., p. 10, 97 ss, Rivier, l. c., I, p. 123 ss., Мартенсъ, l. c., I, стр. 235, Chrétien, l. c., I, p. 162 ss., Bonfils, l. c., p. 132 ss., Fiore, l. c., I, p. 289 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 378 ss., Despagnet. l. c., p. 158 ss. Иначе Funck-Brentano et Sorel, l. c., p. 46 ss.

[1]) Конструкція юридическихъ обязанностей на началахъ неравенства, въ условіяхъ зависимаго положенія обязуемаго, не можетъ служить, сама по себѣ, основаніемъ отрицать верховенство и свободу послѣдняго; въ такомъ положеніи находятся члены союзнаго государства. Иначе Laband, l. c., Bd. I, S. 50 ff., Rosin, l. c., S. 265 ff., Jellinek, Staatenverbindungen, S. 137 ff., 253 ff., Gierke, l. c., S. 1162 ff., Haenel, l. c., Bd. I, S. 63, Bornhak, l. c, S. 12, Brie, l. c., S. 131 ff., 140, отчасти и Gerber, l. c., S. 22, 244 ff., а также Auerbach, l. c., S. 88 ff., Schulze, l. c., Bd. I, S. 44 ff., Bd. II, S. 1 ff., Grimm, l. c., S. 15 ff., G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes, S. 2 ff., 20 ff, 154 ff., 164, Mohl, l. c., S. 28 ff., 32 ff., 36 ff., Zorn, l. c., Bd. I, S. 69 ff., Ritter, l. c., S 30, Le Fur, l. c., p. 680 ss., Bonfils, l. c., p. 78 ss., 85 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 66 ss., 78 ss.—Громадное большинство писателей строитъ взаимныя отношенія суверенныхъ организмовъ, какъ таковыхъ, на началахъ международнаго права; ср. Мартенсъ, l. c., I, стр. 233 сл., Bry, l. c., p. 31 ss., Rivier, l. c., I, p. 45 ss., Chrétien, l. c., I, p. 76 ss., Pradier-Fodéré, Traité de droit international, I, p. 119 ss., Nys, l. c., II, p. 1, Bonfils, l. c.,

CC) Производныя права и обязанности органически связаны съ элементами международной правоспособности, поскольку основныя права и обязанности, съ которыми они органически связаны (см. ниже), въ свою очередь органически связаны съ элементами международной правоспособности: суверенитетомъ свободой и независимостью (см. выше).

C) Основныя и производныя права и обязанности органически связаны между собою:

1) Основныя и производныя права органически связаны между собою:

a) Производныя права обусловливаются основными [1]), поскольку право на дѣйствіе, выступающее за предѣлы абсолютной компетенціи даннаго организма, или, хотя и входящее въ составъ послѣдней, но ограниченное въ осуществленіи производными обязанностями управомоченнаго субъекта, будучи, по природѣ своей, договорнымъ, необходимо предполагаетъ наличность у обѣихъ сторонъ основного договорнаго права, а слѣдовательно и правъ представительства и принужденія, съ которыми послѣднее органически связано (см. выше).

b) Основныя права не обусловливаются производными, поскольку послѣднія, помимо наличности договорнаго

---

p. 1 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 369 ss., Alcorta, l. c., I, p. 26 ss., Despagnet, l. c., p. 1, 77 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 2 ss., 61 ss., Gareis, Institutionen, S. 47 ff, Ullmann, l c., S. 40 ff.—Мы не можемъ признать справедливости подобнаго взгляда; международно-правовая конструкція правъ и обязанностей обусловливается совокупностью всѣхъ трехъ элементовъ международной правоспособности - суверенитетомъ, свободой и, независимостью; между тѣмъ, суверенный организмъ не всегда обладаетъ и независимостью.

[1]) См. также Guaritsch, l. c., S. 24 ff., 39 ff., Heffter-Geffcken, l. c., p. 65 ss., 115 ss., Rivier, l. c., I, p. 255 ss., II, p. 33 ss., Bonfils, l. c., p. 116 ss.. Bry, l. c., 82 ss., 293 ss., Despagnet, l. c., p. 155 ss., 469 ss., Gareis, Institutionen, S. 91 ff., 206 ff., Pradier-Fodéré, Traité de droit international, I, p. 306 ss, Fiore, l. c., I, p. 245 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 372 ss.

права, предполагаютъ наступленіе опредѣленнаго юридическаго дѣйствія (соглашенія) [1]).

2) Основныя права органически связаны между собою, поскольку каждое изъ нихъ въ отдѣльности необходимо предполагаетъ обладаніе независимостью, въ свою очередь органически связанной съ основными правами (см. выше).

3) Основныя и производныя обязанности органически связаны между собою:

a) Производныя обязанности обусловливаются основными. Органическая связь между ними вытекаетъ изъ самой природы послѣднихъ: допустивъ, что субъекты международнаго права не обязаны, въ принципѣ, ограничиваться въ осуществленіи дѣятельности принадлежащей имъ абсолютной компетенціей, пришлось бы, тѣмъ самымъ, отрицать за ними обязанность ограничиваться компетенціей, опредѣляемой содержаніемъ принятыхъ ими на себя производныхъ обязанностей.

b) Основныя обязанности не обусловливаются производными, поскольку источникъ послѣднихъ опредѣляется взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: основной международной обязанности, ограничивающей всѣхъ вообще членовъ международнаго общенія предѣлами принадежащей имъ компетенціи, и опредѣленнаго юридическаго дѣйствія—соглашенія, которымъ обязанная сторона признаетъ себя таковою въ отношеніи опредѣленыхъ предметовъ, входящихъ въ ея компетенцію.

4) Права и обязанности органически связаны между собою:

a) Основныя права обусловливаются основными обязанностями, поскольку первыя необходимо предполагаютъ обладаніе международной правоспособностью (см. выше), въ свою очередь органически связанной съ основными обязанностями (см. выше).

[1]) Въ этомъ моментѣ обнаруживается существенное различіе между правами основными и производными.

b) Основныя права не обусловливаются производными обязанностями, поскольку послѣднія являются, по природѣ своей, договорными.

c) Производныя права обусловливаются основными обязанностями, поскольку первыя предполагаютъ обладаніе основными правами (см. выше), тѣсно связанными съ основными обязанностями (см. выше).

d) Производныя права не обусловливаются производными обязанностями управомоченнаго субъекта, поскольку пріобрѣтенію правъ не всегда корреспондируетъ возникновеніе обязанностей въ лицѣ послѣдняго.

e) Основныя обязанности обусловливаются основными правами, поскольку первыя органически связаны съ элементами международной правоспособности (см. выше), предполагающими обладаніе основными правами (см. выше).

f) Основныя обязанности не обусловливаются производными правами, поскольку основныя обязанности непосредственно вытекаютъ изъ обладанія элементами международной правоспособности (см. выше), тогда какъ производныя права, помимо послѣднихъ, требуютъ наличности опредѣленнаго юридическаго дѣйствія.

g) Производныя обязанности обусловляются основными правами, поскольку заключеніе конкретнаго международнаго договора—источника производныхъ правъ и обязанностей—необходимо предполагаетъ обладаніе договорнымъ правомъ вообще, а слѣдовательно и прочими основными правами представительства и принужденія, съ нимъ органически связанными (см. выше).

h) Производныя обязанности не обусловливаются производными правами обязаннаго, поскольку возникновенію обязанностей не всегда соотвѣтствуетъ пріобрѣтеніе правъ въ пользу послѣдняго.

§ 17.

2. Всякій суверенный, свободный и независимый организмъ опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи—абсолютной и относительной—международноправовыми началами. Обязательныя по природѣ они ограничиваютъ произволъ субъектовъ международнаго права, не посягая, однако, на элементы международной правоспособности послѣднихъ—суверенитетъ, свободу и независимость.

1) Всякій суверенный, свободный и независимый организмъ опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи — абсолютной и относительной международноправовыми началами:

а) Компетенція суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ слагается изъ двухъ категорій—абсолютной и относительной компетенціи.

аа) Абсолютная компетенція опредѣляется элеметтами международной правоспособности—суверенитетомъ, свободой и независимостью—и совокупностью основныхъ правъ и обязанностей даннаго организма [1]. Ея составъ не представляется однороднымъ, поскольку верховенство, недѣлимое по существу, является сложнымъ по содержанію и формамъ выраженія власти. Возможность расчлененія предметовъ государственной дѣятельности между нѣсколькими суверенными, органически связанными между собою, соціальными единицами подтверждается конструкціей союзнаго государства. То же должно сказать относительно территоріальной и личной формъ власти. Государство необходимо обладаетъ обѣими. Не всѣ, однако, власть имущіе организмы связаны съ территоріей; въ такомъ положеніи находится церковь, поприродѣ своей универсальная,

[1]) Самостоятельное значеніе абсолютной компетенціи признается громаднымъ большинствомъ писателей; ея содержаніе опредѣляется, однако, крайне различно; см. выше, стр. 201, примѣч. 1.

чуждая территоріальнымъ границамъ. Въ свою очередь, территоріальная власть выражается въ трехъ формахъ: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, экстерриторіальной и детерриторіальной. По общему правилу, онѣ связаны вмѣстѣ. Вполнѣ возможно, однако, противное: ихъ расчлененіе наступаетъ въ условіяхъ военной оккупаціи непріятельской территоріи; оно можетъ быть также положено въ основу территоріальной конструкціи опредѣленной мѣстности и въ мирное время. Положеніе Босніи и Герцеговины служитъ тому наглядным примѣромъ. Наконецъ, взаимное отношеніе элементовъ международной правоспособности, въ свою очередь, является сложнымъ: несуверенный и несвободный организмъ не можетъ обладать независимостью (см. выше); отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы потеря послѣдней и съ нею связанныхъ правъ необходимо влекла за собою лишеніе верховенства и свободы (см. выше). Зависимый организмъ перестаетъ быть, однако, субъектомъ международнаго права.

bb) Относительная компетенція опредѣляется совокупностью производныхъ правъ и обязанностей, характеризующихъ положительныя отношенія даннаго организма къ прочимъ членамъ международнаго общенія. Нѣкоторыя производныя права и обязанности получаютъ, при этомъ, значеніе общеобязательныхъ началъ международнаго права, другія же замыкаютъ собою болѣе тѣсный кругъ организмовъ, связанныхъ особыми правоотношеніями. Такимъ образомъ, относительная компетенція, въ свою очередь, распадается на общую и особенную. Первая имѣетъ въ виду производныя права и обязанности, общія всѣмъ вообще субъектамъ международнаго права; вторая — правоотношенія, связующія отдѣльные организмы въ спеціальныя группы.

b) Абсолютная и относительная компетенціи опредѣляются международно-правовыми началами. Послѣднія, въ свою очередь, облекаются въ двоякую форму: признанія и договора (соглашенія). Первое имѣетъ въ виду абсолютную компетенцію, содержаніе которой слагается изъ

элементовъ, независимыхъ, въ своемъ бытіи, отъ воли признающаго. Въ этомъ смыслѣ, признаніе ограничивается юридическимъ констатированіемъ международной правоспособности, по самой природѣ своей суверенаго, свободнаго и независимаго организма [1]), Наоборотъ, относительная компетенція, состоящая изъ производныхъ правъ, источникъ которыхъ лежитъ внѣ воли управомоченнаго организма, опредѣляется договоромъ, двустороннимъ соглашеніемъ, ограничивающимъ компетенцію обязаннаго въ пользу управомоченнаго.

2) Международно-правовыя начала являются обязательными, поскольку ихъ нарушеніе связано съ превышеніемъ полномочій, врученныхъ правительству—реальному носителю власти—идеальнымъ субъектомъ послѣдней: суверенным, свободнымъ и независимымъ организмомъ:

а) Суверенный, свободный и независимый организмъ, въ качествѣ организма юридическаго, не въ состояніи нарушать началъ международнаго права. Эта невозможность вытекаетъ изъ самой природы юридическаго организма, бытіе котораго, а слѣдовательно и осуществленіе имъ актовъ господства, ограничиваются составомъ принадлежащей ему компетенціи, опредѣляемой международно-правовыми началами. Отсюда слѣдуетъ, что всякій актъ власти, выступающій за

---

[1]) См. также Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 273. Holtzendorff, Bd. II, S. 23 ff., Liszt, l. c., S. 39, Gareis, Institutionen, S. 63 ff., Ullmann, l. c., S. 66 ff., Heffter-Geffcken, l. c., p. 60 ss., Rivier, l. c., I, p. 57 ss., Chrétien, l. c., I, p. 153 ss., Despagnet, l. c., p. 86 ss., Bry, l. c., p. 64 ss., Piédelièvre, l. c., I, 98 ss., Bonfils, l. c., p. 101 ss., Funck-Brentano et Sorel, l. c., p. 203 ss. Подобное значеніе признанія не исключаетъ, конечно, его условнаго характера: государство, принципіально отрицающее обязательность международно-правовыхъ началъ, не можетъ расчитывать на признаніе со стороны прочихъ членовъ международнаго общенія, хотя бы оно и обладало, фактически, элементами международной правоспособности.

предѣлы послѣдней, тѣмъ самымъ является юридически ничтожнымъ.

b) Суверенный, свободный и независимый организмъ не въ состояніи стремиться къ нарушенію началъ международнаго права, источникъ которыхъ, безотносительно къ формѣ ихъ внѣшняго выраженія, коренится въ волѣ обязаннаго. Вступая въ составъ международнаго общества, онъ признаетъ для себя обязательными дѣйствующія международно-правовыя начала; заключая договоры,—участвуетъ въ ихъ коллективномъ развитіи, пріобрѣтаетъ права и связуетъ себя опредѣленными обязательствами. При такихъ условіяхъ, нарушеніе послѣднихъ силой односторонняго акта противорѣчило бы дѣйствительной волѣ обязаннаго, поскольку договоръ и признаніе опредѣляютъ не только содержаніе воли, но самый порядокъ [1]) ея измѣненія: въ первомъ случаѣ,

---

[1]) См. также Jellinek, Staatenverbindungen, S. 100 ff., Die Rechtlicheche Natur der Staatenverträge, S. 30 ff., особенно 46 ff., Schulze, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, Bd. I, S. 25. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ возраженіемъ Ф. Ф. Мартенса (l. c., I, стр. 390), направленнымъ противъ теоріи „самоограниченія воли“: „Вѣдь если, подписывая трактатъ, государство находитъ нужнымъ ограничить свою волю, то, нарушая его, можетъ сослаться на то, что такое ограниченіе оно находитъ излишнимъ“. Подобный выводъ очевидно основанъ на недоразумѣніи; измѣненіе государственной воли возможно лишь въ порядкѣ, опредѣлившемъ ея содержаніе, въ данномъ случаѣ—въ порядкѣ договорномъ. Обязательность международныхъ договоровъ Ф. Ф. Мартенсъ основываетъ на признаніи правоспособности одного государства другимъ; иначе говоря, подобная обязательность вытекаетъ изъ понятія международнаго общенія (l. c.). Отчасти на то же указываетъ Heffter, l. c., p. 190; аналогичнаго взгляда придерживаются Fiore, l. c., II, № 1040, Rivier, l. c., II, p. 38, Liszt, l. c., S. 2 ff., 159 ff. Посредствующей теоріи придерживается Gessner, Die Staatsverträge und die internationalen Magistraturen (Holtzendorff's Handbuch, Bd. III, S. 13); онъ сочетаетъ идею международнаго общенія съ теоріей самоограниченія. Leseur, Introduction a un cour de droit international public, p. 25 ss., 34, строитъ обязательность международныхъ договоровъ на началахъ „необходимости“ (necessitas); см. также Gareis, Institutionen, S. 206 ff.—Funck-Brentano et Sorel, l. c., p. 117 ss. придерживаются утилитарной теоріи: отрицаніе обязательности междунар.

прекращеніе обязанностей обусловливается обоюднымъ согласіемъ, во второмъ,—отпаденіемъ необходимыхъ условій признанія.

c) Отсюда слѣдуетъ, что правительственный актъ, посягающій на международныя обязанности даннаго организма, противорѣчитъ волѣ послѣдняго и, въ этомъ смыслѣ, является юридически ничтожнымъ, превышая полномочія, врученныя реальному носителю власти идеальнымъ субъектомъ верховенства.

3) Международно-правовыя начала ограничиваютъ произволъ субъектовъ международнаго права, поскольку въ основѣ ихъ отношеній заложенъ принципъ соблюденія, въ осуществленіи власти, предѣловъ принадлежащей имъ компетенціи. Въ этомъ принципѣ выражается существо основныхъ международныхъ обязанностей (см. выше), соблюденіе которыхъ является необходимымъ условіемъ признанія международной правоспособности.

4) Международно-правовыя начала не нарушаютъ элементовъ международной правоспособности.

a) Начала международнаго права не нарушаютъ свободы [1]), поскольку источникъ послѣднихъ, независимо отъ

договоровъ повлекло бы за собой состояніе анархіи, нарушающей интересы государства неизмѣримо болѣе обременительнаго договора. Bluntschli, Völkerrecht, § 410, оперируетъ въ этомъ вопросѣ, исходя изъ идеи „правосознанія“; аналогичнаго взгляда придерживается Bonfils, l. c., p. 430 ss. Согласно Chrétien'y, l. c., I, p. 340, идея правомѣрности совпадаетъ съ идеей пользы, поскольку первая есть ничто иное, какъ абсолютная полезность; см. также Piédelièvre, l. c., I, p. 292 ss. Carnazza-Amari, l. c., II, sect. IV, chap. IV, § 4, сочетаетъ идею правомѣрности съ національнымъ принципомъ. Теорія Bry, l. c., p. 302 ss., построена на началахъ нравственнаго закона и высшей пользы.

[1]) Въ основѣ этихъ началъ лежитъ согласіе обязуемаго; въ этомъ отношеніи мы вполнѣ присоединяемся къ теоріи Jellinek'a, Staatenverbindungen, S. 91 ff, Die Rechtliche Natur der Staatenverträge, 45 ff., см. также Schulze, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, I, S. 25; нѣсколько иначе Brie, l. c., S. 113 ff., согласно которому нѣкоторыя начала между-

формы ихъ внѣшняго выраженія (признанія или же договора) коренится въ волѣ обязаннаго организма (см. выше). Въ границахъ принадлежащей ему компетенціи онъ остается свободнымъ, исключая въ этой области господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной.

b) Начала международнаго права не нарушаютъ независимости даннаго организма, поскольку послѣдній, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, опредѣляемой международно-правовыми началами, не обусловливается въ осуществленіи власти некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ—признакъ, характеризующій независимость (см. выше).

c) Начала международнаго права не нарушаютъ суверенитета. Ограниченіе власти опредѣленною компетенціей не только не измѣняетъ ея суверенной природы, но вытекаетъ изъ существа всякой вообще власти, господство которой не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ, лишь въ отношеніи предметовъ, непосредственно подлежащихъ ея вѣдѣнію.

3. Совмѣстное бытіе суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, ограничивая ихъ естественную независимость, вызываетъ необходимость гарантій, могущихъ имъ обезпечить осуществленіе правъ въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи.

1) Совмѣстное бытіе суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, ограничиваетъ ихъ естественную независимость.

народнаго права коренятся въ правосознаніи (Rechtsüberzeugung), непосредственно исходящемъ изъ международнаго общенія (aus der Gemeinschaft der civilisirten Staaten); отчасти Leseur, p. 25 ss., также Liszt, l. c., S. 6 ff., 9 ff.; по поводу различныхъ классификацій источниковъ международнаго права см. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 187 сл., Piédelièvre, l. c., I, p. 7, 20 ss., Gareis, Institutionen, S. 3 ff., Bry, l. c., p. 5 ss., Ullmann, l. c., S. 27 ff., Heffter-Geffcken, l. c., p. 2 ss., Bonfils, l. c., p. 5 ss., Rivier, l. c., I. p. 27 ss., Chrétien, l. c., I, p. 3 ss., Despagnet, l. c, p. 3 ss., 62 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 54 ss., 117 ss.

a) Источникъ ограничительныхъ дѣйствій коренится въ совмѣстномъ бытіи суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, поскольку каждый изъ нихъ, въ отдѣльности, вправѣ не обусловливаться въ осуществленіи власти некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ, иначе говоря, управомоченъ къ осуществленію положительныхъ и отрицательныхъ актовъ господства не только въ вопросахъ самостоятельной, но, также, смѣшанной компетенціи.

b) Предметомъ ограничительныхъ дѣйствій служитъ естественная независимость, не всегда совпадающая съ юридической, поскольку праву—не обусловливаться въ осуществленіи дѣятельности некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ не всегда корреспондируетъ, при наступившей коллизіи властей, въ вопросахъ смѣшанной компетеніи, возможность фактически пользоваться этимъ правомъ.

2) Ограниченіе естественной независимости, неизбѣжное въ условіяхъ международныхъ отношеній, вызываетъ необходимость юридическихъ гарантій, могущихъ ее обезпечить. Таковыми являются:

a) Отказъ суверенаго организма отъ фактической возможности превышенія принадлежащей ему компетенціи, опредѣляемой международно-правовыми началами. Подобный отказъ, выражаемый въ формѣ признанія обязательности послѣднихъ — источникъ основныхъ международныхъ обязанностей—необходимо предшествуетъ признанію международной правоспособности даннаго организма со стороны прочихъ членовъ международнаго общенія.

b) Отказъ суверенаго организма отъ осуществленія правъ, ограничивающихъ естественную независимость другихъ организмовъ:

aa) Предметомъ отказа, въ отличіе отъ предыдущаго случая, имѣвшаго въ виду превышеніе власти, является осуществленіе правъ, иначе говоря, — положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, входящихъ въ компетенцію обязуемаго.

bb) Самый отказъ конструируется на началахъ междуна-

роднаго права или же ограниченія юридической независимости обязуемаго.

α) Отказъ, построенный на началахъ международнаго права, характеризуется элементами исключительно договорными, не ограничивающими международной правоспособности обязуемаго. По степени своей обязательности, онъ распадается на два вида: общій и особенный. Первый служитъ источникомъ общеобязательныхъ производныхъ правъ и обязанностей, имѣющихъ значеніе международно-правовыхъ началъ [1]); второй,—источникомъ особенныхъ правъ и обязанностей, ограниченныхъ болѣе тѣснымъ кругомъ участниковъ.

β) Отказъ, построенный на началахъ ограниченія юридической независимости, а слѣдовательно и международной правоспособности обязуемаго, ограничиваетъ послѣдняго обязательствомъ обусловливаться, въ осуществленіи власти, некомпетентностью или бездѣйствіемъ организма, въ пользу котораго ограничена его независимость—признакъ, характеризующій зависимое состояніе. На этихъ началахъ построено союзное государство.

---

[1]) Въ этой области характерно выступаетъ творческое вліяніе идеи международнаго общенія. Юридически свободные и независимые соціальные организмы испытываютъ на себѣ необходимость, въ силу факта сосуществованія во времени и пространствѣ, регламентировать общеобязательными правовыми началами родовыя условія своихъ взаимныхъ отношеній. Общность культурныхъ интересовъ—элементъ объективный—и сознаніе этой общности—элементъ субъективный—таковы два существенныхъ фактора международнаго общенія; степень ихъ интенсивности служитъ показателемъ степени развитія послѣдняго, и обратно. Правовое значеніе идеи международнаго общенія талантливо формулировано Ф. Ф. Мартенсомъ, l. c., I, стр. 201 сл., см. также Jellinek, Staatenverbindungen, S. 91 ff., Leseur, l. c., p. 19 ss., Liszt, l. c., S. 2 ff., Rivier, l. c., I, p. 7 ss., Chrétien, I, p. 1 ss., Ullmann, l. c., S. 1 ff., Despagnet, l. c., p. 1 ss., Carnazza-Amari, l. c., I, p. 123 ss., Alcorta, l. c., I, p. 32 ss., Piédelièvre, l. c., I, p. 11 ss., Gareis, l. c., S. 3 ff., Bry, l. c., p. 1 ss., Bonfils, l. c., p. 3 ss. Установленныя, на этой почвѣ, международно-правовыя начала производнаго характера должны быть, однако, отличаемы отъ основныхъ началъ, непосредственно вытекающихъ изъ элементовъ, международной правоспособности.

c) Участіе одного организма въ бытіи другого, выражаемое въ различныхъ формахъ—участія въ образованіи верховной воли или осуществленіи исполнительной власти—является средствомъ огражденія юридической независимости участвующаго организма, поскольку послѣдній, направляя, согласно своимъ интересамъ, волю угрожающаго ему организма, получаетъ, тѣмъ самымъ, возможность ограждать неприкосновенность своей компетенціи. Подобное участіе можетъ имѣть преходящій характеръ временнаго союза или же получить сложную организацію, возникшую на почвѣ длящагося правоотношенія. На этихъ началахъ построены союзное государство, реальное и личное соединенія, возникающія въ условіяхъ болѣе устойчивыхъ интересовъ.

d) Право принужденія является санкціей всякаго вообще права, осуществляемаго въ условіяхъ международно-правовыхъ отношеній.

На этомъ мы позволимъ себѣ закончить изложеніе общей конструкціи международной правоспособности. Предшествующія страницы имѣли въ виду возможно болѣе точную формулировку существенныхъ элементовъ послѣдней, а также—правъ и обязанностей, органически связанныхъ съ участіемъ въ составѣ международнаго общества. На этомъ пути намъ пришлось преодолѣвать немалыя трудности — оперировать съ понятіями, до настоящаго времени недостаточно выясненными, отвлекать ихъ родовые признаки, одинаково приложимые къ области международныхъ и церковно-государственныхъ отношеній, наконецъ, выдѣлить въ общую часть систему началъ, руководящихъ въ вопросѣ о современномъ международномъ положеніи папства. — Слѣдующій отдѣлъ, спеціально посвященный послѣднему, изложенъ согласно системѣ, положенной въ основу предшествующаго.

Мы надѣемся, что многое, оставшееся на предшествующихъ страницахъ не вполнѣ яснымъ и достаточно полнымъ, получитъ въ немъ необходимое освѣщеніе и полноту.

КОНСТРУКЦІЯ

МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ

ПАПСТВА.

§ 18.

1) Св. Престолъ, обладая суверенитетомъ, свободой и независимостью—органически связанными между собою элементами международной правоспособности — долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права.

2) Совокупность международныхъ правъ и обязанностей Св. Престола, основныхъ и производныхъ, органически связанныхъ между собою, въ свою очередь органически связана съ элементами международной правоспособности папства: суверенитетомъ, свободой и независимостью.

3) Св. Престолъ, суверенный, свободный и независимый по отношенію къ государству, опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи—абсолютной и относительной—международноправовыми началами. Обязательныя по природѣ, они ограничиваютъ произволъ государства и церкви въ области ихъ взаимныхъ отношеній, не посягая на элементы международной правоспособности послѣднихъ.

4) Совмѣстное бытіе государства и католической церкви, одинаково суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, ограничивая ихъ естественную независимость, вызываетъ необходимость гарантій, могущихъ имъ обезпечить осуществленіе правъ въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи.

I. Св. Престолъ, обладая суверенитетомъ, свободой и независимостью, органически связанными между собою элементами международной правоспособности, долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права.

А) Св. Престолъ обладаетъ суверенитетомъ, свободой и независимостью.

АА) Св. Престолъ является суверенным, будучи носителемъ власти, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Недѣлимая по существу, но сложная по содержанію, эта власть выражается въ двухъ формахъ господства: территоріальной и личной.

1. Св. Престолъ является носителемъ власти, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

а) Св. Престолъ является носителемъ власти, господство которой не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ. Христіанская церковь представляетъ собою общественный организмъ, союзъ людей, связанныхъ въ одно соціальное цѣлое общностью вѣры и власти, надъ ними господствующей. Совокупность каноническихъ нормъ, регулируя права и обязанности членовъ церкви, служитъ выраженіемъ корпоративной воли религіознаго организма, опредѣляемой природой послѣдняго, конечною цѣлью, которую онъ преслѣдуетъ и конкретными условіями его бытія. Отличаясь по содержанію, духовная власть, по существу, тождественна свѣтской, не обусловливаясь, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ. Въ глазахъ христіанскаго міра, церковь держитъ свою власть непосредственно отъ Богочеловѣка Христа, воля котораго служитъ единственнымъ источникомъ обязательности кано-

нической нормы [1]). Въ этомъ смыслѣ, христіанская церковь является вполнѣ самобытной, равноправной государству. Въ принципѣ чуждая узко-національнымъ задачамъ, она признаетъ себя обязанной осуществлять на землѣ одну лишь волю Спасителя, а не предначертанія государства. Не отрицая его правъ по отношенію къ подданнымъ, разрѣшая и даже требуя отъ нихъ повиновенія свѣтской власти, церковь тѣмъ не менѣе самостоятельно опредѣляетъ свою компетенцію и указуетъ паствѣ границы должнаго повиновенія государству, аутентично толкуя слова Спасителя: „Воздайте кесарево кесарю, а Божье Богу". Различіе между католицизмомъ и православіемъ не касается существа духовной власти; оно выражается лишь въ конструкціи реальнаго субъекта послѣдней. Слѣдуя по пути уже намѣченному Тридентскимъ соборомъ, Ватиканскій соборъ 1870 г. [2]) завершаетъ центра-

---

[1]) „Est autem Ecclesia: societas" говоритъ Cavagnis „a Christo Domino instituta ut in ea et per eam exclusive homines salutem aeternam consequantur (см. его Institutiones iuris publici ecclesiastici, p. 113). Ecclesia fundata enim est a Christo Domino, cui plenitudo potestatis collata est in coelo et in terra (ibid., p. 117). Власть церкви, съ католической точки зрѣнія, непосредственно зиждется на Богоустановленномъ порядкѣ; она представляется въ качествѣ „полномочій" лишь по отношенію къ Божественной волѣ ея основателя. См. также Camillo Tarquini, Juris Ecclesiastici publici institutiones, p. 30 ss., Guglielmo Audisio, Diritto pubblico della Chiesa e delle genti Cristiane, vol. I, p. 28 ss., 241 ss. Аналогичнаго взгляда придерживаются Matteo Liberatore, Trattato del diritto pubblico ecclesiastico, p. 8 ss., 19 ss., Giobbio, Lezioni di diplomazia ecclesiastica, vol. I, p. 24 ss., Phillips, Lehrbuch des Kirchenrechts, S. 2, 88 ff., Walter, Lehrbuch des Kirchenrechts aller Christlichen Confessionen, S. 24 ff, 38 ff., Vering, Lehrbuch des katholischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechts, S. 390 ff., Richter-Dove, Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts, S. 268 ff., Laemmer, l. c., S. 5 ff., 107 ff., 301 ff., 522 ff., Frantz, Lehrbuch des Kirchenrechts, S. 92 ff., Gerlach, Lehrbuch des katholischen Kirchenrechts, S. 2 ff., 351 ff., 520 ff., München, Das kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht, Bd. I, S. 1 ff. — По этому поводу см. также Fiore, Trattato di diritto internationale, T. I, pagg. 462 ss., Chrétien, Principes de droit international public, I, p. 71 ss.

[2]) Акты послѣдняго отпечатаны въ „Acta et Decreta Sacrorum

лизацію католической церкви. „Constitutio Pastor aeternus" [1]) санкціонируетъ полноту религіозной власти папы, какъ видимаго главы католической церкви. Все, что нѣкогда принадлежало собору, разъ навсегда вручается папѣ, намѣстнику Христа на землѣ. Переустройство церкви на началахъ абсолютной духовной монархіи, въ пользу Св. Престола, становится окончательнымъ и, надо полагать, безповоротнымъ. Наслѣдуя прерогативы собора, папа принимаетъ ихъ на себя во всей ихъ полнотѣ и неприкосновенности, становится „непогрѣшимымъ" носителемъ власти, господство которой надъ католической паствою не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ, въ томъ числѣ и государства.

b) Св. Престолъ является носителемъ власти, господство которой не обусловливается, въ своемъ бытіи, согласіемъ подчиняемыхъ [2]). Въ качествѣ соціальнаго организма, христіанская церковь преслѣдуетъ опредѣленныя цѣли, стремленіе къ которымъ служитъ мотивомъ ея возникновенія и дальнѣйшаго бытія. Телеологическій элементъ, самъ по себѣ, не составляетъ исключительнаго достоянія государства и церкви; онъ въ одинаковой мѣрѣ присущъ всякому соціальному организму, какъ таковому. Особенность государства и церкви обнаруживается въ импера-

---

Conciliorum Recentiorum collectio Lacensis, Tomus VII, a MDCCCXC.

[1]) Constitutio dogmatica (Sessio IV 18 Julii a. 1870).

[2]) „.... Ex his sequitur potestatem summi Pontificis esse supremam, plenam, ordinariam et immediatam in ommes et singulos fideles, in omnes et singulas ecclesias" (см. Cavagnis, l. c., p. 438 ss.). Подобная формула заключаетъ въ себѣ оба существенныхъ элемента, характеризующихъ религіозное верховенство Св. Престола: „авторитетъ" и „самобытность", осуществляемыхъ имъ актовъ господства надъ наствою — начало, признанное католической доктриной. См. по этому поводу Liberatore, l. c., p. 8 ss., 16 ss., Audisio, l. c., vol, I, p. 189 ss., 248,, Tarquini, l. c., p. 30 ss., 81 ss., Giobbio, Lezioni, T. I, pagg. 24 ss., 65 ss., Phillips, l. c., S. 2, 88 ff., 91 ff., Walter, l. c., S. 24 ff., 38 ff., Laemmer, l. c, S. 5 ff., 51 ff., 107 ff., 305, Vering, l. c., S. 390 ff., 522 ff., Gerlach, l. c., S. 2 ff., 251 ff., 361 ff., 527, Richter-Dove, l. c., S. 268 ff., Frantz, l. c., S. 92 ff.

тивности ихъ цѣлей [1]), сравнительно съ большей или меньшей факультативностью цѣлей, преслѣдуемыхъ прочими корпораціями. Поскольку государство и церковь, взятыя порознь, служатъ, въ представленіи ихъ участниковъ, единственной формой общенія, могущей облегчить имъ достиженіе намѣченныхъ цѣлей, императивный характеръ послѣднихъ вызываетъ сознаніе необходимости участвовать въ составѣ указанныхъ организмовъ и повиноваться ихъ волѣ. Въ этомъ смыслѣ, государство и церковь возникли не случайно, не въ силу каприза людей. Они вызваны къ жизни сознаніемъ неотложности цѣлей, стремленіе къ которымъ коренится въ самой природѣ субъекта и связанныхъ съ нею потребностей. Конечная оцѣнка жизненныхъ цѣлей, религіозныхъ и политическихъ, принадлежитъ человѣку. Послѣдній, въ принципѣ, можетъ свободно принять или отвергнуть какъ церковь, такъ и государство. Но признавъ для себя существенной данную цѣль, войдя въ составъ организма ради ея достиженія возникшаго, онъ подчиняется власти, господство которой уже не обусловливается, въ своемъ бытіи, согласіемъ подчиняемаго. Въ качествѣ главы церкви, Св. Престолъ безспорно властвуетъ надъ ея членами, направляетъ католическую паству согласно интересамъ церкви. Въ глазахъ правовѣрныхъ католиковъ, папа непогрѣшимый авторитетъ [2]) въ области религіозныхъ вопросовъ. Самое пребываніе въ лонѣ церкви является, конечно, дѣломъ религіозныхъ убѣжденій.

---

[1]) По этому поводу см. Cam. Tarquini, l. c., p. 5 ss., 30 ss., Audisio, l. c., vol. I (proemio), p. XIV ss., p. 241 ss., Cavagnis, l. c., p. 106, Liberatore, l. c., p. 8 ss., 16 ss., 24 ss., Giobbio, Lezioni, T. I, p. 24 ss., 64 ss., Farabulini, La Questione Romana e l'Europa politica, T. I, pagg. 29 ss.

[2]) „Romanum pontificem, cum ex cathedra loquitur, id est, cum omnium christianorum pastoris et doctoris munere fungens pro suprema sua apostolica auctoritate doctrinam de fide vel moribus ab universa ecclesia tenendam definit, per assistentiam divinam, ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere, qua divinus redemptor ecclesiam suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit; ideoque eiusmodi Romani pontificis definitiones ex sese, non autem ex consensa ecclesiae irreformabiles esse“ (Const. dogmat. c. 4; см. выше).

Не надо смѣшивать, однако, двухъ различныхъ вопросовъ: участія въ церкви и отношенія къ послѣдней во время участія [1]). Первое есть дѣло свободной, непринуждаемой воли; второе—господства и подчиненія. Въ этомъ отношеніи, религіозныя обязанности, подобно юридическимъ, отличны отъ нравственныхъ, источникъ которыхъ коренится въ одной лишь волѣ обязаннаго.

c) Господство Св. Престола ограничивается составомъ принадлежащей ему компетенціи. Требуя отъ католической паствы безпрекословнаго подчиненія во всемъ, что касается церкви, Св. Престолъ осуществляетъ непосредственно присущее ему право власти, а не полномочія, дарованныя государствомъ. Эту власть онъ держитъ отъ церкви и только передъ нею отвѣтственъ. Налагая на паству обязанности, руководя ея дѣятельностью согласно интересамъ церкви, Св. Престолъ ограничивается, однако, опредѣленною компетенціею [2]), внѣ предѣловъ которой воля его теряетъ

---

[1]) См. Giobbio, Lezioni, T. I, p. 65. Различіе указанныхъ элементовъ обнаруживается не только въ церкви но, также, и въ государствѣ: см. по этому поводу Rosin, l. c., S. 299 ff.

[2]) Авторитетъ папы, какъ главы церкви, ограничивается компетенціей, принадлежащей послѣдней; „Reddite quae sunt Caesaris Caesari, et quae sunt Dei Deo (Matth. XXII, 21; Marc, XII, 17; Luc. XX, 25). Компетенція церкви a „priori“ не совпадаетъ съ государственной. „In rebus temporalibus, et sub respectu finis temporalis Ecclesia nihil potest in societate civili“ (см. Cavagnis, l. c., p. 48—49); аналогичнаго взгляда придерживаются, Cam. Tarquini, l. c., p. 48 ss., Liberatore, l. c., p. 130 ss., 180 ss., 292 ss., Giobbio, Lezioni, T. I, p. 53 ss., Vering, l. c., S. 392 ff., Laemmer, l. c., S. 305 ff., Gerlach, l. c., S. 522 ff., Farabulini, l. c. T. I. pagg. 28 ss.—Въ томъ же смыслѣ высказывается Левъ XIII въ своей энцикликѣ, „Immortale Dei“: „Itaque Deus humani generis procurationem inter duas potestates partitus est, scilicet ecclesiasticam et civilem; alteram quidem divinis, alteram humanis rebus praepositam. Utraque est in suo genere maxima: habet utraque certos, quibus contineatur, terminos, eosque sua cuiusque natura caussaque proxima definitos; unde aliquis velut orbis circumscribitur, in quo sua cuiusque actio iure proprio versetur“ (Die 1 nov. a. MDCCCLXXXV. Полный текстъ энцеклики отпечатанъ у Liberatore, l. c., p. 432 ss.). — Самостоятельное значеніе религіозной компетенціи не

свой правомѣрный характеръ, становится ничтожной въ юридическомъ и каноническомъ отношеніяхъ. Этимъ моментомъ компетентности, понятіе власти отличается отъ деспотическаго произвола.

2. Всякая власть, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ, является суверенной, независимо отъ содержанія осуществляемыхъ ею актовъ господства (см. выше).—Ergo:

3. Св. Престолъ является субъектомъ верховенства. Въ этомъ отношеніи, кардиналъ Якобини [1]) былъ несомнѣнно правъ, утверждая въ нотѣ, обращенной къ дипломатическому корпусу, акредитованному при Ватиканѣ, что несмотря на событія 1870 г., папа продолжаетъ оставаться суверенымъ не только „de iure“, но и „de facto“, въ качествѣ главы католической церкви, безотносительно къ вопросу о территоріальномъ верховенствѣ Св. Престола. Аналогичнаго взгляда придерживаются Джіоббіо [2]), Цокки [3]), Оливаръ [4]), Пинкетти-Санмаркп [5]), Фарабу

предрѣшаетъ, конечно, вопроса о столкновеніи между государствомъ и церковью въ области смѣшанной, религіозно-политической компетенціи, а также—различныхъ способовъ устраненія подобной коллизіи. По этому поводу см. ниже.

[1]) „Il Santo Padre in forza della sua Divina missione e dell' Apostolico ministero, che non suprema autorità esercita in tutto il mondo anche dopo la perdita del principato, è rimasto sovrano non solo in diritto, ma anche di fatto, e questo carattere di sovranità attuale gli viene riconosciuto da tutte le potenze, che accreditano presso di Lui legazioni straordinarie e stabili, ambascerie munite di privilegi diplomatici, che gli rendano pubblicamente quegli atti di ossequio e di riverenza, che solo appartengono ai Principi regnanti“. (Nota dell' Eminentissimo Cardinale Jacobini, Segretario di Stato di S. S., al corpo diplomatico accreditato presso la Santa Sede, dell' 11 settembre 1882, № 501616; см. Appendici al opera del Marchese de Olivart Il Papa, gli Stati della Chiesa e l'Italia, pag. 252 ss.).

[2]) Giobbio, Lezioni, T. I, p. 24 ss., 64 ss., 77 ss., 82 ss.

[3]) Zocchi, Papa e Re, p. 47 ss., 104 ss., 260 ss.

[4]) Olivart, Le Pape, les Etats de l'Eglise et l'Italie, p. 11.

[5]) Pinchetti-Sanmarchi, Guida diplomatica ecclesiastica, p. 104 ss., 181.

линии [1]), Кретьенъ [2]) и мн. друг. [3]). Противоположное утвержденіе основано на смѣшеніи родового понятія власти съ видовымъ—государственной власти. Разсматривая капитуляцію Рима въ качествѣ факта, повлекшаго за собой паденіе церковнаго государства. Гефкенъ [4]), Скадуто [5]), Бомпаръ [6]), Кастеллари [7]) и проч. [8]) противники международной пра-

---

[1]) Farabulini, l. c., T. I, pagg. 28 ss.

[2]) Chrétien, La Papauté et la conférence de la Paix (Revue générale de dr. intern. public, 1899, Mai-Juin № 3).

[3]) Liberatore, l. c., 8 ss., 16 ss., Corsi, La situazione attuale della Santa Sede nel diritto internazionale, p. 13 ss., 42 ss., Resch, Das Papstthum und das Völkerrecht, S. 18 ff., 25 ff., Brunialti, L'unita d'Italia e il Papato nel Mondo Cattolico (Biblioteca di Scienze politiche, vol. VIII, 1892; prefazione al tomo VIII, Lo Stato e la Chiesa in Italia, cap. III) Zanichelli, Monarchia e Papato in Italia, p. 104 ss., 108 ss., Laemmer, l. c., S. 335.— На тѣхъ же началахъ построена средневѣковая католическая доктрина (см. выше, историч. очеркъ), основные принципы которой сохранились, до настоящаго времени, во всей ихъ полнотѣ и неприкосновенности въ ученіи зап. церкви. Къ сожалѣнію, представители этой теоріи, утверждая верховенство Св. Престола, какъ главы церкви, не даютъ точныхъ опредѣленій верховенства вообще; отсюда неясность ихъ основныхъ положеній, неубѣдительность выводовъ, во многихъ отношеніяхъ правильныхъ. — Къ этому вопросу, мы еще вернемся на слѣдующихъ страницахъ.—Въ пользу верховенства папы высказывается также Leroy-Beaulieu, Le Vatican et le Quirinal depuis 1878 (Revue des Deux Mondes, a. 1882, p. 781 ss.). По мнѣнію послѣдняго, папа, не будучи непосредственно подчиненнымъ итальянскому закону, является лично суверереннымъ. Аналогичнаго взгляда придерживается, повидимому Despagnet, согласно которому Le Pape est „considéré en fait comme un Souverain effectif, malgré la perte de son pouvoir temporel“ (La Conférence de la Haye et ses résultats; см. Revue générale de dr. int. public, 1899. Novembre-Décembre, № 6, p. 866); въ этой статьѣ онъ нѣсколько отступаетъ отъ выводовъ, изложенныхъ въ его курсѣ межд. права (см. ниже).

[4]) Geffcken, Die völkerrechtliche Stellung des Papstes (Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts, Bd. II, S. 181 ff.).

[5]) Scaduto, Guarentigie Pontificie, p. 260 ss.

[6]) Bompard, Le Pape et le droit des gens, p. 60 ss., 185 ss., 192 ss.

[7]) Castellari, La Santa Sede, T. II, 594 ss.

[8]) Nys, Le droit international et la papauté (Revue de droit internatio-

воспособности папства отрицаютъ за Св. Престоломъ наличность верховенства, поскольку послѣднее является будто бы исключительнымъ достояніемъ государства. Въ томъ же смыслѣ высказываются Ф. Ф. Мартенсъ [1]), Ривье [2]), Листъ [3]), Карнацца-Амари [4]) и проч. [5]) представители международнаго права.

---

nal et de législation comparée T. X, 1878, p. 501 ss., 531 ss.), Brusa, La juridiction du Vatican (R. D. I. XV, 1883), p. 121 ss., Cadorna, Il potere temporale dei Papi, la legge delle garanzie e la garanzia delle garanzie 3 ss., 20 ss. (см. статью того же автора въ Nuova Antologia, Serie II, vol. XXXIII, p. 444 ss., 649 ss., Minghetti, Lo Stato e la Chiesa, cap. III, p. 77 ss., Casella, La posizione giuridica del Sommo Pontefice e della Santa Sede Apostolica, p. 57 ss, Esperson, Diritto diplomatico e giurisdizione internazionale marittima col commento delle disposizioni della legge italiana del 13 maggio 1871 sulle relazioni della Santa Sede colle Potenze straniere, I. p. 36 ss. Heilborn, Der Papst (System des Völkerrechts), S. 195 ff., 201, Zorn, Lehrbuch des Kirchenrechts, S. 432 ff., Bluntschli, Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des Römischen Papstes, S. 14 ff., Holtzendorff, Völkerrechtliche Erläuterungen zum italienischen Garantiegesetz vom 13 Mai 1871 (Jahrbuch fur Gesetzgebung, Verwaltung und Rechtspflege des Deutschen Reichs, IV, 1876), S. 308 ff., 313 ff., Linden, Ist der Papst Souverän? S. 12 ff., 39 ff.—По мнѣнію указанныхъ писателей, авторитетъ Св. Престола ограничивается исключительно нравственнымъ воздѣйствіемъ на паству, лишеннымъ существенныхъ элементовъ верховенства. — (См. ниже) Нѣкоторые писатели разсматриваютъ суверенитетъ Св. Престола въ качествѣ понятія „sui generis"; связанныя съ нимъ прерогативы публично-правового характера созданы въ пользу папы силой односторонняго акта—зак. о гарантіяхъ. Такова теорія Palma (Luigi), La Sovranita personale del Sommo Pontefice nel Regno d'Italia (Questioni Costituzionali, vol. complementare del corso di diritto costituzionale), p. 390 ss, см. также Gabba, Nota alla sentenza 9 novembre 1882 della Corte d'appello di Roma nella causa Theodoli-Martinucci, ossia dei Tribunali Vaticani, nella rivista „Il Foro Italiano", vol VIII (1883), parte I, pagg. 679 ss., Gabib, Sulla questione dei tribunali Vaticani (Rivista Europea, vol. XXXII, a. 1883), p 73 ss. Аналогичнаго взгляда придерживаются Bonghi, I tribunali Vaticani (Nuova Antologia, 1883, № 37), p. 105 ss.

[1]) Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 113, сл.

[2]) Rivier, l. c., I, p. 120 ss.

[3]) Liszt, l. c., S. 37 fg.

[4]) Carnazza-Amari, l. c., II, p. 150.

[5]) Despagnet, Cours de droit international public, p. 149, Bry, l. c.,

Мы не можемъ признать справедливости подобнаго взгляда. Во многихъ отношеніяхъ церковь отлична отъ государства: въ качествѣ религіознаго организма, она преслѣдуетъ цѣли чуждыя государству [1]); универсальная, по природѣ, она лишена территоріи [2]), съ которой органически связано госу-

---

р. 347 ss., Bonfils, l. c., p. 182 ss., Piédelièvre, l. c., II, p. 547 ss., Ullmann, l. c., S. 62 ff., и мн. др.

[1]) Государство преслѣдуетъ интересы земные; церковь, въ качествѣ религіознаго организма, зиждется на вѣрѣ въ царство небесное; см. по этому поводу Rehm, Allgemeine Staatslehre (Handb. des Oeffentl. Rechts, Einleitungsband, 1899), S. 32 ff. — Аналогичнаго взгляда придерживается католическая доктрина; „Societas enim civilis.... tendit ad felicitatem naturalem et quidem temporalem..... Ecclesia tendit ad spiritualem et quidem supernaturalem“ (Cavagnis l. c., p. 115), см. также Audisio, l, c., vol. I (proemio) p. XVIII ss., p. 242 ss., Liberatore, l. c., p. 11 ss., Cam. Tarquini, l. c., p. 30, Giobbio, Lezioni, T. I, p. 16, Vering, l. c., S. 392, Laemmer, l. c, S. 304, 329 ff., Gerlach, l. c., S. 521. Въ томъ же смыслѣ высказывается Левъ XIII въ энцикликѣ „Immortale Dei“ (см. Liberatore, l. c., p. 442)

[2]) Космополитическій характеръ католической церкви, ея внѣгосударственное, свободное отъ территоріальныхъ границъ, состояніе, служитъ основой международноправовой конструкціи взаимныхъ отношеній Св. Престола и католическихъ державъ; въ этомъ смыслѣ, паденіе церковнаго государства, содѣйствуя космополитическому направленію зап. церкви, могло лишь способствовать—въ условіяхъ „экстерриторіальности“ и „внѣподданства“ папства—дальнѣйшему упроченію международной личности Св. Престола. Къ сожалѣнію, Brusa, La juridiction du Vatican, p. 121 ss., Geffcken, Völkerr. Stellung d. Papstes, S. 181 ff, Linden, l. c., S. 12 ff., 32 ff., Bompard, Le Pape etc., p. 57 ss., 185 ss., Heilborn, l. c., S. 195 ff., разсматриваютъ событія 1870 г. въ качествѣ факта, повлекшаго за собою уничтоженіе международной правоспособности Св. Престола; аналогичнаго взгляда придерживаются Scaduto, l. c., p. 283 ss., Palma, l. c., p. 378 ss., Cadorna, l. c., p. 39 ss., 46 ss., Gabib, l. c., p. 67 ss., Holtzendorff, Völkerr. Erläuter. etc., S. 308 ff., отчасти Bonghi, I trib. Vaticani, p. 107 ss., и мн. друг. (см. ниже).—Въ противоположную крайность впадаютъ Olivart, La Pape etc. p. 11 ss., 56 ss., 61 ss., 70 ss., Corsi, Situaz. attuale d. S. Sede, p. 13 ss., 45 ss., Resch, l. c., S. 17, 21 ff., Lampertico, L'Italia e la Chiesa, p. 50 ss., 60 ss., Zocchi, l. c., p. 245 ss., 265 ss., Zanichelli, l. c., p. 102 ss., Giobbio, Lezioni, T. I, p. 24 ss., и мн. друг., согласно которымъ, католическая церковь, какъ таковая, является субъектомъ международнаго права безотносительно къ территоріальному верховенству Св. Пре-

дарство. Этими признаками не исчерпываются, конечно, черты различія между государствомъ и церковью. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы господство духовной власти надъ паствою облекалось въ форму простыхъ полномочій, вручаемыхъ ей государствомъ, или нравственныхъ требованій, источникъ которыхъ коренится въ одной лишь волѣ обязаннаго. Христіанская церковь, особенно католическая, въ той формѣ, въ которую она вылилась подъ вліяніемъ исторической эволюціи, заключаетъ въ себѣ всѣ существенные элементы верховенства: господство Св. Престола надъ паствою, осуществляемое въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ, въ томъ числѣ и государства, или согласіемъ подчиняемыхъ. Въ этомъ отношеніи, необходимо проводить строгое различіе между содержаніемъ власти и внѣшними формами ея выраженія, съ одной стороны, и существомъ осуществляемыхъ ею актовъ господства — съ другой.

4. Верховенство Св. Престола, недѣлимое по существу, сложно по содержанію. Принципъ недѣлимости власти по существу непосредственно вытекаетъ изъ самой природы послѣдней. Нельзя того же сказать относительно ея содержанія. До взятія Рима въ 1870 г., папа совмѣщалъ въ своихъ рукахъ духовную власть, какъ глава церкви, и государственную, въ качествѣ государя церковной монархіи. Съ тѣхъ поръ, его духовная власть не только умалилась, но даже упрочилась, возведенная въ догматъ. Ниже мы увидимъ, что паденіе церковнаго государства не повлекло за собой окончательнаго уничтоженія и свѣтской власти папы. Потерявъ въ объемѣ и содержаніи, она тѣмъ не менѣе продолжаетъ служить достояніемъ куріи. [1]). Въ этомъ смыслѣ, верховенство Св.

стола. Аналогичнаго взгляда придерживаются, повидимому, Vering, l. c., S. 346 ff., Laemmer, l. c., S. 333 ff, Gerlach, l. c., S. 44 fg. Strodl, l. c., S, 2 ff.—На этомъ вопросѣ мы остановимся подробнѣе ниже.

[1]) Теорія сторонниковъ международной правоспособности Св. Престола, утверждающихъ, подобно Corsi, Situazione attuale d. S. S., p. 45 ss., 52 ss., и Olivart'у, Le Pape etc. (см. ниже), полноту территоріальнаго властвованія папы въ предѣлахъ Ватикана, намъ представляется столь же крайней,

Престола, заключая въ себѣ обѣ власти, духовную и свѣтскую, является сложнымъ по содержанію, оставаясь, по существу, нераздѣльнымъ.

§ 19.

5. Верховенство Св. Престола выражается въ двухъ, органически связанныхъ между собою, формахъ: территоріальной и личной.

1) Верховенство Св. Престола выражается въ двухъ формахъ власти: территоріальной и личной.

а) Территоріальное верховенство Св. Престола, въ свою очередь, выражается въ формахъ: экстерриторіальной и детерриторіальной. — Капитуляція Рима 20 сентября 1870 г., уничтоживъ территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство куріи, повлекла за собой паденіе церковнаго государства. Въ историческомъ очеркѣ мы указали процессъ, въ силу котораго папству пришлось пережить столь тяжкое испытаніе. Роковымъ образомъ обреченная ополчиться противъ народной свободы, реакціонная политика куріи расшатала вѣковые устои церковнаго государства. Въ XIX в. папскій Римъ палъ въ силу причинъ, аналогичныхъ гибели языческаго Рима: подобно нашествію варваровъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, итальянскій походъ 1870 г., это—ударъ, извнѣ нанесенный „вѣчному городу“. Но не въ немъ коренилась причина наступившаго разрушенія церковнаго государства; она скрывалась въ нежизнеспособности погибшаго зданія. 20-го сентября 1870 г. папскій Римъ принужденъ капитули-

---

какъ и противоположное мнѣніе итальянистовъ, отрицающихъ обладаніе папой, въ современныхъ условіяхъ, какими либо функціями свѣтскаго характера; см. Brusa, La juridiction etc., p. 116 ss., 121 ss., Heilborn, l. c., S. 195 ff., 201 ff.. Bompard, Le Pape etc., 60 ss., 185 ss., 192 ss., Zorn Kirchenrecht, S. 432 ff, Geffcken, Völkerrechtl. Stell. d. P. S., 181 ff., Nys, Dr. intern. et la Papauté, p. 501 ss., 531 ss., Linden, l. c., S. 12 ff, 39 ff.— Объ этомъ см. ниже.

ровать передъ войсками пьемонтскаго генерала Кадорна [1]). Въ силу акта капитуляціи, бывшая столица церковнаго государства поступаетъ въ распоряженіе Е. В. Короля Италіи, за исключеніемъ незначительной части Рима, ограниченной съ юга бастіонами Св. Духа и заключающей въ себѣ Ватиканскій холмъ, замокъ Св. Ангела и такъ называемое Леонинское предмѣстье. Вскорѣ, однако, послѣднее, вмѣстѣ съ замкомъ Св. Ангела, занимается, по иниціативѣ самой куріи, итальянскими войсками, съ цѣлью, какъ мотивировалось при этомъ, предупрежденія угрожающихъ Св. Престолу безпорядковъ среди населенія этой мѣстности. Въ распоряженіи папы остается лишь Ватиканъ съ прилегающими къ нему службами и садами—микроскопическій клочекъ бывшей территоріи церковнаго государства. Опираясь на результатъ плебисцита 2 октября, королевскій декретъ 9 числа того же мѣсяца [2]) санкціонируетъ присоединеніе Рима къ Италіи.

Возникаетъ вопросъ: сохранилъ ли Св. Престолъ территоріальную власть въ предѣлахъ Ватикана, не занятаго непосредственно итальянскими войсками? Громадное большинство писателей: Кадорна [3]), Гефкенъ [4]), Бруза [5]), Цаникелли [6]) и мн. др. [7]) отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, опираясь, при этомъ, на два аргумента:

---

[1]) Capitolazione pattuita il 20 settembre 1870, tra il Commando delle truppe italiane et il Commandante delle truppe pontificie per la resa della piazza di Roma (Scaduto, l. c., p. 106).

[2]) Regio Decreto 9 ottobre 1870, numero 5903, Art. 1: „Roma e le provincie romane fanno parte integrante del regno d'Italia“ (полный текстъ отпечатанъ у (Casella, l. c., p. 101 s).

[3]) Cadorna, l. c., p. 20 ss., 30 ss.

[4]) Geffcken, Völkerr. Stell. d. Papstes, S. 181 ff., 193.

[5]) Brusa, La jurididiction etc., p. 113 ss., 122 ss.

[6]) Zanichelli, l. c., p. 104 ss.

[7]) Palma, l. c., p. 388 ss., Gabba, l. c., 680 ss., Brunialti, l. c., p. XCVIII ss., Gabib, l. c., p. 74 ss., Nys, Dr. int. et la Papauté, p. 501 ss., 531 ss., Linden, l. c., S. 15 ff., 25 ff., Castellari, l. c., II, p. 540, 597 ss., Casella, l. c., p. 57 ss., Esperson, l. c., I, p. 36 ss., Leroy-Beaulieu, R. D. M. a. 82, p. 314 ss., Bompard, Le Pape etc., p. 185 ss., 192 ss., Bluntschli, Rechtl. Unverantw. u. Verantw. d. R. P., S. 5 ff., 11 ff., 14 ff.,

1) Для наличности дѣйствительной оккупаціи не требуется непосредственнаго занятія непріятельской территоріи. Необходимо лишь такое соотношеніе силъ, при которомъ можно съ увѣренностью утверждать, что непріятель не въ состояніи оказать рѣшительнаго сопротивленія оккупанту, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ нимъ.

2) Это начало вполнѣ приложимо къ данному случаю. Стратегическое безсиліе куріи не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

3) При такихъ условіяхъ, территорія Ватикана, не будучи непосредственно занята итальянскою арміей, тѣмъ не менѣе должна быть признана оккупированной.

Подобный взглядъ не получилъ, однако, всеобщаго признанія. Противъ него рѣшительно выступаютъ Содерини [1]), Оливаръ [2]), Корси [3]), согласно которымъ Св. Престолъ до

Heilborn, l. c., S. 194 ff., Bonghi, I trib. Vatic., p. 98 ss. — Исходя изъ противоположныхъ началъ „абсолютнаго стратегическаго господства", какъ условія „дѣйствительной" оккупаціи, Scaduto, (l. c. p. 270 ss.,) приходитъ къ аналогичному выводу. — Противъ территоріальнаго верховенства Св. Престола высказывается, равнымъ образомъ, громадное большинство интернаціоналистовъ, Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 118, Rivier, l. c, I, p. 120 ss. Fiore, l. c., I, p. 488 ss., Pradier-Fodéré, Cours de dr. diplomat. I, p. 193 ss., Despagnet, Cours etc., p. 144, Bonfils, l. c., p. 183, Bry, l. c., p. 347 ss., Hübler, l. c., S. 16 Chrétien, Principes, I, p. 75, Liszt, l. c., S. 37, Ullmann, l. c., S. 62 ff., Piélièvre, l. c., II, p. 565 ss., Carnazza-Amari, l. c., II, p. 150, 259 ss.

[1]) Soderini (Edoardo), La sovranità del Papa presa ad esame in occasione della vertenza Theodoli-Martinucci (Rassegna Italiana, Dicembre 1882), p. 535 ss.

[2]) Olivart, Le Pape etc., p. 31 ss., 50 ss.

[3]) Corsi, Situaz. attuale d. S. S., p. 45 ss., 52 ss. Въ томъ же смыслѣ высказывается римская курія,: „Occupata Roma il 20 settembre 1870, dagli invasori fu rispettato il recinto del Vaticano, ove il Pontefice colle sue guardie e coi suoi Ministri, circondato dall'amore e dalla fede dei suoi soggetti, continuo ad esercitare quella somma di diritti, di cui trovavosi investito prima del 20 settembre; ossia come in diritto non ha lasciato mai di essere Sovrano di Roma e di tutti gli Stati della Chiesa, cosi in diritto ed in fatto continuo ad esserlo nel recinto dell Vaticano, che per dodici,

настоящаго времени сохранилъ въ предѣлахъ Ватикана полноту территоріальнаго властвованія. Главнѣйшіе доводы въ пользу территоріальнаго верховенства Св. Престола сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Дѣйствительная оккупація обусловливается фактическимъ занятіемъ спорной территоріи вооруженными силами оккупанта.

2) Капитуляція Рима 20 сентября 1870 г. [1]) не удовлетворяетъ подобному требованію въ отношеніи къ Ватикану. Послѣдній не былъ непосредственно занятъ, а слѣдовательно и оккупированъ итальянскою арміей, завладѣвшей прочими пунктами города.

3) Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія полноты территоріальнаго верховенства Св. Престола въ предѣлахъ мѣстности, не оккупированной фактически непріятелемъ. Ограниченное въ объемѣ, это верховенство продолжаетъ, по существу, оставаться такимъ же, какимъ оно было и прежде. Словомъ, событія 1870 г. повлекли за собой лишь количественное, но не качественное умаленіе территоріальнаго верховенства папства. Аналогичнаго взгляда придерживаются Джіоббіо [2]), Гейгель [3]), Пинкетти-Санмарки [4]).

---

anni e rimasto sempre inviolato" (см. Nota dell'Eminentissimo Cardinale Jacobini dell' 11 settembre 1882, № 501616, l. c., p. 255).

[1]) „La città di Roma, tranne la parte che è limitata al sud dai bastioni S. Spirito e comprende il monte Vaticano e Castel S. Angelo e constituisce la citta Leonina, il suo armamento completo, bandiere, armi, magazzini di polvere, tutti gli oggetti di spettanza governativa saranno consegnati alle truppe di S. M. il Re d'Italia". (ст. 1 капитуляціи 20-го сентября, см. выше.

[2]) Giobbio, Lezioni, T. I, p. 99 ss., 119 ss.

[3]) Geigel, Das italienische Staatskirchenrecht, auf Grund der neuesten Rechtssprechung systematisch erlautert, S. 14 ff.

[4]) Pinchetti-Sanmarchi, l. c., p. 185 ss., № 168, p. 193 ss., № 173 ss., см. также Farabulini, l. c., I, p. 171 ss., Cassani, Delle principali questioni politiche e religiose, Bologna 1872—76. „Die italienische Regierung" говоритъ Resch (l. c., S. 13 ff.,) „ist, soweit sie sich auf den Kirchenstaat erstreckt, lediglich eine de facto Regierung, deren Existenz so wenig mit

Такимъ образомъ, вопросъ о территоріальномъ верховенствѣ папства сводится къ вопросу о степени оккупаціи Рима Италіей.

Только дѣйствительная оккупація влечетъ за собой юридическія послѣдствія, налагаетъ опредѣленныя права и обязанности на комбатантовъ и населеніе. Но что считать дѣйствительной оккупаціей? — Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ до настоящаго времени изобилуетъ контроверзами. Въ качествѣ признаковъ дѣйствительной оккупаціи, принято ссылаться на два руководящихъ принципа—стратегическій и юридическій. Первый разсматриваетъ положеніе непріятеля съ точки зрѣнія его военнаго господства надъ противникомъ; второй—его отношенія къ правопорядку въ предѣлахъ занятой мѣстности.

1) Принципъ стратегическій, въ свою очередь, облекается въ двоякую форму: абсолютнаго и относительнаго стратегическаго господства.

a) Абсолютное стратегическое господство характеризуется двумя признаками: вторженіемъ въ предѣлы непріятельской территоріи и прекращеніемъ, на всемъ протяженіи послѣдней, активнаго сопротивленія противника, въ лицѣ его арміи и мѣстнаго населенія.

b) Согласно принципу относительнаго стратегическаго господства территорія признается оккупированной, когда становится очевиднымъ, что военныя силы противника не въ состояніи оказать рѣшительнаго сопротивленія оккупаціонной арміи, въ случаѣ эвентуальнаго столкновенія съ нею. Не требуется непосредственнаго занятія спорной мѣстности оккупантомъ, а также — совершеннаго очищенія ея отъ непріятельскихъ войскъ.

2) Принципъ юридическій усматриваетъ наступленіе дѣй-

---

dem Völkerrechte übereinstimmt, als der Besitz des Strassenräubers mit dem Strafrechte. Gegenüber der völkerrechtswidrigen de facto Regierung des italienischen Usurpators besteht die päpstliche Souveränetät noch heute zu Recht, obwohl sie dermalen als eine latente oder als eine nicht effective erscheint".

ствительной оккупаціи, когда положеніе оккупанта въ предѣлахъ непріятельской территоріи настолько упрочилось, что онъ въ состояніи поддерживать правопорядокъ на всемъ протяженіи занятой мѣстности.

Въ пользу абсолютнаго стратегическаго принципа высказываются Ф. Ф. Мартенсъ [1]), Ривье [2]), Листъ [3]) и многіе друг. [4]). При этомъ, начала абсолютнаго стратегическаго господства комбинируются съ выводами, вытекающими изъ идеи правопорядка, какъ дополнительнаго признака „дѣйствительной“ оккупаціи. Въ этомъ отношеніи, характерны Оксфордскія резолюціи института международнаго права [5]). Аналогичная точка зрѣнія положена въ основу ст. 1 акта Брюссельской [6]) конференціи 1874 г. и ст. 42 Гаагской мирной конференціи [7]). Теоріи относительнаго стратегическаго господства придерживаются Бруза [8]), Гефкенъ [9]), Линденъ [10]). Въ пользу послѣдней высказались также генералы Фохтсъ-Рэцъ [11]) и Лееръ [12]), на засѣданіяхъ Брюссельской конференціи.

---

[1]) Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 535 сл.

[2]) Rivier, l. c., T. II, p. 300.

[3]) Liszt, l. c., S. 312.

[4]) Pillet, Les lois actuelles de la guerre, p 240, Le droit de la guerre, II, p. 192 ss., Lueder, Das Landkriegsrecht im besonderen (Holtzendorff's Handb. Bd. IV, S. 512, 518), Despagnet, Cours de droit international public, p. 581, Ullmann, l. c., S, 337, Bonfils, l. c., p. 588, № 1161, Geigel, l. c., S. 14 fg. Olivart, Le Pape etc., p. 38 ss., Soderini, l. c., p. 535 ss., Giobbio, Lezioni, T. I, p. 103 ss., 119 ss., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., p. 197 ss., повидимому и Scaduto, l. c., p. 272.—Нѣкоторые писатели, какъ напр. Gareis, Institutionen, S. 239, 242 ff., Bry, l. c., p. 405 ss., уклоняются отъ опредѣленія существенныхъ признаковъ оккупаціи.

[5]) Les lois de la guerre sur terre, manuel publié par l'Institut de Droit international (Oxford, 1880), art. 41: „Un territoire est considéré comme occupé lorsque, à la suite de son invasion par des forces ennemies, l'Etat dont il relève a cessé, en fait, d'y exercer une autorité régulière, et que l'Etat envahisseur se trouve être seul à même d'y maintedir l'ordre. Les limites dans lesquelles ce fait se produit déterminent l'étendue et la durée de l'occupation“. Въ пользу юридическаго принципа высказывается также Piédelièvre, l. c., T. II, p. 271.

[6]) Proget d'une déclaration internationale concernant les lois et les cou-

Причина неточности предлагаемыхъ признаковъ коренится въ недостаточно ясномъ опредѣленіи понятія военной оккупаціи вообще, а также — различныхъ видовъ вооруженнаго воздѣйствія, характеризующихъ отношеніе воюющихъ сторонъ къ непріятельской территоріи.

Вооруженное воздѣйствіе комбатантовъ можетъ облекаться въ троякую форму: 1) вторженія на непріятельскую территорію, 2) абсолютнаго стратегическаго господства въ предѣлахъ послѣдней и 3) относительнаго стратегическаго господства надъ противникомъ [7]). Въ первомъ случаѣ, спорная территорія находится во власти обоихъ противниковъ, взаимно парализующихъ другъ друга; активное сопротивленіе въ ея предѣлахъ еще не подавлено въ пользу одной изъ сторонъ. Признаки прочихъ формъ вооруженнаго воздѣйствія указаны выше. Разсматривая ихъ взаимное отношеніе, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Абсолютное стратегическое господство данной воюющей стороны не исключаетъ относительнаго стратегическаго господства ея противника, поскольку подавленіе комбатан-

---

tumes de la guerre adopté par la Conférence de Bruxelles (Juillet-Aoû 1874); art. I: „Un territoire est considéré comme occupé lorsqu'il se trouve placé de fait sous l'autorité de l'armée ennemie. L'occupation ne s'étend qu'aux territoires où cette autorité est établie et en mesure de s'exercer".

[7]) Actes de la Conférence de la Paix, Art. 42 (Annexe à la Convention.— Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre; см. Mérignhac, La Conférence internationale de la Paix, p. 214 s., 444).— Эта статья воспроизводитъ соотвѣтствующій текстъ Брюссельскаго проекта.

[8]) Brusa, La juridict. d. Vatic., p. 122 ss.

[9]) Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 193.

[10]) Linden, l. c., S. 27 ff.

[11]) Voigts-Rhetz, см. Actes de la conférence de Bruxelles, Seances de la commission, p. 104 ss.

[12]) Leer, ibid.

[1]) Въ пользу тройственной классификаціи высказывается также Pillet, Le droit de la guerre, II, p. 31 ss. Согласно послѣднему, отношеніе комбатанта къ непріятельской территоріи можетъ послѣдовательно выражаться въ трехъ формахъ: вторженія (invasion), завладѣнія (occupation) и отторженія (incorporation).

томъ активнаго сопротивленія въ предѣлахъ непріятельской территоріи не предрѣшаетъ вопроса о степени прочности его положенія въ этой мѣстности въ виду наступательныхъ дѣйствій противника.

2) Абсолютное стратегическое господство данной воюющей стороны несовмѣстимо съ фактомъ вторженія непріятеля въ предѣлы занятой территоріи, поскольку подобное вторженіе возстановляетъ активное сопротивленіе въ этой мѣстности.

Значеніе указаныхъ формъ вооруженнаго воздѣйствія, какъ факторовъ и вмѣстѣ признаковъ наступленія дѣйствительной оккупаціи, стоитъ въ тѣсной связи съ понятіемъ послѣдней. По этому поводу мы позволимъ себѣ формулировать слѣдующія положенія:

1) Военная оккупація, какъ родовое понятіе, заключаетъ въ себѣ совокупность видовыхъ состояній, характеризующихъ различное отношеніе комбатанта къ непріятельской территоріи въ періодъ, когда война еще длится. Этимъ моментомъ „occupatio“ (завладѣніе) отличается отъ „debellatio“ (покоренія) непріятельской территоріи, порывающаго юридическую связь, соединявшую послѣднюю съ государствомъ, которому она принадлежала до начала войны [1]).

2) Существо оккупаціи обнаруживается въ осуществленіи комбатантомъ, вооруженною силой, территоріальной власти въ предѣлахъ непріятельской мѣстности. Эта власть облекается въ территоріальную форму, поскольку подданство населенія не измѣняется во время войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, господство оккупанта заключаетъ въ себѣ существенные элементы верховенства: его источникъ коренится въ одной

[1]) Въ томъ же, повидимому, смыслѣ высказываются Neumann, l. c., S. 119, Woolsey, International Law, § 145, Heffter, l. c., p. 300, Lueder, l. c., S. 511 и Despagnet, Cours de dr. int. publ., p. 580. — Обыкновенно подъ „debellatio“ подразумѣваютъ совершенное уничтоженіе непріятельскаго государства; см. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 571, Rivier, l. c., T. II, p. 300, 436, Gareis, Institutionen, S. 258, Pillet, Le lois act. de la guerre, p. 371. Вмѣсто „debellatio“, въ послѣднемъ смыслѣ, Bry (l. c., p. 405 ss., 418 ss.,) пользуется выраженіемъ „deditio“.

лишь волѣ господствующаго, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью непріятеля или согласіемъ мѣстнаго населенія [1]).

3) Степень оккупаціи опредѣляется степенью обладанія оккупантомъ территоріальною властью въ предѣлахъ непріятельской территоріи. Господство оккупанта можетъ выражаться въ двоякой формѣ: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова и экстерриторіальной. Въ первомъ случаѣ, наступаетъ совершенная, во второмъ—несовершенная оккупація. Детерриторіальная форма верховенства сохраняется до окончанія войны за государствомъ, которому принадлежала данная территорія до наступленія военныхъ дѣйствій.

4) Оккупація, какъ совершенная, такъ и несовершенная, обусловливается абсолютнымъ стратегическимъ господствомъ оккупанта, поскольку осуществленіе имъ территоріальной власти на всемъ протяженіи занятой мѣстности необходимо предполагаетъ предварительное подавленіе активнаго сопротивленія непріятеля въ предѣлахъ послѣдней. Относительное стратегическое господство, а также вторженіе для этого недостаточны [2]).

5) Абсолютное стратегическое господство оккупанта, органически связанное съ экстерриторіальною властью послѣдняго, не обусловливается обладаніемъ территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова въ предѣлахъ занятой мѣстности:

a) Абсолютное стратегическое господство оккупанта органически связано съ экстерриторіальною властью, поскольку совершенное подавленіе активнаго сопротивленія непріятеля „eo ipso“ влечетъ за собой исключеніе аналогичнаго, по содержанію, господства послѣдняго въ предѣлахъ занятой мѣстности—признаки, характеризующіе экстерриторіальную власть.

b) Абсолютное стратегическое господство оккупанта не

---

[1]) По этому поводу см. выше, стр. 177, примѣч. 1.

[2]) Въ этомъ отношеніи, теорія Ф. Ф. Мартенса, Ривье, Листа и проч. сторонниковъ принципа „абсолютнаго стратегическаго господства“ (см. выше) является вполнѣ правильной.

обусловливается обладаніемъ территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова, поскольку подавленіе одного лишь активнаго сопротивленія непріятеля еще не знаменуетъ отсутствія пассивнаго сопротивленія послѣдняго, наличность котораго парализуетъ осуществленіе оккупантомъ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ двусторонней, не только отрицательной, но также положительной формы господства [1]).

6) Всякая вообще оккупація обусловливается предварительнымъ прекращеніемъ оккупаціи противника [2]). Подобное требованіе непосредственно вытекаетъ изъ элементовъ территоріальнаго властвованія, служащихъ предметомъ послѣдней, поскольку территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова обусловливается экстерриторіальнымъ верховенствомъ, исключающимъ въ предѣлахъ оккупированной территоріи аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ.

7) Ограниченіе оккупаціи, иначе говоря превращеніе совершенной оккупаціи въ несовершенную, обусловливается относительнымъ стратегическимъ господствомъ противника [3]), поскольку послѣднее возстановляетъ пассивное сопротивленіе мѣстнаго населенія и вообще парализуетъ осуществленіе комбатантомъ сложной, по содержанію, дѣятельности, органически связанной съ территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова.

8) Совершенное прекращеніе оккупаціи обусловливается абсолютнымъ стратегическимъ господствомъ или вторженіемъ противника [4]), поскольку данныя формы вооруженнаго воздѣйствія возстановляютъ не только пассивное, но также

---

[1]) При такихъ условіяхъ, принципъ „юридическій"—въ вопросѣ о наступленіи совершенной оккупаціи—крайне существенъ, въ качествѣ ея дополнительнаго критерія; въ этомъ смыслѣ требованіе ст. 41 Оксфордскихъ резолюцій „..... que l'Etat envahisseur se trouve être seul à même d'y maintenir l'ordre"—вполнѣ цѣлесообразно (см. выше).

[2]) Это начало не возбуждаетъ сомнѣній.

[3]) Въ этомъ моментѣ обнаруживается частичная справедливость теоріи „относительно стратегическаго господства".

[4]) Отсюда цѣлесообразность тройственной классификаціи различныхъ формъ вооруженнаго воздѣйствія (см. выше).

активное сопротивленіе непріятеля въ предѣлахъ занятой мѣстности.

9) Ограниченіе, а также совершенное уничтоженіе непріятельской оккупаціи не обусловливаются одновременнымъ возникновеніемъ ея въ лицѣ противника [1]), поскольку уничтоженіе территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова или экстерриторіальнаго властвованія достигается при помощи относительнаго стратегическаго господства, а также простого вторженія противника, недостаточныхъ, однако, для пріобрѣтенія послѣднимъ элементомъ территоріальнаго властвованія въ предѣлахъ данной мѣстности.

Значеніе юридическаго принципа, въ связи съ стратегическимъ, обнаруживается въ двоякомъ отношеніи:

1) Водвореніе правопорядка въ предѣлахъ оккупированной территоріи обусловливается абсолютнымъ стратегическимъ господствомъ оккупанта, поскольку всякій вообще правопорядокъ предполагаетъ отсутствіе по крайней мѣрѣ активнаго сопротивленія населенія, что, въ свою очередь, возможно лишь въ условіяхъ обладанія оккупантомъ абсолютнымъ стратегическимъ господствомъ въ предѣлахъ занятой мѣстности.

2) Абсолютное стратегическое господство оккупанта не обусловливается водвореніемъ всесторонняго провопорядка въ предѣлахъ оккупированной мѣстности, поскольку подавленія одного лишь активнаго сопротивленія для этого недостаточно; необходимо также отсутствіе пассивнаго сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія.

Такимъ образомъ, вопросъ о наличности дѣйствительной оккупаціи долженъ разрѣшаться въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ въ зависимости отъ того: осуществляетъ ли непріятель, и въ какой степени, акты территоріальнаго властвованія въ предѣлахъ занятой мѣстности,

---

[1]) Что, къ сожалѣнію, упускаютъ изъ вида сторонники „относительнаго стратегическаго господства“.

иначе говоря, въ состояніи ли онъ только исключать аналогичное, по содержанію, господство противника—характерные признаки экстерриторіальнаго властвованія—или же, кромѣ этого, — осуществлять положительные акты господства, служащіе предметомъ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ первомъ случаѣ, наступаетъ несовершенная оккупація; во второмъ — оккупація совершенная. При конечной оцѣнкѣ стратегическаго принципа слѣдуетъ также не упускать изъ вида существеннаго, въ данномъ вопросѣ, различія между обоими видами оккупаціи, съ одной стороны, а также прекращеніемъ непріятельской оккупаціи и возникновеніемъ послѣдней въ пользу противника — съ другой. Абсолютное стратегическое господство можетъ служить доказательствомъ наступленія одной лишь несовершенной оккупаціи. Прочіе виды вооруженнаго воздѣйствія: относительное стратегическое господство и вторженіе, не создавая непосредственно оккупаціи въ пользу данной воюющей стороны, умаляютъ положеніе противника, превращая совершенную оккупацію послѣдняго въ несовершенную, въ первомъ случаѣ, и окончательно уничтожая ее — во второмъ. Эти виды воздѣйствія служатъ лишь подготовительной стадіей оккупаціи. Что касается совершенной оккупаціи, то послѣдняя обусловливается, какъ мы видѣли выше, отсутствіемъ не только активнаго, но также пассивнаго сопротивленія населенія занятой мѣстности. Подобная покорность обнаруживается, внѣшнимъ образомъ, въ установленіи и поддержаніи оккупантомъ всесторонняго правопорядка, въ свою очередь возможнаго лишь въ условіяхъ свободнаго осуществленія имъ актовъ территоріальнаго властвованія въ этой мѣстности.

Имѣя въ виду формулированныя начала, характеризующія признаки наступленія, измѣненія и наконецъ окончательнаго прекращенія оккупаціи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Капитуляція Рима утвердила абсолютное стратегиче-

ское господство Италіи въ предѣлахъ территоріи, нѣкогда входившей въ составъ церковнаго государства.

2) Капитуляція Рима послужила основой относительному стратегическому господству Италіи надъ Ватиканомъ.

3) Въ предѣлахъ Ватикана, не оккупированнаго непосредственно итальянскими войсками, Св. Престолъ сохранилъ, до настоящаго времени, абсолютное стратегическое господство.

Отсюда, въ свою очередь, слѣдуетъ, что капитуляція Рима 20 сентября 1870 г. повлекла за собою паденіе территоріальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенства Св. Престола на всемъ протяженіи церковнаго государства, не исключая и Ватикана, поскольку мы имѣемъ въ виду осуществленіе функцій, непосредственно вытекающихъ изъ данной формы верховенства. На этой почвѣ, Св. Престолъ, предоставленный собственнымъ силамъ, не въ состояніи оказать рѣшительнаго сопротивленія Италіи въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ нею. Какъ мы увидимъ ниже, вопросъ совершенно мѣняется въ отношеніи прочихъ территоріальныхъ формъ: экстерриторіальной и детерриторіальной.

§ 20.

аа) Капитуляція Рима 20 сентября 1870 г., уничтоживъ территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство Св. Престола, повлекла за собой паденіе церковнаго государства.

1) Капитуляція Рима утвердила абсолютное стратегическое господство Италіи въ предѣлахъ церковнаго государства и относительное стратегическое господство послѣдней надъ Ватиканомъ.

а) Капитуляція Рима повлекла за собой подавленіе Италіей не только активнаго, но также пассивнаго сопротивленія на всемъ протяженіи территоріи церковнаго государства. Мы указали выше (въ историческомъ очеркѣ), насколько идея народной свободы въ Италіи была органически связана

съ ея политической независимостью, въ свою очередь осуществимой лишь въ условіяхъ государственнаго объединенія національно единой Италіи. Реакціонная политика куріи и прочихъ государствъ Апеннинскаго полуострова (за исключеніемъ Сардиніи) лишь ускорила процессъ, завершившійся капитуляціей Рима. При такихъ условіяхъ, оккупаціонная армія, постепенно занимавшая территорію церковнаго государства, встрѣчала въ населеніи папской монархіи не враговъ, а горячихъ союзниковъ. Сражались по долгу службы лишь папскія войска, народъ же повсюду оказывалъ помощь пьемонтамъ.

b) Подавленіе непріятелемъ активнаго сопротивленія въ предѣлахъ занятой имъ территоріи знаменуетъ абсолютное стратегическое господство послѣдняго надъ противникомъ.— Ergo:

c) Абсолютное стратегическое господство Италіи въ предѣлахъ церковнаго государства не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

d) Со времени капитуляціи Рима Св. Престолъ, отстаивая неприкосновенность Ватикана, до настоящаго времени не занятаго непосредственно итальянскою арміей, не въ состояніи, съ точки зрѣнія стратегической, оказать ей рѣшительнаго сопротивленія въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ нею [1]).

e) Подобное стратегическое безсиліе комбатанта въ предѣлахъ территоріи, еще не занятой непосредственно непріятелемъ, знаменуетъ относительное стратегическое господство послѣдняго.—Ergo:

f) Капитуляція Рима утвердила относительное стратегическое господство Италіи надъ Ватиканомъ.

2) *Абсолютное и относительное стратегическое господство Ита-*

---

[1]) Беззащитнымъ, Св. Престолъ является, однако, лишь въ отношеніи актовъ власти, органически связанныхъ съ территоріальнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенствомъ. Нельзя того же сказать по поводу экстерриторіальности папы въ предѣлахъ Ватикана—необходимой гарантіи религіозной независимости главы церкви (см. ниже).

ліи уничтожили территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство Св. Престола на всемъ протяженіи церковнаго государства, не исключая и Ватикана:

a) Капитуляція Рима утвердила абсолютное стратегическое господство Италіи въ предѣлахъ церковнаго государства.

b) Абсолютное стратегическое господство Италіи исключаетъ аналогичное господство Св. Престола.

c) Наличность абсолютнаго стратегическаго господства является необходимымъ условіемъ обладанія территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова.—Ergo:

d) Со времени капитуляціи Рима Св. Престолъ лишился существенныхъ элементовъ территоріальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенства.

e) То же должно сказать по поводу Ватикана, въ предѣлахъ котораго территоріальная власть Св. Престола ограничивается относительнымъ стратегическимъ господствомъ Италіи, созданнымъ оккупаціей Рима. Въ этомъ отношеніи, мы вполнѣ присоединяемся къ теоріи Скадуто [1]), Брузы [2]), Гефкена [3]) и проч. [4]) противниковъ территоріальнаго верховенства куріи.

3) Территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство является необходимымъ элементомъ всякаго вообще государственнаго организма.—Ergo:

4) Капитуляція Рима, уничтоживъ данную форму верховенства Св. Престола, повлекла за собой разложеніе церковнаго государства.

bb) Въ предѣлахъ Ватикана, не оккупированнаго итальянскою арміей, Св. Престолъ сохранилъ экстерриторіальную форму верховенства:

---

[1]) Scaduto, l. c., p. 270 ss.

[2]) Brusa, La juridiction etc., p. 113 ss., 122 ss.

[3]) Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 181 ff., 193.

[4]) См. выше стр. 245 сл.—Къ сожалѣнію, эти писатели впадаютъ въ противоположную крайность, отрицая суверенный характеръ экстерриторіальности Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана.

1) Въ предѣлахъ Ватикана, Италія, до настоящаго времени, не обладаетъ территоріальнымъ верховенствомъ:

a) Капитуляція 20 сентября сохранила за Св. Престоломъ Ватиканъ и Леонинское предмѣстье [1]).

b) Вскорѣ послѣдовавшая, по иниціативѣ самой куріи, передача Леонинскаго предмѣстья итальянскому правительству не повлекла за собой непосредственнаго занятія Ватикана итальянскою арміей, а слѣдовательно и абсолютнаго стратегическаго господства послѣдней въ этой мѣстности.

c) Абсолютное стратегическое господство является необходимымъ условіемъ наступленія дѣйствительной оккупаціи.

d) Наличность дѣйствительной оккупаціи является необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія комбатантомъ элементовъ территоріальной власти въ предѣлахъ непріятельской мѣстности.

2) Въ предѣлахъ Ватикана, Св. Престолъ исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ:

a) Относительное стратегическое господство Италіи надъ Ватиканомъ вполнѣ совмѣстимо съ абсолютнымъ стратегическимъ господствомъ Св. Престола въ этой мѣстности [2]).

---

[1]) По мнѣнію Scaduto (l. c., p. 271), капитуляція 20 сентября не можетъ служить титуломъ территоріальнаго верховенства Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана, поскольку капитуляція вообще опредѣляетъ лишь военныя условія сдачи; вопросы политическаго характера не подлежатъ ея вѣдѣнію; см. также Castellari, l. c., II, p. 599, Casella, l. c., p. 59, Fiore, l. c., T. I, 488 ss., № 706, Miraglia, I tribunali Vaticani, p. 6—7. Признавая справедливость подобнаго опредѣленія капитуляціи, мы все же несогласны съ конечными выводами Скадуто; капитуляція 20 сентября, не будучи титуломъ территоріальнаго верховенства Св. Престола, опредѣляетъ границы непріятельской оккупаціи; внѣ предѣловъ послѣдней, въ мѣстности не занятой непріятелемъ—каковой является, въ данномъ случаѣ, Ватиканъ — Св. Престолъ „eo ipso“ сохраняетъ территоріальное верховенство; см. также Corsi, Situaz. att. d. S. S, p.47 ss., Giobbio, Lezioni, T. I, p. 104 ss.

[2]) Противоположный взглядъ неизбѣжно приводитъ къ одному изъ двухъ, одинаково неправильныхъ, выводовъ—утвержденію полноты территоріальнаго властвованія папы въ предѣлахъ Ватикана или совершен-

b) Абсолютное стратегическое господство Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана исключаетъ осуществленіе итальянскимъ правительствомъ аналогичныхъ актовъ господства въ данной мѣстности.

3) Право, согласно которому данный общественный организмъ исключаетъ въ границахъ опредѣленной мѣстности аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ, характеризуетъ экстерриторіальность управомоченнаго.

4) Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія экстерриторіальности Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана.

Внѣ этой мѣстности, территоріальное верховенство куріи является прекратившимся. Капитуляція Рима въ 1870 г. завершила окончательное разложеніе церковнаго государства, территорія коего, за исключеніемъ Ватикана, была непосредственно занята итальянскими войсками. Оспаривать, въ данномъ случаѣ, дѣйствительность оккупаціи мы не считаемъ возможнымъ, поскольку непріятель успѣлъ фактически подавить не только активное, но также пассивное сопротивленіе противника на всемъ протяженіи занятой мѣстности и водворилъ въ ней устойчивый правопорядокъ — признаки, характеризующіе совершенную оккупацію. Но этого мало, прекращеніе военныхъ дѣйствій превратило подобную оккупацію въ форму окончательнаго покоренія (debellatio) церковнаго государства. Напрасно, поэтому, Содерини [1]), Корси [2]) и Оливаръ [3]), ссылаясь на капитуляцію 20 сентября, распространяютъ территоріальную власть Св. Престола, правда въ видѣ одного лишь „nudum ius“, на все

ному отрицанію суверенаго характера актовъ власти, осуществляемыхъ Св. Престоломъ въ этой мѣстности, не оккупированной итальянскою арміей.

[1]) Soderini, l. c., p. 556.

[2]) Corsi, Situaz. att. d. S. S., p. 47 ss.

[3]) Olivart, Le Pape etc. p. 37, 50 ss. См. также Pinchetti-Sanmarchi, l. c., p. 185 ss., № 168, p. 193 ss., № 173 ss., Giobbio, Lezioni, T. I, p. 103 ss. — Resch (l. c., S. 13 ff., 16 ff.) признаетъ исключительно фактическое господство Италіи по отношенію къ территоріи церковнаго государства вообще, а слѣдовательно и—Леонинскому предмѣстью (см. выше).

леонинское предмѣстье. Дѣйствительно, капитуляція 20 сентября, заключенная генералами Канцлеромъ и Кадорна, выдѣлила его, наравнѣ съ Ватиканомъ, въ пользу Св. Престола; вскорѣ, однако, эта мѣстность, въ виду угрожавшихъ сосѣднему Ватикану волненій среди ея населенія, была занята итальянскими войсками, по просьбѣ самой куріи [1]). Съ тѣхъ поръ, леонинское предмѣстье продолжаетъ оставаться въ полномъ распоряженіи Квиринала и управляется имъ, наряду съ прочими кварталами Рима, именемъ короля, а не папы. Создавать, такимъ образомъ, какія либо изъятія въ пользу Св. Престола въ отношеніи къ данной мѣстности мы не считаемъ возможнымъ. Наличности одного лишь „animus possidendi“ недостаточно для признанія территоріальнаго верховенства папства въ предѣлахъ мѣстности, по отношенію къ которой Италія обладаетъ не только аналогичнымъ „animus'омъ“, но также „corpus'омъ“, недостающимъ нынѣ Св. Престолу.

ɣ) Экстерриторіальность Св. Престола есть форма власти, верховенства, а не простыхъ полномочій, дарованныхъ папъ Италіей. Св. Престолъ, исключая въ этой мѣстности господство другихъ организмовъ, не обусловливается властью послѣднихъ или согласіемъ подчиняемыхъ [2]). Поскольку мы имѣемъ

---

[1]) „In seguito a disordini nella citta Leonina causati da ira popolare contro i gendarmi pontificii, S. S. si rivolse al generale Cadorna perchè mandasse truppe a tutela dell'ordine. Il generale aderi a tale dimanda“ (Gazzetta Ufficiale del Regno, 22 sett. 1870).

[2]) См. также Olivart, Le Pape etc., p. 86 ss., Soderini, l. c., p. 540 ss., Corsi, Situaz., p. 13 ss., 30 ss., 45 ss, 52 ss., Resch, l. c., S. 16, 27 ff., Zocchi, l. c., p. 217 ss., 245 ss., Lampertico, l. c, p. 49 ss., 61 ss, Giobbio, Lezioni, T. I, p. 121 ss., Liberatore, l. c., p. 328 ss.—Аналогичнаго взгляда придерживаются Gabba, l. c., p. 668 ss., Bonghi, I tribun. etc., p. 103—107 ss., Brunialti, l. c., p. CLIX ss., что не мѣшаетъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицать территоріальное верховенство папства. Косвенно къ тому же приходитъ и Heilborn l. c., S. 195 ff., 204 ff.), согласно которому Италія обязана, въ интересахъ католицизма, воздерживаться отъ актовъ, ограничивающихъ свободу Св. Престола въ территоріальномъ и личномъ отношеніяхъ: „Der Papst durfte weder italienischer Unterthan wer-

въ виду осуществленіе Св. Престоломъ, въ предѣлахъ Ватикана, территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, относительное стратегическое господство Италіи является несомнѣннымъ. Нельзя того же сказать по поводу экстерриторіальнаго властвованія: въ силу соображеній религіознаго и политическаго характера, католическій міръ заинтересованъ сохранить за Св. Престоломъ данную форму верховенства, гарантирующую ему политическую, а съ нею вмѣстѣ и религіозную независимость по отношенію къ государству.

а) Въ силу соображеній религіознаго и политическаго характера, католическій міръ заинтересованъ сохранить за Св. Престоломъ экстерриторіальную форму верховенства. Разсматривая, въ историческомъ очеркѣ, развитіе элементовъ международ-

---

den, noch als subditus temporarius der staatsrechtlichen Herrschaft wie ein Privatmann unterstellt werden". Сходна съ этимъ теорія Bluntschli's Rechtliche Unverantw. etc., S. 7 ff., 16 ff.—Къ сожалѣнію, территоріальная власть продолжаетъ разсматриваться въ качествѣ нерасчленимой по формамъ ея внѣшняго выраженія. На этой почвѣ, Содерини и проч. писатели, утверждающіе полноту территоріальнаго властвованія Св. Престола, связуютъ экстерриторіальность папы съ его территоріальнымъ верховенствомъ. — Отрицая наличность послѣдняго, Гейльборнъ не въ состояніи провести строгаго различія между самобытнымъ, по природѣ, характеромъ экстерриторіальности Св. Престола и производнымъ — экстерриторіальности дипломатическихъ агентовъ. Въ пользу самобытнаго характера экстерриторіальности папы въ предѣлахъ Ватикана высказываются также Pinchetti-Sanmarchi, l. c., p. 185 ss., 191 ss., Farabulini, l. c., I, p. 54 ss., особенно Leroy-Beaulieu, R. D. M. a. 82 p. 330, a. 83, p. 779 ss.; къ тому же, повидимому, приходятъ Bonfils, l. c., p. 184 ss., Pradier-Fodéré, Cours, T. I, p. 193 ss., Liszt, l. c., S. 37 fg.—Иначе Casella, l. c., p. 73 ss., Castellari, l. c., T. II, p. 520 ss., Cadorna, l. c., p. 46 ss., 52 ss., Palma, l. c., p. 388 ss., Gabib, l. c., p. 74 ss. Согласно послѣднимъ, экстерриторіальность папы является односторонней „привилегіей", созданной въ пользу Св. Престола закономъ о гарантіяхъ 1871 г. Аналогичный взглядъ положенъ въ основу резолюцій римскихъ судовъ по дѣлу Теодоли-Мартинуччи (см. ниже). — Къ тому же, повидимому, приходятъ Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 118 сл., Rivier, l. c., I, p. 120 ss, Fiore, l. c., I, p. 503 ss., Bry, l. c., p. 349 ss., Piédelièvre, l. c., II, 570, Despagnet, Cours, p. 153, Carnazza-Amari, l. c., II, p. 272. Къ сожалѣнію, конечные выводы указанныхъ авторовъ страдаютъ крайней неопредѣленностью.

ной правоспособности папства, мы указали, что политическая эмансипація послѣдняго прежде всего обусловливалась возвышеніемъ религіознаго авторитета Св. Престола до степени суверенаго властвованія, что, въ свою очередь, стояло въ тѣсной связи съ свободой и независимостью церкви. Пока духовная власть воплощалась въ соборѣ, обезпечить независимость церкви было немыслимо; государство возвышалось надъ нею, поскольку члены собора—лично и территоріально подчиненные мѣстному закону—обязаны были, при столкновеніи религіозныхъ интересовъ съ политическими, отдавать предпочтеніе послѣднимъ. Гарантировать церкви религіозную независимость въ условіяхъ епископально-аристократическаго режима возможно было лишь путемъ политической эмансипаціи мѣстнаго духовенства. Угрожая, однако, цѣлости государства, подобная эмансипація оказалась недостижимой на практикѣ. Направленныя къ этой цѣли усилія папства оказались безплодными, чему наглядным примѣромъ служитъ судьба Вормскаго конкордата 1122 г. При такихъ условіяхъ, оставалось лишь одно средство, могущее обезпечить религіозную независимость духовной власти отъ свѣтской: переустройство церкви на началахъ абсолютной духовной монархіи въ пользу Рима, иначе говоря, совокупленіе всей полноты духовной власти въ рукахъ папы, въ силу благопріятныхъ историческихъ факторовъ, указанныхъ выше, успѣвшаго, къ этому времени, завоевать себѣ сравнительно большую самостоятельность въ политическомъ отношеніи. Къ этому средству западная церковь не замедлила вскорѣ прибѣгнуть. Въ свою очередь, возвышеніе религіознаго авторитета Св. Престола не могло не увеличить политическаго значенія папства. Дѣйствительно, по мѣрѣ возвышенія куріи видимо умаляется авторитетъ собора въ дѣлахъ верховнаго управленія церковью. Епископально-аристократическій строй замѣняется абсолютнымъ режимомъ. Викарій Апостола вскорѣ становится викаріемъ Христа, главой католической церкви, которая все болѣе стягивается вокругъ Св. Престола. Послѣдній Ватиканскій

соборъ окончательно санкціонируетъ централизацію католической церкви, фактически и, отчасти, канонически завершившуюся уже задолго до провозглашенія догмата папской непогрѣшимости.

Абсолютно-монархическій строй, болѣе способный обезпечить религіозную независимость церкви, заключаетъ въ себѣ, однако, извѣстные недостатки, сравнительно съ епископальнымъ режимомъ. Дѣло въ томъ, что политически независимый папа въ состояніи, конечно, въ гораздо большей степени чѣмъ соборъ, отстаивать интересы церкви передъ лицомъ государства, но положеніе совершенно мѣняется въ условіяхъ подчиненности папы: территоріально и лично подвластный государству, онъ становится обязаннымъ, съ точки зрѣнія юридической, исполнять предначертанія послѣдняго при коллизіи религіозныхъ интересовъ съ политическими. При такихъ условіяхъ, зависимость церкви отъ государства становится еще болѣе интенсивной, осязательной, если можно такъ выразиться, чѣмъ при епископальномъ режимѣ, поскольку подданный-папа вмѣстѣ съ тѣмъ является ея непогрѣшимымъ главою, на которую государство налагаетъ свою тяжелую руку.

Во имя религіозной независимости церкви, католическій міръ заинтересованъ обезпечить Св. Престолу свободу и независимость, несовмѣстимыя съ территоріальнымъ подчиненіемъ папы. Одинъ лишь законъ о гарантіяхъ — плохая гарантія его независимости. Какъ всякій законъ, онъ можетъ быть измѣняемъ подъ вліяніемъ случайно сложившагося большинства народной палаты—такова логика парламентскаго режима. Очевидно, что подобное положеніе несовмѣстимо съ интересами прочихъ державъ: признавать непогрѣшимый авторитетъ микроскопической кучки итальянскихъ депутатовъ въ вопросѣ, который естественно получаетъ международный характеръ, затрагивая интересы мильоновъ католиковъ, не входящихъ въ составъ итальянскаго королевства, значило бы создавать въ пользу послѣдняго исключительную

привилегію цѣною ограниченія религіозной независимости католической церкви „in corpore“ [1]).

Къ соображеніямъ религіознымъ присоединяются и политическія. Господствуя надъ Св. Престоломъ, итальянское правительство не преминуло бы воспользоваться своимъ положеніемъ въ интересахъ узко-національной политики. Довлѣя на римскую курію въ соотвѣтствующемъ направленіи, опираясь, при каждомъ удобномъ случаѣ, на непогрѣшимый авторитетъ главы церкви, Квириналъ, черезъ посредство Ватикана, распространилъ бы свое вліяніе далеко за предѣлы отечества, въ ущербъ политической независимости прочихъ державъ. Съ другой стороны, порабощеніе папы, стѣсненіе его религіозной самостоятельности, болѣе чѣмъ вѣроятное въ условіяхъ подзаконнаго состоянія, несомнѣнно угрожало бы постоянными вспышками религіознаго фанатизма среди католическаго населенія, подстрекаемаго духовенствомъ. Нечего и говорить, насколько подобное настроеніе умовъ нежелательно съ точки зрѣнія государственнаго правопорядка. Но этого мало, допустивъ даже совершенную лояльность со

[1]) См. также Soderini, l. c, p. 540 ss., Corsi, Situaz. att. d. S. S., p 28 ss., 45 ss., 52 ss., Olivart, Le Pape etc., p. 85 ss., 99 ss., 110 ss, Lampertico, l. c., p. 38 ss., 49 ss., 60 ss., Zocchi, l. c., p. 211 ss., 245 ss., 303 ss., Nicolas, Roma e il Papato, p. 173 ss., Resch, l. c., S. 36 ff. Къ аналогичному выводу приходятъ Heilborn, l. c., S. 198 ff., отчасти Bonghi, I trib. Vatic, p. 106 ss., Leone XIII e il governo italiano (Nuova Antologia, 1882, № 31), p. 23 Zanichelli, l. c, p. 14 ss., и Cadorna, l. c., p. 16 ss. См. также Bluntschli, Rechtl. Unverant. u. Verant. d. R. P., S. 7 ff., 16 ff., 26 ff. — Цѣлесообразность политической эмансипаціи папства въ интересахъ религіозныхъ защищаютъ Giobbio, Lezioni, T. I, p. 94 ss, Phillips, Lehrbuch d. Kirchenrechts, S. 205 fg., Walter, Lehrb. d. Kirchenr., S. 312 ff., Laemmer, l. c., S. 124 ff., Liberatore, l. c., p. 328 ss., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., p. 119 ss., Farabulini, l. c., I, p. 13 ss., 51 ss., 126 ss.— Къ тому же приходятъ Leroy-Beaulieu, R. D. M. a. 1883, p. 762 ss., и Pradier-Fodéré, Cours, T. I, p. 195 ss.—Иначе Brusa, La juridiction etc., p. 117 ss., 126 ss., 129 ss., Geffcken, Völkerr. Stell. d. Papstes, S. 173, 181, 193, Bompard, Le Pape etc., p. 189 ss., Linden, l. c., S. 32 ff., согласно которымъ римскій вопросъ, со времени 1870 г., лишенъ международноправового характера.

стороны итальянскаго правительства по отношенію къ Св. Престолу, самый фактъ подчиненнаго положенія папы послужилъ бы источникомъ различныхъ толковъ и пересудовъ, возбуждающихъ подозрительность правовѣрныхъ католиковъ. Доказать, что папа, въ своихъ религіозныхъ начинаніяхъ, является дѣйствительно свободнымъ, было ещетруднѣе, чѣмъ гарантировать, въ этихъ условіяхъ, его независимость, какъ главы церкви [1]). Только въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папы независимость Св. Престола можетъ считаться достаточно обезпеченной. Это начало прочно укоренилось въ сознаніи государствъ, какъ и прежде, до 1870 г., поддерживающихъ непосредственныя сношенія съ куріей, безотносительно къ вопросу: насколько законъ о гарантіяхъ симпатизируетъ, или же нѣтъ, подобной политикѣ.

Такимъ образомъ, поскольку экстерриторіальность папы въ предѣлахъ его настоящей резиденціи—Ватикана, не оккупированнаго итальянскими войсками—является необходимымъ условіемъ свободы и независимости Св. Престола, а съ нимъ и самой церкви, беззащитный передъ лицомъ Италіи папа пріобрѣтаетъ великую силу въ союзѣ съ католическимъ міромъ, заинтересованнымъ сохранить за „непогрѣшимымъ“ главой католической церкви религіозную и, съ нею органически связанную, политическую независимость. Послѣ паденія церковнаго государства, подобная независимость возможна лишь въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папы. Въ этомъ смыслѣ, законъ о гарантіяхъ, призванный обезпечить субъективную свободу Св. Престола, какъ по отношенію къ Италіи, такъ и прочимъ державамъ, является актомъ огромной политической важности, неза-

[1]) Эта мысль характерно выражена Піемъ X въ рѣчи, произнесенной имъ въ консисторіи 9 ноября 1903 г., первой—со времени его вступленія на Св. Престолъ: „Quum vero necesse sit Christianaeque rei publicae quam maxime intersit, Pontificem in Ecclesia gubernanda et esse et apparere liberum.....“ (Sanctissimi Domini Nostri Pii Divina Providentia Papae X Allocutio habita in consistorio die IX Novembris a. MDCCCCIII; см. La Civilta Cattolica, Serie XVIII, vol. XII, a. 1903, pagg. 385 ss.).

висимо отъ оцѣнки его юридической природы. Въ этомъ одинаково сходятся не только Содерини [1]), Цаникелли [2]), Корси [3]) и проч. [4]), защитники международной правоспособности папства, но также Кадорна [5]), Гейльборнъ [6]), Бомпаръ [7]) и мн. друг. [8]) противники послѣдней, принципіально несогласные признавать Св. Престолъ субъектомъ международнаго права.

b) *Относительное стратегическое господство Италіи является, тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ, поскольку мы имѣемъ въ виду осуществленіе Св. Престоломъ въ предѣлахъ Ватикана территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова* [9]). Въ общемъ ученіи о территоріальномъ верховенствѣ мы указали различіе между двумя территоріальными формами власти: экстерриторіальной и территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова. Первая характеризуется

---

[1]) Soderini, l. c., p. 540 ss.

[2]) Zanichelli, l. c., p. 98 ss., 104 ss.

[3]) Corsi, l. c., p. 28 ss.

[4]) Lampertico, l. c., p. 38 ss., 61 ss.. Resch, l. c., S. 35 ff., 49, Zocchi, l. c., p. 245 ss, Farabulini, l. c., T. I, p. 51 ss., Castellari, l. c., T. II, p. 509, 539 ss., Fiore, l. c., T. I, p. 515 ss, Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 186 ss., № 169, Leroy-Beaulieu, R. D. M., 1883, p. 763.

[5]) Cadorna, l. c., p. 11 ss., 16 ss., 23 ss.

[6]) Heilborn, l. c., S. 190 ff.—Согласно послѣднему, зак. о гарантіяхъ является осуществленіемъ Италіей ея международноправовой обязанности по отношенію къ проч. державамъ: признавать свободу и независимость Св. Престола въ вопросахъ религіознаго характера; въ томъ же смыслѣ высказываются Cadorna (см. выше) и Bonghi, I tribun. Vatic., p. 101 ss.,

[7]) Bompard, Le Pape etc., p. 189, 204, 215.

[8]) Scaduto, l. c., p. 672 ss., Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 171, 182, Brusa, l, c., p. 125, 145., Casella, l. c., p. 32 ss., Palma, l. c., p. 378 ss.. Gabib, l. c., p. 69 ss., Gabba, l. c., p. 668 ss., Brunialti, l. c., p. CXXXIV ss.—См. также Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 113 сл. Rivier, l. c. I, p. 120 ss., Despagnet, Cours, p. 154 ss., Bry, l. c., p. 348, Bonfils, l. c., p. 184 ss., Piédelièvre, l. c., II, p. 564 ss.

[9]) Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ присоединяемся къ теоріи Scaduto, l. c., p. 270 ss., и проч. писателей, отрицающихъ территоріальное верховенство папы; см. Linden, l. c., S. 15 ff., 25 ff., Bluntschli, Rechtl. Unverantw. d. R. P., S. 5 ff., 11 ff., 14 ff., Nys, l. c., p. 501 ss., 531 ss., и др. (см. выше).

отрицательными признаками: ея дѣйствіе ограничивается исключеніемъ, на всемъ протяженіи данной мѣстности, аналогичнаго, по содержанію, господства другихъ организмовъ. Она является, такимъ образомъ, условіемъ независимаго осуществленія управомоченнымъ организмомъ актовъ власти, непосредственно вытекающихъ изъ личной формы верховенства. Что касается территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, то послѣдняя служитъ источникомъ всесторонняго, не только отрицательнаго, но также положительнаго господства надъ лицами, подпадающими воздѣйствію мѣстнаго закона. Государство немыслимо безъ обладанія данною формой верховенства. Нельзя того же сказать относительно церкви, для которой наличность свѣтской власти опредѣляется лишь необходимостью обезпечить ея религіозную независимость, тѣсно связанную съ политической эмансипаціей реальнаго носителя духовной власти, каковымъ, въ католической церкви, является папа. Въ эпоху патримоніальной конструкціи государства, когда территоріальная власть разсматривалась въ качествѣ права собственности по отношенію къ землѣ, унія между государствомъ и церковью, въ лицѣ папы, являлась безусловно существенной въ интересахъ послѣдней. Не будучи главою церковнаго государства, папа становился подзаконнымъ, подвластнымъ деспотизму монарха—предметомъ политическихъ происковъ, чуждыхъ религіознымъ интересамъ. Вотъ почему, въ средневѣковую эпоху, экстерриторіальность Св. Престола необходимо облекалась въ территоріальную форму господства; политическая эмансипація базировалась на почвѣ церковнаго государства. Подобное сочетаніе заключало въ себѣ, однако, существенные недостатки, не только обременяя духовную власть многообразными функціями, компрометировавшими ея религіозное достоинство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавая неустранимый конфликтъ между римскою куріей и католическимъ населеніемъ, порывавшій нравственную связь папства съ паствою. На этомъ вопросѣ мы уже достаточно останавливались въ историческомъ очеркѣ (см. выше

стр. 129 сл.). По мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ народной свободы, со времени первой французской революціи, гибель церковнаго государства становилась все болѣе близкой и неминуемой. Съ другой стороны, паденіе „стараго режима", переустройство государства на началахъ юридическаго организма, упроченіе публично-правовой конструкціи территоріальнаго властвованія взамѣнъ прежней, патримоніальной—событія, органически связанныя между собою — облегчали выдѣленіе въ пользу Св. Престола экстерриторіальной формы верховенства. 1870 г., осуществилъ эту, казалось неразрѣшимую, задачу, уничтоживъ церковное государство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранивъ за Св. Престоломъ экстеррриторіальность въ предѣлахъ Ватикана, не оккупированнаго итальянскою арміей. То, что было немыслимо въ средневѣковую эпоху, стало возможнымъ въ XIX вѣкѣ, и, обратно, — необходимое прежде, стало нынѣ излишнимъ. Вотъ почему, капитуляція Рима, уничтоживъ церковное государство, не возбудила протеста державъ, одинаково заинтересованныхъ, какъ и ранѣе, въ сохраненіи независимости за главой католическаго міра. Причина подобнаго равнодушія коренилась въ общемъ сознаніи, что въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папы независимость Св. Престола достаточно обезпечена. Не будучи болѣе необходимымъ, церковное государство стало излишнимъ. Было бы, однако, ошибочнымъ заключать отсюда, какъ это дѣлаютъ противники международной правоспособности папства, что католическія государства тѣмъ самымъ признали законъ о гарантіяхъ въ качествѣ единственнаго источника прерогативъ Св. Престола, направленныхъ къ охраненію его независимости [1]). Международная практика государствъ служитъ наглядным примѣромъ обратнаго.

[1]) См. Brusa, l. c., p. 117 ss., 126 ss., 129 ss., Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 173, 181, 193, Bompard, l. c., p. 189 ss., Linden, l c., S. 32 ff., Palma, l. c., p. 388 ss., Gabib, l. c., p. 69 ss., Gabba, l. c., p. 668 ss. — Къ тому же, отчасти, приходятъ Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 113 сл., Rivier, l. c., I, p. 121, Brunialti, l. c., p. CXXIII ss.,

§ 21.

Экстерриторіальность Св. Престола, хотя и отрицательная по дѣйствію, тѣмъ не менѣе служитъ для папства источникомъ различныхъ правъ несомнѣнно свѣтскаго, публичнаго характера: таковыми являются полицейскія функціи, административно-хозяйственное управленіе и, наконецъ, гражданская юрисдикція куріи, осуществляемыя въ предѣлахъ Ватикана. Нельзя того же сказать относительно уголовной юрисдикціи. Органически связанная съ территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова, она не можетъ быть признаваема за Св. Престоломъ въ виду отсутствія у него, какъ нами было указано выше, данной формы верховенства, послѣ капитуляціи Рима.

Принципіальный вопросъ о прерогативахъ Св. Престола вообще и, въ частности, о судебной власти послѣдняго, получилъ особый, практическій интересъ со времени извѣстнаго процесса Теодоли-Мартинуччи [1]), надѣлавшаго не мало шума въ печати и политическихъ сферахъ.

Carnazza-Amari, l. c., II, p. 148 ss., 259 ss., Casella, l. c., p. 32 ss., Hübler, l. c., S. 17 и проч. авторы, согласно которымъ папа „de iure", не можетъ быть признанъ субъектомъ международнаго права, хотя „de facto" онъ обладаетъ правами послѣдняго. — По этому поводу см. ниже.

[1]) Нѣкій Мартинуччи (Martinucci), временно исполнявшій обязанности архитектора въ Ватиканѣ, предъявилъ въ королевскій судъ искъ: къ папскому мажордому и префекту Апостолическихъ дворцовъ Теодоли (Theodoli), въ размѣрѣ 15.218 лиръ, и статсъ-секретарю Якобини (Jacobini) на сумму 17.875 лиръ. Резолюціей отъ 16-го августа 1882 г., римскій судъ 1-ой инстанціи, признавъ, въ принципѣ, данное дѣло подлежащимъ его компетенціи, отклонилъ отъ себя, однако, разсмотрѣніе иска, принимая во вниманіе „фактическую" невозможность привести въ исполненіе судебное рѣшеніе въ виду ст. 7 закона о гарантіяхъ (см. ниже). Апелляціонный судъ утвердилъ 9 ноября того же года приведенную резолюцію (см. „Il Foro Italiano, volume VIII, parte 1, a. 1883, pagg. 664 segg.). — „Motu proprio" отъ 25-го мая 1882 г., изданнымъ по поводу этого дѣла, папа учредилъ въ Ватиканѣ двѣ судебныя коммиссіи изъ 3-хъ прелатовъ, лично имъ назначаемыхъ для разсмотрѣнія въ 1-ой и 2-ой инстанціяхъ претензій,

Различныя контроверзы, высказанныя по данному дѣлу, могутъ быть сведены къ тремъ группамъ:

1) Послѣ паденія церковнаго государства Св. Престолъ, не имѣя болѣе территоріи, лишился верховенства, а слѣдовательно и юрисдикціи, какъ по гражданскимъ, такъ и, въ особенности, по уголовнымъ вопросамъ, поскольку всякая вообще юрисдикція предполагаетъ наличность верховенства. Такова теорія Скадуто [1]), Пальмы [2]), Габиба [3]), Орландо [4]), и прочихъ противниковъ свѣтской власти папы [5]). Въ томъ же смыслѣ высказались римскіе суды обѣихъ инстанцій [6]) по только что приведенному дѣлу.

2) Діаметрально противоположна теорія Содерини [7]), Оливара [8]), Джіоббіо [9]) и прочихъ куріалистовъ [10]): юрис-

---

предъявляемыхъ къ папской администраціи. Въ случаѣ разногласія, дѣло переносится въ 3-ью инстанцію, состоящую изъ соединеннаго присутствія обѣихъ коммиссій, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго аудитора (Motu Proprio „S. S. D. N. Leonis XIII; quo in Aedibus Vaticanis instituitur Tribunal ad dirimendas controversias, quae enasci possent, contractuum causa, cum administratione Aedium earumdem"; см. Acta Sanctae Sedis, volumen XV, a. 1882, pag. 193 sg.).

[1]) Scaduto, l. c., p. 264 ss.

[2]) Palma, l. c., p. 393 ss.

[3]) Gabib, l. c., p. 74 ss.

[4]) Orlando, I tribunali Vaticani, p 247 ss.

[5]) Brusa, l. c., p. 116 ss., 130 ss., 140 ss., Bompard, l. c., p. 194 ss., Despagnet, Cours, p. 153, Heilborn, l. c., S. 202 ff., Fiore, l. c., I, p. 491 ss. По мнѣнію Castellari, l. c., p. 396 ss., 411 ss., Св. Престолъ вправѣ учреждать судебныя коммиссіи, носящія характеръ третейскаго трибунала, поскольку предметомъ разбирательства являются гражданскія правоотношенія между администраціей Ватикана, съ одной стороны, и частными лицами — съ другой. Послѣднія, вступая въ подобныя отношенія, тѣмъ самымъ добровольно обязываются подчиняться рѣшенію папскаго трибунала. — Аналогичнаго взгляда придерживается, повидимому, и Casella, l. c., p. 79 ss.

[6]) См. выше.

[7]) Soderini, l. c., p. 533.

[8]) Olivart, l. c., p 49 ss.

[9]) Giobbio, l. c., I, p. 169 ss.

[10]) Corsi, l. c., p. 45 ss., Farabulini, l. c., I, p. 171 ss., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., p. 197, Geigel, l. c., S. 16; согласно Zocchi, l. c.,

дикція Св. Престола по всѣмъ вообще вопросамъ, гражданскимъ и уголовнымъ въ одинаковой мѣрѣ, является обоснованной, поскольку въ предѣлахъ Ватикана, до настоящаго времени не оккупированнаго Италіей, папа сохранилъ неприкосновенной свою верховную власть.

3) Третьей, посредствующей теоріи, придерживаются Калиссэ [1]), Бонги [2]), Габба [3]), Бруніальти [4]), Миралья [5]), Леруа-Больё [6]) и Гефкенъ [7]): Св. Престолъ, лишился, въ настоящее время, верховенства; тѣмъ не менѣе, законъ о гарантіяхъ создалъ въ пользу папы извѣстное

---

p. 273 ss., 302 ss., право на юрисдикцію непосредственно вытекаетъ изъ религіознаго верховенства Св. Престола; см. также Imbart Latour, La Papauté en droit international, p. 14, 66 ss. Подобный выводъ, ошибочно раздѣляемый многими куріалистами, основанъ на неправильномъ толкованіи такъ назыв. „primatus iurisdictionis“, принадлежащаго папѣ, какъ главѣ церкви (см. ниже). Связанныя съ этимъ приматомъ прерогативы относятся къ личной формѣ верховенства, тогда какъ судебная юрисдикція въ тѣсномъ смыслѣ слова опредѣляется элементами территоріальнаго властвованія.

[1]) Calisse, Diritto ecclesiastico, costituzione della chiesa, p. 418 ss.

[2]) Bonghi, I trib. V., p. 103 ss., 108 ss., повидимому и Lampertico, l. c., p. 52 ss.

[3]) Gabba, l. c., p. 664 ss.

[4]) Brunialti, l. c., p. CLXV ss.

[5]) Miraglia, l. c., p. 1 ss., 21.

[6]) Leroy-Beaulieu, R. D. M. 1883, p. 775 ss. — Послѣдній, впрочемъ нѣсколько отклоняется отъ теоріи Бонги, обосновывая административную юрисдикцію Св. Престола на экстерриторіальности папы „признанной“, а не „созданной“ закономъ о гарантіяхъ.

[7]) Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 193 ff., 196 ff. — Согласно послѣднему, резолюція римскихъ судовъ по д. Теодоли-Мартинуччи (см. выше) основана на ложныхъ посылкахъ: юрисдикція органически связана съ правомъ на исполненіе судебнаго приговора; послѣднее является необходимымъ предположеніемъ перваго. Въ этомъ смыслѣ, ст. 7 зак. о гарантіяхъ, воспрещающая итальянскимъ властямъ осуществленіе въ предѣлахъ Ватикана какихъ-либо актовъ господства, является не только „фактическимъ“, какъ это утверждаютъ римскіе суды, но также „юридическимъ“ препятствіемъ, изъемлющимъ мѣстожительство папы изъ компетенціи итальянскихъ судовъ; въ томъ же смыслѣ высказывается Gabba (см. выше).

„ius singulare“, въ силу котораго его современное положеніе не можетъ быть разсматриваемо съ точки зрѣнія общаго права. Въ этомъ отношеніи, Св. Престолъ сохранилъ отчасти право на юрисдикцію, въ пространственномъ отношеніи ограниченную Ватиканомъ.

Таковы три группы теорій, посвященныхъ вопросу о судебной власти Св. Престола.—Ихъ существенный недостатокъ коренится въ неправильной конструкціи территоріальнаго верховенства вообще. сложнаго по внѣшнимъ формамъ господства. Расчленяя послѣднія, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Св. Престолъ, экстерриторіальный въ предѣлахъ Ватикана, вправѣ осуществлять всѣ полицейскія функціи, необходимыя для огражденія безопасности въ предѣлахъ данной мѣстности; то же должно сказать относительно административнаго и хозяйственнаго управленія, а также гражданской юрисдикціи куріи, непосредственно вытекающихъ изъ экстерриторіальной формы верховенства. Св. Престолъ не обладаетъ, однако, правомъ на уголовную юрисдикцію, поскольку послѣдняя предполагаетъ наличность территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, нынѣ утерянной папствомъ.

1) Св. Престолъ, экстерриторіальный въ предѣлахъ Ватикана, вправѣ осуществлять полицейскія функціи, необходимыя для огражденія, въ предѣлахъ данной мѣстности, безопасности вообще и, въ частности, личной безопасности папы, а также,—свободнаго осуществленія куріей актовъ религіознаго управленія. Въ настоящее время, Ватиканъ, будучи постоянной резиденціей папы, является жизненнымъ центромъ всего католическаго міра, откуда Св. Престолъ руководитъ церковной политикой. При такихъ условіяхъ, экстерриторіальность папы есть не только лучшая, но и необходимая гарантія независимости Св. Престола, а съ нимъ и самой церкви, поскольку послѣдняя построена на началахъ абсолютной монархіи. Въ общемъ сознаніи необходимости подобной гарантіи, папа почерпаетъ нынѣ тѣ силы, передъ лицомъ которыхъ ни одинъ итальянскій солдатъ не дерзнулъ переступить черты Ватикана. Исключая, въ предѣлахъ послѣдняго, господство какой бы то ни

было власти, кромѣ собственной—признакъ, характеризующій экстерриторіальную власть — Св. Престолъ вправѣ „a fortiori“ отражать преступныя посягательства отдѣльныхъ частныхъ лицъ и, съ этою цѣлью, принимать необходимыя полицейскія мѣры.

2) *Св. Престолъ вправѣ осуществлять всѣ функціи власти, относящіяся къ административному и хозяйственному управленію Ватикана.* Подобное право непосредственно вытекаетъ изъ экстерриторіальности и внѣподданства папы — существенныхъ элементовъ его субъективной свободы (см. ниже). Будучи свѣтскими по природѣ, эти функціи обусловливаютъ свободу и независимость папы по отношенію къ государству и, въ этомъ смыслѣ, тѣсно связаны съ его духовною дѣятельностью. Необходимо помнить, что глава церкви является не только реальнымъ субъектомъ религіознаго верховенства, но также живымъ существомъ, человѣкомъ, нуждающимся въ извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Въ государствѣ эти условія регламентируются закономъ, обязательнымъ для всѣхъ, территоріально и лично ему подчиненныхъ. Спрашивается: какому закону подвластенъ папа? Распространять на послѣдняго итальянскій законъ значило бы предполагать его подчиненное положеніе, несовмѣстимое съ экстерриторіальностью въ предѣлахъ Ватикана и внѣподданствомъ по отношенію къ государству. Сказанное по поводу хозяйственнаго управленія одинаково приложимо и къ административному. Въ пользу полицейскаго и административно-хозяйственнаго управленія куріи высказываются не только крайніе защитники судебной власти папы, Фарабулини, Джіоббіо, Пинкетти-Санмарки и друг. [1]), но также Габба, Бонги и проч. представители посредствующей теоріи [2]), отрицающей территоріальное верховенство Св. Престола.

3) *Св. Престолъ вправѣ осуществлять судебную власть по*

[1]) См. выше.

[2]) Ibid. — Въ томъ же смыслѣ высказываются отчасти Castellari и Casella (см. выше).

вопросамъ гражданской юрисдикціи; подобное право покоится на тѣхъ же основахъ, только что указанныхъ нами по поводу полицейскихъ, а также административно-хозяйственныхъ функцій папы, а именно—экстерриторіальности и внѣподданствѣ послѣдняго.

4) *Св. Престолъ не обладаетъ судебною властью по уголовнымъ вопросамъ,* поскольку послѣдняя предполагаетъ наличность территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ настоящее время утерянной папствомъ. Одной лишь экстерриторіальной формы верховенства недостаточно. Въ этомъ отношеніи, мы рѣшительно расходимся съ противоположной теоріей Содерини и Оливара [1]). Уголовное наказаніе есть нѣчто большее, чѣмъ простыя полицейскія мѣры, направленныя къ предупрежденію преступныхъ посягательствъ со стороны отдѣльныхъ частныхъ лицъ на установленный, въ предѣлахъ данной мѣстности, правопорядокъ. Папа несомнѣнно вправѣ изгнать изъ Ватикана всякаго иностранца, присутствіе котораго, въ силу извѣстныхъ соображеній, стѣсняетъ свободное осуществленіе куріей той дѣятельности, которая входитъ въ кругъ ея компетенціи; тѣмъ болѣе, конечно, вправѣ онъ примѣнить принужденіе къ тому, кто посягаетъ на личную или имущественную безопасность въ предѣлахъ Ватикана. Въ этомъ смыслѣ, полицейскія функціи, подобно административно-хозяйственному управленію и гражданской юрисдикціи, являются ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ прерогативъ, органически связанныхъ съ экстерриторіальностью и внѣподданствомъ папы. Нельзя того же сказать по поводу уголовной юрисдикціи. Послѣдняя обусловливается двумя факторами: во-1-хъ, правомъ издавать общеобязательныя нормы и, во 2-хъ, наличностью у наказующаго власти, содержаніе которой заключаетъ въ себѣ элементы, характеризующіе существо уголовнаго наказанія. Имѣя въ

[1]) Ibid. — Изъ представителей посредствующей теоріи Gabba и Geffcken повидимому не ограничиваютъ судебной власти папы по содержанію. Иначе Bonghi и Brunialti, отрицающіе уголовную и, отчасти, гражданскую юрисдикцію Св. Престола (см. выше)

виду оба указанныхъ фактора, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

a) Праву издавать императивныя нормы корреспондируетъ обязанность подчиненья послѣднимъ. Подобная обязанность, въ свою очередь, создается подданствомъ подчиняемаго, а также его мѣстопребываніемъ на территоріи даннаго государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что всякій иностранецъ, находясь въ Ватиканѣ, обязанъ воздерживаться отъ осуществленія дѣйствій, посягающихъ на мѣстный правопорядокъ. Эта обязанность непосредственно вытекаетъ изъ экстерриторіальнаго верховенства папы, въ силу котораго Св. Престолъ, исключая въ предѣлахъ Ватикана господство какой бы то ни было власти, кромѣ папской, автономно регламентируетъ условія дозволеннаго пребыванія отдѣльныхъ частныхъ лицъ въ предѣлахъ данной мѣстности. Въ этомъ смыслѣ, Св. Престолъ обладаетъ однимъ изъ двухъ фактовъ, обусловливающихъ уголовную юрисдикцію, а именно, правомъ издавать императивныя нормы, поскольку подобное право непосредственно вытекаетъ изъ экстерриторіальности папы. Тѣмъ не менѣе, мы не считаемъ возможнымъ признавать за Св. Престоломъ право на уголовную юрисдикцію. Послѣдняя, помимо только что указаннаго фактора, обусловливается наличностью у наказующаго власти, содержаніе которой достаточно для конструкціи положительнаго воздѣйствія, характеризующаго наказаніе

b) Право налагать уголовныя наказанія обусловливается наличностью у наказующаго территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова; одного лишь экстерриторіальнаго властвованія для этого недостаточно, поскольку послѣднее носитъ отрицательный характеръ, ограничиваясь, въ своемъ дѣйствіи, исключеніемъ въ предѣлахъ данной мѣстности господства другихъ организмовъ. Экстерриторіальная власть, вполнѣ достаточная для конструкціи полицейскаго принужденія, не можетъ служить источникомъ уголовнаго наказанія, представляющаго собою положительное воздѣйствіе на личность преступника. Подобное воздѣйствіе предполагаетъ всестороннее господство

наказующей власти, въ предѣлахъ данной мѣстности, надъ личностью наказуемаго — признаки, характеризующіе территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство. Папа вправѣ регулировать правопорядокъ въ предѣлахъ Ватикана и, съ этою цѣлью, издавать общеобязательныя нормы; онъ вправѣ, также, всѣми средствами полицейскаго принужденія предупреждать ихъ нарушеніе и, наконецъ, въ случаѣ преступнаго на нихъ посягательства, подвергать изгнанью виновнаго; но конечный судъ надъ послѣднимъ и наложеніе уголовнаго наказанія не входятъ въ его компетенцію. Подобно тому, какъ воспріятіе объекта въ пространствѣ и времени обусловливается наличностью у субъекта аналогичныхъ формъ мышленія, такъ и уголовная кара, какъ положительное воздѣйствіе на виновнаго, предполагаетъ наличность у наказующаго соотвѣтствующихъ положительныхъ функцій господства, органически связанныхъ съ территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова или, альтернативно, личною формой верховенства, принадлежащей государству-отечеству. Экстерриторіальная власть, отрицательная по характеру вызываемаго ею дѣйствія, можетъ служить, въ данномъ случаѣ, источникомъ одного лишь полицейскаго принужденія. Подобное разрѣшеніе вопроса о судебной власти куріи въ дѣлахъ уголовныхъ, непосредственно вытекая изъ современной конструкціи территоріальнаго верховенства Св. Престола, является, по нашему убѣжденію, единственно возможнымъ не только съ точки зрѣнія юридической, но также и нравственной, освобождая папу отъ необходимости устраивать въ нѣдрахъ Ватикана уголовный трибуналъ и тюрьму, сосѣдство которыхъ могло бы лишь компрометировать достоинство главы церкви.

Такимъ образомъ, свѣтская власть папы въ предѣлахъ Ватикана слагается, въ настоящее время, изъ троякаго рода функцій:

1) Полицейскихъ, въ силу которыхъ Св. Престолъ предупреждаетъ преступныя посягательства отдѣльныхъ частныхъ лицъ на установленный имъ въ предѣлахъ данной мѣстности правопорядокъ.

2) Административнаго и хозяйственнаго управленія Ватикана и,

3) Гражданской юрисдикціи по частно-правовымъ отношеніямъ Св. Престола.

Подобныя функціи, непосредственно вытекая изъ экстерриторіальнаго верховенства папы въ предѣлахъ Ватикана, до настоящаго времени не оккупированнаго Италіей, должны быть признаны за Св. Престоломъ.

§ 22.

cc) Св. Престолъ является субъектомъ детерриторіальной формы верховенства, поскольку недостающая ему, въ предѣлахъ Ватикана, территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова возстановляется въ пользу куріи „ipso iure„ по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе данною формой верховенства.

1) *Территоріальная власть Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана, недостающая ему въ настоящее время, возстановляется въ пользу куріи «ipso iure» по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе ею*:

a) Относительное стратегическое господство Италіи парализуетъ территоріальную, въ тѣсномъ смыслѣ слова, форму верховенства Св. Престола по отношенію къ данной мѣстности.

b) Относительное стратегическое господство Италіи недостаточно, однако, для пріобрѣтенія ею территоріальной власти въ предѣлахъ Ватикана, поскольку подобное пріобрѣтеніе органически связано съ предварительной оккупаціей послѣдняго, въ свою очередь предполагающей наличность недостающаго Италіи абсолютнаго стратегическаго господства по отношенію къ данной мѣстности.

c) Отсюда слѣдуетъ, что оставленіе Рима Италіей—отпаденіе ея относительнаго стратегическаго господства, парали-

зующаго территоріальную власть Св. Престола—„ipso iure" возстановляетъ въ пользу послѣдняго данную форму верховенства. Подобное возстановленіе ограничивается, однако, предѣлами Ватикана [1]), поскольку связь папства съ прочими мѣстностями бывшей территоріи церковнаго государства окончательно уничтожилась въ силу событій 1870 и предшествующихъ годовъ.

2) *Право, согласно которому недостающія данному организму территоріальныя формы верховенства возстановляются въ его пользу «ipso iure» по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе ими, служитъ предметомъ детерриторіальной формы верховенства.*

Расчлененіе территоріальнаго властвованія возможно какъ путемъ односторонняго акта, такъ и посредствомъ двусторонняго соглашенія. Первое наступаетъ, какъ мы видѣли выше (стр. 172 сл.), въ случаѣ военной оккупаціи непріятельской мѣстности. Второе является результатомъ международнаго договора. Такъ, ст. 25 Берлинскаго трактата 1878 г., и дополнительная конвенція 1879 г., опредѣляютъ права Австро-Венгріи и Турціи по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ (см. выше, стр. 174 сл.). Договоромъ 26 іюня 1803 г. территоріальное верховенство по отношенію къ г. Висмару расчленяется между Мекленбургъ-Шверинымъ, съ одной стороны, и Швеціей—съ другой [2]). На тѣхъ же началахъ расчлененія власти

---

[1]) По этому поводу см. выше.

[2]) Traité entre Sa Majesté le roi de Suède et Son Altesse Sérénissime le duc de Mecklenbourg-Schwerin sur la ville et seigneurie de Wismar, le 26 juin 1803; Recueil des Traités (G. F. de Martens), T. VIII, p. 54 ss.— На основаніи приведеннаго договора, Швеція уступаетъ Мекленбургъ-Шверину, за сумму въ 1.250.000 рейхсталеровъ (ст. VI), верховныя права по отношенію къ г. Висмару (ст. II). По истеченіи 100 лѣтъ со дня подписанія договора (ст. I), Швеція сохраняетъ за собою право выкупить этотъ городъ (ст. III), подъ условіемъ возмѣщенія Мекленбургу занятой суммы вмѣстѣ съ наросшими на нее за это время процентами (ст. IV). Въ случаѣ неуплаты къ данному сроку указанной суммы, договоръ продолжается на слѣдующія 100 лѣтъ (ст. III). Положеніе Висмара, созданное договоромъ

построены, согласно договору 1898 г., верховныя права Россіи и Китая по отношенію къ Портъ-Артуру и Талянвани [1]). Въ обоихъ случаяхъ—односторонняго или двусторонняго расчлененія власти—обѣ стороны сохраняютъ за собой элементы верховенства по отношенію къ данной территоріи.

1803 г., является крайне неопредѣленнымъ съ точки зрѣнія юридической (мы не касаемся политической стороны вопроса). Согласно господствующему взгляду, Мекленбургъ-Шверинъ получилъ право пользованія и владѣнія Висмаромъ въ видѣ ипотечнаго обезпеченія залоговой суммы. Права Швеціи сводятся къ номинальному верховенству—„nudum ius"—по отношенію къ уступленной территоріи; см. Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 265, 266, Rivier, l. c., I, p. 200, II, p. 94 ss.; см. также Büsing, Staatsrecht der Grossherzogthümer Mecklenburg-Schwerin und Mecklenburg-Strelitz (in Marquardsens Handb. des Oeffentl. Rechts, 1884, III, II, 1, S. 7). По мнѣнію Schmidt'a Мальмёсскій договоръ имѣлъ несомнѣнно въ виду расчлененіе власти между обѣими сторонами; допустимое въ эту эпоху, съ точки зрѣнія патримоніальной конструкціи территоріальнаго верховенства, подобное расчлененіе послѣдняго противорѣчитъ современной публичноправовой конструкціи государства. Въ этомъ смыслѣ, договоръ 1803 г., долженъ быть нынѣ толкуемъ въ качествѣ соглашенія, заключающаго въ себѣ два самостоятельныхъ обязательства: согласно первому, территоріальное верховенство по отношенію къ Висмару всецѣло уступается Мекленбургъ-Шверину; согласно второму, Мекленбургъ-Шверинъ обязуется, въ свою очередь, вернуть его Швеціи по возмѣщеніи ею занятой суммы (Schmidt, Über einige Ansprüche auswärtiger Staaten auf gegenwärtiges deutsches Reichsgebiet, S. 40 ff., и его же Der schwedisch-mecklenburgische Pfandvertrag über Stadt und Herrschaft Wismar, S. 15 ff. Въ условіяхъ предложенной нами общей конструкціи территоріальнаго верховенства (см. выше, стр. 164 сл.) мы не считаемъ необходимымъ прибѣгать къ подобному толкованію, несоотвѣтствующему договорной волѣ сторонъ, заключившихъ данное соглашеніе.

[1]) См. „Правительственное сообщеніе о портахъ Артурѣ и Талянванѣ": „15-го текущаго марта въ Пекинѣ состоялось подписаніе уполномоченными Россіи и Китая особаго соглашенія, въ силу коего Императорскому Правительству уступлены въ пользованіе на 25-лѣтній срокъ, который, по обоюдному согласію, можетъ быть затѣмъ продолженъ, порты Артуръ и Талянвань съ соотвѣтствующими территоріею и водянымъ пространствомъ" (см. Ежегодникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1898 г., стр. 255 сл.).

1) Государство, въ пользу котораго расчленяется территоріальное властвованіе, получаетъ право осуществленія, въ предѣлахъ данной мѣстности, актовъ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, а также экстерриторіальнаго властвованія. Подобные акты власти являются авторитетными и самобытными по природѣ; ихъ источникъ коренится въ одной лишь волѣ господствующаго [1]).

2) Государство, потерявшее въ пользу послѣдняго полноту территоріальнаго властвованія, сохраняетъ за собою право на возстановленіе недостающихъ ему элементовъ господства по прекращеніи ограничительныхъ условій, исключавшихъ обладаніе ими—признаки, характеризующіе детерриторіальную форму верховенства [2]).

Отсюда слѣдуетъ, что производное возникновеніе частичнаго территоріальнаго властвованія не противорѣчитъ абсолютной, первоначальной природѣ послѣдняго. До-

---

[1]) Согласно ст. II Шведскаго договора 1803 г. „Sa Majesté le roi de Suède transfère sur la personne de Son Altesse Sérénissime le duc de Mecklenbourg-Schwerin, et sur celle de ses successeurs tous ses droits de souveraineté sur Wismar, son territoire et ses dépendances". Въ томъ же смыслѣ высказывается ст. XXI. — То же должно сказать по поводу Портъ-Артура и Таляньвани: „...Упомянутые порты и территоріи будутъ безотлагательно заняты войсками Его Императорскаго Величества, нашего Августѣйшаго Монарха..... и въ нихъ будетъ поднятъ флагъ совмѣстно съ китайскимъ" (см. Ежегодникъ, стр. 256 сл.).

[2]) По отношенію къ Висмару, полнота территоріальнаго властвованія возстановляется въ пользу Швеціи не только при выкупѣ ею даннаго города по истеченіи срока и соблюденіи условій, предусмотрѣнныхъ статьями I, II и IV, но также въ случаѣ отказа Мекленбургъ-Шверина отъ г. Висмара. Послѣднее непосредственно вытекаетъ изъ запрещенія Мекленбургу переуступать свои права какому-либо другому государству: „il est expressement convenu, que la ville et la seigneurie de Poel et de Neukloster et leurs dépendances ne pourront jamais être aliénés, vendus, hypothéqués, légués ou d'aucune manierè cédés à telle autre puissance ou état que ce soit" (Art. XI). Иначе говоря, возстановленіе верховенства Швеціи осуществляется „eo ipso" по прекращеніи правъ Мекленбурга.— Аналогичными признаками характеризуется детерриторіальное верховенство Китая по отношенію къ Портъ-Артуру и Таляньвану.

говорный характеръ ограничивается моментомъ происхожденія права: его дальнѣйшее осуществленіе коренится въ одной лишь волѣ управомоченнаго. При такихъ условіяхъ, такъ называемая „clausula rebus sic stantibus“—обычная въ другихъ договорахъ — непримѣнима къ данному случаю [1]).

Абсолютной природѣ верховенства, возникшаго путемъ договора, не противорѣчитъ ограниченіе управомоченной стороны различными обязанностями, опредѣляемыми договорнымъ порядкомъ. Не только переходъ территоріальнаго права, но также осуществленіе послѣдняго могутъ быть обставлены различными условіями [2]) и ограничены срокомъ [3]). Какъ первое, такъ и второе—условность и срочность—не исключаютъ авторитетности и самобытности господства управомоченной стороны въ границахъ пріобрѣтенной мѣстности:

1) Наступленіе условія или срока, влекущихъ отпаденіе даннаго права, презюмируетъ отказъ управомоченной стороны отъ осуществленія соотвѣтствующихъ актовъ власти.

2) Подобный отказъ вполнѣ гармонируетъ—въ юридическомъ отношеніи—съ истинной волей государства, какъ идеаль-

[1]) „Son Altesse Sérénissime le duc de Mecklenbourg-Schwerin renonce à jamais, tant pour ses successeurs, au droit de rendre l'hypothèque en réclamant le payement de la somme hypothécaire stipulée dans l'article IV de la présente convention“ (Art. III). Абсолютный характеръ этой статьи несовмѣстимъ съ указанной „clausula“.

[2]) „On est réciproquement convenu, que le port de Wismar ne sera jamais constitué port de guerre, à l'usage d'aucune puissance ou état étranger, et cela sans exception (ibid, art. XVI). То же должно сказать по поводу денежной суммы, установленной въ пользу Швеціи за уступку Висмара Мекленбургъ-Шверину. — Переходъ къ Австро-Венгріи Босніи и Герцеговины также обусловливался умиротвореніемъ ею этихъ провинцій и водвореніемъ въ нихъ прочнаго правопорядка. „Австро-Венгерское правительство“, говоритъ Ф. Ф. Мартенсъ, „должно доказать свою способность выполнить эту задачу; въ противномъ случаѣ не было бы никакого разумнаго и юридическаго основанія къ продолженію ея оккупаціи“ (l. c., I стр. 364, п. 2). О положеніи Босніи и Герцеговины см. выше, стр. 174 сл.).

[3]) По этому поводу см. выше.

наго субъекта верховенства, поскольку, заключая договоръ, оно участвовало въ опредѣленіи условій и срока. Противоположныя дѣйствія органовъ подчиненнаго управленія, а также реальнаго субъекта верховенства, несоотвѣтствующія волѣ идеальнаго субъекта послѣдняго, превышаютъ предоставленныя имъ полномочія и, въ этомъ смыслѣ, являются юридически ничтожными.

Отказъ отъ дальнѣйшаго обладанія данною формою власти „eo ipso" возстановляетъ въ пользу другой полноту территоріальнаго властвованія.

Помимо условій и срока, разрушающихъ возникшее право, договоръ можетъ ограничивать управомоченнаго различными побочными обязанностями, не носящими подобнаго характера [1]). Такимъ образомъ, самый „corpus" договора можетъ слагаться изъ 3-хъ параллельныхъ частей:

1) Титула расчлененія формъ территоріальнаго властвованія.

2) Условій и срока, опредѣляющихъ дальнѣйшую судьбу территоріальнаго права.

3) Различныхъ побочныхъ обязанностей.

Всѣ три части являются вполнѣ самостоятельными, лишь внѣшнимъ образомъ связанными между собою: какъ въ первой, такъ и во второй—договорный моментъ относится лишь къ возникновенію права, а не природѣ послѣдняго. Съ переходомъ территоріальнаго властвованія прекращается дѣйствіе договора. Значеніе ограничительныхъ условій, имъ предусмотрѣнныхъ, обнаруживается въ ихъ юридическомъ участіи въ волеобразовательномъ процессѣ управомоченной стороны: эвентуальное отпаденіе территоріальнаго права, въ виду наступленія срока или согласно условіямъ, предусмотрѣннымъ договоромъ, осуществляется уже

[1]) Ст. XVIII Шведскаго договора 1803 г. (см. выше) опредѣляетъ обязанности Мекленбурга по отношенію къ должностнымъ лицамъ (шведскаго происхожденія) г. Висмара; ст. XX говоритъ о привилегированномъ положеніи шведской торговли въ этомъ городѣ, а также о торговыхъ оборотахъ послѣдняго въ Швеціи.

не въ силу послѣдняго, а на основаніи добровольнаго отказа управомоченной стороны, воля которой предопредѣляется содержаніемъ настоящихъ условій. То же должно сказать по поводу субъекта детерриторіальной формы верховенства: возстановленіе въ его пользу полноты территоріальнаго властвованія наступаетъ также не на основаніи договора, а въ силу сохраненія имъ детерриторіальной формы верховенства, сущность которой и выражается, какъ нами было указано выше, въ подобномъ правѣ на самобытное возстановленіе прочихъ формъ территоріальнаго властвованія.

Такимъ образомъ, какъ въ первой, такъ и во второй части договоровъ, расчленяющихъ территоріальное властвованіе, юридическое отношеніе, возникшее на этой почвѣ, носитъ односторонній характеръ: съ момента осуществленія договора, каждый изъ субъектовъ послѣдняго, взятый въ отдѣльности, самъ въ себѣ почерпаетъ источникъ прерогативъ, авторитетныхъ и самобытныхъ по природѣ; взамѣнъ договорныхъ правъ требованія или же полномочій возникаетъ правоотношеніе власти. Договорный характеръ сохраняется лишь за третьею частью, опредѣляющей дополнительныя права и обязанности, связанныя съ переходомъ территоріальнаго властвованія.

Резюмируя изложенное на предшествующихъ страницахъ по поводу современнаго юридическаго положенія Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана, въ связи съ общей конструкціей детерриторіальной формы верховенства, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

a) Условіемъ, ограничивающимъ территоріальную власть папства въ предѣлахъ Ватикана, является оккупація Рима Италіей.

b) Прекращеніе даннаго ограничительнаго условія лежитъ внѣ воли Св. Престола, поскольку Италія вправѣ сохранить за собою Римъ или же отъ него отказаться.

c) Возстановленіе нынѣ недостающихъ папству формъ территоріальнаго властвованія въ Ватиканѣ наступаетъ непосредственно въ силу самаго факта оставленія Рима Ита-

ліей. При такихъ условіяхъ, Св. Престолъ уже самъ въ себѣ почерпаетъ недостающіе ему элементы господства, не обусловливаясь, въ осуществленіи этого права, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

d) Право, согласно которому недостающія данному общественному организму территоріальныя формы верховенства возстановляются въ пользу послѣдняго „ipso iure" по отпаденіи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе ими, служитъ предметомъ детерриторіальной формы верховенства.—Ergo:

3) *Капитуляція 20 сентября не уничтожила детерриторіальной власти Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана.* Эта власть является формой верховенства, поскольку источникъ ея коренится въ одной лишь волѣ Св. Престола Въ этомъ отношеніи, Пинкетти-Санмарки [1]), Фарабулини [2]), Содерини [3]) и проч. [4]) защитники территоріальной власти куріи недалеки отъ истины, утверждая, что верховенство Св. Престола не исчерпывается экстерриторіальностью папы—независимо отъ юридической природы послѣдней—въ предѣлахъ Ватикана. Къ сожалѣнію, представители подобной теоріи впадаютъ въ противоположную крайность, усматривая въ этомъ „нѣчто", остающемся нынѣ у папы за вычетомъ власти, отпавшей со времени капитуляціи Рима,—элементы территоріальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенства.

Вопросъ о территоріальномъ верховенствѣ папства, разрѣшенію котораго посвящены предшествующія страницы, особенно осложняется, какъ мы видѣли выше, неправильной конструкціей территоріальнаго верховенства вообще, тройственнаго по формамъ господства, что, къ сожалѣнію, постоянно упускается изъ виду. Отсюда становится неизбѣжной коллизія крайнихъ теорій, одинаково далекихъ отъ истины.

[1]) Pinchetti-Sanmarchi, l. c., p. 185 ss, 193 ss.

[2]) Farabulini, l. c., I, p. 171 ss.

[3]) Soderini, l. c., p. 535 ss.

[4]) См. выше.

Какъ противники, такъ и сторонники территоріальнаго верховенства куріи справедливы лишь въ отрицаніи взаимныхъ выводовъ; ихъ положительныя заключенія страдаютъ односторонностью. Событія 1870 г., несомнѣнно умалили свѣтскую власть папства не только въ количественномъ, но также и въ качественномъ отношеніи: капитуляція Рима разрушила церковное государство, лишивъ папство территоріальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенства. Подобное „capitis deminutio" не повлекло за собою, однако, совершеннаго уничтоженія свѣтской власти куріи, поскольку послѣдняя продолжаетъ осуществлять, въ предѣлахъ Ватикана, акты власти, господство которыхъ не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ, иначе говоря, поскольку подобные акты господства авторитетны и самобытны по природѣ. Таковыми являются: гражданская юрисдикція, полицейское и административно-хозяйственное управленіе куріи въ предѣлахъ Ватикана, непосредственно вытекающія изъ экстерриторіальности и внѣподданства папства. Детерриторіальная власть дополняетъ экстерриторіальное верховенство послѣдняго.

§ 23.

Остается разсмотрѣть, насколько формулированное положеніе совмѣстимо съ фактомъ плебисцита 2 октября 1870 г., въ силу котораго Римъ былъ офиціально присоединенъ къ итальянскому королевству. Разрѣшеніе этого вопроса является тѣмъ болѣе необходимымъ, что противники территоріальнаго верховенства куріи неоднократно ссылаются на него въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ. Мы не отрицаемъ нисколько политическаго значенія римскаго плебисцита. Событія 1870 г., завершили тотъ поступательный процессъ объединенія Италіи, который постепенно подготовлялся уже со времени первой французской революціи. Этотъ процессъ, органически связанный съ идеей народной свободы (см. выше

стр. 124 сл.), естественно облекался въ ту форму, которая, если не фактически, то по крайней мѣрѣ символически воплощала въ себѣ принципъ политической правоспособности гражданъ, толкуемый въ самомъ распространительномъ смыслѣ. Такою формой, въ данномъ вопросѣ, служилъ плебисцитъ, посредствомъ котораго населеніе, доселѣ игравшее роль политическаго илота, торжественно провозглашало свое присоединеніе къ Пьемонту, вставшему во главѣ національнаго движенія Италіи. Очевидно, что пьемонтское правительство, сильное своей солидарностью съ народомъ, не могло не придавать особаго, почти сакраментальнаго, значенія голосованію, могущему послужить, въ глазахъ Европы, нравственнымъ и политическимъ оправданіемъ революціонныхъ движеній, благодаря которымъ Италія „изъ этнографическаго термина“ превратилась въ единое, независимое отъ прочихъ державъ, государство. Этими общими соображеніями не исчерпывается значеніе плебисцита 2 октября. Вырвавъ Римъ изъ рукъ папы вооруженною силой, несмотря на горячіе протесты куріи, Пьемонтъ, заинтересованъ былъ освятить учиненное имъ насиліе народною волей. Декретъ 9 октября 1870 г., [1]) мотивируетъ присоединеніе Рима волею самихъ римлянъ, голосовавшихъ въ пользу Италіи 2 октября того же года; самый фактъ оккупаціи оставляется въ сторонѣ. Подобная мотивировка, вполнѣ понятная съ политической точки зрѣнія, не предрѣшала, конечно, юридическаго значенія плебисцита, какъ самостоятельнаго титула пріобрѣтенія элементовъ территоріальной власти. Громадное большинство писателей по международному праву: Ф. Ф. Мартенсъ [2]), Ривье [3]),

[1]) „Vista la Legge del 17 marzo 1861, n. 4671; visto il risultamento del Plebiscito, col quale i cittadini delle Provincie Romane, convocati nei comizî il giorno 2 del corrente mese di ottobre, hanno dichiarato l'unione al Regno d'Italia colla Monarchia costituzionale di Vittorio Emanuele e dei suoi Successori..... Abbiamo decretato e decretiamo: Art. 1. Roma e le Provincie Romane fanno parte integrante del Regno d'Italia“ (Regio Decreto № 5903; см. выше).

[2]) Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., I, стр. 358 сл.

[3]) Rivièr, l. c., II, p. 439.

Паделетти [1]), Либеръ [2]), Бри [3]), Гарейсъ [4]), и мн. друг. [5]), рѣшительно ополчаются противъ него. Въ столь же отрицательномъ смыслѣ высказываются Корси [6]), Фарабулини [7]), Джіоббіо [8]), Оливаръ [9]) и проч. защитники территоріальнаго верховенства куріи. Главнѣйшія возраженія сводятся къ слѣдующимъ:

1) Населеніе спорной территоріи не вправѣ, вопреки волѣ государства-отечества, отторгаться отъ него въ пользу противника. Подобный актъ справедливо заслужилъ бы названье измѣны. Признавать за нимъ юридическое значеніе значило бы подрывать самые устои государственнаго организма. Нельзя обосновывать плебисцита на началахъ свободы эмиграціи, поскольку послѣдняя предполагаетъ лишь выходъ изъ подданства, другими словами, порываетъ личную связь, не измѣняя территоріальныхъ правъ государства-отечества, между тѣмъ какъ плебисцитъ влечетъ за собой не только отторженіе населенія, но также и территоріи, съ которой послѣднее связано.

2) Помимо соображеній принципіальнаго характера, самое практическое осуществленіе плебисцита въ высшей степени затруднительно; оно возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ,

---

[1]) Padeletti. L'Alsace et la Lorraine et le droit des gens (Revue de dr. int. T. III, p. 464 ss., 485 ss.).

[2]) Lieber, De la valeur des plébiscites dans le droit international (Revue de dr. int. T. III p. 139 ss.).

[3]) Bry, l. c.. p. 58 ss., 81 note 2, 180.

[4]) Gareis, Institutionen, S. 156.

[5]) См. Bonfils. l. c., p. 291 ss. № 567 ss., Despagnet, Cours, p. 411 ss., Geffcken (его примѣч. 2-ое къ Гефтеру, стр. 438), Stoerk, Staatsunterthanen und Fremden (Holtzendorff's Handb. Bd. II. S. 613 fg. 622). Rolin Jaequemyns, въ Revue de dr. int. T. III, p. 536 ss., Ullmann, l. c., S. 202 ff., Piédelièvre, l. c., I, p. 376 s. — Это начало является господствующимъ въ наукѣ.

[6]) Corsi, l. c., p. 49 ss.

[7]) Farabulini, l. c., I, p. 61, 86 ss.

[8]) Giobbio, l. c., I, p. 106 ss.

[9]) Olivart, l. c, p. 18 ss.

когда мѣстное населеніе высказалось въ пользу торжествующей стороны. Но какъ поступить, если непріятель окажется побѣдителемъ, а населеніе занятой территоріи не пожелаетъ отторгнуться отъ своего отечества, вынужденнаго, однако, въ виду неудачнаго для него исхода войны, уступить свою территорію противнику?

3) Наконецъ, самый „raison d'être“ плебисцита предполагаетъ, что населенію, которому предоставлено высказаться о судьбѣ спорной территоріи, дѣйствительно гарантирована полная свобода выбора, что, въ свою очередь, врядъ-ли осуществимо, ибо трудно расчитывать, что побѣдитель, во всеоружіи своей силы, останется равнодушнымъ зрителемъ голосованія, рѣшающаго, быть можетъ противъ него, вопросъ, ради котораго онъ столькимъ пожертвовалъ. Не подлежитъ сомнѣнью, что на случай нежелательнаго исхода будутъ приняты мѣры предосторожности, при которыхъ свобода плебисцита сведется къ нулю.

Таковы главнѣйшіе доводы противниковъ плебисцита. Тѣмъ не менѣе, послѣдній имѣетъ и сторонниковъ. Такъ Пилле [1]), Чимбали [2]), Фіоре [3]) видятъ въ немъ коррективъ тому принципу насилія, которымъ проникнута война; этотъ бичъ. тормозящій мирное развитіе международнаго общенія. Аналогичнаго взгляда придерживаются Кастеллари, [4]) Бомпаръ, [5]) Скадуто, [6]) Бонги, [7]) Казелла [8]) и проч. итальянисты, отрицающіе территоріальное верховенство папы въ предѣлахъ Ватикана. Юридическое оправ-

---

[1]) Pillet, Les lois actuelles de la guerre, p. 380 ss.

[2]) Cimbali, l. c, p. 8 ss.

[3]) Fiore, l. c., I, p. 71, 491, II, p. 381 ss. Въ пользу плебисцита высказывается также Calvo, Traité, III, p. 350 ss.

[4]) Castellari, l. c., II, p. 600.

[5]) Bompard, l. c., p. 91 ss.

[6]) Scaduto, l. c., p. 272.

[7]) Bonghi, I trib. Vatic., p. 98.

[8]) Casella, l. c., p. 59.

даніе плебисцита сводится, главнымъ образомъ, къ двумъ доводамъ:

1) Уступая свою территорію, государство отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ по отношенію къ мѣстному населенію. Этимъ актомъ порывается связь, доселѣ соединявшая подданныхъ съ ихъ отечествомъ, а съ нею вмѣстѣ—ихъ обязанность повиноваться послѣднему. При такихъ условіяхъ, населеніе вправѣ распоряжаться своею судьбой уже по собственной волѣ, не руководствуясь болѣе интересами отечества, которое отъ него отказалось.

2) Большинство возраженій противъ плебисцита покоится на патримоніальной конструкціи государства, въ силу которой населеніе, отождествляемое съ территоріей, считалось ея принадлежностью, а потому, лишенное самостоятельнаго значенія, слѣдовало ея судьбѣ. Въ настоящее время, идея народной свободы, на которой покоится конституціонный режимъ, не допускаетъ, чтобы населеніе, подобно рыночнымъ цѣнностямъ, служило предметомъ уступки. Въ этомъ вопросѣ всѣмъ заинтересованнымъ гражданамъ долженъ быть предоставленъ рѣшающій голосъ.

Таковы главнѣйшіе доводы въ пользу и противъ плебисцита. Приступая къ критической оцѣнкѣ послѣдняго, мы позволимъ себѣ формулировать слѣдующія начала:

1) При разсмотрѣніи плебисцита необходимо различать два случая: во-1-хъ, когда населеніе вотируетъ въ пользу государства-отечества, и, во-2-хъ, когда оно провозглашаетъ свое присоединеніе къ непріятелю. Практическое значеніе плебисцитъ сохраняетъ лишь во второмъ случаѣ. Въ первомъ—онъ лишенъ дѣйствительной роли, инвалидируя самое понятіе войны, какъ принудительнаго воздѣйствія. Утверждать, что отторженіе территоріи можетъ послѣдовать не иначе какъ по волѣ мѣстнаго населенія, значило бы поставить побѣдителя въ положеніе невозможности воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, купленныхъ цѣною риска и тяжкихъ усилій.

2) Плебисцитъ можетъ служить лишь дополнительнымъ

признакомъ наступленія дѣйствительной оккупаціи. Необходимо, при этомъ, различать два случая:

а) Плебисцитъ въ предѣлахъ мѣстности, уже оккупированной непріятелемъ, подтверждаетъ наличность дѣйствительной оккупаціи. Мы видѣли выше, что послѣдняя выражается въ двоякой формѣ: несовершенной и совершенной. Первая обусловливается подавленіемъ активнаго сопротивленія мѣстнаго населенія; вторая предполагаетъ подавленіе не только активнаго, но также пассивнаго сопротивленія послѣдняго. Очевидно, что голосованіе въ пользу непріятеля-оккупанта знаменуетъ солидарность съ нимъ населенія, готовность всесторонне участвовать въ его политической жизни—признакъ, наглядно свидѣтельствующій объ отсутствіи пассивнаго сопротивленія, а слѣдовательно, о наступленіи совершенной оккупаціи.

b) Въ предѣлахъ мѣстности еще не оккупированной непріятелемъ плебисцитъ можетъ создать оккупацію въ пользу послѣдняго: населеніе, выражая свою солидарность съ непріятелемъ, соединяется съ нимъ и завладѣваетъ ради него территоріей, доселѣ принадлежавшей противнику. Не будучи непосредственно занята непріятелемъ, данная мѣстность подпадаетъ власти послѣдняго при посредствѣ ея населенія. Особенность даннаго случая обнаруживается въ томъ отношеніи, что наступленіе оккупаціи является результатомъ добровольнаго согласія мѣстнаго населенія, вотирующаго въ пользу оккупанта.

Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ, только что нами разобранныхъ, плебисцитъ не можетъ быть признанъ самостоятельнымъ титуломъ территоріальнаго властвованія. Голосованіе въ пользу непріятеля служитъ лишь признакомъ наличности совершенной оккупаціи, въ первомъ случаѣ, и косвеннымъ способомъ ея возникновенія—во второмъ; дѣйствительнымъ же основаніемъ вооруженнаго удержденія территоріальной власти непріятеля въ предѣлахъ занятой мѣстности является не плебисцитъ, но оккупація. Отсюда становится яснымъ значеніе римскаго плебисцита въ интересую-

щемъ насъ вопросѣ: плебисцитъ 2 октября 1870 г., не могъ служить ни самостоятельнымъ, ни дополнительнымъ титуломъ перехода къ Италіи территоріальной власти по отношенію къ Ватикану, поскольку послѣдній находился внѣ сферы дѣйствія римскаго плебисцита. Не трудно убѣдиться въ справедливости этого положенія:

1) Пространство дѣйствія плебисцита ограничивается территоріей занятой непріятелемъ, въ случаѣ если плебисциту предшествуетъ оккупація, или же находящейся во власти мѣстнаго населенія, когда плебисцитъ предшествуетъ оккупаціи. Очевидно, что Ватиканъ лежалъ внѣ сферы дѣйствія римскаго плебисцита, во-1-хъ, потому что онъ не былъ оккупированъ итальянскою арміей, и, во-2-хъ, фактически не находился во власти населенія, провозгласившаго свое присоединенье къ Италіи [1]).

2) Внутреннія границы страны несущественны при разсмотрѣніи вопроса о пространствѣ дѣйствій плебисцита; послѣдній ограничивается райономъ мѣстности, фактически находящейся во власти непріятеля или населенія, въ пользу его вотировавшаго. Въ административномъ отношеніи, Ватиканъ, конечно, является частью Рима; но было бы странно, руководствуясь подобнымъ соображеніемъ, приравнивать его къ прочимъ кварталамъ послѣдняго и, въ силу этого, распространять на него, какъ это дѣлаютъ итальянисты [2]), дѣйствіе плебисцита 2 октября. Ватиканъ, это центръ католическаго міра, откуда Св. Престолъ властно управляетъ дѣлами церкви. Населеніе Ватикана—папа, служебный (духовный и свѣтскій) персоналъ куріи, въ томъ числѣ папская гвардія—не имѣетъ ничего общаго съ населеніемъ, вотировавшимъ въ пользу Италіи.—Такимъ образомъ:

1) Плебисцитъ не можетъ быть вообще признанъ самостоятельнымъ титуломъ пріобрѣтенія непріятелемъ элементовъ

---

[1]) Corsi, Situaz. att. d. S. S., p. 49 ss., Olivart, Le Pape etc., p. 18 ss.

[2]) Brusa, La juridiction etc. p. 122 s., Bonghi, I trib. V., p. 98, Scaduto, l. c., p. 272.

территоріальной власти въ предѣлахъ мѣстности, принадлежащей противнику.

2) Въ частности, пространство дѣйствія плебисцита 2 октября не распространяется на Ватиканъ, а потому голосованіе въ пользу присоединенія къ Италіи не можетъ быть признано фактомъ, разрушившимъ территоріальную власть Св. Престола.

Рѣшающимъ въ вопросѣ о современномъ территоріальномъ верховенствѣ папства событіемъ является капитуляція 20 сентября 1870 г., повлекшая за собой завладѣніе Рима Италіей, а никакъ не плебисцитъ 2 октября, лишь подтвердившій фактъ оккупаціи.

§ 24.

Намъ остается разсмотрѣть взаимное отношеніе обѣихъ, только что указанныхъ, территоріальныхъ формъ власти, принадлежащихъ Св. Престолу, а также ихъ отношеніе къ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, утерянной папствомъ со времени капитуляціи Рима:

1) Экстерриторіальная власть Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова. По общему правилу, обѣ формы тѣсно связаны между собою. Для государства эта связь безусловно существенна. Государство немыслимо безъ обладанія территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ которою связано право осуществленія положительныхъ актовъ господства въ границахъ опредѣленной мѣстности. То же должно сказать относительно экстерриторіальной власти, съ нею органически связанной. Потеря одной изъ этихъ формъ неизбѣжно влечетъ за собой разложеніе государства. Было бы, однако, ошибочно выводить отсюда принципіальную невозможность выдѣленія экстерриторіальности, какъ самостоятельной формы верховенства. На-

оборотъ, подобное выдѣленіе вполнѣ мыслимо, поскольку экстерриторіальная власть обнаруживается, какъ мы видѣли выше, въ рядѣ функцій, хотя и отрицательныхъ по характеру, но несомнѣнно властныхъ по существу. Современное положеніе папства наглядно подтверждаетъ возможность подобнаго выдѣленія. Отсутствіе точнаго выясненія взаимнаго отношенія этихъ формъ приводитъ, въ данномъ случаѣ, къ двумъ крайнимъ выводамъ, одинаково чуждымъ дѣйствительности:

a) Такъ, Гефкенъ, [1]) Скадуто, [2]) Нисъ [3]) и друг. писатели, [4]) справедливо усматривая въ оккупаціи Рима фактъ разрушающій территоріальную власть Св. Престола въ тѣсномъ смыслѣ слова, впадаютъ въ крайность, утверждая, что этотъ фактъ повлекъ за собою, даже въ предѣлахъ Ватикана, совершенное уничтоженіе территоріальнаго верховенства папства.

b) Наоборотъ, Оливаръ, [5]) Корси, [6]) и прочіе сторонники куріи[7]) не обращаютъ должнаго вниманія на оккупацію Рима, отказываясь признавать вызванное этимъ событіемъ качественное—не говоря уже о количественномъ—умаленіе территоріальнаго верховенства папства.—

Въ условіяхъ ограниченія территоріальнаго верховенства вообще одною лишь формою власти: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ это до настоящаго времени принято дѣлать, [8]) подобные крайніе выводы неизбѣжны.

---

[1]) Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 181 ff, 193.

[2]) Scaduto, l. c., p. 270 ss.

[3]) Nys, l. c., p. 501 ss., 531 ss.

[4]) См. выше.

[5]) Olivart, l. c., p. 31 ss., 50 ss.

[6]) Corsi, l. c., p. 45 ss, 52 ss.

[7]) См. выше.

[8]) Gerber, l. c., S. 65 ff., Laband, l. c., Bd. I, S. 164 ff., Jellinek, Allgemeine Staatslehre, S. 354 ff., и проч. представители матерьяльной и формальной теорій (см. выше стр. 165 примѣч. 1). При такихъ условіяхъ, самая экстерриторіальность папы въ предѣлахъ Ватикана естественно

Мы твердо убѣждены, что единственнымъ выходомъ изъ этого „заколдованнаго круга“ является расчлененіе территоріальнаго властвованія, тройственнаго по формамъ его внѣшняго выраженія. Дальнѣйшее разрѣшеніе вопроса становится яснымъ: капитуляція Рима, уничтоживъ территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство Св. Престола, сохранила въ пользу папы существенные элементы экстерриторіальнаго властвованія въ предѣлахъ Ватикана, не оккупированнаго итальянскою арміей.

Въ этомъ смыслѣ, папа находится въ болѣе выгодномъ положеніи сравнительно съ свѣтскими государствами: гибель государства неизбѣжно лишаетъ ихъ короны и власти, между тѣмъ какъ паденіе церковнаго государства не уничтожило католической церкви, главою которой является папа. Духовная власть Св. Престола служитъ какъ бы точкой приложенія экстерриторіальности и внѣподданству папы,—необходимыхъ условій его политической свободы по отношенію къ государству, а съ нею вмѣстѣ и религіозной независимости церкви. Св. Престолъ продолжаетъ обладать свѣтскою властью — поскольку послѣдняя вытекаетъ изъ экстерриторіальности и внѣподданства папы—хотя, конечно, въ значительно уменьшенномъ, сравнительно съ прежнимъ, объемѣ и содержаніи. Противоположное утвержденіе коренится въ смѣшеніи родового понятія свѣтской власти съ видовымъ—государственной власти.

2) Экстерриторіальность Св. Престола не обусловливается детерриторіальною формой верховенства

Если папа—случай мало вѣроятный—покинетъ Римъ, и право власти надъ Ватиканомъ перейдетъ къ Италіи, въ такомъ случаѣ можно будетъ говорить лишь о пріобрѣтеніи,

---

получаетъ, въ глазахъ итальянистовъ, производный характеръ привилегіи, дарованной ему закономъ о гарантіяхъ—выводъ, съ которымъ несогласны многіе писатели, отрицающіе территоріальную власть Св. Престола (см. выше). Отсюда—рядъ противорѣчій, еще болѣе затрудняющихъ правильное разрѣшеніе этого сложнаго вопроса.

а никакъ не о возстановленіи послѣдней элементовъ господства, которыми итальянское правительство никогда не обладало по отношенію къ данной мѣстности. Эвентуальный переходъ къ Италіи, въ силу соглашенія съ куріей, детерриторіальной власти по отношенію къ Ватикану, при одновременномъ сохраненіи экстерриторіальности Св. Престола въ предѣлахъ послѣдняго, не теряетъ научнаго интереса, лишній разъ подтверждая принципіальную расчленимость территоріальныхъ формъ власти.

3) Детерриторіальная власть Св. Престола не обусловливается территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ этомъ отношеніи, Оливаръ [1]) несомнѣнно правъ, допуская возможность сохраненія Св. Престоломъ территоріальнаго верховенства по отношенію къ Леонинскому предмѣстью, хотя бы послѣднее фактически находилось въ рукахъ Италіи. Подобное „nudum ius“ облекалось бы въ детерриторіальную форму верховенства въ зависимости отъ вопроса: насколько недостающіе куріи элементы господства возстановляются въ ея пользу „ipso iure“ по отпаденіи ограничительныхъ условій, исключающихъ обладаніе ими. Къ сожалѣнію, эта возможность, противъ которой мы принципіально ничего не имѣемъ, не осуществилась на дѣлѣ: леонинское предмѣстье, выдѣленное въ пользу Св. Престола капитуляціей 20 сентября, вскорѣ отошло къ Италіи и нынѣ находится во власти послѣдней.

4) Детерриторіальная власть Св. Престола не обусловливается экстерриторіальною властью. По этому поводу, все сказанное выше въ предыдущемъ пунктѣ всецѣло приложимо къ данному случаю.

Такимъ образомъ, характеризуя территоріальность Св. Престола въ томъ видѣ, въ которомъ она сохранилась до настоящаго времени несмотря на событія 1870 г., мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Оккупація Рима Италіей разрушила территоріальную

---

[1]) См. выше.

власть папства въ тѣсномъ смыслѣ слова, а съ нею вмѣстѣ и церковное государство.

2) Паденіе церковнаго государства не повлекло за собою, однако, потери папствомъ въ предѣлахъ Ватикана экстерриторіальной и детерриторіальной властей.

3) Эти власти являются формой верховенства, а не простыхъ полномочій, дарованныхъ папѣ Италіей, поскольку господство Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ (въ частности Италіи) или согласіемъ подчиняемыхъ.

4) Территоріальное верховенство папства служитъ источникомъ различныхъ функцій свѣтскаго характера: гражданской юрисдикціи и полицейскаго, а также административно-хозяйственнаго управленія куріи въ предѣлахъ Ватикана.

§ 25.

b) Личная власть Св. Престола выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ, формахъ власти: положительной и отрицательной.

aa) Личная власть Св. Престола выражается въ двухъ формахъ власти: положительной и отрицательной.

α) Положительная форма личной власти Св. Престола выражается въ правѣ господства надъ паствою безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой пребываетъ послѣдняя; степень господства опредѣляется содержаніемъ управомоченной власти.

αα) Положительная форма личной власти Св. Престола выражается въ правѣ господства надъ паствою.— Мы видѣли выше, что духовная власть является властью, верховенствомъ, поскольку господство надъ паствою не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Этими двумя признаками—

самобытностью и авторитетностью — власть (верховенство) отличается отъ простыхъ полномочій, съ одной стороны, и права требованія — съ другой. Содержаніе актовъ господства несущественно для конструкціи власти. Въ этомъ смыслѣ, духовная власть, подобно свѣтской, обладаетъ существенными элементами верховенства, сама въ себѣ заключая источникъ господства надъ членами церкви.

Таковы руководящія начала католической доктрины [1]). Аналогичнаго взгляда придерживаются Таркви ни [2]), Аудизіо [3]),

---

[1]) Духовная власть, съ католической точки зрѣнія, непосредственно зиждется на Богоустановленномъ порядкѣ; она представляется въ качествѣ „полномочій“ лишь по отношенію къ Божественной волѣ, а не государству. По содержанію, духовная власть выражается въ различныхъ функціяхъ, авторитетныхъ и самобытныхъ по существу. Эти функціи классифицируются не всегда одинаково. Обыкновенно онѣ раздѣляются на двѣ: „potestas ordinis“ и „potestas iurisdictionis“ (Catechismus Romanus P. II c. VII qu. 6); см. также Frantz, l. c., S. 93, Dove-Richter, Lehrb. d. Kirchenr. S. 269, Gerlach, l. c., S. 361 ff., Vering, l. c., S. 394 ff., Laemmer, l. c., S. 52, Liberatore, l. c., p. 80 ss, Giobbio, l. c., I, p. 79. Существуетъ, однако, и тройственная классификація: духовныя функціи расчленяются на „potestas ordinis“ или „ministerii“ „pot. magisterii“ и „pot. iurisdictionis“. Такова классификація Walter'a, Lehrb. d. K.-R., S. 29 fg. § 14; см. также Phillips, Lehrb d. K.-R., S. 92 — Не вполнѣ установилось также опредѣленіе указанныхъ функцій по содержанію: по мн. Frantz'a (l. c., S. 93) „pot. ordinis“ обнимаетъ „die Verwaltung der Sakramente und das Lehramt“; эта власть осуществляется епископами, священниками и проч. духовными лицами (hierarchia ordinis). „Pot. iurisdictionis“ обнимаетъ управленіе церковными дѣлами — „die Regierung der Kirche“; оно осуществляется папою и епископами различныхъ степеней (hierarchia iurisdictionis); въ томъ же смыслѣ высказывается Richter-Dove, l. c., S. 269.—„Constitutio Pastor aeternus“ относитъ проповѣдь (Lehramt) къ „pot. iurisdictionis“; аналогичнаго взгляда придерживаются Giobbio, l. c., I, p. 79, Liberatore, l. c., p. 81, Vering l. c., S. 395, Laemmer, l. c., S. 52, Gerlach, l. c., S. 145, 361 fg. — См. по этому поводу Heinze, Das Lehramt in der Kath. Kirche u. der päpstliche primatus ordinis (Grünhut's Zeitschr. Bd. III, S. 535).

[2]) Cam. Tarquini, l. c., p. 30 ss., 81 ss.

[3]) Audisio, l. c., vol. I, p. 28 ss., 189 ss., 241 ss., 248 ss.

Каваньисъ [1]), Солья [2]), Либераторе [3]) и проч. куріалисты [4]) разсматривающіе католическую церковь въ качествѣ соціальнаго организма по меньшей мѣрѣ равноправнаго государству. Противоположное утвержденіе [5]) основано на отождествленіи канонической нормы съ моральнымъ требованіемъ; религіознаго воздѣйствія—съ нравственнымъ увѣщаніемъ. Рѣшительнымъ возраженіемъ противъ суверенна го характера духовной власти является указаніе на отсутствіе у церкви, какъ таковой, принудительной власти. Необходимо, поэтому, остановиться на вопросѣ: существенно ли принужденіе вообще для конструкціи власти, а также—насколько подобное принужденіе, и въ какой именно формѣ осуществляемое, является достояніемъ папы, какъ „непогрѣшимаго" главы католической церкви въ ея исторически сложившемся тѣлѣ. Мы позволимъ себѣ, по этому поводу, формулировать слѣдующія положенія, руководящія въ данномъ вопросѣ:

1) Принужденіе обусловливается правомъ господства, предполагая корреспондирующую ему обязанность подчиненія; этимъ признакомъ оно отличается отъ простого насилія. Въ этомъ смыслѣ, принужденіе, по самой природѣ своей, является производнымъ, будучи санкціей права, средствомъ осуществленія власти, господство которой не обусловливается согласіемъ подчиняемаго.

2) Принужденіе меньшинства покоится на непринужденномъ господствѣ надъ большинствомъ, черезъ посредство котораго данная власть воздѣйствуетъ на подчиняемыхъ.

3) Понятіе принужденія въ обширномъ смыслѣ слова слагается изъ двухъ понятій: властнаго—религіознаго или юридическаго—и нравственнаго принужденія, изъ которыхъ

---

[1]) Cavagnis, l. c., p. 435 ss.

[2]) Soglia, Institutiones juris publici ecclesiastici, одобренныя Григоріемъ XVI и Піемъ IX.

[3]) Liberatore, l. c., p. 8 ss., 16 ss.

[4]) См. выше.

[5]) См. выше.

каждое предполагаетъ коллизію воль. Первое тѣсно связано съ правомъ господства, источникъ котораго коренится въ одной лишь волѣ господствующаго. Въ этомъ смыслѣ, авторитетъ является существеннымъ элементомъ властнаго принужденія. Второе, т. е., принужденіе нравственное, покоится на началахъ равенства, поскольку источникъ соотвѣтствующей обязанности подчиненія коренится въ одной лишь волѣ обязаннаго. Въ свою очередь, властное принужденіе распадается на два видовыхъ понятія: психическаго и физическаго принужденія. Общимъ между ними признакомъ является телеологическій элементъ принужденія, какъ средства согласованія подчиняемой воли съ волей господствующей. Различіе обнаруживается въ самой конструкціи принудительныхъ средствъ: психическое принужденіе прибѣгаетъ къ угрозѣ; физическое—къ стѣсненью свободы. Въ первомъ случаѣ, принуждаемый подчиняется желая избѣгнуть той суммы страданій, которая связана съ неисполненіемъ императивнаго требованія; во второмъ—моментъ подчиненія является результатомъ фактической невозможности противиться власти въ виду механическаго лишенья свободы. Отсюда становится яснымъ, что психическое принужденіе, въ отличіе отъ физическаго, не исключаетъ свободы воли, а потому является менѣе интенсивнымъ по дѣйствію. Съ другой стороны, физическое принужденіе уступаетъ ему въ томъ отношеніи, что стѣсненье свободы можетъ служить лишь средствомъ предупрежденія нежелательныхъ положительныхъ дѣйствій со стороны принуждаемаго.

4) Физическое принужденіе служитъ средствомъ огражденія безопасности соціальнаго организма, поскольку посягательство на нее выражается въ положительныхъ дѣйствіяхъ, предупрежденіе которыхъ достигается стѣсненьемъ свободы.

5) Физическое принужденіе недостаточно, чтобы заставить непокорныхъ принять активное участіе въ бытіи организма, въ составъ котораго они входятъ, поскольку подобное участіе предполагаетъ осуществленіе положительныхъ дѣйствій,

не могущихъ быть вызванными механическимъ стѣсненіемъ свободы.

6) Физическое принужденіе необходимо, какъ санкція власти, господство которой органически связано съ территоріальною формой верховенства; другими словами, подобное принужденіе существенно для территоріальнаго организма, каковымъ является государство. Послѣднее не вправѣ изгонять своихъ подданныхъ, виновныхъ въ нарушеніи юридической нормы; это начало, признанное наукой и практикой, не возбуждаетъ въ настоящее время сомнѣній. Изгнанье не можетъ замѣнить уголовнаго наказанія, затрагивая компетенцію сосѣдняго государства, которое вправѣ не допустить на свою территорію изгоняемыхъ. При такихъ условіяхъ, единственнымъ средствомъ отраженія преступныхъ посягательствъ является ограниченіе свободы виновныхъ, когда психическое принужденіе оказывается недостаточнымъ. Но допустивъ даже право изгнанія, предположивъ, что сосѣднее государство согласится принять изгоняемыхъ на свою территорію,— спрашивается: что будетъ дѣлать послѣднее въ случаѣ если эмигранты откажутся признавать территоріальный законъ? Вернетъ ли оно ихъ обратно въ отечество или препроводитъ на сосѣднюю территорію, и такъ далѣе „ad infinitum“? Наконецъ, изгнаніе, независимо отъ вопроса о его фактической осуществимости, есть уже видъ физическаго принужденія, механически стѣсняющаго свободу принуждаемаго.

Такимъ образомъ, физическое принужденіе, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, является средствомъ огражденія безопасности соціальнаго организма со стороны внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; необходимость подобнаго средства, тѣсна связана, однако, съ территоріальной конструкціей даннаго организма и, въ этомъ смыслѣ, является условной.

7) Психическое принужденіе, подобно физическому, является средствомъ огражденія безопасности даннаго организма. Оно имѣетъ въ виду не только предупрежденіе нежелательныхъ положительныхъ дѣйствій, достигаемое механическимъ стѣсненіемъ свободы, но также побужденіе не-

покорныхъ активно участвовать въ бытіи организма, въ составъ котораго они входятъ—результатъ, не поддающійся физическому принужденію.

8) Психическое принужденіе является санкціей власти безотносительно къ формамъ господства послѣдней; другими словами, подобное принужденіе существенно не только для организмовъ территоріальныхъ, но также и личныхъ—какъ для государства, такъ и для церкви.

9) Всякое вообще принужденіе, какъ физическое, такъ и психическое, само по себѣ недостаточно для конструкціи власти, поскольку фактическое господство надъ меньшинствомъ покоится, какъ мы видѣли выше, на непринуждаемомъ господствѣ надъ большинствомъ, что, въ свою очередь, обусловливается солидарностью послѣдняго съ властью надъ нимъ тяготѣющей.

10) Всякая власть, религіозная и свѣтская, вправѣ автономно опредѣлять ту форму воздѣйствія, которая признается ею необходимой для огражденія безопасности соціальнаго организма [1]). Конечно, эта форма не представляется неизмѣн-

---

[1]) Отсюда слѣдуетъ, что церковь вправѣ автономно опредѣлять юрисдикцію духовной власти надъ паствою. Съ точки зрѣнія католической, ея компетенціи подпадаютъ всѣ преступленія духовныхъ лицъ. Изъ числа преступленій свѣтскихъ, юрисдикціи церкви подлежатъ: 1) „Delicta mere ecclesiastica"—ересь, схизма, апостасія, симонія, и 2) „Delicta mixta", иначе говоря, преступленія, хотя и не направленныя непосредственно противъ церкви, но все же угрожающія послѣдней. „Delicta civilia" церковь поручаетъ разсмотрѣнію государства; см. по этому поводу Frantz, l. c., S. 217 ff., Phillips, l. c., S. 389 ff., München, Das kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht, II, S. 262 ff., Walter, l. c., S. 429 ff., Richter-Dove, l. c., S. 591 ff., Vering, l. c., S. 703 ff., Laemmer, l. c., S. 256 ff., Gerlach, l. c., S. 364 ff. То же должно сказать по поводу наказаній, налагаемыхъ духовною властью. Послѣднія выражаются въ слѣдующихъ формахъ: 1) Наказанія исправительныя „poenae medicinales" или censurae,—„excommunicatio maior"(осуществляемое въ особо торжественной формѣ именуется anathema) и „minor", „interdictus, suspensio (generalis aut specialis). Къ наказаніямъ покаяннаго характера относятся такъ назыв. „poenitentia canonica"; см. Schmitz, Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren. 2) Наказанія карательныя „poenae vindicativae"—денежные

ной; подъ вліяніемъ культуры, она испытываетъ рядъ превращеній, отражаетъ на себѣ настроеніе и взгляды эпохи. Костеръ и пытка—средства обычныя въ средневѣковую эпоху—нынѣ показались бы невозможными. Въ этомъ смыслѣ, цивилизація создаетъ извѣстныя требованія, съ которыми приходится считаться самой неограниченной власти.

Такова конструкція принужденія вообще. Какъ мы увидимъ ниже, она вполнѣ приложима къ тѣмъ принудительнымъ средствамъ, которыя Св. Престолъ, согласно католической доктринѣ, вправѣ осуществлять по отношенію къ паствѣ.

1) Св. Престолъ обладаетъ психическимъ принужденіемъ. Мы видѣли выше, что сущность послѣдняго выражается въ правѣ воздѣйствовать на волю подчиняемаго посредствомъ угрозы причиненія ему извѣстныхъ страданій, въ случаѣ ослушанія. Несущественно, при этомъ, что именно служитъ предметомъ угрозы—страданье физическое или же нравственное. Для психическаго принужденія необходима наличность трехъ элементовъ: во 1-хъ, свободы выбора у подчиняемаго—моментъ, отличающій психическое принужденіе отъ физическаго, механически стѣсняющаго эту свободу; во 2-хъ, права господства надъ подчиняемымъ; этимъ моментомъ

штрафы, изгнаніе, лишеніе свободы, членовредительныя наказанія; большинство изъ указанныхъ мѣръ воздѣйствія уже давно вышли изъ употребленія, какъ противорѣчащія культурнымъ требованіямъ эпохи.—Классификація церковныхъ наказаній, ихъ терминологія и значеніе далеко еще не выяснены окончательно; по этому поводу см. Katz, Ein Grundriss des Kanonischen Strafrechts, Knoke, Historischdogmatische Untersuchung der Verwendung weltlicher Strafen gegen Leben, Leib, Vermogen, Freicheit und bürgerliche Ehre im kirchlichen Strafrecht der katholischen Kirche während der vorgratianischen Zeit, Walter, l. c., S. 434 ff., München, l. c., II. S. 101 ff, 116 ff., Gerlach, l. c., S. 365 ff., Phillips, l. c., S. 395 ff., Frantz, l. c., S. 221 ff., Richter-Dove, l. c, S. 595 ff., Vering, l. c., S. 704 ff., Laemmer, l. c., S. 274 ff. Само собою разумѣется, что государство вправѣ, съ точки зрѣнія юридической, ограничивать и даже совершенно отрицать юрисдикцію церкви; въ равной мѣрѣ какъ и обратно—церковь вправѣ, съ канонической точки зрѣнія, поступать одинаковымъ образомъ по отношенію къ государству.

властное принужденіе—религіозное или юридическое—отличается отъ принужденія нравственнаго характера; другими словами,—мнимаго принужденія, при которомъ источникъ обязанностей коренится въ одной лишь волѣ обязаннаго: Третьимъ признакомъ, характеризующимъ психическое принужденіе, является причинная связь, въ силу которой источникъ страданій, причиняемыхъ непокорному, коренится въ господствующемъ субъектѣ; этимъ моментомъ принудительная угроза отличается отъ простого предсказанія грядущихъ страданій, хотя и связанныхъ съ неисполненіемъ обязанностей, но независимыхъ отъ воли принуждающаго.

Отсюда становится яснымъ, что психическое принужденіе, силой котораго Св. Престолъ воздѣйствуетъ на паству, является принужденіемъ властнымъ, поскольку господство церкви надъ вѣрующими не обусловливается согласіемъ подчиняемыхъ. Въ этомъ смыслѣ, религіозное принужденіе существенно отличается отъ нравственнаго, приближаясь къ публично-правому воздѣйствію, которымъ государство принуждаетъ своихъ подданныхъ, съ тою, однако, разницею, что послѣднее прибѣгаетъ преимущественно къ физическому страданью, какъ средству угрозы, между тѣмъ какъ церковь воздерживается отъ подобнаго средства, воздѣйствуя на религіозно-нравственную природу человѣка,

2) Физическое принужденіе несущественно для Св. Престола, какъ главы церкви, а потому отсутствіе его не можетъ служить основаніемъ къ отрицанію властной природы послѣдней—организма, въ отличіе отъ государства, не связаннаго съ территоріей. Мы видѣли выше, что физическое принужденіе имѣетъ въ виду огражденіе общественной безопасности, преступныя посягательства на которую выражаются въ положительныхъ актахъ, предупреждаемыхъ стѣсненіемъ свободы виновныхъ. Необходимость подобнаго принужденія является, однако, условной, будучи тѣсно связана съ территоріальной конструкціей даннаго соціальнаго организма, каковымъ является государство. Въ другомъ положеніи находится церковь; построенная на началахъ личнаго, внѣтерриторіаль-

наго подчиненія, она избавляется отъ нежелательныхъ, опасныхъ для нея членовъ, отлучая ихъ отъ религіознаго общества. Подобное отлученіе не влечетъ за собой „eo ipso“ принужденія бывшаго члена церкви участвовать въ составѣ другого религіознаго организма, а потому всецѣло относится къ компетенціи церкви, между тѣмъ какъ лишеніе гражданства необходимо предполагаетъ полученіе иностраннаго подданства; изгнаніе изъ отечества—допущеніе на иностранную территорію, что, очевидно, уже лежитъ внѣ компетенціи государства-отечества. Вотъ почему, въ то время какъ государство органически связанное съ территоріей, не въ состояніи избавиться отъ нежелательныхъ подданныхъ, а потому, обязанное терпѣть ихъ въ предѣлахъ своей территоріи, тѣмъ самымъ поставлено въ необходимость примѣнять къ нимъ физическое принужденіе ради обезпеченія своей безопасности; духовная власть достигаетъ той же цѣли отлучая виновныхъ отъ церкви. Подобное преимущество религіознаго организма коренится въ его независимости отъ территоріи, внѣ которой государство немыслимо.

Въ этомъ смыслѣ, Кастеллари [1]), Казелла [2]), Кадорна [3]) и проч. писатели [4]), отрицающіе суверенитетъ Св. Престола въ виду отсутствія у него права на „физическое“ принужденіе, присущее государству, основываютъ свои выводы на неправильной оцѣнкѣ понятія „принужденія вообще, а также—двойственной, территоріальной и личной, формы верховенства.

3) Св. Престолъ обладаетъ физическимъ принужденіемъ, поскольку послѣднее непосредственно вытекаетъ изъ экстерриторіальности и внѣподданства папства. Исключая, въ настоящее время, въ предѣлахъ Ватикана господство какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, Св. Престолъ

---

[1]) Castellari, l. c., II, p. 594 ss.

[2]) Casella, l. c., p. 57 ss.

[3]) Cadorna, l. c., p. 36 ss.

[4]) См. выше.

вправѣ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя необходимы для этого. Въ данномъ случаѣ, механическое стѣсненіе свободы виновныхъ въ посягательствѣ на экстерриторіальную власть куріи является несомнѣнно существеннымъ, поскольку экстерриторіальная власть представляетъ собою территоріальную форму верховенства, господство которой необходимо предполагаетъ наличность физическаго принужденія. Самый фактъ пребыванія въ Ватиканѣ необходимо влечетъ за собой соприкосновеніе съ подчиненной Св. Престолу пространственной сферой дѣятельности, въ условіяхъ которой обезпеченіе мѣстной власти возможно лишь удаленіемъ виновныхъ изъ предѣловъ данной мѣстности.

Такимъ образомъ, физическое принужденіе. несущественное для Св. Престола, какъ главы церкви, является необходимою санкціей тѣхъ функцій власти, несомнѣнно свѣтскаго характера,—гражданской юрисдикціи и полицейскаго, а также административно-хозяйственнаго управленія куріи—которыя непосредственно вытекаютъ изъ экстерриторіальности и внѣподданства папства.

Такова конструкція принудительныхъ средствъ, располагаемыхъ куріей, какъ субъектомъ обѣихъ властей, духовной и свѣтской. Перевѣсъ психическаго воздѣйствія надъ физическимъ не умаляетъ суверенаго характера власти, присущей Св. Престолу, который господствуетъ надъ католической паствою, не обусловливаясь властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

Католическая церковь издавна разсматривала себя въ качествѣ власть имущаго организма, управомоченнаго къ осуществленію „принудительныхъ“ актовъ господства надъ паствою. Въ 1327 г. Іоаннъ XXII осуждаетъ противоположное утвержденіе, какъ несоотвѣтствующее ученію церкви [1]),

[1]) Quinto adhuc isti blasphemi dicunt, quod tota ecclesia simul juncta nullum hominem punire potest punitione coactiva, nisi concedat hoc Imperator; quod utique doctrinae evangelicae nascitur obviare. Constat enim, quod a Christo Petro et in persona Petri ecclesiae potestas coactiva concessa,

Въ томъ же смыслѣ высказывается въ XVI в. Тридентскій соборъ [1]), угрожая анаѳемой всякому, кто дерзнетъ отрицать принудительное воздѣйствіе церкви. 28-го августа 1794 г. [2]) Пій VI осуждаетъ 85 каноновъ Пистойскаго собора 1786 г., въ числѣ которыхъ одинъ отрицаетъ за церковью право „salubribus poenis coercendi“ [3]). Наконецъ, энцикликой „Quanta cura“ [4]) 8-го декабря 1864 г., Пій IX признаетъ необходимымъ, въ видахъ устраненія дальнѣйшихъ сомнѣній по настоящему вопросу, торжественно утвердить за церковью власть принудительную, органически связанную съ религіознымъ верховенствомъ.

Въ этихъ актахъ, далеко не единственныхъ въ исторіи западной церкви, ясно обнаруживается католическая точка зрѣнія на принудительную власть (potestas coactiva) Св. Престола [5]). Въ качествѣ юриста, мы ограничиваемся констати-

---

vel saltem permissa existit (см. Raynaldi Annales Ecclesiastici, Tomus V, pag. 352).

[1]) См. Novae Declarationes congregationis S. R. E. Cardinalium, ad Decreta Sacros. Concil. Tridentini, p. 59 ss.

[2]) См. Буллу „Auctorem fidei“ Pii P. P. VI, 28 augusti a. 1794 (Bullarium Romanum, T. IX, p. 395 ss.).

[3]) „Propositio affirmans, abusum fore auctoritatis Ecclesiae transferendo illam ultra limites doctrinae, ac morum, et eam extendendo ad res exteriores et per vim exigendo id quod pendet a persuasione, et corde, tum etiam multo minus ad eam pertinere, exigere per vim exteriorem subjectionem suis decretis..... Haeretica“ (ibid., p. 399).

[4]) „Errores de ecclesia euisque iuribus..... Ecclesia vis inferendae potestatem non habet, neque potestatem ullam temporalem directam vel indirectam (см. Syllabus complectens praecipuos nostrae aetatis errores qui notantur in allocutionibus consistorialibus, in encyclicis aliisque apostolicis litteris Pii P. IX, § V, n. XXIV; Mirbt, Quellen, 1901, S. 367).

[5]) Разсматривая принудительную власть въ качествѣ необходимаго достоянія всякаго совершеннаго соціальнаго организма, Cam. Tarquini (l. c., p. 13 ss., 30 ss.) признаетъ и церковь управомоченной къ осуществленію принудительнаго воздѣйствія; см. также Cavagnis, l. c, p. 124 ss. — Въ томъ же смыслѣ высказывается „Civilta Cattolica“ (vol. VII, a. 1902, въ статьѣ, озаглавленной „Del potere coattivo della Chiesa). Мы позволимъ себѣ привести крайне характерную выдержку изъ нея, рельефно

рованіемъ и опредѣленіемъ юридической природы этого факта, не касаясь нравственной оцѣнки послѣдняго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что претензія церкви, какъ таковой, на осуществленіе какихъ-либо актовъ „физическаго“ принужденія лишена, въ современныхъ условіяхъ, практическаго значенія. Возвратъ къ средневѣковью немыслимъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы власть Св. Престола не заключала въ себѣ элементовъ принудительнаго воздѣйствія вообще, поскольку послѣднее обнаруживается въ двоякой формѣ — физическаго и психическаго принужденія, одинаково властныхъ по природѣ, и, въ этомъ смыслѣ, вполнѣ отличныхъ отъ нравственныхъ увѣщаній. Отсутствіе у церкви физическаго принужденія, необходимаго для государства, органически связаннаго съ территоріей, безразлично для церкви, построенной на началахъ личнаго подчиненія.

ββ) Господство Св. Престола надъ паствою не обусловливается мѣстонахожденіемъ подчиняемыхъ. Территоріальный законъ, ограничивая власть государства-отечества лишь въ отношеніи функцій, непосредственно вытекающихъ изъ аналогичной формы верховенства, присущей послѣднему, не порываетъ тѣхъ личныхъ отношеній, которыя связуютъ подданныхъ съ ихъ отечествомъ. То же должно сказать относительно церкви, которая господствуетъ надъ подчиненной ей паствою, не взирая ни на какія территоріальныя границы.

γγ) Степень господства Св. Престола надъ паствою

воспроизводящую католическую точку зрѣнія по данному вопросу: „Se la società può far leggi, può applicarle per via di giudizii; e se può applicarle per via di giudizii, puo costringere a conformarvisi i renitenti e punire i trasgressori. Il potere coattivo poi è come il nervo del corpo sociale. Senza di esso, nè leggi nè giudizii avrebbero ragione di essere, perche mancherebbero di effetto dove maggiore ne è il bisogno. Chi dunque concede, ed a nessun cattolico e lecito dubitarne, che la Chiesa, per diritto divino, esiste qual vera società nel suo genere giuridicamente perfetta, non può senza contraddirsi negarle la potesta giurisdizionale e per cio stesso ogni potesta coattiva (l. c., p. 7).

опредѣляется содержаніемъ власти, присущей религіозному организму. Все, что относится къ компетенціи церкви, входитъ въ подчиненную ей сферу дѣятельности. Въ предѣлахъ послѣдней, духовная власть авторитетна и самобытна: ея господство надъ паствою не обусловливается властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Подобное господство не поглощаетъ, однако, личности подчиняемыхъ въ вопросахъ чуждыхъ церковной политикѣ. Такимъ образомъ, духовная власть, неограниченная въ императивномъ моментѣ господства, условна и ограничена въ самомъ предметѣ послѣдняго.

β) Отрицательная форма личной власти Св. Престола выражается въ исключеніи аналогичнаго, по содержанію, господства другихъ организмовъ надъ католической паствою, безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой пребываетъ послѣдняя.

αα) Отрицательная форма личной власти Св. Престола выражается въ правѣ исключенія господства другихъ организмовъ надъ паствою, подчиненной католической церкви. Въ этомъ моментѣ обнаруживается, двусторонній характеръ духовной власти, господство которой, какъ всякой власти вообще, выражается не только въ положительномъ подчиненіи паствы, но также въ исключеніи аналогичнаго, по содержанію, господства надъ нею другихъ организмовъ. Въ этомъ смыслѣ, данная форма власти имѣетъ много общаго съ экстерриторіальнымъ верховенствомъ, одинаково отрицательнымъ по характеру вызываемаго имъ дѣйствія.

ββ) Исключеніе господства другихъ организмовъ надъ паствою, подчиненной Св. Престолу, не обусловливается мѣстонахожденіемъ вѣрующихъ. Гдѣ бы ни находились послѣдніе, они обязаны признавать надъ собою господство церкви во всемъ, что относится къ ея компетенціи. Очевидно, что подобному подчиненію необходимо корреспондируетъ исключеніе аналогичнаго господства другихъ организмовъ надъ тѣми же лицами. Этимъ признакомъ, дан-

ная форма верховенства отличается отъ экстерриторіальной, дѣйствіе которой, будучи по существу одинаково отрицательнымъ, ограничено, однако, опредѣленною территоріей.

γ) Степень исключенія господства другихъ организмовъ опредѣляется содержаніемъ власти, присущей Св. Престолу. „Воздайте кесарево кесарю, а Божье Богу". Въ этой нормѣ, императивно обращенной къ церкви, формулированъ принципъ раздѣленія властей, духовной и свѣтской. Господствуя надъ подчиненной ей паствою, церковь исключаетъ аналогичное господство другихъ организмовъ во всемъ, что относится къ ея компетенціи; въ предѣлахъ послѣдней, духовная власть авторитетна и самобытна. Конечно, таковою она является лишь съ канонической точки зрѣнія; государство вправѣ игнорировать духовную власть въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, общей обоимъ организмамъ. Каноническая точка зрѣнія не обязательна для государства, въ равной мѣрѣ какъ и обратно: преслѣдуя религіозные интересы, церковь не обязана заботиться о ихъ совпаденіи съ интересами политическими. Намѣренъ ли кесарь, или же нѣтъ, терпѣть въ предѣлахъ своего государства осуществленіе религіозныхъ обязанностей; подобный вопросъ, въ каноническомъ отношеніи, безразличенъ для церкви. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы церковь не признавала государства въ дѣлахъ исключительно свѣтскаго характера. Св. Престолъ исключаетъ господство надъ католической паствою не всякой власти вообще, но лишь аналогичной по содержанію.

bb) Положительная и отрицательная формы личной власти, присущей Св. Престолу, органически связаны между собою.

α) Положительная форма обусловливается отрицательной. Это правило одинаково приложимо ко всѣмъ вообще суверенным организмамъ, независимо отъ природы послѣднихъ. Господствуя надъ католической паствою, Св. Престолъ исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство надъ нею другихъ организмовъ. Необходимость подоб-

наго исключенія—признакъ, характеризующій отрицательную форму господства—становится особенно очевидной въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, когда коллизія обѣихъ властей, духовной и свѣтской, угрожаетъ господству каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

β) Отрицательная форма обусловливается положительной—правомъ господства надъ подчиняемымъ населеніемъ. Наличность подобнаго права у папы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, поскольку духовная власть, господствуя надъ членами церкви, не обусловливается властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ и, въ качествѣ таковой, является суверенной.

Органическая связь этихъ формъ: невозможность властвовать, не исключая власти другихъ организмовъ, и обратно,—исключать господство послѣднихъ, не обладая, въ свою очередь, властью; неразрывность положительной и отрицательной формы верховенства вполнѣ объясняетъ почему противники международной правоспособности папства, Пьерантони, [1]) Калиссе, [2]) Кадорна, [3]) Скадуто, [4]) Цорнъ [5]) и другіе [6]) поставлены въ необходи-

---

[1]) Pierantoni, L'incapacité des états d'acquérir par succession dans un pays étranger (l'incapacité du Pape, comme chef de l'Église, d'acquérir par succession), см. Revue de dr. international, 1903, T. V, p. 487.

[2]) Calisse, l. c., p. 417 ss. Согласно послѣднему, суверенитетъ Св. Престола послѣ паденія церковнаго государства коренится въ одномъ лишь „законѣ о гарантіяхъ“ и, въ качествѣ такового, является „sui generis“; въ томъ же смыслѣ высказываются Palma, l. c., p. 390 ss., Gabib. l. c. p. 73 ss., Gabba, l. c., p. 679 ss.

[3]) Cadorna, l. c., p. 36 ss.

[4]) Scaduto, l. c., p. 260 ss., 281 ss.

[5]) Zorn, Kirchenrecht, S. 432 ff.

[6]) См. выше. Къ тому же приходятъ Centi, Dei rapporti fra Stato e Chiesa in Italia, p. 62 ss., 97 ss., 104 ss., а также Cesare, L'Évolution historique de la papauté et l'Italie, p. 1 ss., и Barzellotti L'Italia e il Papato (Nuova Antologia, 1 Marzo 1904), p. 65 ss., а также Hinschius, Allgemeine Darstellung der Verhältnisse von Staat und Kirche (Marquardsen's Handb. des Oeffentl. Rechts, Bd I, Hlb. I. 1883, S. 270 ff., Чиче-

мость низводить духовную власть до степени увѣщанія, лишеннаго элементовъ авторитетнаго воздѣйствія на совѣсть вѣрующихъ. Въ противномъ случаѣ, имъ пришлось бы признать равноправность обѣихъ властей, духовной и свѣтской, что противорѣчило бы ихъ точкѣ зрѣнія на всесторонній характеръ государственной компетенціи.

§ 26.

2) Территоріальная и личная формы власти, принадлежащія Св. Престолу, органически связаны между собою.

а) Территоріальная власть Св. Престола обусловливается личнымъ господствомъ надъ паствою. Очевидно, что право исключенія власти другихъ организмовъ, въ предѣлахъ Ватикана предполагаетъ наличность у папы самостоятельной власти надъ паствою; въ противномъ случаѣ, экстерриторіальность Св. Престола не могла бы облечься въ форму верховенства. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы подчиненіе вѣрующихъ конструировалось на началахъ подданства, присущаго одному лишь государству. Послѣ паденія папской монархіи, Св. Престолъ не обладаетъ болѣе подданными. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ присоединяется къ теоріи Пальмы, [1]) Габиба, [2]) Пьерантони [3]) и проч. противниковъ свѣтской власти папы [4]). Противо-

---

ринъ, курсъ государственной науки, т. I, стр. 89 сл., Паліенко, Суверенитетъ; историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе, стр. 298 сл.

[1]) Palma, l. c., p. 393.

[2]) Gabib, l. c., p. 75.

[3]) Pierantoni, l. c., p. 480 ss., 487 ss.

[4]) Calisse, l. c., p. 418 sg., Linden, l. c., S. 28, Brusa, l. c., p. 130 ss., 134 ss., Holtzendorff, Völkerr. Erläuterungen etc., S. 317., Geffcken, l. c., S. 182, Scaduto, l. c., p. 318 ss.

положное утвержденіе куріалистовъ, Содерини [1]), Оливара [2]), Джіоббіо [3]) и друг., основано на предположеніи, что Ватиканъ—остатокъ прежнихъ папскихъ владѣній—представляетъ собой микрокосмъ государства, сохранившій существенные элементы послѣдняго: полноту территоріальнаго властвованія. Неправильность подобнаго взгляда нами указана выше. Капитуляція Рима не измѣнила, однако, властной природы католической церкви, которая продолжаетъ по прежнему господствовать надъ подчиненной ей паствою, не обусловливаясь властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ. Эта связь, соединяющая церковь съ вѣрующими, не будучи подданствомъ, все же вполнѣ достаточна, чтобы обезпечить экстерриторіальность Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана.

b) Личная власть Св. Престола надъ паствою не обусловливается территоріальною формой господства. Въ отличіе отъ государства, религіозный организмъ не связанъ съ опредѣленною территоріей. Вотъ почему, разложеніе церковнаго государства не могло бы уничтожить верховенства папы даже въ томъ случаѣ если бы Св. Престолъ совершенно лишился территоріальной формы господства.

Такимъ образомъ, обѣ формы власти, территоріальная и личная, органически связаны между собою, поскольку первая обусловливается второю. Отсюда не слѣдуетъ, однако, необходимость обратнаго: не всякій власть имущій организмъ является субъектомъ территоріальнаго властвованія. Степень необходимости обладанія данною формой верховенства опредѣляется природою суверенаго организма—существенное для государства, излишне для церкви, одинаково съ нимъ суверенной. Къ сожалѣнію, громадное большинство юристовъ,

---

[1]) Soderini, l. c., p. 535 ss.

[2]) Olivart, l. c., p. 40 ss., 48 ss.

[3]) Giobbio, l. c., I, p. 119. См. также Corsi, l. c., p. 45 ss., 52 ss., 54 s., Resch, l. c., S. 17.

Кастеллари [1]), Казелла [2]), Эсперсонъ [3]), Пьерантони [4]) и многіе друг. [5]) упускаютъ изъ виду это различіе, связуя вопросъ о современномъ верховенствѣ Св. Престола съ судьбою церковнаго государства.

На этомъ мы закончимъ отдѣлъ, посвященный верховенству куріи. Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ воспроизвести тѣ посылки, изъ которыхъ вытекаетъ, по нашему мнѣнію, необходимость признанія суверенной конструкціи власти, сохраненной Св. Престоломъ:

1) Св. Престолъ является носителемъ власти, господство которой, въ границахъ при принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

2) Всякая власть, господство которой, въ границахъ принадлещей ей компетенціи, не обусловливается властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ, является суверенной, независимо отъ содержанія осуществляемаго ею господства.

3) Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія суверенаго характера актовъ господства, осуществляемыхъ Св. Престоломъ, какъ главой католической церкви и субъектомъ свѣтской власти, непосредственно вытекающей изъ экстерріторіальности и внѣподданства папы.

4) Въ предѣлахъ Ватикана Св. Престолъ исключаетъ господство другихъ организмовъ, не обусловливаясь властью Италіи или согласіемъ подчиняемыхъ—признакъ, характеризующій экстерриторіальную форму верховенства.

5) Въ предѣлахъ Ватикана Св. Престолъ вправѣ возстановить недостающіе ему, въ настоящее время, элементы территоріальной власти, по прекращеніи условій, исключающихъ

---

[1]) Castellari, l. c., II, p. 594 ss.

[2]) Casella, l. c., p. 57 ss.

[3]) Esperson, l. c., I, p. 36 ss.

[4]) Pierantoni, l. c., p. 480 ss., 487 ss.

[5]) См. выше.

наличность послѣднихъ, а именно, оккупаціи Рима Италіей—признакъ, характеризующій детерриторіальную власть.

6) Въ качествѣ главы церкви, Св. Престолъ господствуетъ и вмѣстѣ исключаетъ аналогичное, по содержанію, господство другихъ организмовъ надъ католической паствою, безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой пребываетъ послѣдняя—признакъ, характеризующій личную форму верховенства.

7) Такимъ образомъ, господство Св. Престола выражается въ двухъ, органически между собою связанныхъ формахъ: территоріальной въ обширномъ смыслѣ слова (экстерриторіальной и детерриторіальной) и личной.

8) Территоріальная власть Св. Престола обусловливается личною формой господства, но не обратно.

§ 27.

BB) Св. Престолъ, исключая, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти, является свободнымъ по отношенію къ государству и прочимъ, религіознымъ и политическимъ, организмамъ.

Вопросъ о свободѣ Св. Престола въ условіяхъ, созданныхъ оккупаціей Рима Италіей, является предметомъ безконечныхъ пререканій между представителями двухъ противоположныхъ лагерей: куріалистами и итальянистами. Разсматривая полноту территорріальнаго властвованія въ качествѣ необходимой гарантіи политической эмансипаціи папства, Гойо [1]), Эмбаръ Латуръ [2]), Феррата [3]), Канале [4]),

[1]) Goyau, Le Vatican, les Papes et la civilisation, p. 207 ss., La conférence de la Haye et le Saint-Siège (Revue des Deux Mondes, 1 Août 1899, p. 599 ss.).

[2]) Imbart Latour, l. c., p. 16 ss., 22 ss., 160 ss., 236.

[3]) Ferrata, La Chiesa nel secolo presente, p. 17 ss.

[4]) Canale, La necessità della reintegrazione del dominio temporale della Santa Sede, p. 5 ss., 37 ss., 67 ss.

Оливаръ [1]), Фарабулини [2]), Джіоббіо [3]) и прочіе куріалисты [4]) оплакиваютъ паденіе церковнаго государства, какъ оплота религіозной независимости духовной власти. Подобная точка зрѣнія, господствующая въ католической доктринѣ, всецѣло воспринята и Св. Престоломъ. Рядъ энергичныхъ протестовъ куріи стремится убѣдить католическій міръ въ необходимости возстановленія церковнаго государства, въ видахъ обезпеченія Св. Престолу свободы и независимости, ограниченныхъ насильственной оккупаціей Рима Италіей. По мнѣнію куріи, папа является, въ современныхъ условіяхъ, „добровольнымъ узникомъ Ватикана". Подобный взглядъ положенъ въ основу многочисленныхъ энцикликъ и рѣчей Пія IX, посвященныхъ событіямъ 1870 г. Таковы энциклики „Respicientes" 1 ноября 1870 г. [5]) и „Ubi Nos" 15 мая 1871 г. [6]). Въ тѣхъ же выраженіяхъ обращается папа 27 октября того же года къ кардиналамъ, собравшимся въ Ватиканѣ: „Simul autem coram universa Ecclesia protestamur, Nos cautiones eas, quae guarentigie appellantur" [7]). Незадолго до смерти, 12 марта 1877 г. Пій IX торжественно

[1]) Olivart, l. c, p. 80 ss., 115 ss.

[2]) Farabulini, l. c., I, p. 13 ss., 28 ss., 51 ss., 126 ss.

[3]) Giobbio, l. c., I, p. 94 ss.

[4]) Ollivier, Le Pape est-il libre à Rome?, p. 17, Zocchi, l. c., p. 4 ss., 48 ss., 122 ss., 130 ss., Nicolas, l. c., p. 169 ss., 177 ss., Resch, l. c., S. 46 ff. Soderini, l. c., p. 540 ss., Pinchetti. Sanmarchi, l. c., I, p. 119 ss., отчасти Leroy-Beaulieu, Revue D. D. M., 1883, p. 762 ss.

[5]) Acta S. Sedis, vol. VI, pagg. 136 ss.

[6]) „Haec omnia Nos, ut debemus, reputantes et cogitantes, iterum confirmare constanterque profiteri cogimur, quod pluries Vobis Nobiscum unanimiter consentientibus declaravimus, scilicet civilem S. Sedis Principatum Romano Pontifici fuisse singulari divinae Providentiae consilio datum, illumque necessarium esse, ut idem Romanus Pontifex nulli unquam Principi aut civili Potestati subiectus supremam universi Dominici gregis pascendi regendique potestatem auctoritatemque ab ipso Christo Domino divinitus acceptam per universam Ecclesiam plenissima libertate exercere ac maiori eiusdem Ecclesiae bono utilitati et indigentiis consulere possit" (Epistola Encyclica „Ubi Nos"; см. Pii IX Pontificis Maximi Acta, pars I, vol. V, pgg. 313—314).

[7]) Ibid., p. 354.

подтверждаетъ эти протесты [1]). Въ томъ же смыслѣ, и въ не менѣе рѣшительной формѣ, выражается Левъ XIII [2]). Его преемникъ Пій X, едва вступивъ на Св. Престолъ, въ рѣчи, произнесенной имъ 9 января 1903 г. въ первой консисторіи его контификата, возвѣщаетъ аналогичныя требованія [3]). Такова католическая точка зрѣнія на свободу Св. Престола и средства ея обезпеченія.

Противоположнаго взгляда придерживаются Пьеран-

---

[1]) „Septimus iam procedit annus, ex quo invasores civilis Nostri Principatus omnibus divinis ac humanis iuribus proculcatis, solemnium pactionum fide violata, et calamitates illustris Nationis catholicae opportunitatem suam reputantes, vi atque armis Provincias quae in Nostra potestate adhuc erant occuparunt, hanc Sanctam Civitatem expugnavere, ac tantae iniquitatis opere Ecclesiam universam luctu ac dolore compleverunt. Simulatae atque infidae promissiones, quas iis funestis diebus ipsi super rebus nostris Guberniis exteris obtulere, declarantes se velle obsequium et honorem reddere libertati Ecclesiae, et liberam ac plenam esse velle Romani Pontificis potestatem, efficere non potuerunt ut Nos vano spe illecti non penitus praeciperemus animo quae luctuosa ac misera Nos sub earum dominatione manerent“ (S. S. Domini Nostri Pii Divina Providentia Papae IX Allocutio habita die 12 martii 1877 ad S. R. E. Cardinales in aedibus Vaticanis; см. Civilta Cattolica a. 1878, Serie X, vol. II, pag. 6).

[2]) Allocuzione del 4 agosto 1881 (см. S. D. N. Leonis P. P. XIII Allocutiones, Epistolae, Constitutiones, I, p. 258 ss., изд. Brugis et Insulis, 1887); см. также Discorso del 24 ottobre 1880, Allocuz. del 12 dicembre 1881, Risposna alle felicit. d. S. Coll., il 24 dicembre 1881, Discorso del 26 settembre 1883, Discorso del 7 ottobre 1883 (эти акты приведены у Zocchi, l. c., pagg. 51 s., 136, 214).

[3]) Sanctissimi Domini Nostri Pii Divina Providentia Papae X Allocutio habita in Consistorio die 9 Novembris a. 1903 (см. Civilta Cattolica, Serie XVIII, vol. XII, a. 1903, pag. 385 ss.) Въ этомъ отношеніи характерна также нота кардинала Merry del Val отъ 28 апрѣля 1904 г., по поводу недавняго посѣщенія Рима президентомъ французской республики г. Лубэ: „Si quelque chef de nation catholique infligeait une grave offense au souverain pontife en venant prêter hommage à Rome, c'est à-dite au lieu même du siège pontifical et dans le même palais apostolique à celui“ (т.-е., итальянскому королю) „qui, contre tout droit, détient sa souveraineté civile et en entrave la liberté nécessaire et l'indépendance, cette offense a été d'autant plus grande de la part de Monsieur Loubet“. (См. Le Temps, Paris, 18 mai 1904).

тони [1]), Габелли [2]), Бруніальти [3]), Кадорна [4]), Бонги [5]), Цаникелли [6]) и прочіе итальянисты [7]), согласно которымъ „statu quo“, созданный объединеніемъ Италіи на счетъ бывшихъ владѣній церковнаго государства, не только не умалилъ религіозной свободы Св. Престола, но даже способствовалъ оздоровленію церкви, обремененной доселѣ чуждыми ей вопросами свѣтскаго характера. Событія 1870 г., разъ на всегда поставили церковь въ ея естественныя границы.

Насколько вообще паденіе церковнаго государства являлось дѣйствительно благодѣтельнымъ, упорядочивъ взаимныя отношенія духовной и свѣтской властей,—на этомъ вопросѣ мы останавливались въ историческомъ очеркѣ. Къ нему же мы еще вернемся въ послѣднемъ отдѣлѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что гибель церковнаго государства являлась уже давно назрѣвшимъ событіемъ. Въ этомъ смыслѣ, оплакивать капитуляцію Рима мы не считаемъ возможнымъ. Отсюда не

---

[1]) Pierantoni, l. c., p. 480 ss.

[2]) Gabelli, La politica ecclesiastica del governo italiano e la conciliazione col Papa (Nuova Antologia 1887, vol. X).

[3]) Brunialti, l. c., p. CXXVII ss, CXXXIV ss., CXCIII ss.

[4]) Cadorna, l. c., p. 8, 20 ss., 27 ss.

[5]) Bonghi, I trib. Vatic., p. 103 ss., Leone XIII etc., p. 8 ss., 21 ss., 25 ss.

[6]) Zanichelli, l. c., p. 12 ss. По мнѣнію послѣдняго, Св. Престолъ можетъ быть свободнымъ лишь въ условіяхъ „statu quo“ и продолженія той же непримиримой политики по отношенію къ Италіи, которой слѣдуетъ курія со времени капитуляціи Рима; аналогичнаго взгляда, придерживается, по вопросу о примиреніи, и Leroy-Beaulieu (R. d. D. M., a. 1882, p. 314 ss., a. 1883, p. 752 ss, a. 1884, p. 121 ss.).

[7]) Brusa, l. c., p. 120, Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 207, Heilborn, l. c., S. 210 ff., Bluntschli, Rechtl. Unvernatw. des Römisch. Papstes, S. 7 ff., Nys, l. c., p. 532 ss., Scaduto, l. c., p. 29 ss., 294 ss., Gabib, l. c., 15 ss., Gabba, l. c., p. 680 ss., Calisse, l. c., p. 394 ss., Centi, l. c., p. 17 ss., 104 ss., Cesare, l. c., p. 6 ss., Barzellotti, l. c., f. 65 ss.—Въ томъ же смыслѣ высказывается Astromoff, бывшій православный, нынѣ католическій прелатъ, въ своемъ сочиненіи, посвященномъ свѣтской власти папы, Du pouvoir temporel, p. 262 ss., 347 ss.

слѣдуетъ, однако, чтобы современное положеніе папства опредѣлялось однимъ лишь закономъ о гарантіяхъ—одностороннимъ политическимъ актомъ, всецѣло зависимымъ отъ произвола Италіи. Подчиненное, хотя бы и привилегированное, положеніе папы исключаетъ свободу послѣдняго. Въ этомъ смыслѣ, мы раздѣляемъ воззрѣнія куріи. Требовать, однако, возстановленія церковнаго государства мы считаемъ излишнимъ, поскольку объективная и субъективная свобода католической церкви не связаны органически съ полнотой территоріальнаго властвованія.

Согласно различію между реальнымъ и идеальнымъ субъектами религіознаго верховенства: папой, какъ главою церкви, и самою церковью — союзомъ вѣрующихъ, связанныхъ въ одно соціальное цѣлое общностью религіозной цѣли и власти, надъ ними господствующей—свобода Св. Престола облекается въ двоякую форму: объективной и субъективной свободы. Первая относится къ папѣ—реальному носителю духовной власти; вторая, къ самой церкви, идеальному субъекту послѣдней. Св. Престолъ, исключая, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти, является объективно и субъективно свободнымъ по отношенію къ государству; эта свобода тѣсно связана съ экстерриторіальностью и внѣподданствомъ папы:

1) Св. Престолъ исключаетъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти.

а) Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собой государственной власти въ вопросахъ религіознаго характера. Это начало непосредственно вытекаетъ изъ самой природы христіанской церкви вообще и, въ этомъ отношеніи, одинаково приложимо и къ православной. Возникнувъ въ предѣлахъ римской имперіи, независимо, однако, отъ воли державнаго Рима, христіанская церковь продолжала расти и развиваться не опираясь, въ каноническомъ отношеніи, на свѣтскую власть. Не связанная органически съ

государствомъ, авторитетная и самобытная по природѣ, духовная власть не обязана исполнять предначертаній послѣдняго въ вопросахъ исключительно религіознаго характера [1]).

b) Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собой государственной власти въ вопросахъ не только религіознаго, но также политическаго характера, поскольку глава католической церкви является экстерриторіальнымъ по отношенію къ государству и пользуется прерогативой внѣподданства.

aa) Въ предѣлахъ Ватикана, папа является экстерриторіальнымъ по отношенію къ Италіи и прочимъ государствамъ. Напрасно Гефкенъ [2]), Скадуто [3]), Бруза [4]) и др. [5]) противники территоріалнаго верховенства куріи стремятся построить экстерриторіальность Св. Престола на почвѣ исключительно внутренняго итальянскаго законодательства. Привилегированное положеніе папы коренится въ условіяхъ международно-правового порядка, независимаго отъ односторонней воли Италіи. Въ этомъ смыслѣ, законъ о гарантіяхъ является актомъ, въ силу котораго послѣдняя

---

[1]) Это начало является общепризнаннымъ въ католической доктринѣ. Исходя изъ идеи объективной свободы церкви, Vering, l. c., S. 346 ff., Gerlach, l. c., S. 44 fg., Strodl, Ueber Concordate, S. 2 ff., и друг. (см. ниже) разсматриваютъ конкордатъ въ качествѣ двусторонняго соглашенія, построеннаго на началахъ международнаго права. Какъ мы увидимъ ниже, объективной свободы для этого недостаточно; необходима независимость обѣихъ сторонъ—понятіе вполнѣ самостоятельное, отличное отъ свободы. Смѣшеніе этихъ понятій приводитъ къ одинаково крайнимъ выводамъ: отождествленію конкордата съ церковною привилегіей,—такова теорія C. Tarquini, l. c., p. 73, Cavagnis'a, l. c., p. 380 ss., отчасти Liberatore, l. c., p. 411 ss. (см. ниже),—или обратно, отождествленію конкордата съ публичнымъ закономъ, привилегіей, даруемой церкви государственной властью; въ этомъ смыслѣ высказываются Zorn, Kirchenrecht, S. 431 ff., и друг. (по этому поводу см. ниже „о конкордатахъ“).

[2]) Geffckén, Völkerr. Stell. d. P., S. 174 ff., 181 ff., 193 ff.

[3]) Scaduto, l. c., p. 131.

[4]) Brusa, l. c., p. 131.

[5]) По этому поводу см. выше стр. 244 сл.

признала для себя обязательнымъ согласоваться съ выводами, непосредственно вытекающими изъ самаго факта обладанія Св. Престоломъ элементами территоріальной власти въ предѣлахъ Ватикана [1]). Ограниченная въ объемѣ и содержаніи, эта власть является, тѣмъ не менѣе, формой верховенства, а не простыхъ полномочій, поскольку право исключенія господства другихъ организмовъ, въ предѣлахъ данной мѣстности, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью Италіи или согласіемъ подчиняемыхъ.

bb) Эстерриторіальный въ предѣлахъ Ватикана, папа пользуется прерогативой внѣподданства, поскольку послѣднее органически связано съ экстерриторіальною формой верховенства, отрицательной по характеру. Роль положительной формы—территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова—въ данномъ случаѣ производна; ея необходимость тѣсно связана съ вопросомъ: насколько положительная форма верховенства обусловливаетъ собой отрицательную? Въ этомъ отношеніи, характерно выступаетъ различіе между государствомъ и церковью, государемъ и папою. Первое, а слѣдовательно и реальный субъектъ государственной власти, немыслимы безъ обладанія полнотой территоріальнаго властвованія, тогда какъ папа, глава церкви, построенной на началахъ личнаго подчиненія, можетъ быть субъектомъ экстерриторіальной формы верховенства, не обладая территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Внѣподданство папы признаютъ не только Содерини [2]), Фарабулини [3]), Оливаръ [4]), Джіоббіо [5]) и прочіе куріа-

---

[1]) Въ томъ же смыслѣ высказываются Soderini, l. c., p. 544 ss., 551 ss., Olivart, l. c., p. 85 ss., 99 ss., 110 ss., Lampertico, l. c, p. 38 ss., 49 ss., 60 ss., Corsi, l. c., 28 ss., 45 ss., 52 ss., Giobbio, l. c., I. p. 94 ss., 121 ss., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 186 ss.. № 169, Zanichelli, l. c., p. 104 ss., 108 ss. Castellari, l. c., II, p. 539 ss., и мн. друг. (см. ниже).

[2]) Soderini, l. c., p. 535 ss.

[3]) Farabulini, l. c., I, p. 54 ss.

[4]) Olivart, l. c., p. 10, 14.

[5]) Giobbio, l. c., I, p, 126 ss.

листы [1]), но также многочисленные противники территоріальнаго верховенства куріи, Кастелари [2]), Казелла [3]), Габба [4]) и другіе [5]). Какъ первые, такъ и послѣдніе сходятся въ этомъ вопросѣ, одинаково утверждая, что папа, какъ глава церкви, насчитывающей милліоны вѣрующихъ, и въ настоящее время долженъ быть признаваемъ свободнымъ отъ подданства итальянскому королевству. Къ сожалѣнію, обѣ стороны опираются въ своихъ выводахъ, по существу вполнѣ правильныхъ, на ложныя посылки: куріалисты, — связуя внѣподданство папы съ полнотой территоріальнаго верховенства въ Ватиканѣ; итальянисты,—допуская внѣподданство папы при совершенномъ отсутствіи у него элементовъ территоріальнаго властвованія. Ошибочность подобныхъ посылокъ нами указана выше. Внѣподданство папы въ современныхъ условіяхъ, созданныхъ оккупаціей Рима, является непосредственнымъ результатомъ экстерриторіальности и только экстерриторіальности Св. Престола.

сс) Въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папы, Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собою государственной власти въ вопросахъ не только религіознаго, но также политическаго характера. Территоріально и лично подвластный государству соборъ обязанъ исполнять его волю во всемъ, что касается компетенціи государства, независимо отъ вопроса, насколько

---

[1]) Liberatore, l. c., p. 328 ss., Corsi, l. c., p. 13 ss., 30 ss., 45 ss., 52 ss., 57 ss., Zocchi, l. c., p. 217 ss., 245 ss., 302 ss., Resch, l. c., S. 13 ff., 27 ff. Geigel, l. c., S. 14 ff., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 185 ss., 193 ss., Imbart Latour, l. c., p. 7 ss., 18 ss., 122 ss., 144 ss.

[2]) Castellari, l. c., II, p. 506 ss.

[3]) Casella, l. c., p. 65.

[4]) Gabba, l. c., p. 680 ss.

[5]) Brunialti, l. s., p. CLIX ss., Geffcken, l. c., S. 182, 194, Zanichelli, l. c., p. 118 ss., Lampertico, l. c., p. 49 ss., 60 ss.—Къ тому же приходятъ Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 113 ss., Liszt, l. c, S. 37 fg., Gareis, Institutionen, S. 49, Rivier, l. c., I, p. 120 ss., Bonfils, l. c., p. 184, Bry, l. c., p. 349, Pradier-Fodéré, Cours, I, p. 193 ss., а также, отчасти, и Heilborn, l. c., S. 196 ff., 201, 204 ff.

политическіе интересы совпадаютъ съ религіозными. Въ другомъ положеніи находится папа. Будучи экстерриторіальнымъ въ предѣлахъ Ватикана и пользуясь прерогативой внѣподданства, глава католической церкви изъятъ изъ сферы вѣдѣнія государственной власти въ пространственномъ и личномъ отношеніяхъ, поскольку всякое вообще воздѣйствіе государства выражается въ двухъ формахъ господства—территоріальной и личной. При такихъ условіяхъ, Св. Престолъ, эмансипированный въ политическомъ отношеніи, исключаетъ господство надъ собой государственной власти—не только съ канонической, но также юридической точки зрѣнія—въ вопросахъ религіознаго и политическаго характера, въ одинаковой мѣрѣ.

с) Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собой государственной власти лишь въ границахъ принадлежащей ему компетенціи. Внѣ предѣловъ послѣдней, дѣятельность куріи является подзаконной и, въ качествѣ таковой, подлежитъ воздѣйствію государства.

Такимъ образомъ, Св. Престолъ—въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папы—исключаетъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, господство надъ собой другихъ организмовъ, въ томъ числѣ и государства.

2) Свобода, въ качествѣ самостоятельнаго элемента международной правоспособности, представляетъ собой юридическое состояніе, въ силу котораго управомоченный организмъ, оставаясь въ границахъ присущей ему компетенціи, исключаетъ господство надъ собою власти другихъ организмовъ.

3) Отсюда слѣдуетъ, что Св. Престолъ является объективно и субъективно свободнымъ по отношенію къ государству, поскольку, при этомъ, самое право исключенія господства другихъ организмовъ, религіозныхъ и свѣтскихъ, въ границахъ принадлежащей куріи компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью послѣднихъ, но коренится въ одной лишь волѣ папы. Въ этомъ смыслѣ, законъ о гаран-

тіяхъ 1871 г. не можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ источника свободы Св. Престола, санкціонированной итальянскимъ правительствомъ. Этимъ актомъ, Италія лишь признала для себя обязательными тѣ юридическіе выводы, которые непосредственно вытекаютъ изъ данной свободы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлила публично-правовыя обязанности своихъ подданныхъ по отношенію къ Св. Престолу. Свобода послѣдняго является вполнѣ самобытной, не имѣщей ничего общаго съ производной свободою гражданъ.

Отсюда становится ясной та крайность въ выводахъ, которой страдаютъ, въ данномъ вопросѣ, представители обоихъ противоположныхъ воззрѣній на свободу Св. Престола: утверждать свободу послѣдняго, отрицая верховенство папы, столь же мало убѣдительно, какъ и обратно—отрицать наличность этой свободы, утверждая экстерриторіальность и внѣподданство папы, изъемлющія главу католической церкви изъ подчиненія государству въ территоріальномъ и личномъ отношеніяхъ.

4) Свобода Св. Престола недѣлима по существу, но сложна по содержанію. Недѣлимость свободы по существу непосредственно вытекаетъ изъ самаго понятія свободы (см. выше). Нельзя того же сказать относительно ея содержанія. Расчленимость послѣдняго вполнѣ подтверждается событіями 1870 г. Паденіе церковнаго государства ограничило свободу Св. Престола по содержанію, выдѣливъ изъ компетенціи куріи совокупность предметовъ, по самой природѣ своей органически связанныхъ съ территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова, утерянной папствомъ со времени капитуляціи Рима. По существу, Св. Престолъ остался однако, такимъ же свободнымъ, какимъ онъ являлся и прежде до 1870 г., исключая господство надъ собой государственной власти въ границахъ сохранившейся у него компетенціи, опредѣляемой, какъ мы видѣли выше, двоякимъ составомъ: 1) религіозными функціями папы, какъ главы церкви, и 2) правами свѣтскаго характера, непосредственно вытекающими изъ экстерриторіальности и внѣподданства папы (см. выше).

Конечно, далеко не всѣ предметы дѣятельности могутъ быть одинаково выдѣлены изъ компетенціи куріи. Въ этомъ отношеніи, необходимо проводить строгое различіе между духовною и свѣтскою властями. Вопросы вѣры, словомъ все, что непосредственно входитъ въ компетенцію церкви, какъ таковой, составляетъ неотчуждаемую принадлежность послѣдней. Что касается правъ, вытекающихъ изъ свѣтской власти Св. Престола, то ихъ отпаденіе въ пользу государства лишь косвеннымъ образомъ угрожаетъ бытію католической церкви, ограничивая ея субъективную свободу и независимость по отношенію къ государству.

5) Субъективная свобода католической церкви обусловливается ея абсолютно-монархическимъ строемъ, поскольку данная форма свободы необходимо предполагаетъ политическую эмансипацію реальнаго носителя духовной власти—хотя бы въ видѣ экстерриторіальности и внѣподданства послѣдняго—несовмѣстимую съ епископально-аристократическимъ строемъ.

Въ этомъ смыслѣ, догматъ папской непогрѣшимости, окончательно санкціонированный Ватиканскимъ соборомъ—естественный результатъ исторической эволюціи церкви, вѣками воспитанной на началахъ субъективной свободы. Поскольку послѣдняя органически связана съ абсолютно-монархическимъ строемъ церкви „constitutio pastor aeternus“ является—вопреки противоположному утвержденію Ниса [1]), Брузы [2]) (изъ канонистовъ Дёллингера [3]), Франца) [4]) и проч. многочисленныхъ противниковъ абсолютно-монархической конструкціи церкви — необходимымъ предположеніемъ этой свободы, недостижимой въ условіяхъ епископально-аристократическаго строя [5]).

---

[1]) Nys, l. c., p. 536 ss.

[2]) Brusa, l. c., p. 113. См. также Pejacsevich, Das Papstthum und der Rechtsstaat, S. 66 ff.

[3]) Döllinger, l. c., S. Das Papstthum (см. историч. очеркъ).

[4]) Frantz, l. c., S. 38 ff.

[5]) Ср. Phillips, Lehrb. d. K.—R., S. 80 ff., 530 ff, Walter, Lehrb. d.

6) Абсолютно-монархическая конструкція католической церкви обусловливается ея субъективной свободой. Подчиненное положеніе членовъ собора, ограничивающее независимость духовной власти, въ свое время послужило главнѣйшимъ мотивомъ переустройства церкви на началахъ абсолютной монархіи, въ пользу папства. Въ этомъ смыслѣ, централизація католической церкви заключаетъ въ себѣ, какъ нами было указано выше, несомнѣнныя преимущества сравнительно съ епископальнымъ режимомъ. Тѣмъ не менѣе, религіозное верховенство Св. Престола не лишено недостатковъ: совокупленіе полноты духовной власти въ рукахъ одного лица, папы, необходимо требуетъ освобожденія послѣдняго отъ всякаго подчиненія государству, въ противномъ случаѣ зависимость церкви отъ свѣтскаго меча становится еще болѣе интенсивной, чѣмъ при епископальномъ режимѣ. Исторія западной церкви служитъ тому нагляднымъ примѣромъ. Господство императорской власти надъ Римомъ въ эпоху, когда религіозный авторитетъ Св. Престола уже началъ воспринимать въ себя элементы верховенства, низводило независимость церкви до степени простого декорума. Послѣдующая эпоха авиньонскаго плѣна — источникъ грядущей схизмы — едва не погубила западную церковь. Подобное дѣйствіе явилось ближайшимъ результатомъ подчиненнаго положенія папы, въ рукахъ котораго духовная власть становилась достояніемъ господствующаго надъ нимъ государства. Словомъ, подчиненіе папы въ такой же степени и въ силу тѣхъ же логическихъ основаній приводило къ личной уніи между церковью и государствомъ, въ пользу, однако, послѣдняго, въ силу которыхъ, въ обратномъ порядкѣ, Св. Престолъ, свободный по отношенію къ государству, возвышался надъ нимъ въ средневѣковую эпоху. Подобно тому какъ господство папы надъ личностью государя влекло за собой подчиненіе госу-

---

K—R., S. 38 ff., 305 ff., Laemmer, l. c., S. 107 ff., Gerlach, l. c., S. 418 ff., Vering, l. c., S. 522 ff., 528 ff., Liberatore, l. c., p. 61 ss., Giobbio. l. c., I, p. 77 ss.

дарства, отождествляемаго, въ условіяхъ абсолютно монархическаго, патріархальнаго строя, съ особой монарха; въ такой же степени отражалось на независимости церкви подчиненное положеніе папы: господство надъ нимъ свѣтской власти неизбѣжно приводило къ порабощенію церкви, поскольку послѣдняя, построенная на началахъ абсолютной духовной монархіи, отождествлялась съ личностью папы, главы религіознаго организма. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ и цѣлесообразнымъ вѣковое стремленіе папства обезпечить Св. Престолу политическую свободу по отношенію къ государству. Ограниченіе послѣдней, несовмѣстимое съ централизаціей церкви, угрожало возстановленіемъ епископальнаго строя, уже давно осужденнаго западной церковью въ виду его неспособности обезпечить независимость духовной власти отъ свѣтской. Вотъ почему, со времени послѣдняго Ватиканскаго собора, провозгласившаго догматъ папской непогрѣшимости, съ одной стороны, и капитуляціи Рима 20-го сентября 1870 г.,—съ другой, вопросъ о субъективной свободѣ Св. Престола получилъ особенное значеніе.

Политическая эмансипація папы, органически связанная съ субъективной свободой послѣдняго и, въ свою очередь, предполагающая территоріальное верховенство куріи, хотя бы въ формѣ экстерриторіальнаго властвованія, является необходимымъ условіемъ абсолютно-монархической конструкціи церкви [1]). Одно безъ другого немыслимо, что, къ сожалѣнію

---

[1]) Аналогичнаго взгляда придерживаются Liberatore, l. c., p. 328 ss., Giobbio, l. c., I, p. 94 ss., Nicolas, l. c., p. 165 ss., Farabulini, l. c., I, p. 13 ss., 28 ss., 51 ss.. 126 ss., Soderini, l. c., p. 540 ss., Canale, l. c., p. 5 ss., 13 ss., 57 ss., Goyau, Le Vatican etc, p. 207 ss., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 119 ss., Imbart Latour, l. c., p. 16 ss., 223, Olivart, l. c., p. 80 ss., 115 ss., Zocchi, l. c., p. 4 ss., 48 ss., 122 ss., 130 ss.—По мнѣнію этихъ писателей, свобода Св. Престола обусловливается полнотой территоріальнаго властвованія; въ этомъ отношеніи, мы расходимся съ данной теоріей, признавая достаточной гарантіей субъективной свободы католической церкви экстерриторіальность Ватикана и внѣподданство папы (см. выше). Въ пользу политической эмансипаціи послѣдняго выска-

упускаютъ изъ виду Скадуто [1]), Пьерантони [2]), Астромовъ [3]), Ченти [4]), Барцеллотти [5]) и прочіе противники территоріальнаго верховенства куріи [6]).

7) Свобода Св. Престола предствляетъ собой юридическое состояніе и, въ этомъ смыслѣ, должна быть отличаема отъ свободы естественной. Право исключенія Св. Престоломъ господства надъ собою какой бы то ни было власти, въ границахъ принадлежащей ему компетенніи, не предрѣшаетъ, конечно, вопроса о степени обладанія католической церковью фактической возможностью подобнаго исключенія, тѣсно связанной съ различными политическими и культурными условіями эпохи, а главное—съ жизнеспособностью даннаго религіознаго организма.

8) Объективная и субъективная свобода Св. Престола органически связаны между собою:

а) Субъективная свобода Св. Престола обусловливается объективной свободою католической церкви. Органическая связь между ними коренится въ самой природѣ субъективной свободы, какъ права, въ силу котораго реальный носитель духовной власти, папа, исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти въ границахъ принадлежащей ему компетенціи. Очевидно, что подобное право предполагаетъ наличность самостоятельной власти надъ

зываются также Phillips, Lehrb., S. 205 fg., Walter, Lehrb., S. 312 ff., Laemmer, l. c., S. 124 ff., отчасти Zorn, l. c., S. 269 и мн. друг.

[1]) Scaduto, l. c., p. 29 ss.

[2]) Pierantoni, l. c., p. 480 ss.

[3]) Astromoff, l. c., p. 262 ss.

[4]) Centi, l. c., p. 104 ss.

[5]) Barzellotti, l. c., p. 65 ss.

[6]) Cadorna, l. c., p. 8, 20 ss., 24ss., Zanichelli, l. c., p. 12 ss., 104 ss., 108 ss., Cesare, l. c., p. 6 ss., Bonghi, l. c. (Nuova Ant. 1882, p. 30 ss., ibid. 1887 vol. III), Gabelli (Nuova Ant. 1877, vol. IV), Brunialti, l. c., p. CXXVII ss., CXXXIV ss., CXCIII ss., Gabib, l. c., p. 15 ss., 74 ss., Gabba, l. c., p. 680 ss., Brusa, l. c., p. 118 ss., 120, Geffcken, l. c., S. 174, 187, 207, Lampertico l. c., p. 82 ss., и проч. писатели, согласно которымъ свобода Св. Престола не обусловливается территорріальнымъ верховенствомъ.

вѣрующими, что, въ свою очередь, обусловливается самобытнымъ характеромъ церкви, объективной свободой религіознаго организма по отношенію къ государству; въ противномъ случаѣ, подчиненное положеніе церкви неизбѣжно влечетъ за собой подчиненіе реальнаго носителя духовной власти, иначе говоря—потерю субъективной свободы. Отрицая верховенство католической церкви, какъ таковой, а слѣдовательно и объективную свободу послѣдней по отношенію къ государству, Линденъ [1]), Бомпаръ [2]), Калиссе [3]), Казелла [4]), Пьерантони [5]) и проч. итальянисты вполнѣ послѣдовательно приходятъ къ аналогичному отрицанію необходимости политической эмансипаціи папства [6]).

b) Объективная свобода католической церкви не обусловливается субъективной свободой Св. Престола, поскольку подчиненіе папы — реальнаго носителя духовной власти—не влечетъ за собой подчиненія церкви, идеальнаго субъекта послѣдней. Разсматривая субъективную свободу Св. Престола въ качествѣ необходимаго условія объективной свободы католической церкви, Гойо [7]), Эмбаръ Латуръ [8]), Джіоббіо [9]) Пинкетти-Санмарки [10]) и прочіе куріалисты упускаютъ изъ виду существенное различіе между понятіями свободы и независимости [11]).

---

[1]) Linden, l. c., S. 32 ff., 39 ff.

[2]) Bompard, Le Pape etc., p. 60 ss., 189 ss., 203 ss.

[3]) Calisse, l. c., 403 ss., 407 ss.

[4]) Casella, l. c., p. 32 ss., 57 ss.

[5]) Pierantoni, l. c., p. 480 ss., 487 ss.

[6]) Brusa, l. c., p. 113 ss., 117 ss., 120 ss., 126 ss., Gabib, l. c., 15 ss., 69 ss., 74 ss., Palma, l. c., p. 388 ss., Gabba, l. c., p. 668 ss., 680 ss. и проч. писатели, разсматривающіе зак. о гарантіяхъ въ качествѣ внутренняго государственнаго акта, въ юридическомъ отношеніи лишеннаго международно-правового характера (см. ниже).

[7]) Goyau, Le Vatican etc., p. 207 ss., La Conférence de la Haye etc., p. 599 ss.

[8]) Imbart Latour, l. c., p. 16 ss., 223.

[9]) Giobbio, l. c., I, p. 94 ss.

[10]) Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 119 ss.

[11]) Canale, l. c., p. 5 ss., 13 ss., 57 ss., Olivart, l. c., p. 80 ss.,

9) Объективная свобода католической церкви — идеальнаго носителя религіознаго верховенства — и субъективная свобода реальнаго носителя духовной власти, папы, гарантируемая экстерриторіальностью и внѣподданствомъ послѣдняго, являются двумя, одинаково необходимыми, элементами международной правоспособности Св. Престола.

а) Объективная свобода католической церкви является необходимымъ элементомъ международной правоспособности Св. Престола, обусловливая субъективную свободу послѣдняго по отношенію къ государству. Прерогативы и компетенція папы тѣсно связаны съ прерогативами и компетенціей церкви, выразителемъ воли и власти которой является Св. Престолъ. Его полномочія, какъ главы религіознаго организма, не превышаютъ полномочій послѣдняго. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы компентенція Св. Престола совпадала, во всѣхъ отношеніяхъ, съ компетенціей церкви. Пользуясь экстерриторіальностью и внѣподданствомъ, папа находится въ положеніи свѣтскаго монарха, несмотря на паденіе церковнаго государства. Эти права, вѣрнѣе прерогативы, гарантирующія Св. Престолу субъективную свободу, неразрывно связаны, однако, съ положеніемъ папы, какъ главы католической церкви, свобода и самобытность которой по отношенію къ государству являются необходимымъ условіемъ политической эмансипаціи папства.

Въ этомъ вопросѣ одинаково сходятся, какъ сторонники международной правоспособности Св. Престола—Лампертико [1]), Кастеллари [2]), Цокки [3]), Рэшъ [4]), и друг. [5]), такъ

---

115 ss., Farabulini, l. c., I, p. 13 ss., 28 ss., 51 ss., 126 ss., и друг. см. выше.

[1]) Lampertico, l. c., p. 50 ss., 60 ss.

[2]) Castellari, l. c., II, p. 540.

[3]) Zocchi, l. c., p. 245 ss., 265 ss., 278 ss., 283 ss.

[4]) Resch, l. c., S. 17, 21 ff.

[5]) См. ниже.

и противники послѣдней [1]). Различіе между ними обнаруживается лишь въ оцѣнкѣ этой свободы и съ нею связанныхъ выводовъ.

b) Субъективная свобода Св. Престола, наряду съ объективной свободой католической церкви, какъ религіознаго организма, является существеннымъ элементомъ международной правоспособности папства. Покоясь на договорныхъ началахъ, международное отношеніе, по самой природѣ своей, предполагаетъ юридическое равенство всѣхъ членовъ международнаго общенія. Это начало одинаково приложимо къ государству и церкви. Элементъ власти разрушаетъ международный союзъ, замѣняя равенство принципомъ господства. Гдѣ царствуетъ односторонняя власть, тамъ законъ заступаетъ мѣсто международнаго договора. Въ свою очередь, равенство предполагаетъ наличность у договаривающихся сторонъ субъективной свободы въ области ихъ взаимныхъ отношеній. Вотъ почему, вопросъ о свободѣ папства имѣетъ рѣшающее значеніе при оцѣнкѣ международной правоспособности Св. Престола

Мы рѣшительно расходимся съ куріалистами, согласно которымъ католическая церковь, какъ таковая, является субъектомъ международнаго права независимо отъ вопроса о территоріальномъ верховенствѣ куріи, а слѣдовательно и субъективной свободѣ Св. Престола, гарантируемой данною формой верховенства. Гораздо послѣдовательнѣе писатели, отрицающіе международную правоспособность куріи въ условіяхъ территоріальнаго подчиненія папы (см. ниже).

§ 28.

CC) Св. Престолъ, субъективно свободный по отношенію къ государству, является независимымъ, не

[1]) Esperson, l. c., I, p. 36 ss., Palma, l. c., p. 378 ss., Gabib, l. c., p. 67 ss., и мн. друг. (см. ниже).

обусловливаясь въ осуществленіи власти, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ [1]).

1) Св. Престолъ не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ. Въ этомъ моментѣ обнаруживается различіе между объективной свободой и независимостью католической церкви. Первая выражается, какъ мы видѣли выше, въ присущемъ всякому самобытному религіозному организму правѣ исключать господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной. Въ качествѣ такового, христіанская церковь не обязана, въ вопросахъ относящихся къ ея компентенціи, исполнять предначертаній государства. Въ этомъ смыслѣ, христіанская церковь, по самой природѣ своей, является объективно свободной. Нельзя того же сказать относительно ея независимости, органически связанной съ субъективной

---

[18]) Мы видѣли выше (см. стр. 156 сл., 185 сл., 190 сл.), насколько конструкція верховенства затрудняется его смѣшеніемъ съ прочими элементами международной правоспособности: свободой и независимостью. Къ подобному смѣшенію различныхъ, по существу, понятій приходятъ не только Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, S. 34, Haenel. Studien, Bd I, S. 148 ff., изъ русскихъ Коркуновъ, Русск. госуд. право, I, стр. 4 сл., 24 сл., 26 (послѣдній прямо ссылается на Лабанда и Еллинека), Саблеръ, къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ (Журн. Юридич. Общ. при Спб. университетѣ, 1896, стр. 72), повидимому Шалла̀ндъ, l. c., I, стр. 28 сл., и проч. писатели, исходящіе при опредѣленіи верховенства изъ понятій свободы и независимости, но также Laband, l. c., Bd. I, S. 65 ff., Gerber, l. c., S. 22, Zorn, Staatsrecht, Bd I, S. 62 ff., и друг., разсматривающіе верховенство въ качествѣ высшей, независимой власти, причемъ подобная независимость связуется съ верховенствомъ, какъ его логическое слѣдствіе, непосредственно изъ него вытекающее; въ томъ же смыслѣ высказывается Паліенко, Суверенитетъ; историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе, стр. 412 сл., 430 сл. (авторъ воспроизводитъ теорію Цорна).

свободой реальнаго носителя духовной власти, каковымъ является папа. Объективной свободы религіознаго организма—идеальнаго носителя власти—недостаточно для конструкціи его независимости. Отсюда становится понятнымъ, почему Фарабулини [1]), Гойо [2]), Канале [3]). Джіоббіо [4]) и прочіе куріалисты [5]), признавая за церковью наличность элементовъ, характеризующихъ, согласно нашему опредѣленію, понятіе свободы (см. выше), вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ свободу, или независимость св. Престола въ современныхъ условіяхъ, созданныхъ капитуляціей Рима. Подобное противорѣчіе коренится въ смѣшеніи понятій свободы и независимости. То же должно сказать относительно противниковъ территоріальнаго верховенства куріи, утверждающихъ свободу послѣдней въ вопросахъ исключительно религіознаго характера, при одновременномъ отрицаніи этой свободы въ области смѣшанной компетенціи [6]).

2) Источникъ подобнаго права коренится въ экстерриторіальности и внѣподданствѣ папы, гарантирующихъ католической церкви субъективную свободу по отношенію къ государству:

а) Экстерриторіальность и внѣподданство папы изъемлютъ католическую церковь изъ подчиненія государству, поскольку пространство дѣйствія публичнаго закона ограничивается территоріальнымъ и личнымъ господствомъ. При такихъ условіяхъ, Св. Престолъ не можетъ

---

[1]) Farabulini, l. c., I, p. 13 ss., 28 ss., 51 ss., 126 ss.

[2]) Goyau, Le Vatican etc., p. 207.

[3]) Canale, l. c., p. 5 ss., 13 ss., 57 ss.

[4]) Giobbio, l. c., I, p. 24 ss., 64 ss., 77 ss., 82 ss., 128 ss.

[5]) Imbart Latour, l. c., p. 7 ss., 13 ss., 28 ss., 51 ss., 79 ss., 126 ss., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 104 ss., 119 ss., 181, Liberatore, l. c., p. 8 ss., 16 ss., 19 ss., 328 ss. и многіе другіе (см. выше). Понятіе свободы недостаточно отличается, при этомъ, отъ верховенства.

[6]) Къ подобному выводу приходятъ писатели, отрицающіе за Св. Престоломъ значеніе субъекта международнаго права, см. Cadorna, l. c., p. 39 ss., 46 ss., Palma, l. c., p. 378 ss., Gabib, l. c., p. 67 ss., Linden, l. c., S. 12 ff., 32 ff. и друг. (см. ниже).

быть признанъ обязаннымъ, не только съ канонической, но также и юридической точекъ зрѣнія, исполнять предначертаній государства, некомпетентнаго къ осуществленію надъ личностью папы какихъ либо актовъ господства.

b) Не будучи обязаннымъ признавать господства надъ собой государства, Св. Престолъ вправѣ осуществлять свою власть надъ католической паствою не обусловливаясь отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ государственной власти, иначе говоря,—не обязанъ воздерживаться отъ осуществленія власти, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, при столкновеніи духовной и свѣтской властей въ вопросахъ религіозно-политическаго характера. Моментъ коллизіи не измѣняетъ природы ихъ отношеній. Противоположнаго взгляда придерживаются Бруза [1]), Линденъ [2]). Бомпаръ [3]) и прочіе писатели, согласно которымъ церковь обязана повиноваться государству въ вопросахъ прямо или косвенно затрагивающихъ компетенцію послѣдняго. [4]). Мы не можемъ признать справедливости подобнаго взгляда, предполагающаго отсутствіе субъективной свободы Св. Престола, строго обоснованной, какъ мы видѣли выше, въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папы.

3) Юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ вправѣ осуществлять свою власть, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливаясь отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ, характеризуетъ собой независимость, какъ элементъ международной правоспособности.

4) Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія независимости Св. Престола по отношенію къ государ-

---

[1]) Brusa, l. c., p. 121 ss.

[2]) Linden, l. c., S. 12 ff., 32 ff.

[3]) Bompard, Le Pape etc., p. 57 ss., 185 ss.

[4]) См. ниже.

ству. Признавая религію большинства своихъ подданныхъ господствующей, свѣтская власть можетъ присвоить данному религіозному обществу значеніе публичной корпораціи снабженной различными преимуществами, выдѣляющими ее изъ числа прочихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ. Мало того, при столкновеніи политическихъ интересовъ съ религіозными, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, государство можетъ признать цѣлесообразнымъ отдавать преимущество, въ области опредѣленныхъ предметовъ, духовной власти, обезпечивая ей независимое осуществленіе религіозныхъ функцій. Подобная независимость, относительная, производная, создаваемая силой односторонняго акта, существенно отличается отъ независимости, какъ элемента международной правоспособности, абсолютной, первоначальной, возникающей въ условіяхъ лежащихъ внѣ произвола государственной власти.

5) Независимость Св. Престола ограничивается составомъ принадлежащей ему компетенціи. Послѣдняя, какъ мы видѣли выше, слагается изъ совокупности правъ, непосредственно вытекающихъ изъ духовной и свѣтской власти папы. Первая опредѣляется его положеніемъ, какъ главы католической церкви; вторая—экстерриторіальностью и внѣподданствомъ по отношенію къ государству. Въ качествѣ реальнаго носителя религіознаго верховенства папа осуществляетъ акты власти, признанные католическимъ догматомъ. Пользуясь экстерриторіальностью и внѣподданствомъ, онъ вправѣ осуществлять полицейскія функціи, направленныя къ обезпеченію порядка и безопастности въ предѣлахъ Ватикана, изъятаго отъ подчиненія государству. Къ полицейскимъ функціямъ присоединяются административно-хозяйственная дѣятельность и гражданская юрисдикція. Что касается уголовной, то послѣдняя, необходимо предполагая наличность территоріальной власти, въ 1870 г. утерянной папствомъ, не можетъ, въ настоящее время, служить достояніемъ куріи.

Въ границахъ указанной компетенціи, и только въ этихъ границахъ, Св. Престолъ дѣйствительно вправѣ осуществлять

соотвѣтствующіе акты господства не обусловливаясь, при этомъ, отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ государственной власти—признакъ, характеризующій международную независимость.

6) Независимость Св. Престола есть юридическое состояніе не всегда совпадающее съ его естественной независимостью. Подобное явленіе, непосредственно вытекающе изъ факта сосуществованія во времени и пространствѣ нѣсколькихъ суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, одинаково приложимо къ области взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ государствъ, а также—государства и церкви.

§ 28.

В) Суверенитетъ свобода и независимость Св. Престола органически связаны между собою:

1) Суверенитетъ Св. Престола, религіозный и свѣтскій, обусловливается объективной свободой католической церкви.

а) Въ качествѣ реальнаго носителя духовной власти, идеальнымъ субъектомъ которой является церковь, Св. Престолъ несомнѣнно господствуетъ надъ католической паствою, какъ таковою, поскольку источникъ вызываемаго имъ подчиненія не обусловливается, въ своемъ бытіи, согласіемъ подчиняемыхъ. Вопросъ о томъ, насколько подобное господство является, по природѣ своей, суверенным, тѣсно связанъ съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ церковь по отношенію къ государству. Подобное положеніе можетъ быть двоякаго рода — свободнымъ и подчиненнымъ: 1) Въ границахъ принадлежащей ей компетенціи духовная власть исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, въ томъ числѣ и государственной—признакъ, характеризующій состояніе свободы. 2) Духовная власть

признаетъ господство надъ собой государства не только въ области исключительно политической, но также духовной,—признакъ, характеризующій подчиненное положеніе. Въ зависимости отъ этого, господство религіознаго организма надъ вѣрующими облекается въ двоякую форму: въ первомъ случаѣ—верховенства, а во второмъ—полномочій.

b) Свѣтская власть Св. Престола, подобно духовной, обусловливается объективной свободой католической церкви. Мы видѣли выше, что со времени паденія церковнаго государства эта власть ограничивается совокупностью правъ, непосредственно вытекающихъ изъ экстерриторіальности папы въ предѣлахъ Ватикана. Подобная экстерриторіальность, будучи отрицательной формой верховенства, является, по природѣ своей, производной, тѣсно связанной съ наличностью у папы хотя бы одной изъ положительныхъ формъ власти: территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова или же личной формы господства. Первая, послѣ капитуляціи Рима, перестала служить достояніемъ куріи. Тѣмъ болѣе существенно для нея обладаніе второю. Отсюда становится яснымъ то значеніе, которое занимаетъ, въ данномъ вопросѣ, объективная свобода католической церкви, поскольку духовная власть, въ какой бы формѣ—положительной или же только отрицательной—она ни выражалась, получаетъ характеръ верховенства лишь подъ условіемъ объективной свободы даннаго религіознаго организма по отношенію къ государству. Въ противномъ случаѣ, господство Св. Престола неизбѣжно низводится до степени простыхъ полномочій, и самая экстерриторіальность папы—до степени привилегіи, любезно дарованной ему государственной властью.

2) Религіозный суверенитетъ Св. Престола, въ отличіе отъ свѣтскаго, не обусловливается субъективной свободою папства.

a) Религіозный суверенитетъ Св. Престола не обусловливается субъективной свободою папства. Въ этомъ вопросѣ характерно выступаетъ различіе между духовнымъ и свѣтскимъ верховенствомъ. Къ сожалѣнію,

громадное большинство писателей [1]) приходитъ къ противоположному выводу: признавая, что папство продолжаетъ сохранять за собой духовную власть, несмотря на паденіе церковнаго государства, они вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ за нею значеніе верховенства, будто бы окончательно утеряннаго Св. Престоломъ со времени капитуляціи Рима. Подобный взглядъ, господствующій въ современной литературѣ, несомнѣнно ложенъ въ принципѣ. Его ошибка коренится въ смѣшеніи понятій существа и содержанія власти, а также—суверенитета, свободы (объективной и субъективной) и независимости.

аа) Необходимость строго различать между понятіями существа и содержанія власти (верховенства) была нами указана выше. Съ точки зрѣнія идеальной природы явленій, входящихъ въ компетенцію церкви, духовная власть не совпадаетъ, конечно, съ государственной властью и, въ этомъ смыслѣ, функціонируетъ параллельно послѣдней хотя въ реальномъ бытіи отдѣльныхъ жизненныхъ явленій, въ вопросахъ такъ называемой смѣшанной компетенціи, объ власти нерѣдко между собой коллидируютъ. Подобная самостоятельность компетенцій, тѣсно связанная съ принципіальнымъ различіемъ интересовъ, преслѣдуемыхъ государствомъ и церковью—организмами политическимъ и религіознымъ—не измѣняетъ существа принадлежащаго имъ права господства надъ подданными, съ одной стороны, и вѣрующими—съ другой. Какъ государство, такъ и церковь остаются одинаково суверенными, поскольку господство обѣихъ властей не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

Вотъ почему, измѣненіе содержанія верховенства Св. Престола, вызванное событіями 1870 г., не могло отразиться на

---

[1]) Cadorna, l. c., p. 3 ss., 20 ss., 36 ss., Linden, l. c., S. 12 ff., 39 ff., Heilborn, l. s., S. 195 ff., 201, Minghetti, l. c., cap. III, p. 77 ss., 79, Zorn, l. c., S. 432 ff. и многіе друг. (см. выше стр. 239 сл.).

суверенной конструкціи тѣхъ актовъ господства, которые продолжаютъ, до настоящаго времени, служить достояніемъ куріи за вычетомъ правъ, нынѣ несомнѣнно утерянныхъ папствомъ послѣ паденія церковнаго государства.

bb) Второю ошибкой, повлекшей за собой отрицаніе суверенаго характера духовной власти, является отождествленіе понятій верховенства и свободы (субъективной), тѣсно связанной, какъ мы видѣли выше, съ наличностью у реальнаго носителя власти, каковымъ въ данномъ случаѣ является папа, территоріальной формы господства, несущественной для конструкціи власти вообще, независимо отъ вопроса о ея содержаніи. На почвѣ подобнаго отождествленія двухъ различныхъ по существу понятій, паденіе церковнаго государства ошибочно разсматривается въ качествѣ факта, будто бы уничтожившаго верховенство папы.

cc) То же должно сказать относительно смѣшенія верховенства съ независимостью. Послѣдняя органически связана съ субъективной свободой. Нельзя того же сказать по поводу перваго. При такихъ условіяхъ, капитуляція Рима не уничтожила и не могла уничтожить верховенства Св. Престола даже въ томъ случаѣ, если бы папство окончательно лишилось при этомъ—чего не случилось, однако, въ дѣйствительности—не только территоріальнаго властвованія въ тѣсномъ смыслѣ слова, но также экстерриторіальной власти въ предѣлахъ Ватикана, гарантирующей церкви субъективную свободу и независимость по отношенію къ государству.

dd) Къ аналогичной ошибкѣ приводитъ отождествленіе понятій объективной и субъективной свободы. Мы видѣли выше, насколько существенна для верховенства папы — реальнаго носителя власти—объективная свобода католической церкви — идеальнаго субъекта послѣдней. Господство государства надъ церковью неизбѣжно низводитъ духовную власть до степени полномочій, источникъ которыхъ коренится въ волѣ политическаго организма. Подобныя полномочія, относительныя, производныя, не имѣютъ ничего общаго съ абсолютной, первоначальной природой верховенства. От-

сюда не слѣдуетъ, однако, заключать, что подчиненное положеніе папы или собора—реальнаго носителя власти—одинаково отражается на религіозномъ верховенствѣ католической церкви.

b) Свѣтскій суверенитетъ Св. Престола обусловливается субъективной свободою папства, поскольку полицейскія функціи, административно-хозяйственная дѣятельность и гражданская юрисдикція куріи, несомнѣнно свѣтскаго характера, органически связаны съ экстерриторіальностью Ватикана и внѣподданствомъ главы католической церкви, гарантирующими папству субъективную свободу по отношенію къ государству. Въ этомъ моментѣ обнаруживается различіе между духовною властью, ограниченной личною формой господства, и свѣтскою — тѣсно связанной съ территоріальнымъ верховенствомъ, хотя бы послѣднее выражалось въ одной лишь экстерриторіальности реальнаго носителя власти.

3) Суверенитетъ Св. Престола не обусловливается независимостью католической церкви. Противоположное утвержденіе Линдена [1]), Бомпара [2]), Эсперсона [3]), Скадуто [4]) и прочихъ писателей, отрицающихъ верховенство папы послѣ паденія церковнаго государста [5]), основано на смѣшеніи различныхъ, по существу, понятій объективной свободы идеальнаго носителя власти, обусловливающей собою верховенство, и субъективной свободы реальнаго субъекта послѣдней, гарантирующей ему независимость.

4) Свобода Св. Престола—объективная и субъективная — обусловливается суверенитетомъ послѣдняго. Это правило одинаково приложимо ко всѣмъ вообще соціальнымъ организмамъ, религіознымъ и политическимъ.

---

[1]) Linden, l. c., S. 12 ff., 39 ff.

[2]) Bompard, Le Pape etc, p. 60 ss., 185 ss., 192 ss.

[3]) Esperson, l. c., I, p. 36 ss.

[4]) Scaduto, l. c., p. 260 ss, 281 ss.

[5]) Casella, l. c., p. 57 ss., Centi, l. c., p. 21 ss., 62 ss., 97 ss., 104 ss., Castellari, l. .c, II, p. 594 ss., и друг. (см. выше).

Объективная свобода католической церкви—право руководиться въ вопросахъ религіозныхъ исключительно собственной волею—необходимо предполагаетъ самобытность послѣдней по отношенію къ государству. Въ свою очередь, подобная самобытность коллективнаго организма тѣсно связана съ властью, объединяющей отдѣльныхъ частныхъ лицъ въ одно соціальное цѣлое, само въ себѣ почерпающее источникъ жизнеспособности. Только въ качествѣ власть имущаго организма, католическая церковь исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, въ вопросахъ относящихся къ ея компетенціи и, въ этомъ смыслѣ, является объективно свободной по отношенію къ государству. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ вѣковое стремленіе папства построить духовную власть на началахъ суверенаго властвованія: авторитетъ и самобытность церкви являются необходимымъ предположеніемъ ея объективной свободы. Въ этомъ смыслѣ, мы вполнѣ раздѣляемъ точку зрѣнія Либераторе [1]), Фарабулини [2]), Джіоббіо [3]), Пинкетти-Санмарки [4]), Эмбаръ Латура [5]) и прочихъ сторонниковъ католической доктрины [6]). То же должно сказать относительно субъективной свободы Св. Престола, возможной лишь въ условіяхъ экстерриторіальности Ватикана и внѣподданства папы — реальнаго носителя власти, идеальнымъ субъектомъ которой является церковь. Различіе между ними выражается лишь въ характерѣ власти, обусловливающей собою свободу. Въ то время какъ первая—объективная свобода католической церкви—не связана съ опредѣленнымъ содержаніемъ власти, религіозной или же свѣтской, субъективная свобода Св. Престола необходимо предполагаетъ обладаніе свѣтскимъ вер-

---

[1]) Liberatore, l. c., p. 8 ss., 16 ss., 19 ss.

[2]) Farabulini, l. c., I, p. 28 ss.

[3]) Giobbio, l. c., I, p. 24 ss., 64 ss., 77 ss., 82 ss.

[4]) Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 104 ss., 181.

[5]) Imbart Latour, l. c., p. 7 ss., 79 ss.

[6]) См. выше.

ховенстомъ, поскольку экстерриторіальность папы является территоріальною формой верховенства.

5) Объективная свобода Св. Престола не обусловливается его независимостью, поскольку субъективная свобода послѣдняго, гарантируемая экстерриторіальностью Ватикана и внѣподданствомъ папы—органически связанная съ его независимостью — не всегда является достояніемъ церкви, объективно свободной по отношенію къ государству. Исторія папства служитъ тому наглядным примѣромъ. Въ эпоху до Григорія VII, когда духовная власть сосредоточивалась въ рукахъ собора, католическая церковь, не обладая субъективной свободой, въ виду подчиненнаго положенія ея реальнаго носителя власти, каковымъ являлся соборъ, была лишена независимости по отношенію къ государству. Въ этомъ моментѣ ограниченія независимости религіознаго организма выражалась гегемонія свѣтской власти въ періодъ епископально-аристократическій. Подчиненное положеніе собора, ограничивая независимость церкви обязательствомъ обусловливаться въ осуществленіи власти некомпетентностью или бездѣйствіемъ государства. иначе говоря,—воздерживаться въ вопросахъ смѣшанной компетенціи отъ актовъ господства, нарушающихъ политическіе интересы, не разрушало, однако, суверенной природы духовной власти, поскольку господство послѣдней надъ паствою не обусловливалось въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ—характерные элементы верховенства. Авторитетная и самобытная въ представленіи паствы, католическая церковь, въ качествѣ идеальнаго субъекта верховенства, оставалась объективно свободной по отношенію къ государству, исключая, въ вопросахъ относящихся къ ея компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, хотя въ осуществленіи послѣдней она являлась зависимой. При такихъ условіяхъ, паденіе церковнаго государства въ 1870 г. не могло угрожать объективной свободѣ католической церкви даже въ томъ случаѣ, если бы папство лишилось экстерриторіальности и внѣпод-

данства, а слѣдовательно—субъективной свободы и независимости по отношенію къ итальянскому королевству.

6) Независимость Св. Престола обусловливается объективной и субъективной свободой католической церкви:

а) Независимость Св. Престола обусловливается объективной свободою католической церкви, поскольку прерогативы реальнаго носителя власти тѣсно связаны съ положеніемъ идеальнаго субъекта послѣдней. Подчиненіе церкви, обязуя духовную власть воздерживаться, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, отъ осуществленія актовъ господства, нарушающихъ политическіе интересы, налагаетъ на Св Престолъ обязательство—очевидно несовмѣстимое съ его независимостью — обусловливаться въ осуществленіи власти некомпетентностью или бездѣйствіемъ государства, въ пользу котораго ограничена независимость церкви.

b) Независимость Св. Престола обусловливается субъективной свободою католической церкви, поскольку подчиненное положеніе папы, обязуя послѣдняго, въ качествѣ подданнаго, слѣдовать. въ вопросахъ смѣшантой компетенціи, предначертаніямъ государства, ограничивало бы независимое осуществленіе куріей религіозныхъ актовъ господства надъ вѣрующими.

7) Независимость Св. Престола обусловливается суверенитетомъ католической церкви, поскольку свобода—существенный элементъ независимости—органически связана съ обладаніемъ властью, господство которой, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ — характерный признакъ верховенства.

С) Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собою, элементами международной правоспособности.—Ergo:

D) Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъек-

томъ международнаго права въ области взаимныхъ отношеній государства и католической церкви.

§ 30.

Паденіе церковнаго государства поставило свѣтскую власть въ непосредственныя отношенія къ Св. Престолу, какъ главѣ религіознаго организма. Положеніе папы-государя облегчало юридическую конструкцію взаимныхъ отношеній государства и куріи. Компромиссъ между ними по вопросамъ религіозно-политическаго характера, именуемый конкордатомъ, являлся одновременно съ этимъ отношеніемъ двухъ свѣтскихъ властей, поскольку папа, реальный носитель религіознаго верховенства, былъ свѣтскимъ государемъ, главою церкви и государства. Подобное соглашеніе, двойственное по характеру, могло быть, такимъ образомъ, разсматриваемо согласно началамъ международнаго права, независимо отъ вопроса о его приложимости къ церковно-государственнымъ отношеніямъ. То же должно сказать относительно дипломатическаго представительства куріи и права принужденія, осуществляемыхъ папою если и не въ качествѣ намѣстника Христа, то во всякомъ случаѣ на правахъ государя. При такихъ условіяхъ, международная правоспособность Св. Престола не возбуждала сомнѣній съ точки зрѣнія ея юридической обоснованности.

Событія 1870 г., уничтоживъ церковное государство, естественно возбудили вопросъ: насколько дальнѣйшее участіе папства въ международномъ общеніи является нынѣ возможнымъ?

Международная практика отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно. Какъ и прежде, до событій 1870 г., папа продолжаетъ осуществлять активное и пассивное право посольства, входитъ въ договорныя отношенія съ государствами, словомъ выступаетъ въ качествѣ главы соціальнаго

организма, равноправнаго государству. Далеко не столь одинаково разрѣшается папскій вопросъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Главнѣйшія контроверзы, имъ возбужденныя, сводятся къ слѣдующимъ:

1) Теорія, отрицающая международную правоспособность Св. Престола въ условіяхъ, созданныхъ капитуляціей Рима, разсматриваетъ верховенство и свободу въ качествѣ исключительнаго достоянія государства. Прочіе соціальные организмы, входящіе въ составъ послѣдняго, не обладая данными элементами лишены международной правоспособности. Территоріально и лично подчиненные государству, они обязаны признавать надъ собою господство закона, регулирующаго ихъ права и обязанности въ области взаимныхъ сношеній съ другими, одинаково подчиненными организмами, и государствомъ. Это начало одинаково приложимо ко всѣмъ соціальнымъ организмамъ, независимо отъ природы послѣднихъ. Отсюда становится ясной дальнѣйшая филіація идей, конечнымъ выводомъ изъ которой отрицается международная правоспособность современнаго папства: капитуляція Рима, уничтоживъ территоріальное верховенство куріи, привела къ разложенію церковнаго государства, поскольку всякое вообще государство органически связано съ территоріей. Не обладая болѣе свѣтскою властью, лишенный верховенства, Св. Престолъ вычеркивается изъ списка субъектовъ международнаго права. Его положеніе главы церкви само по себѣ недостаточно для признанія международной правоспособности папства. Видимыя исключенія, сохраненныя въ пользу куріи международною практикой, являются лишь кажущимися: сношенія Ватикана съ иностранными государствами не заключаютъ въ себѣ элементовъ, изъ которыхъ слагается активное и пассивное право посольства, —представительство куріи ограничивается вопросами исключительно религіознаго характера. Вопросы политики, изъятые изъ компетенціи церкви, являются нераздѣльнымъ достояніемъ государства. Въ этой области, свѣтская власть функціонируетъ вполнѣ автономно. То же должно

сказать относительно конкордата, регламентирующаго положеніе мѣстной церкви въ государствѣ, въ составъ котораго она входитъ. Наконецъ, не обладая болѣе подданными, Св. Престолъ не въ состояніи осуществлять нѣкогда принадлежавшаго ему, въ качествѣ свѣтскаго государя, права международнаго принужденія. Такимъ образомъ, главнѣйшія положенія данной теоріи сводятся къ слѣдующимъ:

1) Оккупація Рима Италіей уничтожила территоріальное верховенство папства.

2) Уничтоженіе территоріальнаго верховенства папства повлекло за собой разложеніе церковнаго государства.

3) Государство является исключительнымъ обладателемъ верховенства и свободы—существенныхъ элементовъ международной правоспособности.—Ergo:

4) Св. Престолъ, лишенный въ настоящее время свѣтской власти, а слѣдовательно верховенства и свободы, не можетъ и не долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права.

Эта теорія, отрицающая международную правоспособность современнаго папства, подраздѣляется, въ свою очередь, на двѣ:

а) Громадное большинство итальянистовъ, Эсперсонъ [1]), Скадуто [2]), Карнацца-Амари [3]), Пальма [4]), Габибъ [5]), Пьерантони [6]) и мн. другіе [7]), разсматриваютъ сношенія

---

[1]) Esperson, l. c., I, p. 36 ss., 294 ss.

[2]) Scaduto, l. c., p. 283 ss.

[3]) Carnazza-Amari, l. c., II, p. 150 ss., 503 ss.

[4]) Palma, l. c., p. 378 ss.

[5]) Gabib, l. c., p. 67 ss.

[6]) Pierantoni, l. c., p. 487.

[7]) См. Bompard, Le Pape etc., p. 57, 185 ss., Brusa, l. c., p. 121 ss., Linden, l. c., S. 12 ff., 32 ff., Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 181 ff., Holtzendorff, Völkerr. Erläut. etc., S. 308 ff. Hinschius, l. c., S. 270 ff. По мнѣнію послѣдняго, выдающееся политическое значеніе папства не можетъ служить основаніемъ для признанія за нимъ особаго юридическаго положенія, поскольку, въ противномъ случаѣ „die Führer der internationalen oder der Socialdemokratie könnten vielleicht auch auf die Idee kom-

государствъ съ римскою куріей въ качествѣ публично-правового вопроса, разрѣшаемаго внутреннимъ законодательствомъ. Регламентируя положеніе мѣстной церкви, государство вправѣ вступать въ соглашенія съ куріей или же ее игнорировать, опредѣлять права и обязанности мѣстнаго духовенства законодательнымъ порядкомъ, не прибѣгая къ содѣйствію Ватикана. Независимость государства, въ этомъ вопросѣ, ограничивается единственнымъ обязательствомъ: воздерживаться отъ превышенія власти, нарушающаго компетенцію другихъ государствъ. При такихъ условіяхъ, привилегированное положеніе папы въ предѣлахъ Италіи является актомъ свободной воли послѣдней. Созданное закономъ о гарантіяхъ 1871 г., оно можетъ быть измѣняемо аналогичнымъ порядкомъ. Такова юридическая постановка вопроса. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы съ политической точки зрѣнія итальянское правительство обладало такой же свободою.

b) Исходя изъ аналогичныхъ соображеній, Гейльборнъ [1]) приходитъ къ противоположному выводу. Паденіе церковнаго государства, уничтоживъ свѣтскую власть куріи, сохранило, однако, за папой положеніе главы католической церкви. Мало того, провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости на послѣднемъ Ватиканскомъ соборѣ, почти одновременно съ капитуляціей Рима, еще болѣе возвысило курію, совокупивъ въ ея рукахъ всю полноту духовной власти. Централизація католической церкви, обнимающей мильоны вѣрующихъ, разсѣянныхъ по различнымъ странамъ, естественно

men, eine solche Stellung zu beanspruchen“ (ibid. S.275). Къ сожалѣнію Гиншіусъ упускаетъ, при этомъ, изъ виду субъективную свободу Св. Престола, его внѣгосударственное положеніе, обезпеченное экстерриторіальностью и внѣподданствомъ папства (см. выше), чего нельзя сказать про главарей социалъ-демократической и прочихъ парламентскихъ партій. Аналогичнаго взгляда придерживается Centi (l. c, p. 104 ss.), отождествляющій католическую церковь, въ правовомъ отношеніи, съ прочими религіозными обществами, входящими въ составъ государства.

[1]) Heilborn, l. c., S. 195 ff.

переноситъ центръ тяжести церковной политики государства изъ предѣловъ его территоріи въ Римъ — резиденцію папы. Государство поставлено въ необходимость акредитировать при Св. Престолѣ своихъ представителей, заключать конкордаты, словомъ, во имя многообразныхъ интересовъ религіозно-политическаго характера, поддерживать сношенія съ Ватиканомъ. Подобными соображеніями не исчерпывается содержаніе римскаго вопроса. Дѣло въ томъ, что религіозные интересы, наряду съ прочими духовными и матеріальными интересами населенія, входятъ въ общій циклъ культурныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ государствомъ. Функціонируя въ этой области, свѣтская власть осуществляетъ безспорно присущее ей право, поскольку содержаніе государственной компетенціи опредѣляется не только территоріальными, но также предметными признаками. Въ этомъ смыслѣ, свобода сношенія съ римскою куріей является международнымъ правомъ каждаго государства, какъ такового; его нарушеніе — преступнымъ посягательствомъ на прерогативы послѣдняго, вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла. Это начало должно быть признано руководящимъ при разрѣшеніи римскаго вопроса. Территоріальныя приращенія Италіи въ 1870 г. не измѣняютъ природы послѣдняго. Пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, созданнымъ инкорпораціей церковнаго государства, итальянское королевство не вправѣ воздвигать китайской стѣны между Св. Престоломъ и государствами, заинтересованными поддерживать съ нимъ сношенія. При такихъ условіяхъ, произвольное измѣненіе закона о гарантіяхъ, регламентирующаго условія свободнаго общенія съ Ватиканомъ, встрѣчаетъ не только политическія, но также юридическія препятствія. Отсюда не слѣдуетъ, однако, необходимость признанія международной правоспособности папства, поскольку субъектами международнаго права являются лишь государства. Обязанная по отношенію къ послѣднимъ, Италія свободна отъ какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ Св. Престолу, лишь косвенно принимающему участіе въ международномъ сервитутѣ, созданномъ оккупаціей

Рима. Аналогичнаго взгляда придерживается Бонги [1]). Въ томъ же, повидимому, смыслѣ высказывается и Листъ [2]).

Такимъ образомъ, сходство и различіе этихъ теорій выражается въ слѣдующихъ чертахъ:

1) Признаки сходства:

a) Каждое государство вправѣ автономно регулировать свои отношенія къ куріи.

b) Подобныя церковно-государственныя отношенія лишены международно-правового характера.

c) Произвольное измѣненіе Италіей закона о гарантіяхъ ограничивается соображеніями внутренней и международной политики.

2) Признаки различія:

a) Первая теорія разсматриваетъ римскій вопросъ исключительно съ точки зрѣнія внутренняго государственнаго права. Наоборотъ, Гейльборнъ, признавая свободу сношеній съ Ватиканомъ международнымъ правомъ каждаго государства, независимо отъ его географическаго положенія, возвышаетъ римскій вопросъ до степени международно-правового. Иначе говоря, представители первой теоріи ограничиваютъ предметную компетенцію государствъ территоріальной компетенціей Италіи, тогда какъ послѣдній поступаетъ обратно, ограничивая территоріальныя права Италіи въ пользу предметной компетенціи прочихъ державъ.

b) Отсюда слѣдуетъ далѣе, что произвольное измѣненіе Италіей закона о гарантіяхъ ограничивается, согласно первой теоріи, соображеніями исключительно политическаго характера. Гейльборнъ усматриваетъ въ этомъ вопросѣ препятствія юридическія: публичное право Италіи вотировать новый законъ, измѣняющій юридическое положеніе Св. Престола, ограничивается международнымъ правомъ прочихъ державъ входить въ непосредственныя сношенія съ римскою куріей.

---

[1]) Bonghi, I trib. Vaticani, p. 160 ss.

[2]) Liszt, l. c., p. 37 fg.

Обѣ теоріи, только что нами изложенныя, расходясь во взглядахъ на международныя обязательства Италіи, сходятся, такимъ образомъ, въ главномъ: какъ Гейльборнъ, такъ и прочіе писатели этой группы одинаково отрицаютъ современную международную правоспособность Св. Престола.

Мы не можемъ признать справедливости подобнаго взгляда, основаннаго на неправильной конструкціи международной правоспособности вообще и ея существенныхъ элементовъ. Разсматривая его главнѣйшіе доводы, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Государство органически связано съ территоріей. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Его господство надъ подчиняемымъ населеніемъ выражается въ двухъ формахъ—территоріальной и личной. Этимъ моментомъ оно отличается отъ церкви, организма исключительно соціальнаго, построеннаго на началахъ личнаго подчиненія.

2) Оккупація Рима Италіей уничтожила территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство папства. Капитуляція 20 сентября лишила его данной формы верховенства на всемъ протяженіи территоріи, нѣкогда входившей въ составъ церковнаго государства, не исключая и Ватикана, настоящей резиденціи папства.

3) Потеря территоріальной власти въ тѣсномъ слыслѣ слова повлекла за собой разложеніе церковнаго государства, поскольку послѣднее, какъ всякое вообще государство, органически связано съ данной формой верховенства. Мы вполнѣ согласны съ этимъ положеніемъ, отчасти признаемъ и дальнѣйшее:

4) Съ паденіемъ церковнаго государства Св. Престолъ неизбѣжно лишился тѣхъ функцій власти, которыя органически связаны съ территоріальнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенствомъ, утерянным куріей. Этотъ фактъ не можетъ, однако, служить основаніемъ отрицать за ней право на дѣятельность, непосредственно вытекающую изъ экстерриторіальности Ватикана и внѣподданства папства (см. выше).

5) Государство дѣйствительно является субъектомъ международнаго права, но не единственнымъ, какъ это утверждаютъ противники международной правоспособности папства. Участіе политическихъ организмовъ въ составѣ международнаго общества есть непосредственный результатъ обладанія элементами международнаго права — суверенитетомъ, свободой и независимостью. Отсюда слѣдуетъ, что всякій суверенный, свободный и независимый организмъ долженъ быть признанъ полноправнымъ членомъ международнаго общества. Противоположный взглядъ основанъ на смѣшеніи родовыхъ признаковъ субъекта международнаго права съ видовыми признаками государства. Въ качествѣ союза людей, связанныхъ въ одно соціальное цѣлое общностью религіозныхъ интересовъ и власти, надъ ними господствующей, католическая церковь, подобно государству, является власть имущимъ, суверенным организмомъ, поскольку осуществляемые ею акты господства надъ паствою не обусловливаются, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ — характерный признакъ верховенства. Различіе между государствомъ и церковью, въ данномъ вопросѣ, выражается лишь въ содержаніи обѣихъ властей, духовной и свѣтской, по существу однородныхъ, одинаково авторитетныхъ и самобытныхъ и, въ этомъ смыслѣ, вполнѣ равноправныхъ другъ другу. Исключая, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, католическая церковь — идеальный носитель религіознаго верховенства — является вмѣстѣ съ тѣмъ объективно-свободной по отношенію къ государству. То же должно сказать относительно ея независимости, строго обоснованной въ условіяхъ экстерриторіальности Ватикана и внѣподданства папства, гарантирующихъ Св. Престолу субъективную свободу, а съ нею вмѣстѣ политическую и религіозную независимость.

2) Теорія, отрицающая „de iure“, но признающая и оправдывающая „de facto“ международную правоспо-

собность Св. Престола. Содержаніе этой теоріи исчерпывается тремя положеніями:

a) Со времени капитуляціи Рима, уничтожившей церковное государство, Св. Престолъ, лишенный существенныхъ элементовъ международной правоспособности, не можетъ быть признанъ „stricto iure“ субъектомъ международнаго права; таковымъ является лишь государство.

b) Международная практика сохранила, однако, за папою совокупность правъ, присвоенныхъ главѣ государства. Въ этомъ отношеніи, событія 1870 г. не внесли видимыхъ измѣненій въ область взаимныхъ сношеній государствъ со Св. Престоломъ.

c) Подобное исключеніе изъ общаго правила вполнѣ оправдывается соображеніями цѣлесообразности: выдающееся положеніе папы, какъ главы церкви, его религіозно-нравственный авторитетъ въ вопросахъ политики, просвѣтительная миссія Св. Престола. словомъ, совокупность религіозныхъ и политическихъ факторовъ, побуждающихъ государства входить въ непосредственныя сношенія съ римскою куріей, является достаточнымъ основаніемъ для признанія за нею значенія субъекта международнаго права. Какъ бы ни было юридически обосновано противоположное утвержденіе,—разсматривать папу въ качествѣ подданнаго итальянскаго королевства, значило бы нарушать существенные интересы государства. Такова теорія Бруніальти [1]), Казеллы [2]), а также большинства интернаціоналистовъ, особенно Прадье-Фодере [3]), Бонфиса [4]) и Бри [5]). Аналогичнаго взгляда придерживаются, повидимому, Ф. Ф. Мартенсъ [6]), Пьеделіевръ [7]), Фуанье [8]) и многіе другіе [9]).

---

[1]) Brunialti, l. c., p. CXXXIV ss.

[2]) Casella, l. c., p., 32 ss., 39 ss.

[3]) Pradier-Fodéré, Traité, I, p. 151 ss., Cours, I, p. 66 ss., 96 ss., 193 ss.

[4]) Bonfils, l. c, p. 71 ss., 182 ss., 450 ss.

[5]) Bry, l. c., p., 34., 346 ss.

[6]) Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II. стр. 113 сл.

Такимъ образомъ, представители данной теоріи разсматриваютъ современное международное положеніе папства съ точки зрѣнія несоотвѣтствія теоріи съ практикой. Склоняясь въ пользу послѣдней, они признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость принципа, въ силу котораго субъектами международнаго права являются лишь государства. Этимъ, конечно, вопросъ не разрѣшается, но лишь обходится. Если международная практика, признающая за Св. Престоломъ, хотя бы по аналогіи, значеніе субъекта международнаго права, дѣйствительно коренится въ природѣ вещей, характеризующихъ взаимныя отношенія государства и католической церкви, если права куріи въ этой области логически вытекаютъ изъ элементовъ международной правоспособности папства, выступающихъ изъ рамокъ теоріи, согласно которой государство является единственнымъ субъектомъ международнаго права, въ такомъ случаѣ необходимо разъ навсегда покончить съ подобной теоріей, создать новую конструкцію международной правоспособности, могущую обнять не только междугосударственныя, но также церковно-государственныя отношенія. Обратно, допустивъ справедливость прежней конструкціи, нельзя не придти къ заключенію, что несоотвѣтствіе съ нею международной практики въ римскомъ вопросѣ обрекаетъ послѣднюю на безплодность.

3) Теоріи, признающія международную правоспособность Св. Престола, подраздѣляются на двѣ группы:

а) Представители первой, Оливаръ [1]), Содерини [2]),

---

[7]) Piédelièvre, l. c., II, p. 548 ss., 580 ss.

[8]) Foignet, Manuel élémentaire de droit international public, p. 384 ss., 387.

[9]) Bluntschli, l. c., S. 7 ff., 16 ff., 26 ff. Rivier, l. c., I, p. 120 ss., Nys, l. c., p. 501 ss., 531 ss., Despagnet, Cours, p. 140 ss., Ullmann, l. c., S 40, 62 ff., Gareis. Institutionen, S. 49.

[1]) Olivart, l. c., p. 11 ss., 56 ss., 61 ss., 70 ss.

[2]) Soderini, l. c., p. 533 ss.

Корси [1]), Гейгель [2]), Джіоббіо [3]), Фарабулини [4]) и Пинкетти-Санмарки [5]), утверждаютъ за папствомъ значеніе субъекта международнаго права, разсматривая капитуляцію 20 сентября въ качествѣ факта, умалившаго въ количественномъ отношеніи территоріальное верховенство куріи. Въ предѣлахъ Ватикана, до настоящаго времени не оккупированнаго Италіей, папа продолжаетъ оставаться такимъ же свѣтскимъ государемъ, какимъ онъ являлся и прежде. Несомнѣнно, что пространство занимаемое Ватиканомъ ничтожно сравнительно съ территоріей, нѣкогда входившей въ составъ церковнаго государства. Величина территоріи несущественна, однако, для конструкціи государства. Княжество монакское, республики андоррская и санъ-марино служатъ тому наглядными примѣромъ. Словомъ, событія 1870 г. не уничтожили церковнаго государства. Противоположное утвержденіе основано на неправильномъ толкованіи этихъ событій. Папа является не только непогрѣшимымъ главою церкви, но также свѣтскимъ государемъ, политически независимымъ по отношенію къ Италіи и прочимъ державамъ. При такихъ условіяхъ, Св. Престолъ долженъ быть признанъ полноправнымъ членомъ международнаго общенія. Но этого мало, его международная личность юридически обоснована независимо отъ вопроса о судьбѣ церковнаго государства и дальнѣйшаго обладанія свѣтскою властью. Католическая церковь, какъ таковая, заключаетъ въ себѣ существенные элементы международной правоспособности, будучи авторитетной и самобытной, а слѣдовательно суверенной и объективно свободной по отношенію къ государству, и, въ этомъ смыслѣ, вполнѣ равноправна послѣднему. Такимъ образомъ, наличность религіознаго верховенства признается вполнѣ достаточной для участія папства въ международномъ общеніи. Свѣтская власть разсматривается

[1]) Corsi, l. c, p. 13 ss., 45 ss.

[2]) Geigel, l. c., S. 14 ff.

[3]) Giobbio, l. c., I, p. 24 ss.

[4]) Farabulini, l. c., I, p. 28 ss., 60 ss., 80 ss., 126 ss., 171 ss.

[5]) Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 51 ss., 185 ss., 193 ss., 289 ss.

въ качествѣ дополнительнаго элемента, безразличнаго, въ юридическомъ отношеніи, для конструкціи международной правоспособности папства, что не умаляетъ, однако, ея политическаго значенія, какъ средства огражденія независимости Св. Престола по отношенію къ государству.

Преимущество данной теоріи сравнительно съ прочими, отрицающими международную правоспособность Св. Престола, заключается въ признаніи суверенаго характера духовной власти папы, какъ главы церкви (см. выше). Ея существенные недостатки выражаются въ двоякомъ отношеніи:

1) Разсматривая верховенство и объективную свободу католической церкви въ качествѣ элементовъ, достаточныхъ для конструкціи международной правоспособности папства, представители данной теоріи упускаютъ изъ виду существенную—не только политическую, но также юридическую—роль независимости, какъ третьяго, необходимаго элемента международной правоспособности. Причина подобной ошибки коренится въ смѣшеніи понятій объективной свободы и независимости, а также—отсутствіи точнаго опредѣленія верховенства.

2) Утверждая полноту территоріальнаго властвованія Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана, куріалисты неправильно оцѣниваютъ событія 1870 г. Окончательное покореніе Италіей бывшей территоріи церковнаго государства, и относительное стратегическое господство послѣдней, созданное оккупаціей Рима, уничтожили территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство папства, а съ нимъ и церковное государство, органически связанное съ данною формой верховенства.

b) Въ отличіе отъ только-что приведенной теоріи, Кретьенъ [1]), Гойо [2]), Мериньякъ [3]), Эмбаръ-Латуръ [4]),

[1]) Chrétien, Principes, p. 71 ss. Revue (l. c., p. 281 ss., 286 ss.).

[2]) Goyau, Revue (l. c., p. 590 ss.).

[3]) Mérignhac, l. c., p. 16 ss.

[4]) Imbart Latour, l. c., p. 7 ss., 68 ss., 79 ss.

Лампертико [1]), Цокки [2]), Фіоре [3]), Кастеллари [4]) и Цаникелли [5]) строятъ международную правоспособность современнаго папства непосредственно на религіозномъ верховенствѣ и объективной свободѣ Св. Престола.

Субъектомъ международнаго права признается всякій общественный организмъ, преслѣдующій опредѣленныя культурныя цѣли, самобытный, жизнеспособный и самостоятельный по отношенію къ другимъ организмамъ, въ томъ числѣ и государству. Отсюда выводятся два заключенія:

1) Обладая указанными элементами, государство является субъектомъ международнаго права, но не единственнымъ, поскольку территорія, съ которою государства органически связано, не составляетъ необходимаго предположенія международной личности.

2) Св. Престолъ, наряду съ государствами, долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права, поскольку католическая церковь является организованнымъ соціальнымъ цѣлымъ, преслѣдующимъ опредѣленныя культурныя цѣли, самобытнымъ, жизнеспособнымъ и самостоятельнымъ по отношенію къ государству. Международною правоспособностью могутъ пользоваться и прочія церкви, подъ условіемъ обладанія указанными элементами. Таковы основныя положенія данной теоріи [6]). Разногласіе среди ея представителей сводится лишь къ вопросу о квалификаціи религіознаго верховенства и объективной свободы, въ качествѣ существенныхъ элементовъ международной правоспособности папства. Утверждая послѣднюю, Фіоре исходитъ изъ понятія объективной

---

[1]) Lampertico, l. c., p. 50 ss., 60 ss.

[2]) Zocchi, l. c., p. 245 ss., 265 ss., 278 ss., 283 ss.

[3]) Fiore, l. c., I, p. 462 ss., 483 ss.

[4]) Castellari, l. c., II, p. 536 ss., 607.

[5]) Zanichelli, l. c., p. 102 ss.

[6]) Аналогичнаго взгляда придерживаются Vering, l. c., S. 346 ff., Laemmer, l. c., S. 333 ff., Gerlach, l. c., S. 44 fg., Strodl, l. c., S. 2 ff., и проч. писатели, разсматривающіе конкордатъ въ качествѣ международнаго договора (см. ниже).

свободы католической церкви, умаляя, при этомъ, духовную власть до степени исключительно нравственнаго воздѣйствія. Наоборотъ, Кретьенъ преимущественно опирается на религіозное верховенство Св. Престола. Подобное разногласіе не играетъ, однако, существенной роли: какъ первый [1]), такъ и второй [2]) не проводятъ строгаго различія между понятіями верховенства, свободы и независимости. То же должно сказать относительно прочихъ представителей данной теоріи [3]). Во всякомъ случаѣ, они сходятся въ главномъ: 1) Св. Престолъ признается субъектомъ международнаго права несмотря на событія 1870 г. 2) эти событія справедливо разсматриваются въ качествѣ факта, повлекшаго за собой паденіе церковнаго государства, въ виду совершеннаго уничтоженія территоріальнаго верховенства куріи. Въ этомъ моментѣ, данная теорія расходится съ предыдущей, утверждающей полноту территоріальнаго властвованія Св. Престола въ предѣлахъ Ватикана. Къ сожалѣнію, она впадаетъ въ противоположную крайность, отрицая наличность у папы элементовъ территоріальнаго властвованія—ошибка вполнѣ понятная, если разсматривать различныя формы территоріальнаго верховенства въ обширномъ смыслѣ слова, въ качествѣ нерасчленимаго цѣлаго (см. выше). Дальнѣйшей ошибкой является допущеніе международной правоспособности Св. Престола въ условіяхъ политической подчиненности папы, неизбѣжной при отсутствіи у него экстерриторіальной формы верховенства, а слѣдовательно и субъективной свободы — необходимаго предположенія политической независимости.

---

[1]) Фіоре усматриваетъ существенныя свойства верховенства во внѣшней и внутренней автономіи управомоченнаго организма (l c., I, p. 247 ss.).

[2]) По мнѣнію Кретьена, суверенитетъ представляетъ собою: „un pouvoir autonome, existant per se, jouissant d'une indépendance absolue de toute autre personne.... Or l'essence même de toute souveraineté, savoir indépendance....“ (Revue générale de dr. int. publ., 1899, Mai—Juin, p. 286);

[3]) Согласно Calisse (l. c., p 452 ss.), международная правоспособность не можетъ быть признана за католической церковью, какъ таковою; субъектомъ международнаго права является одинъ лишь Св. Престолъ.

Къ отмѣченнымъ недостаткамъ принципіальнаго характера присоединяются сбивчивость терминологіи, смѣшеніе понятій верховенства, свободы и независимости, и, наконецъ, отсутствіе точнаго опредѣленія международной правоспособности, въ чемъ не трудно убѣдиться, бросивъ хотя бы бѣглый взглядъ на то, что согласно этой теоріи признается ея существенными элементами. Жизнеспособность является необходимымъ условіемъ всякаго вообще соціальнаго организма, преслѣдующаго постоянныя цѣли. Жизнеспособны не только государство и католическая церковь, но также община, входящая въ составъ государства, и многія другія публичныя и частныя корпораціи, свѣтскія и религіозныя. То же должно сказать относительно организаціи. Всякая корпорація должна обладать извѣстной организаціей, въ противномъ случаѣ она теряетъ жизнеспособность, становится инертнымъ тѣломъ, подлежащимъ распаду. Болѣе удачна ссылка на самобытность, какъ на существенный элементъ международной правоспособности. Дѣйствительно, не всякій общественный организмъ необходимо является самобытнымъ. Въ этомъ моментѣ, какъ мы видѣли выше, обнаруживается различіе между государствомъ и общиной. Самобытность, сама по себѣ, недостаточна, однако, не только для конструкціи международной правоспособности, но даже—верховенства, одного изъ элементовъ послѣдней. Наконецъ, самостоятельность или независимость — ихъ употребляютъ въ качествѣ синонимовъ — требуютъ болѣе точныхъ опредѣленій, которыхъ, къ сожалѣнію, не даютъ представители этой теоріи. Какъ мы видѣли выше, самостоятельность выражается въ формахъ: свободы — объективной и субъективной — и независимости, одинаково существенныхъ для конструкціи международной правоспособности. Между тѣмъ Фіоре, Кретьенъ и проч. писатели этой группы, избѣгая юридической формулировки, не проводятъ между ними никакого различія. Таковы главнѣйшія группы теорій, посвященныхъ вопросу о современной международной правоспособности папства. Сопоставляя ихъ вмѣстѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Представители первой теоріи вполнѣ правильно разсматриваютъ событія 1870 г. въ качествѣ факта, уничтожившаго территоріальное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, верховенство папства, а съ нимъ и церковное государство. Ограничивая право участія въ международномъ общеніи въ пользу государства, они приходятъ, однако, къ ошибочному отрицанію современной международной правоспособности папства, освященной международною практикой и строго обоснованной въ условіяхъ обладанія Св. Престоломъ ея существенными элементами — суверенитетомъ, свободой и независимостью.

2) Ближе къ дѣйствительному положенію вещей теорія, хотя и отрицающая „de iure“, но признающая и оправдывающая „de facto“ международную правоспособность Св. Престола. Къ сожалѣнію, ложная, въ принципѣ, постановка вопроса на почвѣ противорѣчія между практикой и теоріей обрекаетъ послѣднюю на безплодность.

3) Неосновательнъ взглядъ, утверждающій полноту территоріальнаго верховенства папства въ предѣлахъ Ватикана. Капитуляція Рима повлекла за собой совершенное уничтоженіе церковнаго государства. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы Св. Престолъ лишился экстерриторіальности въ предѣлахъ не оккупированнаго Италіей Ватикана.

4) Правильнѣе теорія, разсматривающая Св. Престолъ въ качествѣ члена международнаго общенія и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицающая полноту территоріальнаго верховенства куріи. Къ сожалѣнію, при этомъ упускается изъ виду значеніе субъективной свободы папства—необходимаго предположенія политической независимости Св. Престола. Международная правоспособность послѣдняго непосредственно выводится изъ религіознаго верховенства и объективной свободы главы католической церкви.—Резюмируя изложенное выше, мы приходимъ къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Св. Престолъ является суверенным, поскольку осуществляемые имъ акты господства надъ католической паствою не обусловливаются въ своемъ бытіи властью дру-

гихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ (см. выше).

2) Св. Престолъ является объективно и субъективно свободнымъ, исключая, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, господство надъ собою другихъ организмовъ.

3) Св. Престолъ является независимымъ, не обусловливаясь, въ осуществленіи актовъ господства, некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ.

Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія международной правоспособности папства [1]), поскольку суверенитетъ, свобода и независимость являются существен-

[1]) Въ 1892 г. французскій судъ 1-ой инстанціи въ Мондидье призналъ международную правоспособность Св. Престола, разсматривая папу въ качествѣ главы и представителя „de la puissance souveraine désignée en droit public international sous le nom de Saint-Siège ou de Papauté.... reconnue depuis longtemps par la France en qualité d'Etat étranger.... cette reconnaissance, manifestée par l'échange de représentants diplomatiques, par la signature des traités en vigueurs, par des négociations fréquentes dirigées par les ministres français des affaires étrangères, n'a pas été modifiée à la suite des événements accomplis en 1870". Исходя изъ этого положенія, судъ призналъ возможнымъ утвердить, резолюціей отъ 4 февраля, завѣщаніе маркизы du Plessis-Bellière, отказавшей въ пользу Св. Престола свое недвижимое имущество. Послѣдующее рѣшеніе Аміенскаго апелляціоннаго суда, отмѣнившаго 21 февраля 1893 г. резолюцію 1-ой инстанціи, основано на соображеніяхъ гражданско-правового характера, не умаляющихъ только что приведенной оцѣнки современной международной правоспособности Св. Престола. Апелляціонный судъ призналъ недѣйствительнымъ завѣщаніе маркизы, утверждая, что послѣдняя имѣла въ виду передать свое имущество папѣ, какъ главѣ церкви, а не Св. Престолу, какъ субъекту верховенства; между тѣмъ, католическая церковь не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ юридическаго лица, обладающаго, согласно французскимъ законамъ, „testamenti factio passiva". См. по этому поводу Ducrocq, De la personnalité civile en France du Saint-Siège et des autres puissances étrangères (Revue du droit public et de la science politique en France et à l'Etranger, 1894, p. 47 ss.), Michoud, Capacité des personnes morales étrangères et particulièrement du Saint-Siège (Revue de droit international public, 1894, p. 193), Surville, Le Pape institué légataire universel (Revue critique, 1894, p. 266), Pierantoni, l. c., p. 437 ss., Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 214 ss.

ными элементами международной правоспособности вообще, безотносительно къ природѣ облеченныхъ ею общественныхъ организмовъ—религіозныхъ и политическихъ.

§ 31.

2. Совокупность международныхъ правъ и обязанностей Св. Престола, основныхъ и производныхъ, органически связанныхъ между собою, въ свою очередь органически связана съ элементами международной правоспособности папства: суверенитетомъ, свободой и независимостью.

А) Совокупность международныхъ правъ и обязанностей Св. Престола слагается изъ двухъ категорій правъ и обязанностей — основныхъ и производныхъ.

АА) Основныя международныя права Св. Престола слагаются изъ трехъ правъ—договора, представительства и принужденія, необходимо присущихъ всякому суверенному, свободному и независимому организму.

I. Св. Престолъ является субъектомъ международнаго договорнаго права, обязуясь, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не иначе, какъ въ силу собственной воли.

Вопросъ о договорномъ правѣ Св. Престола, иначе говоря, о юридической природѣ конкордата, вызываетъ многочисленныя контроверзы, что вполнѣ объясняется сложностью юридической конструкціи церковно-государственныхъ отношеній. Главнѣйшія контроверзы сводятся къ слѣдующимъ:

1) Исходя изъ идеи всемірной папской монархіи, средневѣковая католическая доктрина не могла не разсматривать конкордата въ качествѣ церковной привилегіи, даруемой государству, поскольку папа, совмѣщая въ своихъ рукахъ и духовную и свѣтскую власть, вправѣ самостоятельно опредѣлять церковно-государственныя отношенія. Эта теорія, по-

строенная на началахъ ограниченія „объективной свободы“ государства въ пользу церкви, послужила руководящимъ началомъ политики Григорія VII, Иннокентія III и прочихъ представителей Св. Престола, низводившихъ свѣтскую власть государя до степени „полномочій“, вручаемыхъ папою. Изъ современныхъ писателей, въ пользу конструкціи конкордата, какъ церковной привилегіи, высказываются Тарквини [1]), Аудизіо [2]), Бональдъ [3]), а также, повидимому, Либераторе [4]).

2) Въ силу аналогичныхъ соображеній, лишь переставленныхъ въ обратномъ порядкѣ, Гиншіусъ [5]), Цорнъ [6]), Сарвей [7]) и Роттекъ [8]) отождествляютъ конкордатъ съ публичной привилегіей, даруемой церкви государственной властью, по предварительномъ соглашеніи съ Ватиканомъ. За куріей сохраняется лишь совѣщательный голосъ; рѣшающій—принадлежитъ государству. Гегемонія свѣтской власти облекается въ форму ограниченія „объективной свободы“ церкви—религіозной корпораціи, всецѣло подчиненной закону.

3) Въ отличіе отъ только-что приведенныхъ теорій, альтернативно ограничивающихъ „объективную свободу“ госу-

---

[1]) „Eiusmodi concordata iuxta praedictam notionem ordinario et regulariter privilegiis adnumeranda esse; ita ut Concordatum recte definiatur: Lex particularis ecclesiastica pro aliquo regno Summi Pontificis auctoritate edita ad instantiam Principis eius loci, speciali eiusdem principis obligatione confirmata, se eam perpetuo servaturum“; C. Tarquini, l. c., p. 73.

[2]) Audisio, Juris naturae et gentium privati et publici fundamenta, Beneventi 1854, lib. III, tit. 12, p. 313 ss., его же Diritto pubblico della Chiesa e delle genti Cristiane, Roma 1863.

[3]) Bonald, Deux questions sur le concordat de 1801, p. 8 ss.

[4]) Liberatore, l. c., p. 411 ss.

[5]) Hinschius, l. c., S. 271 ff. Согласно послѣднему, конкордатъ является проектомъ закона, получающимъ юридическую силу по утвержденіи его въ законодательномъ порядкѣ (S. 278).

[6]) Zorn, Lehrb. d. K—R., S. 431 ff.

[7]) Sarwey, Ueber die rechtliche Natur der Concordate (Dove's Zeitschr. für Kirchenr. Bd II, S. 437 ff., Bd III, S. 267 ff.,).

[8]) Rotteck, Staatslexikon, III, S. 731 ff.

дарства или же церкви, большинство писателей, Пьерантони [1]), Пальма [2]), Бруза [3]) и другіе [4]) разсматриваютъ конкордатъ въ качествѣ двусторонняго акта—соглашенія между государствомъ и церковью по вопросамъ религіозно-политическаго характера. Подобное соглашеніе „sui generis“ лишено, однако, элементовъ международнаго договора, поскольку компетенція куріи ограничивается вопросами исключительно религіозными. Согласно данной теоріи, гегемонія государства выражается въ ограниченіи „независимости“ Св. Престола, при одновременномъ сохраненіи церковью „объективной свободы“ по отношенію къ государству. Въ томъ же смыслѣ высказываются, отчасти, Ф. Ф. Мартенсъ [5]), Бонфисъ [6]), Бри [7]) и прочіе писатели, хотя и признающіе папство „de facto“ членомъ международнаго общенія, но отрицающіе за нимъ „de iure“ международную личность [8]). Къ аналогичному выводу, въ пользу, однако, главенства церкви, приводитъ ученіе Бонифація VIII, обоснованное Беллярминомъ, ограничивающее „независимость“ государства въ во-

[1]) Pierantoni, l. c., p. 487.

[2]) Palma, l. c., p. 396 sg.

[3]) Brusa, l. c., p. 121, 126 ss. 130 ss.

[4]) Carnazza Amari, l. c., II, p. 503 ss. (по мн. послѣдняго, конкордаты не должны имѣть мѣста въ современныхъ церковно-государственныхъ отношеніяхъ), Geffcken, l. c., S. 216 ff., Heilborn, l. c., S. 197 ff., 201 ff., Frantz, l. c., S. 87 ff., Liszt, l. c., S. 37.

[5]) Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 113 сл.

[6]) Bonfils, l. c., p. 450 ss.

[7]) Bry, l. c., p. 353.

[8]) Bluntschli, l. c., S. 15, Rivier, l. c., II, p. 36, Piédelievre, l. c., II, p. 547, 553, 581 ss., Nys, l. c., p. 516 ss., 531 ss., Gareis, Institutionen. S. 49, Ullmann, l. c., S. 62 ff., Despagnet, Cours, p. 149 ss., Foignet, l. c, p. 384 ss, 386 ss. Въ томъ же смыслѣ высказывается Fiore, l. c., I, p. 482 ss., II, p. 394 ss., что не мѣшаетъ ему, однако, разсматривать Св. Престолъ въ качествѣ субъекта международнаго права (см. выше). Во всякомъ случаѣ „посредствующая“ теорія, построенная на началахъ цѣлесообразности, является переходной; она соединяетъ въ себѣ выводы обѣихъ противоположныхъ теорій: признающей и отрицающей международную правоспособность Св. Престола.

просахъ смѣшанной, религіозно-политической компетенціи (см. выше стр. 59 сл.). Къ нему примыкаютъ Каваньисъ [1]) и Джіоббіо [2]).

4) Наконецъ, Цокки [3]), Кретьенъ [4]), Верингъ [5]), Лэммеръ [6]), Герлахъ [7]) Штродлъ [8]) и Эмбаръ-Латуръ [9]) разсматриваютъ конкордатъ въ качествѣ международнаго договора, поскольку государство и церковь одинаково вправѣ обязываться, не иначе, какъ въ силу собственной воли, не только въ вопросахъ самостоятельной, но также смѣшанной компетенціи.

Таковы четыре группы теорій, посвященныхъ юридической конструкціи конкордата. Изъ нихъ первыя двѣ основаны на ограниченіи „объективной свободы“ государства

---

[1]) Cavagnis, l. c., p. 380 ss. „Iamvero concordata non sunt contractus bilaterales hoc sensu rigoroso; hinc non possunt in omnibus aequipari conventionibus internationalibus; hae enim sunt inter iure pares; hinc non adest iudex superior, sed unaquaeque pars suo iudicio interpretatur pactum.... E contra Ecclesia est superior Statui, ideoque ipsa interpretatur concordatum, et iudicat de eius conservatione, et iudicium Ecclesiae obligat principem hinc non est paritas iuridica inter contrahentes“. (p. 396).

[2]) Giobbio, I concordati, p. 10 ss.

[3]) Zocchi, l. c., p. 245 ss., 283 ss.

[4]) Chrétien, La Papauté etc. (Revue générale, l. c., p. 286 ss.).

[5]) Vering, l. c., S. 346 ff.

[6]) Laemmer, l. c., S. 333 ff.

[7]) Gerlach, l. c., S. 44 fg.

[8]) Strodl, Ueber concordaten, deren internationale und kirchliche Bedeutung im Allgemein, über das bayerische und österreichische Concordat insbesondere, S. 2 ff.

[9]) Imbart Latour, l. c., p. 99 ss.—См. также Dove-Richter, l. c., S. 258 ff., § 88, Walter, l. c., S. 119 ff., 147 ff., (18 Aufl. § 86), Phillips. l. c., S. 33 ff., Kirchenrecht, § 158, Mejer, Kirchenr. § 151.—Hübler (Zur Revision der Lehre von der rechtlichen Natur der Concordate) не признаетъ возможнымъ дать постоянное опредѣленіе конкордата; по мнѣнію послѣдняго, онъ облекался въ ту или иную форму (церковной привилегіи, государственнаго закона или международнаго договора) въ зависимости отъ характера церковно-государственныхъ отношеній данной эпохи.—По вопросу о юридической природѣ конкордата см. также Fink, De concordatis dissertatio canonica, 1879.

или же церкви. Третья ограничиваетъ „независимость“ указанныхъ организмовъ и только четвертая предполагаетъ равноправность обѣихъ сторонъ. Къ сожалѣнію представители этой теоріи, наиболѣе правильной, выводятъ международное договорное право куріи непосредственно изъ верховенства Св. Престола.

a) Въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, Св. Престолъ становится субъектомъ обязанностей по отношенію къ государству не иначе, какъ въ силу собственной воли.

aa) Св. Престолъ становится субъектомъ обязанностей не иначе, какъ въ силу собственной воли. Это право непосредственно вытекаетъ изъ объективной и субъективной свободы католической церкви, въ силу которой послѣдняя, исключая господство надъ собою другихъ организмовъ, является вполнѣ равноправной и, въ качествѣ таковой, не обязана исполнять предначертаній свѣтской власти въ области исключительно религіозныхъ вопросовъ. Какъ мы увидимъ, однако, ниже, одной лишь свободы недостаточно для конструкціи, въ пользу Св. Престола, международнаго договорнаго права. Послѣднее органически связано съ независимостью. Въ этомъ отношеніи, все сказаное по поводу государства одинаково приложимо и къ церкви.

bb) Согласіе Св. Престола ограничивается содержаніемъ принадлежащей ему компетенціи, опредѣляемой двоякаго рода составомъ: совокупностью правъ, органически связанныхъ съ его положеніемъ главы католической церкви, и— актовъ господства, непосредственно вытекающихъ изъ экстерриторіальности Ватикана и внѣподданства папства (см. выше). Только въ границахъ указанной компетенціи, отчасти религіознаго, отчасти свѣтскаго характера, Св. Престолъ является дѣйствительно свободнымъ и, въ качествѣ такового, вправѣ обязываться по отношенію къ государству не иначе, какъ въ силу собственной воли.

cc) Согласіе Св. Престола остается существеннымъ независимо отъ компетенціи контрагента. Въ этомъ моментѣ

обнаруживается религіозная и политическая независимость католической церкви, гарантируемая субъективной свободою папства—экстерриторіальностью послѣдняго въ Ватиканѣ и внѣподданствомъ по отношенію къ государству [1]). Несущественно, что̀ именно служитъ предметомъ договора между государствомъ и церковью, насколько этотъ предметъ затрагиваетъ компетенцію свѣтской власти. Необходимо лишь, чтобы духовная власть не выступала, при этомъ, изъ подчиненной ей сферы дѣятельности. Подобная коллизія между ними, неустранимая иначе, какъ путемъ компромисса, наступаетъ въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, общей государству и церкви. Отсюда становится яснымъ, насколько ошибоченъ взглядъ, обязующій церковь уступать государству во всемъ, что относится къ его компетенціи. Независимый организмъ, не признавая за собой подобной обязанности, не посягаетъ на международно-правовыя начала. Никто не станетъ обвинять государство за то, что функціонируя въ границахъ принадлежащей ему компетенціи оно нарушаетъ, при этомъ, права или интересы сосѣда. То же должно сказать относительно церкви, подобно государству суверенной, свободной и независимой.

b) Право, въ силу котораго данный общественный орга'низмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, становится субъектомъ обязанностей, руководствуясь, безотносительно къ компетенціи контрагента, исключительно собственной волею, является основнымъ международно-договорнымъ правомъ, присущимъ всякому суверенному, свободному и независимому организму—Ergo:

---

[1]) Къ сожалѣнію Гинціусъ и прочіе представители „легальной“ теоріи не обращаютъ должнаго вниманія на политическую „независимость“ Св. Престола, ограничивая его сферу дѣятельности вопросами исключительно религіознаго характера. (См. выше). То же должно сказать относительно теоріи, разсматривающей конкордатъ въ качествѣ соглашенія „sui generis“, лишеннаго, будто бы, существенныхъ элементовъ международнаго договора (см. выше).

c) Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго договорнаго права въ области церковно-государственныхъ отношеній. Отрицаніе за нимъ подобнаго права коренится въ неправильной конструкціи элементовъ международной правоспособности и основныхъ международныхъ правъ и обязанностей, съ ними органически связанныхъ.

II. Св. Престолъ является субъектомъ права международнаго представительства, выражая свою волю, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ въ области взаимныхъ сношеній католической церкви съ другими равноправными ей организмами, безотносительно, при этомъ, къ компетенціи послѣднихъ.

Международное представительство Св. Престола, подобно конкордату, служитъ предметомъ контроверзъ, обнаруживающихъ различныя точки зрѣнія на природу церковно-государственныхъ отношеній. Главнѣйшія изъ нихъ сводятся къ слѣдующимъ:

1) Большинство писателей, Эсперсонъ [1]), Скадуто [2]), Бомпаръ [3]), Линденъ [4]), Цорнъ [5]) и многіе другіе [6]), отказываются признавать за римскою куріей активное и пассивное право посольства, послѣ паденія церковнаго государства. Въ современныхъ условіяхъ, созданныхъ капитуляціей Рима, роль папскихъ представителей ограничивается вопросами исключительно религіознаго характера. Аналогичнаго взгляда

---

[1]) Esperson, l. c., I, p. 36 ss., 80.

[2]) Scaduto, l. c., p. 328 ss., 337 ss.

[3]) Bompard, Le Pape etc., p. 36 ss., 57 ss., 202 ss.

[4]) Linden, l. c., S. 12 ff., 32 ff., 52 ff.

[5]) Zorn, Lehrb. d. K—R., S. 261 fg.

[6]) Pierantoni, l. c., p. 487 ss., Carnazza-Amari, l. c., II, p. 150 ss. 259 ss., Brusa, l. c., p. 121, 126, 130 ss. Heilborn, l. c., S 195 ff., 202 ff., Holtzendorff, Völkerr. Erläut. etc., S. 310 ff., Liszt, l. c., S. 37, Geffcken, l. c., S. 178 ff., 194, 218 ff.

придерживаются Нисъ [1]), Пьедельевръ [2]), Деспанье [3]) и прочіе писатели, хотя и признающіе папство „de facto“ членомъ международнаго общенія, но отрицающіе за нимъ „de iure“ право на обладаніе международною личностью [4]). Въ этомъ смыслѣ, представительство Св. Престола является „sui generis“ и, въ качествѣ такового, отличается отъ международнаго представительства въ тѣсномъ смыслѣ слова.

2) Противоположнаго взгляда придерживаются Эмбаръ-Латуръ [5]), Лампертико [6]), Цокки [7]), Рэшъ [8]), Кретьенъ [9]) и прочіе куріалисты, согласно которымъ католическая церковь, какъ таковая, вправѣ самостоятельно выражать свою волю и противопоставлять ее государству въ вопросахъ религіозно-политическаго характера. Въ томъ же смыслѣ высказываются Фарабулини [10]). Содерини [11]), Оливаръ [12]), Корси [13]), Гейгель [14]), Джіоббіо [15]) и Пинкетти-Санмарки, утверждающіе международное представительство папы, какъ главы церкви и свѣтскаго государя, причемъ его положеніе государя разсматривается въ качествѣ привходящаго элемента, несуще-

---

[1]) Nys, l. c., p. 515 s., 531 ss.

[2]) Pièdelièvre, l. c., 572 ss., 580 ss., 584 ss.

[3]) Despagnet, Cours, p. 147 ss.

[4]) Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 34, 113 сл., 118., Bonfils, l. c., p. 188 ss., Pradier-Fodéré, Traité, I, p. 151 ss., Cours, I, p. 97, 195 ss., 276 ss., Bry, l. c., p. 350 ss., Gareis, Institutionen, S. 49 (по поводу данной теоріи см. выше). Въ томъ же смыслѣ высказывается Fiore, l. c., I, p. 472 ss., 481 ss., II, p. 425 ss.

[5]) Imbart Latour, l. c., p 79 ss.

[6]) Lampertico, l. c., p. 50 ss., 61 ss.

[7]) Zocchi, l. c., p. 245 ss., 283 ss.

[8]) Resch, l. c., S. 21 ff., 43 ff.

[9]) Chrétien, Revue générale (l. c., p. 286 s.).

[10]) Farabulini, l. c., I, p. 192 ss.

[11]) Soderini, l. c., p. 548 ss.

[12]) Olivart, l. c, 12 ss., 61 ss.

[13]) Corsi, l. c, p. 13 ss., 34 ss.

[14]) Geigel, l, l., S. 16.

[15]) Giobbio, Lezioni, I, p. 8 ss., 189 ss., 203 ss.

[16]) Pinchetti-Sanmarchi. l. c., I, p. 80 ss., 171 ss., 289 ss.

ственнаго для конструкціи даннаго права, непосредственно вытекающаго изъ религіознаго верховенства и объективной свободы католической церкви.

Такимъ образомъ, обѣ группы теорій одинаково признаютъ за Св. Престоломъ право представительства вообще; различіе между ними выражается лишь въ юридической оцѣнкѣ послѣдняго. На этой почвѣ ихъ выводы страдаютъ крайней односторонностью: первая группа теорій разсматриваетъ активное и пассивное право посольства въ качествѣ исключительнаго достоянія государства; вторая—связуетъ международное представительство куріи съ религіознымъ верховенствомъ Св. Престола и объективной свободой католической церкви, упуская изъ вида существенную роль независимости.

а) Въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, Св. Престолъ вправѣ выражать свою волю при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ въ области взаимныхъ отношеній католической церкви съ другими равноправными ей организмами, безотносительно, при этомъ, къ компетенціи послѣднихъ.

аа) Въ области взаимныхъ сношеній католической церкви съ другими, равноправными ей организмами, Св. Престолъ вправѣ выражать свою волю при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ. Отрицать за нимъ это право, присущее всякому суверенному, свободному и независимому государству, значило бы низводить духовную власть до степени простыхъ полномочій, извнѣ вручаемыхъ религіозному обществу государственной властью. Послѣдняя не можетъ быть признана компетентной обязывать церковь прибѣгать къ посредству политическихъ учрежденій для выраженія корпоративной воли религіознаго организма въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, не имѣющихъ отношенія къ государственнымъ. Въ этой области, принудительная опека со стороны государства несовмѣстима съ автономіей церкви. По этому поводу не существуетъ серьезнаго разногласія въ наукѣ. Не только сторонники международной правоспособности папства, Оливаръ, Корси, Цокки и др., но также представители про-

тивоположной теоріи признаютъ за св. Престоломъ право, въ вопросахъ исключительно религіознаго характера, сноситься съ иностранными государствами, не прибѣгая для этого къ посредству политическихъ органовъ. Принципъ свободнаго общенія между государствомъ и католической церковью Гейльборнъ признаетъ руководящимъ въ области международно-правовыхъ отношеній; его добросовѣстное соблюденіе Италіей—международною обязанностью послѣдней по отношенію къ другимъ государствамъ.

bb) Св. Престолъ вправѣ выражать свою волю при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ представительства лишь въ отношеніи вопросовъ, входящихъ въ компетенцію куріи. Все, что выступаетъ за эти предѣлы и является исключительнымъ достояніемъ государства—не подлежитъ волеопредѣленію со стороны духовныхъ властей. Въ этой области, церковь теряетъ свою самобытность, нуждается въ дополненіи со стороны компетентнаго организма, который одинъ лишь является уполномоченнымъ опредѣлять содержаніе и форму выраженія соотвѣтствующихъ волевыхъ актовъ. Паденіе церковнаго государства, ограничивъ свѣтскую власть куріи—духовная не потерпѣла ущерба—совокупностью функцій, непосредственно вытекающихъ изъ экстерриторіальности Ватикана и внѣподданства папы, не лишало Св. Престолъ права, въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, выражать свою волю, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи—духовной и свѣтской—при посредствѣ самостоятельныхъ, всецѣло отъ него зависимыхъ органовъ представительства. Это право не вызываетъ сомнѣній въ наукѣ и практикѣ. Разногласіе сводится лишь къ опредѣленію природы послѣдняго и степени его примѣненія.

cc) Въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, Св. Престолъ вправѣ выражать свою волю при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ представительства безотносительно къ компетенціи государства. Политическій характеръ вопросовъ смѣшанной компетенціи, общей обѣимъ властямъ, духовной и свѣтской, не можетъ служить достаточнымъ осно-

ваніемъ отрицать за Св. Престоломъ, это право, присущее всякому суверенному, свободному и независимому организму, религіозному или политическому безразлично. Опредѣлять публичныя обязанности куріи на началахъ, характеризующихъ положеніе прочихъ вѣроисповѣданныхъ обществъ, входящихъ въ составъ политическихъ организмовъ, значило бы упускать изъ виду прерогативы Св. Престола, субъективно свободнаго по отношенію къ государству. Духовная власть, сосредоточенная въ рукахъ собора, территоріально и лично подчиненнаго государству, теряетъ свою независимость въ пользу послѣдняго. Подданные, въ качествѣ таковыхъ, не вправѣ ссылаться на свои религіозныя убѣжденія въ вопросахъ, прямо или же косвенно относящихся къ компетенціи государства. Автономно опредѣляя границы дозволеннаго, свѣтская власть устраняетъ возникшую на этой почвѣ коллизію силой закона и принужденія. Въ другомъ положеніи находится церковь, глава которой, папа—реальный носитель религіознаго верховенства — изъятый изъ подчиненія государству, является равноправнымъ послѣднему и, въ качествѣ такового, не можетъ быть признанъ обязаннымъ отдавать предпочтеніе свѣтской власти въ вопросахъ смѣшанной компетенціи

b) Право, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, выражаетъ свою волю при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ, въ области взаимныхъ сношеній съ другими, равноправными ему организмами, безотносительно, при этомъ, къ компетенціи послѣднихъ, является основнымъ международнымъ правомъ представительства, присущимъ всякому суверенному, свободному и независимому организму.— Ergo:

c) Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права представительства [1]).

[1]) Согласно ст. 1 регламента Вѣнскаго конгресса отъ 19 марта (н. с.)

Отрицать за нимъ наличность послѣдняго, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, какъ это дѣлаютъ Гефкенъ, Скадуто, Бруза и мн. др., значило бы ограничивать независимость католической церкви, строго обоснованную въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папства.

1815 г. къ дипломатическимъ представителямъ I кл. причисляются легаты и нунціи (см. Ф. Ф. Мартенсъ, Собр. трактатовъ, т. III, стр. 531). Ко 2-му кл. относятся интернунціи. Легатами называются представители Св. Престола со спеціальною миссіей; будучи кардиналами, они титулуются „legati a latere“ или „de latere“; не обладающіе этимъ саномъ называются „legati missi“. Въ каноническомъ правѣ имѣется еще особый классъ легатовъ „legati nati“ — архіепископы, съ каѳедрой конхъ связано званіе легата; оно является исключительно почетнымъ. — Легатомъ можетъ быть только духовное лицо. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила являлась такъ назыв. „Legacia Apostolica in Sicilia“: съ сицилійской короной съ давнихъ поръ связано было званіе папскаго легата „a latere“ съ весьма обширными полномочіями. Учрежденіе этой легаціи относится къ 1095 или 1099 г., когда Урбанъ II, буллою „Quia prudentiam“ предоставилъ это званіе Рожеру I. Подлинность буллы вызываетъ, однако, сомнѣнія. См. Giobbio, Lez. I, p. 276 ss., Calisse, l. c., p. 381 ss., Castellari, l. c., II, p. 443 ss.— Закономъ о гарантіяхъ (ст. 15) итальянское правительство отказалось отъ всякихъ претензій на Сицилійскую легацію. Въ отличіе отъ легатовъ, нунціи являются постоянными представителями Св. Престола при иностранныхъ державахъ. Ко второму классу представителей подобнаго же характера относятся интернунціи. Въ настоящее время Св. Престолъ содержитъ нунціатуры въ Мадридѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лиссабонѣ, Брюсселѣ и Монако (послѣднія двѣ являются младшими по рангу). Интернунціевъ имѣется лишь два—въ Гаагѣ и Ріо-Жанейро (Бразиліи). Къ представителямъ 3-го класса относятся „delegati apostolici“ въ Чили, Колумбіи, а также дипломатическіе агенты, акредитованные куріей одновременно при нѣсколькихъ южно-американскихъ республикахъ: Перу, Экуадорѣ и Боливіи; Санъ-Доминго, Венецуэлѣ и Гаити; Аргентинѣ, Уругваѣ и Парагваѣ.

Согласно ст. 4 регламента Вѣнскаго конгресса (см. выше), папскіе нунціи пользуются почетнымъ старшинствомъ среди прочихъ представителей католическихъ державъ. Событія 1870 г. не отразились на этой привилегіи, поскольку Св. Престолъ сохранилъ международную личность (см. также Giobbio, Lez. I, p. 447 ss., 457 ss., Lampertico, l. c., p. 51, Geigel, l. c., S. 17, Imbart Latour, l. c, p. 87. Аналогичнаго взгляда придерживаются Bonfils, l. c., p. 188 s., № 388, Pradier-Fodéré,

III. Св. Престолъ является субъектомъ международнаго права принужденія, будучи управомоченнымъ нарушать компетенцію организмовъ, господство которыхъ, осуществляемое хотя бы въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи, нарушаетъ компетенціею католической церкви.

Cours, I, p. 278 s., Foignet, l. c., p. 385. Къ тому же приходятъ Bompard, Le Pape etc., p. 207 s., Scaduto, l. c., p. 338 s., согласно которымъ подобное первенство ранга представителей Св. Престола было и прежде связано съ выдающимся религіознымъ положеніемъ папы, какъ главы церкви, не измѣнившимся послѣ капитуляціи Рима.—Въ томъ же смыслѣ высказывается и Heilborn, l. c., S. 204, исходящій изъ началъ сервитутной теоріи (см. выше).—Holtzendorff, Völkerr. Erläut. etc., S. 310 и Esperson, l. c., I, p. 50 s., №№ 73—76, придерживаются противоположнаго взгляда, связуя данную привилегію съ международной правоспособностью папства, будто бы уничтоженной событіями 1870 г. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ капитуляціи Рима, дипломатическій корпусъ при Чилійской республикѣ призналъ своимъ деканомъ представителя Св. Престола М. Маріо Монченни (Moncenni). Дипломатическій корпусъ въ Лимѣ, аккредитованный при Перувіанскомъ правительствѣ послѣдовалъ (въ 1878 г.) его примѣру, отмѣтивъ, однако, въ протоколѣ, что деканатъ предоставляется М. Монченни „à titre de déférence et de courtoisie“; по праву онъ принадлежитъ Чилійскому представителю, въ виду его старшинства по назначенію. Подобная оговорка, во всякомъ случаѣ, не можетъ служить доказательствомъ въ пользу теоріи Эспереона, поскольку ст. 4 регламента Вѣнскаго конгресса гласитъ: „Le présent réglement n'apportera aucune innovation relativement aux représentants du Pape“ (см. Ф. Ф. Мартенсъ, Собр. тракт., т. III, стр. 532), иначе говоря, лишь подтверждаетъ дѣйствовавшій доселѣ „statu quo“, согласно которому, какъ справедливо обращаетъ на это вниманіе Pradier-Fodéré (Cours. T. I, p. 198), старшинствомъ по праву издавна пользовались одни только нунціи; М. же Монченни являлся дипломатическимъ представителемъ II кл. п, въ качествѣ такового, не могъ претендовать на какія либо преимущества. Среди государствъ, аккредитующихъ нынѣ своихъ представителей при Св. Престолѣ, Австро-Венгрія, Франція, Испанія и Португалія содержатъ при папѣ пословъ; Пруссія, Баварія, Бельгія и Монако, а также 12 южно-американскихъ республикъ (Аргентина, Боливія, Бразилія, Чили, Колумбія, Костарика, Экуадоръ, Гаити, Гондурасъ, Никарагуа, Перу и Санъ-Доминго) имѣютъ посланниковъ. Съ 1895 г. Россія аккредитуетъ министра-резидента. Международное представительство, Св.

Однимъ изъ обычно употребляемыхъ доводовъ противъ международной правоспособности папства является указаніе на потерю Св. Престоломъ, въ условіяхъ, созданныхъ капитуляціей Рима, права принужденія, органически связаннаго съ международною личностью. Гибель церковнаго государства, уничтоживъ свѣтскую власть папы, лишила его права на дальнѣйшее осуществленіе актовъ международнаго принужденія, поскольку послѣднее служитъ исключительнымъ достояніемъ государства. Разсматривая событія 1870 г. въ качествѣ факта, повлекшаго за собой уничтоженіе свѣтской власти папы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицая за церковью, какъ таковой, наличность какихъ бы то ни было элементовъ верховенства, Фіоре [1]), Кадорна [2]), Пьерантони [3]), Карнацца-Амари [4]) и прочіе итальянисты вполнѣ послѣдова-

---

Престола, не должно быть, однако, понимаемо въ смыслѣ права требовать приглашенія на каждую конференцію, созываемую державами для разсмотрѣнія вопросовъ международнаго характера. Юридическое значеніе права представительства обнаруживается, въ данномъ случаѣ, въ томъ отношеніи, что неучастіе Св. Престола на подобной конференціи освобождаетъ его отъ обязанности признавать выработанныя на ней резолюціи. Какъ извѣстно, Св. Престолъ не участвовалъ на Гаагской Мирной конференціи 1899 г. въ виду протеста Италіи. Въ политическомъ отношеніи, подобный протестъ адмирала Каневаро (итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ) былъ во всякомъ случаѣ большою ошибкой; см. также, Mérignhac, l. c., p. 14 ss., Goyau, La conférence de la Haye et le Saint-Siège (Revue des deux mondes 1 août 1899), Chrétien, La Papauté et la conférence de la Paix (Revue générale de dr. int. publ. mai-juin 1899, № 3), De Lapradelle, La conférence de la Paix (Revue génér. de dr. int. p. 1899, № 6), Olivart, La conférence de la Haye et ses résultats (ibid.). Despagnet, La conférence de la Haye et ses résultats (ibid.); къ тому же приходитъ и Brusa, La conférence de la Haye et ses résultats (ibid.), хотя послѣдній и является принципіально противникамъ международной правоспособности папства. Contra: Bompard, Le Pape, les Etats et la conférence de la Haye (Revue génér. de dr. int. p., 1900, mai-juin, № 3).

[1]) Fiore, l. c., I, p. 491 ss.

[2]) Cadorna, l. c., p. 36 ss.

[3]) Pierantoni, l. c., p. 480 ss., 487 ss

[4]) Carnazza-Amari, l c., II, p. 150 ss, 503 ss.

тельно умаляютъ духовную власть папы до степени религіозно-нравственнаго увѣщанія [1]). Аналогичнаго взгляда придерживаются Гиншіусъ [2]), Блюнчли [3]), Гольцендорфъ [4]) Гефкенъ [5]), Нисъ [6]) и прочіе интернаціоналисты, согласно которымъ принужденіе, осуществляемое Св. Престоломъ, представляется воздѣйствіемъ „sui generis“, не имѣющимъ ничего общаго съ правомъ международнаго принужденія. Такимъ образомъ, главнѣйшіе доводы данной теоріи сводятся къ слѣдующимъ:

1) Событія 1870 г. уничтожили церковное государство.

2) Государство вообще является единственнымъ субъектомъ права международнаго принужденія.

3) Отсюда слѣдуетъ невозможность дальнѣйшаго признанія за Св. Престоломъ наличности даннаго права.

Противоположнаго взгляда придерживаются Оливаръ [7]), Корси [8]), Джіоббіо [9]) и прочіе писатели, по мнѣнію которыхъ капитуляція Рима не лишила папства права содержать вооруженную силу для огражденія неприкосновенности Ватикана. Подобною силой является папская гвардія, обладающая необходимыми реквизитами комбатанта. Количественный элементъ не имѣетъ, въ этомъ вопросѣ, юридическаго значенія.

Помимо данной формы вооруженнаго воздѣйствія, не играющей для Св. Престола существенной роли, послѣдній обла-

---

[1]) По этому поводу см. выше.

[2]) Hinschius, l. c., S. 270 ff.

[3]) Bluntschli, Rechtl. Unverantw. etc. S. 14 ff., 21.

[4]) Holtzendorff, Völkerrechtl. Erläut. étc., S. 317; послѣдній признается, однако, что: „Die direkte, durch Eidesdispensationen, Excommunicationen, Bullen, Encyclica geübte Parteinahme des Papstes zu Gunsten eines Kriegführenden kann weitaus gefährlicher sein, als die Lieferung von Kriegsmunition oder die Stellung kleiner Truppenkörper“.

[5]) Geffcken, Völkerrechtl. Stell. d. P., S. 217.

[6]) Nys, l. c., p. 501 ss., 531 ss., 535.

[7]) Olivart, l. c., p. 40 ss., 49, 75 ss.

[8]) Corsi, l. c., p. 13 ss., 42 ss.

[9]) Giobbio, Lezioni, I, p. 157 ss.

даетъ болѣе дѣйствительнымъ принужденіемъ, органически связаннымъ съ религіознымъ верховенствомъ папы. какъ главы церкви. Въ эту область, политическія событія 1870 г. не могли внести никакихъ измѣненій, умаляющихъ авторитетъ Св. Престола. Наоборотъ, Ватиканскій соборъ догматизировалъ его духовную власть въ направленіи, еще болѣе возвысившемъ папство. Въ томъ же смыслѣ высказываются Каваньисъ [1]), Тарквини [2]), Бранди [3]) и прочіе послѣдователи католической доктрины, признающей за церковью „potestas coactiva".

Словомъ, Св. Престолъ признается субъектомъ права принужденія: 1) въ качествѣ свѣтскаго главы церковнаго государства, ограниченнаго предѣлами Ватикана. и 2)—духовнаго главы католической церкви. Подобное право облекается въ форму международнаго принужденія, поскольку объектомъ послѣдняго является государство.

Недостатокъ первой теоріи коренится въ отождествленіи родового понятія международнаго принужденія съ видовымъ понятіемъ войны, осуществляемой государствомъ. Что касается теоріи куріалистовъ, то послѣдняя ошибочно связуетъ принадлежащее куріи право международнаго принужденія съ полнотой территоріальнаго верховенства папства; вмѣстѣ съ тѣмъ, католическая доктрина впадаетъ въ противоположную крайность, утверждая наличность подобнаго права у папы, какъ главы церкви, безотносительно къ политической независимости Св. Престола.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о юридическомъ положеніи папской гвардіи, мы остановимся на характеристикѣ принужденія, осуществляемаго Св. Престоломъ въ области церковно-государственныхъ отношеній:

а) Св. Престолъ вправѣ нарушать компетенцію государства, господство котораго, хотя бы въ грани-

---

[1]) Cavagnis, l. c., p. 124 ss.

[2]) Tarquini, l. c., p. 13 ss., 30 ss.

[3]) Brandi, l. c., p. 7.

цахъ принадлежащей ему компетенціи, нарушаетъ права католической церкви.

aa) Право вторженія въ компетенцію государственной власти обусловливается предварительнымъ нарушеніемъ послѣдней компетенціи католической церкви, ограждать интересы которой призвано папство. Этимъ моментомъ наличности правонарушенія ограничивается произволъ въ области церковно-государственныхъ отношеній. Право принужденія есть крайнее средство, къ которому дозволяется прибѣгать лишь въ случаѣ наступленія дѣйствительно угрожающей опасности, неустранимой путемъ компромисса.

bb) Право вторженія въ компетенцію государства не обусловливается фактомъ превышенія послѣднимъ принадлежащей ему компетенціи. Этимъ моментомъ право принужденія [1]) существенно отличается отъ права необходимой обороны, предполагающей наличность преступнаго посягательства со стороны принуждаемаго. Св. Престолъ вправѣ прибѣгать къ принудительнымъ средствамъ воздѣйствія не только въ вопросахъ исключительно религіозныхъ, но также—относящихся къ области смѣшанной компетенціи, общей государству и церкви. Подобное право органически связано съ его независимостью, гарантируемой субъективной свободою папства.

b) Право, въ силу котораго данный общественный организмъ нарушаетъ компетенцію другихъ организмовъ, господство которыхъ, осуществляемое хотя бы въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи, нарушаетъ компетенцію управомоченнаго, является основнымъ международнымъ правомъ принужденія, присущимъ всякому суверенному, свободному и независимому организму. —Ergo:

c) Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права принужденія, посредствомъ

[1]) Мы имѣемъ въ виду принужденіе международно-правового характера.

котораго папство ограждаетъ компетенцію церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда коллизія съ государствомъ неустранима путемъ компромисса. Противоположное утвержденіе противниковъ международной правоспособности папства основано на смѣшеніи понятій войны и принужденія. Вооруженное воздѣйствіе является лишь видомъ послѣдняго, средствомъ нарушенія территоріальной и предметной компетенціи принуждаемаго. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы война являлась единственнымъ средствомъ подобнаго нарушенія, чтобы всякое принужденіе необходимо облекалось въ форму вооруженнаго воздѣйствія. Въ свою очередь, послѣднее является лишь видомъ физическаго принужденія, посредствомъ котораго принуждающій, механически стѣсняя свободу принуждаемаго, въ лицѣ подчиненнаго ему населенія, заставляетъ его отказаться отъ осуществленія актовъ господства, нарушающихъ компетенцію перваго. Въ такомъ положеніи находятся комбатанты, оперируя на театрѣ войны. Къ подобнымъ же средствамъ физическаго принужденія прибѣгаетъ государство, подвергая уголовной карѣ виновныхъ въ нарушеніи публичнаго правопорядка. Физическимъ принужденіемъ не исчерпываются, однако, принудительныя средства воздѣйствія: помимо механическаго стѣсненія свободы, господство надъ подчиняемымъ достигается психическимъ принужденіемъ, угрозой причиненья послѣднему извѣстныхъ страданій — матеріальныхъ или же нравственныхъ—въ случаѣ его непокорности. Общимъ между ними признакомъ является властный характеръ принудительныхъ средствъ, источникъ которыхъ коренится въ волѣ господствующаго. Принудительное воздѣйствіе Св. Престола облекается въ двоякую форму:

аа) По отношенію къ паствѣ, посредствомъ которой духовная власть направляетъ государство согласно интересамъ церковной политики, оно облекается въ форму психическаго принужденія, построеннаго на началахъ религіозно-нравственной репрессіи. Механическое стѣсненіе свободы виновныхъ, порабощеніе совѣсти вѣрующихъ угрозою пытки, всѣ

эти ужасы средневѣковья, несовмѣстимые съ достоинствомъ церкви, уже давно отошли въ область преданій. Подобныя средства, въ настоящее время, немыслимы. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы церковь не обладала возможностью принудительно воздѣйствовать на подчиняемыхъ членовъ. Угроза отлученіемъ отъ церкви, наложеніемъ интердикта и прочими религіозными взысканіями, имѣющими въ виду не физическую, а религіозно-нравственную природу человѣка, является могучимъ средствомъ воздѣйствія, которымъ духовная власть авторитетно сдерживаетъ свою паству и направляетъ волю послѣдней согласно интересамъ церковной политики. Значеніе подобныхъ принудительныхъ средствъ, въ этой области, является, конечно, второстепеннымъ. Бытіе государства и церкви, въ одинаковой мѣрѣ, покоится на нравственной солидарности большинства населенія съ общественнымъ организмомъ, въ составъ котораго оно входитъ.

bb) По отношенію къ государству, воздѣйствіе Св. Престола облекается въ форму физическаго и психическаго принужденія. Первое—механически стѣсняя свободу государственной власти—является непосредственнымъ результатомъ пассивнаго сопротивленія правительству со стороны католическаго населенія, руководимаго церковью. Второе — достигается угрозой лишенія государства тѣхъ выгодъ, которыя связаны для него съ содѣйствіемъ церкви. Обвинять духовную власть за то, что послѣдняя нарушаетъ права государства, требуя отъ паствы исполненія религіозныхъ обязанностей, хотя бы цѣной ослушанія свѣтскихъ властей, было бы столь же несправедливо, какъ и осуждать государство, требующее отъ подданныхъ исполненія публичныхъ обязанностей цѣной ослушанія церкви. Возникшая, на этой почвѣ, коллизія между ними, неустранимая путемъ компромисса, разрѣшается силою принужденія. Различіе между государствомъ и церковью заключается, въ данномъ случаѣ, лишь въ средствахъ воздѣйствія, не измѣняющихъ властной природы-послѣдняго.

Какъ государство, такъ и церковь, нарушаютъ, силою принужденія, компетенцію принуждаемаго: первое, прибѣгая къ войнѣ, нарушаетъ территоріальную компетенцію непріятеля; вторая — посягаетъ на предметную компетенцію государства, побуждая членовъ церкви, подданныхъ государства, оказывать пассивное сопротивленіе послѣднему, въ случаѣ нарушенія имъ компетенціи церкви. Въ области церковно-государственныхъ отношеній, объектомъ воздѣйствія со стороны обѣихъ властей, духовной и свѣтской, является личная форма верховенства. Въ обоихъ случаяхъ несомнѣнно имѣется моментъ правонарушенія. Отрицать за папствомъ наличность права принужденія, въ виду связаннаго съ нимъ посягательства на прерогативы государственной власти, возможно лишь подъ условіемъ аналогичнаго отрицанія права войны, вносящаго не меньшія смуты въ область междугосударственныхъ отношеній. Необходимо помнить, что католическая церковь, съ одной стороны, и государства—съ другой, суть историческія явленія съ многовѣковой родословной. Природа этихъ явленій опредѣляетъ систему церковно-государственныхъ отношеній: поскольку государство и церковь являются одинаково суверенными, свободными и независимыми организмами, обѣ стороны должны быть признаваемы субъектами правъ, связанныхъ съ обладаніемъ данными элементами, иначе говоря—не только субъектами международныхъ правъ договора и представительства, но также и принужденія, хотя бы послѣднее, въ силу особенностей управомоченныхъ организмовъ, облекалось въ спеціальную, въ видовомъ отношеніи, форму, съ общими, однако, родовыми признаками, характеризующими понятіе принужденія.

ВВ) Основныя международныя обязанности, ограничивая Св. Престолъ, въ осуществленіи власти, принадлежащей ему компетенціей, не обязуютъ его воздерживаться, при этомъ, отъ нарушенія компетенціи государства.

1) Св. Престолъ, ограниченный въ осуществленіи власти принадлежащей ему компетенціей, не обязанъ

воздерживаться отъ нарушенія компетенціи государства.

a) Св. Престолъ ограниченъ въ осуществленіи власти принадлежащей ему компетенціей. Эта обязанность является общей всѣмъ организмамъ, независимо отъ природы послѣднихъ, религіознымъ и политическимъ, юридическимъ и физическимъ. Какъ государство, такъ и церковь, въ одинаковой мѣрѣ, вправѣ осуществлять акты господства лишь въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи. Внѣ предѣловъ послѣдней они лишаются власти, теряютъ свободу и независимость.

b) Св. Престолъ, функціонируя въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обязанъ воздерживаться отъ нарушенія компетенціи государства, иначе говоря, вправѣ осуществлять свою власть въ вопросахъ самостоятельной и смѣшанной компетенціи, общей государству и церкви. Противоположное утвержденіе, отводящее куріи область исключительно религіозныхъ интересовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ политическимъ, основано на неправильной конструкціи независимости Св. Престола, строго обоснованной въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папства [1]).

2) Обязанность, въ силу которой данный общественный организмъ ограничивается, въ осуществленіи власти, принадлежащей ему компетенціей, не обязуясь, однако, воздерживаться отъ нарушенія компетенціи другихъ организмовъ, является основною международною обязанностью, присущей всякому суверенному, свободному и независимому организму.— Ergo:

3) Св. Престолъ является по отношенію къ государству субъектомъ обязанностей, построенныхъ на началахъ международнаго права. Ихъ органическая связь съ элементами международной правоспособности папства,

[1]) По этому поводу см. выше.

возвышаетъ эти обязанности до степени основныхъ обязанностей Св. Престола.

CC) Производныя международныя права Св. Престола слагаются изъ совокупности правъ, предметомъ которыхъ являются положительныя и отрицательныя дѣйствія, выступающія за предѣлы абсолютной компетенціи куріи или же, хотя и входящія въ ея составъ, но ограниченныя, въ осуществленіи, производными обязанностями Ватикана:

1) Св. Престолъ управомоченъ, въ области взаимныхъ отношеній государства и католической церкови, къ осуществленію положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, выступающихъ за предѣлы абсолютной компетенціи куріи или же, хотя и входящихъ въ ея составъ, но ограниченныхъ, въ осуществленіи, производными обязанностями Ватикана.

a) Св. Престолъ управомоченъ къ осуществленію положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, выступающихъ за предѣлы абсолютной компетенціи куріи. Источникомъ этихъ дѣйствій является соглашеніе между государствомъ и церковью, именуемое конкордатомъ. Въ силу послѣдняго, Св. Престолъ получаетъ опредѣленныя права требованія по отношенію къ свѣтской власти, расширяющія его компетенцію, и, обратно, становится субъектомъ обязанностей, ее ограничивающихъ въ пользу государства. Подобное соглашеніе, заключая въ себѣ существенные элементы международнаго договора, является юридическимъ титуломъ правомѣрнаго превышенія церковью принадлежащей ей компетенціи, опредѣляемой международно-правовыми началами (см. ниже).

b) Св. Престолъ управомоченъ къ осуществленію положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, хотя и входящихъ въ абсолютную компетенцію куріи, но ограниченныхъ, въ осуществленіи, производными обязанностями Ватикана по отношенію къ государству. Въ качествѣ суверенаго, свободнаго и независимаго организма, католическая церковь вправѣ не только расширять свою абсолютную компетенцію на

основаніи конкордата, но также ограничивать ее въ пользу государства аналогичнымъ порядкомъ. Возстановленіе послѣдней путемъ договора служитъ предметомъ второй группы правъ, изъ которыхъ слагается компетенція куріи.

2) Совокупность положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, выступающихъ за предѣлы абсолютной компетенціи управомоченнаго организма или же, хотя и входящихъ въ ея составъ, но ограниченныхъ, въ осуществленіи, производными обязанностями управомоченнаго, служитъ предметомъ производныхъ международныхъ правъ, принадлежащихъ послѣднему. Ergo:

3) Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъектомъ международныхъ производныхъ правъ въ области взаимныхъ отношеній государства и католической церкви.

DD) Производныя международныя обязанности Св. Престола по отношенію къ государству слагаются изъ совокупности положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію куріи или производныя права, выступающія за предѣлы послѣдней.

1) Св. Престолъ является по отношенію къ государству субъектомъ обязанностей, опредѣляемыхъ совокупностью положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію куріи или производныя права, выступающія за предѣлы послѣдней.

a) Св. Престолъ является по отношенію къ государству субъектомъ обязанностей, опредѣляемыхъ совокупностью положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію куріи. Правопроизводящимъ, творческимъ факторомъ въ этой области является конкордатъ, которымъ духовная власть обязуется, въ пользу свѣтской, осуществлять опредѣленные акты, содѣйствующіе государственнымъ интересамъ, воздерживаться отъ политики, хотя и входящей въ компетенцію церкви, но нежелательной

съ точки зрѣнія государства. Въ обоихъ случаяхъ, предметомъ договорныхъ обязанностей являются не только вопросы самостоятельной, исключительно религіозной, компетенціи церкви, но также смѣшанной, религіозно-политической—общей государству и церкви. Въ первомъ случаѣ, свѣтская власть имѣетъ въ виду содѣйствіе со стороны духовной. Во второмъ—устраненіе коллизіи между ними, нарушающей государственные интересы.

b) Св. Престолъ является по отношенію къ государству субъектомъ обязанностей, ограничивающихъ производныя права куріи, выступающія за предѣлы ея абсолютной компетенціи. Въ отличіе отъ указанныхъ выше, эти обязанности не расширяютъ абсолютной компетенціи государства, но лишь возстановляютъ права послѣдняго, ограниченныя въ пользу церкви предшествующимъ конкордатомъ.

2) Совокупность положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій, ограничивающихъ абсолютную компетенцію обязуемаго или производныя права, выступающія за предѣлы послѣдней, служитъ предметомъ производныхъ международныхъ обязанностей даннаго организма по отношенію къ другимъ, ему равноправнымъ. Ergo:

3) Св. Престолъ долженъ быть признанъ субъектомъ производныхъ международныхъ обязанностей по отношенію къ государству. Эти обязанности, создаваемыя договорнымъ порядкомъ, не ограничиваютъ элементовъ международной правоспособности папства—суверенитета, свободы и независимости послѣдняго. Ихъ источникъ коренится въ одной лишь волѣ обязаннаго.

B) Основныя и производныя международныя права и обязанности Св. Престола органически связаны съ элементами его международной правоспособности.

AA) Основныя права Св. Престола органически связаны съ элементами международной правоспособности послѣдняго:

1) Основныя права Св. Престола обусловливаются

элементами его международной правоспособности:

а) Договорное право Св. Престола обусловливается объективной и субъективной свободою католической церкви.

аа) Договорное право Св. Престола обусловливается объективной свободою католической церкви по отношенію къ государству. Несвободные, подчиненные организмы, самая сфера дѣятельности которыхъ опредѣляется властью господствующаго, не вправѣ автономно измѣнять границъ принадлежащей имъ компетенціи. Въ этой области воля ихъ лишена самобытности, необходимой для договорнаго права. Отрицая объективную свободу католической церкви. разсматривая всякое вѣроисповѣдное общество, независимо отъ природы послѣдняго, въ качествѣ союза людей, связанныхъ корпоративною цѣлью, входящей въ циклъ общекультурныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ государствомъ, словомъ, разсматривая религію въ качествѣ одной изъ сторонъ народнаго быта, нельзя не придти къ тому выводу, что конкордатъ, опредѣляющій права и обязанности мѣстной церкви по отношенію къ государству, въ составъ котораго она входитъ, является публичнымъ закономъ, издаваемымъ свѣтскою властью по предварительномъ совѣщаніи съ куріей, иначе говоря, привилегіей, даруемой церкви одностороннимъ государственнымъ актомъ, лишеннымъ существенныхъ элементовъ международно-договорнаго правоотношенія.

bb) Договорное право Св. Престола обусловливается субъективной свободой католической церкви. Территоріально и лично подчиненный государству, папа не вправѣ вступать въ договорныя отношенія съ свѣтскою властью по вопросамъ смѣшанной, религіозно-политической компетенціи. Въ этой области царствуетъ односторонній законъ, ограничивающій независимость церкви. Отсюда становится яснымъ дѣйствительное значеніе экстерриторіальности Ватикана и внѣподданства папства, гарантирующихъ куріи субъективную свободу, а съ нею вмѣстѣ и независимость — существенный

элементъ международнаго договорнаго права—по отношенію къ Италіи и проч. державамъ. Писатели, отрицающіе за папствомъ наличность подобнаго права со времени паденія церковнаго государства, поступаютъ вполнѣ послѣдовательно, разсматривая конкордатъ въ качествѣ соглашенія „sui generis“ по вопросамъ исключительно религіознаго характера (см. выше).

b) Договорное право Св. Престола обусловливается территоріальнымъ и личнымъ верховенствомъ папства Значеніе верховенства вообще, въ качествѣ существеннаго предположенія международно-правовыхъ соглашеній, независимо отъ предмета послѣднихъ, нами указано выше. Только въ качествѣ суверенаго организма, католическая церковь вправѣ вступать, черезъ посредство Св. Престола, въ договорныя отношенія съ государствомъ по вопросамъ самостоятельной и смѣшанной компетенціи. Отсюда не слѣдуетъ заключать, вопреки противоположному утвержденію Цокки, Кретьена, Эмбаръ-Латура и прочихъ куріалистовъ, что наличность верховенства, безотносительно къ формамъ его внѣшняго выраженія, является достаточной для конструкціи международнаго договорнаго права, органически связаннаго съ субъективной свободою контрагентовъ, въ свою очередь возможной лишь въ условіяхъ обладанія, каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, не только личной, но также территоріальной формы верховенства. Для конструкціи подобнаго права въ пользу католической церкви недостаточно признать авторитетъ и самобытность духовной власти—существенные элементы верховенства. Св. Престолъ долженъ быть субъектомъ территоріальнаго властвованія, хотя бы послѣднее ограничивалось экстерриторіальностью Ватикана. Требовать отъ папы обладанія территоріальною властью въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ это дѣлаютъ Пьерантони и прочіе противники международной правоспособности папства (см. выше), мы не считаемъ, однако, возможнымъ, поскольку экстерриторіальность и внѣподданство папы являются вполнѣ достаточной гарантіей его субъктивной свободы по отношенію къ государству.

c) Договорное право Св. Престола обусловливается его независимостью. Въ качествѣ суверенного и свободнаго организма, преслѣдующаго самостоятельныя цѣли, чуждыя государству, католическая церковь вступаетъ въ договорныя отношенія съ свѣтскою властью по вопросамъ исключительно религіознаго характера. Подобное право, признаваемое не только сторонниками, но также противниками международной правоспособности папства, несмотря на его кажущееся сходство съ международно-договорнымъ, лишено, однако, существенныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается послѣднее: права автономно обязываться въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, органически связаннаго съ независимостью контрагентовъ (см. выше). Иначе говоря, Св. Престолъ является субъектомъ международнаго договорнаго права, будучи не только суверенным и свободнымъ (въ объективномъ смыслѣ), но также субъективно свободнымъ, а слѣдовательно и независимымъ по отношенію къ государству.

d) Право представительства, осуществляемое Св. Престоломъ въ области взаимныхъ сношеній съ иностранными государствами, обусловливается объективной и субъективной свободою католической церкви. Отсутствіе первой исключаетъ обладаніе куріей правомъ выражать свою волю, передъ лицомъ государства, при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ, не только въ вопросахъ, связанныхъ съ политическими интересами, но также—исключительно религіознаго характера. Предоставленіе ей подобнаго права всецѣло зависитъ отъ государства. Духовныя лица, призванныя свѣтскою властью къ разсмотрѣнію публичныхъ вопросовъ, получаютъ значеніе совѣщательныхъ органовъ. Во второмъ случаѣ, въ условіяхъ объективной свободы католической церкви—идеальнаго носителя власти—при одновременномъ подчиненіи государству реальнаго субъекта послѣдней, каковымъ является папа, представительство куріи сводится къ выраженію воли въ вопросахъ исключительно религіозныхъ. Функціонируя на ряду съ госу-

дарственными, съ правомърѣшающаго голоса, духовныя лица лишены, однако, и въ этой области, всецѣло относящейся къ компетенціи церкви, характера органовъ международнаго представительства, предметомъ котораго служатъ предметы самостоятельной и смѣшанной компетенціи. Отрицая экстерриторіальность и внѣподданство папства, а слѣдовательно и субъективную свободу послѣдняго, нельзя не придти къ отрицанію международнаго представительства куріи. Въ этомъ смыслѣ, Гефкенъ, Скадуто и Бруза гораздо послѣдовательнѣе Фіоре (см. выше).

e) Международное представительство Св. Престола обусловливается суверенитетомъ послѣдняго, въ силу соображеній, аналогичныхъ изложеннымъ выше по поводу договорнаго права. Не обладая верховенствомъ, церковь, подобно общинѣ, входящей въ составъ государства, низводится до положенія корпораціи, подчиненной господству послѣдняго. Ея свобода становится производной, всецѣло зависимой отъ усмотрѣнія государства. При такихъ условіяхъ, представительство религіознаго организма неизбѣжно лишается международно-правового характера.

f) Международное представительство Св. Престола обусловливается его независимостью, гарантируемой субъективной свободою папства. Зависимый организмъ не вправѣ, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, выражать свою волю при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ. Въ этой области, воля его, ограниченная моментомъ бездѣятельности государственной власти, лишена самостоятельнаго значенія. Коллизія между ними устраняется силой закона. Отсюда слѣдуетъ, что паденіе церковнаго государства, если разсматривать его въ качествѣ факта, повлекшаго за собой потерю Св. Престоломъ политической независимости, должно было непосредственно отразиться на международномъ представительствѣ куріи, чего не случилось, однако, въ дѣйствительности — вопреки противоположному утвержденію Бомпара, Линдена, Скадуто и прочихъ противниковъ международной правоспособности папства — въ условіяхъ

экстерриторіальности и внѣподданства главы католической церкви.

g) Право принужденія, посредствомъ котораго Св. Престолъ ограждаетъ компетенцію церкви, обусловливается суверенитетомъ, свободой и независимостью послѣдней. Не обладая верховенствомъ, а слѣдовательно и свободой (см. выше), религіозное общество находится въ положеніи корпораціи, обязанной признавать авторитетъ государства, въ составъ котораго она входитъ. Права и обязанности подобнаго общества по отношенію къ прочимъ, равноправнымъ ему корпораціямъ и частнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе государству, опредѣляются силой закона. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, нарушеніе государственной компетенціи духовною властью, хотя бы послѣдняя имѣла, при этомъ, въ виду огражденіе своихъ интересовъ, являлось бы преступнымъ посягательствомъ, подлежащимъ уголовной репрессіи.

Верховенства и объективной свободы недостаточно, однако, для признанія за папствомъ наличности даннаго права, поскольку послѣднее, имѣя въ виду огражденіе не только самостоятельной, но также смѣшанной компетенціи церкви, органически связано съ ея политической независимостью, гарантируемой субъективной свободою куріи.

2) Международная правоспособность Св. Престола обусловливается основными правами послѣдняго, поскольку независимость—ея существенный элементъ—въ свою очередь обусловливается, въ отличіе отъ суверенитета и свободы, правами договора, представительства и принужденія.

a) Независимость Св. Престола обусловливается основными правами послѣдняго:

aa) Независимость Св. Престола обусловливается международно-договорнымъ правомъ, въ силу котораго католическая церковь, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, становится субъектомъ обязанностей по отношенію къ государству не иначе, какъ въ силу собствен-

наго согласія. Отрицать за папой наличность подобнаго права значило бы ограничивать политическую, а съ нею вмѣстѣ и религіозную, независимость куріи, строго обоснованную въ условіяхъ экстерриторіальности и внѣподданства папства. Въ этомъ вопросѣ мы существенно расходимся съ противниками международной правоспособности папства. Предметомъ международнаго договорнаго права служатъ вопросы самостоятельной и смѣшанной компетенціи. Въ первомъ случаѣ, соглашеніе имѣетъ въ виду содѣйствіе обязанной стороны интересамъ управомоченной; во второмъ— устраненіе возникшей между ними коллизіи путемъ компромисса, въ основѣ котораго лежитъ юридически свободная и независимая воля контрагентовъ. Отсюда слѣдуетъ, что конкордатъ не можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ привилегіи, даруемой свѣтскою властью духовной (или же обратно), поскольку двустороннее соглашеніе между государствомъ и церковью по вопросамъ религіозно-политическимъ несовмѣстимо съ односторонней конструкціей привилегіи. Въ качествѣ независимаго организма, государство не обязано ограничивать своей компетенціи въ пользу кого бы то ни было. То же должно сказать относительно церкви. Принимая на себя обязательство, обѣ власти, духовная и свѣтская, взятыя порознь, осуществляютъ акты свободной воли — признакъ, уподобляющій конкордатъ двусторонней привилегіи. Добровольное расширеніе государствомъ компетенціи церкви, и обратно, самоограниченіе церкви въ пользу перваго, акцептированныя духовной и свѣтской властями, облекаютъ подобную привилегію въ форму соглашенія, связующаго волю договаривающихся сторонъ. Каждый изъ контрагентовъ, взятый въ отдѣльности, получаетъ опредѣленное право требованія по отношенію къ обязуемому—признакъ, характеризующій договорное право, источникъ котораго коренится въ волѣ обязаннаго. Но этого мало, помимо общихъ признаковъ соглашенія, конкордатъ обладаетъ элементами международнаго договорнаго права, предметомъ котораго являются вопросы не только самостоятельной, но также смѣ-

шанной компетенціи. При такихъ условіяхъ, разсматривать конкордатъ въ качествѣ соглашенія „sui generis“ значило бы смѣшивать видовые признаки трактатовъ и конвенцій, заключаемыхъ государствами по вопросамъ политическаго характера, съ родовыми признаками международнаго договора, сторонами котораго являются суверенные, свободные и независимые организмы, безотносительно къ природѣ послѣднихъ, иначе говоря, не только государство, но также и церковь.

bb) Независимость Св. Престола обусловливается правомъ принужденія, посредствомъ котораго римская курія ограждаетъ компетенцію католической церкви отъ посягательствъ на нее со стороны государства. Управомоченный самостоятельно разрѣшать вопросы не только религіозные, но также религіозно-политическіе—признакъ, характеризующій его независимость — Св. Престолъ не обязанъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, обусловливаться некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ. Въ этомъ смыслѣ, онъ является вполнѣ равноправнымъ государству и, въ качествѣ такового, вправѣ, силою принужденія, ограждать свою компетенцію отъ посягательствъ на нее, связанныхъ или же нѣтъ, съ превышеніемъ власти со стороны посягающаго. Видовые признаки различныхъ средствъ принужденія несущественны, какъ мы видѣли выше (см. выше), для конструкціи родового понятія права принужденія, необходимо присущаго всякому суверенному, свободному и независимому организму. Не будучи комбатантомъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, Св. Престолъ долженъ быть, тѣмъ не менѣе, признанъ субъектомъ подобнаго права въ области церковно-государственныхъ отношеній. Противоположное утвержденіе коренится въ ошибочномъ отождествленіи понятій войны и принужденія, а также—въ неправильной конструкціи независимости и съ нею связанныхъ выводовъ.

cc) Независимость Св. Престола обусловливается правомъ международнаго представительства въ об-

ласти его взаимныхъ сношеній съ иностранными государствами. Отрицать за нимъ наличность послѣдняго, ограничивая представительство куріи вопросами исключительно религіозными,—обязывать папство, въ вопросахъ смѣшанной, религіозно-политической, компетенціи, прибѣгать къ содѣйствію государственныхъ учрежденій для выраженія корпоративной воли церкви, значило бы ограничивать ея независимость—юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливается, въ осуществленіи власти, некомпетентностью или бездѣйствіемъ другихъ организмовъ, въ данномъ случаѣ государства. Подобное состояніе органически связано съ правомъ выраженія воли при посредствѣ самостоятельныхъ учрежденій, въ области взаимныхъ сношеній даннаго организма съ другими, ему равноправными—признакъ, характеризующій право международнаго представительства.

Такимъ образомъ, независимость Св. Престола необходимо предполагаетъ наличность у папы основныхъ международныхъ правъ: договора, представительства и принужденія, поскольку отсутствіе одного изъ нихъ ограничиваетъ сферу дѣятельности куріи вопросами исключительно религіознаго характера, обязуя главу католической церкви, въ области смѣшанной компетенціи, повиноваться государственной власти. Въ этомъ отношеніи, мы рѣшительно расходимся съ теоріей Пьерантони, Кадорны, Скадуто и прочихъ писателей, утверждающихъ религіозную независимость Св. Престола при одновременномъ отрицаніи субъективной свободы послѣдняго, органически связанной съ его независимостью (см. выше).

Нельзя того же сказать относительно верховенства и объективной свободы Св. Престола: будучи необходимымъ предположеніемъ указанныхъ правъ, данные элементы не обусловливаются, однако, ихъ наличностью у послѣдняго; иначе говоря, Св. Престолъ можетъ оставаться суверенным и объективно свободнымъ, не обладая основными междуна-

родными правами договора, преставительства и принужденія.

b) Суверенитетъ и свобода (объективная) Св. Престола не обусловливаются основными правами.

aa) Объективная свобода Св. Престола не обусловливается правами договора, представительства и принужденія, органически связанными съ независимостью управомоченныхъ организмовъ. Будучи только объективно свободной, католическая церковь находилась бы въ одинаковомъ положеніи съ прочими церквами, признанными свѣтскою властью. Подобно послѣднимъ, она могла бы вступать въ договорныя отношенія съ государствомъ лишь по вопросамъ исключительно религіознаго характера—въ области смѣшанной компетенціи, при наступившей коллизіи между государствомъ и церковью, духовная власть, лишенная независимости, обязана отдавать предпочтеніе свѣтской. Въ этой области, государство является вполнѣ автономнымъ и, въ качествѣ такового, вправѣ осуществлять свою дѣятельность, не вступая въ договорныя отношенія съ церковью. То же должно сказать относительно международныхъ правъ представительства и принужденія, поскольку предметомъ указанныхъ правъ являются также вопросы самостоятельной и смѣшанной компетенціи. Въ этомъ моментѣ, характерно выступаетъ различіе между правомъ необходимой обороны, присущимъ всякому объективно свободному организму, и правомъ международнаго принужденія, органически связаннымъ съ его независимостью.

Признавъ свободу церкви, какъ религіознаго организма, государство добровольно подчиняется выводамъ, логически вытекающимъ изъ этой свободы. Оно обязано уважать компетенцію церкви, воздерживаться отъ ея нарушенію въ вопросахъ исключительно религіознаго характера. Этой обязанности, ограничивающей произволъ государства, корреспондируетъ право церкви ограждать свою компетенцію отъ посягательствъ на нее со стороны государственной власти. Было бы, однако, ошибочно усматривать въ этомъ правѣ необхо-

димой обороны признаки, характеризующіе право принужденія: первое имѣетъ въ виду правонарушеніе, связанное съ превышеніемъ власти со стороны посягающаго; второе не ограничено этимъ условіемъ и, въ качествѣ такового, осуществляется одинаково въ вопросахъ самостоятельной и смѣшанной компетенціи [1]). Подобное право, предполагая не только свободу (объективную), но также независимость (а слѣдовательно и субъективную свободу) управомоченнаго организма по отношенію къ принуждаемому, не можетъ быть признано за Св. Престоломъ въ условіяхъ территоріальнаго и личнаго подчиненія папы.

bb) Суверенитетъ Св. Престола не обусловливается основными правами, поскольку независимость—существенный элементъ международныхъ правъ договора, представительства и принужденія (см. выше)—не всегда является достояніемъ объективно-свободнаго и суверяннаго организма (см. выше).

Такимъ образомъ, основныя права Св. Престола являются необходимымъ предположеніемъ его независимости. Въ этомъ отношеніи, мы вполнѣ согласны съ Эмбаръ-Латуромъ, Лампертико, Цокки и прочими защитниками международной правоспособности папства. Къ сожалѣнію, представители данной теоріи утверждаютъ основныя права Св. Престола непосредственно на религіозномъ верховенствѣ и объективной свободѣ послѣдняго (см. выше).

---

[1]) Граждане вправѣ прибѣгать къ необходимой оборонѣ лишь по отношенію къ должностнымъ лицамъ, превысившимъ свои полномочія. Объективно свободные организмы управомочены пользоваться этимъ средствомъ не только противъ должностныхъ лицъ, но также и государства, превысившаго принадлежащую ему компетенцію. Въ такомъ положеніи находится объективно свободная церковь, хотя бы послѣдняя ограничивалась, въ своей независимости, свѣтскою властью. То же должно сказать относительно членовъ союзнаго государства (см. выше стр. 216). Общимъ моментомъ, характеризующимъ пр. обороны (въ отличіе отъ пр. принужденія), является наличность превышенія власти со стороны организма, вызвавшаго оборону.

BB) Основныя международныя обязанности Св. Престола органически связаны съ элементами его международной правоспособности.

1) Основныя международныя обязанности Св. Престола обусловливаются элементами его международной правоспособности:

a) Основныя международныя обязанности Св. Престола обусловливаются независимостью католической церкви по отношенію къ государству. Совокупность обязанностей, характеризующихъ положеніе зависимаго организма, построена на началахъ неравенства. Зависимый организмъ, въ качествѣ такового, обязанъ воздерживаться не только отъ превышенія власти, но даже осуществленія послѣдней, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ актомъ нарушается компентенція организма, въ пользу котораго ограничена его независимость. Св. Престолъ можетъ быть признанъ субъектомъ международныхъ обязанностей по отношенію къ государству лишь подъ условіемъ политической независимости католической церкви. Въ противномъ случаѣ, обязательства куріи должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія внутренняго публичнаго права, согласно которому коллизія между государствомъ и церковью, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, разрѣшается въ пользу перваго. При такихъ условіяхъ, Гиншіусъ, Эсперсонъ, Скадуто и прочіе писатели, отрицающіе субъективную свободу, а съ нею вмѣстѣ и независимость Св. Престола, поступаютъ вполнѣ послѣдовательно, разсматривая его обязанности по отношенію къ государству съ точки зрѣнія внутренняго публичнаго права (см. выше).

b) Основныя международныя обязанноси Св. Престола обусловливаются суверенитетомъ и свободой послѣдняго по отношенію къ государству, поскольку независимость—существенный элементъ основныхъ международныхъ обязанностей—въ свою очередь органически связана съ верховенствомъ и свободой (объективной и субъективной) католической церкви.

2) Международная правоспособность Св. Престола обусловливается его основными обязанностями по отношенію къ государству:

a) Независимость Св. Престола — существенный элементъ международной правоспособности послѣдняго—обусловливается международно-правою конструкціей его основныхъ обязанносей по отношенію къ государству. Распространять на римскую курію начала, характеризующія положеніе прочихъ свободныхъ и несвободныхъ религіозныхъ корпорацій, обязывать Св. Престолъ воздерживаться отъ осуществленія власти не только въ вопросахъ политическихъ, но также религіозно-политическихъ, иначе говоря,—не только въ области самостоятельной компетенціи государства, но также смѣшанной компетенціи, общей государству и церкви, значило бы ограничивать независимость папства. Съ точки зрѣнія публично-правовой конструкціи обязанностей Св. Престола по отношенію къ государству—такова теорія Брузы, Пьерантони, Карнацца-Амари и прочихъ итальянистовъ—отрицаніе международной правоспособности папства является вполнѣ естественнымъ (см. выше).

b) Суверенитетъ и свобода (объективная) Св. Престола не обусловливаются международно-правовою конструкціей его основныхъ обязанностей по отношенію къ государству, поскольку независимость — существенный элементъ подобныхъ обязанностей—не всегда является достояніемъ суверенаго и свободнаго организма (см. выше). Различіе между свободными и несвободными вѣроисповѣдными обществами выражается лишь въ томъ отношеніи, что компетенція послѣднихъ опредѣляется односторонею силой закона. Наоборотъ, объективно-свободныя церкви, не связанныя органически съ государствомъ, авторитетныя и самобытныя по природѣ, автономно опредѣляютъ границы своей компетенціи въ вопросахъ исключительно религіознаго характера. Ихъ зависимое положеніе по отношенію къ государству, въ составъ котораго онѣ входятъ, ограничивается обязательствомъ воздерживаться отъ осуще-

ствленія власти въ вопросахъ смѣшанной, религіозно-политической, компетенціи, иначе говоря, обусловливаться въ своей дѣятельности некомпетентностью или бездѣйствіемъ государства. Утверждая международно-правовую конструкцію взаимныхъ обязанностей государства и церкви непосредственно на религіозномъ верховенствѣ и свободѣ послѣдней, куріалисты — Фарабулини, Джіоббіо, Пинкетти-Санмаркп и другіе (см. выше) — упускаютъ изъ виду существенное различіе между понятіями свободы и независимости.

CC) Производныя права и обязанности Св. Престола органически связаны съ элементами международной правоспособности послѣдняго. Источникомъ этихъ правъ и обязанностей является конкордатъ—соглашеніе между Св. Престоломъ и государствомъ, опредѣляющее юридическое положеніе мѣстной церкви, входящей въ составъ послѣдняго. Подобное соглашеніе, создавая въ пользу папства опредѣленныя права требованія по отношенію къ государству, въ равной мѣрѣ, какъ и обратно, необходимо предполагаетъ международную правоспособность куріи.

C) Основныя и производныя права и обязанности Св. Престола органически связаны между собою.

1) Основныя и производныя права Св. Престола органически связаны между собою:

а) Производныя права Св. Престола обусловливаются его основными правами договора, представительства и принужденія. Наличность основного международнаго договорнаго права является необходимымъ условіемъ производныхъ правъ Св. Престола по отношенію къ государству, поскольку послѣднія облекаются въ форму опредѣленнаго требованія создаваемаго силою соглашенія. Этимъ моментомъ онѣ отличаются отъ простыхъ полномочій, основанныхъ на законѣ. Подобное соглашеніе, имѣя въ виду вопросы самостоятельной и смѣшанной компетенціи, общей обоимъ контрагентамъ, заключаетъ въ себѣ существенные элементы международнаго договорнаго права, построеннаго на началахъ равноправности договаривающихся сторонъ, въ данномъ случаѣ

государства и церкви. Органически связанныя съ договорнымъ правомъ, производныя права Св. Престола, почерпаемыя въ конкордатѣ, обусловливаются прочими основными правами представительства и принужденія, поскольку договорное право въ свою очередь органически связано съ ними.

b) Основныя права Св. Престола не обусловливаются производными правами послѣдняго въ силу соображеній, указанныхъ выше.

2) Основныя права Св. Престола органически связаны между собою. Наличность международнаго договорнаго права несовмѣстима съ отсутствіемъ правъ представительства и принужденія. Ограничивая сферу дѣятельности куріи вопросами исключительно религіознаго характера и, въ этомъ смыслѣ, отрицая за Св. Престоломъ международную правоспособность въ области договорнаго и представительнаго правъ, тѣсно связанныхъ съ независимостью духовной власти въ вопросахъ самостоятельной и смѣшанной компетенціи, противники международной правоспособности папства поступаютъ вполнѣ послѣдовательно, отказываясь признавать за нимъ право принужденія, направленное къ разрѣшенію коллизіи между государствомъ и церковью, неразрѣшимой путемъ компромисса.

3) Основныя и производныя обязанности Св. Престола органически связаны между собою:

a) Производныя обязанности Св. Престола обусловливаются его основными обязанностями Разсматривая взаимное отношеніе между государствомъ и церковью на началахъ внутренняго публичнаго права, ограничивая дѣятельность церкви не только предѣлами принадлежащей ей компетенціи, но также моментомъ бездѣятельности государства въ вопросахъ смѣшанной, религіозно-политической, компетенціи, нельзя не отрицать международно-правовой конструкціи производныхъ обязанностей Св. Престола, создаваемыхъ силою конкордата. То же должно сказать относительно обратнаго случая: международно-правовая конструкція основныхъ обязанностей Св. Престола влечетъ за собой переустройство, на

аналогичныхъ началахъ, его производныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи, природа послѣднихъ непосредственво опредѣляется природою первыхъ.

b) Основныя обязанности Св. Престола не обусловливаются производными обязанностями послѣдняго по отношенію къ государству, въ силу соображеній, изложенныхъ выше (см. общую часть).

4) Права и обязанности Св. Престола органически связаны между собою. Въ этомъ отношеніи, все сказанное выше по поводу государства одинаково приложимо и къ церкви.

§ 32.

3. Св. Престолъ, суверенный, свободный и независимый по отношенію къ государству, опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи — абсолютной и относительной — международно-правовыми началами. Обязательныя по природѣ, они ограничиваютъ произволъ государства и церкви въ области ихъ взаимныхъ отношеній, не посягая, однако, на элементы международной правоспособности послѣднихъ: суверенитъ, свободу и независимость.

1) Св. Престолъ, суверенный, свободный и независимый по отношенію къ государству, опредѣляется въ составѣ принадлежащей ему компетенціи — абсолютной и относительной—международно-правовыми началами.

a) Компетенція Св. Престола, суверенаго, свободнаго и независимаго по отношенію къ государству, слагается изъ двухъ категорій: абсолютной и относительной компетенціи:

aa) Абсолютная компетенція Св. Престола опредѣляется элементами международной правоспособности — суверенитетомъ, свободой и независимостью папства—и совокупностью основныхъ правъ и обязанностей послѣдняго по отношенію къ государству:

α) Св. Престолъ является субъектомъ правъ, непосредственно вытекающихъ изъ верховенства папства. Послѣднее слагается, какъ мы видѣли выше, изъ двухъ властей, различныхъ по содержанію, но одинаковыхъ по существу: духовной и свѣтской. Въ качествѣ главы католической церкви, Св. Престолъ вправѣ осуществлять, по отношенію къ паствѣ, совокупность положительныхъ и отрицательныхъ актовъ господства въ области религіозныхъ вопросовъ, опредѣляемыхъ догматомъ. Эти акты власти, подчиняя вѣрующихъ, независимо отъ мѣстонахожденія послѣднихъ, облекаются въ личную форму господства. Коллизія между государствомъ и церковью, въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, не разрушаетъ властнаго и, въ этомъ смыслѣ, суверенаго характера духовнаго воздѣйствія церкви, поскольку бытіе и конструкція власти не предрѣшаютъ порядка ея осуществленія. Св. Престолъ является, однако, не только носителемъ религіознаго верховенства, но также субъектомъ свѣтской власти, непосредственно вытекающей изъ экстерриторіальности Ватикана и вѣнподданства папства. Съ точки зрѣнія предметной компетенціи, эта власть ограничивается полицейскими и административно-хозяйственными функціями, а также гражданской юрисдикціей папы, территоріально и лично изъятаго изъ подчиненія государству. Въ этомъ смыслѣ, капитуляція Рима, уничтоживъ, въ пользу Италіи, территоріальную власть папства въ тѣсномъ смыслѣ слова, не лишила послѣдняго прочихъ формъ территоріальнаго властвованія: экстерриторіальной и детерриторіальной, значеніе которыхъ нами указано выше.

β) Св. Престолъ является субъектомъ правъ, непосредственно вытекающихъ изъ объективной свободы католической церкви, въ силу которой послѣдняя, функціонируя въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной. Отсюда слѣдуетъ, что, въ вопросахъ исключительно религіознаго характера, Св. Престолъ вправѣ, во-1-хъ, выступать по отношенію къ государству субъектомъ обязанностей

не иначе, какъ въ силу собственнаго согласія; во-2-хъ, выражать свою волю, въ сношеніяхъ съ государствомъ, при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ представительства и, въ 3-хъ, ограждать свою компетенцію отъ посягательствъ на нее со стороны государства, заключающихъ въ себѣ превышеніе власти. Эти права соглашенія, представительства и необходимой обороны органически связаны съ объективной свободой католической церкви.

γ) Св. Престолъ является субъектомъ правъ, непосредственно вытекающихъ изъ политической независимости папства. Въ силу послѣдней, договорное право Св. Престола выступаетъ изъ узкихъ рамокъ спеціальнаго соглашенія между государствомъ и церковью по вопросамъ исключительно религіознаго характера. Будучи не только свободной, но также независимой, римская курія вступаетъ въ соглашенія съ государствомъ по вопросамъ самостоятельной и смѣшанной, религіозно-политической, компетенціи. Отсюда слѣдуетъ необходимость признанія международно-правовой конструкціи конкордата. Въ связи съ договорнымъ правомъ, Св. Престолъ является субъектомъ права представительства, выражая свою волю, въ сношеніяхъ съ государствами, при посредствѣ самостоятельныхъ органовъ. Осуществляемое въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, подобное право облекается въ форму международнаго представительства и, въ этомъ отношеніи, отличается отъ представительства прочихъ, зависимыхъ отъ государства, церквей, ограниченнаго вопросами исключительно религіознаго характера. Наконецъ, необходимою санкціей указанныхъ правъ, присущей всякому суверенному, свободному и независимому организму, является право принужденія, посредствомъ котораго Св. Престолъ разрѣшаетъ коллизію между государствомъ и церковью, неустранимую путемъ компромисса. Ограждая компетенцію церкви независимо отъ вопроса: насколько посягательства на нее связаны съ превышеніемъ власти со стороны государства, Св. Престолъ осуществляетъ право международнаго принужденія, по содержанію своему болѣе обширное, чѣмъ

право необходимой обороны, поскольку послѣднее имѣетъ въ виду коллизію государства и церкви въ области исключительно религіозной.

Такимъ образомъ, абсолютная компетенція Св. Престола опредѣляется совокупностью прерогативъ, непосредственно вытекающихъ изъ элементовъ международной правоспособности папства, и основными правами, съ ними органически связанными.

bb) Относительная компетенція Св. Престола слагается изъ совокупности производныхъ правъ и обязанностей, характеризующихъ положительныя отношенія куріи къ отдѣльнымъ членамъ международнаго общенія. Границы относительной компетенціи не представляются постоянными, разъ навсегда установленными. Измѣняемая договорнымъ порядкомъ, относительная компетенція отчасти шире, отчасти уже абсолютной компетенціи Св. Престола. Въ качествѣ суверенаго, свободнаго и независимаго организма, католическая церковь, на-ряду съ государствомъ, участвуетъ въ совмѣстномъ творчествѣ руководящихъ началъ положительнаго международнаго права. Въ этой области, Св. Престолъ является субъектомъ производныхъ правъ и обязанностей, общихъ всѣмъ участникамъ международнаго союза. Вступая въ спеціальныя соглашенія съ отдѣльными государствами, онъ становится субъектомъ правъ и обязанностей, видоизмѣняющихъ юридическія отношенія куріи къ различнымъ членамъ международнаго общенія, согласно текущимъ интересамъ церковной политики. Такимъ образомъ, относительная компетенція Св. Престола, подобно аналогичной компетенціи государства, распадается на общую и особенную (см. выше).

b) Абсолютная и относительная компетенціи Св. Престола—суверенаго, свободнаго и независимаго по отношенію къ государству—опредѣляются международно-правовыми началами. Данное положеніе непосредственно вытекаетъ изъ указанныхъ элементовъ международной правоспособности папства, не обусловленныхъ, въ своемъ бытіи, волей другихъ организмовъ и, въ этомъ

смыслѣ, первоначальныхъ по природѣ. Роль государства въ области „абсолютной“ компетенціи куріи ограничивается моментомъ „признанія“ юридическихъ выводовъ, органически связанныхъ съ ея содержаніемъ. Что касается „относительной“ компетенціи папства, то послѣдняя опредѣляется „договорнымъ“ порядкомъ. Иначе говоря, абсолютная и относительная компетенція Св. Престола получаютъ юридическую квалификацію, въ области церковно-государственныхъ отношеній, въ международно-правовой формѣ, построенной на началахъ равенства, въ отличіе отъ компетенціи подчиненныхъ организмовъ, опредѣляемой силой закона.

2) Обязательныя, по природѣ, начала международнаго права ограничиваютъ произволъ государства и церкви въ области ихъ взаимныхъ отношеній, не посягая, однако, на элементы международной правоспособности послѣднихъ. Обязательность международно-правовыхъ началъ, ихъ отношеніе къ суверенитету, свободѣ и независимости—указаны выше. Общіе родовые признаки, характеризующіе междугосударственныя отношенія, одинаково приложимы къ церковно-государственнымъ — въ условіяхъ независимости обѣихъ властей, духовной и свѣтской. Не подлежитъ сомнѣнію, насколько эмансипація этихъ властей желательна въ интересахъ церкви и государства. Исторія папства служитъ характерной иллюстраціей недостатковъ односторонняго господства религіознаго или политическаго организмовъ въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, не говоря уже о прямыхъ посягательствахъ, связанныхъ съ превышеніемъ власти. Подчиненное положеніе папства отражалось на интересахъ церкви столь же печально, какъ и обратная гегемонія духовной власти, осуществляемая въ формѣ личной уніи между государствомъ и церковью. Только въ условіяхъ международно-правового порядка возможно свободное развитіе религіознаго и политическаго организмовъ. Переустройство церковно-государственныхъ отношеній на этихъ началахъ возвышаетъ идею механическаго единенія различныхъ,

по содержанію, организмовъ до степени координаціи, основанной на свободѣ и равенствѣ.

§ 33.

4. Совмѣстное бытіе государства и церкви (католической), взаимно ограничивая независимость обѣихъ властей — духовной и свѣтской— вызываетъ необходимость международныхъ гарантій, могущихъ имъ обезпечить осуществленіе правъ въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи.

1. Совмѣстное бытіе государства и католической церкви взаимно ограничиваетъ независимость обѣихъ властей, духовной и свѣтской. Въ качествѣ религіознаго организма, католическая церковь преслѣдуетъ цѣли, чуждыя государству, не въ смыслѣ, конечно, принципіальной враждебности задачамъ послѣдняго, но безразличности, равнодушія къ тѣмъ жизненнымъ интересамъ, ради которыхъ функціонируетъ свѣтская власть. Будучи самобытной, по природѣ и цѣлямъ, католическая церковь обладаетъ самостоятельной компетенціей, въ предѣлахъ которой духовная власть свободна и независима. То же должно сказать относительно государства, поскольку дѣятельность его характеризуется исключительно свѣтскими элементами. Самостоятельность церкви и государства не исключаетъ, однако, коллизіи между ними въ вопросахъ смѣшанной компетенціи. Въ этой области, самостоятельный характеръ религіозной цѣли, преслѣдуемой духовною властью, не только не устраняетъ столкновенія съ свѣтскою, но служитъ причиною подобнаго столкновенія—полезное государству нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ интересами церкви. При общности личнаго субстрата, коллизія между ними въ вопросахъ религіозно-политическаго характера неизбѣжно отражается на взаимной независимости государства и церкви, поскольку дѣятельность духовной власти, при столкновеніи съ свѣтскою, обусловливается бездѣйствіемъ послѣдней, и обратно. Къ подобной

коллизіи, возникающей на почвѣ смѣшанной компетенціи, въ границахъ которой, какъ государство, такъ и церковь являются одинаково управомоченными, присоединяются распривызываемыя превышеніемъ власти со стороны религіознаго или политическаго организма.

2. Коллизія государства и церкви въ вопросахъ смѣшанной компетенціи вызываетъ необходимость гарантій международно-правового характера. Противоположныя построенія несовмѣстимы съ верховенствомъ, свободой и независимостью государства и католической церкви. Устраненіе коллизіи между ними на почвѣ неравенства приводитъ къ гегемоніи религіознаго или политическаго организмовъ Подобная гегемонія, въ свою очередь, выражается въ двоякой формѣ: прямой или косвенной.

а) Прямое господство ограничиваетъ верховенство и свободу одного изъ указанныхъ организмовъ — церкви или государства—въ пользу другого. Въ первомъ случаѣ, независимость государства обезпечивается личною уніей съ церковью, возникающей въ силу совмѣщенія реальнымъ носителемъ государственнаго верховенства духовной и свѣтской властей. При такихъ условіяхъ, прерогативы должностныхъ лицъ церкви получаютъ характеръ „полномочій", предоставленныхъ имъ государствомъ. Такова система цезаро-папизма. Во второмъ случаѣ, соотношеніе властей выражается въ обратномъ порядкѣ. Функціи государственной власти осуществляются папой. Подчиненіе церкви смѣняется ея главенствомъ надъ свѣтскою властью. Цезаро-папизмъ уступаетъ мѣсто папоцезаризму. Обѣ системы, несмотря на различіе выводовъ, построены на тѣхъ же началахъ.

b) Слѣдующей формой неравенства является косвенная гегемонія. Въ отличіе отъ системы прямого господства, подобная гегемонія ограничиваетъ независимость одной изъ властей, сохраняя ея верховенство и свободу: какъ духовная, такъ и свѣтская власти становятся достояніемъ отдѣльныхъ субъектовъ. Коллизія между ними устраняется обязатель-

ствомъ обусловливаться въ осуществленіи дѣятельности моментами некомпетентности или бездѣйствія главенствующаго организма, въ пользу котораго ограничена независимость обязуемаго.

Согласно изложеннымъ системамъ, коллизія между государствомъ и церковью устраняется ограниченіемъ элементовъ международной правоспособности одного изъ указанныхъ организмовъ. На противоположныхъ началахъ построена система координаціи, основанная на признаніи равноправности обѣихъ властей въ вопросахъ самостоятельной и смѣшанной компетенціи. Въ свою очередь, подобная равноправность обусловливается самобытностью и авторитетностью религіознаго и политическаго организмовъ — существенные элементы верховенства — ихъ объективной свободой въ вопросахъ самостоятельной компетенціи и, наконецъ, независимостью, органически связанной съ субъективной свободой, иначе говоря,—политической эмансипаціей реальныхъ носителей обѣихъ властей.

По мнѣнію Гиншіуса [1]), координаціонная система неприложима къ церковно-государственнымъ отношеніямъ въ виду фактической невозможности разграниченія обѣихъ властей, неизбѣжной коллизіи между ними въ вопросахъ смѣшанной компетенціи. Въ томъ же смыслѣ высказываются Цорнъ [2]), Роттекъ [3]), Сарвей [4]) и прочіе писатели, разсматривающіе конкордатъ въ качествѣ государственнаго закона, поскольку предметомъ конкордата являются вопросы религіозно-политическаго характера. Аналогичнаго взгляда придерживаются Бруза [5]), Скадуто [6]), Линденъ [7]) и прочіе противники международной правоспособности папства [8]).

[1]) Hinschius, l. c., S. 270 ff.

[2]) Zorn, Lehrb. d. Kirchenr., S. 431 ff.

[3]) Rotteck, l. c., S. 731 ff.

[4]) Sarvey, l. c., Bd II, S. 437 ff.; Bd III, S. 267 ff.

[5]) Brusa, l. c., p. 121 ss.

[6]) Scaduto, l. c., p. 283 ss.

[7]) Linden, l. c., S. 12 ff., 32 ff.

[8] См. выше.

Подобная теорія не представляется намъ достаточно обоснованной. Трудность разграниченія компетенцій отнюдь не служитъ доказательствомъ неприложимости координаціонной системы къ церковно-государственнымъ отношеніямъ. Наоборотъ, она является необходимымъ факторомъ данной системы. Всякое юридическое отношеніе предполагаетъ наличность коллизіи. Это начало одинаково приложимо къ гражданскимъ, публично-правовымъ и международнымъ отношеніямъ. Другой вопросъ, въ какой именно формѣ должно устраняться наступившее столкновеніе. Рѣшающимъ въ данномъ вопросѣ является природа коллидирующихъ организмовъ, наличность у нихъ существенныхъ элементовъ международной правоспособности. Тамъ, гдѣ имѣется соподчиненіе воль, она разрѣшается посредствомъ односторонняго акта. Ихъ равноправность приводитъ къ договорному компромиссу. Въ свою очередь, подобная равноправность, въ сферѣ междугосударственныхъ отношеній, предполагаетъ наличность у обѣихъ сторонъ верховенства, свободы и независимости. То же должно сказать по поводу церковно-государственныхъ отношеній: поскольку государство и церковь являются одинаково суверенными, свободными и независимыми организмами, коллизія между ними не можетъ разрѣшаться иначе, какъ на почвѣ взаимнаго признанія международной личности религіознаго и политическаго организмовъ и связанныхъ съ этою личностью основныхъ правъ договора, представительства и принужденія. Преимущество координаціонной системы является очевиднымъ: въ то время, какъ прочія обезпечиваютъ независимость лишь одной изъ сторонъ, международно-правовая система покоится на равноправности коллидирующихъ организмовъ.

3. Международноправовыми гарантіями, направленными къ устраненію коллизіи между государствомъ и Св. Престоломъ въ вопросахъ смѣшанной компетенціи, являются: самоограниченіе обѣихъ властей, духовной и свѣтской, основными и производными обязанностями, въ сферѣ ихъ взаимныхъ отно-

шеній, участіе церкви въ бытіи государства, и обратно, и, наконецъ, право принужденія. Вскорѣ послѣ паденія церковнаго государства, итальянское правительство сочло необходимымъ обнародовать 13 мая 1871 г. такъ называемый законъ о гарантіяхъ (legge sulle guarentigie Pontificie), призванный обезпечить свободу и независимость Св. Престола. Спрашивается:

1) Какова природа этого закона?

2) Является ли законъ о гарантіяхъ единственной гарантіей независимости Св. Престола?

3) Могутъ ли современныя условія, созданныя оккупаціей Рима, достаточно обезпечить религіозную независимость Св. Престола по отношенію къ государству и политическую независимость свѣтской власти по отношенію къ духовной?

На послѣднемъ вопросѣ мы остановимся ниже. Что касается первыхъ двухъ, то различное разрѣшеніе ихъ обусловливается той или иной оцѣнкой событій 1870 г.:

1) По мнѣнію куріалистовъ, необходимой гарантіей религіозной независимости Св. Престола является международная правоспособность послѣдняго. Наличность у папы ея существенныхъ элементовъ обязуетъ свѣтскую власть признавать тѣ выводы, которые непосредственно изъ нея вытекаютъ. Въ этомъ смыслѣ, законъ о гарантіяхъ является осуществленіемъ Италіей обязанностей, признанныхъ ею еще ранѣе его обнародованія, до и послѣ капитуляціи Рима.

2) Противоположнаго взгляда придерживаются Гейльборнъ [1]), Бонги [2]) и Листъ [3]), представители сервитутной теоріи: законъ о гарантіяхъ долженъ разсматриваться въ качествѣ международнаго акта лишь по отношенію къ иностраннымъ державамъ. Для Св. Престола онъ является одностороннимъ закономъ [4]).

---

[1]) Heilborn, l. c., S. 198 ff.

[2]) Bonghi. I trib. Vatic., p. 106 ss.

[3]) Liszt, l. c., S. 37.

[4]) Отчасти въ томъ же смыслѣ высказывается Cadorna (l. c., p. 16 ss.): законъ о гарантіяхъ является внутреннимъ государственнымъ актомъ; тѣмъ

3) Наконецъ, итальянцы, Бруза [1]), Скадуто [2]), Эспер-сонъ [3]) и другіе [4]), отрицаютъ международно-правовой характеръ закона о гарантіяхъ не только по отношенію къ Св. Престолу, но также и прочимъ государствамъ. Политическое значеніе закона не измѣняетъ его юридической природы, какъ внутренняго публичнаго акта, свободно измѣняемаго государствомъ.

Сравнивая преимущества и недостатки этихъ теорій, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ;

1) Представители первой теоріи, Фарабулини [5]), Эмбаръ-Латуръ [6]), Пинкетти-Санмарки [7]) и другіе, вполнѣ правильно разсматриваютъ законъ о гарантіяхъ въ качествѣ акта, налагающаго на Италію опредѣленныя международныя обязанности по отношенію къ Св. Престолу и прочимъ державамъ. Существеннымъ недостаткомъ этой теоріи является неправильная квалификація элементовъ международной правоспособности папства (см. выше).

2) Значительно ниже стоитъ теорія, оцѣнивающая законъ о гарантіяхъ съ точки зрѣнія сервитутнаго права; ея недостатки обнаруживаются въ троякомъ отношеніи:

a) Она является односторонней, имѣя въ виду преимущественно интересы государства.

b) Она игнорируетъ международную правоспособность папства. Св. Престолъ разсматривается лишь въ качествѣ объекта международнаго права, а не субъекта послѣдняго.

не менѣе державы вправѣ требовать отъ Италіи дѣйствительнаго обезпеченія религіозной свободы Св. Престола.

[1]) Brusa, l. c., p. 117 ss., 126 ss., 129 ss.

[2]) Scaduto, l. c., p. 210 ss., 260 ss., 686 ss.

[3]) Esperson, l. c., I, p. 36 ss., 294 ss.

[4]) Foignet, l. c., p. 388, Calisse, l. c., p. 403 ss., 407 ss., Casella, l. c., p. 32 ss., Centi, l. c., p. 6 ss., 104 ss., Pierantoni, l. c., p. 480 ss., и друг. (см. выше).

[5]) Farabulini, l. c., I, p. 126, 186 ss., 192.

[6]) Imbart Latour, l. c., p. 69 ss., 89, 160 ss.

[7]) Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 186 ss., № 169.

c) Она непослѣдовательна, ибо, признавая субъективную свободу Св. Престола—папа изъемлется изъ подчиненія государству—вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ его международную личность.

3) Наибольшими недостатками страдаютъ выводы третьей теоріи:

a) Послѣдняя, подобно предшествующей, отрицаетъ международную правоспособность Св. Престола.

b) Въ отличіе отъ сервитутной теоріи, итальянисты усматриваютъ въ римскомъ вопросѣ исключительно политическую сторону; юридическая ограничивается внутреннимъ государственнымъ правомъ.

Имѣя въ виду изложенное выше, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Коллизія между государствомъ и католической церковью должна разрѣшаться согласно началамъ международнаго права, поскольку оба организма — религіозный и политическій — обладаютъ существенными элементами международной правоспособности.

2) Разсматривая систему международно-правовыхъ отношеній, призванныхъ гарантировать юридическую независимость государства и католической церкви, должно различать три группы послѣднихъ:

a) Взаимныя отношенія Св. Престола и государствъ, за исключеніемъ Италіи.

b) Отношеніе Св. Престола къ Италіи, и обратно.

c) Отношеніе Италіи къ иностраннымъ державамъ.

1) Взаимныя отношенія Св. Престола и государствъ, за исключеніемъ Италіи. — Юридическая независимость религіознаго и политическаго организмовъ обезпечивается: основными и производными—общими и особенными — обязанностями духовной и свѣтской властей, участіемъ церкви въ бытіи государства, и обратно, и правомъ принужденія.

a) Основныя обязанности ограничиваютъ дѣятельность государства и церкви составомъ принадлежащей

имъ компетенціи. Предполагая сосуществованіе нѣсколькихъ организмовъ во времени и пространствѣ, подобное ограниченіе связано съ „признаніемъ“, со стороны обязуемаго, компетенціи уполномоченнаго, иначе говоря, — элементовъ международной правоспособности послѣдняго и основныхъ правъ договора, представительства и принужденія, непосредственно вытекающихъ изъ верховенства, свободы и независимости даннаго организма. Государство обязано:

aa) Признавать суверенитетъ Св. Престола, какъ главы церкви—авторитетный и самобытный характеръ осуществляемыхъ папой актовъ религіознаго властвованія; его право общенія съ паствою по церковнымъ вопросамъ.

bb) Признавать территоріальную и личную формы верховенства Св. Престола; государство не вправѣ посягать на территоріальную неприкосновенность Ватикана, а также на личную связь, соединяющую католическую паству съ главою церкви.

cc) Признавать субъективную свободу Св. Престола, поскольку послѣдняя органически связана съ экстерриторіальностью Ватикана и внѣподданствомъ папы. Наличность подобной свободы слагаетъ съ папы обязанность повиноваться государству. При такихъ условіяхъ, государство не вправѣ разсматривать дѣйствія папы съ точки зрѣнія внутренняго публичнаго права, преслѣдовать его въ уголовномъ порядкѣ за нарушеніе государственной компетенціи. Въ этомъ отношеніи, обнаруживается существенное различіе въ юридическомъ положеніи папы, съ одной стороны, и епископовъ, территоріально и лично подвластныхъ государству и, въ качествѣ таковыхъ, обязанныхъ повиноваться закону, хотя бы повиновеніе послѣднему противорѣчило интересамъ церкви.

dd) Признавать объективную свободу католической церкви, ея безспорное право самостоятельно разрѣшать вопросы исключительно религіознаго характера. Этому праву корреспондируетъ соотвѣтствующая обязанность государства воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла церкви исключительно религіознаго характера.

ее) Признавать юридическую независимость Св. Престола, поскольку послѣдняя непосредственно вытекаетъ изъ его субъективной свободы, гарантируемой экстерриторіальностью и внѣподданствомъ папства. Будучи юридически независимымъ, Св. Престолъ вправѣ осуществлять свою дѣятельность, не обусловливаясь некомпетентностью или бездѣйствіемъ государственной власти (см. выше).

ff) Признавать основныя права Св. Престола, органически связанныя съ элементами международной правоспособности папства. Государство обязано распространять на конкордатъ начала международнаго договорнаго права; разсматривать представителей Св. Престола въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ; признавать за римскою куріей не только право необходимой обороны, но также право принужденія (см. выше).

Основнымъ обязанностямъ государства по отношенію къ Св. Престолу корреспондируютъ аналогичныя обязанности послѣдняго по отношенію къ государству. Эти обязанности заключаютъ въ себѣ элементы императивнаго характера, поскольку обязательство воздерживаться отъ превышенія власти опредѣляется самымъ понятіемъ послѣдней, какъ ограниченной, въ своемъ бытіи, составомъ принадлежащей ей компетенціи (см. выше). Какъ государство, такъ и церковь становятся субъектами основныхъ обязанностей съ момента взаимнаго признанія ими международной правоспособности религіознаго и политическаго организмовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наличность существенныхъ элементовъ послѣдней является не только условіемъ „признанія“, но также его рѣшающимъ факторомъ: государство не вправѣ отказать въ признаніи международной личности церкви, поскольку послѣдняя является суверенной, свободной и независимой. То же должно сказать относительно обратнаго положенія.

b) Производныя обязанности ограничиваютъ государство и церковь обязательствомъ воздерживаться отъ осуществленія дѣятельности, нарушающей естественную независимость указанныхъ организмовъ.

Основныя обязанности, будучи необходимымъ условіемъ правопорядка въ области международныхъ отношеній, недостаточны для обезпеченія независимости управомоченнаго, поскольку подобная независимость ограничивается не только превышеніемъ власти со стороны обязуемаго, но также осуществленіемъ извѣстныхъ актовъ господства въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, коллидирующей съ аналогичной компетенцій перваго въ вопросахъ смѣшаннаго характера. Какъ государство, такъ и Св. Престолъ вправѣ функціонировать въ подчиненной имъ сферѣ вѣдѣнія безотносительно къ компетенціи другихъ организмовъ. При такихъ условіяхъ, источникомъ производныхъ обязанностей, ограничивающихъ данное право, является спеціальное „соглашеніе“ между государствомъ и церковью. Въ этомъ моментѣ, производныя обязанности отличаются отъ основныхъ, непосредственно вытекающихъ изъ „признанія“ обязуемымъ международной личности управомоченнаго.

Производныя обязанности распадаются, какъ мы видѣли выше, на двѣ группы: общія производныя обязанности опредѣляются совокупностью положительныхъ международныхъ началъ, регулирующихъ родовыя условія международныхъ отношеній. Въ этой области, Св. Престолъ является одинаково обязаннымъ по отношенію ко всякому вообще государству, и обратно; что касается особенныхъ производныхъ обязанностей, то послѣднія имѣютъ въ виду конкретныя юридическія отношенія, возникающія между Св. Престоломъ и отдѣльными государствами на почвѣ спеціальнаго конкордата.

c) Участіе церкви въ бытіи государства, и обратно. Должностныя лица и учрежденія церкви могутъ быть призываемы государствомъ къ участію въ различныхъ функціяхъ государственной власти: законодательной, судебной или административной, въ равной мѣрѣ, какъ и обратно — свѣтская власть можетъ участвовать въ аналогичныхъ функціяхъ религіознаго организма. Подобное участіе имѣетъ въ виду взаимный контроль и приспособленіе обѣихъ властей, ограждаю-

щіе ихъ естественную независимость путемъ устраненія коллизіи между ними въ вопросахъ смѣшанной коммиссіи [1]).

d) Право принужденія является крайнимъ средствомъ, къ которому прибѣгаетъ государство и церковь въ случаѣ невозможности устраненія возникшей между ними коллизіи, при помощи миролюбиваго компромисса.

Такимъ образомъ, совокупность гарантій, направленныхъ къ обезпеченію юридической независимости государства и католической церкви, въ лицѣ Св. Престола, выражается въ слѣдующихъ формахъ:

1) Самоограниченіе государства и церкви основными международными обязанностями.

2) Аналогичное ограниченіе указанныхъ организмовъ на почвѣ производныхъ — общихъ и особенныхъ — правъ и обязанностей.

---

[1]) Согласно ст. 4 австрійской конституціи, высшіе католическіе іерархи призваны къ участію въ верхней палатѣ Рейхсрата (зак. 21 декабря 1867 г. См. Dareste, l. c., т. I, p. 365). Въ томъ же смыслѣ высказываются ст. ст. 21 и 22 испанской конституціи 30 іюня 1876 г. (ibid. T. II, p. 7 s.) и ст. 3 португальскаго органическаго закона 3 мая 1878 г., (ibid. T. II, p. 52). — Одною изъ формъ участія государства въ бытіи церкви является право „veto", принадлежавшее, въ силу историческихъ традицій, Австріи, Франціи и Испаніи; согласно послѣднему, даннымъ державамъ предоставляется устранять, во время конклава, (не болѣе, однако, одного раза), нежелательнаго имъ кандидата на Св. Престолъ. По этому поводу см. Giobbio, Austria, Francia e Spagna e l'esclusiva nel conclave.—Послѣ смерти Льва XIII Австрія воспользовалась своимъ правомъ „veto" для устраненія кандидатуры кардинала Рамполлы. См. Les derniers jours de Léon XIII et le Conclave de 1903, par un Témoin (Revue des deux mondes, mars, 1904). Въ декабрѣ 1903 г. Піемъ X была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ кардинала Орелья, для разсмотрѣнія способовъ устраненія подобнаго права „veto", стѣсняющаго свободу конклава. Результатомъ работъ этой коммиссіи явилась, подписанная папой въ январѣ 1904 г., апостольская конституція, согласно которой отлучается отъ церкви „ipso facto" всякій членъ священной коллегіи, виновный въ сообщничествѣ съ представителями свѣтской власти, дерзающими прямо или косвенно повліять на избраніе папы. Новая апостольская конституція не была распубли-

3) Участіе одного организма въ бытіи другого.

4) Право принужденія.

Ниже мы разсмотримъ значеніе этихъ формъ въ области взаимныхъ отношеній Св. Престола и Италіи.

§ 34.

2) Взаимныя отношенія Св. Престола и Италіи. Юридическая независимость религіознаго и политическаго организмовь обезпечивается: основными и общими производными обязанностями Квиринала и Куріи, а также правомъ принужденія.

Закономъ о гарантіяхъ итальянское правительство опредѣлило совокупность обязанностей, ограничивающихъ государственную власть въ пользу куріи. Мы указали выше, главнѣйшія контроверзы, вызванныя вопросомъ о природѣ этихъ обязанностей. Источникъ разногласій по настоящему вопросу — помимо соображеній общаго характера, основанныхъ на неправильномъ построеніи международной правоспособности вообще и, въ частности, элементовъ медународной правоспособности папства, получившихъ своеобразную конструкцію подъ вліяніемъ событій 1870 г.,—коренится въ недостаточномъ различеніи отдѣльныхъ положеній закона о гарантіяхъ. Послѣдній является сложнымъ по содержанію: нѣкоторыя изъ его статей обязуютъ Италію въ пользу Св. Престола и прочихъ державъ; другія связуютъ ее лишь по отношенію къ послѣднимъ; наконецъ, содержаніе прочихъ статей лишено международно-правового характера.

а) Юридическая независимость Св. Престола и Италіи обезпечивается основными международными обязанностями данныхъ сторонъ. Закономъ о гарантіяхъ „признаны“ эти обязанности.

кована, а лишь разослана всѣмъ кардиналамъ, а также сообщена папскимъ нунціямъ, для передачи ея содержанія иностраннымъ правительствамъ.

аа) Суверенитетъ Св. Престола признанъ въ обѣихъ формахъ его внѣшняго выраженія: территоріальной и личной.

Вопросъ объ отношеніи закона о гарантіяхъ къ верховенству Св. Престола послужилъ предметомъ контроверзъ, въ которыхъ обнаружились различныя точки зрѣнія на значеніе событій 1870 года:

1) По мнѣнію Содерини [1]), Фарабулини [2]), Джіоббіо [3]) и проч. куріалистовъ [4]) законъ о гарантіяхъ является актомъ „признанія" суверенитета Св. Престола, какъ главы церкви и государя церковной монархіи, лишь ограниченной въ пространственномъ отношеніи, но не уничтоженной совершенно капитуляціей Рима.

2) Противоположнаго взгляда придерживаются Скадуто [5]) Пальма [6]), Габба [7]), Бонги [8]), Калиссе [9]), Габибъ [10]), согласно которымъ законъ о гарантіяхъ „создалъ", силою односторонняго акта, въ пользу папы суверенитетъ „sui generis", обезпечивающій Св. Престолу осуществленіе нѣкоторыхъ правъ, связанныхъ съ верховною властью.

3) Въ пользу посредствующей теоріи высказывается Кастеллари [11]): суверенитетъ Св. Престола, будучи „sui generis" въ виду отсутствія у него территоріальнаго властвованія, тѣмъ не менѣе „признанъ", а не „созданъ" закономъ о гарантіяхъ. Изъ интернаціоналистовъ, аналогичнаго взгляда

---

[1]) Soderini, l. c., p. 535 ss., 544 ss.

[2]) Farabulini, l. c., I, p. 186 ss., 192 ss.

[3]) Giobbio, Lezioni, I, p. 94 ss., 121 ss.

[4]) Imbart Latour, l. c., p. 7 ss., 67 ss., 89.

[5]) Scaduto, l. c., p. 281 sg., 292 ss.

[6]) Palma, l. c., p. 390 ss.

[7]) Gabba, l. c., p. 679 ss.

[8]) Bonghi, I trib. Vatic, p. 105 ss.

[9]) Calisse, l. c., p. 417 ss., 455 ss.

[10]) Gabib, l. c., p. 73 ss.

[11]) Castellari, l. c., II, p. 488 ss., 607; см: также Brunialti, l. c., p. CLIX ss., Zanichelli, l. c., p. 111 ss.

придерживаются Ф. Ф. Мартенсъ [1]), Ривье [2]), Бонфисъ [3]), Прадье-Фодере [4]), Бри [5]) и Фуанье [6]).

Качества и недостатки этихъ теорій нами указаны выше, въ общемъ ученіи о верховенствѣ Св. Престола. Послѣдній несомнѣнно является суверенным, въ качествѣ главы церкви, авторитетной и самобытной по природѣ. Кромѣ того, Св. Престолъ обладаетъ свѣтскою властью, органически связанной съ экстерриторіальною формой верховенства, осуществляемой имъ въ Ватиканѣ. Законъ о гарантіяхъ не могъ „создать" верховенства папы по той простой причинѣ, что оно существовало и ранѣе. Италія могла лишь „признать",— что̀ и было сдѣлано ею силой закона—тѣ выводы, для нея обязательные, которые непосредственно вытекаютъ изъ верховенства папы. Суверенитетъ Св. Престола представляется понятіемъ „sui generis" по содержанію и внѣшнимъ формамъ его выраженія. По существу, онъ заключаетъ въ себѣ элементы верховенства, въ строгомъ смыслѣ этого слова, а не является лишь совокупностью нѣкоторыхъ атрибутовъ послѣдняго̀, какъ это полагаютъ Пальма, Кастеллари и проч. сторонники теоріи „sui generis". Съ другой стороны, законъ о гарантіяхъ не могъ признать—вопреки противоположному утвержденію куріалистовъ—территоріальной власти папы въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ виду капитуляціи Рима, повлекшей за собой паденіе церковнаго государства.

а) Экстерриторіальность Ватикана обезпечивается статьею 7 закона о гарантіяхъ. Эта мѣстность, всецѣло подчиненная куріи, признается неприкосновенной. Въ ея предѣлахъ должностныя лица королевства не вправѣ осуществлять своихъ публичныхъ обязанностей [7]). Исключая господство

---

[1]) Ф. Ф. Мартенсъ, l. c., II, стр. 118.

[2]) Rivier, l. c., I, p. 121.

[3]) Bonfils, l. c., p. 185 s., 191.

[4]) Pradier-Fodéré, Traité, I, p. 153, Cours, I, p. 66 ss., 96 ss., 195 ss.

[5]) Bry, l. c., p. 349.

[6]) Foignet, l. c., p. 389 s.

[7]) При такихъ условіяхъ. Ватиканъ не можетъ не пользоваться пра-

Италіи, Св. Престолъ „eo ipso“ управомоченъ къ осуществленію, въ границахъ Ватикана, административно-хозяйственнаго и полицейскаго управленія [1]). Статья 5, ч. 1, и 3, ч. 2 утверждаютъ за нимъ это право. Изъ нихъ первая имѣетъ въ виду управленіе и пользованіе дворцами и прочими зданіями, службами и садами Ватикана; вторая признаетъ за папою право содержать вооруженную силу для охраненія, въ предѣлахъ послѣдняго, личной и имущественной безопасности [2]). Не будучи субъектомъ территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова, Св. Престолъ не вправѣ отчуждать эти зданія въ пользу кого бы то ни было, что̀ и предусмотрѣно второю частью статьи 5-й [3]).

β) Личная форма верховенства Св. Престола, какъ, главы церкви, обезпечивается ст. 12, гарантирующей папѣ

вомъ убѣжища. См. также Corsi, l. c., p. 49 sg., Giobbio, Lezioni, I, p. 126, 164 ss. Это начало не возбуждаетъ сомнѣній среди куріалистовъ. — Къ тому же приходитъ Scaduto, l. c., p. 339 ss.—Иначе Palma, l. c., p. 398, Gabib, l. c., p. 76 ss., Fiore, l. c., I, p. 508, Carnazza-Amari, l. c., II, p. 272, Brunialti, l. c., p. CLXXX ss., Piédelièvre, l. c., II, p. 570.— Подобное право убѣжища ограничивается, однако, общими началами международнаго права о выдачѣ преступниковъ.

[1]) См. выше.

[2]) Palma, l. c., p. 393, Castellari, l. c., II, p. 498 ss., Calisse, l. c., p. 418 sg., Fiore, l. c., I, p. 506, Gabib, l. c., p. 73 разсматриваютъ папскую гвардію въ качествѣ вооруженныхъ тѣлохранителей папы. — Soderini, l. c., p. 537, 550, Geigel, l. c., S. 17, Imbart Latour, l. c., p. 58 ss., 149 и прочіе куріалисты признаютъ за нею право комбатанта.

[3]) См. также Foignet, l. c., p. 389, Despagnet, Cours, p. 152, Bonfils, l. c., p. 185, Brusa, l. c., p. 124, Scaduto, l. c., p. 381 ss., Palma l. c., p. 391 ss., Gabib, l. c., p. 73 ss. Къ сожалѣнію, итальянисты, отрицая наличность у папы какихъ бы то ни было элементовъ территоріальнаго властвованія, признаютъ суверенитетъ Италіи по отношенію къ Ватикану, что очевидно неправильно. — Въ противоположную крайность впадаютъ Giobbio, Lezioni, I, p. 164, Farabulini, l. c, I, p. 171 ss., 186 ss., 190 ss., Brandi, Di chi e il Vaticano? p. 52 ss., Geigel. l. c., S. 14 ff., 25 ff., Resch, l. c., S. 16 и проч. куріалисты, утверждающіе полноту территоріальнаго властвованія Св. Престола по отношенію къ Ватикану (по этому поводу см. выше).

свободное отъ вмѣшательства со стороны государства общеніе съ епископатомъ и всѣмъ вообще католическимъ міромъ.

bb) Законъ о гарантіяхъ признаетъ объективную свободу Св. Престола, провозглашая принципъ невмѣшательства государства во внутреннія дѣла церкви. Ст. 6 запрещаетъ публичнымъ властямъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, ограничивать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, личную свободу кардиналовъ въ періодъ, когда Св. Престолъ является незамѣщеннымъ. Та же статья имѣетъ въ виду неприкосновенность конклава и вселенскихъ соборовъ (см. также ст. 7).

cc) Законъ о гарантіяхъ признаетъ субъективную свободу Св. Престола, поскольку послѣдняя непосредственно вытекаетъ изъ экстерриторіальности и внѣподданства папства.

Субъективно свободный, Св. Престолъ исключаетъ господство надъ собою какой бы то ни было власти, кромѣ собственной, и, въ этомъ смыслѣ, находится въ положеніи государя, является политически эмансипированнымъ по отношенію къ иностранному государству. Ст. 1-я признаетъ личность папы священной и неприкосновенной. Въ качествѣ государя, папа пользуется экстерриторіальностью не только въ Ватиканѣ, но также въ прочихъ мѣстностяхъ итальянскаго королевства (ст. 7). Въ равной мѣрѣ пользуется онъ прерогативой монарха въ отношеніи уголовной охраны его личности (ст. 2) и правъ почетнаго характера, присвоенныхъ суверенамъ (ст. 3 ч. 1).

dd) Наконецъ, будучи субъективно свободнымъ, папа является независимымъ по отношенію къ итальянскому правительству. Это начало непосредственно вытекаетъ изъ экстерриторіальности и внѣподданства папы, признанныхъ приведенными выше статьями. Въ частности, оно подтверждается и ст. 9-й, гарантирующей Св. Престолу свободное (pienamente libero) осуществленіе его религіозныхъ функцій.

ee) Помимо верховенства, свободы и независимости, законъ о гарантіяхъ, прямо или косвенно, признаетъ за Св.

Престоломъ основныя международныя права, непосредственно вытекающія изъ указанныхъ элементовъ:

α) Ст. 11 признаетъ за Св. Престоломъ право международнаго представительства [1]) и, даже болѣе—обезпечиваетъ свободное общеніе куріи съ иностранными государствами, гарантируя ихъ представителямъ особыя преимущества въ предѣлахъ Италіи [2]). Подобное признаніе является логическимъ выводомъ изъ обладанія Св. Престоломъ существенными элементами международной правоспособности.

β) Признавая международное представительство Св. Престола, законъ о гарантіяхъ косвенно утверждаетъ и договорное право куріи, съ нимъ органически связанное. То же должно сказать относительно права принужденія, непосредственно вытекающаго изъ верховенства, свободы и независимости Св. Престола, признанныхъ итальянскимъ закономъ. Въ виду двойственнаго положенія папы, подобное право, въ свою очередь, выражается въ формахъ: духовнаго и свѣтскаго принужденія. Первое обезпечиваетъ независимость церкви. Второе имѣетъ въ виду огражденіе территоріальной неприкосновенности Ватикана и ограничивается, въ настоящее время, функціями полицейскаго характера; оно предусмотрѣно статьею 3 (ч. 2) закона о гарантіяхъ (см. выше).

Такимъ образомъ, признавъ, въ законодательномъ порядкѣ, международную правоспособность Св. Престола, поскольку послѣдняя не уничтожена событіями 1870 г., Италія осуще-

---

[1]) Дипломатическіе представители Св. Престола при иностранныхъ державахъ пользуются въ предѣлахъ Италіи, на время проѣзда и возвращенія, правами и преимуществами, присвоенными, согласно международному праву, иностраннымъ представителямъ, пересѣкающимъ территорію третьей державы; см. также Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 179, fg., Bompard, Le Pape etc., p. 205 ss., Resch, l. c., S. 44, Scaduto, l. c., p. 329 ss., Bonfils, l. c., p. 188, Despagnet, Cours, p. 154, Ullmann l. c., S. 64, Piédelièvre, l. c., II, p. 571 s., Carnazza-Amari, l. c., II, p. 265 ss., Geigel. l. c., S. 24, Gabba, l. c., p. 684, Imbart Latour, l. c., p. 152, Fiore, l. c., II, p. 459 s.

[2]) См. ниже.

ствила свои основныя международныя обязанности по отношенію къ папству. Этимъ обязанностямъ корреспондируютъ аналогичныя обязательства куріи.

Римскій походъ 1870 г. прервалъ дипломатическое общеніе Св. Престола съ Италіей. Подобное состояніе разобщенности, въ которомъ обѣ стороны пребываютъ до настоящаго времени, не знаменуетъ собою освобожденія коллидирующихъ организмовъ отъ всякихъ обязанностей, въ сферѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Признаніе международной личности является обязательнымъ не только во время мира, но и въ періодъ войны. Послѣдняя не представляетъ собою состоянія совершеннаго безправія. То же „a fortiori" должно сказать относительно дипломатическаго разрыва. Протесты Св. Престола противъ инкорпораціи Рима не имѣютъ юридическаго значенія; ихъ роль ограничивается политической стороною вопроса. Какъ бы ни протестовалъ Св. Престолъ, онъ все же обязанъ признавать тѣ юридическіе выводы, которые связаны для него съ событіями 1870 г. Не требуется, конечно, торжественнаго признанія этихъ выводовъ. Существенно лишь фактическое исполненіе обязанностей, налагаемыхъ ими.

Необходимо имѣть, при этомъ, въ виду двоякое значеніе „признанія": 1) какъ юридическаго констатированія фактовъ и съ ними связанныхъ выводовъ, и 2), примиренія съ этими фактами. Только въ первомъ смыслѣ „признаніе" является международной обязанностью признающаго.

При такихъ условіяхъ, отказъ отъ примиренія съ Квириналомъ не представляется нарушеніемъ со стороны Св. Престола его основныхъ международныхъ обязанностей. Съ этой точки зрѣнія и должно разсматривать протесты Св. Престола.

b) Къ основнымъ международнымъ обязанностямъ присоединяются обязанности общаго производнаго характера— общеобязательныя начала положительнаго международнаго права.

Закономъ о гарантіяхъ признана обязательность этихъ

началъ въ интересующемъ насъ вопросѣ. Очевидно, что наиболѣе существеннымъ являлось выясненіе дальнѣйшаго отношенія Квиринала къ дипломатическому общенію куріи съ прочими государствами. Статья 11 не только признаетъ вообще международное представитетьство Св. Престола, но и распространяетъ на него положительныя начала посольскаго права, выработанныя международною практикою.

Въ равной мѣрѣ и Св. Престолъ ограниченъ, по отношенію къ Италіи, совокупностью производныхъ обязанностей, общихъ всѣмъ членамъ международнаго союза. Договорное происхожденіе этихъ обязанностей не умаляетъ ихъ юридической силы. До тѣхъ поръ пока существуетъ Италія и пока послѣдняя исполняетъ свои международныя обязанности, Св. Престолъ, въ свою очередь, обязанъ не только признавать ея международную личность и основныя права, съ нею органически связанныя, но также ограничивать, въ пользу даннаго государства, свою абсолютную компетенцію, согласно началамъ положительнаго международнаго права, обязательность которыхъ имъ признана самымъ фактомъ участія въ составѣ международнаго общества. Нельзя того же сказать относительно особенныхъ производныхъ обязанностей, опредѣляемыхъ спеціальными соглашеніями. Событія 1870 г. уничтожили комплексъ этихъ правъ и обязанностей въ сферѣ взаимныхъ отношеній Св. Престола и Италіи. То же должно сказать относительно официальнаго участія Св. Престола въ государственномъ бытіи итальянскаго королевства, и обратно. Подобное участіе предполагаетъ формальное примиреніе между ними.

c) Право принужденія является такимъ же средствомъ огражденія политической независимости Св. Престола по отношенію къ Италіи, какъ и по отношенію къ прочимъ державамъ.

Такимъ образомъ, компетенція государства и католической церкви, въ сферѣ взаимныхъ отношеній Св. Престола и Италіи, обезпечивается:

1) Основными международными обязанностями религіоз-

наго и политическаго организмовъ, согласно которымъ государство и церковь отказываются отъ фактической возможности превышенія принадлежащей имъ компетенціи.

2) Общими производными обязанностями, взаимно ограничивающими компетенцію обѣихъ сторонъ, въ пользу каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

3) Правомъ принужденія.

§ 35.

3) Взаимныя отношенія Италіи и прочихъ державъ, по поводу римскаго вопроса, опредѣляются основными и производными — общими и особенными — обязанностями данныхъ сторонъ, а также правомъ принужденія. Италія обязана признавать международную правоспособность Св. Престола не только ради послѣдняго, но также въ интересахъ державъ, поддерживающихъ дипломатическое общеніе съ куріей. Совокупностью основныхъ и общихъ производныхъ обязанностей, регулирующихъ условія международныхъ отношеній вообще, не исчерпываются юридическія отношенія, возникшія между Италіей и прочими государствами на почвѣ римскаго вопроса. Событія 1870 г. наложили на итальянское правительство обязанности особеннаго характера. Мы указали выше, насколько политическая независимость Св. Престола по отношенію къ Италіи представляетъ существенный интересъ не только для самой церкви, но и для государствъ, имѣющихъ католическихъ подданныхъ. Европа не могла оставаться равнодушной къ событіямъ, измѣнявшимъ юридическое положеніе Св. Престола, особенно въ виду связаннаго съ нимъ провозглашенія послѣднимъ Ватиканскимъ соборомъ догмата папской „непогрѣшимости“. Разрѣшеніе римскаго вопроса не могло быть предоставлено усмотрѣнію одной лишь Италіи, поскольку, въ данномъ вопросѣ, національные интересы послѣдней сталкивались съ между-

народными интересами прочихъ державъ. Дипломатическая переписка, пріуроченная къ этимъ событіямъ, ясно обнаруживаетъ, что международный характеръ римскаго вопроса вполнѣ признавался Италіей.

Циркулярною нотой 29 августа 1870 г., [1]) за три недѣли до взятія Рима, итальянское правительство поручаетъ своимъ представителямъ при иностранныхъ кабинетахъ разсѣять опасенія державъ по поводу надвигающихся событій: „Италія“ пишетъ Висконти-Веноста „никогда не переставала относить римскій вопросъ къ той области, которая принадлежитъ ему по праву, возвышая его надъ интересами болѣе частнаго и преходящаго характера. Она никогда не отказывалась признавать въ немъ наличности двухъ элементовъ, необходимо подлежащихъ примиренію, а не пожертвованію однимъ въ пользу другого: съ одной стороны національныхъ стремленій Италіи, правъ римскаго народа въ вопросахъ внутренняго управленія, съ другой стороны, необходимости обезпечить независимость, свободу и религіозный авторитетъ Св. Престола. Наша постоянная цѣль, съ того момента, когда римскій вопросъ былъ поставленъ на очередь, вселить увѣренность въ католическомъ мірѣ, что Италія болѣе чѣмъ всякое другое государство въ состояніи гарантировать неприкосновенность и достоинство Св. Престола... Мы не вносимъ никакихъ произвольныхъ взглядовъ на выборъ средствъ обезпеченія папству независимаго, прочнаго и соотвѣтствующаго его достоинству положенія“.

Нѣсколько дней спустя, итальянское правительство, аналогичною нотой 7 сентября 1870 г., [2]) вновь подтверждаетъ, наряду съ національными правами римскаго населенія, безспорный интересъ католическихъ державъ въ дѣлѣ обезпеченія папству „суверенной независимости“ (indépendance

---

[1]) Ie Ministro degli Affari Esteri ai Rappresentanti di S. M. all'estero, Firm. Visconti-Venosta, Florence 29 août 1870 (см. Libro Verde, p. 9 ss.).

[2]) Ibid. p. 12 s.

souveraine) по отношенію къ государству. Италія выражаетъ готовность вступить въ спеціальныя соглашенія съ заинтересованными державами, для установленія подробностей подобнаго обезпеченія. Депешей 14 сентября Висконти-Венеста уполномочиваетъ королевскаго посла въ Мадридѣ передать испанскому кабинету, что итальянское правительство остается по-прежнему „nel fermo... proposito di tutelare contro ogni periculo la sicurezza personale del Sommo Pontefice e di assicurare la piena indipendenza del suo potere spirituale“ [1]). На слѣдующій день послѣ капитуляціи Рима, 21 сентября 1870 г., [2]) Висконти-Венеста обращается съ аналогичнымъ порученіемъ къ послу въ Вѣнѣ. Ссылаясь на циркулярныя ноты отъ 29 августа и 7 сентября (см. выше), итальянское правительство торжественно обѣщаетъ гарантировать Св. Престолу экстерриторіальность, которая поставитъ его въ положеніе суверена и обезпечитъ ему свободу отъ всякаго воздѣйствія со стороны государства. Папа изъемлется въ территоріальномъ и личномъ отношеніяхъ изъ подчиненія государственной власти. Онъ продолжаетъ по-прежнему осуществлять активное и пассивное право посольства. Итальянское правительство не только не будетъ препятствовать общенію Св. Престола съ католическимъ міромъ, но сдѣлаетъ съ своей стороны все возможное, дабы обезпечить эту свободу. Въ заключеніе, державамъ вновь предлагается вступить въ обсужденіе этихъ гарантій. Содержаніе приведенной депеши подтверждается циркулярною нотой 11 октября того же года [3]). Недѣлю спустя, итальянское правительство обращается съ новой циркулярной нотой къ державамъ: „Наша первая обязанность“, пишетъ Висконти-Венеста, „создавая изъ Рима столицу Италіи, провозгласить, что завершеніе нашего политическаго единства отнюдь не угрожаетъ католическому міру въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ.

[1]) Ibid. p. 26.
[2]) Ibi. p. 34 ss.
[3]) Ibid. p. 58 ss.

Прежде всего, выдающееся положеніе, лично присвоенное Св. Отцу, ни въ какомъ отношеніи не потерпитъ урона: его суверенный характеръ, первенство ранга среди прочихъ католическихъ государей, привилегіи (immunités) и цивильный листъ, связанные съ саномъ монарха, будутъ гарантированы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Его дворцы и мѣстожительство будутъ пользоваться привилегіей экстерриторіальности. Осуществленіе его высокой духовной миссіи будетъ ему обезпечено двойнымъ порядкомъ гарантій: свободнымъ и непрерывнымъ общеніемъ съ вѣрующими, нунціатурами при иностранныхъ державахъ; представителями этихъ державъ, при немъ акредитованными; наконецъ, и въ особенности, отдѣленіемъ церкви отъ государства“ [1]).

Таковы многочисленные дипломатическіе акты, посредствомъ которыхъ итальянское правительство стремилось убѣдить католическій міръ, что паденіе церковнаго государства не умалитъ неприкосновенности Св. Престола и дальнѣйшей свободы общенія съ куріей. Резюмируя содержаніе этихъ актовъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: итальянское правительство признало:

1) Двойственный характеръ римскаго вопроса—національный и международный.

2) Право державъ требовать обезпеченія Италіей независимости Св. Престола въ новыхъ условіяхъ, созданныхъ капитуляціей Рима.

3) Оно признало также, что религіозная независимость Св. Престола должна покоиться на его политической независимости по отношенію къ Италіи.

4) Подобная независимость должна быть построена на суверенныхъ началахъ.

5) Итальянское Правительство не только отказалость стѣснять свободу общенія державъ со Св. Престоломъ, но кромѣ того обѣщало всесторонне гарантировать эту свободу.

6) Заинтересованнымъ державамъ предложено было усло-

[1]) Ibid. p. 69 ss.

виться, посредствомъ спеціальнаго соглашенія, о подробностяхъ подобныхъ гарантій.

Какъ извѣстно, державы не сочли возможнымъ опредѣлить договорнымъ порядкомъ эти подробности. Должно ли заключать отсюда, какъ это дѣлаютъ Пьерантони, Бруза, Эсперсонъ, Скадуто, Пальма и проч. итальянисты, что законъ о гарантіяхъ является исключительно внутреннимъ государственнымъ актомъ, лишеннымъ международнаго характера, и что державы, отказываясь заключить международный договоръ по настоящему предмету, доказали, тѣмъ самымъ, свое безразличное отношеніе къ дальнѣйшей судьбѣ папства? Мы не колеблемся отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Изъ отвѣтовъ державъ на приведенныя ноты ясно обнаруживается ихъ отношеніе къ возбужденной, по этому поводу, перепискѣ [1]):

1) Иностранные кабинеты не усматриваютъ необходимости въ дальнѣйшемъ существованіи церковнаго государства, уже давно обреченнаго на паденіе.

2) Державы заинтересованы, тѣмъ не менѣе, въ сохраненіи за Св. Престоломъ свободы и независимости.

3) Подобная свобода и независимость понимаются въ формѣ политической эмансипаціи папства.

4) Завѣренія итальянскаго правительства въ этомъ смыслѣ—гарантіи политической эмансипаціи Св. Престола на началахъ экстерриторіальности и внѣподданства папы, а также свободнаго съ нимъ общенія—иностранные кабинеты принимаютъ съ довѣріемъ.

Разсматривая эти отзывы, становится понятнымъ, на чемъ основано заблужденіе итальянистовъ:

---

[1]) См. депеши итальянскихъ дипломатическихъ представителей: въ Бернѣ (Amedeo Melegari, отъ 6 сентября 1870 г. Libro Verde, p. 15 sg.); Парижѣ (Costantino Nigra, 8-го сентября; ibid. p. 16 sg.); Лондонѣ (Carlo Cadorna, 8-го сентября; ibid., p. 19 ss.); Вѣнѣ (Marco Minghetti, 10-го сентября; ibid., p. 18 sg.); Брюсселѣ (Carlo de Barral 12-го сентября; ibid, p. 27); Мадридѣ (Marcello Cerruti, 29-го сентября; ibid., p. 55 s.).

1) Равнодушіе державъ къ судьбѣ церковнаго государства разсматривается въ качествѣ безразличнаго отношенія къ вопросу о политической эмансипаціи папства.

2) Отклоненіе державами формальнаго договора съ Италіей толкуется въ смыслѣ освобожденія послѣдней отъ всякихъ юридическихъ обязанностей въ дѣлѣ обезпеченія свободнаго общенія съ куріей.

Державы не могли заключить договора съ Италіей въ виду рѣшительныхъ протестовъ Св. Престола. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы подобный актъ переносилъ разрѣшеніе римскаго вопроса на почву внутренняго итальянскаго законодательства. Италія обязана признавать основныя и общія производныя права Св. Престола и прочихъ державъ, въ сферѣ ихъ взаимныхъ отношеній, поскольку данныя стороны, въ качествѣ суверенныхъ, свободныхъ и независимыхъ организмовъ, являются субъектами международнаго права, признаннаго Италіей. Но этого мало, пребываніе папы въ Римѣ, центрѣ итальянскаго королевства, территоріально охватывающаго Св. Престолъ, налагаетъ на Италію особыя обязанности по отношенію къ державамъ. Италія не вправѣ пользоваться преимуществами своего географическаго положенія съ цѣлью отрѣзать Св. Престолъ отъ общенія съ католическимъ міромъ. Италія, болѣе чѣмъ какая-либо другая держава, въ состояніи создать непреодолимыя препятствія подобному общенію; съ другой стороны, она же, и только она, можетъ обезпечить свободу послѣдняго — на что и указываетъ Висконти-Веноста въ циркулярной нотѣ отъ 29-го августа (см. выше). Это исключительное положеніе налагаетъ на Италію обязанности особеннаго характера, признанныя ею разсмотрѣнной выше дипломатической перепиской [1]). Спрашивается: какое юридическое значеніе имѣетъ отказъ державъ отъ заключенія формальнаго договора? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ слѣдующими положеніями:

---

[1]) См. также Olivart, Le Pape etc., p. 81 ss., 98 ss., Zocchi, l. c., p. 245 ss., 303 ss., Corsi, l. c., p. 28 ss., Giobbio, Lezioni, I, p. 94 ss., 121 ss.

1) Италія обязана—независимо отъ наличности договора—обезпечить особыми гарантіями свободу общенія Св. Престола съ католическимъ міромъ. Эта обязанность является непосредственнымъ результатомъ тѣхъ завѣреній, которыя были сдѣланы ею въ 1870 г. въ періодъ окончательнаго объединенія Италіи на счетъ владѣній церковнаго государства.

2) Вопросъ о подробностяхъ этихъ гарантій—въ виду отклоненія державами предложеннаго договора — предоставляется самостоятельному разрѣшенію итальянскаго правительства.

Руководящимъ началомъ при его разрѣшеніи является примиреніе тѣхъ двухъ элементовъ, которые были подчеркнуты въ указанныхъ актахъ: международнаго интереса державъ въ дѣлѣ обезпеченія свободнаго общенія съ куріей, и національнаго, точнѣе государственнаго, интереса Италіи—оградить неприкосновенность своей компетенціи отъ возможныхъ посягательствъ на нее со стороны Св. Престола и прочихъ державъ.

Законъ о гарантіяхъ является непосредственнымъ осуществленіемъ Италіей этихъ обязанностей. Ст. 11 приравниваетъ иностранныхъ представителей при Св. Престолѣ къ дипломатическимъ представителямъ, акредитованнымъ при квириналѣ [1]); преступныя посягательства на ихъ личность наказуются согласно закону, карающему аналогичныя посягательства послѣднихъ. Ст. 12 приравниваетъ папскихъ дипломатическихъ курьеровъ къ аналогичнымъ курьерамъ ино-

---

[1]) См. также Castellari, l. c., II, p. 542 s., Esperson, l. c., I, №№ 55, 202, 251, Carnazza-Amari. l. c., II, p. 259 ss., и друг.—При такихъ условіяхъ, дипломатическіе представители при Св. Престолѣ пользуются экстерриторіальностью, какъ по отношенію къ послѣднему, такъ и по отношенію къ Италіи; см. Holtzendorff, Völkerr. Erläut. etc., S. 309, а также Giobbio, Lezioni, I, p. 342 ss., 444 ss., и проч. куріалисты. — По мнѣнію Geffcken'a (Völkerr. Stell. d. P., S. 178), Heilborn'a (l. c., S. 202 ff.), Scaduto (l. c., p. 333 sg.) они являются экстерриторіальными лишь по отношенію къ Италіи, поскольку понятіе экстерриторіальности приложимо лишь къ организмамъ, принципіально обладающимъ юрисдикціей.

странныхъ правительствъ. Въ силу той же статьи, почтовая и телеграфная корреспонденція папы пользуется преимуществами, присвоенными казенной итальянской корреспонденціи. Этими мѣрами гарантируется свобода общенія Св. Престола съ державами, обезпечить которую итальянское правительство признало себя обязаннымъ передъ лицомъ католическаго міра.

Таково содержаніе закона о гарантіяхъ, имѣющее международное значеніе. Къ нему присоединяются статьи исключительно внутренняго, публично-правового характера, опредѣляющія отношеніе Италіи къ мѣстной католической церкви. Ему посвященъ весь второй раздѣлъ закона (ст. 14—19), а также прочія части статей 1-го раздѣла, за исключеніемъ разсмотрѣнныхъ выше. Въ этой области, итальянское правительство вправѣ поступать вполнѣ самостоятельно, не нарушая своихъ обязанностей по отношенію къ Св. Престолу и державамъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь огромное политическое значеніе закона о гарантіяхъ несомнѣнно даетъ себя чувствовать.

Имѣя въ виду изложенное на предшествующихъ страницахъ, не трудно будетъ пролить свѣтъ на нѣкоторые вопросы, вызванные особенностями современнаго положенія папства:

1) Обязано ли итальянское правительство признавать на основаніи ст. 11 дипломатическихъ представителей при Св. Престолѣ, акредитованныхъ державами, ею непризнанными? Эмбаръ-Латуръ [1]), Гейгель [2]), Рэшъ [3]) и Кастеллари [4]) отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Противоположнаго взгляда придерживаются Гольцендорфъ [5]) и Скадуто [6]). Наконецъ, Гефкенъ [7]) различаетъ два случая:

---

[1]) Imbart Latour, l. c., p. 152.
[2]) Geigel, l. c., S. 16.
[3]) Resch, l. c., S. 45 ff.
[4]) Castellari, l. c., II, p. 541 s.
[5]) Holtzendorff, Volkerr. Erläut. etc., S. 308.
[6]) Scaduto, l. c., 336 sg.
[7]) Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 178 fg.

существуетъ или не существуетъ фактически держава, не признанная Италіей. Въ первомъ случаѣ, итальянское правительство обязано распространять на ея представителей при Ватиканѣ преимущества, предусмотрѣнныя ст. 11 закона о гарантіяхъ; во второмъ—она освобождается отъ подобной обязанности. Мы вполнѣ присоединяемся къ данной теоріи. Указанное различіе коренится въ самой природѣ вещей, поскольку „признаніе“ не можетъ быть разсматриваемо въ качествѣ произвольнаго акта, особенно, если съ этимъ актомъ связаны существенные интересы прочихъ державъ, какъ это имѣется въ данномъ случаѣ.

2) По какимъ законамъ караются преступленія, совершенныя папскими представителями при иностранной державѣ въ предѣлахъ послѣдняго? По мнѣнію Бомпара [1]), Пальмы [2]), Эсперсона [3]) и Скадуто [4]) подобныя преступленія разсматриваются судебными учрежденіями государства-отечества виновнаго. Противоположнаго взгляда придерживаются Джіоббіо [5]) и прочіе куріалисты. Согласно послѣднимъ, компетентнымъ является одинъ лишь Св. Престолъ, представители коего нарушили уголовную норму.

При разрѣшеніи этого вопроса необходимо помнить, что событія 1870 г., уничтоживъ территоріальную власть папы въ тѣсномъ смыслѣ слова, лишили Св. Престолъ права на осуществленіе уголовной юрисдикціи, поскольку подобныя функціи органически связаны съ данной формой верховенства (см. выше). При такихъ условіяхъ, мы рѣшительно склоняемся въ пользу теоріи итальянистовъ, тѣмъ болѣе, что судимость по законамъ отечества вполнѣ обезпечиваетъ представителямъ папы независимое положеніе по отношенію къ правительству, при коемъ они акредитованы: папѣ стоитъ лишь назначить въ Испанію француза, а во Францію—испанца или подданнаго

[1]) Bompard, Le Pape etc., p. 208.
[2]) Palma, l. c., p. 406 ss.
[3]) Esperson, l. c., I, №№ 203—205.
[4]) Scaduto, l. c., p. 322.
[5]) Giobbio, Lezioni, I, p. 380 ss.

другой какой-либо державы. Что касается преступленій, совершенныхъ папскими представителями при иностранномъ государствѣ, въ предѣлахъ Италіи, то таковыя судятся мѣстнымъ судомъ, поскольку преимущества, присвоенныя иностраннымъ представителямъ вообще, во время проѣзда ихъ черезъ территорію третьей державы, признанныя ст. 11 (ч. 3), не распространяются, согласно началамъ международнаго права, до степени совершеннаго освобожденія ихъ отъ мѣстной юрисдикціи. Аналогичнаго взгляда придерживаются Карнацца-Амари [1]), Кастеллари [2]), Эсперсонъ [3]) и прочіе итальянисты.

Преступленія иностранныхъ представителей при Св. Престолѣ, совершенныя въ предѣлахъ Италіи, даютъ ей право требовать ихъ отозванія; при отказѣ удовлетворить это требованіе, виновные могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности мѣстною властью [4]).

3) Вправѣ ли итальянское правительство контролировать личность дипломатическихъ представителей, акредитованныхъ при Св. Престолѣ иностранными государствами? Исходя изъ идеи международной правоспособности папства, мы не колеблемся отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Обязанное уважать свободу общенія Св. Престола съ католическимъ міромъ, итальянское правительство не вправѣ ее ограничивать произвольнымъ вмѣшательствомъ въ избраніе лицъ, уполномоченныхъ представлять права и интересы державъ передъ лицомъ Св. Престола [5]). Исключенія изъ этого правила должны разрѣшаться согласно общимъ началамъ самосохраненія, во имя котораго всякій суверенный,

---

[1]) Carnazza-Amari, l. c., II, p. 268 ss.

[2]) Castellari, l. c., II, p. 548 ss.

[3]) Esperson, l. c., I, № 336.

[4]) Holtzendorff, Völkerr. Erläut. etc., S. 309, 312 fg., Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 179, Scaduto, l. c., p. 334, Carnazza-Amari, l. c. II, p. 263 s., Esperson, l. c., I, № 251.

[5]) Giobbio, Lezioni, I, p. 349, Geffcken, Volkerr. Stell. d. P., S. 179, Resch, l. c., S. 45 fg.

свободный и независимый организмъ вправѣ ограничивать компетенцію равноправныхъ ему организмовъ [1]).

4) Можно ли, при существующихъ условіяхъ, признавать Италію отвѣтственной за посягательства Св. Престола на права иностранныхъ державъ? Конечно нѣтъ. Противоположное утвержденіе Гольцендорфа [2]), Блюнчли [3]) и Цорна [4]) можетъ быть обосновано лишь въ условіяхъ подчиненнаго положенія папы. Пользуясь экстерриторіальностью и внѣподданствомъ, Св. Престолъ изъятъ изъ сферы юридическаго воздѣйствія итальянскаго закона. Но этого мало, ограничивая компетенцію Италіи во имя свободы общенія съ куріей, иностранныя державы тѣмъ самымъ слагаютъ отвѣтственность съ итальянскаго правительства за дальнѣйшее [5]).

Остается сказать нѣсколько словъ по вопросу—могутъ ли современныя условія, созданныя капитуляціей Рима, достаточно обезпечить религіозную независимость Св. Престола по отношенію къ государству и политическую независимость послѣдняго по отношенію къ куріи?

Несмотря на болѣе чѣмъ тридцатилѣтнюю давность его фактическаго разрѣшенія, этотъ вопросъ вызываетъ по-прежнему многочисленныя контроверзы.

---

[1]) Къ тому же приходятъ Holtzendorff, Völkerr. Erläut. etc., S. 309 fg., Carnazza-Amari, l. c., II, p. 264, Castellari, l. c., II, p. 542 и проч итальянисты.

[2]) Holtzendorff, Völkerr. Erläut. etc., S. 314 fg.

[3]) Bluntschli, Rechtl. Unverantw. etc., S. 10 ff. 29.

[4]) Zorn, Lehrb. d. Kirchenr., S. 268 fg.

[5]) Противъ отвѣтственности Италіи высказываются Corsi, l. c., p. 56 ss., Resch, l. c., S. 42 fg. Giobbio, Lezioni, I, p. 143 ss., Bonghi, Leone XIII etc., p. 11 s., Scaduto, l. c., p. 297 sg., Palma, l. c, p. 413 ss. Bompard, Le Pape etc., p. 214 ss., а также большинство интернаціоналистовъ, Heilborn, l. c., S. 205 ff., Geffcken, Völkerr. Stell. d. P., S. 174, Liszt, l. c., S. 37 fg., Foignet, l. c., p. 390, Despagnet, Cours, p. 154 s., Bry, l. c., p. 349, Piédelièvre, l. c., II, p. 575 s.—Посредствующей теоріи придерживается Ф. Ф. Мартенсъ (l. c., II, стр. 118); по его мнѣнію, отвѣтственность Италіи опредѣляется степенью возможности устраненія подобныхъ посягательствъ.

1) Фарабулини [1]), Канале [2]), Пинкетти-Санмарки [3]), Цокки [4]), Ванъ-Дуэрмъ [5]) и прочіе куріалисты [6]) продолжаютъ настаивать на необходимости возстановленія полноты территоріальнаго верховенства папства. Реставрація церковнаго государства въ его прежнихъ границахъ разсматривается въ качествѣ „conditio sine qua non“ религіозной свободы и независимости главы католической церкви. Въ томъ же смыслѣ высказывается офиціально и Св. Престолъ. Болѣе умѣренные куріалисты предлагаютъ частичное возстановленіе церковнаго государства въ размѣрахъ, могущихъ обезпечить, въ интересахъ католицизма, независимость папства по отношенію къ Италіи. Такова теорія Маріини [7]). Въ пользу послѣдней склоняется, отчасти, и Леруа-Болье [8]). Наконецъ, Рендю [9]) считаетъ возможнымъ примириться на призрачномъ верховенствѣ Св. Престола надъ Римомъ, при совершенной автономіи послѣдняго по отношенію къ папству. Жители Рима и прочіе итальянцы, будучи подданными королевства, освобождаются, однако, отъ подчиненія государству-

---

[1]) Farabulini, l. c., I, p. 13 ss., 28 ss., 126 ss., 225 ss., 365 ss., 588 ss., 630 ss., 945 ss., II, p. 527 ss.

[2]) Canale, l. c., p. 5 ss., 13 ss., 57 ss.

[3]) Pinchetti-Sanmarchi, l. c., I, p. 119 ss., 307 ss.

[4]) Zocchi, l. c., p. 4 ss., 48 ss., 122 ss., 130 ss.

[5]) Van Duerm, l. c., p. 447.

[6]) Olivart, l. c., p. 80 ss., 115 ss., Soderini, l. c., p. 540 ss, Rome et la gouvernement italien (1870 à 1894) précédé d'une introduction par le Chevalier Mac Swiney. Resch, l. c., S. 46 ff., и мн. др.—Въ томъ же смыслѣ высказывается и Св. Престолъ (см. выше). О значеніи свѣтской власти для папства, какъ гарантіи его независимости, Левъ XIII ясно выразился въ своей знаменитой энцикликѣ „Immortale Dei“; (по этому поводу см., Les enseignements de Léon XIII sur la constitution Chrétienne des états, l'Encyclique Immortale Dei; extrait du Moniteur de Rome; Rome 1885, p. 18 ss.).

[7]) Mariini, I Papi e l'unità d'Italia, Firenze, 1883.

[8]) Leroy-Beaulieu, Revue des Deux Mondes, 1883, p. 777, 779.

[9]) Rendu, Lettera al dep. Ruggiero Bonghi, del' 17 aprile 1883 (см. Rassegna Nazionale di Firenze, luglio 1883).

отечеству, вступая въ предѣлы „вѣчнаго города"—проектъ, которому нельзя отказать въ значительной долѣ фантазіи.

2) По мнѣнію итальянистовъ [1]), паденіе территоріальной власти Св. Престола создало нормальныя отношенія между государствомъ и церковью. Должно стремиться лишь къ постепенному примиренію Ватикана и Квиринала, особенно желательному—на что обращаютъ вниманіе Чезаре [2]) и Барцеллотти [3])—въ виду огромнаго моральнаго и политическаго значенія папства.

3) Въ этомъ послѣднемъ, Блюнчли [4]) усматриваетъ угрозу независимости государства по отношенію къ куріи. Паденіе свѣтской власти папы, возвышая его духовный авторитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ поставило папство въ положеніе неуязвимости со стороны государственной власти, уже не могущей нынѣ воздѣйствовать на Св. Престолъ въ виду отпаденія матеріальнаго объекта воздѣйствія—территоріи церковнаго государства. Въ интересахъ государственной независимости, желательно ограничить Св. Престолъ извѣстными условіями: каждый новый папа, при своемъ вступленіи на Св. Престолъ, долженъ связать себя обѣщаніемъ соблюдать эти условія, предварительно выработанныя европейскимъ концертомъ, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, отказа въ признаніи со стороны заинтересованыхъ державъ. Аналогичнаго

---

[1]) См. выше. Въ томъ же смыслѣ высказываются два анонима: Roma e l'Italia e la realta delle cose. и Il Papato ai tempi dell' impero da Costantino a Giustiniano e il Papato ai tempi nostri. По вопросу о примиреніи Ватикана са Квириналомъ см. Tosti, La conciliazione, Roma, 1887.

[2]) Cesare, l. c., p. 6 ss.

[3]) Barzellotti, l. c., p. 65 ss.—По поводу космополитическаго направленія современнаго папства см. Bérard, Léon XIII (La Revue de Paris, 15 août, № 16, et 1 septembre, № 17, 1903).

[4]) Bluntschli, Rechtl. Unverantw. etc., S. 28 fg.—Противъ подобнаго проекта высказываются Geffcken, Völkerr. Stell. d. P. S., 173, Lampertico, l. c., p. 69 ss., Bonghi (N. A. 1882, p. 23 ss.), Brusa, l. c., p. 120, Brunialti, l. c., p. CXXXIV, Cadorna, l. c., p. 18 ss., Imbart Latour l. c., p. 141, Bonfils, l. c., p. 118.

взгляда придерживается Нисъ[1]), съ тою лишь разницею, что послѣдній, взамѣнъ конгресса, предлагаетъ сепаратныя дѣйствія—отдѣльныя соглашенія державъ со Св. Престоломъ.

Отвѣтомъ на эти проекты служитъ предшествующее изложеніе. Добиваться реставраціи церковнаго государства значило бы жертвовать, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, современнымъ космополитическимъ положеніямъ папства въ пользу условій, несовмѣстимыхъ съ дальнѣйшимъ возвышеніемъ духовнаго авторитета Св. Престола.

Невозможность принципіальнаго разрѣшенія вопроса: въ какихъ случаяхъ коллизія между государствомъ и куріей должна разрѣшаться въ пользу политическаго или религіознаго организмовъ, служитъ непреодолимымъ препятствіемъ практическому осуществленію проектовъ, подобныхъ предложеннымъ Блюнчли. Кто будетъ судьей между государствомъ и церковью при столкновеніи между ними въ вопросахъ смѣшанной компетенціи? Св. Престолъ? На это не согласятся державы. Европейскій концертъ? Этого не допуститъ Св. Престолъ.

Единственной формой гарантіи религіозной и политической независимости государства и церкви, въ сферѣ ихъ взаимныхъ отношеній, является признаніе международной правоспособности обѣихъ властей, построенной на договорныхъ началахъ. Сохранилъ ли Св. Престолъ въ современныхъ условіяхъ, созданныхъ капитуляціей Рима, международную правоспособность въ церковно-государственныхъ отношеніяхъ?

Если правильны положенія, нами выработанныя, въ такомъ случаѣ нельзя не отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно:

1) Св. Престолъ остается, по прежнему, суверенным, свободнымъ и независимымъ по отношенію къ государству.

2) Суверенитетъ, свобода и независимость являются су-

[1]) Nys, l. c., p. 354 ss.

щественными элементами международной правоспособности вообще.— Ergo:

3) Св. Престолъ есть и долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права.

Только въ этихъ условіяхъ возможно дальнѣйшее примиреніе куріи съ событіями 1870 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Sulle prerogative del Sommo Pontefice e della Santa Sede, e sulle relazioni dello Stato colla Chiesa.

(*Racc. Uff. n. 214, S.e II.* a) (*Gazz. Uff. 15 maggio 1871*).

LEGGE.

Il senato e la camera dei deputati hanno approvato;

Noi abbiamo sanzionato e promulghiamo quanto segue:

TITOLO I.

Prerogative del Sommo Pontefice e della Santa Sede.

Art. 1.

La persona del Sommo Pontefice è sacra ed inviolabile.

Art. 2

L'attentato contro la persona del Sommo Pontefice e la provocazione a commetterlo sono puniti colle stesse pene stabilite per l'attentato e per la provocazione a commetterlo contro la persona del re.

Le offese e le ingiurie pubbliche com-

О прерогативахъ Папы и Святѣйшаго Престола, и о взаимныхъ отношеніяхъ Государства и Церкви.

ЗАКОНЪ.

Сенатъ и палата депутатовъ одобрили: Мы санкціонировали и обнародываемъ нижеслѣдующее:

Раздѣлъ I-й.

Прерогативы Папы и Святѣйшаго Престола.

Ст. 1.

Личность Папы священна и неприкосновенна.

Ст. 2.

Посягательства противъ личности Папы и подстрекательства къ онымъ караются наказаніями, установленными за подобныя же посягательства и подстрекательства противъ личности короля.

messe direttamente contro la persona del Pontefice con discorsi, con fatti, o coi mezzi indicati nell'art. 1 della legge sulla stampa, sono punite colle pene stabilite all'articolo 19 della legge stessa.

I detti reati sono d'azione pubblica e di competenza della corte d'assise.

La discussione sulle materie religiose è pienamente libera

Оскорбленія и клевета, учиненныя непосредственно противъ личности Папы публичною рѣчью, дѣйствіемъ или средствами, предусмотрѣнными ст. I закона о печати, наказуются согласно ст. 19 того же закона.

Означенныя преступленія возбуждаются въ публичномъ порядкѣ и разсматриваются судомъ присяжныхъ.

Обсужденіе религіозныхъ вопросовъ является совершенно свободнымъ.

Art. 3.

Il governo italiano rende al Sommo Pontefice nel territorio del regno gli onori sovrani, e gli mantiene le preminenze d'onore riconosciutegli dai sovrani cattolici.

Il Sommo Pontefice ha facoltà di tenere il consueto numero di guardie addette alla sua persona e alla custodia dei palazzi, senza pregiudizio degli obblighi e doveri risultanti per tali guardie dalle leggi vigenti nel regno.

Ст. 3.

Итальянское правительство оказываетъ Папѣ суверенныя почести въ предѣлахъ королевства и сохраняетъ за нимъ почетное первенство, признанное католическими государями.

Папа можетъ содержать обычное количество гвардіи для состоянія при его особѣ и охраненія дворцовъ: участіе въ этой гвардіи не освобождаетъ отъ обязанностей и повинностей, налагаемыхъ дѣйствующимъ въ королевствѣ законодательствомъ.

Art. 4.

È conservata a favore della Santa Sede la dotazione dell'annua rendita di lire 3.225.000.

Con questa somma, pari a quella inscritta nel bilancio romano sotto il titolo: *Sacri palazzi apostolici, Sacro Collegio, Congregazioni ecclesiastiche, Segreteria di Stato* ed *Ordine diplomatico all'estero*, s'intenderà provveduto al trattamento del Sommo Pontefice e ai vari bisogni ecclesiastici della Santa Sede, alla manutenzione ordinaria e straordinaria e alla custodia dei palazzi apostolici e loro dipendenze;

agli assegnamenti, giubilazoni e pensioni delle guardie, di cui nell'articolo precedente, e degli addetti alla corte pontificia, ed alle spese eventuali; non

Ст. 4.

Сохраняется въ пользу Святѣйшаго Престола ежегодная рента въ размѣрѣ 3.225.000 лиръ.

Означенная сумма, равная записанной въ римскомъ бюджетѣ подъ титуломъ: *Священные апостолическіе дворцы, Священная Коллегія, Церковныя конгрегаціи, Статсъ-Секретаріатъ и Дипломатическія учрежденія за границей*, предназначается на содержаніе Папы и различныя церковныя нужды Святѣйшаго Престола; на текущіе и особенные расходы по содержанію и охраненію апостолическихъ дворцовъ и ихъ принадлежностей; на содержаніе, награды и пенсіи гвардіи, помянутой въ предшествующей статьѣ, и лицамъ, состоящимъ при папскомъ дворѣ; на

che alla manutenzione ordinaria, e alla custodia degli annessi musei e biblioteca, e agli assegnamenti, stipendi e pensioni di quelli che sono a ciò impiegati.

La dotazione di cui sopra sarà inscritta nel gran libro del debito pubblico, in forma di rendita perpetua ed inalienabile nel nome della Santa Sede; e durante la vacanza della Sede si continuerà a pagarla per supplire a tutte le occorrenze proprie della Chiesa romana in questo intervallo.

Essa resterà esente da ogni specie di tassa od onere governativo, comunale o provinciale; e non potrà essere diminuita neanche nel caso che il governo italiano risolvesse posteriormente di assumere a suo carico la spesa concernente i musei e la biblioteca.

Art 5.

Il Sommo Pontefice, oltre la dotazione stabilita nell'articolo precedente, continua a godere dei palazzi apostolici Vaticano e Lateranense, con tutti gli edifizi, giardini e terreni annessi e dipendenti, non che della villa di Castel Gandolfo con tutte le sue attinenze e dipendenze.

I detti palazzi, villa ed annessi, come pure i musei, la biblioteca e le collezioni d'arte e d'archeologia ivi esistenti sono inalienabili, esenti da ogni tassa o peso e da espropriazione per causa di utilità pubblica.

Art. 6.

Durante la vacanza della Sede pontificia, nessuna autorità giudiziaria o politica potrà per qualsiasi causa porre

обычное содержаніе и охрану музеевъ и библіотеки, принадлежащихъ апостолическому дворцу и на содержаніе пособія и пенсіи служащихъ въ нихъ.

Означенная сумма подлежитъ внесенію въ большую книгу государственнаго долга въ формѣ постоянной и неотчуждаемой ренты на имя Святѣйшаго Престола; во время вакантности послѣдняго она будетъ расходоваться на различныя нужды римской церкви.

Означенная сумма освобождается отъ всякихъ пошлинъ и тягла, какъ правительственнаго, такъ коммунальнаго и провинціальнаго, и не подлежитъ сокращенію даже въ томъ случаѣ, если итальянское правительство возьметъ на себя впослѣдствіи содержаніе музеевъ и библіотеки.

Ст. 5.

Независимо отъ денежной суммы, предусмотрѣнной предшествующей статьею, папа продолжаетъ пользоваться апостолическими дворцами—Ватиканскимъ и Латеранскимъ,—со всѣми зданіями, садами и прочими земельными принадлежностями, а также виллою Кастель - Гандольфо, ея службами и принадлежностями.

Означенные дворцы, вилла и ихъ принадлежности, въ равной мѣрѣ музеи, библіотека и собранія произведеній искусства и археологическихъ древностей, въ нихъ находящіяся, являются неотчуждаемыми, свободными отъ всякихъ фискальныхъ взиманій и повинностей и не подлежатъ экспропріаціи на общественныя нужды.

Ст. 6.

Во время вакантности Св. Престола никакіе органы государственной власти какъ судебные, такъ и политическіе,

impedimento o limitazione alla libertà personale dei cardinali.

Il governo provvede a che le adunanze del conclave e nei concili ecumenici non siano turbate da alcuna esterna violenza.

Art. 7.

Nessun ufficiale della pubblica autorità od agente della forza pubblica può, per esercitare atti del proprio ufficio, introdursi nei palazzi e luoghi di abituale residenza o temporaria dimora del Sommo Pontefice, o nei quali si trovi radunato un conclave o un concilio ecumenico, se non autorizzato dal Sommo Pontefice, dal conclave o dal concilio.

Art. 8.

È vietato di procedere a visite, perquisizioni o sequestri di carte, documenti, libri o registri negli uffizi e congregazioni pontificie, rivestiti di attribuzioni meramente spirituali.

Art. 9.

Il Sommo Pontefice è pienamente libero di compiere tutte le funzioni del suo ministero spirituale, e di fare affiggere alle porte delle basiliche e chiese di Roma tutti gli atti del suddetto suo ministero.

Art. 10.

Gli ecclesiastici che per ragione d'ufficio partecipano in Roma all'emanazione degli atti del ministero spirituale della Santa Sede non sono soggetti per cagione di essi a nessuna molestia, investigazione o sindacato dell'autorità pubblica.

не вправѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, стѣснять или ограничивать личную свободу кардиналовъ.

Правительство принимаетъ мѣры къ тому, чтобы засѣданія конклава и вселенскихъ соборовъ не подвергались какимъ-либо внѣшнимъ актамъ насилія.

Ст. 7.

Никто изъ должностныхъ лицъ и органовъ государственной власти не вправѣ вторгаться для осуществленія своихъ публичныхъ обязанностей въ предѣлы дворцовъ и мѣстъ постояннаго жительства, а также временнаго пребыванія Папы и мѣстонахожденія конклава или вселенскаго собора, за исключеніемъ случаевъ, когда на то послѣдовало особое разрѣшеніе Папы, конклава или собора.

Ст. 8.

Воспрещается совершать обыски, аресты или секвестры бумагъ, документовъ, книгъ и актовъ въ папскихъ учрежденіяхъ и конгрегаціяхъ исключительно духовнаго характера.

Ст. 9.

Папа имѣетъ полную свободу осуществленія всѣхъ функцій своего духовнаго управленія и обнародыванія на дверяхъ соборовъ и церквей Рима актовъ означеннаго управленія.

Ст. 10.

Духовныя лица, по должности участвующія въ Римѣ въ изданіи актовъ духовнаго управленія Святѣйшаго Престола, не должны подвергаться, по этому поводу, никакимъ стѣсненіямъ, допросамъ и обыскамъ со стороны органовъ государственной власти.

Ogni persona straniera investita di ufficio ecclesiastico in Roma gode delle guarentigie personali competenti ai cittadini italiani in virtù delle leggi del regno.

Art. 11.

Gli inviati dei governi esteri presso Sua Santità godono nel regno di tutte le prerogative ed immunità che spettano agli agenti diplomatici secondo il diritto internazionale.

Alle offese contro di essi sono estese le sanzioni penali per le offese agli inviati delle potenze estere presso il governo italiano.

Agli inviati di Sua Santità presso i governi esteri sono assicurate nel territorio del regno le prerogative ed immunità di uso secondo lo stesso diritto nel recarsi al luogo di loro missione e nel ritornare.

Art. 12.

Il Sommo Pontefice corrisponde liberamente coll'episcopato e con tutto il mondo cattolico, senza veruna ingerenza del governo italiano.

A tal fine gli è data facoltà di stabilire nel Vaticano o in altra sua residenza uffizi di posta e di telegrafo serviti da impiegati di sua scelta.

L'uffizio postale pontificio potrà corrispondere direttamente in pacco chiuso cogli uffizi postali di cambio delle estere amministrazioni o rimettere le proprie corrispondenze agli uffizi italiani. In ambo i casi il trasporto dei dispacci o delle corrispondenze munite del bollo dell'ufficio pontificio sarà esente da

Иностранцы духовнаго званія пользуются въ предѣлахъ Рима личными гарантіями, присвоенными итальянскимъ гражданамъ согласно законамъ королевства.

Ст. 11.

Представители иностранныхъ правительствъ при Его Святѣйшествѣ пользуются въ предѣлахъ королевства всѣми прерогативами и привилегіями, которыя, согласно международному праву, принадлежатъ дипломатическимъ агентамъ.

Посягательства противъ нихъ караются уголовными наказаніями, предусматривающими посягательства противъ представителей иностранныхъ державъ, аккредитованныхъ при итальянскомъ правительствѣ.

Представителямъ Его Святѣйшества при иностранныхъ правительствахъ обезпечиваются въ предѣлахъ королевства привилегіи и изъятія, согласно вышеупомянутому праву обычно присвоенныя на время слѣдованія къ мѣсту назначенія и возвращенія съ онаго.

Ст. 12.

Папа свободно общается съ епископатомъ и всѣмъ вообще католическимъ міромъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны итальянскаго правительства.

Съ этою цѣлью ему дается возможность учреждать въ Ватиканѣ и въ прочихъ мѣстахъ его жительства почтовыя и телеграфныя станціи, управляемыя должностными лицами по его назначенію.

Папское почтовое управленіе можетъ сноситься при помощи запечатанныхъ пакетовъ непосредственно съ иностранными почтовыми учрежденіями или поручать свою корреспон-

ogni tassa o spesa pel territorio italiano.

I corrieri spediti in nome del Sommo Pontefice sono pareggiati nel regno ai corrieri di gabinetto dei governi esteri.

L'uffizio telegrafico pontificio sarà collegato colla rete telegrafica del regno a spese dello Stato.

I telegrammi trasmessi dal detto uffizio con la qualifica autenticata di *pontifficii* saranno ricevuti e spediti con le prerogative stabilite pei telegrammi di Stato e con esenzione da ogni tassa nel regno.

Gli stessi vantaggi godranno i telegrammi del Sommo Pontefice, o firmati d'ordine suo, che muniti del bollo della santa sede, verranno presentati a qualsiasi uffizio telegrafico del regno.

I telegrammi diretti al sommo Pontefice saranno esenti dalle tasse messe a carico dei destinatari.

Art. 13.

Nella città di Roma e nelle sei sedi suburbicarie i seminari, le accademie, i collegi e gli altri istituti cattolici fondati per la educazione e coltura degli ecclesiastici continueranno a dipendere unicamente dalla Santa Sede, senza alcuna ingerenza delle autorità scolastiche del regno.

денцію итальянскому почтовому бюро. Въ обоихъ случаяхъ доставленіе телеграммъ и корреспонденціи, снабженныхъ папскими штемпелями, изъемлется отъ всякой оплаты и пошлинъ въ предѣлахъ королевства.

Курьеры, отправляемые отъ имени Папы, приравниваются въ предѣлахъ королевства къ таковымъ же курьерамъ иностранныхъ кабинетовъ.

Папское телеграфное бюро соединяется съ телеграфною сѣтью королевства на счетъ государства.

Телеграммы, переданныя означеннымъ бюро и удостовѣренныя въ качествѣ папскихъ, принимаются и отправляются съ преимуществами, предоставленными правительственнымъ телеграммамъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ всякой оплаты въ предѣлахъ королевства.

Тѣ же преимущества обезпечиваются личнымъ телеграммамъ Папы или отправляемымъ по его приказанію, которыя, будучи снабженными штемпелемъ Св. Престола, передаются въ любое изъ телеграфныхъ бюро королевства,

Телеграммы, отправляемыя на имя Папы, освобождаются отъ сборовъ, взимаемыхъ съ получателя.

Ст. 13.

Находящіяся въ Римѣ и шести пригородныхъ епископствахъ семинаріи, академіи, коллегіи и прочія учебныя заведенія, предназначенныя для образованія и воспитанія духовенства, продолжаютъ зависѣть исключительно отъ Св. Престола, безъ всякаго вмѣшательства со стороны учебнаго вѣдомства королевства.

TITOLO II.

Relazioni dello Stato colla Chiesa.

Art. 14.

È abolita ogni restrizione speciale allo esercizio del diritto di riunione dei membri del clero cattolico.

Art. 15.

È fatta rinuncia dal governo al diritto di legazia apostolica in Sicilia ed in tutto il regno al diritto di nomina o proposta nella collazione dei benefizi maggiori.

I vescovi non saranno richiesti di prestare giuramento al re

I benefizi maggiori e minori non possono essere conferiti se non a cittadini del regno, eccettochè nella città di Roma e nelle sedi suburbicarie.

Nella collazione dei benefizi di patronato regio nulla è innovato.

Art. 16.

Sono aboliti l'*exequatur* e *placet* regio ed ogni altra forma di assenso governativo per la pubblicazione ed esecuzione degli atti delle autorità ecclesiastiche.

Però fino a quando non sia altrimenti provveduto nella legge speciale di cui all'articolo 18 rimangono soggetti all'*exequatur* e *placet* regio gli atti di esse autorità che riguardano la destinazione dei beni ecclesiastici e la provvista dei benefizi maggiori e minori, eccetto quelli della città di Roma e delle sedi suburbicarie.

Раздѣлъ II.

Взаимныя отношенія Государства и Церкви.

Ст. 14.

Отмѣняются всякія специальныя ограниченія относительно членовъ католическаго духовенства въ дѣлѣ осуществленія ими права собраній.

Ст. 15.

Правительство отказывается отъ права на апостолическую сицилійскую легацію и, въ предѣлахъ всего королевства, отъ права на назначеніе и предложеніе своихъ кандидатовъ на высшія церковныя должности.

Епископы освобождаются отъ обязанности принесенія присяги королю.

Высшіе и низшіе бенефиціи, за исключеніемъ находящихся въ городѣ Римѣ и пригородныхъ епископствахъ, предоставляются лишь гражданамъ королевства.

Сохраняется прежній порядокъ относительно бенефицій королевскаго патроната.

Ст. 16.

Отмѣняются «*exequatur*» и «*placet regium*» и всѣ прочія формы правительственнаго разрѣшенія въ дѣлѣ обнародованія и осуществленія актовъ духовной власти.

Тѣмъ не менѣе, впредь до изданія по сему предмету особыхъ постановленій, предусмотрѣнныхъ статьею 18, «exequatur'у» и королевскому «placet'у» подлежатъ акты означенной власти, имѣющіе въ виду распоряженіе церковнымъ имуществомъ и замѣщеніе большихъ и малыхъ бенефицій, за

Restano ferme le disposizioni delle leggi civili rispetto alla creazione e ai modi di esistenza degli instituti ecclesiastici ed alienazione dei loro beni.

исключеніемъ находящихся въ Римѣ и пригородныхъ епископствахъ.

Остаются въ силѣ постановленія гражданскихъ законовъ относительно учрежденія и условій дальнѣйшаго существованія духовныхъ корпорацій, а также отчужденія принадлежащаго имъ имущества.

Art. 17.

In materia spirituale e disciplinare non è ammesso richiamo od appello contro gli atti delle autorità ecclesiastiche, nè è loro riconosciuta od accordata alcuna esecuzione coatta.

La cognizione degli effetti giuridici così di questi come d'ogni altro atto di esse autorità, appartiene alla giurisdizione civile.

Però tali atti sono privi di effetto se contrari alle leggi dello Stato od all'ordine pubblico o lesivi dei diritti dei privati e vanno soggetti alle leggi penali, se costituiscono reato.

Ст. 17.

Въ вопросахъ духовныхъ и дисциплинарныхъ не принимаются никакія жалобы и апелляціи на акты духовной власти; вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣдними не признается и имъ не оказывается никакого принудительнаго исполненія.

Опредѣленіе юридическаго значенія вышеупомянутыхъ и всѣхъ прочихъ актовъ означенной власти подлежитъ компетенціи гражданскихъ судебныхъ установленій.

Эти акты являются, однако, ничтожными въ случаѣ ихъ противорѣчія законамъ государства и публичному правопорядку или нарушенія ими правъ частныхъ лицъ; они подлежатъ дѣйствію уголовныхъ законовъ если заключаютъ въ себѣ составъ преступленія.

Art. 18.

Con legge ulteriore sarà provveduto al riordinamento, alla conservazione ed alla amministrazione delle proprietà ecclesiastiche nel regno.

Ст. 18.

Будетъ изданъ особый законъ въ видахъ реорганизаціи, охраненія и управленія церковными имуществами въ королевствѣ.

Art. 19.

In tutte le materie che formano oggetto della presente legge cessa di avere effetto qualunque disposizione ora vigente in quanto sia contraria alla legge medesima.

Ordiniamo che la presente legge, ecc.

Torino, 13 maggio 1871.

Ст. 19.

Отмѣняются дѣйствующія постановленія, противорѣчащія настоящему закону по предметамъ послѣдняго.

Повелѣваемъ, чтобы данный законъ и т. д.

Туринъ, 13 мая 1871 года.

VITTORIO EMANUELE.

G. Lanza.—E. Visconti-Venosta.—Giovanni De Falco.—Quintino Sella.—C. Correnti.—C. Ricotti.—C. Acton.—Castagnola.—G. Gadda.

ВИКТОРЪ-ЭММАНУИЛЪ.

Г. Ланца.—Е. Висконти-Веноста—Джіованни Де-Фалько.—Квинтино Селла.—Корренти.—Рикотти.—А. Актонъ.—Кастаньола. Г. Гадда.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Abbé Big... (Voltaire) Histoire du parlement de Paris. Amsterdam, 1769.

Acta Pii IX Pontificis Maximi.

Actes de la Conférence internationale de la Paix; La Haye 18 mai—29 juillet 1899 (ed. du Ministère des Affaires Étrangères des Pays-Bas). La Haye, imprimerie nationale, 1899.

Alcorta, Cours de droit international public (éd. française avec une introduction par Ernest Lehr). Paris, 1887.

Amigues (Jules), Abrégé de l'histoire d'Italie jusqu'en 1815 (Appendice à l'histoire d'Italie du comte de Balbo). Paris, 1860.

Astromoff, Du pouvoir temporel. Rome, 1885.

Audisio (Guglielmo), Diritto pubblico della Chiesa e delle genti Cristiane. Roma, 1863.

Auerbach (Leopold), Das neue deutsche Reich und seine Verfassung. Berlin, 1871.

Balbo (Comte), Histoire d' Italie depuis les origines jusqu'à nos jours. Traduite sur le texte de la onzième édition italienne et continuée jusqu'en 1860 par Jules Amigues. Paris, 1860.

Bansi, Die Gebietshoheit als rein staatsrechtlicher Begriff durchgeführt (Hirth's Annalen, 1889).

Barzellotti (Giacomo), L'Italia e il Papato (Nuova Antologia, 1 marzo 1904).

Baumann, Die Staatslehre des Heiligen Thomas von Aquina. Leipzig, 1873.

Baxmann, Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII. Elberfeld, 1868—69.

Beaumont—Vassy, (Vicomte de), Histoire des États Italiens depuis le congrès de Vienne. Bruxelles, 1851.

Bérard (Victor), Léon XIII (Revue de Paris, 15 août, № 16, et 1 septembre, № 17, 1903).

Blodig (Hermann), Die Selbstverwaltung als Rechtsbegriff. Wien und Leipzig. 1894.

Blumer-Morel, Handbuch des Schweizerischen Bundesstaatsrechtes. Schaffhausen, 1877.

Bluntschli, Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des Römischen Papstes. Nördlingen, 1876.

——— Le congrès de Berlin (Revue de droit international, 1881).

Bompard (Raoul), Le Pape et le droit des gens. Paris, 1888.

——— Le Pape, les États et la conférence de la Haye (Revue générale de droit international public, 1900. Mai—Juin, № 3).

Bonald (Maurice de), Deux questions sur le Concordat de 1801, nouvelle édition. Paris.

Bonfils, Manuel de droit international public (droit des gens). Paris, 1898.

Bonghi (R), I tribunali Vaticani (Nuova antologia di scienze, lettere ed arti; seconda serie, vol. XXXVII, a. 1883).

——— Leone XIII ed il governo italiano (Nuova Antologia; seconda serie, vol. XXXI, a. 1882).

Bornhak (Conrad), Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1896.

Botta (Carlo), Storia d' Italia dal 1789 al 1814. Parigi, 1837.

Brandi (Salvatore), Di chi è il Vaticano? Note storiche e giuridiche. Roma, 1904.

Brosch (Moritz), Geschichte des Kirchenstaates. Gotha, 1880.

Brunialti (A), L' Unità d' Italia e il Papato nel mondo cattolico (Biblioteca di scienze politiche, vol. VIII, 1892; prefazione al tomo VIII, Lo Stato e la Chiesa in Italia, cap. III).

Brusa, La conférence de la Haye et ses résultats (Revue générale de droit international public 1899, Novembre—Décembre. № 6).

——— La juridiction du Vatican (Revue de droit international, T. XV 1883).

Bry (Géorges) Précis élémentaire de droit international public. Paris, 1896.

Bullarium Romanum, Roma, 1845.

Bulmerincq (August), Praxis, Theorie und codification des Völkerrechts. Leipzig, 1874.

Büsing (Otto), Das Staatsrecht der Grossherzogthümer Mecklenburg-Schwerin und Mecklenburg-Strelitz (Marquardsen's Handbuch des Oeffentlichen Rechts, 1884, Bd. III, Hlb. II, Abth. I).

Cadorna (C), Il potere temporale dei Papi, la legge delle garanzie e la garanzia delle garanzie, Firenze 1884, (Estratto dai fascicoli 1 e 15 gennaio e 1 febbraio 1884 della „Rassegna di Scienze Sociali e Politiche").

——— La politica del conte di Cavour nelle relazioni tra la Chiesa e lo Stato (Nuova Antologia, Serie II, vol. XXXIII, p. 444 ss., 649 ss.).

Calisse (Carlo), Diritto ecclesiastico. Costituzione della chiesa. Firenze, 1902.

Calvo (Charles), Le droit international théorique et pratique, précédé d'un exposé historique des progrès de la science du droit des gens. Paris, 1880—81.

Canale (Antonio), La necessità della reintegrazione del dominio tempo-

rale della Santa Sede compravata della medesima invasione di Roma e sue provincie nel 1870. Roma, 1888.

Cantù (César), Histoire des Italiens (Traduite sous les yeux de l'auteur par M. Armand Lacombe) Paris 1859—67.

——— Histoire universelle, trad. par Eugène Aroux et Léopardi. Paris, 1862—67.

Carnazza-Amari, Traité de droit international public (traduit par Montanari Revest). Paris, 1880.

Casella (Luigi), La posizione giuridica del Sommo Pontefice e della Santa Sede Apostolica. Napoli, 1887.

Cassani, Delle principali questioni politiche e religiose. Bologna, 1872—1876.

Castellari (Giovanni), La Santa Sede. Milano, 1903.

Cavagnis, Institutiones iuris publici ecclesiastici. Roma, 1889.

Cesare, L' Évolution historique de la Papauté et l' Italie (Extrait de la Revue Internationale, quatrième année, T. XIII, VI livraison). Rome, 1887.

Centi, Dei rapporti fra stato e chiesa in Italia ovvero dei rapporti fra la scienza e la politica. Roma, 1897.

Cherrier, Histoire de la lutte des Papes et des Empereurs de la maison de Souabe, de ses causes et de ses effets. Paris, 1858.

Chrétien, La Papauté et la Conférence de la Paix (Revue générale de droit international public, 1899, Mai—Juin, № 3).

——— Principes de droit international public. Paris, 1893.

Christophe, Geschichte des Papstthums während des vierzehnten Jahrhunderts (aus dem franz. übersetzt, v. Ritter). Paderborn, 1853.

Cimbali (Ed.) La conquista e il nuovo diritto internazionale universale. Roma, 1891.

Clercq, Recueil des traités de la France, publié sous les auspices de M. Drouyn de Lhuys. Paris, 1864.

Corsi (Alessandro), La situazione attuale della Santa Sede nel diritto internazionale. Roma, 1886.

——— L'occupazione militare in tempo di guerra e le relazioni di diritto pubblico e privato che ne derivano (T. I, Diritto internazionale pubblico). Firenze, 1886.

Dareste, Les constitutions modernes (Recueil des constitutions actuellement en vigueur dans les divers états d'Europe, d'Amérique et du monde civilisé, traduites sur les textes et accompagnées de notices historiques et de notes explicatives par F. R. Dareste avec la collaboration de P. Dareste). Paris, 1883.

Decreta Sacros. Concil. Tridentini (Novae declarationes congregationis S. R. E. Cardinalium; Lugduni, sumptibus Laurentii Durand, MDCXXXIII).

Delarc, Saint Grégoire VII et la réforme de l'Église au XI siècle. Paris, 1889.

Delepoulle, Exposé théorique de la fiction d'exterritorialité par rapport aux personnes en droit international public. Paris, 1897.

Despagnet, Cours de droit international public. Paris, 1894.

——— La Conférence de la Haye et ses résultats (Revue générale de droit international public, 1899, Novembre—Décembre, № 6).

Diehl, Études sur l'administration Byzantine dans l'éxarchat de Ravenne. Paris, 1888.

Döllinger, Das Papstthum (Neubearbeitung von Janus „der Papst und das Concil). München, 1892.

Dopffel, Kaiserthum und Papstwechsel unter den Karolingen. Freiburg i. B., 1889.

Dubs, Das oeffentliche Recht der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Zürich, 1878.

Ducrocq (Th.), De la personnalité civile en France du Saint-Siège (Revue du droit public et de la science politique, T. I, 1894).

Dupanloup, La convention du 15 septembre 1864 et l'Encyclique du 8 décembre. Paris, 1865.

Eccardi, Corpus historiae medii aevi. Lipsiae, 1723.

Engelhardt, Le droit d'intervention et la Turquie (Revue de droit international, 1880, T. XII).

Esperson (Pietro), Diritto diplomatico e giurisdizione internazionale marittima, col commento delle disposizioni della Legge Italiana del 13 magio 1871 sulle relazioni della S. Sede colle potenze straniere. Torino, 1872.

Farabulini, La Questione Romana e l'Europa politica. Ratisbona, 1886.

Farges, Formation politique de l' Italie (l' Italie, éd. Larousse). s. a изданія.

Ferrata (Cardinale), La Chiesa nel secolo presente; suoi timori e sue speranze pel secolo venturo (Discorso letto all'accademia di religione cattolica nel giorno 15 giugno 1899. Vanves près Paris, 1900.

Ficker, Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen. Innsbruck, 1862.

Fink, De concordatis dissertatio canonica, 1879.

Fiocchi (Giuliano), Il giornalismo cattolico e la questione romana a proposito dell'opusculo „Roma ed il governo" del C-te Ed. Soderini. Roma, 1894.

Fiore, Trattato di diritto internazionale pubblico (terza edizione. (Torino, 1887.

Foignet, Manuel élémentaire de droit international public. Paris, 1895.

Frantz, Lehrbuch des Kirchenrechts. Göttingen, 1899, (3 Aufl).

Fricker, Vom Staatsgebiet. Tubingen, 1867. Новое изд. озаглавлено: Gebiet und Gebietshoheit. Tübingen, 1901.—Наши ссылки имѣютъ въ виду первое изд.

Friedberg, Corpus iuris canonici, pars prior, Decretum magistri Gratiani. Lipsiae, 1879.

Funck-Brentano et Sorel, Précis du droit des gens. Paris, 1877.

Gabba (C. F.), Nota alla sentenza 9 novembre 1882 della Corte d'appello di Roma nella causa Theodoli-Martinucci, ossia dei tribunali Vaticani nella rivista „Il Foro Italiano", vol. VIII (1883), parte I, pagg. 664 ss.

Gabelli (A), La politica ecclesiastica del governo italiano e la conciliazione col Papa (Nuova Antologia 1887, vol. X).

Gabib (Edgardo), Sulla questione dei tribunali Vaticani (Rivista Europea, vol. XXXII, 1883).

Gareis (Karl), Allgemeines Staatsrecht (cm. Marquardsen's Handb. des öffentl. Rechts, 1883, Bd. I, Hlb. I).

—— Institutionen des Völkerrechts. Giessen, 1901.

Gebhardt (Hermann), Die Bedeutung Innocenz I für die Entwickelung des Päpstlichen Gewalt. Leipzig, 1901.

Geffcken, Die Völkerrechtliche Stellung des Papstes (Holtzendorff's Handb. d. Oeffentl. Rechts, Bd. II).

—— Staat und Kirche in ihrem Verhältniss geschichtlich entwickelt Berlin, 1875.

Geigel, Das italienische Staatskirchenrecht, auf Grund der neuesten Rechtssprechung systematisch erläutert. Mainz, 1886.

Gerber, Grundzüge des deutschen Staatsrechts. Leipzig, 1880.

Gerlach, Lehrbuch des katholischen Kirchenrechts (IV Auflage) Paderborn und Münster, 1885.

Gerson (Ioannus Carlerius), De ecclesiastica et politica potestate (cm. Goldast, T. I, p. 1381 ss.).

Gessner, Die Staatsverträge und die internationalen Magistraturen (Holtzendorff's Handb. des Völkerrechts, Bd. III).

Gfrörer, Geschichte der Christlichen Kirche (Allgemeine Kirchengeschichte). Stuttgart, 1842—46.

Gierke (O). Das deutsche Genossenschaftsrecht; I—III. Berlin, 1863—73—81.

—— Schmoller's Jahrbuch, 1883, Bd. VII.

Giesebrecht, Geschichte der Kaiserzeit. Braunschweig, 1855—75.

Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte. Bonn, 1829—31.

Giobbio (Adolfo), Austria, Francia e Spagna e l'esclusiva nel conclave. Roma, 1903.

—— I concordati. Monza e Roma, 1900.

—— Lezioni di diplomazia ecclesiastica dettate nella pontificia accademia dei nobili ecclesiastici. Roma, 1899—901.

Gioberti, Del rinnovamento civile d' Italia. Parigi e Torino, 1851.

Goldast, Monarchia Sancti Imperii Romani. Hanoviae, 1611—13.

Goyau (Georges), La Conférence de la Haye et le Saint-Siège (Revue des deux mondes, a. 1899, T. 154).

—— Vue générale de l'histoire de la Papauté (le Vatican, les Papes et la civilisation). Paris, 1895.

Grimm, Betrachtungen über die Verteilung der Staatsfunktionen zwischen dem deutschen Reiche und den deutschen Einzelstaaten. Landau, 1900.

Grisar, Geschichte Roms und der Päpste im Mittelalter (Erster Band, Vom beim Ausgang der antiken Welt). Freiburg im Breisgau, 1901.

Guizot, Histoire de la civilisation en Europe. Paris, 1860.

Haenel (Albert), Studien zum deutschen Staatsrechte, I—II, Leipzig, 1873—88.

Hamel, Untersuchungen zur älteren Territorialgeschichte des Kirchenstaates. Göttingen, 1899.

Hase (Karl), Reformation und Gegenreformation. Leipzig, 1891.

Hefele, Beiträge zur Kirchengeschichte, Archäologie und Liturgik. Tübingen, 1864. Conciliengeschichte, Freiburg i. Br. 1873.

Heffter, Le droit international de l'Europe (Quatrième édition française, augmentée et annotée par Geffcken.) Paris, 1883.

Heilborn, Das System des Völkerrechts entwickelt an den Völkerrechtlichen Begriffen. Berlin, 1896.

Heimburger (Karl), Der Erwerb der Gebietshoheit (Eine Staats und Völkerrechtliche Studie). Karlsruhe. 1888.

Held, Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts. Leipzig, 1868.

Hergenröther (Ioseph Cardinal), Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte. Freiburg i. Br. 1884—86.

Hinschius, Allgemeine Darstellung der Verhältnisse von Staat und Kirche (Marquardsen's Handbuch des Oefflichen Rechts, Bd. I, Hlb. I, 1883).

——— Decretales Pseudo-Isidorianae; Lipsiae, 1863.

Holtzendorff (Franz von) Handbuch des Völkerrechts, auf Grundlage Europäischer Staatspraxis. Berlin, 1885, Hamburg, 1887—89.

——— Völkerrechtliche Erläuterungen zum Italienischen Garantiegesetz von 13 mai 1871 (Jahrb. vür Gesetzgebung, Verwaltung und Rechtspflege, Vierter Jahrgang. Leipzig, 1876).

Huber (Max), Beiträge zu einer Lehre von der Staatensuccession. Berlin, 1837.

Hubler (Bernhard) Die Magistraturen des Völkerrechtlichen Verkehrs und die Exterritorialität. Berlin, 1895.

——— Zur Revision der Lehre von der rechtlichen Natur der concordate. Tubingen, 1865.

Il Papato, ai tempi dell'impero da Constantino a Giustiniano e il Papato ai tempi nosti, col alcune note illustrative sulle leggi 13 maggio 1871 e 19 giugno 1873 (анонимъ). Roma, 1874.

Imbart Latour (Joseph), La papauté en droit international. Paris, 1893.

Inama Sternegg, Die Rechtsverhältnisse des Staatsgebiets (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1870).

Janet (Paul), Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. Paris, 1887.

Jellinek (Georg), Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1902.

——— Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien, 1892.

——— Die rechtliche Natur der Staatenverträge (Ein Beitrag zur juristischen construction des Völkerrechts). Wien, 1880.

Jèze, Étude théorique et pratique sur l'occupation, comme mode d'acquérir les territoires en droit international. Paris, 1896.

Kahnis (Karl-Friedr.), Die deutsche Reformation. Leipzig, 1872.

Kaltenborn, Einleitung in das constitutionelle Verfassungsrecht. Leipzig, 1863.

Katz, Ein Grundriss des kanonischen Strafrechts. Berlin und Leipzig, 1881.

Klüber, Le droit des gens moderne en Europe. Stuttgart, 1819.

Knell, La Bosnie et l'Herzégovine. Paris, 1900.

Knoke, Historisch-dogmatische Untersuchung der Verwendung weltlicher Strafen gegen Leben, Leib, Vermögen, Freiheit und bürgerliche Ehre im kirchlichen Strafrecht der katholischen Kirche während der vorgratianischen Zeit. Göttingen, 1895.

Laband (Paul), Das Staatsrecht des deutschen Reiches. Freiburg i. B. und Leipzig, 1895.

Laemmer, Institutionen des katholischen Kirchenrechts. Freiburg i. B., Wien, 1886.

Lammasch, Friedrich von Martens und der Berliner Vertrag (Grünhut's Zeitschrift, 1884, Bd. XI).

Lampertico (Fedele), L' Italia e la Chiesa. Firenze, 1890.

Lamprecht, Die Römische Frage von König Pippin bis auf Kaiser Ludwig den Frommen. Leipzig, 1889.

Lanfrey (P), Essai sur la révolution française. Paris, 1858.

——— Histoire de Napoléon. Paris, 1867—75.

Lapôtre, L'Europe et le Saint-Siège à l'époque Carolingienne. Paris, 1895.

Lapradelle, La conférence de la Paix (Revue générale de droit international public, 1899, Novembre—Décembre, № 6).

Laurent, La féodalité et l'Église (Études sur l'hist. de l'human.), Bruxelles, Leipzig, 1861.

——— La Papauté et l'Empire (Études sur l'histoire de l'humanité). Paris, Bruxelles et Leipzig, Bale et Genève, 1860.

Lavisse, L'Entrée en scêne de la Papauté (Revue des deux mondes, 15 Septembre 1886).

Le Fur (Louis), État fédéral et confédération d'États. Paris, 1896.

Leonis P. P. XIII allocutiones, epistolae, constitutiones (изд. Brugis et Insulis).

Leroy-Beaulieu (Anatole), Le Vatican et le Quirinal depuis 1878. Revue des deux mondes, a. 1882, T. 54, a. 1883, T. 59, a. 1884, T. 61).

Les derniers jours de Léon XIII et le conclave de 1903, par un témoin (Revue des deux mondes 15 mars 1904,

Les enseignements de Léon XIII sur la constitution des États „l'Encyclique Immortale Dei". Rome. 1885. (Extrait du Moniteur de Rome).

Léseur (Paul), Introduction à un cours de droit international public. Paris, 1893.

Liberatore (Matteo), Trattato del diritto pubblico ecclesiastico. Prato, 1887.

Libro Verde, Documenti diplomatici relativi alla questione Romana communicati dal Ministro degli Affari Esteri (Visconti-Venosta) nella tornata del 19 dicembre 1870 (sessione 1870—71 prima della XI legislatura). Firenze, 1870.

Linden (Wilhelm), Ist der Papst souverän? Neuss a. Rhein, 1898.

Lindner (Theodor), Die sogenannten Schenkungen Pippins, Karls des Grossen und Ottos I an die Päpste. Stuttgart, 1896.

Lingg, Die Staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Herzegowina (Archiv fur Oeffentliches Recht. 1889. V).

Liszt (Franz), Das Volkerrecht. Berlin. 1901.

Lorenz (Ottokar), Papstwahl und Kaiserthum. Berlin, 1874.

Lubienski, Guerres et révolutions d'Italie en 1848 et 1849. Paris, 1852.

Lueder, Das Landkriegsrecht im besonderen (Holtzendorff's Handbuch, Bd. IV).

Lurz (Georg), Ueber die Heimat Pseudoisidors. Munchen, 1898.

Maistre (Le Comte Joseph de), Du Pape. Lyon, Paris, 1860.

Mansi, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentia e MDCCLIX.

Mariini, J Papi e l'unità d'italia, Firenze, 1883.

Marmonier, L'Itatie de 1789 à 1815. (L'Italie, éd. Larousse), s. a. изданія.

Marsilii de Menandrino Patavini, Defensor pacis (См. Goldast, l. c., T. II, p. 154 ss.).

Martens (de), Recueil des principaux traités conclus par les puissances de l'Europe depuis 1761 jusqu' à présent. Gottingue, 1791.

Martens (G. Fréd. de), Recueil des traités, conventions et transactions des puissances de l'Europe et d'autres parties du globe; Gottingue 1838.— Nouveau recueil général (Continuation du grand recueil de G. Fr. de Martens par Charles Samwer et Jules Hopf. Gottingue 1876 et ss.).

Martens (Wilhelm), Gregor VII, sein Leben und Wirken. Leipzig, 1894.

Martitz (Ferdinand), Betrachtungen über die Verfassung des Norddeutschen Bundes. Leipzig, 1868.

Maurenbrecher (Wilhelm), Geschichte der katholischen Reformation. Nördlingen, 1880.

——— Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit. Leipzig, 1874.

Meentzen, Artikel 78 der Verfassung des deutschen Reiches in Theorie und Praxis. Müchen, 1893.

Meier (Ernst), Über den Abschluss von Staatsverträgen. Leipzig, 1874.

Mérignhac, La conférence internationale de la Paix, étude historique, exégétique et critique des travaux et des résolutions de la conférence de la Haye de 1899. Paris. 1900.

Merle d'Aubigné, Histoire de la réformation du seizième siècle. Bruxelles, 1843—54.

Meyer (Georg), Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes. Leipzig, 1878.

——— Hirth's Annalen 1876, S. 658 ff.

Michelet, Histoire de France au quatorzième siècle. Paris, 1857.

Michoud, De la capacité en France des personnes morales étrangères et en particulier du Saint-Siège (Revue générale de droit international public, 1894, I, p. 193 ss.).

Migne, Patrologiae cursus completus.

Miraglia (Luigi), I tribunali Vaticani, e la legge delle guarentigie.

Nota critica letta all'Accademia reale di scienze morali e politiche. Napoli, 1884.

Mirbt, Quellen zur Geschichte des Papsttums, Freiburg i. Br., Leipzig, 1895; (новое изданіе: Tübingen, 1901.—Ссылки по новому изданію отмѣчены его датой).

Mohl (Robert), Das deutsche Reichsstaatsrecht. Tübingen, 1873.

Morisson, Histoire générale de la réformation (trad. de l'anglais). Paris, 1845.

München, Das kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht (II Ausgabe), Köln und Neuss, 1874.

Neander, Allgemeine Geschichte der Christlichen Religion und Kirche. Hamburg, 1826—1852.

Neumann (Leopold), Grundriss des heutigen Europäischen Völkerrechts. Wien, 1877.

——— L'Empire Austro-Hongrois, la Bosnie et l'Herzégovine (Revue de droit international, 1879, T. XI).

——— Recueil des traites et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à nos jours. Leipzig, 1855 ss.— Nouvelle suite. Vienne, 1877.

Nicolas (Augusto), Roma e il Papato (Opera onorata di una lettera di S. S. Papa Leone XIII e tradotta in italiano da un cooperatore Salesiano). Torino, 1884.

Nielsen, Geschichte des Papstthums im neunzehnten Jahrhundert. Gotha, 1880.

Nys (Ernest), Études de droit international et de droit politique. Paris, 1896—1901

——— Le droit international et la papauté (Revue de droit international, T. X, 1878).

Ockam (Guilhelmus), Dialogus (см. Goldast, l. c., T. II, p. 392 ss.).

Olivart (Marquis),, La conférence de la Haye et ses résultats (Revue générale de droit international public, 1899, Novembre—Décembre, № 6).

——— Le Pape, les états de l'Église et l'Italie (précédé d'une notice biographique et d'une introduction par le marquis Mac Swiney de Mashanaglass). Paris, 1897.

Ollivier (Emile), Le Pape est il libre à Rome? Paris, 1882.

Oppenheim, System des Völkerrechts. Stuttgart, 1867.

Orelli, Das Staatsrecht der Schweizerischen Eidgenossenschaft (Handbuch des Oeffentlichen Rechts, 1885).

Orlando (Vittorio Emanuele), I Tribunali Vaticani („Circolo giuridico" di Palermo, a. XIX, 2-a serie, vol. IV, 1883).

Palma (Luigi), La sovranità personale del Sommo Pontefice nel regno d'Italia (Questioni costituzionali, vol. complementare del corso di diritto costituzionale. Firenze, 1885).

Pastor, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg i. B. 1886.

Pejacsevich (Gr. Iohann), Das Papstthum und der Rechtsstaat, aus civilisatorischem Gesichtspunkte beurtheilt. Leipzig, 1875.

Pelagius (Alvarus), De planctu ecclesiae. Venetiis, 1560.

Perrens, Deux ans de révolution en Italie (1848—1849). Paris, 1857.

Pertz, Monumenta Germaniae historica.

Petit (Léon), De l'Administration de la justice en territoire occupé Paris, 1900.

Phillips, Lehrbuch des Kirchenrechts, Regensburg 1881 (dritte Aufl.).

Piédelièvre, Précis de droit international public ou droit des gens. Paris, 1894—95.

Pillet (A.), Le droit de la guerre (Deuxième partie: la guerre considérée dans les rapports des combattants avec les non combattants et les neutres). Paris, 1893.

——— Les lois actuelles de la guerre. Paris, 1898.

Pinchetti-Sanmarchi (G. M.), Guida diplomatica ecclesiastica; attuale posizione giuridica internazionale della Santa Sede con un' appendice sulla Questione Romana; Roma, 1903.

Planck, Geschichte des Papstthums in den Abendländischen Kirchen (Geschichte der Christlich-kirchlichen Gesellschafts-Verfassung). Hannover, 1803—1809.

Pradier-Fodéré, Cours de droit diplomatique. Paris, 1881.

——— Traité de droit international public européen et américain. Paris, 1885.

Pressensé (E. de), Histoire des trois premiers siècles de l'Église Chrétienne. Paris, 1858—77.

Preuss, Gemeinde, Staat, Reich, als Gebietskörperschaften. Berlin, 1889.

Ranke (Leopold), Weltgeschichte Bd. 1—8. Leipzig, 1881—1888.

Raumer (Friedrich) Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. Leipzig, Bd. I—VI, 1823—25. 2 Aufl. 1840—42

Raynaldi, Annales Ecclesiastici (editio Lucae, typis Leonardi Venturini, MDCCL).

Rehm, Allgemeine Staatslehre (Handbuch des Oeffentlichen Rechts. Einleitungsband, 1899).

Resch (Peter), Das Papstthum und das Völkerrecht. Leipzig, 1889.

Reuchlin (Hermann), Geschichte Italiens von der Gründung der Regierenden Dynastien bis zur Gegenwart, Bd. I—IV. Leipzig, 1859-73. Изъ коллекціи Staatengeschichte der neuesten Zeit, Bd. 3, 4, 5, 16, 18.

Richter, Lehrbuch des katholischen und Evangelischen Kirchenrechts, VI Aufl. besorgt von Dove. Leipzig, 1867.

Ritter (Paul), Die Sonderrechte der deutschen Staaten und die Reichsverfassung, Königsberg, 1899.

Rivier (Alphonse), Principes du droit des gens. Paris, 1896.

Rocquain (Félix), La cour de Rome et l'esprit de réforme avant Luther. Paris, 1893.

——— l'Esprit révolutionnaire avant la révolution 1715—1789. Paris 1878.

Rolin-Jaequemyns, La guerre actuelle dans ses rapports avec le droit international. Gand, 1870.

Roma e l'Italia e la realtà delle cose; pensieri di un prelato italiano con la risposta d'un cattolico italiano alle critiche d'alcuni periodici (Estratto dal fascicolo del 1 marzo 1889, della Rassegna Nazionale. Firenze, 1889.—Анонимъ).

Rönne, Das Verfassungsrecht des Deutschen Reiches. Leipzig, 1872.

Rosellis (Antonius), Monarchia sive tractatus de potestate imperatoris et papae (Goldast, l. c., T. I, p. 252 ss.).

Rosin, Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung (Hirth's Annalen, 1883).

Rotteck (Karl v.). Concordate (см. Das Staats-Lexikon. Encyklopädie der sämmtlichen Staatswissenschaften fur alle Stände. Herausgegeben von Karl v. Rotteck und Karl Welcker. 3 Aufl. Leipzig, 1859. Bd. III, S. 731 ff),

Rymer (Thomas), Foedera, conventiones, litterae, et acta publica inter Reges Angliae et alios quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes ...ab anno 1101 ad nostra usque tempora habita aut tractata. Editio secunda, Londinii, 1727—1728 (XVII Vol. доходитъ до 1625 г.).

Sarwey (Dr. v.), Ueber die rechtliche Natur der Concordate (Dove's Zeitschrift für Kirchenrecht, Bd. II, 1862, S. 437 ff., Bd. III, 1863, S. 267 ff.).

Scaduto (Francesco), Guarentigie pontificie e relazioni fra stato e chiesa (legge 13 maggio 1871); storia, esposizione e giurisprudenza, critica, documenti, bibliografia. Torino, 1889.

Schiappoli, Manuale del diritto ecclesiastico. Torino, 1902.

Schmidt (Bruno), Der schwedisch-mecklenburgische Pfandvertrag über Stadt und Herrschaft Wismar. Leipzig, 1901.

——— Ueber einige Anspruche auswärtiger Staaten auf gegenwärtiges deutsches Reichsgebiet. Leipzig, 1894.

Schmitz, Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren. Düsseldorf, 1898.

Schneller, Die Staatsrechtliche Stellung Bosnien und der Herzogowina. Leipzig, 1892.

Schollenberger, Grundriss des Staats-und-Verwaltungsrechts der Schweizerischen Kantone. Zürich, 1898—1900.

Schulze, (Hermann) Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. Leipzig, 1880, 81.

Schwarzlose, Die Patrimonien der Römischen Kirche bis zur Gründung des Kirchenstaates. Berlin, 1888.

Seydel (Max), Bayerisches, Staatsrecht, 1884.

——— Hirth's Annalen, 1876.

——— Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1872.

Simoni (Ermenegildo), Mazzini, Histoire des conspirations Mazziniennes. Paris, 1869.

Simson (Bernhard), Die Entstehung der pseudo-isidorischen Fälschungen. Leipzig, 1886.

Soderini (Edoardo), La sovranità del Papa presa ad esame in occasione della vertenza Theodoli-Martinucci (Rassegna Italiana, Dicembre 1882).

——— Rome et le gouvernement italien (1870 a 1894), précédé d'une introduction par le Chevalier Mac Swiney. Paris et Poitiers, 1895.

Sohm, Begriff des Forderungsrechts (Grünhut's Zeitschrift, 1877 Bd. IV).

Soria (Diego), Histoire générale de l'Italie de 1846 à 1850. Paris, 1859.

Spalaïkovitch, La Bosnie et l'Herzégovine (Étude d'histoire diplomatique et de droit international). Paris, 1897.

Spittler (Ludw. Timoth. Freiherr von), Grundriss der Geschichte der Christlichen Kirche (in der 5. Aufl.).

Stoerk, Staatsunterthanen und Fremde (Holtzendorff's Handb. des Völkerrechts, Bd. II).

Strodl, Ueber concordate, deren internationale und kirchliche Bedeutung im allgemein, über das bayerische und oesterreichische concordat insbesondere. Schaffhausen, 1868.

Sugenheim, Geschichte der Entstehung und Ausbildung des Kirchenstaates. Leipzig, 1854.

Surville (M. F.), Le Pape institué légataire universel en qualité de chef visible de l'Église catholique (Revue cretique de législation et de jurisprudence, 1894, XXIII, p. 266 ss).

Tarquini (Camillo), Juris Ecclesiastici publici institutiones, Editio XIV, Roma, a. MDCCCXCII.

Theiner, Codex diplomaticus dominii temporalis S. Sedis. Roma, 1862.

Tosti (L.), La conciliazione. Roma, 1887.

Tschackert (Paul), Peter von Ailli (zur Geschichte des grossen abendlandischen Schisma und der Reformconcilien von Pisa und Constanz, Gotha, 1877.

Ullmann, Völkerrecht (Handbuch des Oeffentlichen Rechts, I. II. 2, Zweite Aufl. Freiburg. i. B. 1898).

Ulloa, Guerre de l'indépendance Italienne en 1848 et en 1849. Paris, 1859.

Vercamer, Des franchises diplomatiques et spécialement de l'exterritorialité (Étude de droit international et de législation comparée). Paris, 1891.

Vogué (Eugène-Melchior), Le Vatican, les Papes et la civilisation (Epilogue). Paris, 1895.

Waitz (Georg), Grundzüge der Politik. Kiel, 1862.

Walter. Lehrbuch des Kirchenrechts aller Christlichen Confessionen; XIV Ausgabe besorgt von Hermann Gerlach. Bonn, 1871.

Van Duerm, Vicissitudes politiques du pouvoir temporel des Papes de 1790 à nos jours. Lille, 1890.

Wattenbach, Geschichte des Römischen Papstthums. Berlin, 1876.

Vering, Lehrbuch des katholischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechts mit besonderen Rucksicht auf Deutschland, Oesterreich und die Schweiz (dritte Auflage), Freiburg i. B. 1893.

Westerkamp (Justus), Ueber die Reichsverfassung. Hannover, 1873.

Woolsey, Introduction to the study of international law. New Jork, 1874.

Zaccone, Histoire des sociétés secrètes politiques et réligieuses. Paris 1848—49.

Zanichelli (Domenico), Monarchia e Papato in Italia. Bologna, 1889.

Zitelmann (Ernst) Internationales Privatrecht. Leipzig, 1897.

Zocchi (Gaetano), Papa e Re, ossia le teoriche di conciliazione politico-religiosa). Prato, 1884.

Zorn (Philipp), Das Staatsrecht des deutschen Reiches. Berlin und Leipzig, 1880.

——— Lehrbuch des Kirchenrechts (Handbibliothek des Öffentlichen Rechts). Stuttgart, 1888.

Quaritsch, Compendium des Europaischen Völkerrechts, Berlin, 1875.

Больтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи (перев. съ англ. Н. Кончевской. изд. Скирмунта). Москва, 1901.

Вызинскій, Папство и священная римская имперія въ XIV и XV столѣтіяхъ. Москва, 1857.

Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. С.-Петербургъ, 1891,

Дайси, Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Перев. съ 3-го англ. изд. О. В. Полторацкой, подъ ред. Павла Г. Виноградова. С.-Петербургъ, 1891.

Дрэперъ (Джонъ Вильямъ), Исторія умственнаго развитія Европы, (Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Изданіе третье, О. И. Бакста). С.-Петербургъ, томъ первый, 1873. Томъ второй, 1874.

Корелинъ, Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. С.-Петербургъ, 1901.

Коркуновъ (Н. М.), Русское государственное право. С.-Петербургъ, 1897—99.

Ланфрэ, Политическая исторія папъ (перев. съ франц.). С.-Петербургъ, 1870.

Мартенсъ, (Ф. Ф.), Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. С.-Петербургъ, 1874.

———, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ С.-Петербургъ, 1895—96.

Надлеръ (Ф. Ф.), Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (1789—1815), изданныя въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула. Харьковъ, 1898.

Налимовъ, Вопросъ о папской власти на Констанцкомъ соборѣ. С.-Петербургъ, 1890.

Незабитовскій, Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи (см. въ его „Собраніе сочиненій“ 1884 г.).

Паліенко (Н. И.), Суверенитетъ; историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе. Ярославль, 1903.

Петровъ, Лекціи по всемірной исторіи (изданныя подъ редакціей проф. В. К. Надлера; въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула). Харьковъ, 1888—94.

Поповъ (А. Н.), Римъ въ 1847—1848 гг. С.-Петербургъ, 1871.

Ранке (Леопольдъ), Римскіе папы въ послѣднія четыре столѣтія (перев. съ нѣмецк.). С.-Петербургъ, 1874.

———, Римскіе папы; ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Перев. съ нѣм. (Вельдбрехта). С.-Петербургъ. 1842—47.

Саблеръ, Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ (Журналъ Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, 1896, кн. VII. Сентябрь, стр. 50 сл.).

Сеньобосъ (Шарль), Политическая исторія современной Европы. 1814—1898 г. Второе изд. подъ редакц. В. Поссе. С.-Петербургъ, 1899.

Соренъ (Элн), Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора Эммануила; перев. съ франц. Чепинской. Приложеніе: очеркъ послѣдующихъ событій до нашихъ дней. Составилъ В. В. Водовозовъ. С.-Петербургъ, 1898.

Тарле, Исторія Италіи въ новое время, изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ, 1901.

Таубе (Бар. М. А.), Исторія зарожденія современнаго международнаго права. С.-Петербургъ, 1894.

Фриманъ (Эдуардъ), Методы изученія исторіи. Главные періоды Европейской исторіи. Перев. П. Николаева. Москва. 1893.

Чичеринъ (Б. Н.), Исторія политическихъ ученій, Ч. 1—IV. Москва 1869, 72, 74, 77. 2-е изд. Ч. I. М. 1903.

———, Курсъ государственной науки. Москва, 1894—98.

Шалландъ, Юридическая природа территоріальнаго верховенства (Историко-догматическое изслѣдованіе) т. I. С.-Петербургъ, 1903.

Янусъ, Папа и соборъ (русскій перев. Ладинскаго). Берл. Спб. 1870. (Janus псевдонимъ Joh. Jos. Ignaz Döllinger).

Эйхельманъ, Военное занятіе непріятельской страны. Ярославль, 1879.